

ФЕСТИВАЛЬ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ
«ПОЛЕ ЗРЕНИЯ» / "IN SIGHT: WITHIN THE
RANGE OF THE VISIBLE" ESHKOLOT'S SIXTH
FESTIVAL OF JEWISH TEXTS AND IDEAS

ПРОЕКТ «ЭШКОЛОТ»: ИДЕИ НА ПРОБУ /
ESHKOLOT: A TASTE OF IDEAS

/ АНТОЛОГИЯ ТЕКСТОВ К ФЕСТИВАЛЮ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ «ПОЛЕ ЗРЕНИЯ»

/ READER FOR "IN SIGHT: WITHIN THE RANGE OF THE VISIBLE" ESHKOLOT'S SIXTH FESTIVAL OF JEWISH TEXTS AND IDEAS

www.eshkolot.ru

«ЭШКОЛОТ» / ESHKOLOT
МОСКВА, ДЕКАБРЬ 5–8, 2013 / MOSCOW, DECEMBER 5–8, 2013

ФЕСТИВАЛИ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ ПРОВОДЯТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
THE GENESIS PHILANTHROPY GROUP, THE ROTHSCHILD FOUNDATION (HANADIV) EUROPE,
CAF И ФОНДА АВИ ХАЙ /

THE ESHKOLOT FESTIVALS ARE SUPPORTED BY THE GENESIS PHILANTHROPY GROUP,
THE ROTHSCHILD FOUNDATION (HANADIV) EUROPE, CAF AND THE AVI CHAI FOUNDATION

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «КИНЕМАТОГРАФ» / CINEMA TRACK 3

МАЙМОНИД. ПУТЕВОДИТЕЛЬ РАСТЕРЯННЫХ / MAIMONIDES. THE GUIDE FOR THE PERPLEXED	5
ФРИДРИХ ШЛЕЙЕРМАХЕР. ГЕРМЕНЕВТИКА / FRIEDRICH SCHLEIERMACHER. HERMENEUTICS	8
РОЛАН БАРТ. ТРЕТИЙ СМЫСЛ / ROLAND BARTHES. THE THIRD MEANING	15
ЖАК ДЕРРИДА. ФАРМАЦИЯ ПЛАТОНА / JACQUES DERRIDA. PLATO'S PHARMACY	23
ЖИЛЬ ДЕЛЁЗ, ФЕЛИКС ГВАТТАРИ. ТЫСЯЧА ПЛАТО / GILLES DELEUZE, FELIX GUATTARI. A THOUSAND PLATEAUS	29
ОЛЕГ АРОНСОН. ЯЗЫК ВРЕМЕНИ / OLEG ARONSON. THE LANGUAGE OF TIME	37

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «ЖИВОПИСЬ» / PAINTING TRACK 51

БЫТИЕ / GENESIS 1–3	53
БЫТИЕ / GENESIS 24,10–28; 59–67	64
БЫТИЕ / GENESIS 29, 9–12	67
ИСХОД / EXODUS 2, 1–10; 16–21	68
I КНИГА ЦАРСТВ / I SAMUEL 25	70
ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ / SONG OF SONGS	74
КНИГА РУФИ / RUTH	93
КНИГА ДАНИИЛА / DANIEL 13	102
КНИГА ТОВИТА / TOBIT	106
КНИГА ИУДИФИ / JUDITH	124
ВТОРАЯ МАККАВЕЙСКАЯ КНИГА / II МАССАВЕЕС 7	152

/ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «ПСИХОЛОГИЯ» / PSYCHOLOGY TRACK 155

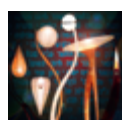
ЗИГМУНД ФРЕЙД. ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ / SIGMUND FREUD. THE INTERPRETATION OF DREAMS	157
ТЕКСТЫ ИЗ РАВВИНИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ / TEXTS FROM RABBINIC LITERATURE	208

/ МАТЕРИАЛЫ К СУББОТНЕЙ ПРОГРАММЕ / SHABBAT PROGRAM 217

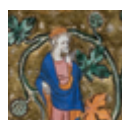
УААКОВ MAZOR. HASIDISM: MUSIC	219
-------------------------------	-----

/ МАТЕРИАЛЫ К КИНО-МИДРАШУ / CINEMA-MIDRASH 223

КНИГА ЕСФИРИ / ESTHER	225
-----------------------	-----

/ ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ПОТОКУ «ЖИВОПИСЬ» / VISUAL MATERIALS FOR PAINTING TRACK 253

Проект «Эшколот» выражает признательность фондам Avi Chai, Rothschild Foundation (Hanadiv) Europe, Genesis Philanthropy Group, the Charities Aid Foundation (CAF), а также частным/анонимным спонсорам, за поддержку Фестиваля медленного чтения и других программ. Проект «Эшколот» выражает особую благодарность Давиду Розенсону, директору Beit Avi Chai в Иерусалиме, и Сане Бритавски, директору Genesis Philanthropy Group, которые совместными усилиями сделали Фестиваль медленного чтения в Москве возможным.

Eshkolot gratefully acknowledges the support of the Avi Chai Foundation, the Rothschild Foundation (Hanadiv) Europe, the Genesis Philanthropy Group, the Charities Aid Foundation (CAF) and private/anonymous sponsors. In particular, Eshkolot would like to thank David Rozenson, the Executive Director of Beit Avi Chai in Jerusalem, and Sana Britavsky, the Executive Director of the Genesis Philanthropy Group, whose joint efforts ensured that Eshkolot's Festival in Moscow became a reality.

THE ROTHSCHILD
FOUNDATION
(HANADIV) EUROPE

CAF Charities Aid
Foundation

www.eshkolot.ru

Путеводитель растерянных

Введение к первой части

...Не обратил ли ты внимания на следующее: Бог (да превознесется Его Имя!) пожелал привести нас к совершенству и улучшить состояние наших сообществ посредством законов, относящихся к действию; это стало возможным только после того, как мы обрели [некоторые] интеллектуальные убеждения, и, в первую очередь, постигли Его, да превознесется Он, насколько это в наших силах, что, в свою очередь, невозможно было без Божественной науки. Но эта Божественная наука может быть усвоена только после науки о природе, поскольку наука о природе граничит с наукой о Божестве и предшествует ей по времени обучения, — как ясно всякому, кто теоретически изучал этот [вопрос]. И потому Он, Превознесенный, начал Свою Книгу с *Учения о Начале*, представляющего собой, как мы разъяснили, науку о природе.

И по причине величественности этого предмета и превознесенности его, из-за неспособности нашей постичь сей наивеличайший предмет таким, каков он есть, были возведены те глубокие знания (возвешение коих было вызвано необходимостью, определяемой Божественной мудростью) в форме аллегорий и загадок, в чрезвычайно темных речениях. Сказали благословенной памяти [мудрецы]: «Явить человеку из плоти и крови всю мощь Начального творения невозможно и потому Писание говорит тебе словами, скрывающими тайну: «В начале сотворил Бог...» (Быт. 1:1)» (Мидраш Шней Ктувим // Батей Мидрашот, I, с. 251). Здесь дано тебе указание, что приведенные слова *скрывают тайну*; как сказано в известном тебе изречении Соломона: «Далеко то, что было; глубоко, глубоко — кто постигнет это?» (Эккл. 7:24). И речь обо всем этом ведется многозначными выражениями, дабы толпа восприняла их в смысле, соответствующем мере ее понимания и слабости ее интеллектуальных представлений, а совершенный, обретший знание, воспринял бы их в другом смысле.

Уже в комментарии к *Мишне* мы обещали посвятить разъяснению удивительных предметов «Книгу пророчества», а также «Книгу соответствия», где мы намеревались дать истолкование всех затруднительных мест в *мидрашах*, внешний смысл которых находится в резком противоречии с истиной и разладе с умопостигаемым и которые все являются аллегориями. Однако, когда много лет тому назад мы принялись за эти книги и некоторая часть их была написана, нас не удовлетворили те разъяснения, кои мы начали составлять, следуя такому пути. Ибо увидели мы, что если сохраним аллегоризм и сокрытие того, чему подобает быть сокрытым, то получится, что мы не изменили исходной ситуации, а словно бы заместили один предмет на другой, относящийся к тому же виду. Если же мы будем объяснять то, что следует объяснить, то это [сочинение] окажется неподходящим для широкой публики, а ведь мы как раз ей и желали разъяснить значение *мидрашей* и внешний смысл пророчеств.

Кроме того, мы увидели, что когда невежда из раввинских масс изучает эти *мидраши*, он не находит в них ничего затруднительного, ибо невежда и глупец, лишенный знаний о природе сущего, не отвергает невозможного. Если же [*мидраши*] будет изучать совершенный и достойный, то с неизбежностью произойдет одно из двух: он либо воспримет оные в их внешнем смысле и составит неблагоприятное мнение об их авторе, сочтя его глупцом, в чем, впрочем, не будет подрыва основ веры; либо он предположит в них внутренний смысл; в этом случае он избежит [несправедливого суждения] и сможет придерживаться благоприятного мнения о говорящем, вне зависимости от того, ясен ли ему внутренний смысл речения или нет.

Что же касается смысла пророчества, описания различных ступеней его и истолкования аллегорий, встречающихся в [пророческих] книгах, — все это будет изложено в сем трактате иным образом. Посему мы прекратили составление тех двух книг в их исходном виде и ограничились упоминанием основ веры и общих принципов истинного знания, которых мы коснулись кратко, прозрачными намеками в нашем большом халахическом сочинении «*Мишне Тора*».

В данном же трактате, как уже упоминалось, я обращаю свою речь к тому, кто занимался философией и изучал истинные науки и при этом верует в слова Закона, но ощущает растерянность по поводу их значений, в тех случаях, когда неясные выражения и аллегории вызывают таковую. В настоящем трактате встречаются главы, где нет упо-

минания никаких многозначных имен: такая глава является либо введением к другой, либо указанием на один из смыслов многозначного имени, которое я в этом месте не желал упоминать явно; либо же будет эта глава разъяснять какую-либо из аллегорий, либо указывать на то, что некоторый текст является аллегорией; возможно, глава эта будет касаться удивительных предметов, относительно которых возникают убеждения, противоположные истине, из-за многозначности имен или из-за того, что аллегорическое изображение было взято как аллегорически изображаемое или аллегорически изображаемое было взято как аллегорическое изображение.

И коль скоро зашла речь об аллегориях, выскажем следующие предварительные замечания. Знай, что ключом к пониманию всего, сказанного пророками (да будет мир над ними!), к познанию его истинной сути служит понимание того, что представляют собой их аллегии и каков их смысл, а также истолкование свойственных им способов выражения. Тебе известны слова Его, да превознесется Он: «И через пророков изъяснялся Я уподоблениями» (Ос. 12:11), — известны и слова Его: «Загадай загадку и скажи притчу» (Иез. 17:2). Также известно тебе, как, имея в виду то, что пророки часто используют притчи, сказал пророк: «они говорят обо мне: не рассказывает ли притчи он?» (Иез. 21:5). Известно тебе речение, которым Соломон открывает [свою книгу]: «...чтобы понять притчу и замысловатую речь, слова мудрецов и загадки их» (Прит. 1:6).

Говорится в Мидраше: «На что были похожи слова Торы до того, как появился Соломон? На глубокий колодец со студеной водой, никому не удавалось испить из него. Что же сделал один мудрец? Он связал веревку с веревкой, шнур со шнуром, зачерпнул и испил. Так Соломон присоединял притчу к притче, слово к слову до тех пор, пока не достиг слов Торы» (Шир а-ширим рабба I, 8). Такова дословно их речь.

Не думаю, что хотя бы один человек с неповрежденными умственными способностями может вообразить, будто упомянутые здесь «слова Торы», для понимания которых пришлось прибегнуть к приему, состоящему в уяснении смысла притч, — это законы об устройстве *кущей*, о *луаве* или закон о *четырёх видах хранителей*; но без всякого сомнения, здесь подразумевается понимание глубоких материй.

Там же написано: «Говорят наши учителя: Тот, у кого потерялась дома села или жемчужина, зажигает фитиль ценой в исар и находит жемчужину; так и притча сама по себе — ничто, но благодаря притче становятся слова Торы яснее зримыми» (Шир а-ширим рабба I, 8). Это также дословная цитата. Вдумайся в ясные слова [мудрецов] *благословенной памяти*: внутренний смысл «слов Торы» — это «жемчужина», а внешняя сторона любой аллегии — «сама по себе ничто». Они уподобили сокрытие аллегорически изображаемого смысла во внешнем плане аллегии потере жемчужины в темном доме; дом полон всевозможной утвари, так что, хотя и жемчужина находится здесь, однако [человек] не видит ее и не ведает, где она. Она словно бы оказалась за пределами его владения, ведь он никоим образом не может воспользоваться ею до тех пор, пока, как было упомянуто, он не зажжет светильник, что соответствует пониманию смысла аллегии.

Сказал мудрец: «Золотые яблоки с серебряным украшением (לִישָׁן) — слово сказанное разумно» (Прит. 25:11). Выслушай разъяснение мысли, которую он здесь высказал. [Слово] לִישָׁן означает ажурные резные украшения, то есть такие, в которых есть места, усеянные мельчайшими отверстиями, как это делают ювелиры. Такое название дано им из-за того, что они проницаемы для взора: Таргум передает רַחֵץ (“и взглянул”) как יִשָּׁח. Итак, здесь говорится, что золотому яблоку в серебряной сетке с чрезвычайно мелкими ячейками подобно слово, сказанное в двух смыслах.

Воззри, сколь дивно это изречение описывает мудро устроенную аллегию! Ведь, как здесь говорится, речению, наделенному двумя ликами (я имею в виду то, что в нем есть и внешнее и внутреннее), подобает, чтобы наружный вид его был прекрасен, как серебро, а внутренний смысл был прекраснее внешнего смысла, так, чтобы внутренний смысл в сравнении со внешним был как золото в сравнении с серебром. Подобает также, чтобы во внешней стороне аллегии имелось бы нечто, дающее внимательному наблюдателю указание на то, что скрыто внутри, — подобно тому, как это золотое яблоко, покрытое серебряной сеткой с мельчайшими ячейками, если смотреть на него издали или не слишком внимательно, можно принять за серебряное; если же обладатель зоркого взгляда всмотрится в него чрезвычайно пристально, ему станет ясно, что находится внутри, и он узнает, что оно — золотое.

Таковы созданные пророками (да будет мир над ними!) аллегии: их внешний смысл — мудрость, полезная во многих областях, в том числе для улучшения состояния человеческих сообществ, как это явно видно на примере внешнего смысла книги *Притчей* и тому подобного; а внутренний смысл — мудрость, приносящая пользу в деле обретения истинных убеждений в их истинности.

И знай, что пророческие аллегии бывают двух типов: в некоторых аллегиях каждое слово фиксирует некоторое понятие; в других — только вся аллегия в целом выражает все аллегоризируемое понятие в целом; в этой аллегии может быть очень много слов, не всякое из которых добавляет что-либо аллегорически изображаемому понятию, но, быть может, служит либо украшению аллегии, либо упорядочению ее речений, либо цели еще большего сокрытия подразумеваемого, для чего речения ее последовательно приводятся в соответствие со всем тем, что вытекает из внешнего смысла этой аллегии. Уразумей это хорошенько.

Пример пророческой аллегии первого вида — следующее изречение: «Вот лестница, поставленная на земле, [а вершина ее достигает неба, и вот ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит при нем]» (Быт. 28:12-13). Здесь слово «лестница» указывает на определенное понятие, слова «поставленная на земле» — указывает на другое понятие, слова «а вершина ее достигает неба» — на третье понятие, слова «и вот ангелы Божии» —

на четвертое, «восходят» — на пятое, «нисходят» — на шестое, слова «и вот, Господь стоит при нем» — на седьмое. Выходит, что каждое выражение, встречающееся в этой аллегории, выражает дополнительный понятийный аспект аллегоризируемого целого.

Пример же пророческой аллегории второго вида — такой текст (Прит. 7:6-21):

Потому, что я выглянул из окна дома моего, сквозь решетку мою. И увидел среди простаков, заметил между молодыми людьми неразумного юношу, переходившего улицу близ угла ее и шедшего по дороге к дому ее. В сумерки, на исходе дня, в ночной темноте и мраке. И вот — навстречу ему женщина, в одежде блудницы, с коварным сердцем. Шумлива она и необузданна; [ноги ее не бывает в доме ее] то на улице, то на площадях [и у каждого угла делает она засаду]. И схватила его [целовала его, с бесстыдным лицом говорила ему] «Я должна была принести мирную жертву; [сегодня я совершила обеты мои]. Поэтому я вышла навстречу тебе [искать лица твоего, и я нашла тебя]. Коврами устлала [я постель мою, прекрасными коврами египетскими]. Я надушила постель [мою смирною, алоем и корицею]. Зайди, уьемся любовными ласками [до утра, найдем радость в любви]. Потому что мужа нет дома; [он ушел в далекий путь,] кошелек с деньгами взял с собою [в назначенный день возвратится он в дом свой]». Она увлекла его множеством привычных ей слов, льстивою речью своею она соблазнила его.

Суть этого текста в целом — предостережение против погони за плотскими удовольствиями и [предметами] вожделений. Поэтому уподобил [Соломон] материю, причину всех этих плотских вожделений, *блуднице*, которая в то же время является *мужней женой*. На такой аллегории построил он всю свою книгу; в некоторых главах сего трактата мы будем разъяснять мудрость того, что он уподобил материю *блудодействующей мужней жене*; объясним, почему завершил он свою книгу хвалой *женщине*, которая не является *блудницей* и ограничивает себя заботой о благополучии своего дома и благосостоянии мужа. Ибо все препятствия, не позволяющие человеку достигнуть конечного совершенства, все недостатки, сопутствующие человеку, и все прегрешения сопутствуют ему только из-за его материи, как мы разъясним в настоящем трактате. К этому общему выводу приводит понимание данной аллегории в целом — я имею в виду [вывод о том], что человек не должен следовать только своей животной природе, то есть материи, ведь ближайшая материя человека представляет собой то же самое, что и ближайшая материя других живых существ.

И коль скоро я разъяснил тебе это и раскрыл тайну этой аллегории, ты не должен питать надежды [будто найдешь соответствие всем подробностям аллегории в обозначаемом ею], спрашивая о том, что подразумевается в речении: «Я должна была принести мирную жертву; сегодня я совершила обеты», какой смысл заключен в словах: «Коврами устлала я постель свою», и какой добавочный смысл привносят во все это слова: «Потому что мужа нет дома». То же относительно прочих подробностей, упомянутых в *тексте*. Ибо все это служит связности изложения соответственно внешнему смыслу аллегории; и как ситуация, изображенная в ней, типична для поведения прелюбодеев, так и речи — такие же или подобные им — являются типичными для разговоров между прелюбодействующими.

Герменевтика

// Опубликовано в альманахе «Общественная мысль», 1993 г., вып. IV

1. Герменевтика как искусство понимания еще не существует в общем виде, а существует лишь несколько специальных герменевтик¹.

1) Имеется в виду только искусство понимания, а не искусство изложения понятого. Последнее является специальной частью искусства говорить и писать, зависящей от общих принципов.

2) Но также не только понимания трудных мест на чужом языке. Наоборот, знакомство с предметом и языком предполагается. Если есть то и другое, то места становятся трудными потому, что не поняты и более легкие. Только понимание по правилам искусства постоянно сопровождает речь и письмо.

3) Обычно считают, что в отношении общих принципов можно положиться на здравый человеческий рассудок. Но тогда в отношении особенных принципов можно положиться на здоровое чувство...

2. Очень трудно определить место общей герменевтики.

1) Одно время она вообще рассматривалась как приложение к логике; это прекратилось, когда отказались от всего прикладного в логике. Философ как таковой не имеет никакой склонности к занятию этой теорией, ибо он редко стремится понять самого себя, но верит в необходимость быть понятым.

2) Филология в ходе нашей истории стала представлять собой нечто позитивное. Поэтому ее способ рассмотрения герменевтики также является лишь агрегатом наблюдений.

3. Так как искусство говорить и искусство понимать противостоят друг другу, а речь является лишь внешней стороной мышления, то герменевтика существует в связи с искусством мыслить и, следовательно, является философией...

1) Противоположность искусства говорения и искусства истолкования состоит в том, что последнее зависит от композиции и предполагает ее. Параллелизм же существует в том, что там, где речь безыскусна, никто и не нуждается в ней для понимания.

4. Речь опосредует общность мышления; этим объясняется принадлежность риторики и герменевтики друг другу и их общее отношение к диалектике.

1) Речь опосредует, конечно, и мышление отдельного человека. Мышление осуществляется благодаря внутренней речи; поэтому речь является лишь осуществившимся мышлением. Но там, где мыслящий считает необходимым зафиксировать мысль для самого себя, там возникает искусство речи, преобразование первоначального мышления; поэтому становится необходимым и истолкование.

2) Принадлежность друг другу герменевтики и риторики состоит в том, что любой акт понимания есть перевертывание акта речи, благодаря которому осознается, какое мышление лежало в основе речи.

3) Связь обеих с диалектикой состоит в том, что любое становление знания зависит от речи и понимания.

5. Так же, как любая речь имеет двойственное отношение к общности языка и совокупному мышлению ее инициатора, так и любое понимание состоит из двух моментов — понимания речи как извлеченной из языка и понимания ее как факта в мыслящем.

1) Любая речь предполагает данный язык. Хотя это можно и перевернуть — не только для абсолютно первой речи, но и для всего речевого процесса, ибо язык становится действительным благодаря говорению, — но сообщение в любом случае предполагает общность языка, т.е. определенное его знание. Если что-то возникает между

---

¹ Вводная часть «Компендиумного изложения 1819 г.» Перевод с некоторыми сокращениями сделан по изданию Fr.D.E. Schleiermacher Hermeneutik. Nach den Handschriften neu herausgegeben und emgeleitet von H. Kimmeler. Zw., verbes. und era. Ajflage Heidelberg. 1974.

непосредственной речью и сообщением, т.е. начинается искусство речи, то это основывается отчасти на опасении, что нечто в нашем употреблении языка могло бы быть чуждым для слушающего.

2) Любая речь основывается на более раннем мышлении, что также можно перевернуть; в отношении сообщения это остается истинным, ибо искусство понимания начинает действовать лишь при прогрессивно развивающемся мышлении.

3) Поэтому любой человек, с одной стороны, является местом, в котором своеобразным образом формируется данный язык, и его речь следует понимать, исходя из тотальности языка. Но, с другой стороны, он является также постоянно развивающимся духом, и его речь является лишь фактом этого духа в связи со всеми прочими.

6. Понимание является лишь взаимодействием обоих этих моментов.

1) Речь не понята и как факт духа, если она не понята как языковое обозначение, ибо прирожденность языка модифицирует дух.

2) Она не понята и как модификация языка, если не понята как факт духа, ибо в последнем находится причина всех влияний отдельного человека на язык, который сам развивается благодаря речи.

7. Оба момента совершенно одинаковы по отношению друг к другу, и было бы неправильно называть грамматическую интерпретацию низшей, а психологическую — высшей.

1) Психологическая интерпретация является высшей, если язык рассматривается лишь как средство, благодаря которому человек сообщает свои мысли; грамматическая интерпретация сводится тогда только к устранению временных затруднений.

2) Грамматическая интерпретация является высшей, если язык рассматривается постольку, поскольку он обуславливает мышление отдельного человека, а отдельный человек лишь как место для языка, его речь — лишь как то, в чем он обнаруживает себя. Вследствие этого психологическая интерпретация совершенно подчиняется грамматической, как и наличное бытие отдельного человека вообще.

3) Из этой двойственности само собой следует совершенное равенство.

8. Абсолютное разрешение задачи имеет место тогда, когда каждая сторона рассматривается в отдельности таким образом, что рассмотрение другой не вызывает изменения в результате; или когда каждая сторона, рассмотренная в отдельности, совершенно замещает другую.

1) Эта двойственность необходима, даже если любая сторона замещает другую вследствие п. 6.

2) Но любая сторона является совершенной лишь тогда, если она делает другую излишней, в то же время содействуя тому, чтобы ее конструировать, ибо язык может быть изучен только благодаря тому, что понимается речь, а внутренняя связь человека, как и способ, каким на него воздействует внешнее, может быть понята, лишь исходя из его речи.

9. Истолкование есть искусство.

1) Каждая сторона является им в отдельности, ибо для нее существенно конструирование определенного конечного из неопределенного бесконечного. Язык есть бесконечное, ибо любой его элемент особым образом определяется остальными. Это относится и к психологической стороне, ибо любое созерцание индивидуального является бесконечным, а воздействие на человека извне также постепенно уменьшается вплоть до бесконечности. Такое конструирование не может осуществляться только посредством правил, заключающих в себе гарантию их применения.

2) Чтобы была завершена грамматическая сторона истолкования, необходимо совершенное знание языка; в другом случае — совершенное знание человека. Так как ни того, ни другого никогда не может быть, то следует переходить от одной стороны истолкования к другой, а как именно, — для этого нельзя дать никаких правил.

10. Удачное осуществление искусства истолкования основывается на языковом таланте и на таланте познания отдельного человека.

1) Под первым мы понимаем не ту легкость, с какой изучаются чужие языки, — различие между родным и чужим языком здесь пока что не принимается во внимание, — понимание языка, чувство аналогии и дифференциации и т.д. Можно подумать, что благодаря этому риторика и герменевтика всегда совпадают. Однако, если герменевтика нуждается в одном таланте, то риторика, со своей стороны, — в другом, т.е. обе они нуждаются не в одном и том же. Языковой талант, во всяком случае, является общим, однако герменевтика развивает его иначе, чем риторика.

2) Знание человека здесь состоит главным образом в знании субъективного элемента в комбинировании мыслей. Поэтому столь же мало совпадают герменевтика и художественное изображение человека. Однако большое число герменевтических ошибок имеет основание в недостатке этого таланта или его применения.

3) Поскольку оба эти таланта представляют собой общие естественные способности, постольку и герменевтика является общим делом. Если у кого-нибудь отсутствует талант к какой-либо одной стороне истолкования, он оказывается несостоятельным как интерпретатор; другой талант может ему служить лишь для правильного выбора из того, что ему предлагают другие интерпретаторы в отношении соответствующей стороны истолкования.

11. Не всякая речь в равной степени является предметом искусства истолкования. Одна речь имеет для него нулевую ценность, другая — абсолютную; в большинстве случаев речь находится посредине этих крайних точек.

1) Нулевую ценность имеет то, что не представляет интереса как какое-либо дело и что не имеет значения для языка. В такой речи язык проявляет себя лишь в непрерывности повторения. Но одно лишь повторение того, что уже было, само по себе есть ничто. Однако этот нуль является не абсолютным ничто, а лишь минимумом, который, развиваясь, приобретает значение.

2) На любой стороне истолкования имеется максимум; а именно в грамматическом отношении это то, что является наиболее продуктивным и наименее повторяемым, т.е. классическим. С психологической стороны это то, что является наиболее своеобразным и наименее общим, т.е. оригинальное. Абсолютным же является лишь тождество обоих — гениальное.

3) Однако классическое не должно быть преходящим, а определять все последующее производство мыслей. Это же относится и к оригинальному. Абсолютное (максимум) также не должно быть свободным от определения более ранним и более общим.

12. Хотя обе стороны интерпретации должны применяться везде, они применяются все же в различном отношении.

1) Это следует уже из того, что то, что в грамматическом отношении не имеет значения, не обязательно должно быть таковым и в психологическом отношении; и наоборот, т.е. значительное не развивается из любого незначительного равномерно в обе стороны.

2) Минимум психологической интерпретации применяется при доминирующей объективности предмета: в чистой истории, главным образом, в частностях, ибо воззрение на историю в целом всегда окрашено субъективно; в эпосе; в деловых переговорах, которые могут относиться к истории; в строгих дидактических рассуждениях, касающихся любой области. Здесь везде субъективное не должно использоваться как момент истолкования; оно становится его результатом. Минимум грамматического истолкования при максимуме психологического имеет место в письмах, прежде всего в подлинных. Переход в них дидактического и исторического; в лирике; в полемике?

13. Нет иного многообразия в методах истолкования, кроме вышеуказанного.

1) К примеру, в результате спора об историческом истолковании Нового Завета возникло мнение, будто бы имеется несколько видов интерпретации. Историческая интерпретация является правильной, поскольку в ней выражается связь писателей Нового Завета с их эпохой. (Двусмысленные выражения. Понятия, обусловленные эпохой). Но она становится неправильной, если стремится отрицать способность христианства к образованию новых понятий, объясняя все, исходя из уже данного. Отрицание исторической интерпретации правильно, если оно касается лишь этой односторонности, и неправильно, если оно становится абсолютным. Но тогда все дело сводится к отношению грамматической и психологической интерпретации, ибо новые понятия возникают, исходя из своеобразного душевного состояния.

2) Так же неправильно полагать, что историческая интерпретация учитывает события. Познание истории должно происходить до интерпретации, ибо благодаря ему выясняется отношение между говорящим и первоначальным слушателем, что всегда должно быть сделано предварительно.

3) Аллегорическая интерпретация. Это не интерпретация аллегории, где неподлинный смысл является единственным, независимо от того, лежит ли в основе истина, как в притче о сеятеле, или фикция, как в притче о богаче. Это такая интерпретация, где подлинный смысл выражается непосредственно, но где, наряду с ним, имеется еще неподлинный.

Дополнение: догматическая и аллегорическая интерпретации, гоняясь за содержательным и значительным, одинаковы в том отношении, что они хотят, чтобы их трофеи были наибольшими для христианского учения и чтобы в священных писаниях не было ничего незначительного и преходящего.

От этой интерпретации нельзя отделаться утверждением, что любая речь должна иметь лишь один-единственный смысл, такой, как его обычно определяют грамматически. Любой намек уже является вторым смыслом; кто не учитывает намек, следя за связью мыслей в целом, тот не в состоянии уловить смысл, вложенный в речь. Наоборот, кто находит намек, не содержащийся в речи, тот всегда истолковывает ее неправильно. Намек является действительным, если в ряд главных мыслей вплетается одно из второстепенных представлений, которое, по-видимому, также легко может возникнуть в другом человеке. Но второстепенные представления могут быть не только отрывочными и незначительными; так как весь мир идеально положен в человеке, то он всегда действительно мыслится им, хотя и в виде неясной, теневой картины. Параллелизм различных рядов мыслей имеется в большом и малом. Поэтому в уме каждого человека в один ряд мыслей может что-то просочиться из другого ряда: параллелизм физического и этического, музыкального и художественного. Однако это следует учитывать лишь в том случае, если неподлинные выражения дают для этого повод. То, что это имеет место, особенно у Гомера в Библии, и без такого повода, основывается на особой причине.

Дополнение: в этом месте перейти к боговдохновению. В силу большого многообразия видов представлений лучше всего сначала попытаться установить, к каким последствиям ведет самое строгое представление. Деятельность духа простирается от возникновения мыслей до акта письма. Но она не может оказать нам помощь из-за наличия вариантов. Последние же наверняка имелись еще до возникновения писаний. Здесь, следовательно, необходима критика. Уже первые читатели апостольских писем должны были абстрагироваться от мысли об их авторах и от применения к ним своих знаний и, конечно, впадали в замешательство. Если же при этом задавали еще вопрос, почему писания не возникли совершенно с помощью чуда без вмешательства людей, то можно сказать, что божественный дух избрал этот путь, так как хотел, чтобы все было сведено к соответствующим авторам. Поэтому только это может быть правильным истолкованием. Это касается и грамматической стороны. Но тогда все частности могут рассматриваться чисто человечески, а деятельность духа остается лишь внутренним импульсом.

Другие представления, из которых одно (например, предохранение от заблуждений) приписывают духу, а другое нет, — несостоятельны. Например, если признать только первое, то процесс истолкования застопоривается, а определение правильного, которое заступает место заблуждения, снова выпадает на долю автора.

Эта причина для Гомера и Ветхого Завета заключается в их уникальности, первого — в качестве произведения культуры вообще, второго — в качестве такой литературы, из которой подлечит извлечению вся последующая литература. Кроме того, обоим свойственно мифическое содержание, которое, с одной стороны, приводит к гностической философии, а с другой — к истории. Для мифа не существует никакой технической интерпретации, потому что он не может происходить от отдельного человека, а балансирование общего понимания между подлинным и неподлинным смыслом делает здесь двойственность наиболее иллюзорной. Иначе обстоит дело с Новым Заветом. По отношению к нему процедура истолкования строится на двух основаниях. Во-первых, исходя из его связи с Ветхим Заветом, к которому этот способ объяснения был применен, в следовательно, перенесен на начинающееся научное истолкование. Во-вторых, исходя из стремления — развившегося по отношению к Новому Завету в большей степени, чем по отношению к Ветхому — рассматривать в качестве автора святой дух. Святой дух не может мыслиться как конечное, изменяющееся со временем сознание; поэтому и здесь проявилась склонность к тому, чтобы в отдельном находить общее. Общие истины или отдельные предписания сами по себе удовлетворяют это истолкование, а наиболее единичное и самое незначительное вызывает его раздражение.

4) Здесь попутно возникает для нас вопрос, должны ли священные писания рассматриваться иначе в силу присутствующего им святого духа. Догматического решения вопроса о боговдохновении мы не можем принять, ибо последнее само основывается на истолковании. Мы не должны, во-первых, устанавливать различие между речами и писаниями апостолов, ибо будущая церковь должна быть построена на основе первой. Но именно поэтому, и это, во-вторых, мы не должны верить, что непосредственным предметом писаний было все христианство. Все писания ориентируются на определенных людей; и они не могли быть в будущем правильно поняты, если бы не были правильно поняты именно этими людьми. Но эти люди не могли искать в них ничего другого, кроме как определенного единичного, ибо для них тотальность должна была возникнуть из множества единичного. Мы должны, следовательно, истолковывать их именно таким образом, предположив, что, хотя авторы и были мертвыми инструментами, святой дух мог говорить через них так, как они это делали.

Дополнение: нужно ли в силу боговдохновения все относить к церкви в целом? Нет. Непосредственные адресаты должны были бы тогда все истолковывать неправильно; а святой дух действовал бы гораздо более правильно, если бы священные писания не были писаниями по случаю. Следовательно, в грамматическом и психологическом отношении все основывается на общих правилах. Но в какой степени при этом возникает специальная герменевтика, — это может быть исследовано в дальнейшем.

5) Самым пагубным отклонением в эту сторону является каббалистическое истолкование, которое, стремясь найти в любом единичном общее, обращается к отдельным элементам и их знакам. Мы видим, что же именно по своим стремлениям может быть по праву названо истолкованием. Здесь не может быть никакого другого многообразия, кроме как различия обеих указанных нами сторон.

14. Различие между истолкованием по правилам искусства и безыскусным истолкованием не основывается на различии родного и чужого языка или речи и письма, а всегда основывается на том, что одно хотят понять точно, а другое нет.

Дополнение: мы становимся на точку зрения полной противоположности безыскусного истолкования и истолкования по правилам искусства. Если хотят перейти к последнему там, где наталкиваются на трудности, то имеют дело с совокупностью единичных наблюдений. Точное понимание предполагает, чтобы всегда имелось в виду и самое легкое для понимания, ибо оно может содержать в себе ключ к пониманию будущих трудных мест.

1) Если бы искусство истолкования требовалось только для иностранных или древних сочинений, то первые читатели не нуждались бы в нем; оно основывалось бы поэтому на различии между ними и нами. Однако это различие следует сначала устранить посредством познания языка и истории; только после достигнутого равенства начинается истолкование. Различие между этими (иностранными и древними — прим, пер.) сочинениями и отечественными сочинениями того же периода состоит поэтому лишь в том, что операция уравнивания не может полностью предшествовать истолкованию, что она совершается только вместе с истолкованием и в процессе его; это следует всегда учитывать при истолковании.

2) Речь идет не только о письменных сочинениях. В противном случае искусство истолкования было бы необходимо только вследствие различия между письмом и речью, т.е. вследствие отсутствия живого голоса и нехватки каких-либо других личных воздействий. Но последние сами требуют истолкования, которое остается всегда неопределенным. Живой голос, конечно, очень облегчает понимание, и пишущий должен это учитывать. Если бы он это делал, то искусство истолкования было бы излишним; однако этого не происходит. Поэтому оно необходимо и там, где пишущий этого не делает; а это значит, что искусство истолкования необходимо не только в силу различия письма и речи.

Дополнение к п. 2): то, что искусство истолкования больше относится к письму, чем к речи, происходит потому, что в непостоянной речи нельзя использовать, в особенности, отдельные правила, которые не удерживаются в памяти.

3) Если речь и письмо находятся в таком отношении друг к другу, то не остается иного различия, чем указанное выше; а отсюда следует, что истолкование как искусство также не имеет другой цели, чем та, которая возникает при слушании любой обыденной речи.

15. Более расплывчатая практика в искусстве истолкования исходит из того, что понимание происходит само собой, выражая свою цель негативно, т.е. что следует избегать непонимания.

1) Предпосылка осуществления этой практики истолкования заключается в том, чтобы заниматься главным образом незначительным или же лишь тем, что вызывает известный интерес; поэтому она устанавливает для себя легко достижимые границы.

2) Тем не менее, и она в трудных случаях должна была прибегать к искусству истолкования; поэтому герменевтика возникла из безыскусной практики. Так как герменевтика всегда имела перед собой лишь трудные случаи для понимания, то стала агрегатом наблюдений. По этой же причине она превратилась в специальную герменевтику, ибо трудные случаи легче разрешаются в определенной области. Так возникла теологическая и юридическая герменевтика; филологи также имели перед собой лишь специальные цели.

3) Основой такого понимания герменевтики является, следовательно, тождество языка и способа комбинирования в говорящем и слушающем.

16. Более строгая практика истолкования исходит из того, что непонимание происходит само собой и что в любом случае следует желать и искать понимания.

1) В силу того, что эта практика истолкования серьезно относится к процессу понимания, рассматривая речь с обеих сторон, она должна была совершенно раствориться в нем.

2) Эта практика истолкования исходит, следовательно, из различия языка и способа комбинирования, но которое, конечно, должно покоиться на их тождестве; только незначительное ускользает от безыскусной практики.

17. То, чего следует избегать, имеет двойственный характер; это — качественное непонимание содержания и непонимание тона, или количественное непонимание.

Дополнение к п. 17: негативное понимание задачи состоит в том, чтобы избегать содержательного и формального непонимания.

1) С объективной точки зрения качественное непонимание есть смешение места одной части речи в языке с другой, к примеру, смешение значения одного слова со значением другого. С субъективной точки зрения — это смешение отношения какого-либо выражения.

2) Количественное непонимание относится субъективно к уровню развития какой-либо части речи, к значению, которое ей придается говорящим; аналогично объективно — к месту, которое какая-либо часть речи занимает в этой градации.

3) Из количественного непонимания, которое обычно учитывается в меньшей степени, всегда развивается качественное.

4) В этом негативном выражении понимания содержатся все задачи. Однако в силу их негативности мы не можем развить из них правила, ибо должны исходить из позитивного, но постоянно ориентируясь на это негативное.

5) Следует также различать пассивное и активное непонимание. Последнее происходит вследствие такого пристрастия, которое не может дать ничего определенного для понимания.

18. Искусство истолкования развивает свои правила, основываясь на позитивной формуле: историческое и дивинационное, объективное и субъективное реконструирование данной речи⁴.

1) «Объективно исторически» означает понять речь, исходя из общности языка, а заключенное в ней знание — как продукт языка; «объективно дивинационно» означает предугадать, как сама речь станет моментом развития языка. Без обеих сторон нельзя избежать как качественного, так и количественного непонимания.

2) «Субъективно исторически» означает знать, как речь дана в качестве факта в душе; «субъективно дивинационно» означает предугадать, как содержащиеся в речи мысли будут развиваться в говорящем, воздействуя на него. Без обеих сторон также неизбежно непонимание.

3) Задачу понимания можно выразить и таким образом: понять речь сначала так же хорошо, а затем лучше, чем ее инициатор. Так как у нас нет непосредственного знания того, чем обладает инициатор речи, то мы должны попытаться осознать многое из того, что для него остается неосознанным, за исключением того случая, когда он, рефлектируя над самим собой, становится своим собственным читателем. С объективной стороны он также не имеет здесь других данных, чем мы.

4) Поставленная таким образом задача истолкования является бесконечной, ибо то, что мы хотим понять в момент речи, является бесконечностью прошлого и будущего. Поэтому этот вид искусства также способен вызывать вдохновение, как и любой другой. Если какое-либо сочинение не вызывает вдохновения, оно не имеет значения для понимания. Но в какой степени и с какой стороны следует приступать к истолкованию, — это решается конкретно в каждом отдельном случае и относится к ведению специальной герменевтики, а не общей.

19. До того, как применить искусство истолкования, следует уравниваться с объективной и субъективной стороны с автором.

1) С объективной стороны — в результате знания языка, которым он (автор — прим, перев.) обладает и которое, следовательно, должно быть более точным, чем знание языка первоначальных читателей, которые сами должны были в этом уравниваться с автором. С субъективной стороны — в результате познания его (автора — прим, перев.) внутренней и внешней жизни.

2) Обеими сторонами можно в совершенстве овладеть лишь в процессе самого истолкования, ибо только на основе сочинений того или иного автора можно познакомиться с его словарным запасом, а также с его характером и обстоятельствами жизни.

20. Словарный запас и эпоха того или иного автора представляют собой целое, из которого должны быть поняты его сочинения как отдельное, из отдельного в свою очередь должно быть понято целое.

1) Совершенное знание всегда заключается в этом мнимом круге, т.е. в том, что любое особенное может быть понято только из общего, частью которого оно является, и наоборот. То знание является научным, которое образовано именно таким образом.

2) Вышеизложенное выражает собой суть уравнения с автором. Отсюда следует, во-первых, что мы тем лучше подготовлены к истолкованию, чем полнее им (уравнением — прим, перев.) обладаем; во-вторых, что никакое нечто, подлежащее истолкованию, не может быть понято сразу, а каждое новое чтение приводит нас к лучшему пониманию благодаря тому, что увеличивает предварительное знание. Только в отношении незначительного мы удовлетворяемся тем, что можем понять сразу.

21. Если знание определенного словарного запаса приобретает только в процессе истолкования с помощью лексики и отдельных замечаний, то не может возникнуть самостоятельного истолкования.

1) Только непосредственное проникновение в действительную жизнь языка дает более независимый от истолкования источник познания лексического фонда языка. По отношению к греческому и латинскому языку мы имеем лишь несовершенное знание последнего. Поэтому первые лексические работы создаются теми, кто прорабатывает всю литературу с целью познания языка. Но эти работы также нуждаются в постоянной корректировке в процессе самого истолкования, а любое истолкование по правилам искусства со своей стороны должно этому содействовать.

2) Под определенным лексическим фондом языка я понимаю диалект, период и область языка какого-либо одного вида, имея в виду различие между поэзией и прозой.

3) Начинаящий истолкователь должен делать первые шаги с помощью этих вспомогательных средств; самостоятельная же интерпретация может осуществляться только в случае соответствующего самостоятельного приобретения предварительных знаний; однако все определения, касающиеся языка и содержащиеся в словарях и наблюдениях, исходят из специального и зачастую неточного истолкования.

4) По отношению к Новому Завету можно особенно подчеркнуть, что неточность и произвольность истолкования в большинстве случаев основываются на этом недостатке, ибо из отдельных наблюдений всегда можно вывести противоположные аналогии.

22. Если необходимое историческое знание получают, только исходя из пролегомен, то истолкование не сможет стать самостоятельным.

1) Такие пролегомены, как и оказание критической помощи, являются обязанностью любого издателя, который должен выполнять роль опосредующего звена. Но они сами могут основываться лишь на знании всего круга литературы, принадлежащей к какому-либо сочинению, и всего того, что происходит с его автором в дальнейшем. Следовательно, пролегомены сами зависят от истолкования; и ... в то же время адресованы к тому (читателю — прим, перев.), для которого понимание сочинения никак не связано с его собственной целью. Точный истолкователь должен постепенно извлекать все из самих источников. Именно поэтому его работа может развиваться — в этом отношении — только в направлении от легкого к трудному. Наибольший вред приносит зависимость от пролегомен, если в них включены такие замечания, которые могут быть извлечены только из сочинения, подлежащего истолкованию.

2) В отношении Нового Завета из этих предварительных знаний создали специальную дисциплину — введение. Последнее не является подлинной органической составной частью теологических наук; но практически оно целесообразно, отчасти для начинающих истолкователей, отчасти для специалистов, ибо благодаря ему легче свести к одному пункту все соответствующие исследования. Однако истолкователь должен всегда содействовать тому, чтобы развивать и исправлять это обилие результатов.

Из попыток фрагментарно излагать и использовать эти предварительные знания возникают различные, односторонние школы интерпретации, которые заслуживают порицания в силу их искусственности.

23. В рамках какого-либо одного сочинения отдельное также может быть понято, только исходя из целого. Поэтому более точному истолкованию должно предшествовать курсорное чтение для того, чтобы получить обзор целого.

1) Снова возникает круг; однако для этого предварительного понимания достаточно того знания отдельного, которое проистекает из общего знания языка.

2) Оглавление, которое дает сам автор, является слишком сухим, чтобы достигнуть цели и со стороны технической интерпретации, а при чтении обзоров, которыми издатели обычно дополняют пролегомены, попадаешь под влияние их интерпретации.

3) Задача состоит в том, чтобы найти руководящие идеи, в соответствии с которыми следует сообразовать все остальное, а также с технической стороны — найти главное направление, исходя из которого можно легче обнаружить отдельное. Необходимо доказать это как с технической, так и грамматической стороны, что легко сделать, исходя из различных видов непонимания.

4) При незначительных случаях лучше отказаться от общего обзора; при трудных случаях он, по-видимому, помогает меньше, но тем более является необходимым. Эта недостаточная помощь общего обзора является даже характерным признаком трудных писателей.

Дополнение к п. 23: общее методическое правило: а) начать с общего обзора; б) одновременное понимание в обоих направлениях (грамматическом и психологическом — прим, перев.); в) только если оба они точно совпадают в каждом отдельном случае, можно двигаться дальше; г) необходимость возвращения назад, если они не совпадают, пока не будет найдена ошибка в калькуляции.

Хотя при осуществлении истолкования мы всегда должны соединять обе стороны интерпретации, в теории же их следует разделять и каждую использовать в отдельности, стремясь продвинуться в ней настолько далеко вперед, чтобы другая сторона стала для нас необходимой, или, наоборот, чтобы ее результат нашел подтверждение в первой. Грамматическая интерпретация предшествует (психологической — прим, перев.).

Третий смысл. Исследовательские заметки о нескольких фотограммах С. М. Эйзенштейна

// Строение фильма, М., 1984.

Вот кадр из «Ивана Грозного»: двое придворных, помощников или слуг (не важно, если я не блестяще помню эту историю) низвергают золотой дождь на голову юного царя. Мне кажется, здесь можно различить три уровня смысла.

1. Информативный уровень: тут фиксируются все сведения, которые я получаю от декораций, костюмов, персонажей, их взаимоотношений, их места в фабуле, известной мне, хотя и смутно. Это уровень коммуникации. Если бы мне понадобилось проанализировать его, я бы обратился к «первой» семиотике (изучающей сообщение), но об этом уровне и этой семиотике мы не будем говорить.

2. Символический уровень: то есть льющееся золото. Этот уровень сам по себе стратифицирован. Прежде всего в нем заключен референтный символизм, перед нами царский ритуал крещения золотом. Кроме того, здесь присутствует диегетический (diegetique) [от греч. diegesis — повествование] символизм; это сама тема золота, богатства (предполагаемого), смысловое включение которой мы наблюдаем в данный момент. Имеется еще символизм самого Эйзенштейна, который может быть прочитан, если какой-нибудь критик установит, что у Эйзенштейна золото, или дождь, или занавес включаются в особую, свойственную только этому режиссеру систему замещений и переноса значений. Наконец, символизм исторический, который возникает тогда, когда можно показать еще более широко, чем раньше, что золото функционирует в игре (театральной), в сценографии, в данном случае как элемент, поддающийся психоаналитическому или экономическому толкованию, иначе говоря как элемент, трактуемый семиологически. Этот второй уровень в сумме может быть назван уровнем значения. Его следует анализировать семиотикой более разработанной, то есть «второй», или неосемиотикой, ориентированной не в сторону науки о коммуникации, но в сторону наук о символах (психоанализ, экономика, драматургия).

3. Все ли это? Нет, потому что я все еще не могу оторваться от изображения, еще читаю, получаю дополнительно (хотя мне кажется даже, что он приходит как первый) третий смысл, вполне очевидный, ускользающий, но упрямый. Я не знаю, каково его значение, во всяком случае, я не в состоянии назвать его, но я хорошо различаю черты, элементы, из которых этот «неполный» знак складывается: излишняя плотность грима придворных - в одних местах слишком грубого, подчеркнутого, в других сглаженного, изысканного: это «дурацкий» нос одного, это тонкий рисунок бровей другого, его вялая белизна, его бледность, прилизанность его прически, смахивающей на парик, ее соединение с гипсовым тоном лица, рисовой пудрой. Я не знаю, является ли прочтение этого третьего смысла обоснованным (если на основании такого прочтения можно уже обобщать), но мне кажется, что его означающее (черты, которые я только что постарался если не определить, то, во всяком случае, описать) имеет некую теоретическую специфику; так, во-первых, оно не может быть смешано с простой репрезентацией этой сцены, оно выходит за рамки простой копии референтной темы, оно принуждает нас к вопрошающему чтению (вопрос именно и касается означающего, а не означаемого, чтения, а не понимания; это нечто вроде «поэтического» схватывания), вместе с тем оно не смешивается также с драматическим смыслом эпизода. Не удовлетворяет меня полностью и констатация, что эти черты отсылают нас к значащему «виду» придворных, у одного — отчужденному, у другого — старательному («они попросту выполняют профессию придворных»). Нечто в их лицах выходит за рамки психологии фабулы, функции и - чтобы уж все сказать — конкретного смысла. Вместе с тем это нечто не сводится к простому упрямому желанию всякого тела просто утверждать свое бытие.

В отличие от двух первых уровней - коммуникации и значения — данный третий уровень — даже если разговор о нем пока еще слишком смел — назовем уровнем «означивания» (significance). Это слово хорошо тем, что относится к полю означающего (а не значения) и приводит путем, предложенным Юлией Кристевой (кстати, придумавшей и само слово), к семиотике текста.

Значение и «означивание» — а не коммуникация — единственно интересуют меня в настоящей работе. Я должен как можно более лаконично охарактеризовать этот второй и третий смыслы. Символический смысл (льющееся золото, мощь, богатство, царский ритуал) дается мне в двойном определении: он интенционален (то есть включает то, что хотел сказать автор) и в принципе его оснащает символом нечто вроде единой общей лексики; этот смысл как бы ищет меня, адресата сообщения, субъекта чтения, этот смысл, исходящий от С. М. Э. и стоящий передо мной, очевидный, несомненный (как, впрочем, и другой), хотя эти очевидности и замкнуты в некой завершенной системе предназначенности. Я предлагаю называть этот полный смысл смыслом естественным (le sensobvie). Obvius — значит идущий навстречу, а именно так и ведет себя этот смысл, ведь он сам ищет меня; в теологии, как известно. le sens obvie — это тот смысл, «который совершенно естественно открывается духу», и в этом тоже есть связь с нашим смыслом: символика золотого дождя всегда мне казалась «естественно» понятной. Что касается третьего смысла, того самого, что выступает «добавочно», как приложение, которое не всегда легко абсорбируется моим разумом, - смысла одновременно упрямого и ускользающего, исчезающего, — то я предлагаю называть его открытым смыслом (le sens obtus). Это слово легко пришло мне на ум и чудесным образом несет в своей этимологии целую теорию добавочного смысла: obtusus означает сглаженный, округленной формы; то есть черты, на которые я указывал (грим, бледность, парик и т. д.), не являются ли они как бы «округлением» смысла — слишком явного, слишком настойчивого? Не придают ли они очевидному значению некую сглаженность, так что оно труднее схватывается, не заставляют ли эти черты скользить мое чтение? Тупой угол больше прямого: в тупом угле более 90 градусов — говорит словарь; третий смысл тоже представляется мне как нечто «большее», чем чистый перпендикуляр рассказа: третий смысл полностью открывает поле значений, то есть делает его бесконечным. Я принимаю даже (относительно открытого смысла) уничижительную коннотацию: он как будто разворачивается вне культуры, знания, информации, с точки зрения аналитической в нем есть что-то обескураживающее. Именно потому, что он открывается в бесконечность речи, он может казаться ограниченным по сравнению с аналитической мыслью. Он принадлежит породе словесных игр, буффонад, бессмысленных трюков, он безразличен к моральным и эстетическим категориям (тривиального, пустого, искусственного, подражательного), он пребывает в области карнавального. Вот почему слово «открытый» подходит здесь наилучшим образом.

Естественный смысл

Несколько слов о естественном смысле, хотя он не является предметом настоящего исследования. Возьмем два изображения из фильма «Броненосец «Потемкин», в которых он присутствует в чистом виде. Четыре фигуры кадра II «символизируют» три поколения и всеобщность траура (похороны Вакуленчука). Сжатый кулак на фотографии IV, показанный крупным планом, означает негодование, сдерживаемый гнев, решимость; метонимически включенный в историю «Потемкина», он «символизирует» рабочий класс, его мощь и волю.

Благодаря семантическому чуду этот кулак, увиденный чуть таинственно (рука сначала просто свисает вдоль тела и

только потом сжимается, твердеет и одновременно «мыслит» и свой будущий бой, и свое терпение, и осторожность), не может быть принят за кулак бандита или фашиста. Это именно и прежде всего кулак пролетария. Отсюда видно, что искусство Эйзенштейна не полисемично: режиссер выбирает определенный смысл, навязывает его, уничтожает иные (даже если он от этого не исчезает, но тускнеет). Эйзенштейновский смысл испепеляет многозначность. Каким образом? Благодаря прибавлению определенной эстетиче-

ской ценности, благодаря пафосу. «Декоративизм» Эйзенштейна имеет экономическую функцию — он несет правду. Посмотрите на кадр III: он классичен - склоненные головы выражают скорбь, рука, поднесенная ко рту, сдерживает рыдания. Все как будто сказано, говорить больше нечего, но декоративная деталь дублирует сообщенное: скрещенные руки, вознесенные в подчеркнуто материнском жесте к склоненному лицу.

В общий план (две женщины) привносится невыразимая до конца иная деталь, она заимствована из живописи, это своеобразная цитата жестов икон. Данная деталь не разрушает смысл, лишь акцентирует его. Подобное акцентирование (свойственное всякому реалистическому искусству) определенным образом связано с правдой, правдой «Потемкина». Бодлер говорил о «патетической правде жеста в особых жизненных обстоятельствах». Здесь это правда

«особых обстоятельств», судьбы рабочего класса, и она требует пафоса. Эйзенштейновская эстетика не образует некоего независимого уровня, она принадлежит «естественному» смыслу, а «естественный» смысл у Эйзенштейна — это революция.

Открытый смысл

Я почувствовал уверенность в том, что открытый смысл существует, когда рассматривал кадр V. Меня преследовал вопрос: что в этой плачущей старухе заставляет думать об означаемом? Скоро я понял, что это не выражение лица (хотя оно и отточено до совершенства) и не жест страдания (закрытые веки, напряженный рот, кулак, прижатый к груди) - все это относилось к полному значению, к «естественному смыслу» изображения, к эйзенштейновскому реализму и декоративизму. Я чувствовал, что упорная, беспокоящая черточка (как непрошенный гость, который не желает уходить и сидит молча, хотя от него все хотели бы избавиться) должна находиться где-то у лба: платок здесь играет свою роль. Но уже на фото VI открытый смысл исчезает, остается лишь выражение боли. Тогда я понял, что подобная чрезмерность — некое приложение, отклонение от классического выражения скорби — вытекает из отмеченного соотношения: низко повязанный платок, закрытые глаза и сведенный рот или - воспользуемся различием самого Эйзенштейна между «сумерками собора» и «сумеречным собором» — от соотношения низкой линии платка, ненормально спущенного чуть ли не до бровей, как во время ряженья, когда хотят придать себе слегка клоунский и «наивный» вид, с вздернутыми, вылезшими старческими бровями, с подчеркнутой линией закрытых глаз, близко поставленных, как будто косящих, с чертой полуоткрытого рта, повторяющего линию платка и бровей. Метафо-

рически выражаясь, это рыба, вынутая из воды. Все эти свойства (клоунский платок, старуха, косящие глаза, рыба) для выражения пустой референтности как бы оперируют речью низкого уровня, речью довольно жалкого лицедейства. Сопоставленные с благородной скорбью естественного смысла, они вступают в диалог столь прозрачный, что пропадает «я» его интенциональности. Качественно этого третьего смысла — по крайней мере у Эйзенштейна — становится преодоление границы, отделяющей выражение от лицедейства, и лаконичная передача колебаний между тем и другим, при посредстве эллиптического пафоса (если можно так выразиться, при посредстве исключительно изощренной конструкции, поскольку она предполагает временной характер значения), то есть качеством, которое прекрасно описывает сам Эйзенштейн, когда радостно цитирует золотое правило старика Жиллета: «держаться на пол-оборота от предельной точки».

Открытый смысл, таким образом, где-то соприкасается с лицедейством. Посмотрите на бородку Ивана, имеющую, мне кажется, открытый смысл (кадр VII), — она как будто намекает, что является париком, но в то же время не противоречит подлинности своего референта (историческая фигура царя). Актер здесь дважды лицедействует (первый раз как участник повествования, другой раз как актер, внутри драматургии), притом одно лицедейство не разрушает другого. Один слой смысла позволяет существовать предшествующему слою, как в геологическом

срезе, позволяет говорить противоположное, не противореча сказанному прежде. Брехт очень любил такую драматургическую двучленную диалектику. Эйзенштейновский парик сам по себе искусствен, то есть оказывается подделкой и комическим фетишем, поскольку демонстрирует свои разрезы и швы; то, что видно в кадре VII, — это как бы новое связывание ранее отделенной бороды, перпендикулярной к подбородку. Пусть макушка головы (наиболее «притупленная», «округленная» часть человеческой фигуры), пусть один-единственный шиньон (кадр VIII) служат выражением скорби — это малосущественно для «выражения», а не для самой скорби. Нет здесь никакой пародии, никакого следа бурлеска: боль не имитируется (естественный смысл должен остаться революционным, общий траур по Вакуленчуку имеет исторический смысл). Но вместе с тем, «воплощенная» шиньоном, скорбь как бы раскалывается, есть в ней что-то противящееся воздействию на нас. Народность шерстяного платка (естественный смысл как бы отступает, натолкнувшись на шиньон). Здесь начинает действовать фетиш, прическа, ничего не отрицающая насмешка над «выражением». Весь третий смысл (его беспокоящая сила) сосредоточен в пышной массе волос. Посмотрите на другой шиньон (у женщины на фото IX) — он противоречит поднятому кулачку, заглушает его, хотя несколько не сказывается на символическом (интеллектуальном) значении кадра; завиточки прически придают лицу нечто овечье, делают облик женщины более трогательным (как может быть трогательной доверчивая наивность), даже чувственным. Эти слова, как бы мало они ни были связаны с политикой и с революцией, какой бы мистифицирующий оттенок они ни несли, я употребляю с полной мерой ответственности: я верю, что открытый смысл несет определенную эмоцию, данную и завалуированно. Эта эмоция никогда не становится материальной, она есть лишь указатель на то, что любишь, на то, что хочешь защищать; эта эмоция — ценность, оценка. Я думаю, все согласятся, что пролетарская этнография С. М. Э., данная фрагментами в сцене похорон Вакуленчука, несет в себе что-то любовное (разумеется, без всяких возрастных или сексуальных оттенков этого слова): материнское, теплое и мужское, «симпатичное», хотя и совершенно нестереотипное. Эйзенштейновский народ очень приятен, так и любишь, любишь две фуражечки на фото X, с ними как бы вступаешь в знакомство, в связь. Сама красота может, несомненно, нести в себе открытый смысл, как на фото XI, где очень явный естественный смысл (мимика Ивана, дурашливость юного Владимира) сдержан или снесен в сторону красотой Басманова; но эротизм, включенный в третий смысл (или, вернее, присоединенный к нему), не вытекает из эстетики: Ефросинья уродлива, «тупа» (фото XII и XIII) так же, как и монах (фото XIV), но эта «притупленность» выходит за рамки фабулы, сглаживает смысл, сносит его в сторону. Есть в открытом смысле некий эротизм, противоположный красоте и одновременно

выходящий за пределы этой противоположности, в нем есть некий предел, перевернутость отношений, тягостность и, может быть, садизм: посмотрите на размягченную невинность «отроков в геенне» (фото XV), заметьте школярскую глупость их шарфов, повязанных, как у паинек, под самым подбородком, заметьте скисшее молоко их кожи (глаз, рта), казалось бы, повторенное Феллини в персонаже «Сатирикона».

Есть здесь, наконец, то, о чем так необычно говорил Жорж Батай в одном тексте из «Документов» и что, как мне кажется, определяет место одной из возможных областей третьего смысла: «Большой палец на ноге Королевы» (честно говоря, я не помню точное название).

Продолжим (если, конечно, примеры достаточны для того, чтобы перейти от них к теоретическим выкладкам). Открытый смысл существует не в языке (даже не в языке символа). Уберите его - коммуникация и означающие останутся, будут циркулировать, двигаться; без него я могу и говорить и читать: он находится также и вне речи. Возможно, существует некая константа эйзенштейновского открытого смысла, но в таком случае это уже индивидуальная речь, идеолект (притом временный, который может быть выявлен критиком, пишущим книгу о С. М. Э.). Открытый смысл присутствует не столько всюду (его означающие — вещь редкая, принадлежность будущего), сколько тут и там у других режиссеров (возможно) в их способе «читать» жизнь, а следовательно, саму «реальность» (я употребляю это слово в простой оппозиции к безудержному вымыслу). В документальном кадре «Обыкновенного фашиз-

ма» (фото XVI) я легко читаю естественный смысл, он относится к фашизму (эстетика и символика силы, театрализованной охоты), но читаю и дополнение : бледная (здесь также), лицедействующая глупость юноши, держащего стрелы, вялость его рта и рук (я не описываю, а лишь указываю), большие ногти Геринга, его балаганный перстень (он уже находится на границе естественного смысла, как и медовая пошлость дурацкой улыбки человека в очках в глубине, вероятно, подлизы). Иначе говоря, открытый смысл не включен в структуру, и семиолог откажет ему в объективном существовании (но что такое вообще объективное чтение?). И если для меня он понятен (подчеркиваю, для меня), то, может быть, именно из-за той «абerrации», которая одинокого и бедного де Соссюра заставляла слышать загадочный, неясный и неотвязный голос анаграммы в древнем стихе. Та же неуверенность появилась бы, если бы мне пришлось описать открытый смысл (то есть дать хоть какое-то представление о том, куда он направлен, куда уходит?). Открытый смысл — это означающее без означаемого. Вот почему так трудно определить его. Мое чтение останавливается между изображением и описанием, между определением и приближением. Открытый смысл не может быть описан, потому что в противоположность естественному смыслу он ничего не копирует: как описать то, что ничего не представляет? Сделать его зримым при помощи слов не представляется возможным. Последствием этого окажется тот факт, что, если вы и я, желая описать какое-либо изображение, останемся на уровне артикулированного языка, то есть именно моего текста, открытый смысл не обретет никогда существования, не войдет в метаязык критики. Это означает, что открытый смысл находится вне артикулированного языка, но тем не менее — внутри разговора. Когда вы будете рассматривать кадры, о которых идет здесь речь, вы узнаете этот смысл, мы можем договориться относительно его темы - повыше плеча, «на спине» артикулированного языка: в большей мере благодаря изображению (оно, правда, неподвижно, об этом мы еще поговорим), но особенно благодаря тому, что в изображении является чисто изобразительным (а это, по правде говоря, встречается не так уж часто), мы сможем обойтись без слов, но будем понимать друг друга.

В сущности, открытый смысл потрясает, стерилизует наш язык (критику). Можно назвать несколько тому причин. Во-первых, открытый смысл выпадает из континуума, он индифферентен к повествовательности и естественному смыслу (как значению повествовательности); эта диссоциация дает определенный противоестественный эффект или по крайней мере эффект определенного удаления от референта (от действительности как природы, реалистической инстанции). Эйзенштейн, вероятно, согласился бы с этим несоответствием, с этой беспредметностью знака, он, который писал по поводу звука и цвета: «Искусство начинается с того момента, когда скрип сапога (в звукоряде) накладывается на иной зрительный план и таким образом вызывает соответствующие ассоциации. То же самое и для цвета: цвет начинается там, где он не соответствует естественной окраске...» Далее, знак этот (третий смысл) не наполняется, постоянно находится в состоянии ненаполненности (depletion — это слово в лингвистике обозначает пустые, на все пригодные глаголы, как, например, во французском языке глагол «делать» — faire). И, напротив, можно сказать (причем это замечание будет столь же верно, как и предыдущее), что тот же самый знак никогда не доходит до внутреннего опустошения; он как бы постоянно находится в состоянии возбудимости; желание в нем не переходит в значение. Наконец, можно рассматривать открытый смысл как некое ударение, форму самопроявления, подобие складки (ложной складки) на тяжелой скатерти информации и значений. Если бы он поддавался описанию (в самой постановке вопроса заключено противоречие), он имел бы тогда в себе что-то от японского хокку, от анафорического жеста, который лишен значащего содержания, от шрама, рассекающего смысл (желание смысла). Тогда кадр V выглядел бы следующим образом: Рот стянут, закрытые глаза косят.

Низкий платок на лбу.

Плачет.

Это ударение (на эмфатический и эллиптический характер которого уже указывалось) не усиливает смысла (как история), не драматизирует его (эйзенштейновский декоративизм принадлежит другому уровню), даже не знаменует чего-то за смыслом (иное содержание, добавленное к естественному смыслу), оно мешает смыслу, разрушает не содержание, а всю практику смысла. В новой практике, еще редкой, утверждающей себя против «мажоритарной» практики (практики значения), открытый смысл проявляется фатально, как некий предмет роскоши, бессмысленная трата; такой предмет роскоши пока еще не принадлежит сегодняшней политике, но уже политике завтрашнего дня.

Остается сказать несколько слов о синтагматической функции третьего смысла, какое место занимает он в развитии повествования, в логико-временной системе, без которой, вероятно, невозможно донести суть

рассказа до читательской и зрительской «массы»? Ясно, что открытый смысл является даже антирассказом; распыленный, обратимый, привязанный к собственной длительности, он способен создать (если проследить за ним) совершенно иную раскадровку. Это раскадровка планов, эпизодов и синтагм (технических и нарративных), неожиданно антилогичная и вместе с тем «правдивая». Представьте себе, что вы следите не за интригами Ефросиньи, ни даже за ней самой (как фигурой исторической или символической), не за обликом Злой Матери, но наблюдаете за чертами облика, черным платком, уродливой и тяжелой матовостью кожи: вы окажетесь в ином времени, ни диегетическом, ни галлюцинаторном, перед вами будет иной фильм. Естественный смысл тематичен: существует, например, тема похорон. Открытый смысл — тема без вариаций и развития движется (осциллирует), появляясь и исчезая; эта игра появлений-исчезновений как бы подтачивает персонаж, превращая его в простого носителя различных граней; о такой разъединенности сам Эйзенштейн писал по другому поводу: «В этом отношении характерно, что разные положения одного и того же царя в разных точках и положениях вокруг гроба даются вне переходов от одного положения к другому...»

Здесь заключено главное: «безразличие» или позиционная свобода знака, добавочного по отношению к рассказу, позволяет достаточно точно определить историческую, политическую и теоретическую задачу, выполненную Эйзенштейном. У него история (фабульная, диегетическая, репрезентативная) не разрушена, напротив: где отыскать более прекрасный сюжет, чем история «Ивана» или «Потемкина»? Подобный статус рассказа необходим для того, чтобы быть понятым обществом, которое не в состоянии разрешить исторические противоречия в столь короткий период истории, а потому (временно?) использует мифологические (нарративные) решения. Проблема заключается не в том, чтобы разрушить рассказ, но в том, чтобы его переставить, отделить перестановку от деструкции. Эйзенштейн, как мне кажется, оперирует подобным различием: присутствие третьего смысла, добавочного, открытого — хотя бы в нескольких кадрах, как несмыслимый росчерк, печать, утверждающая все творение и любое творение, — наново и глубоко моделирует теоретический статус рассказа; история (дискурс) не является уже только полновластной системой (тысячелетней нарративной системой), но становится также — вопреки этому — обычной поверхностью, полем постоянств и пермутаций, становится той поверхностью и той сценой, чьи ложные границы умножают «пермутационную» игру знака, она есть тот обширный план, который, как это ни странно, принуждает нас к чтению вертикальному (слово принадлежит Эйзенштейну), она есть тот безрассудный порядок, который позволяет развивать определенную чистую серию, алеаторическую комбинацию (случай является лишь жалким, дешевым знаком), а также достичь некой структурализации, выводящейся изнутри.

Таким образом, вместе с Эйзенштейном нам следует перевернуть привычное клише так, чтобы чем более «бесполезным» оказывался бы смысл, тем явственней он выступал бы как паразит рассказываемой истории, а история эта была бы чем-то вроде параметра для знака, полем перемещений, создающей негацией или, иначе, — попугачей.

Суммируем. Третий смысл иначе структурирует фильм, не подрывая повествовательности (во всяком случае, у Эйзенштейна), и, может быть, именно поэтому на его уровне, и только на его, выступает наконец собственно «фильмическое» (filmique). Фильмическое в фильме есть то, что не может быть описано, это представление, которое не может быть представлено. Фильмическое может проявиться лишь там, где кончается язык и артикулированный метаязык. Все, что можно сказать об «Иване Грозном» или «Потемкине», в равной мере могло бы основываться на письменном тексте (который назывался бы «Иван Грозный» или «Броненосец «Потемкин»»), исключение составлял бы открытый смысл; я могу все прокомментировать в Ефросинье, кроме тупости лица: Фильмическое заключено именно там, где артикулированная речь становится приблизительной и начинается иной язык («наука» о котором уже не была бы лингвистикой, отброшенной, как ракета-носитель). Третий смысл, поддающийся лишь теоретическому осмыслению, но не описанию, выступает как переход от языка к «означиванию» и даже к «акту творения» фильмического. Вынужденное проступить вне цивилизации означаемого, фильмическое (несмотря на бесконечное число производимых в мире фильмов) еще очень редко (несколько вспышек у Эйзенштейна, может быть, где-то еще?), оно настолько редко, что позволяет утверждать: фильм, так же как и текст, еще не существует. Есть только «кино, нечто от языка, рассказа, поэмы», иногда очень «современное», переведенное на язык «движущихся изображений». Нет ничего удивительного в том, что фильмическое можно обнаружить, лишь прорезав аналитически всю толщу «содержания», «глубины», «сложности» кинематографического произведения: толщу всех богатств артикулированной речи, из которых мы конституируем произведение и делаем его завершенным. Фильмическое отлично от фильма: одно от другого отстоит так, как романическое от романа (я могу писать нечто романическое, никогда не написав романа).

Фотограмма

Вот почему в определенной мере (мере нашего теоретического лепета) фильмическое (что парадоксально) не может быть обнаружено в «движущемся», «естественном» фильме, но лишь в таком искусственном образовании, как фотограмма. Давно уж я заинтригован этим явлением: я интересуюсь, меня притягивают кадры из фильмов (у входа в кинотеатр, на страницах «Кайе»), но потом теряется то, что я вычитал из фотографий (не только извлеченное, но даже воспоминание о кадре), лишь я попадаю в зал: переход вызывает полную переоценку ценностей. Сначала

я приписывал такое тяготение к фотограммам моей кинематографической антикультуре или моему предубеждению против фильма. Мне казалось, что я один из тех детей, которые больше любят «картинки», чем текст, или один из тех взрослых, что не могут купить себе слишком дорогие вещи и удовлетворяются тем, что разглядывают их образчики в каталоге крупного универмага. Такая постановка вопроса заставляет нас вспомнить ходячее представление о фотограмме, как о далеком субпродукте самого фильма, образчике, средстве привлечения клиентуры, порнографическом кусочке, а с точки зрения техники как о способе убить произведение через ликвидацию того, что принято считать священной сущностью кино: движения кадров.

Однако если собственно фильмическое (фильмическое будущего) заключено не в движении, а в неартикулированном третьем смысле, который невозможен ни в обычной фотографии, ни в фигуративной живописи, поскольку у них отсутствует повествовательный горизонт и возможность конфигурации, о чем уже говорилось!, то «движение», из которого сделали сущность фильма, на самом деле не является оживлением, течением, мобильностью, жизнью, копией, но лишь скелетом, на котором держится пермутационное развитие, и, следовательно, необходима теория фотограммы и следует наметить возможные для нее ходы.

Фотограмма дает нам внутренность фрагмента; вот высказывание самого Эйзенштейна, где он определяет новые возможности аудиовизуального монтажа: «С переходом на звукозрительный монтаж основная опора монтажа зрительной его составляющей перемещается внутрь куска, в элементы внутри самого изображения. И основным центром опоры служит уже не междукладовый элемент — стык, но элемент внутрикадровый — акцент внутри куска...» Разумеется, в фотограмме нет никакого аудиовизуального монтажа: однако формула Эйзенштейна носит общий характер в той мере, в какой она обосновывает право на синтагматическое разъединение кадров и требует «вертикального» (выражение С. М. Э.) прочтения артикуляции. Более того, фотограмма не есть образчик (понятие, предполагающее статическую и гомогенную природу элементов фильма), она есть цитата (известно, какое большое значение сейчас приобретает это понятие в теории текста), она одновременно и пародирует и рассеивает, она не является щепоткой, химически извлеченной из материи фильма, она — след дистрибуции, более высокой, чем те черты, которыми жил, двигался фильм и благодаря которым он был бы одним текстом среди прочих. Фотограмма является фрагментом второго текста, чье бытие не выходит за пределы фрагмента; фильм и фотограмма находятся в отношениях палимпсеста, не указывая, что на что наложено и что из чего извлечено. Наконец, фотограмма разрывает цепи фильмического времени, эти пути еще очень сильны и препятствуют тому, что я назвал бы «рождением взрослого фильма» (уже рожденный технически, иногда даже эстетически, он должен родиться теоретически). Что касается письменных текстов (кроме текстов, слишком традиционных и глубоко укорененных в логико-временном порядке), их время чтения свободно; для фильма же дело обстоит иначе, поскольку изображение не может двигаться быстрее или медленнее, в противном случае оно перестанет восприниматься. Фотограмма, вводя мгновенное и вертикальное прочтение одновременно, смеется над логическим временем (которое есть попросту время оперативное); ей удастся отслоить техническую неизбежность (съемку) от собственно фильмического, то есть «неописуемого» смысла. Может быть, именно об этом ином тексте и думал Эйзенштейн, когда говорил, что фильм следует не просто смотреть и слушать, но что нужно в него всматриваться и вслушиваться. Такое всматривание и вслушивание, естественно, не подразумевает простую мобилизацию разума (требование мелкое и банальное), но подразумевает настоящую трансформацию процесса чтения и его объекта, текста или фильма, великого вопроса нашего времени.

1970

Фармация Платона

// Первая версия опубликована в журнале *Tel Quel* (n°s 32–33), 1968.

Κόλαφος: удар по щеке, оплеуха... (κολλάπτω). 1. Κολλάπτω: выдалбливать (entamer), особ. о птицах, долбить клювом, отс. вскрывать ударами клюва... по аналогии о коне, роющем землю копытом. 2. отс. высекать, вырезать: γράμμα εἰς αἴγειρον [осокорь, чер- ный тополь], Anth. 9, 341, или κατὰ φλοιοῦ [кора], Call., fr. 101, надпись на тополе или на коре (корень κλαρή, ср. корень γλυφή, выдалбливать, вырезать).

Текст — не текст, если не прячет, на первый взгляд, от первого встречного, закон своего сложения и правило своей игры. Впрочем, текст всегда остается за рамками восприятия. Нет, закон и правило не прячутся в недоступности тайны, просто они никогда не выдают себя — в *настоящем* — ничему такому, что можно было бы в строгом смысле назвать восприятием.

С риском, в результате, раз и навсегда пропасть, всегда и по сути выпадая из виду. Кто и когда узнает о подобном исчезновении?

В любом случае, сокрытие (dissimulation) текстуры может зарядить столетия на распускание его ткани. Ткань, обволакивающая другую ткань. Столетия на распускание ткани. С одновременным восстановлением ее как организма. С бесконечной регенерацией собственных тканей текста за режущим следом, решением каждого прочтения. Всегда приберегая какую-то неожиданность для анатомии или физиологии критики, верившей в возможность обуздать игру текста, следить сразу за всеми его нитями, обманываясь, стало быть, желанием смотреть на текст, не прикасаясь к нему, не трогая “предмета”, не рискуя добавить к нему какой-либо новой нити — пренебрегая единственным шансом распусть руки и вступить в игру. Добавить в данном случае — не что иное, как дать прочесть. Необходимо изготовиться, чтобы представить себе, о чем речь: уж точно не о вышивке, разве что понимать уметь вышивать опять-таки как уметь следовать заданной нити. То есть, если угодно последовать за нами, — нити спрятанной. Если и существует какое-то единство чтения и письма, как многие беспечно полагают сегодня, если чтение *есть* письмо, такое единство не означает ни безразличного смешения, ни безопасного тождества; *есть*, сшивающее чтение с письмом, должно этот шов и вспарывать.

Итак, необходимо было бы одним-единственным — но сдвоенным — жестом одновременно читать и писать. И ничего бы не сумел понять в игре тот, кто тем самым ощутил бы себя вправе добавлять к ней отсебятину, неважно что. Он ничего бы не добавил, шов бы не стал держаться. И наоборот, даже прочесть ничего не сумел бы тот, кого удержали бы от привнесения в игру чего-либо от себя “методологическое благоразумие”, “нормы объективности” и “рамки научного знания”. Всё та же наивность, всё то же бесплодие — “серьезности” и “несерьезности”. Восполнение чтения или письма должно быть строго предписано, но в силу необходимости *игры* — знак, с которым следует согласовывать систему всех его возможностей.

I

Мы почти, почти всё уже сказали — о том, что *хотели бы сказать*. Во всяком случае, запас слов у нас вот-вот иссякнет. Вопросам нашим, как бы в виде приложения (supplément), останется упомянуть лишь — текстуру текста, чтение и письмо, господство и игру, а также парадоксы восполнительности (supplémentarité), как и графические взаимосвязи живого и мертвого: в пространствах текста, ткачества и гистологии. Мы будем оставаться в пределах этой *ткани*: между метафорой *истоса*¹ и вопросом об *истосе* метафоры.

Коль скоро мы уже всё сказали, можно и потерпеть, если мы потянем еще немного. Если распространимся, подчиняясь игре. Словом, если *попишем* немного — о Платоне, который уже в *Федре* заявил, что письмо может лишь повторять(ся), “что оно всегда означает (σημαίνει) одно и то же”, и что оно есть “игра” (παίδιά).

1. ФАРМАКЕЯ

Начнем еще раз. Итак, сокрытие текстуры может в любом случае зарядить столетия на распутывание ткани текста. В качестве примера мы здесь предложим — речь о Платоне — не *Политика*, о котором, без сомнения, можно было бы вспомнить прежде всего из-за парадигмы ткача и особенно парадигмы парадигм — письма, — чуть выше в тексте диалога². Мы к этому еще вернемся, но лишь после долгих обходных путей.

Здесь *Федр* будет нашим отправным пунктом. Мы говорим о *Федре*, которому пришлось ждать почти двадцать столетий, пока его не перестанут считать плохо сочиненным диалогом. Сначала считалось, что Платон был слишком молод, чтобы создать настоящее творение, сложить произведение искусства. Диоген Лаэртский передает эту “молву” (λόγος [sc. ἔστι], λέγεται), согласно которой *Федр* был первой работой Платона и содержал в себе нечто юношеское (μετράκιώδης τίς³). Шлейермахер полагает, что подкрепляет эту легенду следующим смехотворным аргументом: старый писатель никогда бы не осудил письмо, как это делает в *Федре* Платон. Аргумент, который не просто подозрителен сам по себе — он поддерживает лаэртиеву легенду исходя из другой легенды. В самом деле, лишь слепое или очень грубое прочтение могло заставить пустить слух, будто Платон осудил *просто* деятельность писателя. Здесь нет ничего простого, ничего однозначного, и *Федр* играет также, своим письмом, ради спасения — а значит, и утраты, — письма как наилучшего, как самой благородной игры. В дальнейшем мы и собираемся отследить обстоятельства и шансы этой прекрасной игры, которой предается Платон.

В 1905 г. традицию Диогена Лаэртского переворачивают, но не с тем чтобы перейти от нее к признанию добротности композиции *Федры*, а чтобы приписать изъясны диалога на сей раз старческому бессилию автора: “*Федр* плохо написан. Этот недостаток тем более удивителен, что здесь Сократ определяет произведение искусства как живое существо; но как раз невозможность осуществить хорошо задуманное есть доказательство старости”⁴.

Но не станем забегать вперед. Естественно, более плодотворной представляется гипотеза о строгой, верной и утонченной форме. Она вскрывает новые созвучия, застигает их в тщательно выстроенном контрапункте, в более тайной организации тем, имен и слов. Она распутывает, терпеливо переплетая доводы, всё *σιμπλοκίη* текста. Здесь магистраль доказательства разом утверждается и устраняется: гибко, иронично и сдержанно.

Особенно — и это будет нашей дополнительной (supplémentaire) нитью — вся заключительная часть диалога (274 b sq.), посвященная, как известно, происхождению, истории и значению письма: всё это наставление о *деле письма* должно однажды перестать восприниматься в виде избыточной мифологической фантазии, придатка, без которого организм диалога мог бы без ущерба обойтись. На самом деле, ссылки на нее пронизывают весь текст *Федры*.

Неизменно с иронией. Но как именно обстоит здесь дело с иронией и каков главный ее признак? Текст содержит единственные “в строгом смысле оригинальные платоновские мифы: сказанье о цикадах в *Федре* и рассказ о Тевте в том же диалоге”⁵. А первые слова Сократа в самом начале беседы — призыв “спроводить” мифологемы

(229 с–230 а). Не для того, чтоб безусловно их отвергнуть, но чтобы одновременно, спроваживая их, пуская их на волю, освободить и их самих от тягостной, серьезной наивности “рационалистов”, и самого себя избавить от такой наивности в самопознании и в отношении к себе.

Спровадить мифы, раскланяться с ними, отпустить на каникулы, отправить в отпуск — это прекрасное решение *χαίρειν*, которое означает все эти вещи сразу, нарушится дважды, пропуская упомянутые “два платоновских мифа” — мифа, стало быть, “в строгом смысле оригинальных”. И оба всплывают, когда поднимается вопрос о письменном дискурсе. Это, конечно, менее очевидно — когда-нибудь на это обращали внимание? — применительно к истории о цикадах. Но менее очевидно не значит менее верно. Оба мифа откликаются на один и тот же вопрос и разделяет их лишь короткий период — как раз время пройти в обход. Первый определенно не отвечает на поставленный вопрос — скорее, оставляет его в подвешенном состоянии, отмечает паузу и заставляет нас дожидаться возобновления, которое должно вывести ко второму.

Читаем. Действительно, в точно рассчитанной середине диалога — можно даже сосчитать строки — поднимается вопрос о сущности *логографии* (257 с). Федр напоминает, что наиболее влиятельные и наиболее почитаемые граждане — наиболее свободные люди — стыдятся (*αἰσχύνονται*) “писать речи” и оставлять после себя *συγγραμματα*. Они страшатся суждения потомства, боятся прослыть “софистами” (257 d). Логограф, в строгом смысле, составлял для тяжущихся речи, которые сам не произносил, которым не содействовал, если так можно выразиться, собственным присутствием — свое действие они производили в его отсутствие. Записывая то, что сам он не говорит, не сказал бы и несомненно никогда не помыслил бы в действительности, автор письменного дискурса наперед ставится в положение софиста: человека неприсутствия и неистины. Письмо, стало быть, наперед оказывается инсценировкой. Несовместимость *записанного* и *истинного* ясно объявляется в момент, когда Сократ принимается рассказывать о том, как люди восторгаются из самих себя удовольствием, отлучаются из самих себя, забываются и гибнут в наслаждении от пения (259 с).

Но с выводом Платон не торопится. Отношение Сократа всё еще нейтрально: само по себе писание не является деятельностью постыдной, непристойной, позорной (*αἰσχρόν*). Бесчестят себя только тем, что пишут бесчестно. Но что это значит — писать бесчестно? И что значит, — спрашивает также Федр, — писать хорошо (*καλῶς*)? Вопросом этим прочерчивается центральная нервюра, большая разделительная складка диалога. От этого вопроса к ответу на него, в похожих выражениях, в последней части диалога (“...остается разобрать, подобает ли записывать речи или нет, в каких условиях это хорошо, а в каких неприлично, вот вопрос, который нам остается, не так ли?” 274 b), тянется прочная, пусть и не слишком заметная, нить, соединяя сказание о цикадах, темы психагогии, риторики и диалектики.

Итак, Сократ начинает с того, что спроваживает мифы, однако, дважды споткнувшись перед письмом, сам изобретает два мифа, причем, как мы увидим, не компилирует, а делает это более свободно и спонтанно, чем когда-либо в своем творчестве. Памятуя о том, что в зачине *Федра* *χαίρειν* *произносится во имя истины*, нельзя не обратить внимание на тот факт, что с каникул мифы возвращаются в момент письма и во имя письма.

Χαίρειν имеет место *во имя истины*: познания истины, точнее — истины самопознания. Это и объясняет Сократ (230 а). Но этот императив самопознания не ощущается и не диктуется изначально в прозрачной непосредственности самоприсутствия. Не воспринимается чувственно — лишь истолковывается, прочитывается, расшифровывается. Некая герменевтика *прописывает* созерцание. Некая надпись, *δέλφικὸν ὑρῆμμα*, которая не что иное как оракул, предписывает своим безмолвным шифром, объявляет — как объявляют приказ — автоскопию и автогнозис. Ведь именно самосозерцание и самопознание, считает Сократ, могут быть противопоставлены герменевтической авантуре мифов, которую тоже, как и письмо, направляют по своему произволу софисты (229 d).

И *χαίρειν* имеет место *во имя истины*. *Топосы* диалога не безразличны. Темы, места в риторическом смысле, плотно вписаны, внесены в неизменно значимые диспозиции, инсценированы; и в этой театральной географии единство места подчиняется безошибочному расчету, или безошибочной необходимости. К примеру, сказание о цикадах не имело бы места, не было бы рассказано, Сократ не ощутил бы побуждения рассказать его, когда жара, тяготеющая над всей беседой, не погнала бы двух друзей за город, в поле, на берег Илиса. Задолго до того, как поведать родословие цикажьего рода, Сократ упоминает “звонкую мелодию лета, эхом откликающуюся на хор цикад” (230 с). Но это не единственный из эффектов контрапункта, требуемый пространством диалога. Миф, дающий предлог для *χαίρειν* и для поворота к автоскопии, сам бы не мог возникнуть, с первых же шагов этой прогулки, иначе как при виде Илиса. Не в этих ли местах, спрашивает Федр, если верить преданию, Борей

похитил Оритию? Этот поток, прозрачная чистота этих вод должны привлекать юных девушек, даже притягивать их подобно чарам, и побуждать к игре. Тут Сократ в насмешку предлагает ученое объяснение мифа в рационалистическом, физикалистском стиле σοφοί: как раз в момент, когда она *играла* с Фармакеей (σὺν Φαρμακείᾳ παίζουσα), северный ветер (πνεῦμα Βορέου) толкнул Оритию и сбросил ее в бездну, “к подножию соседних скал”, “и из обстоятельств её кончины родилась легенда о её похищении Бореєм... Впрочем, я-то, Федр, считаю, что подобные толкования, хотя и привлекательны, но это дело человека особых способностей; трудов у него будет много, а удачи — не слишком...”.

Случайность ли это беглое упоминание Фармакеи в начале *Федра*? Что-то вроде затравки (hors-d'œuvre)? Близ Илиса Фармакее был посвящен источник, “возможно целебный”, замечает Робен. Запомним, во всяком случае, следующее: что маленькое пятнышко, как бы петелька (*macula*), метит на изнанке ткани, для всего диалога, сцену этой *девы*, сброшенной в бездну, застигнутой смертью, *когда она играла с Фармакеей*. Фармакея (Φαρμάκεια) — это также имя нарицательное, означающее потчеванье снадобьем (φάρμακον): лекарством и/или отравой. “Отравление” не было менее распространенным смыслом “фармакеи”. От Антифонта до нас дошла логограмма “Об обвинении мачехи в отравлении” (Φαρμακείας κατὰ τῆς μητρίας). Своей игрою Фармакея увлекла к смерти некую девственную чистоту, непочатую внутренность.

Чуть ниже Сократ сравнивает со снадобьем (φάρμακον) письма, которые прихватил с собою Федр. Этот *фармакон*, эта “микстура”, это зелье, разом лекарство и отравка, наперед вводится в тело дискурса со всей своей амбивалентностью. Это волшебство, эта чарующая сила, это колдовство могут быть — поочередно или одновременно — благотворными либо пагубными. *Фармакон* должен бы предстать некоторой *субстанцией*, включая всё, что может коннотировать данное слово, коль скоро речь идет о материи с тайными свойствами, о зашифрованной глубине, отказывающейся раскрыть свою амбивалентность анализу, предуготовляя пространство алхимии, если бы чуть ниже мы не должны были её же признать в качестве анти-субстанции: того, что сопротивляется любой философии, до бесконечности превосходя её в качестве нетождества, несущности, несубстанции, тем самым обеспечивая ей неисчерпаемую строптивость её основ (fonds), как и её безосновности (absence de fond).

Совращая, *фармакон* заставляет оставить общие, естественные или обычные пути и законы. В данном случае он заставляет Сократа оставить его насиженное место и привычные маршруты, которые всегда удерживали его внутри города. Исписанные листки действуют как *фармакон*, толкающий или влекущий за пределы города того, кто никогда не соглашался покидать его, даже в последний миг, чтобы избежать цыкуты. Они заставляют его выйти из себя, увлекают на путь, который, собственно, есть путь *исхода*:

Федр. Ты говоришь, словно какой-то чужеземец, нуждающийся в проводнике, а не местный житель. Из нашего города ты не только не едешь в чужие страны, но, кажется мне, не выходишь даже за городскую стену.

Сократ. Извини меня, добрый мой друг, я ведь любознателен, а местности и деревья ничему не хотят меня научить, не то что люди в городе. Впрочем, ты, кажется, нашел средство заставить меня сдвинуться с места (δοκεῖς μοι τῆς ἐμῆς ἐξόδου τὸ πῆρμακον ἡύρηκέναι). Помахивая зеленой веткой или каким-нибудь плодом перед голодным животным, ведут его за собой — так и ты, протягивая мне свитки с сочинениями (ἐν βιβλίοις), поведешь меня чуть ли не по всей Аттике и вообще куда тебе угодно. Но раз уж мы сейчас пришли сюда, я, пожалуй, прилягу, а ты расположись, как тебе, по-твоему, будет удобнее читать, и приступай к чтению (230 d e).

Именно в этот момент, когда Сократ, наконец, растянулся на траве, а Федр занял положение, чтобы как можно удобней управляться с текстом — или, если угодно, *фармаконом*, — и начинается беседа. Речь произнесенная — Лисием или самим Федром, — речь, *в настоящий момент* изложенная *в присутствии* Сократа, не имела бы того же эффекта. Лишь λόγοι ἐν βιβλίοις, речи отложенные, оставленные про запас, свернутые, свитые, заставляя чаять себя под видом и в тени некоего плотного предмета, оставляя желать себя во время пути, — лишь спрятанные буквы могут заставить Сократа идти. Если бы *логос* мог быть в чистом виде наличным, раскрытым, обнаженным, самолично доступным в собственной истине, без отклонений и обвиняков стороннего означающего, если, в конечном счете, был бы возможен неразличенный, неотложенный *логос*, — он бы не соблазнял. Он не увлек бы Сократа, воздействуя как *фармакон*, не сбил бы с пути. Мы забегаем вперед. Уже — письмо, и *фармакон*, и отклонение.

Отметим, что мы используем признанный перевод Платона авторитетного издательства Гийома Бюде. Переводчик *Федра* — Леон Робен. Мы и дальше будем пользоваться его переводом, вставляя, однако, в скобках,

когда это покажется уместным и важным с точки зрения темы нашего обсуждения, греческий текст. Так, например, мы поступаем со словом *фармакон*. В результате, как мы надеемся, полнее всего раскроется та упорядоченная полисемия, которая позволила — посредством искажения, неопределенности либо сверхопределенности, но в любом случае не против смысла — одно и то же слово переводить как то как “лекарство”, то как “отраву”, “снадобье”, “зелье” и т.д. Мы также увидим, в каком пункте пластичное единство этого понятия, точнее его правило и странная логика, связывающая его с его означаемым, оказались рассеяны, завуалированы, сглажены, отмечены относительной нечитаемостью по причине недомыслия или шарлатанства переводчиков, конечно же, но в первую очередь — из-за отчаянной и неустранимой сложности перевода. Сложности принципа, имеющего отношение не столько к переходу из одного языка в другой, из одного философского языка в другой, сколько к преданию, как мы увидим, уже между греческим и греческим, причем насильственному — преданию, ведущему от нефилософемы к философеме. Подобная проблема перевода столкнет нас не с чем иным, как с проблемой перехода к философии.

Βιβλία, заставляющие Сократа забыть о своей сдержанности и выйти из пространства, в котором ему нравится учиться, обучать, вести речи, диалоги — из огражденного пространства города, — эти βιβλία заключают в себе текст, написанный “искуснейшим из нынешних писателей (δεινότατος ὢν τῶν νῦν γράφειν)”. Речь идет о Лисии. Текст — или, положим, *фармакон* — Федр прячет у себя под плащом. Он ему нужен, потому что он не выучил текста наизусть. Этот момент важен для последующего, поскольку проблема письма должна переплестись с проблемой “знания наизусть”. Перед тем как Сократ растягивается на земле и приглашает Феда устроиться поудобней, Федр предлагает восстановить — без помощи текста — рассуждение, аргумент, замысел речи Лисия, её *дианою*. Но Сократ останавливает его: “Сперва, миленький, покажи, что это у тебя в левой руке под плащом? [...] Догадываюсь, что при тебе это самое сочинение (τὸν λόγον αὐτόν)” (228 d). Между этим приглашением и началом чтения, пока *фармакон* движется под плащом у Феда, — упоминание о Фармакее и прощанье с мифами.

Наконец, случаен или вполне гармоничен тот факт, что еще прежде объявленного представления в середине мифа о Тевте письма как *фармакона* βιβλία и *фармака* опять же связываются с умыслом скорее недоброжелательным и подозрительным? Истинному врачеванию, основанному на науке, противопоставляются, на одном дыхании, шарлатанская практика, следование заученным рецептам, книжное знание и слепое пользование снадобьями. Всё это, нам говорится, идет от *мании*: “Они сказали бы, я думаю, что этот человек не в своем уме: он вычитал кое-что из книг (ἐκ βιβλίου) или случайно ему попались в руки лекарства (φαρμακίαις), и вот он возомнил себя врачом, ничего в этом деле не смысля” (268 c).

Это сближение письма с *фармаконом* кажется еще чисто внешним; его можно было бы посчитать искусственным и совершенно случайным. Однако умысел и интонация одни и те же: одно и то же подозрение одним движением набрасывается на книгу и на снадобье, на письмо и на тайную, неоднозначную, открытую шарлатанству и случайности энергию, следующую путями магии, а не законам необходимости. Книга, мертвое, застывшее знание, запертое внутри βιβλία, скопище историй, заученные перечни, рецепты и формулы — всё это столь же чуждо живому знанию и диалектике, как и *фармакон* чужд медицинской науке. И как миф — знанию. Стоит вспомнить, что речь-то идет о Платоне, который при случае так хорошо умел повернуть миф с точки зрения его архео-логической или палео-логической значимости, и начинаешь понимать всю непомерность и сложность этого последнего противопоставления. И эта сложность отмечается — примеров сотня, мы же задержимся на одном, — в том, что истина — происхождения — письма как *фармакона* с самого начала оставляется на попечение мифа. Мифа о Тевте, к которому мы вскоре перейдем.

На самом деле, вплоть до этого пункта диалога *фармакон* и графема подавали друг другу, если так можно выразиться, знаки издали, непрямо отсылая друг ко другу и словно бы случайно появляясь и исчезая на одной и той же строке по неясной еще причине — эффект достаточно сдержанный и, возможно, в конечном счете непреднамеренный. Но чтобы снять это сомнение, и предположив, что категории намеренного и непреднамеренного всё еще абсолютно уместны при чтении — во что мы сами не верим ни секунды, по крайней мере если говорить о текстуальном уровне, на который нам предстоит выйти, — перейдем к заключительной фазе диалога, когда на сцену выходит Тевт.

На сей раз письмо прямо называется, представляется, объявляется *фармаконом* — без обиняков, без затушеванного опосредования, без скрытой аргументации (274 e).

В принципе, можно себе представить, что этот кусок мог бы быть изолирован в качестве некоего приложения, придатка или восполнения (*un supplément surajouté*). И хотя много всего перекликается с ним на предыдущих этапах, нельзя не признать, что Платон подает его в каком-то смысле как развлечение, закуску или, точнее, десерт. Все субъекты диалога — как темы, так и собеседники — кажутся исчерпанными в момент, когда преподносится это восполнение, письмо или, если угодно, *фармакон*: “Ну что ж, довольно говорить об искусном и неискусном составлении речей (τὸ μὲν τέχνης τε καὶ ἀτεχνίας λόγων)⁶...” (274 b). И однако именно в момент этой всеобщей исчерпанности выставляется и формулируется вопрос о письме⁷. И, как об этом и возвещало чуть выше слово *αἰσχροῦν* (как и наречие *αἰσχροῦς*), вопрос о письме поднимается как вопрос нравственный. Его ставка — нравственность, как в смысле противоположения добра и зла, хорошего и дурного, так и в смысле нравов, общественной морали и социальных приличий. Вопрос о знании того, что делают, и чего не делают. Подобная нравственная озабоченность ничем не отличается от вопроса об истине, о памяти, о диалектике. Этот последний вопрос, который вскоре будет поднят как *единственный* вопрос о письме, переплетается с темой морали и даже развивает её — благодаря сущностному сродству, а не за счет наложения одного на другое. Но главный акцент в споре, каковой оказывается весьма животрепещущим на фоне политического развития города, распространения письма и деятельности софистов, или логографов, — главный акцент, естественно, падает на приличия, политические и общественные. Предложенный Сократом арбитраж играет на разнице ценностей приличия и неприличия (*εὐπρέπεια / ἀπρέπεια*): “...остается разобрать, подобает ли записывать речи или нет, в каких условиях это хорошо, а в каких неприлично, вот вопрос, который нам остается, не так ли?” (274 b).

Писать — это прилично? Писатель — он хороший? К лицу ли человеку писать? Вообще, так можно делать?

Нет, конечно. Но ответ не так прост, и Сократ не заносит его тотчас на свой счет в рациональном дискурсе, в *логосе*. Он даёт его услышать, делегирует *ἄκοή*, крылатой молве, знанию понаслышке, истории, передаваемой на слух из уст в уста: “Она-то [*ἄκοή* древних] знала правду. Если бы могли сами доискаться до этого, разве нам было бы дело до человеческих предположений?” (274 c).

Мы не можем доискаться в самих себе, сами по себе, истины письма, то есть, как нам скоро станет ясно, неистины. И она не является предметом какой-либо науки — лишь повествуемой истории, повторяемого сказания. Связь письма с мифом уточняется как противоположность письма знанию, а именно знанию, которое черпают в самих себе и сами по себе. И заодно обозначаются — письмом или же мифом — генеалогический разрыв и отдаление первоначала. Вдобавок можно заметить, что то, в чем ниже письмо будет обвинено — в том, что оно повторяет без знания, — определяет здесь движение, ведущее к изъяснению и определению его статуса. Начинают с повторения без знания — с мифа — определение письма: повторение без знания. Отныне это родство письма и мифа, которые оба четко отличаются от *логоса* и диалектики, будет лишь уточняться. Повторив без знания, что письмо состоит в повторении без знания, Сократ не преминет опереть доказательство своего обвинения, своего *логоса*, на посылки *ἄκοή*, на структуры, вычитываемые в сказочной генеалогии письма. Когда миф нанесет первые удары, *логос* Сократа доконает обвиняемого.

Капитализм и шизофрения

Книга 2. Тысяча плато

1. Введение: Ризома

«Анти-Эдип» мы написали вдвоем. А поскольку каждого из нас — несколько, то набирается целая толпа. Тут мы использовали все, что нас сближало, — самое близкое и самое далекое. А чтобы нас не узнали, мы умело распределили псевдонимы. Так почему же мы оставили свои имена? По привычке, только по привычке. Дабы, в свою очередь, остаться неузнанными. Дабы сделать невоспринимаемым — но не себя, а то, что вынуждает нас действовать, чувствовать, думать. А еще и потому, что нам, как и всем, хочется, к примеру, сказать, будто восходит солнце, хотя любому ясно, что это не более, чем оборот речи. Дабы достичь не той точки, где уже не говорят «Я», а той, где неважно, говорить «Я» или вообще не говорить. Мы — уже не мы. Каждый сам узнает своего. Нам уже помогли, нас вдохновили, размножили.

У книги нет ни объекта [objet], ни субъекта [sujet]¹, она по-разному материально соткана из крайне разных дат и скоростей. Приписывать книгу субъекту значит упускать из виду такую работу материй и внешний характер их отношений. Это значит фабриковать «благого Бога» ради геологических движений. В книге, как и во всем остальном, есть линии артикуляции или сегментации, страты и территории; но также и линии ускользания, движения детерриторизации и дестратификации. На таких линиях сравнительные скорости потока влекут за собой феномены относительного замедления, вязкости или, наоборот, стремительности и разрывов. И линии, и измеримые скорости — все это конституирует некую *сборку*. Книга — такая сборка, и, как таковая, она ни к чему не приписана. Это — множественность, но мы еще не знаем, что подразумевает такое множественное, когда оно уже ни к чему не приписано, то есть, когда оно возводится до статуса субстантива. Машинная сборка обращена к стратам, делающим из нее, несомненно, своего рода организм, означающую целокупность или приписываемую субъекту определенность; но, в не меньшей мере, она обращена и к *телу без органов*, непрестанно разрушающему организм, пропускающему и вынуждающему циркулировать а-означающие частицы, чистые

¹ Ради дальнейшей связности текста мы оставили здесь слова «объект» и «субъект», хотя в этом месте скорее всего уместен перевод: «У книги нет ни цели [objet], ни темы [sujet]». — Прим. пер.

интенсивности, а также приписывающему себе субъектов, коим оно оставляет лишь имя как след интенсивности. Каково же тело без органов книги? Таких тел несколько, все зависит от природы рассматриваемых линий, их собственного содержания или плотности, и от возможности их схождения на «плане консистенции», который обеспечивает их отбор. Здесь, как и везде, важны именно единицы измерения: [важно] *квантифицировать письмо [quantifier l'écriture]*. Нет разницы между тем, о чем говорит книга, и способом, каким она сделана. Значит, у книги больше нет объекта. Книга, как сборка, является лишь самой собой — в соединении с другими сборками и в отношении к иным телам без органов. Мы не собираемся спрашивать, о чем хочет сказать книга — об означаемом или означающем, мы не будем искать того, что следовало бы понять в книге, но мы спросим о том, с чем она функционирует, в соединении с чем она передает или не передает интенсивности, в какие множественности она встраивает и трансформирует свою множественность, с какими телами без органов ей нужно свести свое тело без органов. Книга существует только благодаря внешнему и во внешнем. Итак, сама книга — это маленькая машина; в каком же отношении — в свою очередь, измеримом — состоит такая машина литературы с машиной войны, машиной любви, машиной революции и т. д., — а также со сметающей ее абстрактной машиной? Нас упрекали за то, что мы будто бы слишком часто обращаемся к литераторам. Но, когда мы пишем, нас интересует лишь одно — знать, к какой другой машине может и должна быть подключена литературная машина, дабы функционировать. Клейст — и безумная машина войны, Кафка — и неслышанная бюрократическая машина... (А что если мы становимся животным или растением *благодаря* литературе, — конечно же, не в буквальном смысле слова? Разве не благодаря голосу мы превращаемся в животное?). Литература — это некая сборка, у нее нет ничего общего с идеологией, идеологии нет, и никогда не было.

Мы говорим лишь о следующем: о множественностях, линиях, стратах и сегментациях, о линиях ускользания и интенсивностях, о машинных сборках и их разных типах, о телах без органов и их конструкции, об их селекции, о плане консистенции, о единицах измерения в каждом случае. *Стратометры, делеометры, единства ТБО плотности, единства ТБО конвергенции* не только формируют квалификацию письма, но и всегда определяют последнее как меру чего-то иного. Писание не имеет ничего общего с обозначиванием, скорее, писание имеет дело с межеванием, картографированием — даже грядущих местностей.

Первый тип книги — книга-корень. Дерево — уже образ мира, а корень — образ древа-мира. Это классическая книга, подобная прекрасной органической интериорности, означающей и субъективной (страты книги). Книга имитирует мир так же, как искусство — природу: благодаря способам, каковые ей присущи и успешно завершают то, что природа не может (или больше не может) сделать. Закон книги — это закон рефлексии. То Одно [le Un], которое становится двумя. Как закон книги мог бы присутствовать в природе, коли он управляет самим разделением между миром и книгой, природой и искусством? Одно [Un] становится двумя: каждый раз, когда мы встречаем эту формулу — высказывалась ли она стратегически Мао или понимается как наиболее «диалектическая» из всех, — мы оказываемся перед самой классической, самой продуманной, самой старой и усталой мыслью. Природа так не действует: корни сами являются стержневыми, с весьма многочисленными ответвлениями — латеральными и циркулярными, но не дихотомичными. Дух не поспевает за природой. Даже книга — как естественная реальность — является стержневой, со своим стволом и кроной. Но книга как духовная реальность — в образе Дерева или Корня — не перестает развивать закон Одного, становящегося двумя, а затем двух, становящихся четырьмя... Бинарная логика — это духовная реальность дерева-корня. Даже такая «продвинутая» дисциплина, как лингвистика, удерживает — в качестве базового образа — дерево-корень, кое присоединяет её к классической рефлексии (например, Хомский и синтагматическое древо, начинающееся с точки S, дабы продолжаться благодаря дихотомии). Иными словами, такая мысль никогда не постигала множественность — ей требуется крепкое основное единство, предполагаемое для того, чтобы достичь двух, следуя духовному методу. И со стороны объекта, следуя естественному методу, мы, несомненно, можем прямо перейти от Одного к трем, четырём или пяти, но всегда при условии, что располагаем крепким основным единством, единством стержня, поддерживающего вторичные корни. Но от этого не легче. Дву-однозначные отношения между последовательными кругами лишь замещают бинарную логику дихотомии. В стержневом корне множественности не больше, чем в дихотомическом. Первый действует в объекте, второй — в субъекте.

Бинарная логика и дву-однозначные отношения все еще доминируют в психоанализе (дерево бреда во фрейдовской интерпретации Шребера), в лингвистике и структурализме, даже в информатике.

Система-корешок или мочковатый корень — вторая фигура книги, на которую охотно ссылается наша современность. На этот раз главный корень абортирован или почти до конца уничтожен; к нему прививается и обретает чрезвычайное развитие непосредственное и неопределенное множество вторичных корней. На сей раз естественная реальность проявляется в виде выкидыша главного корня, но, тем не менее, его единство существует как прошлое или грядущее, как возможное. И мы должны спросить себя, не компенсирует ли духовная и рефлексивная реальность данное положение вещей, требуя, в свою очередь, еще более всеохватывающего тайного единства или ещё более экстенсивной тотальности. Возьмем метод *cut-up*¹ Берроуза:

¹ Метод нарезки

вкладывание или вгибание [pliage] одного текста в другой, конституирующее множественные и даже случайные корни (можно сказать, черенки), подразумевает измерение, дополнительное к измерению рассматриваемых текстов. Именно в таком дополнительном измерении вкладывания или вгибания единство продолжает свою духовную работу. Именно в этом смысле самым решительным образом раздробленное произведение может быть также представлено как цельное Произведение или Великий Опус [Grand Opus]. Большая часть современных методов, предназначенных для размножения серий или наращивания множественности, вполне пригодны в каком-то одном направлении, например линейном, тогда как единство целостности утверждает себя, скорее, в ином измерении — в измерении круга или цикла. Каждый раз, когда множество обнаруживает себя схваченным в какой-либо структуре, его рост компенсируется благодаря редукции законов комбинирования. Абортёры единства в этом случае являются также и созидателями ангелов, *doctores angelici*¹, ибо они утверждают чисто ангельское и верховное единство. Слова Джойса, известные как слова с «множественными корнями», лишь тогда разрушают линейное единство слова или даже языка, когда задают круговое единство фразы, текста или знания. Афоризмы Ницше лишь тогда разрушают линейное единство знания, когда отсылают к круговому единству вечного возвращения, присутствующему как не-знаемое [non-su] в мысли. Иначе говоря, мочковатая система надеде не порывает с дуализмом, с взаимодополнительностью субъекта и объекта, с естественной реальностью и духовной реальностью — единство не перестает перечить и противиться объекту, тогда как в субъекте торжествует новый тип единства. Мир утратил свой стержень, субъект не может больше создавать дихотомию, но он достигает более высокого единства — единства амбивалентности и сверхдетерминации — в измерении, всегда дополнительном к измерению собственного объекта. Мир стал хаосом, но книга остается образом мира, — хаосмос-корешок вместо космоса-корня. Странная мистификация книги: чем более книга тотальна, тем более она фрагментарна. В любом случае, книга как образ мира — какая пресная идея. На самом деле мало сказать: Да здравствует множественное! Хотя даже такое восклицание довольно трудно выдать. Не хватит никакой типографской, лексической или даже синтаксической сноровки, чтобы оно оказалось услышанным. Множественное *нужно создать*, но не добавляя всегда более высокого измерения, а напротив, посредством просто-напросто умеренности, на уровне измерений, коими мы уже располагаем, всегда *n-1* (только так одно составляет часть многого, будучи всегда вычтенным). Вычитать единственное из множества, которое надо конституировать; писать *n-1*. Такую систему можно было бы назвать ризомой. Ризома как подземный отросток [tige] абсолютно отлична от корней и корешков. Луковицы, клубни — это ризомы. Во всех других отношениях растения с корнем или корешками могут быть ризоморфны: речь идет о знании того, не является ли ботаника, в своей специфике, полностью ризоморфной. Даже животные таковы в своей форме стаи, крысы — это ризомы. Норы — тоже, со всеми их функциями проживания, пропитания, перемещения, отклонения и разрыва. Сама по себе ризома обладает крайне разнообразными формами, начиная с внешней протяженности, разветвленной во всех направлениях, кончая конкретизации в луковицах и клубнях. Крысы кишат, наползая друг на друга. В ризоме есть наилучшее и наихудшее: картофель и пырей, сорняк. Животное и растение, пырей — это crab-grass². Мы чувствуем, что никого не убедим, если не перечислим хотя бы приблизительные характеристики ризомы.

1 и 2. Принципы соединения и неоднородности: любая точка ризомы может — и должна быть — присоединена к любой другой ее точке. Это весьма отличается от дерева или корня, фиксирующих некую точку и некий порядок. Лингвистическое древо, на манер дерева Хомского, начинается еще в точке S и производится благодаря дихотомии. В ризоме, напротив, каждая черта не отсылает с необходимостью к лингвистической черте: семиотические звенья любой природы соединяются здесь с крайне различными способами кодирования — биологическими, политическими, экономическими и т. д., запускающими в игру не только разные режимы знаков, но также и статусы состояния вещей. Действительно, *коллективные сборки высказывания* прямо функционируют в *машинных сборках*, и мы не можем установить радикальную купюру между режимами знаков и их объектами. В лингвистике, даже когда мы претендуем на то, что придерживаемся только чего-то ясного и заранее ничего не предполагаем относительно языка, мы остаемся внутри сфер дискурса, подразумевающих к тому же и особые социальные модусы сборки и типы власти. Грамматическая правильность Хомского, категориальный символ S, доминирующий во всех фразах, — все это является маркером власти прежде, чем стать синтаксическим маркером: ты будешь составлять грамматически правильные фразы, ты будешь делить каждое высказанное на номинальную и вербальную синтагмы (первая дихотомия...). Мы не будем упрекать такие лингвистические модели за то, что они чересчур абстрактны, наоборот, их недостаток в том, что они не дотягивают до *абстрактной машины*, осуществляющей связь языка с семантическими и прагматическими

¹ Отсылка к почетному титулу Фомы Аквинского («ангельский доктор», doctor angelicus). — Прим. пер.

² Ползучий сорняк (англ.). — Прим. пер.

содержаниями высказанного, с коллективными сборками высказывания, со всей микрополитикой социального поля. Ризома непрестанно соединяет семиотические звенья, организации власти и обстоятельства, отсылающие к искусству, наукам или социальной борьбе. Семиотическое звено подобно клубню, спрессовывающему крайне разные акты — лингвистические, а также перцептивные, мимические, жестикуляционные, когнитивные: нет ни языка [langue] в себе, ни универсальности языковой деятельности [langage], а есть состязание диалектов, жаргонов, сленгов и специализированных языков. Нет идеального говорящего-слушающего, так же как нет и однородного языкового сообщества. Язык, согласно формуле Вайнрайха, — это «по существу неоднородная реальность». Нет материнского языка, но есть захват власти языком, доминирующим в политическом многообразии. Язык устанавливается вокруг прихода, епархии или столицы. Он создает луковицу. Он изменяется благодаря подземным отросткам и потокам, вдоль речных долин или железнодорожных линий, он перемещается подобно масляным пятнам.¹ В языке мы всегда можем осуществлять внутренние структурные декомпозиции — и это не отличается фундаментальным образом от поиска корней. В древе всегда есть что-то генеалогическое, это не популистский метод. Напротив, метод по типу ризомы может анализировать языковую деятельность, только децентрируя ее в других измерениях и режимах. Язык вновь схлопывается в себе, но лишь как некое бессилие.

3. Принцип множественности: именно тогда, когда многое действительно рассматривается как субстантив — множество, или множественность, — нет более никакого отношения с Одним как с субъектом или объектом, как с природной или духовной реальностью, как с образом и миром. Множества ризоматичны, они изобличают древовидные псевдомножества. Нет единства, которое служило бы стержнем в объекте или разделялось бы в субъекте. Нет даже такого единства, которое было бы выкидышем в объекте и «вернулось» бы в субъект. У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу (следовательно, законы комбинаторики пересекаются с множеством). Нити марионетки — как ризомы или множества — отсылают не к предполагаемой воле актера или кукловода, а к множеству нервных волокон, образующему, в свою очередь, другую марионетку, следуя иным измерениям, соединенным с первыми: «Назовем нити или отростки,двигающие марионетками, — тканью. Мы могли бы возразить, что ее множественность обитает в личности актера, проецирующего эту множественность в текст. Ладно, но нервные окончания в свою очередь формируют некую ткань. И они погружаются в серую массу, сетку, вплоть до неразличимости... Игра приближается к чистой работе прях — работе, которую мифы приписывают Паркам и Норнам»². Сборка и есть такое пересечение измерений в множестве, которое с необходимостью меняет природу в той мере, в какой наращивает свои соединения. В ризоме нет точек или позиций, какие мы находим в структуре — дереве или корне. Есть только линии. Когда Глен Гульд ускоряет исполнение музыкального фрагмента, он не только действует как виртуоз, но превращает музыкальные точки в линии, вынуждает совокупность размножаться. Дело в том, что число перестало быть универсальным концептом, соразмеряющим элементы согласно их месту в каком-либо измерении, дабы самому стать множеством, изменяемым согласно рассматриваемым измерениям (первенство области над совокупностью чисел, связанных с этой областью). У нас нет единиц меры, а есть только их множества или их разнообразия. Понятие единства появляется лишь тогда, когда в множестве власть захватывает означаемое или когда в нем производится некий процесс, соответствующий субъективации — итак, либо единство-стержень, фундирующее совокупность двуднозначных отношений между элементами или объективными точками, либо же Одно, которое делится, следуя закону бинарной логики дифференциации в субъекте. Единство всегда действует в лоне пустого измерения, дополнительного к измерению рассматриваемой системы (сверхкодирование). Но как раз ризома, или множественность, не позволяет себя сверхкодировать, она никогда не располагает измерением, дополнительным к числу своих линий, то есть к множеству чисел, связанных — с этими линиями. Все эти множества суть плоские, ибо они заполняют, оккупируют все свои измерения — значит, мы будем говорить о *плане консистенции* множеств, даже если измерения такого «плана» увеличиваются с числом располагающихся на нем соединений. Множества определяются внешним — абстрактной линией, линией ускользания или детерриторизации, следуя которой, они меняют природу, соединяясь с другими множествами. План консистенции (решетка) — это внешняя сторона всех множеств. Линия ускользания маркирует одновременно и реальность числа конечных измерений, эффективно заполняемых множеством; и невозможность появления любого дополнительного измерения без того, чтобы это множество трансформировалось, следуя такой линии; а также возможность и необходимость расплющивания всех множеств на одном и том же плане консистенции или их овнешнения, каковы бы ни были их измерения. Идеал книги состоял бы в том, чтобы расположить все

¹ Ср.: Malmbeig Bertil. *Les nouvelles tendances de la linguistique*, P.U. F., pp. 97 sq. (пример кастильского диалекта).

² Jiinger, Ernst. *Approches drogues et ivresse*. Table ronde, p. 304, § 218.

вещи на таком плане внешнего, на одной-единственной странице, на одном и том же пляже — прожитые события, исторические определения, мыслимые концепты, индивиды, группы и социальные образования. Клейст изобрел письмо такого типа, разрушенную последовательность аффектов с переменными скоростями, осаждениями и трансформациями — и всегда в связи с внешним. Разомкнутые кольца. А его тексты противостоят также во всех отношениях классической и романтической книге, конституируемой через внутреннее субстанции или субъекта. Книга — машина войны против книги — аппарата Государства. *Плоские множества в n измерениях* являются а-означающими и а-субъективными. Они обозначаются с помощью неопределенных или, скорее, частичных артиклей (*нечто от пырея, нечто от ризомы* [c'est du chiendent, du rhizome]...).

4. Принцип а-означающего разрыва: против сверхозначающих купюр, разъединяющих структуры или пересекающих одну структуру. Ризома может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям. На муравьях все не заканчивается, ибо они образуют животную ризому, большая часть которой может быть уничтожена, но при этом она не перестает самовосстанавливаться. Любая ризома включает в себя линии сегментарности, согласно которым она стратифицирована, территориализована, организована, означена, атрибутирована и т. д.; но также и линии детерриторизации, по которым она непрерывно ускользает. В ризоме каждый раз образуется разрыв, когда линии сегментарности взрываются на линии ускользания, но и линия ускользания является частью ризомы. Такие линии без конца отсылают одни к другим. Вот почему мы никогда не можем отдаться дуализму или дихотомии, даже в рудиментарной форме хорошего или дурного. Мы создаем разрыв, проводим линию ускользания, но всегда рискуем обнаружить на ней организации, рестратифицирующие совокупность, образования, возвращающие власть означающему, атрибуции, восстанавливающие субъекта — все, что хотим, от эдиповых возрождений до фашистского отвердения. Группы и индивиды содержат микрофашизмы, требующие только кристаллизации. Да, пырей — тоже ризома. Хорошее и дурное могут быть лишь продуктом активного и временного отбора, каковой следует возобновлять.

Как же движение детерриторизации и процессы ретерриторизации могут не быть относительными, бесконечно разветвляющимися, захваченными друг в друга? Орхидея детерриторизируется, формируя образ, кальку осы; но оса ретерриторизируется на этом образе. Однако оса детерриторизируется, сама становясь деталью аппарата репродукции орхидеи; но она ретерриторизирует орхидею, транспортируя ее пыльцу. Оса и орхидея образуют ризому, будучи неоднородными. Можно было бы сказать, что орхидея имитирует осу, чей образ она воспроизводит в означающей манере (мимесис, мимикрия, приманка и т. д.). Но это верно лишь на уровне страт — параллелизм между двумя стратами, такими, что растительная организация на одной имитирует животную организацию на другой. В то же время речь идет совсем о другом — не об имитации, а о захвате кода, о прибавочной стоимости кода, увеличении валентности, подлинном становлении, становлении-осой орхидеи, становлении-орхидеей осы, и каждое из этих становлений обеспечивает детерриторизацию одного термина и ретерриторизацию другого, причем оба становления сцепляются и сменяются, следуя циркуляции интенсивностей, всегда продвигающей территориализацию еще дальше. Нет ни имитации, ни сходства, а есть взрыв двух гетерогенных серий в линию ускользания, скомпонованную общей ризомой, которая более не может быть ни приписана, ни подчинена какому бы то ни было означающему. Хорошо сказал Реми Шовен: «А-параллельная эволюция двух существ, не имеющих между собой абсолютно ничего общего»¹. Если говорить обобщенно, то возможно, что схемы эволюции вынуждены были оставить прежнюю модель дерева и потомства. В определенных условиях вирус может связываться с зародышевыми клетками и передаваться сам как клеточный ген сложного вида; более того, он мог бы ускользнуть, перейти в клетку совсем иного вида и все же переносить «генетическую информацию», исходящую от первого носителя (например, современные исследования Бенвенисте и Тодаро относительно вируса типа С в его двойном соединении с ДНК бабуина и ДНК некоторых видов домашних кошек). Схемы эволюции будут теперь создаваться не по моделям древовидного происхождения, двигаясь от менее дифференцированного к более дифференцированному, а следуя ризоме, действующей сразу в неоднородном и перескакивающей от одной уже дифференцированной линии к другой.² А

¹ Chauvin, Rémy. *Entretiens sur la sexualité*. Pion, p. 205.

² О работах R. E. Benveniste и G. J. Todaro см. Christen, Yves. Le rôle des virus dans l'évolution // *La Recherche*, № 54, mars 1975: «После интеграции-экстракции в клетку вирус может уносить, из-за ошибки удаления, фрагменты РНК своего хозяина и помещать их в новые клетки — кстати, это основа того, что мы называем *генной инженерией*. Отсюда следует, что генетическая информация, присущая одному организму, может быть перенесена в другой благодаря вирусам. Если мы интересуемся экстремальными ситуациями, то можем даже представить, что такой перенос информации мог бы совершиться от одного — более развитого — вида к другому — менее развитому — виду или родительнице предшествующего. Этот механизм, таким образом, сыграл бы роль, обратную той роли, какую эволюция использует классическим образом. Если бы у такого рода передачи информации была бы большая значимость, то в некоторых случаях

еще есть ос-параллельная эволюция бабуина и кошки, где первый, явно, не является моделью второй, а вторая — не копия первого (становление-бабуином в кошке не означало бы, что кошка «сделала» бабуина). Мы создаем ризому с нашими вирусами или, скорее, наши вирусы вынуждают нас создавать ризому с другими зверями. Как говорит Жакоб, переносы генетического материала с помощью вирусов или другие процессы — например, слияния клеток, происходящих от разных видов, — все это имеет результаты, аналогичные результатам «омерзительных видов любви, столь дорогих для Античности и Средних веков»¹. Трансверсальные коммуникации между дифференцированными линиями перемешивают генеалогические деревья. Всегда ищите молекулярную или даже субмолекулярную частицу, с которой мы вступаем в альянс. Мы развиваемся и умираем от наших полиморфных и ризоматических гриппов больше, чем от наследственных болезней, кои сами обладают собственной наследственностью. Ризома — это антигенеалогия.

То же годится для книги и мира: книга — не образ мира, согласно укоренившемуся верованию. Она создает ризому с миром, имеется а-параллельная эволюция книги и мира, книга обеспечивает детерриторизацию мира, но мир осуществляет ретерриторизацию книги, которая в свою очередь сама детерриторизируется в мире (если она на это способна и если она это может). Мимикрия — крайне неудачный концепт, ибо он связан с бинарной логикой, дабы описывать феномены совершенно иной природы. Крокодил не воспроизводит ствол дерева, как и хамелеон не воспроизводит цвета окружающей среды. Розовая Пантера² ¹¹⁰ничего не имитирует, ничего не воспроизводит, она рисует мир своим цветом, розовое на розовом, это ее становление-миром, способ самой стать невоспринимаемой, а-означающей, создать свой разрыв, свою линию ускользания, вести до конца свою «а-параллельную эволюцию». Мудрость растений: даже когда они существуют в корнях; всегда есть внешнее, где они создают ризому с чем-то еще — с ветром, с животным, с человеком (а также аспект, благодаря которому животные сами создают ризому, и люди тоже, и т. д.). «Опьянение как триумфальное вторжение дерева в нас». И всегда следовать ризоме благодаря разрыву, удлинять, продлевать, ретранслировать линию ускользания, заставлять ее меняться, дабы производить линию еще более абстрактную и извилистую в n измерениях, в изломанных направлениях. Спрягать детерриторизованные потоки. Следовать за растениями: мы начнем с фиксации пределов первой линии согласно кругам сходимости вокруг последовательных сингулярностей; затем мы смотрим — внутри этой линии, — устанавливаются ли новые круги сходимости с новыми точками, расположенными вне пределов и в других направлениях. Писать, создавать ризому, увеличивать свою территорию путем детерриторизации, распространять линию ускользания до того пункта, где она покрывает весь план консистенции на абстрактной машине. «Сначала пойдешь к тому, что посадил, и тщательно проследишь на земле следы дождевых потоков. К настоящему времени дождь, должно быть, далеко разнес семена. Проследи промоинки (*zanjitas*) от дождя и по ним определи направление потока. Затем разыщи тот дурман, который пророс дальше всех от твоего саженца, и все побеги дурмана, выросшие между ними, твои. Позже, когда осыплются семена, ты сможешь расширить свою территорию, следуя дождевым промоинкам от одного растения к другому»³. Музыка не перестает испускать свои линии ускользания, как и «множества, пребывающие в трансформации», даже опрокидывая собственные коды, структурирующие и одревеняющие ее; вот почему музыкальная форма, вплоть до своих разрывов и распространений, сравнима с сорняком и ризомой.⁴

5 и 6. Принцип картографии и декалькомании⁵: ризома не ответственна ни за структурную, ни за порождающую модель. Ей чужда любая идея генетической оси как глубинной структуры. Генетическая ось подобна объективному стержневому единству, на котором организуются последовательные стадии; глубинная

мы были бы даже вынуждены заменять ретикулярные схемы (с коммуникацией между ветвями после их дифференциации) на схемы в форме кустарника или дерева, которые служат сегодня для репрезентации эволюции» (р. 271).

¹ Jacob, François. *La logique du vivant*. Gallimard, pp. 312, 333.

² Персонаж популярных мультфильмов и комиксов. — Прим. пер.

³ Кастанеда К. *Учение Дона Хуана. Путь знания индейцев яки* // Кастанеда К. Учение Дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. К.: София, 1992, с. 107.

⁴ Boulez, Pierre. *Far volonté et par hasard*. Ed. du Seuil, p. 14: «Вы высаживаете ее где-нибудь в черноземе, и она внезапно начинает размножаться как сорная трава». И там же о музыкальном распространении (р. 89): «Плывущая музыка, где сама нотная запись несет для инструменталиста невозможность сохранять совпадение с пульсирующим временем».

⁵ Decalcomania — технология создания и использования переводных картинок. — Прим. пер.

структура похожа скорее на базовую последовательность, разложимую на непосредственные компоненты, тогда как единство продукта переходит в другое измерение, трансформируемое и субъективное. Таким образом, мы не выходим из репрезентативной модели дерева или корня, будь то стержневого или мочковатого (например, «дерево» Хомского, ассоциированное с базовой последовательностью и представляющее процесс своего порождения согласно бинарной логике). Вариация на тему самой древней мысли. Относительно генетической оси или глубинной структуры мы говорим, что они уже заранее обладают до бесконечности воспроизводимыми принципами *кальки*. Вся логика дерева — это логика кальки и воспроизводства. В лингвистике, как и в психоанализе, объектом такой логики является бессознательное, репрезентирующее себя, кристаллизованное в кодифицированных комплексах, размещенное на генетической оси или распределенное в синтагматической структуре. Она стремится к описанию фактического положения дел, к восстановлению равновесия интересубъективных отношений или к исследованию бессознательного, которое уже здесь, притаилось в темных закоулках памяти и языка. Логика дерева состоит в калькировании чего угодно, что дано нам уже готовым, начиная со сверхкодирующей структуры или поддерживающей оси. Дерево артикулирует и иерархизирует кальки, кальки подобны листьям дерева.

Все остальное — это ризома, *карта, а не калька*. Снимайте карту, но не кальку. Орхидея не воспроизводит кальку осы, она составляет карту вместе с осой внутри ризомы. Если карта противопоставлена кальке, то потому, что она полностью развернута в сторону эксперимента, связанного с реальным. Карта не воспроизводит замкнутое на себя бессознательное, она его конструирует. Она способствует соединению полей, разблокированию тел без органов, их максимальному раскрытию на плане консистенции. Она сама создает часть ризомы. Карта открыта, она способна к соединению во всех своих измерениях, демонтируема, обратима, способна постоянно модифицироваться. Она может быть разорвана, перевернута, может приспособиться к любому монтажу, может закладываться индивидом, группой или общественной формацией. Ее можно нарисовать на стене, воспринять как Произведение искусства, ее можно построить как политическое действие или как медитацию. Это, возможно, одна из важнейших характеристик ризомы — всегда выступать множественно; нора в этом смысле — животная ризома, и порой она включает в себя чистое различие между линией ускользания в качестве коридора для перемещения и стратами запасов или жилища (например, мускусная крыса). Карта обладает множественными входами в противоположность кальке, всегда отсылающей к «тому же самому». Карта имеет дело с успешностью [affaire de performance], тогда как калька всегда отсылает к так называемой «компетенции». В противоположность психоанализу, психоаналитической компетенции, замыкающей каждое желание и высказанное на генетическую ось или сверхкодирующую структуру и растягивающей до бесконечности монотонные кальки стадий на этой оси или компоненты в этой структуре, шизоанализ отклоняет любую идею калькированной фатальности, каким бы ни было имя, каким мы ее наделяем, — божественное, анагогическое, историческое, экономическое, структуральное, наследственное или синтагматическое. (Мы ясно видим, что Мелани Кляйн не понимает проблемы картографии одного из своих детей-пациентов, маленького Ричарда, и довольствуется тем, что вытаскивает готовые кальки — Эдип, хороший и плохой папа, плохая и хорошая мама, — в то время как ребенок в отчаянии пытается продлить успешность, каковую психоанализ абсолютно недооценивает.^{1 [14]}) Влечения и частичные объекты не являются ни стадиями на генетической оси, ни позициями в глубинной структуре, это — политические взгляды на проблемы, на входы и выходы, на тупики, политически переживаемые ребенком, то есть всей силой его желания.

И все же, не восстанавливаем ли мы простой дуализм, противопоставляя карты и кальки как хорошую и плохую стороны? Не является ли особенностью карты то, что она может быть скалькирована? Не является ли характерным для ризомы пересекать корни, а иногда и смешиваться с ними? Не содержит ли карта феноменов избытка, уже подобных ее собственным калькам? Нет ли у множества собственных страт, где укореняются унификации и тотализации, омассовления, миметические механизмы, означающие захваты власти, субъективные присвоения? Даже линии ускользания — не собираются ли они, под прикрытием своего вероятного расхождения, воспроизводить формации, кои им надлежало бы разрушать или перенаправлять? Но обратное так же верно, тут встает вопрос метода: *всегда нужно переносить кальку на карту*. И такая операция вовсе не симметрична предыдущей операции. Ибо, строго говоря, было бы неточным сказать, что калька воспроизводит карту. Она, скорее, похожа на фотографию, на рентгеновский снимок, который начинал бы с отбора или изоляции того, что у кальки есть интенция воспроизводить с помощью искусственных средств, с помощью окрашивания или других принудительных процедур. Именно то, что имитирует, всегда создает свою модель и привлекает ее. Калька уже перевела карту в образ, она уже трансформировала ризому в корни и корешки. Она организовала, стабилизировала, нейтрализовала множества, следуя своим собственным осям означивания и субъективации. Она генерировала, структурировала ризому, и калька больше не воспроизводит

¹ Ср.: Klein, Mélanie. *Psychanalyse d'un enfant*. Чy [Tchou]: роль военных карт в деятельности Ричарда.

ничего, кроме себя самой, когда полагает, будто воспроизводит что-то другое. Вот почему она так опасна. Она впрыскивает избытки и распространяет их. Из карты или ризомы калька производит только тупики, преграды, зародыши стержня или точки структурирования. Взгляните на психоанализ и на лингвистику: первый всегда вытаскивает только кальки или фотографии бессознательного, вторая — кальки или фотографии языка со всеми изменениями, которые это предполагает (неудивительно, что психоанализ прикрепляет свою судьбу к судьбе лингвистики). Взгляните, что уже происходило с маленьким Гансом в чистом психоанализе ребенка: ему не переставали ЛОМАТЬ ЕГО РИЗОМУ, МАРАТЬ ЕГО КАРТУ, вновь разглаживать ее для него, блокировать ему любой выход до тех пор, пока он не возжелает собственного страха и вины, пока в нем не укоренятся стыд и вина, Фобия (мы ограждаем его от ризомы здания, затем от ризомы улицы; мы укореняем его в постели родителей, высаживаем корешки на его собственном теле, блокируем на профессоре Фрейде). Фрейд явно принимает в расчет картографию маленького Ганса, но всегда лишь ради того, чтобы наложить ее на семейную фотографию. И посмотрите, что делает Мелани Кляйн с геополитическими картами маленького Ричарда: она вытягивает из них фотографии, она делает кальки; примите позу и следуйте оси, генетической стадии или структуральной судьбе; мы ломаем вашу ризому. Мы позволим вам жить и говорить при условии, что вам закупорят любой выход. Когда ризома закупорена, превращена в дерево — все кончено, ничего больше не передает желания, ибо именно благодаря ризоме желание всегда продвигается и производится. Каждый раз, когда желание следует дереву, имеют место внутренние выпадения, опрокидывающие его и ведущие к смерти; но ризома действует на желании с помощью внешних и продуктивных толчков...

Олег Аронсон Язык времени

Кино и философия

Две книги о кино одного из крупнейших современных философов Жюль Делёза (1925–1995) имеют весьма неопределенный статус в современной теории. Они, с одной стороны, представляют большую трудность для историков и теоретиков кино, поскольку у концепции Делёза мало точек соприкосновения с тем, что до сих пор делалось в этой области знания. Конечно, почти все фильмы, с которыми имеет дело французский философ в своем исследовании, хорошо известны не только специалистам, но и широкому кругу синефилов; конечно, киноведческая литература не охватчена Делёзом достаточно полно, однако даже предьявленное им количество фильмов и работ о кино кажется избыточным для статусного философа. Делёз несомненно был увлечен кинематографом, очарован им. Несомненно и то, что дело вовсе не в количестве просмотренных им фильмов, что трудности историков и теоретиков кино в понимании Делёза начинаются с того, что все, следящее им за многие годы, оказывается чем-то очень частным и незначительным: не только исторические периоды, школы, направления, но и обновленные технические понятия (монтаж, крупный план, план-эпизод, треллинг и т. п.) обретают в этой работе очень непривычную интерпретацию. К тому же читателя все время не покидает ощущение, что дело вовсе не в фильмах, что философ занят работой, где фильмы, имена режиссеров, столь значимые и ценные всяким историком кино, не более чем случайности, пусть даже великопепные (порой Делёз не может скрыть за теоретичностью текста своего восхищения отдельными фильмами и режиссерами). Мы призывали мыслить историю кино как серию значимых имен. Для Делёза же существуют кинематографические события, которые не принадлежат отдельным фильмам и не открываются отдельными кинематографистами. Эти события находятся в сфере образности современного человека, идущего в кинотеатр и смотрящего фильм не ради знания, а для собственного удовольствия. В результате история кино по Делёзу предстает историей событий восприятия, спровоцированных развитием кинематографа. Это лишь некоторые из причин, по которым современная киноаука до сих пор не может приобщиться Делёза для своих нужд, хотя с каждым годом появляется все больше исследований, ему посвященных, а скепсис в отношении этого фундаментального труда давно сменился на пиетет.

Не меньшие трудности при чтении этой книги подстерегают и профессиональных философов. То, что им придется столкнуться с бесконечными ссылками на кинокартины, которые они не видели, с кинотерминологией, которую они вовсе не обязаны знать, — это лишь одна и не самая большая

проблема. После скандального «Анти-Эдипа», написанного Делёзом в соавторстве с психоаналитиком Феликсом Гваттари, такого рода затруднение не есть нечто раздражающее. Гораздо важнее другое: развивая на примере кино собственные философские взгляды, Делёз отходит от терминологии, разработанной им в предыдущих книгах. Понятийная система создается здесь на наших глазах, и философского багажа для понимания ее формирования оказывается явно недостаточно. Именно опыт кинозрителя оказывается с необходимостью включен в построение той логики, которую предлагает Делёз и которая касается ключевых философских проблем нашего времени — проблем восприятия, языка, субъективности и — главное — времени. Это вовсе не значит, что для понимания работы Делёза надо обреченно плестись в кинозал и бесконечно просматривать немые, черно-белые, цветные, экспериментальные и развлекательные фильмы, впитывая некий «опыт кинозрителя». Вовсе нет. По Делёзу, мы в нашем сегодняшнем мире уже наделены этим опытом, несмотря на то, что не видели все «шедевры» мирового кино. Тип образности, сформированный кинематографом, стал неотъемлемой частью нашего восприятия, но он не может быть постигнут изнутри философии, все больше ошущающей свои границы, все пессимистичней настроенной в отношении собственного будущего. Именно выход за рамки философии, попытка взглянуть на нее извне, осуществляется Делёзом в двухтомнике «Кино», и именно этот теоретический жест требует наибольшего напряжения, ибо, может быть впервые в истории философии после Ницше, мы станем свидетелями попытки отыскать место философии «по ту сторону» ее границ, границ, которые сама философия ощущает постоянно, а в XX веке особенно.

Кто же тогда читатель этой книги Делёза? Конечно, не тот, кто хочет узнать о кино нечто новое, что может сообщить философский подход к нему. И не тот, кто ищет оригинальности мысли в самом обращении к такому нехарактерному для философа материалу, как кино. Скорее всего, «Кино» — книга *практическая*, книга-опыт, которая способна учить. Учить и кинематографистов, и теоретиков, и философов именно доверию к опыту, который неочевиден, к восприятию, которое не вполне принадлежит нам, к знанию, которое кажется всегда недостаточным. Сам Делёз, говоря об изменяющемся в современном мире отношении между словами и образами, называет эту ситуацию «педагогикой перцепции», противопоставляя ее господствующей ранее и до сих пор крайне влияющей, но распадающейся на наших глазах «энциклопедии мира». И можно с уверенностью сказать, что «Кино» несет в себе этот воспитательный заряд. Педагогика перцепции, или, если угодно, обучение восприятию, — вот тот важный посыл, который рождается из столь проблематичного контакта философии и кино. Восприятие не разделяется здесь на чувственное и интеллектуальное, а задача автора не сводится к тому, чтобы научить философа смотреть кино, а кинематографиста думать. Делёз исходит из презумпции такого сосуществования этих восприятий, при котором одно невымыслимо без другого. Мы послушно последуем за собственными привычками, воспринимая то, что привыкли воспринимать, знаем то, что «прочли» в энциклопедии мира. Действительно, как читать подобную книгу, если этих фильмов нет в памяти, если они невидимы? И что дает знание всех этих имен, фильмов, кадров, сцен, эпизодов, которые можно знать, помнить, представлять их заново в собственной памяти? Что дает это, если всякий раз мы натываемся на то, что точность представления ничего не стоит, что она включена в игру неких иных образов, где уже не

важно, насколько вы хорошо помните фрагмент из фильма (из того ли фильма? тот ли фрагмент?). Внимание фактически смешается в сторону неких смутных, нечетких образов, удерживаемых на периферии восприятия, обрывков, никак не могущих предстать изображением чего-то.

Итак, читатель делёзовского «Кино» — тот, кто готов к смене характера перцепции, к опыту иного типа, неотличимого от всегда неясных оснований мышления, кто рискует расположиться в области, где привычки мышления и восприятия должны уступить место образам, для которых еще нет территории, ибо они располагаются вне пространства власти языка и активного восприятия.

Мимо этого не может пройти и искусственный читатель, знающий не только философию (включая труды самого Делёза), но и весь визуальный кинематографический слой книги. Впрочем, это мнимая искусственность, создающая иллюзию понимания лишь на время. Ведь проблемы остаются теми же, если даже не большими, ибо из ситуации знания труднее совершить тот поворот опыта восприятия, к которому приглашает Делёз. В этом случае надо не только пройти путь расставания с зрительными образами конкретных фильмов, доверившись прежде всего тем связям, которые устанавливает между ними философ, но, и это особенно трудно, преодолеть искушение сопоставлять то, что делает Делёз в этой работе, с тем, что им уже сделано в других книгах, что по-своему «освоено» современной философией, многократно откомментировано и стало фактом знания.

Конечно, было бы смешно отрицать зависимость того, что делает Делёз в «Кино», от его прежних концепций, наиболее ярко представленных в книгах «Различие и повторение» и «Логика смысла». И сам Делёз нет-нет да и обращается за помощью к понятиям аффекта, смысла, события, становления, развивавшихся им ранее. Но в данном случае Делёз, пожалуй, не приводит эти понятия, не обосновывает их, не указывает на те отличия от философской традиции, которые он в них пытается зафиксировать, а пользуется ими, причем так, чтобы с их помощью переосмыслить саму ситуацию кинематографического восприятия. Но почему именно «кинематографическое»? Почему именно кино удостоилось такой чести? Что такого особенного произошло с вхождением в нашу жизнь именно этой технологии производства образов?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо помнить, что Делёз ницшеанец, один из немногих последователей ницшеанцев после Ницше. Его основное устремление — продолжить философию в ее «несовременности», найти ее место там, где она еще не успела обрести некую «реальность» в качестве основания (ведь именно эта вводимая философами «реальность» как таковая есть, по Ницше, то, что немаловажно уже сконструировано «высшими ценностями»). Кино мыслится Делёзом именно как стихия движения и изменчивости, и в этом оно близко ницшевской «воли к власти», понимаемой как движущее различие, стирающее противопоставление господства и подчинения, силы и слабости, утверждения и отрицания. «Воля к власти» есть само *становление*, то, что позже Делёз будет описывать как «план имманентности».

«... Очень важно избежать искажения смысла в понимании ницшевского принципа воли к власти, — пишет Делёз. — Принцип этот не означает (по крайней мере, изначально), что воля *хочет* власти или *ожидает* господства. Если толковать волю к власти как “вожделение господства”, это значит под-

чинять ее установленным ценностям, во власти которых определять, кто может быть “признан” самым могущественным в том или ином случае, в том или ином конфликте. В подобном толковании нет понимания того, что воля к власти означает пластический принцип всех наших ценностных суждений, скрытый принцип создания новых, еще не признанных ценностей. Природа воли к власти, по Ницше, не в том, чтобы вождель, не в том даже, чтобы *брать*, но в том, чтобы *творить* и *отдавать*»¹.

Итак, кино — своеобразный материальный эквивалент ницшевской «воли к власти», место, где растворяется философия, взыскующая смысла, где выходят на поверхность смутные образы, еще не закрепленные в изображении, не обладающие никакой ценностью. Эти образы захватывают нас, очаровывают, возвращают нам реальность, но это не реальность «как таковая», а реальность желаний, тех сил, что вступают в отношения друг с другом и порождают как абсолютное желание (а не только как частное желание господства). Но именно потому, что материя кино есть пространственно *отношения сил* перцепций (интенсивностей), аффектов и желаний, незначительных (не имеющих ценности) настолько, что они не могут быть опознаны субъектом восприятия в качестве таковых, а, напротив, в своем взаимодействии формируют самого этого субъекта по определенным правилам, — именно поэтому кино есть не просто «возвращение реальности», не просто ее точное воспроизведение, но такое возвращение, когда возвращается только частное, только отобранное желание, или, как говорил Ницше о «вечном возвращении», — «избирательное Бытие». Можно сказать, в кинематографе возвращается только та реальность, которая фиксирует мир в становлении.

Именно поэтому Делёз никогда не говорит о кино как ожившей, начавшей двигаться картинке, а сразу начинает с того, что кино открывает особый тип образов — образы-движения, не сводимые ни к какому изображению, а предполагающиеся в пространстве между изображениями, фиксируемыми естественным человеческим восприятием и находящимися за рамками данного типа восприятия. Представление о кино как движущейся картинке немаловажно предполагает, что реальность здесь находит свой дубликат, свою копию, восприятие которой устроено по законам естественного восприятия. Для Делёза реальность, «возвращенная» кинематографом, диктует иной тип восприятия, иной опыт, который становится достоянием каждого, — опыт виртуализации. Именно благодаря кинематографу «виртуальное» оказывается не противопоставленным «реальному», но становится его составной частью.

В кинематографе мы имеем дело с такой образной системой, которая не сводится к традиционным системам представления, с набором образов, которые виртуализуют реальность. До сих пор удел именно философии и, в меньшей степени, искусства состоял в виртуализации реальности. Тотальность кинематографической виртуализации велед за собой Делёза, и потому именно в кино он находит возможность «возвращения философии» как раз в тот момент, когда она постоянно рефлексивирует собственную смерть. Но у этой философии уже иной субъект. Субъект, открытый силам, захватываю-

¹ Делёз Ж. Ницше. СПб. Аxioma, 1997, с.35.

² См. наст. изд. (Кино-1. гл. I. ч. 1).

шим его, открытый «воле к власти»¹. Это уже не субъект восприятия, спонтанный производить образы, а субъект, открытый воздействию образов настолько, что они перестают требовать воспроизведения, оставаясь единичными, повторяясь случайно, создавая смысл-событие в акте этого случайного повторения.

Итак, кино — это такая система, которая не просто требует иного типа восприятия, но меняет сам характер опыта. Надо сказать, что на это обратили внимание еще на заре кинематографа Вальтер Беньямин и Зигфрид Кракауэр. И тот, и другой увидели, что кинематограф формирует собственного субъекта восприятия, и этим субъектом является уже не «я» (психологизированный субъект), а масса. Последняя как субъект восприятия несводима к пониманию субъективности, сформированному новым временем по принципу картезианского *coûte*, когда произошло отождествление понятий «я» и «субъекта», когда неотъемлемыми характеристиками субъекта стали активность и способность к представлению (к производству и воспроизводству образов-представлений). Характеризуя восприятие кинозрителя, Беньямин пишет о том, что это восприятие не ограничивается только оптикой, что «развлекательное расслабляющее искусство незаметно проверяет, какова способность решения новых задач восприятия»². И далее: «Прямым инструментом тренировки расянного восприятия, становящегося все более заметным во всех областях искусства и являющегося симптомом глубокого преобразования восприятия, является кино»³.

Именно «несобранный» (не-индивидуализированный) субъект становится предметом внимания Жюль Делёза, а его «Кино» оказывается своеобразной теорией восприятия такого субъекта. Беньямин и Кракауэр рассматривали его как отлаженного свою субъективность массы. Мы же можем сказать, что этот субъект ориентирован не на индивидуальное восприятие, а на ту его область, которая отдана «всеобщей сообщаемости знания и удовольствия» (Кант). Такой субъект лишен индивидуально-психологических характеристик, а потому и теория восприятия должна быть депсихологизирована. Впрочем, однако, заключается в том, каков тот путь депсихологизации, который бы позволил приблизиться к силам, отношения между которыми составляют план имманентности кинематографа.

¹ Делёз, интерпретируя Ницше, вводит различие между двумя типами власти. *Puissance* — относится к виртуальному порядку власти, где власть выступает как целое в своих множественных проявлениях (именно так на французский переводится ницшевская «власть»). Словом *potentia* Делёз обозначает актуальный порядок власти, близкий пониманию власти у Фуко, при котором власть мыслится не как сила, а как взаимодействие сил. В первом случае мы имеем дело с самой материей власти (се имманентным порядком), во втором — с проявлениями, ее функциями. «Воля к власти», таким образом, оказывается, согласно Делёзу, способностью субъекта быть восприимчивым (пассивным), открытым навстречу образам с самой слабой интенсивностью. Возращение философии возможно при условии, если субъект вступает в контакт с этой виртуальной властью, которая не принадлежит порядку представления, которая порождена смутными образами, не произведенными человеком, но контактирующими с ним.

² Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. — Избранные эссе. М., 1996, с. 61.

³ Там же.

Для Делёза, правда, это лишь частный вопрос, один из многих, в которых он приближается к кинематографу как особому средству выражения, план имманентности которого отвечает уже иному характеру субъективности. География образов, описывающая этот план имманентности, призвана зафиксировать появление такого нового (деиндивидуализированного и депсихологизированного) субъекта восприятия.

Логика образа

Путь депсихологизации философии в XX веке тесно связан с феноменологической традицией. При этом многочисленные попытки феноменологического анализа кинематографа постоянно сталкиваются с проблемой *двйжения*. Подвижность, изменчивость кинематографических образов, их постоянное ускользание от схватывания, детализации и анализа создают большие сложности для феноменологии, которая ориентирована на укорененность субъекта в мире, на изначальный перцептивный опыт, позволяющий сознанию стать «сознанием чего-то», то есть расположить мир вокруг себя так, что любой сколь угодно нереальный образ (а это всегда образ, порожденный сознанием) участвует в мире, раздвигает его горизонт.

Статика феноменологии, где единственно возможное движение — это единение в последовательность редукционистских жестов, приводящее к центру — нередуцируемому опыту бытия-в-мире, вступает в конфликт с кинематографом именно потому, что кинематографическое движение не имеет закреплённости в мире феномена. Делёз указывает на то, что кино ацентрично, а кинематографические образы уже не выстраиваются вокруг какого-либо частного опыта, поскольку сами не произведены никаким опытом. С изобретением кино, как пишет Делёз, «уже не образ становится миром, но мир — собственным образом»¹.

Суля по всему, и Гуссерль и Хайдеггер ощущали неявную «угрозу», исходящую от экрана. Не случайно они игнорируют кино как объект исследования. Мерло-Понти, пытаясь выявить кинематографические гештальты, приходит к выводу, что здесь пролетает граница, за которой начинается «новая психология», но для философии, по его мнению, кино все-таки «ложный союзник». Анализ Ингардена фактически сводят кино к избыточной «музыка феноменов» (воплотению чистой интенциональности). Сартр в книге «Воображаемое» обошел кинообразы стороной. Важный шаг делает Ролан Барт, когда, анализируя Эйзенштейна, вообще элиминирует физическую составляющую движения, рассматривая фотографии (отдельные останковенные кадры, в которых, по его мнению, проявляется «сушность фильмического»), где пытается обнаружить изменчивость самого знака. Но и он в книге «Camera lucida», разрабатывая оригинальную аффективную феноменологию, пишет, что фотография кажется ему более философичной, чем кинематограф: «Не в моей власти, сидя перед экраном, закрыть глаза — в противном случае, вновь их открыть, я уже не застану того кадра. Кино побуждает к постоянной прожорливости; оно обладает множеством других добродетелей, задумчивость не из их числа...»²

¹ Наст. изд. (Кино-1, гл. IV, ч. 1).

² Барт Р. Camera lucida. М.: Ad Marginem, 1997, с. 86.

Для Делёза же определенная нерелексивность кинематографа является продуктивной именно в освоении новых возможностей философской мысли. Его поворот — от мысли о сущности к движению, к непосредственному состоянию, к возвращением, повторам, ритуалам, к изменчивости, с которой не справляется феноменология. Всякий вопрос о сущности фильмецкого с неизбежностью приходит к приоритету связи между образом и изображением перед другой — между образом и движением. Образ-изображение, то есть образ «чего-то», того, что *есть*, и обязан быть феноменологически приоритетным, поскольку именно с его помощью можно мыслить кинематограф как некую форму восприятия мира. Поэтому движение оказывается здесь еще одним вариантом изображения: всегда видимым, воспринимаемым, предполагаемым, представленным, актуализованным в момент его восприятия зрителем здесь и сейчас.

Идея Делёза состоит в том, что образ в кинематографе формируется не изображением движения, но таким движением, которое не в состоянии сформировать образ в качестве представленного, в качестве образа-изображения, образа-представления, на который всегда опиралось искусство и с которым имеет дело феноменология.

Что же это за движение, порождаемое кинематографом и определяемое Делёзом как образ-движение? Как вообще возможно говорить о нем, зная, что сам язык является мошнейшим поставщиком образов-представлений? Ключевой фигурой в формировании понятийного языка Делёза становится Анри Бергсон. Уже в книге «Бергсонизм», написанной в середине шестидесятых, формулируются некоторые положения, которые получают в «Кино» неограниченное предметное воплощение. Прежде всего это касается бергсоновской теории образа, развиваемой им в книге «Материя и память», теории, оказавшейся слишком радикальной даже для самого Бергсона.

«Материя и память», написанная в 1896 году, то есть в то же самое время, когда появились первые ленты братьев Люмьер, явилась, как показывает Делёз, теорией кинематографического восприятия *до* кинематографа. В ней Бергсон предложил совершенно неожиданный подход к проблеме образа, попытавшись рассматривать его как изменчивость-в-себе, как способность к самодвижению. Мысль Бергсона вплотную подошла к понятиям, готовым овладеть движением, но так и осталась нереализованной. Бергсон не ощутил тех потенциалов, которые несли в себе его теория. Он прошел мимо возможностей применить ее к кинематографу. Более того, в «Творческой эволюции» (1907) он проводит аналогию между кинематографом и рациональным мышлением: и в том, и в другом случае жизнь воспроизводится механически, покадрово; реальное движение самой жизни, подменяется механическим абстрактной дилеммой. В главе «Кинематографический метод» он приводит кино как пример фотографии, искусственно приведенной в движение и сошедшей иллюзию реальности, подобно тому, как наша научно-рациональная мысль постоянно пытается подменить собой жизнь в стремлении соответствовать материи.

Совсем иная картина предстает в «Материи и памяти», где проводится последовательная критика «естественного» положения, согласно которому вещи принадлежат нашему сознанию в качестве образов (образов вещей). По Бергсону, образы не есть образы «чего-то», они просто *есть*. Он отделяет образ от зрения (и представления). Образ принадлежит самой материи, он формируется в вещах, а не в психике, и именно благодаря им (образам) возникает ситуация

видения. Мерло-Понти высказался по этому поводу так: «Никогда еще не замыкался круг между бытием и „я“, так чтобы бытие „для Я“ было зрителем, а зритель существовал „для бытия“». Никогда еще не было описано первоначальное бытие воспринятого мира. Раскрывая его ввел за рожающейшей длительностью, Бергсон отыскивает в сердцевины человека доократический и «человеческий» смысл мира¹. Такой смысл мира никак не вписывается в картезианство, поскольку здесь «я» теряет свою способность к самостоятельности. Бергсон показывает, что целый пласт нашего существования — память — является источником тех образов, полнота которых не схватывается картезианским «я», существующим только в настоящем времени.

Делёзианская «виртуальность» возникает в тесной связи с теорией памяти Бергсона. В логической системе Делёза эта «виртуальность» противопоставлена «реальности», а «актуальности». Противопоставление виртуальности и реальности возникло из ложного понимания прошлого как того, чего уже *нет*, из смешения бытия и бытия-в-настоящем. Пласт образов-воспоминаний, открытый Бергсоном, подкашивает нам, что скорее нет настоящего. Оно находится в чистом становлении — всегда по ту сторону «я». В этом смысле оно действует, оно активно, оно актуально. Актуальность же прошлого приостановлена. Но, как пишет Делёз, не приостановлена в бытии. Оно не актуально, но оно *есть*. Такое воспоминание не имеет психологического порядка существования, поскольку психологическое — это всегда настоящее. Через «чистое воспоминание» Бергсон описывает бытие как таковое, где прошлое — это нечто — онтология, а бытие — невоспоминаемое, актуализующееся в разном роде «психологизациях»².

Для Делёза кино не просто ацентрично, в нем не просто отсутствует точка укорененности, которая была ранее закреплена за субъектом, кино — это мир, где образ обретает движение, становится образом-движением. Именно в освоении кинематографом образов-движений видит Делёз историю развития кино. Это не история фильмов, школ и направлений, не история изображений приемов киноповествования. Это другая история. Делёз называет ее «естественной», сравнивая развитие кино с развитием биологического вида. Естественная история кино строится на открытии той изменчивой материи, что составляет план имманентности кинематографа. Это в каждый момент еще не проявленные «образы-в-себе», связанные в последовательности движения (их блоки, срезы, множества). Это не «образы чего-то», не образы вещей. Они — вешах, ведь свет, в делёзианском кинематографическом мире тождествен материи, еще не отражен и не проявлен, «взгляд находится в вешах, в образах-в-себе, а фотография, если таковая есть, уже впечатана внутри вешей (или всех точек пространства)»³.

Световая материя, а точнее — бытие-свет, имманентна кинематографу. Однако это только часть кинематографического высказывания. Другая его часть — язык.

В своей книге о Мишеле Фуко Делёз, анализируя его оппозицию «видеть» и «говорить», вводит понятие априорного света («нечто световое»),

¹ Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1996, с. 173.

² См.: Deleuze G. Le Bergsonisme. P.: Minuit, 1966. Ch. 3.

³ Наст. изд., с. 111.

бытия-света. Это позволяет ему переосмыслить феноменологическое понимание «видимости», которое связывает Фуко с традицией, идущей от Хайдеггера и Мерло-Понти, «видимости», равнооткрытой и зрению, и слову. Делёз не противопоставляет свет языку, а связывает их воедино (в высказывании). Причем движется он в соответствии с тем, как сам Фуко преобразовал феноменологическое понимание языка, показав, что последний «содержит» слова и фразы, но не высказывания. Так же обстоит дело и со светом, который «содержит» объекты, но не видимость, и теперь последние уже не акты выдающего субъекта, не то, что составляет нам зрение, но «мультисенсорные комплексы, выходящие на свет» (Делёз). Бытие-свет, таким образом, это то, что «только и способно соотносить видимость со зрением и одновременно с другими органами чувств, каждый раз следуя сочетаниям, которые сами по себе являются зримыми. Например, осязательное есть способ, с помощью которого зримое скрывает другое зримое. <...> «Виртуальная видимость» — «видимость за пределами взгляда» — пребывает над другими формами перцептивного опыта и не апеллирует ни к зрению, ни к слуху, ни к осязанию»¹.

Кино — виртуальная видимость. Здесь наше чувственное восприятие уступает место иным перцептивным силам, которыми оказываются захвачены и мысль Бенямина о репродукции, и мысль Фуко, с кино прямо не связанных. Делёз без преувеличения можно назвать первооткрывателем этих новых сил, в которых субъект не только исчезает, но его исчезновение сигнализирует о возвращении мысли, слишком сильно зависевшей именно от *такого* (индивидуализированного) субъекта, о возвращении философии, и раньше (в средние века, например) вполне обходившейся без именно *такого* понимания субъекта. Кино открывает нам возвращение мысли, забытой в эпоху господства субъекта. У Делёза оно оказывается «ближе» к мысли, чем фотография и даже чем литература, почти совпадая с тем, как устроена сама мысль. Развитие же кинематографа (его «естественная история») идет по пути все большей виртуализации (наращивание световых, цветовых, звуковых и прочих эффектов), то есть по тому пути, где реальность мысли оказывается более осязаемой, чем та физическая реальность, которую кино якобы «повторяет»². Именно здесь пролетает граница, отделяющая образ-движение от образа-времени.

¹ Делёз Ж. Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1997, с. 85.

² Ср. с рассуждением Делёза о значении теории Дарвина для понимания механизмов повторения и различия: «Главная роль естественного отбора — дифференцировать различия <...>. Там, где нет или уже не происходит отбора, различия остаются или снова становятся смутными; там, где он происходит, различия фиксируются и расширяются. Таксономические соединения — роды, семьи, порядки, классы — более не побуждают мыслить различие как соотносящееся с подобием, тождеством, аналогиями, определенными оппозициями в качестве некоторых условий. Напротив, эти таксономические соединения мыслятся исходя из различия, дифференциации различия как основного механизма естественного отбора» (Ж. Делёз. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998, с. 302). Делёз анализирует кинематограф с точки зрения эволюции оптических и звуковых эффектов (наподобие дарвиновской теории видов), что позволяет ему ввести такую таксономию образов, которая оказывается чрезвычайно продуктивной при отыскании тех правил «чтения» фильма, которые исходят из описываемого им плана имманентности кино.

Итак, «виртуальная видимость», «бытие-свет» — это то, что составляет план универсального становления, та материя, которую населяют образы-движения, или «подвижные срезы длительности» (Бертсон), противоположные неподвижным фотографическим срезам. Образ-время находится уже за пределами движения, вне рамок не только «естественного восприятия», но и той кинематографической перцепции, где действуют силы становления. Образ-движение еще связывается Делёзом с единством восприятия и реагирования, что влечет за собой выделение особых образов-перцепций (пространство-становления), образов-действий (время-в-становлении), а также образов-эмоций, в которых движение абсорбируется. Возникающая в последнем случае видимая неподвижность, «замороженное» движение, соединяет в себе восприятие и реакцию так, что оказывается явлен не просто некий привилегированный момент восприятия, но такой случайный момент, который и есть *событие* восприятия, составляющее «смысл» образа-движения.

«Событие восприятия» не есть нечто воспринятое, но «нечто», в чем восприятие оказывается за рамками воспринятого, вне эмпирического и даже феноменального опыта. Событие восприятия есть невоспринимаемое субъектом. Оно не фиксируется в своей целостности, но дает о себе знать лишь в *серии* восприятий.

Природа кино (не сущность, а именно «природа» как процесс становления) такова, что движение создается последовательностью равноудаленных друг от друга кадров, то есть случайных моментов, каждый из которых невоспринимаем в своей особенности, но чья последовательность формирует образ, который уже можно потребить, соотносить с видимым, уподобить реальности. Кажется, что «природа» кино и его механика совпадают настолько, что именно благодаря этой последней порождается то особенное в образе, что было невозможно до этого — образ-движение. Однако это будет так только в том случае, если мы поймем, что «случайные моменты» не есть остановленные срезы времени, не есть воспринимаемые изображения. Кинообраз формируется из невоспринимаемых интервалов, из тех промежутков, в которых образ не может стать изображением. Именно здесь проходит граница в понимании природы кино между Делёзом и Бергсоном, для которого движение в кино есть соединение неподвижных фотографических срезов-изображений, то есть моментов видимости, привилегированных для восприятия. И уж тем более вся эта технологическая проблематика не интересует феноменологию и психологию восприятия, которые начинают с уже воспринятого, с видимого, с подобия реальности, с иллюзии реальности и т. д. Хотя зазор между случайным моментом, фиксируемым кинокамерой, и привилегированным моментом, выделяемым человеческим глазом, издавна интриговал теоретиков кино. Можно вспомнить полемику двадцатых годов между Вертовым и Эйзенштейном по поводу монтажа, в которой первый был апологетом «случайности», фиксируемой камерой независимо от человека, а второй настаивал на монтаже выделенных фрагментов восприятия, обладающих именно определенным изобразительным воздействием. Эти же проблемы, но в несколько снятом виде, можно найти у Годара и Штрауба.

Даже феноменологически ориентированные исследователи, начиная с Бенямина и Кракауэра, явно или неявно опирающиеся на идеи фотографической природы кино, порой обнаруживают некую «странность» кинообразов: их нельзя остановить. Вырезанный кадр (фотограмма) обладает иным (дополнительным) смыслом, несчитываемым в момент просмотра. Правда, то,

чем просто портрет, или блеска ножа, составляющих, ту «часть события, которую его свершение не может реализовать» (Бланшо), что, собственно, и есть *событие* в делёзовском смысле.

Отделение перцепции от взгляда, лишение ее укорененности в человеческом и перепоручение ее инстанции технологической, есть *фотографический предел*, за которым располагается феноменально несхватываемое движение, движение вне рамок видимости. Освоение языка кинематографической выразительности означает обретение движения как некоей новой инстанции, которая дает нам иное представление о времени. Образ-время есть попытка введения Делёзом иного способа мыслить время исходя из децентрированной хаотической системы образов, перцепция которых принадлежит не нам, а самой материи. Образ-время — касание времени без представления о нем. И возможность этого прикосновения ко времени *извне* (в отличие от Канта и Хайдеггера, для которых порядок времени сохраняется как внутренний или же «внутримирный») появляется, когда образ-движение кинематографом уже освоено, а наша чувственность уже перепоручена кинообразам. По мнению Делёза, это связано с появлением таких оптико-звуковых ситуаций, которые уже ориентированы на образ-движение как на то, что принадлежит «самой реальности». Те сенсорные связи, что сформировали кино исходя из его фотографической природы, так и из несводимости кино к фотографии, уступают место образу-времени, где движение становится штампом, элементом чтения, когда возникает «инфляция образов», а «кино все больше требует мысли, даже если это влечет разрушение перцепций, эмоций, действий, которыми оно до сих пор подпитывалось»¹.

Время в становлении

Эволюция кинематографа от образа-движения к образу-времени связывает Делёзом со все большим ослаблением действия, сенсорных связей, а также с ослаблением метафоричности. Появление звука, цвета, расширение технических возможностей съемки формируют иную оптико-звуковую ситуацию, которую Делёз, в отличие от многих своих предшественников, мыслит крайне позитивно. Здесь уместно вспомнить весьма показательную статью Романа Якобсона «Конец кино?» (1930), где он оценивает приход звука, появление «говорящих» фильмов как утрату кинематографом найденных в немой период средств собственной выразительности (прежде всего *языковых средств*), как его возвращение к литературе и театру². Для Делёза же новая ситуация является приближением кино не к реальности, а к плану имманентности самого кинематографа, который располагается именно в слабых связях, в тех оптико-звуковых отношениях, что ускользают, теряются внутри метафор. В этой ситуации мы имеем дело с тем, что наше восприятие вещи всегда слабее, чем вещь сама по себе. Вещь обладает избытком присутствия, с которым восприятие уже не справляется.

Не случайно Делёз начинает отсчитывать историю образа-времени с послевоенной эпохи, с итальянского неореализма, а не с появления звучащей

что это «смысл», который Барт называл «третьим смыслом», имеет какое-то отношение к кино, оказывается под большим сомнением, поскольку свой анализ Барт проводит именно на фотограмах из фильмов Эйзенштейна, режиссера, ориентированного на «привилегированные» моменты. С другой стороны, случайно вырезанный кадр почти всегда обладает неким отчуждающим свойством: он не похож на фотографию, ибо несет в себе нечто фотографически «аккультурное», образительную неудачу. На это обращает внимание Ж.-Л. Нанси, когда говорит, что «не существует практически никаких — практически, потому что их очень мало, — изолированных образов на киноплёнке — таких, которые обнаруживаемое кинематографом...»³.

Движение, обнаруживаемое кинематографом и обнаруживающее иной тип образов, ускользает в каждый момент актуализации видимости, поскольку последняя всегда не случайна, всегда заранее предуготовлена системой образов-представлений и ожиданий образа в качестве изображения. Видимость утверждает присутствие восприятия как собственного, находящегося в наличности, принадлежащего сознанию, контролируемого инстанцией «я». Делёзianская теория образа утверждает, что с появлением кинематографа мы получаем возможность иметь дело с восприятием не как с некоторой «вещью-в-себе», являющейся «темным» (внутренним), непроясненным основанием любой образности, но как с тем, что вынесено вовне: сегодня мы воспринимаем не по правилам нашей чувственности и нашего знания, но по правилам, сформированным кинематографом, по законам кадрирования, панорамирования, монтажа. То, что Делёз называет образом-движением, предполагает освоение всех этих правил, «педагогику перцепции», через которую проходит каждый, кто смотрит кино. И в этом смысле, являясь кинозрителем, «я» перестает быть воспринимающим субъектом, а становится «каждым», тем «некто» повседневности, в котором обнаруживает себя общность знания и удовольствия, бытие-с-другим, или, что в данном случае то же самое, — становление-другим.

Понятия кадра, плана и монтажа принципиально отличны у Делёза от того, что подразумевает под этим технология производства фильма и кинотеория. Для него это прежде всего понятия, которые совпадают с перцептами, их сформировавшими, и которые составляют план имманентности кино. Через них можно описать образ-движение как становление образа иным, как детерриториализацию образа, обнаруживающем различие в самом себе, поскольку уже «экран выполняет роль рамки, которая наделяет общей мерой то, у чего ее нет: ландшафт и лицо, части, у которых отсутствует общий знаменатель дистанции, выделенности, света»⁴. Взаимодействие сил кадрирования и декадрирования, панорамирования и соединения планов, то есть всего того, что отсылает наш язык к некоей азбуке кино, все это позволяет найти место, откуда становится возможна речь об образе-движении и его составных частях — образе-перцепции (пространство-в-становлении), образе-действии (время-в-становлении) и, наконец, образе-перживании, в котором движение становится абсолютно виртуализованным, обездвигивным в своей потенциальности, наподобие крупного плана лица, который всегда есть нечто большее,

¹ «Техника и природа». Беседа Е. Петровской с Ж.-Л. Нанси // «Логос», № 9, 1997, с. 143.

² Наст. изд., с. 56.

¹ Наст. изд. (I.XII.2).

² См.: Р. Якобсон. Конец кино. — В сб.: Стреление фильма. М.: Раута, 1984.

речи в кадре, состоявшегося намного раньше. Именно в неореализме слабые связи (оптико-звуковые образы) оказываются впервые в состоянии обнаружить «смутное» видение. И это видение отвечает тем социальным силам разрушения и упадка, угасанию самого вещного мира. В неореализме кинематограф становится навсвязь политичным, но социальная и критическая направленность этого направленного неожиданно совмещается с введением пасивных маргинализованных персонажей, которые почти полностью лишены действия, но наделены «смутным» видением. То, что происходит с этими персонажами, им не принадлежит, они оказываются носителями функции визионера, обладающего способностью видеть невыносимое, нестерпимое, омерзительное как естественное, находящееся по ту сторону добра и зла. Именно поэтому режиссерам неореализма (Росселини, Висконти, Де Сика) потребовались непрофессиональные актеры, словно «не действующие» в кадре. (А позже французской «новой волне» по схожим причинам понадобились профессиональные неактеры типа Ж.-П. Лео).

Делёз подчеркивает, что образ-движение при этом никуда не исчезает, но теперь он существует не как основное измерение образа. Что же касается времени, то оно было затронуту образом-движением лишь косвенно, оставшись тем универсальным образом, который позволял контролировать движение. С приходом оптико-звуковой ситуации, описываемой Делёзом, появилась возможность непосредственного контакта с образом-временем, подчиняющим себе движение. И здесь уже «не время мера движения, а движение становится перспективой времени»¹. Вообще, нельзя рассматривать переход от образа-движения к образу-времени как какое-то историческое событие, даже несмотря на то, что Делёз непосредственно отсылает к неореализму, иллюстрируя приход образа-времени в кино, или несмотря на то, что он прямо называет Орсона Уэллса первым режиссером, обратившимся к образу-времени. Образ-движение и образ-время — части общей ситуации становления кинематографа, то есть обретения им имманентности самому себе (а не внеположенной ему реальности).

До Делёза такой план имманентности обнаруживала только философия, которая производила концепты, выстраиваемые в последовательности историческими философами. При этом концепты не оставались в прошлом, а вступали в отношения друг с другом, в результате чего оказывалось, что в философии могут сосуществовать несколько планов имманентности одновременно (и, как следствие, несколько параллельных историй философии), только один является актуальным, а другие — виртуальными. «Логика смысла» Делёза была во многом посвящена тому, чтобы реанимировать «виртуальные философии» в качестве равноправных единственно «актуальному» платонизму. Обнаружив философию за пределами только истории философии, показав иные возможные пути формирования таких понятий, как «смысл», «время», «событие», «мысль», он пришел к литературе и искусству, но не как к предмету философии, а как к способам философствования, формирующим свой план имманентности не посредством концептов, а с помощью перцептов. В «Кино» он пошел еще дальше. Здесь и вовсе были отброшены языковые преграды, которые возникли при всяком употреблении слов «смысл» или «событие». «Кадр», «план», «план-эпи-

¹ См.: наст. изд. (2.VIII.1).

² Наст. изд. (2.I.3).

зод», «монтаж», «свет», «звук», «закадровый голос» и прочее, что раньше мыслилось теоретиками как технические термины, обрело у Делёза статус понятий, участвующих в создании плана имманентности, который уже нельзя мыслить как всего лишь кино, поскольку раз создается этот план, то граница кино теряется, стремится к горизонту мысли (а не восприятия), совпадает с миром образов (не только «наших образов»), или — с самим миром.

Поэтому, говоря о кадре, он делает акцент на его элементности, его существовании по отношению к образу в качестве части того множества, которыми является образ. Связи, устанавливаемые между элементами, могут подчеркивать частность кадра или же единство образа, зафиксированное в монтаже. Монтаж Делёз мыслит именно как целое фильма, как его Идею (и здесь он продолжает традицию разных «метафизик монтажа», развиваемых Вертовом, Эйзенштейном, Годаром, но имеющих общий момент: монтаж — это единство). В этом смысле нет неправильного монтажа, нет ложных соединений, которые якобы нарушают целостность. Последняя не предшествует тем или иным монтажным схемам, а является их результатом.

Между двумя этими полюсами — кадром-множеством и монтажом-целым — и располагается образ-движение. Для Делёза это «план», или «точка зрения зрителя, приведенная в движение». Этот делёзианский «план» включает в себя такие разработанные в кинотеории понятия, как план-эпизод, план-норама, внутрикадровый монтаж и др. Можно сказать, что в кино нет кадра, который бы не мог читаться как план, и нет монтажа, который бы производил образ, не сводимый к плану. План — это и есть образ-движение. Это и есть кинематографическое сознание, а «единственное сознание, которое действует в кино, — это камера, оно то подобно человеку, то не подобно, то подобно зов. Или, говоря словами Фуко, «это нечто меньшее, чем исчезновение людей, и нечто большее, чем новое понятие: это — пришествие новой формы»². Такое «пришествие новой формы» и есть тот субъект восприятия, что приводит на смену классическому субъекту, а кино, которое предлагает нам «видеть» Делёз, есть модель такого восприятия. То есть субъект восприятия делёзианского кинематографа и есть сверхчеловек.

Помимо естественной отсылки к философии Ницше Делёз продолжает разработку идей Бергсона, который полемизирует с кантианским пониманием времени как формы внутреннего чувства. Для Бергсона же время никогда не бывает «внутренним чувством», а, напротив, становится формой внешнего. То есть не наша субъективность производит время как некую трансцендентную абстракцию (так у Канта), но само время предстает единственной возможной субъективностью. К такому выводу Бергсон, а вслед за ним и Делёз приходят, пытаясь переосмыслить связь память-прошлое, казавшуюся неразрывной. Происходит своего рода «удвоение» времени: каждое его мгновение складывается из двух разнонаправленных движений — 1) от настоящего к будущему (привычное «время субъекта») и 2) от настоящего к прошлому (память, или время в качестве субъекта). И если первое — это актуальное, то есть само ускользающее настоящее (перцепция как психический порядок), то второе — виртуальное (Бергсон называет «чистым воспоминанием»), при-

¹ Наст. изд., с. 63.

² Цит. по: Делёз Ж. Фуко. М., 1997, с. 171.

лса, Роб-Грифе, Годара. Ложное повествование становится у этих режиссеров важным фактором, участвующим в создании образа. Конечно, подобные эффекты, будучи элементом повествования, могут быть легко обнаружены в литературе (например, у Амброиза Бирса или Борхеса), но в кино эти аномалии повествования порождены самой кинематографической техникой, извлекающей образы из перцептивной материи, в которой нет различия между будущим и настоящим, где и то и другое имеет равно виртуальное существование. Кино — пространство со-существования невозможных миров, невозможных в том времени, которое «течет» из прошлого, минуя настоящее, в будущее, формируя единственную ось времени, где мир в каждый момент один и единствен. Но такое со-существование невозможно также и в ситуации феноменологического времени, в котором есть только настоящее («здесь и сейчас») и где благодаря наличию настоящего, совмещающему в себе воспоминание прошлого и предчувствие будущего, само время *есть* (как неразрывное единство времени восприятия и времени воспринятого). Другими словами, акт восприятия различен во времени точно так же, как в явлении обнаруживает себя воспринятое, и в акте рефлексии за восприятием и воспринятым закрепляется один и тот же момент времени¹. Таким образом, время накрепко связывается с субъектом сознания, частным случаем которого является субъект восприятия (понимаемый феноменологией как эмпирический субъект). Когда Гуссерль в акте феноменологической редукции призывает взять эмпирического субъекта в скобки, откровенно тем самым путь к трансцендентальной субъективности, данная процедура вовсе не означает отказа от эмпирического восприятия. Напротив, последнее остается в качестве важного элемента субъективности, только теперь оно получает для себя трансцендентальные основания. Фактически время эмпирического субъекта и время трансцендентального субъекта — одно и то же, это — время момента «теперь», поток моментов «теперь», неподвижных срезов восприятия, приводимых в движение сознанием. Изменчивость этого времени не затрагивает характер субъективности, поскольку субъект остается единым, ценитрующим мир вокруг себя. Проблема времени как становления здесь оказывается не затронута. Переход от эмпирического субъекта к трансцендентальному — не становление, которое всегда есть *становление другим*, а обнаружение более глубоких оснований субъективности, стремление к чистоте рефлексивного акта.

Для Делёза субъект восприятия кино и сознающий субъект (совершающий рефлексивные акты) принципиально различны. Субъект восприятия — становящийся, тот, через которого проходят образы слабой интенсивности, где время не может обнаружить себя «здесь и сейчас», в момент фиксации явления, но благодаря которым мы застаем характер восприятия уже изменившимся. Еще Августин обращал внимание на эту особенность времени ускользать, когда о нем начинаешь думать, и существовать тогда, когда о нем забываешь. Из этого можно сделать вывод о том, что время конституируется сознанием, то есть мыслить время следует как серию моментов «теперь», в каждый из которых постоянно утрачивается прошлое и никак не может наступить будущее. Но можно разрешить парадокс Августина иначе, разделив сознание субъекта и субъекта восприятия.

¹ См.: Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994, с. 76.

существующее одновременно с актуальным настоящим, зависимое от него (ибо именно его прошлым оно является), однако находящееся за пределами времени субъекта, то есть в месте не-сознания или рассеянного сознания, незаинтересованного восприятия, там, где аккумуляруются слабые связи, «ощущения малой интенсивности» (Бертсон), образы-воспоминания, образы-сновидения, образы-грезы.

Итак, мы имеем еще одну характеристику виртуального (исходя из времени) — это *становление настоящего прошлым*. Сосуществование двух вышеуказанных направлений времени несинтезируемо. И на этой принципиальной расколотовости времени настаивает Делёз, интерпретирующий время как движение различия, как постоянное «отличие от самого себя»².

Итак, если в первом томе анализировался только кинетический образ (Делёз называет его также «органическим»), описание которого не зависит от объекта, то во втором ключевым оказывается образ кристаллический (или «временной»), где мы наблюдаем уже иную ситуацию — *становление образа объектом*. Если в первом случае мы имеем дело прежде всего с сенсораторной схемой, с действием, повествованием, языком, предполагающими знание, усвоение и чтение определенных моделей, то во втором — это как раз та оптико-звуковая ситуация, которая задает видение вне рамок только зрения, то есть именно здесь с максимальной отчетливостью проявляется себя бытие-свет. Иными словами, повествование в случае кристаллических образов, в которых актуальное уже неотделимо от его собственного виртуального, возникает вопреки сенсораторным схемам органических образов; движение, открытое ранним кинематографом, сжимается, и создается ощущение, что образ-кристалл непосредственно апеллирует к «смыслу». А если быть более точным, то «смыслом» здесь оказывается сама выразительность, возникающая из непосредственной связи со световой материей.

В каком отношении находится киноповествование, рассказываемая в фильме история с теми образами, которые описывает Делёз? Надо сказать, что одной из самых распространенных оппозиций в теории кино — литературности и образности — Делёз практически не касается. Для описания образов он в равной мере прибегает и к типу изображения (свет у Дрейера, крупный план у Бертмана, рамка кадра у Ренуара и т. п.), и к повествовательным схемам (особенно в отношении фильмов образа-действия — вестернов, детективов, музыкальных комедий). Для него повествование — один из кинематографических элементов, участвующих, наравне с прочими, в создании органического образа, или образа-движения. Однако повествование предполагает хронологичность времени, возможность воображения развития рассказа. С хронологичностью порывает правильность направления развития рассказа. С хронологичностью порывает кристаллический образ, который выводит время на первый план, в результате чего пространство развития рассказа становится складчатым, прерывным, аномальным. «Парадокс случайных будущих», в котором время ставит под сомнение саму категорию истины³, оказывается наглядно представлен в фильмах Уэл-

¹ Наст. изд., с. 382.

² Одно из радикальных разрешений этого парадокса было предложено Лейбницем в его теории «невозможных» миров, одному из которых принадлежит настоящее, а другому — будущее. (См.: Делёз Ж. Складка. Лейбниц и Барокко. М.: Логос, 1998. Гл. 5).

Важный шаг в этом направлении делает Хайдеггер, когда обнаруживает в структуре *Dasein* присутствие собственного и несобственного бытия. Это различие вводит ситуацию становления в восприятие времени. Под собственным бытием понимается трансцендентальный субъект, самосоздающий себя в акте рефлексии. В своей критике Гуссерлевой феноменологии Хайдеггер показывает, что ее стремление к чистоте феноменологической редукции не учитывает тот нередуцируемый остаток, где остается несобственное бытие, или бытие-с-другим. Другой или, точнее, — «другие», которые лишают «я» возможности полностью присвоить себе восприятие в акте рефлексии, это «мы», сама *повседневность*. Бытие-с-другим — то, что принадлежит порядку повседневности, а значит, является внешним условием всего того, что «я» освоило как внутреннее или как собственное, в том числе и время¹.

Хайдеггер пишет: «Нетрудно видеть, что "повседневность" представляет собой специфическое понятие *времени*². И с этим нельзя не согласиться. Правда, трудность возникает в том, что это такое понятие, которое ускользает от нашего внимания, направленное не на вот-бытие, а «прочь от себя». То есть *время повседневности*, или время бытия-с (а не бытия-в), неререфлексируемо, оно находится за рамками тех силовых актов сознания, которые разрывают время и повседневность, оно всегда между ними, там, где силы активного понимания и само-понимания вступают во взаимодействие, гасят друг друга, открывая место непсихологического, нематериального, нетрансцендентального восприятия, место, где властвует повседневность.

Подлинное настоящее, по Хайдеггеру, возникает не в чувственном восприятии и не в акте сознания, а в экзистенциальном «мгновении-ока», фиксирующем бытие в его разомкнутости. Это уже не есть настоящее, совмещающее в себе прошлое и будущее, и не момент «теперь» как единство ретенции и протенции, но «бытность», «настающее», «актуальность», являющиеся феноменами, обозначающими временность как нечто *внешнее*. «Мы именуем поэтому означенные феномены настоящего, бывшести, актуальности *эк-ста-ми* временности. Она не есть сперва некое сущее, только выступающее из себя, но ее существо есть *временение* в единстве *экстазов*³.

Радикальный поворот Хайдеггера в отношении связи времени и субъекта, совершённый им в «Бытии и времени», — введение экзистичной временности, времени как становящегося «конечной исходной временностью», провозглашающей в свою очередь из себя «бесконечную несобственную временность», то есть все то, что мы обычно привыкли мыслить как время (субъективное или объективное)⁴.

¹ Именно в повседневности это совместное вот-бытие Других характерно для бытия-в как растворения в мире озабоченности. Другие присутствуют в мире, на который направлена наша озабоченность, в котором мы пребываем, даже если мы не воспринимаем их в телесной наличности. Если бы Другие встречались только как вещи, они могли бы и отсутствовать, однако их со-присутствие в окружающем мире является совершенно непосредственным, неприметным и самопонятым — подобно характеру присутствия вещей мира. (Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998, с. 251).

² Хайдеггер М. Цит. соч., с. 162.

³ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997, с. 329.

⁴ См.: там же, сс. 330–331.

Несомненно, что хайдеггеровская концепция времени, а также связанные с ней концепции истины и события, — это то, что вовлекает в полемику мысль Делеза. И хотя в «Кино» фигура Хайдеггера не введена явно, а полемика ведется с феноменологическим подходом вообще, но уже сам факт ориентации на концепцию времени Бергсона является своеобразным вызовом мощнейшей философской традиции XX века. Можно вспомнить, что сам Хайдеггер предпологал подвергнуть бергсоновскую концепцию аргументированной критике, но так и не сделал этого. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» также ограничился лишь несколькими замечаниями по поводу ее неубедительности. Делез не просто принимает бергсонизм «Материи и памяти» практически без оговорок, но находит в кинематографе то место, из которого бергсоновское время может «заговорить».

Напомним, что концепция Бергсона напрямую связывает образ с материей, а время с памятью. Образ-вспоминание вводится Бергсоном как динамический элемент, соединяющий два равнонедостижимых в своей определенности полюса — «чистое воспоминание» и «восприятие»¹. Именно образ-вспоминание становится ключевым в открытии Делезом кинематографического образа-времени. Именно он, вторгаясь в бесконечно малые промежутки между возбуждением и реакцией, между образом-перцепцией и образом-действием, порождает иной тип субъективности, основанный на «временности» как становлении. Иначе говоря, для образа-вспоминания не существует столь значимого и для гуссерлевской и для хайдеггеровской феноменологии момента «теперь», концентрирующего в себе или бытие-в-мире, или повседневное бытие-с-другими. Образ-вспоминание — это соединение виртуальной временности (дления, становления) и времени, которое всегда уже актуально. Это не то, что может быть актуализовано, интегрировано в образ-изображение или образ-движение, то есть превращено сознанием во время, но то, что есть, воздеиствует, требуя непосредственного восприятия. Образ-вспоминание проявляет себя в фантазиях, грезах, снах, в *дёр-ви*, в гипнозе, галлюцинациях, и даже в забывчивости, амнезии. Это всегда «слабые», диффузные, хаотичные образы, которые приводились в порядок сознанием, но в кино обрели собственные правила существования. То, что Делез называет оптико-звуковой ситуацией современного кинематографа, находящейся за рамками образа-движения, — несомненно актуальный образ, но такой, который не может быть воспринят (и осмыслен) без собственного виртуального двойника, составляющего с ним единое целое.

Делез подчеркивает, что в кино образ-вспоминание это не просто *flash-back* или его возможность. *Flashback* — лишь актуализация воспоминания. Образ-вспоминание имеет непосредственную связь с прошлым в любой момент восприятия (то есть этот образ обладает чистой виртуальностью), но лишь кино позволяет его кристаллизовать, добившись неразличимости реального и воображаемого, настоящего и прошлого, актуального и виртуального. Освоение этой «сферы неразличимости» и есть становление сознательного субъекта иным — субъектом восприятия.

В «Логике смысла» Делез уже затрагивал проблему времени. Времени Хроноса, для которого существует только настоящее, а прошлое и будущее являются его атрибутами, он противопоставил время Эона, когда только про-

¹ См.: Бергсон А. Материя и память. — Бергсон А. Собр. соч., т. I. М.: Московский клуб, 1992, с. 239–242.

все это то, что связано с «обучением» восприятию, с особой практикой включения зрителя в кино-зрелище в качестве субъекта восприятия.

Отраженность феноменологического подхода к кино продемонстрирована Делёзом в его анализе образа-движения. Неспособность феноменологии, ориентированной преимущественно на «видеть», осуществить переход к «чтению» образа («читаемый» образ перестает быть кинематографическим в рамках феноменологического анализа), неспособность описать это «видеть» в терминах движения, когда видимое существует в подвижном срезе длительности и ускользает всякий раз как фотографически видимое, приводит к тому, что кинематографическая образность оказывается либо абсолютно игнорируемой, либо постоянно сводимой к уже знакомым системам образов — литературных, живописных, фотографических. И даже наиболее захваченные кинематографом теоретики (Беньямин, Кракауэр, Базен), близкие феноменологии, связывают воедино фотографию и кино, видят в кино искусство, ориентированное на фотографию, продолжающее фотографию, имеющее в своем основании фотографическую природу. Потому можно говорить о том, что знания, которыми пользуется кинематограф, одолжены им у других искусств, у других коммуникативных систем, и у фотографии прежде всего.

С другой стороны, позже появляется и набирает силу тенденция семиологического анализа фильма. Здесь ситуация «чтения» выходит на первый план. Озабоченность специфическим языком кино возникает, во-первых, в момент, когда визуальные образы и их связи уже освоены зрителем в качестве кинематографической азбуки. И тогда появляется нового технического элемента, такого, как звук, например, воспринимается крайне драматично, ибо звучащая речь грозит уничтожить так долго выработавшийся язык образов. (И это опасение неудивительно: «речь» неявно признается базовой, фильм строится именно как говорение в языке образов, зафиксированных в виде знаков восприятия-чтения, но обладает при этом дополнительной сложностью по отношению к самой речи.) Во-вторых, освоение кинематографом звучащей речи заставляет обращать все больше внимания на повествование, ибо нарративная функция в звуковом кино явно усиливается. Попытки семиотики кино и прежде всего К. Меца выявить минимальные единицы киноповествования, нащупать грамматические и семантические связи между ними, несомненно, были очень плодотворны, но — на этом настаивает Делёз, и через это он строит свою критику семиотики — опора была сделана на лингвистическую данность знака, то есть кино было включено в язык наряду с многими другими средствами выражения — модой, музыкой, поэзией, языком жестов и т. п.

Какова же позиция Делёза в отношении визуальной и речевой составляющей кинематографического образа? На этот вопрос можно ответить так: именно для кинематографического образа эти составляющие перестают иметь тот смысл, который мы вкладываем в них, когда говорим о видении картины или о чтении текста. «Видеть» и «говорить» в случае с кино предполагают чистое различие. Это значит, что нельзя говорить ни о преимуществе одной стратегии над другой, ни об их равноправии или даже синтезе. Каждая из них отрисует другую настолько, что мы можем найти кино только там, где оно не есть видение и не есть речь. Что это за место? Прежде всего, это место, которое легко апроприируется силами языка или визуальными образами-представлениями. А потому говоря о кино, мы всегда имеем дело с изображением и повествованиями, то есть с некинематографическими знаками.

шлосе и будущее присуши времени, делят между собой каждый момент настоящего, дробя его до бесконечности, до момента «вдруг», до нонсенса, в котором обнаруживает себя мир бестелесных качеств («событий» или «смыслов»). В кинематографе обнаруживает себя не просто время Эона, но время, в котором даже «будущее» уже становится лишним.

Делёз в «Кино» явно ориентирован на бергсонизм в понимании времени, но подспудно, конечно, его «время» сильно связано с хайдеггеровским «временем повседневности», заключающим в себе возможность становления субъекта и иным. Можно сказать так: восприятие кино — это актуализованное *вспоминание*, но всегда вспоминание *несобственное*. Получается, что «моя» память и «мое» восприятие не принадлежат мне, что «я» движется по пространству-памяти, по поверхности-восприятию, но это движение коррелирует с памятью других и направляется восприятием других. Оказывается, что несобственное вспоминание есть то, что присваивается мною в момент актуализации, но существует лишь в качестве виртуального, «невспоминаемого в прошлом», того, что принадлежит не «я», а «мы», сообществу — иному типу субъекта восприятия. Образ-время — это материальное воплощение тех аффектов, которые составляют план имманентности сообщества повседневности, сообщества зрителей, в которое сегодня включен каждый. Именно поэтому образы кино могут сказать о времени больше, чем любые теории времени.

ЗНАКИ В КИНО

Проблема, которая подстерегает нас, когда мы говорим о кино как *высказывающемся* о времени, состоит в том чтобы найти язык, в котором это высказывание располагается. На какой алфавит этот язык опирается? какой грамматикой пользуется? на какой способ коммуникации ориентирован?

Казалось бы все эти вопросы были сформулированы и решены в рамках семиотики кино, расцвет которой пришелся на 60-е и 70-е годы. Однако принципиальная разница между Делёзом и семиотическим направлением в том, что он рассматривает не просто «язык кино», устанавливающий ситуацию «чтения» кинематографических образов, а исследует кино как систему знаков, которая обретает свой язык только тогда, когда время становится предметом его рассмотрения. Иначе говоря, если кино и возможно представить как язык, то не язык понимания фильмов, а язык описания образа-времени. Именно здесь кино обнаруживает свой теоретический потенциал, способность быть не только зрелищем, но и инструментом мышления, а скорее даже — самим мышлением.

Вернемся еще раз к различению визуального и речевого, столь важного для Фуко при анализе образа. Напомним, что для Фуко «видеть» и «говорить» — несовместимые операции, что для него образ не только «смотрится», но и «читается», и при этом «зрение» пытается подавить «чтение», и наоборот. Ситуация, когда кинематографические образы ориентированы на визуальное, а речевое является производным от изначальной визуальности образа, — это именно та ситуация, в которой феноменология пытается обнаружить основания кинематографического восприятия. Исследование воздействия изображения, формирование особого языка изображений, характерного именно для кино, —

¹ См.: Делёз Ж. Логика смысла. М., 1998, с. 216–224.

Как *изображение* может формировать кинематографический знак, Делёз демонстрирует на примере анализа и классификации образов-движений, о чем уже было сказано ранее. Обратимся теперь к вопросу о связи образности и *нарративности* в кино. Итак, развитие немого кино шло во многом по пути восприятия у зрителя правил чтения киноизображения. Когда историки и теоретики кино обращали свой взгляд на ранние фильмы, этот пласт неизменно оказывался приоритетным. А это значит, что кинематографический образ мыслится как образ, позволяющий воспринимать движение, то есть как набор знаков, чье соединение в восприятии субъекта создает кинетический эффект. Конечно, подобное (объективированное) «движение» предлагали и живопись, и театр, и литература, кино же, казалось, отличается лишь скоростью обработки знаков. В такой системе отсчета знак, понимаемый как единство означаемого и означающего (то есть фактически лингвистический знак), предполагает именно языковую интерпретацию кинематографической материи.

Делёз не только не отрицает такого типа работы с кино, но даже неявно дает понять, что интерпретация образа-движения и должна была идти именно по таким путем. Между тем это лишь одна из возможностей взаимоотношения образа и знака. Дело в том, что образ не только фиксирует, воспроизводит движение, воспринимаемое нашей чувственностью как уже имеющее место в мире. Образ-движение тем и отличается от образа как представления, что он сам производит движение, находясь уже за рамками нашей чувственности. Это делает всякий лингвистический знак, находящийся во времени чтения образа, уже бездвиженным, утратившим свойство быть имманентным кинематографической материи. Пока оформляющийся образ-движение и правила чтения располагаются в одном и том же порядке времени (условно — хронологическом), пока осваиваются перцептивные, эмоциональные особенности кино, его возможности по вовлечению в действие, происходящие на экране, ограниченность языковой интерпретации образа не столь существенна. Поиск языка и поиски образа идут рука об руку. Все меняется в современной оптико-звуковой ситуации.

Первый том «Кино» («Образ-движение») немалым без второго («Образ-время»), предполагает второй в качестве основания для логики, по которой развивается мысль в первом. Именно иной характер времени лишает язык привилегии в описании образа, начавшего двигаться против правил, которые предполагал язык, говорящий о движении.

И тогда становится понятным, почему второй ключевой фигурой после Бергсона в «Кино» оказывается Ч.-С. Пирс. Теория знаков Пирса отличалась от восторжествовавшей в современной семиотике сосюррианской и была востребована лишь в той своей части, где предлагала определенный способ таксономии знаков. Делёз видит в пирсовской системе динамизм, отсутствующий у Соссюра. В отличие от последнего американский философ мыслит знаки исходя из образов и отношений между образами, а не исходя из языковых детерминаций. Знак в такой системе всегда не равен самому себе, он предполагает *образ* (репрезентант), означающий *иной образ* (объект) и вступающий в *отношение* с третьим образом (интерпретант)¹.

¹ Подробнее о понятии *interpretant* см.: П и р с Ч.-С. Из работы «Элементы логики». — В кн.: Семиотика. М.: Радуга, 1983, с. 152 (а также комментарии Ю. С. Степанова и Т. В. Булыгиной на с. 597).

Именно «отношение» дает возможность Делёзу ввести образ-движение, знаки которого уже не принадлежат материи языка, а порождены «прозрачной материей образа-времени». Образ-движение фактически не закреплен в отдельных знаках, которые мы уже знаем, уже видели, распознаем на экране, не связан он с некоторой информацией об объекте, которую репрезентирует тот или иной экранный образ. Образ-движение — это чистое динамическое отношение, где знак, переходя из одной интерпретативной системы в другую становится неравным себе. Образ-движение предполагает бессмысленную временность перехода в качестве основания для своей логики, выходящей за пределы времени из пут изобразительности, открывающей в движении, говоря словами Ницше, «духовную составляющую аффекта». Логика перехода от образа к образу имеет здесь самостоятельный смысл, независимый от тех «видимостей», которые могут быть в этих образах. При обнаружении этих отношений и переходов в кино возникает искусство интерпретировать их лингвистически, исходя из грамматических конструкций языкового высказывания, то есть заставить движение быть универсальной грамматикой кино, позволяющей фильму «читаться» подобно тексту. И кино действительно читается, но понять ситуацию этого специфического «чтения» как внешнемотографическую, то есть не имеющую отношения к его плану имманентности, позволяет именно то, что Делёз называет образом-временем. Образ-время предполагает иные знаки, не знаки-видимости (пирсовский *isop*), и не знаки-для-чтения (*index*), а знаки-отношения, ориентированные не на сходство, а на различие, для которых движение приобретает символический характер и в этом смысле становится способом воплощения временности.

Кино образа-времени начинает строиться вокруг таких образов, для которых нет языка, поскольку они выпадают из восприятия и не интерпретируются в силу того, что никто не интересуется, хотя с очевидностью реальны. Они игнорируются, ибо являются «помехами» в киноповествовании, внимание к ним разрушает спасительную для интерпретации с точки зрения языка аналогию между фильмом и текстом. Путеводным для Делёза становится образ Rosebud («розовый бутон») из уздсовского «Гражданина Кейна», образ, удерживающий «целое» фильма, являющийся его источником и целью, но остающийся так и не найденным в актуальном настоящем фильма и открывающийся зрителю только в мета-времени, то есть в том времени, где фильм может быть воспринят как неделимое целое, в создании которого роль повествования крайне незначительна. Таков актуальный (читаемый) пласт кино, оставшееся — виртуальные образы прошлого (причем прошлое, всегда принадлежащее другим, а потому вечно запозднное или ложное), формирующие целое фильма. Эти виртуальные образы обладают аффективностью, но в данном случае «аффект как имманентная оценка занимает место суждения как трансцендентальной ценности»¹.

Rosebud представляет собой своего рода идеальную модель кинематографического знака. Это не просто сюжетный элемент «Гражданина Кейна», но то, что вводит в этот фильм мощный рефлексивный пласт, связанный с образностью, которая становится для кино его собственной материей. Подобно Прусту в литературе, Уэллс открывает в кино способ функционирова-

¹ Наст. изд. с. 451.

Метакино

Подход к кино, осуществляемый Делёзом, требует от читателя многих ограничений. Исторические аспекты, связанные с развитием технологии, с открытием крупного плана, монтажа, звука, цвета, с функцией всех этих нововведений, а также описание школ и направлений, специфички стилей отдельных режиссеров, достоинств тех или иных фильмов, — все это вроде бы есть, но есть как-то иначе, нежели в истории кино и кинотеории. Конечно, можно рассматривать отдельные замечания и интуиции Делёза как развивающиеся те или иные теоретические концепции в отношении кино. Однако это было бы не совсем корректно, поскольку задача его несомненно не в этом. Он, используя кино, а также и многие исследования и размышления о нем, вводит специфическое пространство изменяющейся образности, в котором границы кино теряются. Собственно Делёза и не интересует вопрос о том, что есть кино. С помощью кино он пытается ответить на совсем другие вопросы. В частности, на вопрос: как изменяется статус «реальности» в мире, в котором есть кино?

Какова неясная подоплека многих размышлений о кино? «Реальность» полагается неким набором привилегированных образов (представлений), для которых характерно то, что они произведены сознанием субъектом. И, в свою очередь, сами эти образы оказываются знаками реальности. Для такой «реальности» кино является лишь чем-то дополнительным, еще одним образом реальности, поставщиком знаков-дубликатов, подтверждающих наличие некоторой реальности. Это фактически та же «реальность», которой подражает искусство. И когда речь заходит о восприятии (произведения искусства или самой реальности), то оно оказывается подчиненным сознанию субъекту, обладающему полной собственной субъективной реальностью. Кино в этом вытекает существование некоторой восприимчивой реальности. Кино в этом случае оказывается системой представлений, что влечет за собой и поиски эстетики кино (той самой «эстетики» как определенной технологии восприятия, о которой Хайдеггер писал, что перед ее лицом мы теряем сущность искусства), и поиски языка кино (того самого языка, который может высказывать смысл по лингвистическим законам), то есть поиски всего того, что производит кино как некоторое сущее.

В случае с Делёзом мы имеем не столько книгу о кино, сколько книгу о процессе становления сознательного субъекта восприятием. Такой субъект восприятия ориентирован уже не на привилегированные образы, а на образы-движения и на образы-время, в которых хайдеггеровское «несобственное бытие» неожиданно обретает материальность. То есть мир, где «я» всегда уже включено в порядок повседневности, замкнуто в штампах и клише, где все его действия неактуальны, поскольку это не его действия, а уже кем-то когда-то совершенные и повторяемые им в качестве естественных, тех, из которых и формируется время, то есть «реальность» и ее знаки. Однако утраченные коннотации таких слов как «ложь», «фальшь», «штамп», «клише», которые необходимо учитывать, если мы имеем дело с философией Хайдеггера (несмотря на весь потенциал их переосмысления, заложенный в этой философии), а также с теоретиками и практиками кинематографа (за исключением очень немногих, таких, как Гриффит, Годар, Эсташ), — все эти характеристики у Делёза обретают неожиданно позитивное звучание. Но не потому, что «ложь» стала вдруг хороша, а «штамп» интересней «инновации», а потому,

ния знаков времени, того, что Делёз называет «невоспринимаемым в воспоминании», но сохраняющемся в виде множества смутных образов, сопутствующих нашему восприятию.

Конечно, Rosebud может быть прочитан как метафора. Однако вопрос не в функции данного образа как знака-для-чтения конкретного произведения. Говоря о Rosebud как идеальной модели кинематографического знака, мы имеем в виду, что он находится на границе, где образ все еще видим и читаем, но уже обнаруживает в себе совершенно иную потенцию — к исчезновению в качестве видимого, в качестве элемента структуры произведения и воскрешению в виде такого единичного блока ощущений (перцепта), для которого любое конкретное изображение мало, а всякая интерпретация — ложна. Мы привыкли к тому, что знаки даны нам для интерпретации, что они не случайны и несут в самих себе некоторое отношение к истине произведения. Делёз хорошо понимает, что «истина» и «время», равно как «истина» и «субъект» связаны очень крепкими узлами. Когда перцепт Rosebud выступает в качестве знака, то у него уже нет означаемого и означающего, ибо Rosebud — такой скрытый объект, чьей основной характеристикой становится ускользание от интерпретации. Он открыт лишь такому восприятию, для которого не существует вопроса о смысле Rosebud. Смысл ускользает, но восприятие сохраняет этот объект как кинематографический (виртуальный), где время становится видимым, представая образом-временем. Rosebud как модель восприятия — это утраченное индивидуальное, объект, оторванный от собственного смысла, но продолжающий при этом обладать смыслом уже несобственным, ускользающим, поиски которого выстраивают определенным образом последовательность явлений, положений вещей и видимых образов. Говоря языком Делёза, Rosebud — это смысл, структурированный как серия, не находящийся ни в одном из моментов, но данный как целое в серии ускользаний. Это — время, реанимированное непроизвольной памятью, невоспринимаемым, требующее для себя иного субъекта восприятия.

Итак, претензия семиотики кино на метаязыковую позицию, предполагающую анализ плана, эпизода, фрагмента фильма как высказываний (по аналогии с языком литературы, состоящим из неделимых знаков (букв), слов, предложений), оказывается несостоятельной потому, что метапозиция в отношении языка, освоенная лингвистикой, опиралась на актуальную данность знака («раздвоенное означаемое») в естественном человеческом восприятии. Можно сказать, что если первый том «Кино» был развернутой критикой психологической теории образа, подменявшей образ-движение последовательностью образов, произведенных повествованием, то второй том — это критика языка как убежища, из которого можно говорить о чем угодно, производя для любых объектов языковые копии, чья причастность к языку уже предполагает их истинность. Метаязык создает дурную бесконечность постоянной возможностью быть трансцендентным объекту описания. В такой ситуации аффект (единичный разрыв в повествовании, при котором приостанавливается понимание, а лингвистические знаки теряют значение) оказывается за пределами возможного описания, он *всегда* уже не принадлежит образу-представлению. Согласно Делёзу же, выразительность кино сосредоточена в сфере виртуальности, именно там аффекты остаются действующими, а язык, несмотря на кажущуюся исчерпанность, обнаруживает себя в новом качестве, возвращаясь к нам в виде образов.

что благодаря вскрытию логики образа, диктуемой кинематографом, эти оп-позиции перестали быть значимыми. Находясь в рамках разбора фильмов, они еще работают в качестве некоторых инструментальных категорий, но это толь-ко в том случае, если мы имеем дело с кино. «Кино» Делёза все-таки не о кино, а о *нашем* восприятии (непсихологическом, индивидуализированном), ко-торое обнаруживает себя не в нас, в образах кино, о том, что он называет пла-ном имманентности и что имеет отношение к мысли. Мысль эта произведена образами внешнего, несобственного бытия, бытия-с-другими. Это – попыт-ка пробиться к мысли снаружи, показать, что такое «мысль извне», мысль как постоянное «метаотношение», как попытка выйти за пределы самой себя – в чистое восприятие.

Что имеет в виду Делёз, когда говорит о плане имманентности кино, или о кинематографе-в-себе, называя этот объект странным словом «метакино»? Как мы можем понимать приставку «мета» в данном случае? Очевидно, что кино у Делёза не становится метапозицией по отношению к языку. Интер-претация образа-движения именно как образа, исчерпывающего возможнос-ти языка повествования, а образа-времени как исчерпывающего возможнос-ти образа-движения, является не ложной, а частной. Это не вопрос о мета-уровне рассматривания кино, его истории и развития. «Мета» – всего лишь «после», но не дальше, не глубже, не значимей. Возможность говорить о язы-ке, создавать теории языка определялась определенным порядком времени, где «после» имело привилегию места в настоящем (то есть привилегию акту-альности), когда прошлое оказывалось объективированным. Говорить так о кино невозможно, ибо оно изменяет порядок времени. Метакино идет после кино не хронологически. «После» означает, что кино уже *есть* не только в качестве фильмов, снятых в определенные годы, но прежде всего как реали-зованная виртуальность. «После» значит здесь такое соприсутствие кино и нашей мысли в настоящем, когда мы уже не в состоянии отделить кино от мысли о кино, кино от самой мысли.

Итак «метакино» это такое «после», где преодолена хронологическая составляющая времени, но где есть обретение времени заново. Можно ска-зать, что здесь мы имеем дело с ситуацией вынесения времени вовне, то есть в пространство, где нет никакого настоящего (и как времени «здесь и сей-час», и как соответствия некоторой реальности восприятия), а если и есть, то оно лишено какого бы то ни было приоритета. Кинематографическое «после» как шаг мысли вовне отвечает на вопрос, что такое время *после* (за пределами) времени (не похоже ли это на прустовское «невоспринимаемое в воспоминании»?.) И в этом обретенном времени, а точнее – в образе-вре-мени, теория уже не может быть теорией чего-то. «Теория кино» Делёза яв-ляется своеобразным продолжением кино, хотя она имеет отношение не к фильмам, а к тем перцептам и концептам, которые они породили. Но тако-во уж изменение характера взаимоотношений между образами и знаками, что теория как «второе» кино оказывается принадлежащим той же сфере вир-туальной образности, что и кино как «вторая» реальность. «После», таким образом, это еще и повторение, при котором исчезают повторяющиеся друг друга объекты, но сохраняется движение повторения, процесс становления кинематографа кинематографом, в результате которого мы теряем из виду вопрос «что такое кино?» и обретаем логику изменчивости, такое движение

¹ Наст. изд. (Кино-1. гл. IV. ч. 1).

образа, которое усложняет от останавливающейся образ рефлексии. А это зна-чит, что кино (и именно тогда оно метакино) позволяет нам заново ставить вопрос, который Делёзом формулируется вполне традиционно: «что такое философия?» Или: что такое наше мышление после того, как кино открыло нам заново сферу виртуального?

«Нам недостает творчества. Нам не хватает сопротивления настоящему». Творчество – это то, что можно без преувеличения назвать практикой. «Кино» – творчество именно в том смысле, что это книга практическая, ре-альная практика философии, попытка изобретения штампов, казалось бы, из ничего, из кино, из опыта повседневного удовольствия. Кино оказывается поставщиком недостающих форм, в которых настоящее не удерживается, в которых есть возможность переживать время так, что мысль оказывается по-ту сторону настоящего – там, где все суждения ложны, где правда и ложь во-обще не имеют значения, где любое мнение, любое утверждение здравого смысла терпит крах. В кинематографе Делёз открывает саму материю сопро-тивления силам настоящего, властным силам, политическим и экономиче-ским стратегиям. Именно в кинематографе он находит сферу образов, нахо-дящихся за пределами сил, описывающих лучше чем что бы то ни было ниц-шеанскую «волю к власти», – метакино, в котором философия получает шанс на еще одно возвращение.

Москва, апрель 2000 г.

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998, с. 140.

БЫТИЕ 1—3. РУССКИЙ ЯЗЫК (СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД), ИВРИТ, ГРЕЧЕСКИЙ

ПЕРВАЯ КНИГА МОИСЕЕВА
БЫТИЕ

1 В начале сотворил Бог небо и землю. **2** Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

3 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. **4** И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. **5** И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

6 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.] **7** И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. **8** И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что *это* хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй.

9 И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.] **10** И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что *это* хорошо. **11** И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию *ее*, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. **12** И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] *ее*, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что *это* хорошо. **13** И был вечер, и было утро: день третий.

14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; **15** и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. **16** И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; **17** и

1.

1. ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν

2. ἡ δὲ γῆ ἦν ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος καὶ σκότος ἐπάνω τῆς ἀβύσσου καὶ πνεῦμα θεοῦ ἐπεφέρετο ἐπάνω τοῦ ὕδατος

3. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς γενηθήτω φῶς καὶ ἐγένετο φῶς
4. καὶ εἶδεν ὁ θεὸς τὸ φῶς ὅτι καλόν καὶ διεχώρισεν ὁ θεὸς ἀνὰ μέσον τοῦ φωτὸς καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ σκότους

5. καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ φῶς ἡμέραν καὶ τὸ σκότος ἐκάλεσεν νύκτα καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωὶ ἡμέρα μία

6. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς γενηθήτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος καὶ ἔστω διαχωρίζον ἀνὰ μέσον ὕδατος καὶ ὕδατος καὶ ἐγένετο οὕτως

7. καὶ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα καὶ διεχώρισεν ὁ θεὸς ἀνὰ μέσον τοῦ ὕδατος ὃ ἦν ὑποκάτω τοῦ στερεώματος καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ ὕδατος τοῦ ἐπάνω τοῦ στερεώματος

8. καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα οὐρανὸν καὶ εἶδεν ὁ θεὸς ὅτι καλόν καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωὶ ἡμέρα δευτέρα

9. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς συναθῆτω τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς συναγωγὴν μίαν καὶ ὀφθήτω ἡ ξηρὰ καὶ ἐγένετο οὕτως καὶ συνήχθη τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς τὰς συναγωγὰς αὐτῶν καὶ ὤφθη ἡ ξηρὰ

10. καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὴν ξηρὰν γῆν καὶ τὰ συστήματα τῶν ὑδάτων ἐκάλεσεν θαλάσσας καὶ εἶδεν ὁ θεὸς ὅτι καλόν

11. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς βλαστησάτω ἡ γῆ βοτάνην χόρτου σπεῖρον σπέρμα κατὰ γένος καὶ καθ' ὁμοιότητα καὶ ξύλον κάρπιμον ποιοῦν καρπὸν οὐ τὸ σπέρμα αὐτοῦ ἐν αὐτῷ κατὰ γένος ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ἐγένετο οὕτως

12. καὶ ἐξήνεγκεν ἡ γῆ βοτάνην χόρτου σπεῖρον σπέρμα κατὰ γένος καὶ καθ' ὁμοιότητα καὶ ξύλον κάρπιμον ποιοῦν καρπὸν οὐ τὸ σπέρμα αὐτοῦ ἐν αὐτῷ κατὰ γένος ἐπὶ τῆς γῆς καὶ εἶδεν ὁ θεὸς ὅτι καλόν

13. καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωὶ ἡμέρα τρίτη

14. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς γενηθήτωσαν φωστῆρες ἐν τῷ στερεώματι τοῦ οὐρανοῦ εἰς φαῦσιν τῆς γῆς τοῦ διαχωρίζειν ἀνὰ μέσον τῆς ἡμέρας καὶ ἀνὰ μέσον τῆς νυκτὸς καὶ ἔστωσαν εἰς σημεῖα καὶ εἰς καιροὺς καὶ εἰς ἡμέρας καὶ εἰς ἔνιαυτούς

15. καὶ ἔστωσαν εἰς φαῦσιν ἐν τῷ στερεώματι τοῦ οὐρανοῦ ὥστε φαίνειν ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ἐγένετο οὕτως

16. καὶ ἐποίησεν ὁ θεὸς τοὺς δύο φωστῆρας τοὺς μεγάλους τὸν φωστῆρα τὸν μέγαν εἰς ἀρχὰς τῆς

בראשית GENESIS

1 1 בְּרֵאשִׁית בָּרָא אֱלֹהִים אֶת הַשָּׁמַיִם וְאֶת הָאָרֶץ: 2 וְהָאָרֶץ
הִיְתָה תֵהוֹ וְנָהוּ וְחֹשֶׁךְ עַל־פְּנֵי תְהוֹם וְרוּחַ אֱלֹהִים מְרַחֶפֶת עַל־פְּנֵי
3 הַמַּיִם: 3 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יְהי אֹר וַיְהי־אֹר: 4 וַיֵּרָא אֱלֹהִים אֶת־
4 הָאֹר כִּי־טוֹב וַיְבַדֵּל אֱלֹהִים בֵּין הָאֹר וּבֵין הַחֹשֶׁךְ: 5 וַיִּקְרָא
אֱלֹהִים לְאֹר יוֹם וְלַחֹשֶׁךְ לַיְלָה וַיְהי־עֶרֶב וַיְהי־בֹקֶר יוֹם
6 אֶחָד: 6 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יְהי רָקיעַ בְּתוֹךְ הַמַּיִם וַיְהי מְבַדֵּיל
7 בֵּין מַיִם לְמַיִם: 7 וַיַּעַשׂ אֱלֹהִים אֶת־הַרְקִיעַ וַיְבַדֵּל בֵּין הַמַּיִם אֲשֶׁר
8 מִתַּחַת לְרָקיעַ וּבֵין הַמַּיִם אֲשֶׁר מֵעַל לְרָקיעַ וַיְהי־כֵן: 8 וַיִּקְרָא
אֱלֹהִים לְרָקיעַ שָׁמַיִם וַיְהי־עֶרֶב וַיְהי־בֹקֶר יוֹם שֵׁנִי: 9
9 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יִקְוּ הַמַּיִם מִתַּחַת הַשָּׁמַיִם אֶל־מְקוֹם אֶחָד וַתִּרְאֶה
10 תִּבְשֵׁלָה וַיְהי־כֵן: 10 וַיִּקְרָא אֱלֹהִים לַיִבְשָׁה אָרֶץ וְלַמְּקוֹה הַמַּיִם
11 קָרָא יַמִּים וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב: 11 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים תְּדַשְׁא הָאָרֶץ
אֲדָשָׁא עֵשֶׂב מִזְרִיעַ זָרַע עֵץ פְּרִי עֵשָׂה פְּרִי לְמִנְיֹה אֲשֶׁר זָרַעוּ־בוּ
12 עַל־הָאָרֶץ וַיְהי־כֵן: 12 וַתִּזְא הָאָרֶץ דָּשָׂא עֵשֶׂב מִזְרִיעַ זָרַע לְמִנְיָהּ
13 וַעֲץ עֵשָׂה פְּרִי אֲשֶׁר זָרַעוּ־בוּ לְמִנְיָהּ וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב: 13 וַיְהי־
14 עֶרֶב וַיְהי־בֹקֶר יוֹם שְׁלִישִׁי: 14 וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים יְהי מְאֹרֹת
בְּרָקיעַ הַשָּׁמַיִם לְהַבְדִּיל בֵּין הַיּוֹם וּבֵין הַלַּיְלָה וְהָיוּ לְאֹתוֹת וּלְמוֹעֲדִים
15 וּלְיָמִים וּשְׁנָיִם: 15 וְהָיוּ לְמְאֹרֹת בְּרָקיעַ הַשָּׁמַיִם לְהָאִיר עַל־הָאָרֶץ
16 וַיְהי־כֵן: 16 וַיַּעַשׂ אֱלֹהִים אֶת־שְׁנֵי הַמְּאֹרֹת הַגְּדֹלִים אֶת־הַמְּאֹר

ה ג' ר"פ וב' מ"ס.
ג בתור"ב. יג' ול' בליש.
ח ר"פ
ב' ג'. ג. ח. ג' מנה
בליש וכל שמואל דכות
ב מ ה רוח יי. ל
כה. ל.
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500

Cp 1 1 Mm 1. 2 Mm 2. 3 Mm 3. 4 Mm 3139. 5 Mp sub loco. 6 Mm 4. 7 Jer 4, 23, cf Mp sub loco. 8 Hi 38, 19. 9 2 Ch 24, 20. 10 Mm 5. 11 Mm 6. 12 Mm 3105. 13 Hi 28, 3. 14 Mm 200. 15 Mm 7. 16 Mm 1431. 17 Mm 2773. 18 Mm 3700. 19 Mm 736. 20 מר לְבָשָׂה Ps 66, 6. 21 Mm 722. 22 Mm 2645. 23 Qoh 6, 3.

Cp 1, 1 2 Orig Βρησιθ vel Βαρησιθ (-σεθ), Samar bārāsīt || 6 2 huc tr 7^{a-8} cf 9. 11. 15. 20. 24. 30 || 7 2-3 cf 6 2; ins וירא אלהים כִּי־טוֹב cf 4. 10. 12. 18. 21. 31 et 8 (8) || 9 2 συναγωγῆν = מקנה cf 10 מקוה המים || 10 2 + και συνήχθη τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς τὰς συναγωγὰς αὐτῶν και ὄφθη ἡ ξηρά = תִּבְשֵׁלָה וַתִּרְאֶה מְקוֹהֵיהֶם וְהָיוּ לְאֹתוֹת וּלְמוֹעֲדִים || 11 2-3 2 c j עשב c דשא || 1 c pc Mss μϞϚϞJϞ ועץ cf 12 || 6 prb dl cf 12.

поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, **18** и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что *это* хорошо. **19** И был вечер, и было утро: день четвертый.

20 И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.] **21** И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что *это* хорошо. **22** И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. **23** И был вечер, и было утро: день пятый.

24 И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. **25** И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что *это* хорошо.

26 И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. **27** И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. **28** И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. **29** И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; — вам *сие* будет в пищу; **30** а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,]

ἡμέρας καὶ τὸν φωστῆρα τὸν ἐλάσσω εἰς ἀρχὰς τῆς νυκτός καὶ τοὺς ἀστέρας

17. καὶ ἔθετο αὐτοὺς ὁ θεὸς ἐν τῷ στερεώματι τοῦ οὐρανοῦ ὥστε φαίνειν ἐπὶ τῆς γῆς

18. καὶ ἄρχειν τῆς ἡμέρας καὶ τῆς νυκτός καὶ διαχωρίζειν ἀνὰ μέσον τοῦ φωτός καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ σκότους καὶ εἶδεν ὁ θεὸς ὅτι καλόν

19. καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωὶ ἡμέρα τετάρτη

20. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς ἐξαγαγέτω τὰ ὕδατα ἐρπετὰ ψυχῶν ζωσῶν καὶ πετεινὰ πετόμενα ἐπὶ τῆς γῆς κατὰ τὸ στερέωμα τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἐγένετο οὕτως

21. καὶ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὰ κήτη τὰ μεγάλα καὶ πᾶσαν ψυχὴν ζῶων ἐρπετῶν ἃ ἐξήγαγεν τὰ ὕδατα κατὰ γένη αὐτῶν καὶ πᾶν πετεινὸν πτερωτὸν κατὰ γένος καὶ εἶδεν ὁ θεὸς ὅτι καλά

22. καὶ ἠλόγησεν αὐτὰ ὁ θεὸς λέγων αὐξάνεσθε καὶ πληθύνεσθε καὶ πληρώσατε τὰ ὕδατα ἐν ταῖς θαλάσσαις καὶ τὰ πετεινὰ πληθυνέσθωσαν ἐπὶ τῆς γῆς

23. καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωὶ ἡμέρα πέμπτη

24. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς ἐξαγαγέτω ἡ γῆ ψυχὴν ζῶσαν κατὰ γένος τετράποδα καὶ ἐρπετὰ καὶ θηρία τῆς γῆς κατὰ γένος καὶ ἐγένετο οὕτως

25. καὶ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὰ θηρία τῆς γῆς κατὰ γένος καὶ τὰ κτήνη κατὰ γένος καὶ πάντα τὰ ἐρπετὰ τῆς γῆς κατὰ γένος αὐτῶν καὶ εἶδεν ὁ θεὸς ὅτι καλά

26. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς ποιήσωμεν ἄνθρωπον κατ' εἰκόνα ἡμετέραν καὶ καθ' ὁμοίωσιν καὶ ἀρχέτωσαν τῶν ἰχθύων τῆς θαλάσσης καὶ τῶν πετεινῶν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῶν κτηνῶν καὶ πάσης τῆς γῆς καὶ πάντων τῶν ἐρπετῶν τῶν ἐρπόντων ἐπὶ τῆς γῆς

27. καὶ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν ἄνθρωπον κατ' εἰκόνα θεοῦ ἐποίησεν αὐτόν ἄρσεν καὶ θῆλυ ἐποίησεν αὐτούς

28. καὶ ἠλόγησεν αὐτοὺς ὁ θεὸς λέγων αὐξάνεσθε καὶ πληθύνεσθε καὶ πληρώσατε τὴν γῆν καὶ κατακυριεύσατε αὐτῆς καὶ ἄρχετε τῶν ἰχθύων τῆς θαλάσσης καὶ τῶν πετεινῶν τοῦ οὐρανοῦ καὶ πάντων τῶν κτηνῶν καὶ πάσης τῆς γῆς καὶ πάντων τῶν ἐρπετῶν τῶν ἐρπόντων ἐπὶ τῆς γῆς

29. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς ἰδοὺ δέδωκα ὑμῖν πᾶν χόρτον σπόριμον σπεῖρον σπέρμα ὃ ἐστὶν ἐπάνω πάσης τῆς γῆς καὶ πᾶν ξύλον ὃ ἔχει ἐν ἑαυτῷ καρπὸν σπέρματος σπορίμου ὑμῖν ἔσται εἰς βρώσιν

30. καὶ πᾶσι τοῖς θηρίοις τῆς γῆς καὶ πᾶσι τοῖς πετεινοῖς τοῦ οὐρανοῦ καὶ παντὶ ἐρπετῷ τῷ ἔρποντι ἐπὶ τῆς γῆς ὃ ἔχει ἐν ἑαυτῷ ψυχὴν ζωῆς πάντα χόρτον χλωρὸν εἰς βρώσιν καὶ ἐγένετο οὕτως

הַגִּדְלָ לְמִמְשַׁלַּת הַיּוֹם וְאֶת־הַמְּאֹר הַקָּטָן לְמִמְשַׁלַּת הַלַּיְלָה וְאֵת
 הַכּוֹכָבִים: ¹⁷ וַיִּתֵּן אֹתָם אֱלֹהִים בְּרַקִּיעַ הַשָּׁמַיִם לְהָאִיר עַל־הָאָרֶץ: ¹⁷
 וְלִמְשַׁלׁ בַּיּוֹם וּבַלַּיְלָה וְלַהַבְדִּיל בֵּין הָאֹר וּבֵין הַחֹשֶׁךְ וַיֵּרָא אֱלֹהִים ¹⁸
 כִּי־טוֹב: ¹⁹ וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־בֹקֶר יוֹם רְבִיעִי: ^פ ²⁰ וַיֵּאמֶר ¹⁹
 אֱלֹהִים יִשְׂרָצוּ הַמַּיִם שָׂרָץ גִּפְשׁ תִּיָּה וְעוֹף יְעוֹפֵף עַל־הָאָרֶץ עַל־פְּנֵי
 רַקִּיעַ הַשָּׁמַיִם: ²¹ וַיִּבְרָא אֱלֹהִים אֶת־הַתַּיִמִּים הַגְּדֹלִים וְאֵת כָּל־גִּפְשׁ
 הַחַיָּה וְהַרְמֵשֶׁת אֲשֶׁר שָׂרָצוּ הַמַּיִם לְמִינֵהֶם וְאֵת כָּל־עוֹף כָּנָף לְמִינֵהוּ
 וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב: ²² וַיִּבְרָךְ אֹתָם אֱלֹהִים לֵאמֹר פְּרוּ וּרְבוּ
 וּמְלֵאוּ אֶת־הַמַּיִם בַּיּוֹמִים וְהָעוֹף יִרָב בָּאָרֶץ: ²³ וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־בֹקֶר
 יוֹם חַמִּישִׁי: ^פ ²⁴ וַיֵּאמֶר אֱלֹהִים תּוֹצֵא הָאָרֶץ גִּפְשׁ תִּיָּה לְמִינָהּ
 בַּהֶמָּה וְרֶמֶשׂ וְחַיֵּת־אָרֶץ לְמִינָהּ וַיְהִי־כֵן: ²⁵ וַיַּעַשׂ אֱלֹהִים אֶת־חַיֵּית־
 הָאָרֶץ לְמִינָהּ וְאֶת־הַבְּהֵמָה לְמִינָהּ וְאֵת כָּל־רֶמֶשׂ הָאֲדָמָה לְמִינָהּ
 וַיֵּרָא אֱלֹהִים כִּי־טוֹב: ²⁶ וַיֵּאמֶר אֱלֹהִים נַעֲשֶׂה אָדָם בְּצַלְמֵנוּ
 כְּדִמוֹתֵנוּ וַיִּרְדּוּ בְדִגְתַּיִם וּבְעוֹף הַשָּׁמַיִם וּבַבְּהֵמָה וּבְכָל־הָאָרֶץ
 וּבְכָל־הָרֶמֶשׂ הָרֹמֵשׂ עַל־הָאָרֶץ: ²⁷ וַיִּבְרָא אֱלֹהִים אֶת־הָאָדָם
 בְּצַלְמוֹ בְּצֶלֶם אֱלֹהִים בָּרָא אֹתוֹ זָכָר וּנְקֵבָה בָּרָא אֹתָם: ²⁸ וַיִּבְרָךְ
 אֹתָם אֱלֹהִים וַיֵּאמֶר לָהֶם אֱלֹהִים פְּרוּ וּרְבוּ וּמְלֵאוּ אֶת־הָאָרֶץ וּכְבִשְׁתֶּהּ
 וּרְדוּ בְדִגְתַּיִם הַיָּם וּבְעוֹף הַשָּׁמַיִם וּבְכָל־חַיֵּי הָרֶמֶשֶׁת עַל־הָאָרֶץ:
 וַיֵּאמֶר אֱלֹהִים הִנֵּה נָתַתִּי לָכֶם אֶת־כָּל־עֵשֶׂב אֲשֶׁר עַל־
 פְּנֵי כָל־הָאָרֶץ וְאֶת־כָּל־הָעֵץ אֲשֶׁר־בוֹ פְּרִי־עֵץ זֵרַע זֵרַע לָכֶם יִהְיֶה
 לְאֹכְלָהּ: ³⁰ וְלָכָל־חַיֵּית־הָאָרֶץ וְלָכָל־עוֹף הַשָּׁמַיִם וְלָכָל רֹמֵשׂ
 עַל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר־בוֹ גִּפְשׁ תִּיָּה אֶת־כָּל־יֵרֶק עֵשֶׂב לְאֹכְלָהּ וַיְהִי־כֵן:
 וַיֵּרָא אֱלֹהִים אֶת־כָּל־אֲשֶׁר עָשָׂה וְהִנֵּה טוֹב מְאֹד וַיְהִי־עֶרֶב וַיְהִי־
 בֹקֶר יוֹם הַשְּׁשִׁי: ^פ ¹ 2 וַיְכַלּוּ הַשָּׁמַיִם וְהָאָרֶץ וְכָל־צְבָאָם: ²

¹⁷Mm 3428. ¹⁸Mm 2309. ¹⁹Mm 714. ²⁰Mm 5. ²¹Mm 7. ²²Ex 1,7. ²³Mm 686. ²⁴Mm 8.
²⁵Mp sub loco. ²⁶Mm 720. ²⁷Mm 726. ²⁸Mm 1431. ²⁹Mm 9. ³⁰Mm 2543. ³¹Mm 10. ³²Mm 11.
⁴⁰Lv 23,40. Cp 2 ¹Mm 13.

²⁰ א ט + και ἐγένετο οὕτως, ins ויהי־כן cf 6^a || ²¹ א μ גיהם - cf ט; frt l גהם - cf 4,4^a ||
²⁶ א μ וכו' cf ט || ^b S + h'jwl', ins תית || ²⁷ א > ט*, frt dl || ²⁸ א ט + και πάντων
 τῶν κτηνῶν και πάσης τῆς γῆς; S + wbb'jr', ins ובבהמה cf 26 || ^b החיה μ || ³⁰ a nonn
 Mss ט ואת; prb pr נתתי cf 9,3.

пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так. **31** И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

2 Так совершены небо и земля и все воинство их. **2** И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. **3** И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

4 Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, **5** и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, **6** но пар поднимался с земли и орошал все лице земли. **7** И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. **8** И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. **9** И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. **10** Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. **11** Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; **12** и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. **13** Имя второй реки Гихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш. **14** Имя третьей реки Хиддекель [Тигр]: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат. **15** И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. **16** И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, **17** а от дерева познания добра и зла не ешь от

31. καὶ εἶδεν ὁ θεὸς τὰ πάντα ὅσα ἐποίησεν καὶ ἰδοὺ καλὰ λίαν καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωὶ ἡμέρα ἕκτη

2

1. καὶ συνετελέσθησαν ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ καὶ πᾶς ὁ κόσμος αὐτῶν
2. καὶ συνετέλεσεν ὁ θεὸς ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ ἕκτη τὰ ἔργα αὐτοῦ ἃ ἐποίησεν καὶ κατέπαυσεν τῇ ἡμέρᾳ τῇ ἑβδόμῃ ἀπὸ πάντων τῶν ἔργων αὐτοῦ ὧν ἐποίησεν
3. καὶ ἠλόγησεν ὁ θεὸς τὴν ἡμέραν τὴν ἑβδόμην καὶ ἡγίασεν αὐτήν ὅτι ἐν αὐτῇ κατέπαυσεν ἀπὸ πάντων τῶν ἔργων αὐτοῦ ὧν ἤρξατο ὁ θεὸς ποιῆσαι
4. αὕτη ἡ βίβλος γενέσεως οὐρανοῦ καὶ γῆς ὅτε ἐγένετο ἡ ἡμέρα ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν
5. καὶ πᾶν χλωρὸν ἀγροῦ πρὸ τοῦ γενέσθαι ἐπὶ τῆς γῆς καὶ πάντα χόρτον ἀγροῦ πρὸ τοῦ ἀνατεῖλαι οὐ γὰρ ἔβρεξεν ὁ θεὸς ἐπὶ τὴν γῆν καὶ ἄνθρωπος οὐκ ἦν ἐργάζεσθαι τὴν γῆν
6. πηγὴ δὲ ἀνέβαινεν ἐκ τῆς γῆς καὶ ἐπότιζεν πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς
7. καὶ ἔπλασεν ὁ θεὸς τὸν ἄνθρωπον χοῦν ἀπὸ τῆς γῆς καὶ ἐνεφύσησεν εἰς τὸ πρόσωπον αὐτοῦ πνοὴν ζωῆς καὶ ἐγένετο ὁ ἄνθρωπος εἰς ψυχὴν ζῶσαν
8. καὶ ἐφύτευσεν κύριος ὁ θεὸς παράδεισον ἐν εδεμ κατὰ ἀνατολὰς καὶ ἔθετο ἐκεῖ τὸν ἄνθρωπον ὃν ἔπλασεν
9. καὶ ἐξανέτειλεν ὁ θεὸς ἔτι ἐκ τῆς γῆς πᾶν ξύλον ὠραῖον εἰς ὄρασιν καὶ καλὸν εἰς βρῶσιν καὶ τὸ ξύλον τῆς ζωῆς ἐν μέσῳ τῶ παραδείσῳ καὶ τὸ ξύλον τοῦ εἰδέναί γινωστὸν καλοῦ καὶ πονηροῦ
10. ποταμὸς δὲ ἐκπορεύεται ἐξ εδεμ ποτίζει τὸν παράδεισον ἐκεῖθεν ἀφορίζεται εἰς τέσσαρας ἀρχάς
11. ὄνομα τῶ ἐνὶ φισῶν οὗτος ὁ κυκλῶν πᾶσαν τὴν γῆν εὐιλατ ἐκεῖ οὐ ἔστιν τὸ χρυσίον
12. τὸ δὲ χρυσίον τῆς γῆς ἐκείνης καλὸν καὶ ἐκεῖ ἔστιν ὁ ἄνθραξ καὶ ὁ λίθος ὁ πράσινος
13. καὶ ὄνομα τῶ ποταμῶ τῶ δευτέρῳ γηῶν οὗτος ὁ κυκλῶν πᾶσαν τὴν γῆν αἰθιοπίας
14. καὶ ὁ ποταμὸς ὁ τρίτος τίγρις οὗτος ὁ πορευόμενος κατέναντι ἀσσυρίων ὁ δὲ ποταμὸς ὁ τέταρτος οὗτος εὐφράτης
15. καὶ ἔλαβεν κύριος ὁ θεὸς τὸν ἄνθρωπον ὃν ἔπλασεν καὶ ἔθετο αὐτὸν ἐν τῶ παραδείσῳ ἐργάζεσθαι αὐτὸν καὶ φυλάσσειν
16. καὶ ἐνετείλατο κύριος ὁ θεὸς τῶ ἀδαμ λέγων ἀπὸ παντὸς ξύλου τοῦ ἐν τῶ παραδείσῳ βρῶσει φάγη
17. ἀπὸ δὲ τοῦ ξύλου τοῦ γινώσκειν καλὸν καὶ πονηρὸν οὐ φάγεσθε ἀπ' αὐτοῦ ἢ δ' ἂν ἡμέρα φάγητε ἀπ' αὐτοῦ θανάτῳ ἀποθανεῖσθε
18. καὶ εἶπεν κύριος ὁ θεὸς οὐ καλὸν εἶναι τὸν

2 וַיְכַל אֱלֹהִים בַּיּוֹם הַשְּׁבִיעִי מְלַאכְתּוֹ אֲשֶׁר עָשָׂה וַיִּשְׁבֹּת בַּיּוֹם ^{ל. ב. חס}
 3 הַשְּׁבִיעִי מִכָּל־מְלַאכְתּוֹ אֲשֶׁר עָשָׂה: ^{א. ב.} וַיְבָרֶךְ אֱלֹהִים אֶת־יוֹם
 הַשְּׁבִיעִי וַיְקַדֵּשׁ אֹתוֹ כִּי בּוֹ שָׁבַת מִכָּל־מְלַאכְתּוֹ אֲשֶׁר־בָּרָא אֱלֹהִים
 4 אֱלֹהִים תּוֹלְדוֹת הַשָּׁמַיִם וְהָאָרֶץ בְּהַבְרָאָם ^{ט. ב. חס}
 5 בַּיּוֹם עָשׂוֹת יְהוָה אֱלֹהִים אֶרֶץ וְשָׁמַיִם: ^{א. ב.} וְכָל־שְׂיֵחַ הַשָּׂדֶה
 טָרֵם יִהְיֶה בָּאָרֶץ וְכָל־עֵשֶׂב הַשָּׂדֶה טָרֵם יִצְמַח כִּי לֹא הִמְטִיר יְהוָה
 6 אֱלֹהִים עַל־הָאָרֶץ וְאָדָם אֵין לַעֲבֹד אֶת־הָאֲדָמָה: ^{ט. ב. חס} וְאָדָם יַעֲלֶה מִן־
 7 הָאָרֶץ וְהִשְׁקָה אֶת־כָּל־פְּנֵי־הָאֲדָמָה: ^{א. ב. חס} וַיִּצְרֹךְ יְהוָה אֱלֹהִים אֶת־
 הָאָדָם עֶפְרָל מִן־הָאֲדָמָה וַיִּפָּח בְּאִפּוֹ נִשְׁמַת חַיִּים וַיְהִי הָאָדָם לְגַפְשׁ
 8 חַיָּה: ^{א. ב. חס} וַיִּשְׁעֵה יְהוָה אֱלֹהִים נֶגֶן־בְּעֵדֶן מִקְדָּם וַיִּשְׂם שָׁם אֶת־הָאָדָם אֲשֶׁר
 9 יִצְרֹךְ: ^{א. ב. חס} וַיִּצְמַח יְהוָה אֱלֹהִים מִן־הָאֲדָמָה כָּל־עֵץ נֹחַמָד לְמַרְאֵה וְטוֹב
 לְמֵאֲכָל וְעֵץ הַחַיִּים בְּתוֹךְ הַנָּן וְעֵץ הַדַּעַת טוֹב וְרָע: ^{א. ב. חס} וְנָהָר יֵצֵא
 11 מֵעֵדֶן לְהִשְׁקוֹת אֶת־הַגֵּן וּמִשָּׁם יִפְרֹד וְהָיָה לְאַרְבַּעַת רְאשִׁים: ^{א. ב. חס} שָׁם
 הָאֲחָד פִּישׁוֹן הוּא הַסֹּבֵב אֶת כָּל־אֶרֶץ הַחַיִּים: ^{א. ב. חס} אֲשֶׁר־שָׁם הַזָּהָב:
 12 וְזָהָב הָאָרֶץ הַהִוא טוֹב: ^{א. ב. חס} שָׁם הַבְּדֵלָח וְאֶבֶן הַשֹּׁהַם: ^{א. ב. חס} וְשָׁם הַנְּהָר
 14 הַשְּׁנַיִ נִיחֹן הוּא הַסּוֹבֵב אֶת כָּל־אֶרֶץ כּוּשׁ: ^{א. ב. חס} וְשָׁם הַנְּהָר הַשְּׁלִישִׁי
 חַדְקֵל הוּא הַחֹדֵךְ קַדְמַת אַשּׁוּר וְהַנְּהָר הַרְבִּיעִי הוּא פָּרָת:
 15 וַיִּקַּח יְהוָה אֱלֹהִים אֶת־הָאָדָם וַיַּנְתְּהוּ בְּגֶן־עֵדֶן לַעֲבֹדָהּ וּלְשִׁמְרָהּ:
 16 וַיִּצְוֶה יְהוָה אֱלֹהִים עַל־הָאָדָם לֵאמֹר מִכָּל־עֵץ־הַגֵּן אָכַל תֹּאכְל:
 17 וּמֵעֵץ הַדַּעַת טוֹב וְרָע לֹא תֹאכַל מִמֶּנּוּ כִּי בַיּוֹם אָכַלְתָּ מִמֶּנּוּ מוֹת
 18 תָּמוּת: ^{א. ב. חס} וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים לֹא־טוֹב הָיִיתָ הָאָדָם לְבַדּוֹ אֶעֱשֶׂה־
 19 לוֹ עֵזֶר כְּנֶגְדּוֹ: ^{א. ב. חס} וַיִּצְרֹךְ יְהוָה אֱלֹהִים מִן־הָאֲדָמָה כָּל־תַּיִת הַשָּׂדֶה
 וְאֶת כָּל־עוֹף הַשָּׁמַיִם וַיָּבֵא אֶל־הָאָדָם לְרְאוֹת מַה־יִּקְרָא־לוֹ וְכָל־
 20 אֲשֶׁר יִקְרָא־לוֹ הָאָדָם נִפְשׁ חַיָּה הוּא שְׁמוֹ: ^{א. ב. חס} וַיִּקְרָא הָאָדָם שְׁמוֹת

² Mm 14. ³ Mm 3. ⁴ Mm 48. ⁵ Mm 2360. ⁶ Okhl 316. ⁷ Mm 3699. ⁸ Hi 36,27. ⁹ Mm 3048.
¹⁰ Ez 17,6. ¹¹ Prv 21,20. ¹² Mm 2878. ¹³ Mm 1088. ¹⁴ Mm 2273. ¹⁵ Mm 3227. ¹⁶ Mm 1349. ¹⁷ Prv
 19,4. ¹⁸ Mm 915. ¹⁹ Mm 3684. ²⁰ Mm 3843. ²¹ Mm 33. ²² Da 10,4. ²³ Mm 1964. ²⁴ Mm 15.
²⁵ Mm 787. ²⁶ Lv 25,37. ²⁷ Mp sub loco. ²⁸ Mm 639. ²⁹ Mm 834.

Cp 2,2 ^a μ55 || הששי μ55 || 4 ^a αὐτὴ ἡ βιβλος cf 5,1 || ^b frt 1 אלהים || ^{c-c} μ55 ||
 בְּבָרָאם אֱלֹהִים || שְׁמַיִם וְאָרֶץ || 11 ^a μ^{Mss} / ח || 12 ^a Ms μ + מאד || 18 ^a sic L, mlt Mss Edd ||
 ה־ || 19 ^a μ55 + עוד || ^b ins c μ || ^{c-c} frt add.

него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь. **18** И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. **19** Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. **20** И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. **21** И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. **22** И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. **23** И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего]. **24** Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть. **25** И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

3 Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? **2** И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, **3** только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. **4** И сказал змей жене: нет, не умрете, **5** но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. **6** И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. **7** И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания.

8 И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрыл-

ἄνθρωπον μόνον ποιήσωμεν αὐτῷ βοηθὸν κατ' αὐτόν

19. καὶ ἐπλασεν ὁ θεὸς ἔτι ἐκ τῆς γῆς πάντα τὰ θηρία τοῦ ἀγροῦ καὶ πάντα τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἤγαγεν αὐτὰ πρὸς τὸν ἀδὰμ ἰδεῖν τί καλέσει αὐτὰ καὶ πᾶν ὃ ἐὰν ἐκάλεσεν αὐτὸ ἀδὰμ ψυχὴν ζῶσαν τοῦτο ὄνομα αὐτοῦ

20. καὶ ἐκάλεσεν ἀδὰμ ὀνόματα πᾶσιν τοῖς κτήνεσιν καὶ πᾶσι τοῖς πετεινοῖς τοῦ οὐρανοῦ καὶ πᾶσι τοῖς θηρίοις τοῦ ἀγροῦ τῷ δὲ ἀδὰμ οὐχ εὐρέθη βοηθὸς ὅμοιος αὐτῷ

21. καὶ ἐπέβαλεν ὁ θεὸς ἔκστασιν ἐπὶ τὸν ἀδὰμ καὶ ὑπνωσεν καὶ ἔλαβεν μίαν τῶν πλευρῶν αὐτοῦ καὶ ἀνεπλήρωσεν σάρκα ἀντ' αὐτῆς

22. καὶ ᾠκοδόμησεν κύριος ὁ θεὸς τὴν πλευράν ἣν ἔλαβεν ἀπὸ τοῦ ἀδὰμ εἰς γυναῖκα καὶ ἤγαγεν αὐτὴν πρὸς τὸν ἀδὰμ

23. καὶ εἶπεν ἀδὰμ τοῦτο νῦν ὅσπου ἐκ τῶν ὀστέων μου καὶ σὰρξ ἐκ τῆς σαρκός μου αὕτη κληθήσεται γυνή ὅτι ἐκ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς ἐλήμφθη αὕτη

24. ἐνεκεν τούτου καταλείψει ἄνθρωπος τὸν πατέρα αὐτοῦ καὶ τὴν μητέρα αὐτοῦ καὶ προσκολληθήσεται πρὸς τὴν γυναῖκα αὐτοῦ καὶ ἔσονται οἱ δύο εἰς σάρκα μίαν

25. καὶ ἦσαν οἱ δύο γυμνοὶ ὃ τε ἀδὰμ καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ καὶ οὐκ ἦσχύνοντο

3

1. ὁ δὲ ὄφις ἦν φρονιμώτατος πάντων τῶν θηρίων τῶν ἐπὶ τῆς γῆς ὧν ἐποίησεν κύριος ὁ θεὸς καὶ εἶπεν ὁ ὄφις τῇ γυναικί τί ὅτι εἶπεν ὁ θεὸς οὐ μὴ φάγητε ἀπὸ παντὸς ξύλου τοῦ ἐν τῷ παραδείσῳ

2. καὶ εἶπεν ἡ γυνὴ τῷ ὄφει ἀπὸ καρποῦ ξύλου τοῦ παραδείσου φαγόμεθα

3. ἀπὸ δὲ καρποῦ τοῦ ξύλου ὃ ἐστὶν ἐν μέσῳ τοῦ παραδείσου εἶπεν ὁ θεὸς οὐ φάγεσθε ἀπ' αὐτοῦ οὐδὲ μὴ ᾤψησθε αὐτοῦ ἵνα μὴ ἀποθάνητε

4. καὶ εἶπεν ὁ ὄφις τῇ γυναικί οὐ θανάτῳ ἀποθανεῖσθε

5. ἦδει γὰρ ὁ θεὸς ὅτι ἐν ἡ ἡμέρᾳ φάγητε ἀπ' αὐτοῦ διανοιχθήσονται ὕμῶν οἱ ὀφθαλμοὶ καὶ ἔσεσθε ὡς θεοὶ γινώσκοντες καλὸν καὶ πονηρὸν

6. καὶ εἶδεν ἡ γυνὴ ὅτι καλὸν τὸ ξύλον εἰς βρώσιν καὶ ὅτι ἀρεστὸν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἰδεῖν καὶ ὠραῖόν ἐστιν τοῦ κατανοῆσαι καὶ λαβοῦσα τοῦ καρποῦ αὐτοῦ ἔφαγεν καὶ ἔδωκεν καὶ τῷ ἀνδρὶ αὐτῆς μετ' αὐτῆς καὶ ἔφαγον

7. καὶ διηνοιχθήσαν οἱ ὀφθαλμοὶ τῶν δύο καὶ ἔγνωσαν ὅτι γυμνοὶ ἦσαν καὶ ἔραψαν φύλλα συκῆς καὶ ἐποίησαν ἑαυτοῖς περιζώματα

8. καὶ ἤκουσαν τὴν φωνὴν κυρίου τοῦ θεοῦ περιπατοῦντος ἐν τῷ παραδείσῳ τὸ δειλινόν καὶ ἐκρύβησαν ὃ τε ἀδὰμ καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ ἀπὸ

לְכָל-הַבְּהֵמָה וְלָעוֹף הַשָּׁמַיִם וְלִכְלֵ תַיִת הַשָּׂדֶה וְלָאָדָם¹ לֹא-מִצָּא
 עֹזֵר כְּנִגְדּוֹ: ²¹ וַיִּפֹּל יְהוָה אֱלֹהִים וַתִּרְדְּמָה עַל-הָאָדָם וַיִּישָׁן וַיִּקַּח
 אֶחָת מִצִּלְעֹתָיו וַיִּסְגֵּר בָּשָׂר תַּחְתָּנָה: ²² וַיִּבֶן יְהוָה אֱלֹהִים אֶת-הַצִּלְעַ
 אֲשֶׁר-לָקַח מִן-הָאָדָם לְאִשָּׁה וַיִּבְאֶהָ אֶל-הָאָדָם: ²³ וַיֹּאמֶר הָאָדָם
 זֹאת הִפְעַם עָצָם מִעֲצָמִי וּבָשָׂר מִבָּשָׂרִי
 לְזֹאת יִקְרָא אִשָּׁה כִּי מֵאִישׁ לִקְחָהּ-זֹאת:
 עַל-כֵּן יַעֲזֹב אִישׁ אֶת-אָבִיו וְאֶת-אִמּוֹ וְדָבַק בְּאִשְׁתּוֹ וְהָיוּ לְבָשָׂר
 אֶחָד: ²⁵ וַיְהִי שְׁנֵיהֶם עֶרְוָמִים הָאָדָם וְאִשְׁתּוֹ וְלֹא יָתַבְשֻׁשׁוּ:
³ וַהֲנַחֵשׁ הָיָה עָרוֹם מִכָּל תַּיִת הַשָּׂדֶה אֲשֶׁר עָשָׂה יְהוָה אֱלֹהִים
 וַיֹּאמֶר אֶל-הָאִשָּׁה אֶף כִּי-אָמַר אֱלֹהִים לֹא תֹאכְלוּ מִכָּל עֵץ הַגֵּן:
² וַתֹּאמֶר הָאִשָּׁה אֶל-הַנָּחֶשׁ מִפְּרִי עֵץ-הַגֵּן נֹאכָל: ³ וּמִפְּרִי הָעֵץ
 אֲשֶׁר בְּתוֹךְ-הַגֵּן אָמַר אֱלֹהִים לֹא תֹאכְלוּ מִמֶּנּוּ וְלֹא תִנְעוּ בּוֹ פֶן-
 תִּמָּתוּן: ⁴ וַיֹּאמֶר הַנָּחֶשׁ אֶל-הָאִשָּׁה לֹא-מוֹת תִּמָּתוּן: ⁵ כִּי יָדַע
 אֱלֹהִים כִּי בְיוֹם אֲכָלְכֶם מִמֶּנּוּ וְנִפְקַחוּ עֵינֵיכֶם וַהֲיִיתֶם כְּאֱלֹהִים יָדְעֵי
 טוֹב וָרָע: ⁶ וַתֵּרָא הָאִשָּׁה כִּי טוֹב הָעֵץ לְמֹאכָל וְכִי תֹאנֶה-הִיא
 לְעֵינַיִם וַנְּחַמֵּד הָעֵץ לְהַשְׁכִּיל וַתִּקַּח מִפְּרִיו וַתֹּאכַל וַתִּתֵּן גַּם-לְאִשְׁהָ
 עִמָּה וַיֹּאכְלוּ: ⁷ וַתִּפְקְחֶנָּה עֵינֵי שְׁנֵיהֶם וַיִּדְעוּ כִּי עִרְוָם הֵם וַיִּתְפָּרוּ
 עֲלֵהָ תֹאנֶה וַיַּעֲשׂוּ לָהֶם חֲגֹרֹת: ⁸ וַיִּשְׁמְעוּ אֶת-קוֹל יְהוָה אֱלֹהִים
 מִתְהַלְקֵי בִּגְדֵי לְרִיחַ הַיּוֹם וַיִּתְחַבְּא הָאָדָם וְאִשְׁתּוֹ מִפְּנֵי יְהוָה אֱלֹהִים
 בְּתוֹךְ עֵץ הַגֵּן: ⁹ וַיִּקְרָא יְהוָה אֱלֹהִים אֶל-הָאָדָם וַיֹּאמֶר לוֹ אַיֶּכָּה:
¹⁰ וַיֹּאמֶר אֶת-קִלְעֵי שְׁמַעְתִּי בִּגְדֵי וַאֲיֹרָא כִּי-עִירָם אֲנִכִּי וַאֲחַבָּא:
¹¹ וַיֹּאמֶר מִי הִגִּיד לְךָ כִּי עִירָם אֶתָּה הֲמֹן-הָעֵץ אֲשֶׁר צִוִּיתִיךָ לִבְלֹתִי
 אֲכָל-מִמֶּנּוּ אֲכָלְתָּ: ¹² וַיֹּאמֶר הָאָדָם הָאִשָּׁה אֲשֶׁר נָתַתָּה עִמָּדִי הִיא
 נָתַתָּה-לִּי מִן-הָעֵץ וָאֲכָל: ¹³ וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים לְאִשָּׁה מַה-זֹּאת

¹Mm 16. ²Mm 15. ³Mm 3861. ⁴Mm 527. ⁵Mm 17. ⁶Mm 18. Cp 3 ¹Mp sub loco. ⁷Mm 19.
⁸Mm 3184. ⁹Mm 20. ¹⁰Mm 21. ¹¹Mm 2059. ¹²Mm 3598. ¹³Mm 3174. ¹⁴Mm 3083. ¹⁵Mm 3541. ¹⁶Mm
 1571. ¹⁷Mm 949. ¹⁸Mm 867.

20 ^a I c nonn Mss ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || וְלִכְלֵ-עוֹף וְלָאָדָם¹ || וְלֹא¹ || 23 ^a ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || 24 ^a ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ +
 oi duo = שְׁנֵיהֶם cf ⚭⚭ || 25 ^a L 1 min || Cp 3,1 ^a ?הָאָדָם || 2 ^a ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || 3 ^a ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || 4 ^a ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || 5 ^a ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || 6 ^a > ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || 7 ^a nonn Mss ⚭⚭⚭⚭⚭⚭
 'jln' ... klhwn = כָּל-עֵץ || 3 ^a ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || 6 ^a > ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || 7 ^a nonn Mss ⚭⚭⚭⚭⚭⚭ || 10 ^a S whzjt = וָאֲרָא.

ся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая. **9** И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: [Адам,] где ты? **10** Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся. **11** И сказал [Бог]: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? **12** Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. **13** И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела.

14 И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; **15** и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята*.

*По другому чтению: и между Семенем ее; Он будет

16 Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. **17** Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; **18** терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травой; **19** в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься. **20** И нарек Адам имя жене своей: Ева*, ибо она стала матерью всех живущих.

21 И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их.

22 И сказал Господь Бог: вот, Адам стал

поражать тебя в голову, а ты будешь жалить Его в пята.

*Жизнь.

как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. **23** И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. **24** И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

προσώπου κυρίου τοῦ θεοῦ ἐν μέσῳ τοῦ ξύλου τοῦ παραδείσου

9. καὶ ἐκάλεσεν κύριος ὁ θεὸς τὸν ἀδὰμ καὶ εἶπεν αὐτῷ ἀδὰμ ποῦ εἶ

10. καὶ εἶπεν αὐτῷ τὴν φωνὴν σου ἤκουσα περιπατοῦντος ἐν τῷ παραδείσῳ καὶ ἐφοβήθην ὅτι γυμνός εἰμι καὶ ἐκρύβην

11. καὶ εἶπεν αὐτῷ τίς ἀνήγγειλέν σοι ὅτι γυμνός εἶ μὴ ἀπὸ τοῦ ξύλου οὗ ἐνετειλάμην σοι τούτου μόνου μὴ φαγεῖν ἀπ' αὐτοῦ ἔφαγες

12. καὶ εἶπεν ὁ ἀδὰμ ἡ γυνὴ ἦν ἔδωκας μετ' ἐμοῦ αὕτη μοι ἔδωκεν ἀπὸ τοῦ ξύλου καὶ ἔφαγον

13. καὶ εἶπεν κύριος ὁ θεὸς τῇ γυναικί τί τοῦτο ἐποίησας καὶ εἶπεν ἡ γυνὴ ὁ ὄφις ἠπάτησέν με καὶ ἔφαγον

14. καὶ εἶπεν κύριος ὁ θεὸς τῷ ὄφει ὅτι ἐποίησας τοῦτο ἐπικατάρατος σὺ ἀπὸ πάντων τῶν κτηνῶν καὶ ἀπὸ πάντων τῶν θηρίων τῆς γῆς ἐπὶ τῷ στήθει σου καὶ τῇ κοιλίᾳ πορεύσῃ καὶ γῆν φάγη πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς σου

15. καὶ ἔχθραν θήσω ἀνὰ μέσον σου καὶ ἀνὰ μέσον τῆς γυναικὸς καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ σπέρματός σου καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ σπέρματος αὐτῆς αὐτός σου τηρήσει κεφαλὴν καὶ σὺ τηρήσεις αὐτοῦ πτέρναν

16. καὶ τῇ γυναικί εἶπεν πληθύνων πληθυνῶ τὰς λύπαις σου καὶ τὸν στεναγμόν σου ἐν λύπαις τέξῃ τέκνα καὶ πρὸς τὸν ἄνδρα σου ἡ ἀποστροφή σου καὶ αὐτός σου κυριεύσει

17. τῷ δὲ ἀδὰμ εἶπεν ὅτι ἤκουσας τῆς φωνῆς τῆς γυναικὸς σου καὶ ἔφαγες ἀπὸ τοῦ ξύλου οὗ ἐνετειλάμην σοι τούτου μόνου μὴ φαγεῖν ἀπ' αὐτοῦ ἐπικατάρατος ἡ γῆ ἐν τοῖς ἔργοις σου ἐν λύπαις φάγη αὐτὴν πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς σου

18. ἀκάνθας καὶ τριβόλους ἀνατελεῖ σοι καὶ φάγη τὸν χόρτον τοῦ ἀγροῦ

19. ἐν ἰδρώτι τοῦ προσώπου σου φάγη τὸν ἄρτον σου ἕως τοῦ ἀποστρέψαι σε εἰς τὴν γῆν ἐξ ἧς ἐλήμφθης ὅτι γῆ εἶ καὶ εἰς γῆν ἀπελεύσῃ

20. καὶ ἐκάλεσεν ἀδὰμ τὸ ὄνομα τῆς γυναικὸς αὐτοῦ ζωῆ ὅτι αὕτη μήτηρ πάντων τῶν ζώντων

21. καὶ ἐποίησεν κύριος ὁ θεὸς τῷ ἀδὰμ καὶ τῇ γυναικί αὐτοῦ χιτῶνας δερματίνους καὶ ἐνέδυσεν αὐτούς

22. καὶ εἶπεν ὁ θεὸς ἰδοὺ ἀδὰμ γέγονεν ὡς εἷς ἐξ ἡμῶν τοῦ γινώσκειν καλὸν καὶ πονηρὸν καὶ νῦν μήποτε ἐκτείνῃ τὴν χεῖρα καὶ λάβῃ τοῦ ξύλου τῆς ζωῆς καὶ φάγη καὶ ζήσεται εἰς τὸν αἰῶνα

23. καὶ ἐξαπέστειλεν αὐτὸν κύριος ὁ θεὸς ἐκ τοῦ παραδείσου τῆς τρυφῆς ἐργάζεσθαι τὴν γῆν ἐξ ἧς ἐλήμφθης

24. καὶ ἐξέβαλεν τὸν ἀδὰμ καὶ κατέκτισεν αὐτὸν ἀπέναντι τοῦ παραδείσου τῆς τρυφῆς καὶ ἔταξεν τὰ χερουβὶμ καὶ τὴν φλογίνην ῥομφαίαν τὴν στρεφομένην φυλάσσειν τὴν ὁδὸν τοῦ ξύλου τῆς ζωῆς

14 עֲשִׂית וְתֹאמַר הָאֵשֶׁה הַנֶּחֱשׁ הַשִּׂיָּאֲנִי וְאֹכֵל׃ 14 וַיֹּאמֶר יְהוָה אֱלֹהִים׃ ל. 1. בעיני אל-הַנֶּחֱשׁ

כִּי עֲשִׂיתָ זֹאת אָרוּר אַתָּה ׀ מִכָּל-הַבְּהֵמָה וּמִכָּל־׀ תֵּיַת הַשָּׂדֶה
עַל-נִחְנֹךְ תֵּלֵךְ וְעֹפֹר תֹאכַל כָּל-יְמֵי חַיֶּיךָ׃ ל. 1. 10

15 וְאִיְבָה וְאִשִּׁית בֵּינֶךָ וּבֵין הָאֵשֶׁה וּבֵין זֶרְעֶךָ וּבֵין זֶרְעָהּ
הוּא יִשׁוּפְךָ לְאִשׁ וְאַתָּה תִשׁוּפְנּוּ עָקֵב׃ ׀ ל. 1. 1. 10

16 אָל־׀ הָאֵשֶׁה אָמַר

הַרְבֵּה אָרְבָּה עֲצָבוֹנְךָ וְהִרְיָנְךָ בְּעֵצָבֵי תִלְדֵי בָנָיִם
וְאָל־׀ אִישׁ׀ תִּשׁוּקְתְּךָ וְהוּא יִמְשָׁל־בְּךָ׃ ׀ ל. 1. 1. 10

17 וְלָאָדָם אָמַר כִּי-שָׁמַעְתָּ לְקוֹל אִשְׁתְּךָ וְתֹאכַל מִן-הָעֵץ אֲשֶׁר
צִוִּיתִיךָ לֵאמֹר לֹא תֹאכַל מִמֶּנּוּ

אַרְוָה הָאָדָמָה בְּעֵבְרֹךָ
בְּעֵצְבוֹן תֵּאכְלֶנָּה׃ ׀ ל. 1. 10

18 וְקוֹץ וְדִרְדָּר תִּצְמִיחַ לְךָ וְאָכַלְתָּ אֶת-עֹשֶׂב הַשָּׂדֶה׃
19 בְּזַעַת אֶפְיֶךָ תֹאכַל לֶחֶם׃

עַד שׁוּבְךָ אֶל־הָאָדָמָה כִּי מִמּוֹנֵה לְקַחְתָּ
כִּי-עֹפֹר אַתָּה וְאָל־עֹפֹר תִּשׁוּב׃

20 וַיִּקְרָא הָאָדָם שֵׁם אִשְׁתּוֹ חַוָּה כִּי הוּא הָיְתָה אִם כָּל־חַי׃ 21 וַיַּעַשׂ
׀ יְהוָה אֱלֹהִים לָאָדָם׃ וְלָאִשְׁתּוֹ כְּתוּבָת עוֹר וַיִּלְבַּשֶׂם׃ ׀ 22 וַיֹּאמֶר ׀

יְהוָה אֱלֹהִים הֵן הָאָדָם הָיָה כְּאִתְּךָ מִמֶּנּוּ לְדַעַת טוֹב וְרַע וְעַתָּה אֶפְרָיִם
יִשְׁלַח יָדוֹ וְלָקַח גַּם מֵעֵץ הַחַיִּים וְאָכַל וַתִּי לְעֹלָם׃ 23 וַיִּשְׁלַחְתָּהּ יְהוָה

אֱלֹהִים מִן־עֵדֶן לְעֵבֶד אֶת־הָאָדָמָה אֲשֶׁר לָקַח מִשָּׁם׃ 24 וַיִּנְרַשׁ אֶת־
הָאָדָם וַיִּשְׁכֶּן מִקֶּדֶם לְגִן־עֵדֶן אֶת־הַכְּרִבִּים וְאֵת לְהֵט הַחַרְבִּבִּי

הַמְתֵּת־פִּכָת לְשֹׁמֵר אֶת־דְּרָךְ עֵץ הַחַיִּים׃ ׀

14 Mm 22. 15 Mm 23. 16 Mm 2783. 17 Mm 4020 18 Ho 10, 8. 19 Mm 24. 20 Mm 381. 21 Mm 3433. 22 Mp sub loco. 23 Mm 361. 24 Mm 25. 25 Mm 1496. 26 Mm 543.

14 ^a = ^a frt add מכל-הבהמה ו ׀ 16 ^a I c μΘSU ואל ׀ ^b frt I c μ וְהִרְיָנְךָ׃ ׀ και τὸν στε-
ναγμόν σου = וְהִרְיָנְךָ ׀ ^c μ בעצבון ׀ ^{d-d} cf 4, 7^{b-b} ׀ 17 ^a I ׀ וְלֹא ׀ ^b I תִּשְׁכֶּנָּה ׀ ׀
21 ^a cf 17^a ׀ 24 ^a Θ + αὐτόν = אתו ׀ ^b Θ + και διαξεν = וַיִּשָּׂם.

10 И взял раб из верблюдов господина своего десять верблюдов и пошел. В руках у него были также всякие сокровища господина его. Он встал и пошел в Месопотамию, в город Нахора, **11** и остановил верблюдов вне города, у колодезя воды, под вечер, в то время, когда выходят женщины черпать [воду], **12** и сказал: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли *ее* сегодня навстречу мне и сотвори милость с господином моим Авраамом; **13** вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду; **14** и девица, которой я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь, и которая скажет [мне]: пей, я и верблюдам твоим дам пить, [пока не напьются,] — вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку; и по сему узнаю я, что Ты творишь милость с господином моим [Авраамом]. **15** Еще не перестал он говорить [в уме своем], и вот, вышла Ревекка, которая родилась от Вафуила, сына Милки, жены Нахора, брата Авраамова, и кувшин ее на плече ее; **16** девица *была* прекрасна видом, дева, которой не познал муж. Она сошла к источнику, наполнила кувшин свой и пошла вверх. **17** И побежал раб навстречу ей и сказал: дай мне испить немного воды из кувшина твоего. **18** Она сказала: пей, господин мой. И тотчас спустила кувшин свой на руку свою и напоила его. **19** И, когда напоила его, сказала: я стану черпать и для верблюдов твоих, пока не напьются [все]. **20** И тотчас вылила воду из кувшина своего в поило и побежала опять к колодезю почерпнуть [воды], и начерпала для всех верблюдов его. **21** Человек тот смотрел на нее с изумлением в молчании, желая уразуметь, благословил ли Господь путь его, или нет. **22** Когда верблюды перестали пить, тогда человек тот взял золотую серьгу, весом полсикля, и два запястья на руки ей, весом в десять *сиклей* золота; **23** [и спросил ее] и сказал: чья ты дочь? скажи мне, есть ли в до-

ме отца твоего место нам ночевать? **24** Она сказала ему: я дочь Вафуила, сына Милки, которого она родила Нахору. **25** И еще сказала ему: у нас много соломы и корму, и *есть* место для ночлега. **26** И преклонился человек тот и поклонился Господу, **27** и сказал: благословен Господь Бог господина моего Авраама, Который не оставил господина моего милостью Своею и истиною Своею! Господь прямым путем привел меня к дому брата господина моего. **28** Девица побежала и рассказала об этом в доме матери своей.

10 וַיִּקַּח הָעֶבֶד עֲשָׂרָה גַמְלִים מִגַּמְלֵי אֲדָנָיו ¹⁰
 וַיֵּלֶךְ^א וְכָל־טוֹב אֲדָנָיו בָּיָדוֹ וַיִּקֶּם וַיֵּלֶךְ אֶל־אַרְם וַתְּהִי אֵל־עֵיר ^{14ב. 10 יט בליש"י}
 נְחוּר: ¹¹ וַיִּבְרָךְ הַגַּמְלִים מִחוּץ לְעֵיר אֶל־בְּאֵר הַמַּיִם לְעַת עָרֵב ¹¹
 לְעַת צֵאת הַשָּׂאֵבֶת: ¹² וַיֹּאמֶר וַיהוָה אֱלֹהֵי אֲדָנִי אֲבָרְכֶם הַקְּרָה־נָּא ¹²
 לְפָנַי הַיּוֹם וַעֲשֵׂה־חֶסֶד עִם אֲדָנִי אֲבָרְכֶם: ¹³ הֲנֵה אֲנֹכִי נֹצֵב עַל־עֵין ¹³
 הַמַּיִם וּבְנוֹת אַנְשֵׁי הָעֵיר יֵצְאוּ לְשָׂאֵב מַיִם: ¹⁴ וַהֲנִי הַנְּעֹרָה אֲשֶׁר אָמַר ¹⁴
 אֵלַיְהָ הַטִּי־נָּא כַּדָּף וְאֲשַׁתָּהּ וְאִמְרָה שְׂתָה וְגַם־גַּמְלֵיךָ אֲשַׁקֶּה אֹתָהּ ¹⁵
 הַכֹּחֶתָ לְעַבְדֶּךָ לִיצְחָק וּבָהּ אֲדַע כִּי־עָשִׂיתָ חֶסֶד עִם־אֲדָנִי: ¹⁵ וַיְהִי־ ¹⁵
 הוּא טָרֵם כְּלָה לְדַבְרֹתָ וַהֲנִי רַבְקָה יֵצְאֵת אֲשֶׁר יֵלְדָה לְבְתוּאֵל בֶּן־ ¹⁶
 מִלְכָּה אֲשֶׁת נְחוּר אֹתִי אֲבָרְכֶם וְכִדָּה עַל־שַׁכְמָה: ¹⁶ וַהֲנֹעֲרָה טַבַּת ¹⁶
 מִרְאֵה מְאֹד בְּתוּלָה וְאִישׁ לֹא יִדְעָה וַתֵּרֶד הָעֵינָה וַתִּמְלֵא כִדָּה ¹⁷
 וַתַּעַל: ¹⁷ וַיֵּרֶץ הָעֶבֶד לַקְּרָאֲתָהּ וַיֹּאמֶר הַגַּמְלֵי אֵינִי נָּא מַעֲט־מַיִם ¹⁷
 מִכַּדָּף: ¹⁸ וַתֹּאמֶר שְׂתָה אֲדָנִי וַתִּמְהַר וַתֵּרֶד כִּדָּה עַל־יְדָהּ וַתִּשְׁקֶהוּ: ¹⁸
¹⁹ וַתִּכָּל לְהִשְׁקָתוֹ וַתֹּאמֶר גַּם לְגַמְלֵיךָ אֲשַׂאֵב עַד אִם־כָּלוּ לְשִׁתּוֹת: ¹⁹
²⁰ וַתִּמְהַר וַתֵּעַר כִּדָּה אֶל־הַשִּׁקָּת וַתֵּרֶץ עוֹד אֶל־הַבְּאֵר לְשָׂאֵב ²⁰
 וַתִּשָּׂאֵב לְכָל־גַּמְלָיו: ²¹ וַהֲאִישׁ מִשְׁתָּאֲהָ לָּהּ מִחֲרִישׁ לְדַעַת הַהֲצִלִּיחַ ²¹

22 וַיְהִי דַרְכּוֹ אִם־לֹא: ²² וַיְהִי כַּאֲשֶׁר כָּלוּ הַגַּמְלִים לְשִׁתּוֹת וַיִּקַּח ²²
 הָאִישׁ גֶּזֶם זָהָב בְּקַע מִשְׁקָלוֹ וְשֵׁנִי צְמִידִים עַל־יְדָיָהּ עֲשָׂרָה זָהָב ²³
 מִשְׁקָלָם: ²³ וַיֹּאמֶר בַּת־מִי אַתְּ הַיְדִי נָּא לִי הִיֵּשׁ בֵּית־אָבִיךָ מְקוֹם ²⁴
 לָנוּ לָלֶיִן: ²⁴ וַתֹּאמֶר אֵלָיו בַּת־בְּתוּאֵל אֲנֹכִי בֶן־מִלְכָּה אֲשֶׁר יֵלְדָה ²⁴
 לְנְחוּר: ²⁵ וַתֹּאמֶר אֵלָיו גַּם־תָּבֵן גַּם־מִסְפּוֹא רַב עִמָּנוּ גַם־מְקוֹם ²⁵
 לָלֶיִן: ²⁶ וַיִּקַּד הָאִישׁ וַיִּשְׁתַּחוּ לַיהוָה: ²⁷ וַיֹּאמֶר בָּרוּךְ יְהוָה אֱלֹהֵי ²⁶
 אֲדָנִי אֲבָרְכֶם אֲשֶׁר לֹא־עָזַב חֶסְדּוֹ וְאַמְתּוֹ מִעַם אֲדָנִי אֲנֹכִי בְּדָרְךָ ²⁷
 נָתַנִּי יְהוָה בֵּית אֹתִי אֲדָנִי: ²⁸ וַתֵּרֶץ הַנְּעֹרָה וַתֵּגֵד לְבֵית אִמָּהּ ²⁸
 כַּדְּבָרִים הָאֵלֶּה:

59 И отпустили Ревекку, сестру свою, и кормилицу ее, и раба Авраамова, и людей его. 60 И благословили Ревекку и сказали ей: сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч, и да владеет потомство твое жилищами врагов твоих! 61 И встала Ревекка и служанки ее, и сели на верблюдов, и поехали за тем человеком. И раб взял Ревекку и пошел. 62 А Исаак пришел из Беэр-лахай-рой, ибо жил он в земле полуденной. 63 При наступлении вечера Исаак вышел в поле поразмыслить, и возвел очи свои, и увидел: вот, идут верблюды. 64 Ревекка взглянула, и увидела Исаака, и спустилась с верблюда. 65 И сказала рабу: кто этот человек, который идет по полю навстречу нам? Раб сказал: это господин мой. И она взяла покрывало и покрывалась. 66 Раб же сказал Исааку все, что сделал. 67 И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по [Сарре,] матери своей.

59 וַיִּשְׁלַחַו אֶת־רֵבְקָה אֶחָתָם וְאֶת־מִנְקֵתָהּ 59

60 וְאֶת־עֶבֶד אַבְרָהָם וְאֶת־אֲנָשָׁיו: 60 וַיְבָרְכוּ אֶת־רֵבְקָה^א וַיִּנְאֲמְרוּ לָהּ ל. ב. 57.
 אֶחָתָנוּ אַתְּ הִי לְאֵלֶיךָ רֵבְבָה
 וַיִּירָשׁ זְרַעֲךָ אֶת־שַׁעַר שְׁנַאֲיוֹב^ב: 60
 61 וַתִּקַּם רֵבְקָה וַנְעֻרְתֶּיהָ וַתִּרְכַּבְנָה עַל־הַגְּמֵלִים וַתִּלְכְּנָה אַחֲרַי
 הָאִישׁ וַיִּקַּח הָעֶבֶד אֶת־רֵבְקָה וַיֵּלֶךְ: 61 וַיִּצְחַק בָּהּ מִבְּוֹאָהּ בְּאֵר לַחֵי 61. ה.
 רֹאִי וְהוּא יוֹשֵׁב בְּאֶרֶץ הַנְּגֹב: 62 וַיֵּצֵא יִצְחָק לְשׁוּחַ בְּשָׂדֵה לַפְּנוֹת
 עָרְב וַיִּשָּׂא עֵינָיו וַיִּרְא וְהִנֵּה גְמֵלִים בָּאִים: 63 וַיִּצָּא יִצְחָק לְשׁוּחַ בְּשָׂדֵה לַפְּנוֹת
 וַתִּרְא אֶת־יִצְחָק וַתִּפֹּל^א מֵעַל הַגְּמֵל: 64 וַתִּשָּׂא רֵבְקָה אֶת־עֵינֶיהָ
 הָאִישׁ הַלֵּוֹה הַהֹלֵךְ בְּשָׂדֵה לַקְּרָאֲתָנוּ וַיִּנְאֲמֶר הָעֶבֶד הוּא אֲדֹנָי וַתִּקַּח
 הַצִּעִיף וַתִּתְּכַס: 65 וַיִּסְפֹּר הָעֶבֶד לְיִצְחָק אֶת־כָּל־הַדְּבָרִים אֲשֶׁר
 עָשָׂה: 66 וַיְבָאָהּ יִצְחָק הָאֵהָלָה^א שָׂרָה אִמּוֹ^ב וַיִּקַּח אֶת־רֵבְקָה וַתְּהִי־
 לוֹ לְאִשָּׁה וַיֵּאֱהָבֶהּ וַיִּנְחָם יִצְחָק אַחֲרַי אִמּוֹ^ב: 67
 61. ה. 62. א. 63. א. 64. ב. 65. א. 66. ב. 67. א. ב. ב.

Бытие 29, 9–12. РУССКИЙ ЯЗЫК (СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД), ИВРИТ.

9 Еще он говорил с ними, как пришла Рахиль [дочь Лавана] с мелким скотом отца своего, потому что она пасла [мелкий скот отца своего]. **10** Когда Иаков увидел Рахиль, дочь Лавана, брата матери своей, и овец Лавана, брата матери своей, то подошел Иаков, отвалил камень от устья колодезя и напоил овец Лавана, брата матери своей. **11** И поцеловал Иаков Рахиль и возвысил голос свой и заплакал. **12** И сказал Иаков Рахили, что он родственник отцу ее и что он сын Ревеккин. А она побежала и сказала отцу своему [всё сие].

9 עוֹדְנוּ מְדַבֵּר עִמָּם וְרָחֵל אֵבָה עִם־הַצֹּאֵן אֲשֶׁר לְאָבִיהָ כִּי רֹעֶה
 10 הוּא: 10 וַיְהִי כַּאֲשֶׁר רָאָה יַעֲקֹב אֶת־רָחֵל בַּת־לָבָן אֶחִי אִמּוֹ וְאֶת־
 צֹאֵן לָבָן אֶחִי אִמּוֹ וַיֵּנֶשׂ יַעֲקֹב וַיִּגֹּל אֶת־הָאֶבֶן מֵעַל פִּי הַבְּאֵר וַיִּשְׁק
 11 אֶת־צֹאֵן לָבָן אֶחִי אִמּוֹ: 11 וַיִּשָּׁק יַעֲקֹב לְרָחֵל וַיִּשָּׂא אֶת־קִלּוֹ וַיִּבְכּוּ:
 12 וַיִּגֹּד יַעֲקֹב לְרָחֵל כִּי אֶחִי אָבִיהָ הוּא וְכִי בֶן־רֵבֶקָה הוּא וַתַּרְץ וַתֵּגֵד
 13 לְאָבִיהָ:

ה. 1. ב. מלרע וחד מלעיל
 ז. ובחרו לישיב
 לא פסוק כי וכלי.
 ב פסוק דמסע הוא הוא

Исход 2, 1–10; 16–21. РУССКИЙ ЯЗЫК (СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД), ИВРИТ.

2 Некто из племени Левиина пошел и взял себе жену из того же племени. **2** Жена зачала и родила сына и, видя, что он очень красив, скрывала его три месяца; **3** но не могли долее скрывать его, взяла корзинку из тростника и осмолила ее асфальтом и смолою и, положив в нее младенца, поставила в тростнике у берега реки, **4** а сестра его стала вдали наблюдать, что с ним будет. **5** И вышла дочь фараонова на реку мыться, а прислужницы ее ходили по берегу реки. Она увидела корзинку среди тростника и послала рабыню свою взять ее. **6** Открыла и увидела младенца; и вот, дитя плачет [в корзинке]; и сжалилась над ним [дочь фараонова] и сказала: это из Еврейских детей.

7 И сказала сестра его дочери фараоновой: не сходить ли мне и не позвать ли к тебе кормилицу из Евреянок, чтоб она вскормила тебе младенца? **8** Дочь фараонова сказала ей: сходи. Девушка пошла и призвала мать младенца. **9** Дочь фараонова сказала ей: возьми младенца сего и вскорми его мне; я дам тебе плату. Женщина взяла младенца и кормила его. **10** И вырос младенец, и она привела его к дочери фараоновой, и он был у нее вместо сына, и нарекла имя ему: Моисей, потому что, говорила она, я из воды вынула его.

150] 2 וַיֵּלֶךְ אִישׁ מִבֵּית לְוִי וַיִּקַּח אֶת־בַּת־לְוִי: 2 וַתְּהִרָה הָאִשָּׁה ב³
 3 וַתֵּלֶד בֶּן וַתֵּרֶא אֹתוֹ כִּי־טוֹב הוּא וַתַּצְפְּנֵהוּ שְׁלֹשָׁה יָרְחִים: 3 וְלֹא־
 יִכְלֶה עוֹד הַצְּפִינוֹ וַתִּקַּח־לוֹ תַּבַּת גָּמָא וַתַּחְמְרָהּ בַּחֲמֹר וּבְזָפֶת לומל. 3
 4 וַתִּשָּׂם בָּהּ אֶת־הַיֶּלֶד וַתִּשָּׂם בְּסוּף עַל־שֹׁפֶת הַיָּאָר: 4 וַתַּצְבֵּב אַחֲתוֹ
 5 מֵרֶחֶק לְדַעָה מַה־יַּעֲשֶׂה לּוֹ: 5 וַתֵּרֶד בַּת־פַּרְעֹה לְרַחֵץ עַל־יְדֵי הַיָּאָר
 וּנְעֻרֹתֶיהָ הִלְכֹת עַל־יַד הַיָּאָר וַתֵּרֶא אֶת־הַתַּבָּהּ בְּתוֹךְ הַסּוּף וַתִּשְׁלַח
 6 אֶת־אֲמֹתָהּ וַתִּקְחֶנָּה: 6 וַתִּפְתַּח וַתִּרְאֶהוּ אֶת־הַיֶּלֶד וְהִנֵּה־נֹעֵר בְּכֹהֵן
 7 וַתַּחְמַל עָלָיו וַתֹּאמֶר מִי־לָדִי הָעֶבְרִים זֶה: 7 וַתֹּאמֶר אַחֲתוֹ אֶל־בַּת־
 פַּרְעֹה הַאֵלֶּף וַקְּרָאתִי לָךְ אִשָּׁה מִיִּנְקָת מִן הָעֶבְרִית וַתִּיַּנֵּק לָךְ אֶת־
 8 הַיֶּלֶד: 8 וַתֹּאמֶר־לָהּ בַּת־פַּרְעֹה לָכִי וַתֵּלֶךְ הָעַלְמָה וַתִּקְרָא אֶת־
 9 אִם הַיֶּלֶד: 9 וַתֹּאמֶר לָהּ בַּת־פַּרְעֹה הִילִיכִי אֶת־הַיֶּלֶד הַזֶּה
 וְהִינֵקְהוּ לִי וְאֲנִי אֶתֵּן אֶת־שִׂכְרֹךְ וַתִּקַּח הָאִשָּׁה הַיֶּלֶד וַתִּיַּנֵּקְהוּ: ב³
 10 וַיִּגְדַּל הַיֶּלֶד וַתִּבְאֶהוּ לְבַת־פַּרְעֹה וַיְהִי־לָהּ לְבֵן וַתִּקְרָא שְׁמוֹ
 מֹשֶׁה וַתֹּאמֶר כִּי מִן־הַמַּיִם מִשִּׁיתָהוּ:

16 У священника Мадиямского [было] семь дочерей, [которые пасли овец отца своего Иофора]. Они пришли, начерпали *воды* и наполнили корыта, чтобы напоить овец отца своего [Иофора]. **17** И пришли пастухи и отогнали их. Тогда встал Моисей и защитил их, [и начерпал им воды] и напоил овец их. **18** И пришли они к Рагуилу, отцу своему, и он сказал [им]: что вы так скоро пришли сегодня? **19** Они сказали: какой-то Египтянин защитил нас от пастухов, и даже начерпал нам воды и напоил овец [наших]. **20** Он сказал дочерям своим: где же он? зачем вы его оставили? позовите его, и пусть он ест хлеб. **21** Моисею понравилось жить у сего человека; и он выдал за Моисея дочь свою Сепфору.

16 וּלְכֹהֵן מִדִּיָּן שִׁבְעַת בָּנוֹת וּתְבָאָנָה וּתְדַלְנָה 16

וּתְמַלְאָנָה אֶת-הַרְרֵהִים לְהִשְׁקוֹתָ צֹאן אֲבִיהֶן: 17 וַיָּבֹאוּ הָרֹעִים 17

וַיִּגְרְשׂוּם וַיִּקָּם מֹשֶׁה וַיּוֹשֶׁעַן וַיִּשְׁקֵן אֶת-צֹאֲנָם: 18 וּתְבָאָנָה אֶל-רַעוּאֵל 18

אֲבִיהֶן וַיֹּאמֶר מִדּוּעַ מִהֲרִתֶּן בָּא הַיּוֹם: 19 וְהֵאמְרוּן אִישׁ מִצָּרֵי 19

הַצִּיִּלְנוּ מִיַּד הָרֹעִים וְנִסְ-דָּלָה דָּלָה לָנוּ וַיִּשְׁקֵן אֶת-הַצֹּאן: 20 וַיֹּאמֶר 20

אֶל-בָּנֹתָיו וַאֲיוֹ לָמָּה זֶה עֲזַבְתֶּן אֶת-הָאִישׁ קְרָאָן לוֹ וַיֹּאכַל לֶחֶם: 21

וַיּוֹאֵל מֹשֶׁה לְשֵׁבֶת אֶת-הָאִישׁ וַיִּתֵּן אֶת-צִפּוֹרָה בָּתּוֹ לְמִשְׁהָ: 21

25 И умер Самуил; и собрались все Израильтяне, и плакали по нем, и погребли его в доме его, в Раге. Давид встал и сошел к пустыне Фаран.

2 Был некто в Маоне, а имение его на Кармиле, человек очень богатый; у него было три тысячи овец и тысяча коз; и был он при стрижке овец своих на Кармиле. **3** Имя человека того — Навал, а имя жены его — Авигея; эта женщина была весьма умная и красивая лицом, а он — человек жестокий и злой нравом; он был из рода Халева. **4** И услышал Давид в пустыне, что Навал стрижет [на Кармиле] овец своих. **5** И послал Давид десять отроков, и сказал Давид отрокам: взойдите на Кармил и пойдите к Навалу, и приветствуйте его от моего имени, **6** и скажите так: «[здравствуй,] мир тебе, мир дому твоему, мир всему твоему; **7** ныне я услышал, что у тебя стригут овец. Вот, пастухи твои были с нами, и мы не обижали их, и ничего у них не пропало во все время их пребывания на Кармиле; **8** спроси слуг твоих, и они скажут тебе; итак да найдут отроки благоволение в глазах твоих, ибо в добрый день пришли мы; дай же рабам твоим и сыну твоему Давиду, что найдет рука твоя». **9** И пошли люди Давидовы, и сказали Навалу от имени Давида все эти слова, и умолкли. **10** И [вскочил] Навал, [и] отвечал слугам Давидовым, и сказал: кто такой Давид, и кто такой сын Иессеев? ныне стало много рабов,

бегающих от господ своих; **11** неужели мне взять хлеба мои и воду мою, [и вино мое] и мясо, приготовленное мною для стригущих овец у меня, и отдать людям, о которых не знаю, откуда они? **12** И пошли назад люди Давида своим путем и возвратились, и пришли и пересказали ему все слова сии. **13** Тогда Давид сказал людям своим: опояштесь каждый мечом своим. И все опоясались мечами своими, опоясался и сам Давид своим мечом, и пошли за Давидом около четырехсот человек, а двести остались при обозе. **14** Авигею же, жену Навала, известил один из слуг, сказав: вот, Давид присылал из пустыни послов приветствовать нашего господина, но он обошелся с ними грубо; **15** а эти люди очень добры к нам, не обижали нас, и ничего не пропало у нас во все время, когда мы ходили с ними, быв в поле; **16** они были для нас оградой и днем и ночью во все время, когда мы пасли стада вблизи их; **17** итак подумай и посмотри, что делать; ибо неминуемо угрожает беда господину нашему и всему дому его, а он — человек злой, нельзя говорить с ним. **18** Тогда Авигея поспешно взяла двести хлебов, и два меха с вином, и пять овец приготовленных, и пять мер сушеных зерен, и сто связок изюму, и двести связок смокв, и навьючила на ослов, **19** и сказала слугам своим: ступайте впереди меня, вот, я пойду за вами. А мужу своему Навалу ничего не сказала. **20** Когда же она, сидя на осле, спускалась по извилинам горы, вот, навстречу ей идет Давид и люди его, и она встретила с ними. **21** И Давид сказал: да, напрасно я охранял в пустыне все имущество этого человека, и ничего не пропало из принадлежащего ему; он платит мне злом за добро; **22** пусть то и то сделает Бог с врагами Давида, и еще больше сделает, если до рассвета утреннего из всего, что принадлежит Навалу, я оставлю мочащегося к стене. **23** Когда Авигея увидела Давида, то поспешила сойти с осла и пала

25 1 וַיִּמַּת שְׁמוּאֵל וַיִּקְבְּצוּ כָּל־יִשְׂרָאֵל וַיִּסְפְּדוּ־לוֹ וַיִּקְבְּרוּהוּ בְּבֵיתוֹ בְּרָמָה וַיָּקָם דָּוִד וַיֵּרֶד אֶל־מִדְּבַר פָּאֲרָן: ^ס

2 וְאִישׁ בְּמַעוֹן וּמַעֲשָׂהוּ בַּכְרִמָּל וְהָאִישׁ גָּדוֹל מְאֹד וְלוֹ צֶאֱן

3 שְׁלֹשֶׁת־אֲלָפִים וְאֵלֶּף עֵצִים וַיְהִי בְגֵזוֹ אֶת־צֹאֲנוֹ בַּכְרִמָּל: ^א 3 וְשֵׁם

הָאִישׁ נָבָל וְשֵׁם אִשְׁתּוֹ אַבְיָיִל וְהָאִשָּׁה טוֹבַת־שְׂכָל וַיִּפֹּת תְּאֵר וְהָאִישׁ

4 קָשָׁה וְרַע מַעַלְלִים וְהוּא כְּלָבוֹ: ^ב 4 וַיִּשְׁמַע דָּוִד בַּמִּדְּבָר כִּי־גִזָּז נָבָל

5 אֶת־צֹאֲנוֹ: ^ג 5 וַיִּשְׁלַח דָּוִד עֲשָׂרָה נְעָרִים וַיֹּאמֶר דָּוִד לְנְעָרִים עָלֹ

6 כְּרִמְלָה וּבָאתֶם אֶל־נָבָל וּשְׂאֲלֹתֶם־לוֹ בְּשֵׁמי לְשָׁלוֹם: ^ד 6 וַאֲמַרְתֶּם־

7 כֹּה לְחַיִּי וְאַתָּה שְׁלוֹם וּבֵיתְךָ שְׁלוֹם וְכָל אֲשֶׁר־לְךָ שְׁלוֹם: ^ה 7 וְעַתָּה

שְׁמַעְתִּי כִּי גִזָּזְתָּ לְךָ עֵתָה הַרְעִים אֲשֶׁר־לְךָ הֲנִי עִמָּנוּ לֹא הִכְלָמְנוּם

8 וְלֹא־נִפְקְדוּ לָהֶם מְאוּמָה כָּל־יְמֵי חַיֹּתָם בַּכְרִמָּל: ^ו 8 שְׂאֵל אֶת־

נְעָרֶיךָ וַיְנַדְּרוּ לְךָ וַיִּמְצְאוּ הַנְּעָרִים חֵן בְּעֵינֶיךָ כִּי־עַל־יוֹם טוֹב בְּנִי ^ז

1 תְּנַהֲנָא אֶתְּ אִתְּ אֲשֶׁר תִּמְצָא יָדְךָ לַעֲבָדֶיךָ וּלְבִנְיָהּ לְדָוִד: ^ח 9 וַיָּבֹאוּ

נְעָרָיו דָּוִד וַיַּדְּבְרוּ אֶל־נָבָל כְּכָל־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה בְּשֵׁם דָּוִד וַיִּנְחָמוּ:

10 וַיַּעַן נָבָל אֶת־עַבְדֵי דָוִד וַיֹּאמֶר מִי דָוִד וּמִי בְּנֵי־אִשְׁי הַיּוֹם רָבּוּ ^ט

עַבְדִּים הַמְתַּפְּרָצִים אִישׁ מִפְּנֵי אֲדָנָיו: ^י 11 וְלָקַחְתִּי אֶת־לַחְמִי וְאֶת־

מִימִי וְאֶת טְבַחְתִּי אֲשֶׁר טְבַחְתִּי לְגִזְזוֹ וְנָתַתִּי לְאֲנָשִׁים אֲשֶׁר לֹא

יָדַעְתִּי אִי מְזֵה הַמָּזָה: ^{יא} 12 וַיַּחֲפְזוּ נְעָרָיו דָּוִד לְדַרְכָּם וַיָּשָׁבוּ וַיָּבֹאוּ

13 וַיַּגִּדוּ לוֹ כְּכָל־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה: ^{יב} 13 וַיֹּאמֶר דָּוִד לְאֲנָשָׁיו חַנְּרוּ

אִישׁ אֶת־חֲרָבּוֹ וַיַּחְנְרוּ אִישׁ אֶת־חֲרָבּוֹ וַיַּחְנַר גַּם־דָּוִד אֶת־חֲרָבּוֹ

וַיַּעֲלוּ אַחֲרָיו דָּוִד כְּאֹרְבַע מְאוֹת אִישׁ וּמֵאוֹתָם יָשְׁבוּ עַל־הַכְּפָלִים: ^{יג}

14 וְלְאַבְיָיִל אִשָּׁת נָבָל הַנָּעִד נָעַר אֶחָד מִהַנְּעָרִים לְאָמֵר הִנֵּה שָׁלַחְ

דָּוִד מִלְּאֲכִים מִהַמִּדְּבָר לְבָרֶךְ אֶת־אֲדָנָיו וַיֵּעַט בָּהֶם: ^{יד} 15 וְהָאֲנָשִׁים

טְבָיִם לָנוּ מְאֹד וְלֹא־הִכְלָמְנוּ וְלֹא־פָקְדְנוּ מְאוּמָה כָּל־יְמֵי הַתְּהַלְכָנוּ

אִתְּם בְּהֵיוֹתֵנוּ בַּשָּׂדֶה: ^{טו} 16 חוֹמָה הֲנִי עָלֵינוּ גַם־לְלִילָה גַם־יּוֹמָם כָּל־

יְמֵי חַיֹּתֵנוּ עִמָּם רַעִים הָצֵאן: ^{טז} 17 וְעַתָּה דַעִי וְרֵאִי מַה־תַּעֲשֶׂי כִּי־

כָּלְתָה הָרְעָה אֶל־אֲדָנָיו וְעַל כָּל־בֵּיתוֹ וְהוּא בֶן־בְּלִיעַל מִדְּבָר ^{יז}

אֱלֹוִ: ^{יח} 18 וְתַמְתֵּר אַבְיָיִל וְתִקַּח מֵאֵתִים לֶחֶם וּשְׁנַיִם נְבָלֵי־זֵיֵן וְחָמֵשׁ

צֶאֱן עֲשׂוֹתִי וְחָמֵשׁ סְאִים קָלִי וּמֵאָה צְמָקִים וּמֵאוֹתָם דְּבָלִים וְחֲשֵׁם

עַל־הַחֲמֹרִים: ^{יט} 19 וְתֹאמֶר לְנְעָרֶיךָ עֲבְרוּ לִפְנֵי הַנָּעִי אַחֲרַיְכֶם בְּאָה

וְלֹא־יִשָּׂה נָבָל לֹא הִנְיָדָה: ^כ 20 וְהִנֵּה הִיא רֹכֶבֶת עַל־הַחֲמֹר וַיַּרְדְּת

בְּסֹתֵר הָהָר וְהִנֵּה דָוִד וְאֲנָשָׁיו יָרְדִים לִקְרַאתָהּ וּתַפְּנֹשׂ אִתְּם: ^{כא} 21 וְדָוִד

אָמַר אַךְ לְשֶׁקֶר שָׁמַרְתִּי אֶת־כָּל־אֲשֶׁר לָזָה בַּמִּדְּבָר וְלֹא־נִפְקְדוּ

מִכָּל־אֲשֶׁר־לוֹ מְאוּמָה וַיִּשָּׁב־לִי רָעָה תַחַת טוֹבָה: ^{כב} 22 כֹּה־יַעֲשֶׂה

пред Давидом на лице свое и поклонилась до земли; **24** и пала к ногам его и сказала: на мне грех, господин мой; позволь рабе твоей говорить в уши твои и послушай слов рабы твоей. **25** Пусть господин мой не обращает внимания на этого злого человека, на Навала; ибо каково имя его, таков и он. Навал — имя его, и безумие его с ним*. А я, раба твоя, не видела слуг господина моего, которых ты присылал. **26** И ныне, господин мой, жив Господь и жива душа твоя, Господь не попустит тебе идти на пролитие крови и удержит руку твою от мщенья, и ныне да будут, как Навал, враги твои и злоумышляющие против господина моего. **27** Вот эти дары, которые принесла раба твоя господину моему, чтобы дать их отрокам, служащим господину моему. **28** Прости вину рабы твоей; Господь непременно устроит господину моему дом твердый, ибо войны Господа ведет господин мой, и зло не найдется в тебе

*«Навал» — безумный.

во всю жизнь твою. **29** Если восстанет человек преследовать тебя и искать души твоей, то душа господина моего будет завязана в узле жизни у Господа Бога твоего, а душу врагов твоих бросит Он как бы пращею. **30** И когда сделает Господь господину моему все, что говорил о тебе доброго, и поставит тебя вождем над Израилем, **31** то не будет это сердцу господина моего огорчением и беспокойством, что не пролил напрасно крови и сберег себя от мщенья. И Господь облагодетельствует господина моего, и вспомнишь рабу твою [и окажешь милость ей]. **32** И сказал Давид Авигее: благословен Господь Бог Израилев, Который послал тебя ныне навстречу мне, **33** и благословен разум твой, и благословенна ты за то, что ты теперь не допустила меня идти на пролитие крови и отмстить за себя. **34** Но, — жив Господь Бог Израилев, удержавший меня от нанесения зла тебе, — если бы ты не поспешила и не пришла навстречу мне, то до рассвета

утреннего я не оставил бы Навалу мочащегося к стене. **35** И принял Давид из рук ее то, что она принесла ему, и сказал ей: иди с миром в дом твой; вот, я послушался голоса твоего и почтил лице твое. **36** И пришла Авигея к Навалу, и вот, у него пир в доме его, как пир царский, и сердце Навала было весело; он же был очень пьян; и не сказала ему ни слова, ни большого, ни малого, до утра. **37** Утром же, когда Навал отрезвился, жена его рассказала ему об этом, и замерло в нем сердце его, и стал он, как камень. **38** Дней через десять поразил Господь Навала, и он умер. **39** И услышал Давид, что Навал умер, и сказал: благословен Господь, воздавший за посрамление, нанесенное мне Навалом, и сохранивший раба Своего от зла; Господь обратил злобу Навала на его же голову. И послал Давид сказать Авигее, что он берет ее себе в жену. **40** И пришли слуги Давидовы к Авигее на Кармил и сказали ей так: Давид послал нас к тебе, чтобы взять тебя ему в жену. **41** Она встала и поклонилась лицом до земли и сказала: вот, раба твоя готова быть служанкою, чтобы омывать ноги слуг господина моего. **42** И собралась Авигея поспешно и села на осла, и пять служанок сопровождали ее; и пошла она за послами Давида и сделалась его женою. **43** И Ахиноаму из Изрееля взял Давид, и обе они были его женами. **44** Саул же отдал дочь свою Мелхолу, жену Давидову, Фалтию, сыну Лаиша, что из Галлима.

אֱלֹהִים לְאִיבֵי דָוִד וְכֹה יִסִּיף אִם־אֲשָׁאִיר מִכָּל־אֲשֶׁר־לּוֹ עַד־²¹ כַּחַסְכוּ
הַבְּקָרִי מִשְׁתֵּין בְּקִיר: ²³ וַתֵּרָא אֲבִיגַיִל אֶת־דָּוִד וַתִּמְהַר וַתִּרְדּוּ מֵעַל
הַחֲמוֹר וַתִּפֹּל לְאַפֵּי דָוִד עַל־פְּנֵיהֶּ וַתִּשְׁתַּחֲוֶה אַרְצָה: ²⁴ וַתִּפֹּל עַל־
רַגְלָיו וַתֹּאמֶר בִּי־אָנִי אֲדֹנָי הֶעָנָן וַתִּדְבַר־נָא אִמָּתְךָ בְּאָזְנֶיךָ וּשְׁמַע־
²⁵ אֶת דְּבַרִּי אִמָּתְךָ: ²⁵ אֲלֵנָּא יְשִׁים אֲדֹנָי וְאֶת־לִבּוֹ אֶל־אִישׁ הַבְּלִיעַל
הַזֶּה עַל־נַבָּל כִּי כִשְׁמוֹ כִּן־הוּא נָבָל שְׁמוֹ וְנָבָלָה עִמּוֹ וְאֲנִי אִמָּתְךָ
²⁶ לֹא רָאִיתִי אֶת־נַעֲרֵי אֲדֹנָי אֲשֶׁר שָׁלַחְתָּ: ²⁶ וַעֲתָה אֲדֹנָי חַי־יְהוָה
וַחַי־נַפְשְׁךָ אֲשֶׁר מִנְעָךָ יְהוָה מִבּוֹא בְדָמוֹם וְהוֹשַׁע יָדְךָ לְךָ וַעֲתָה
²⁷ יִהְיֶה כְנָבָל אִיבֶיךָ וְהַמְבַקְשִׁים אֶל־אֲדֹנָי רַעָה: ²⁷ וַעֲתָה הַבְּרַכָּה
הַזֹּאת אֲשֶׁר־הִבִּיאִי שִׁפְחָתְךָ לְאֲדֹנָי וְנִחַנְתָּ לְנַעֲרִים הַמְתַּהַלְכִים
²⁸ בְּרַגְלֵי אֲדֹנָי: ²⁸ שָׂא נָא לִפְשַׁע אִמָּתְךָ כִּי עָשָׂה־יַעֲשֶׂה יְהוָה לְאֲדֹנָי
בְּיַתְּנֵן נְאֻמָּן כִּי־מִלְחָמוֹת יְהוָה אֲדֹנָי נִלְחַם וְרַעָה לֹא־תִמְצָא בְּךָ
²⁹ מִיָּמֶיךָ: ²⁹ וַיִּקַּם אָדָם לְרַדְפֶּךָ וּלְבַקֵּשׁ אֶת־נַפְשְׁךָ וְהִיִּתְּהָ נֶפֶשׁ אֲדֹנָי
צְרוּרָה וּבְצֻרֹת הַחַיִּים אֶת יְהוָה אֱלֹהֶיךָ וְאֶת נֶפֶשׁ אִיבֶיךָ יִקְלַעְנָה
³⁰ בַּתּוֹךְ כַּף הַקַּלַּע: ³⁰ וְהָיָה כִּי־יַעֲשֶׂה יְהוָה לְאֲדֹנָי כְּכֹל אֲשֶׁר־דִּבַּר
³¹ אֶת־הַטּוֹבָה עֲלֶיךָ וְצִוְּךָ לַעֲשׂוֹת עַל־יִשְׂרָאֵל: ³¹ וְלֹא תִהְיֶה נֹאֵת לְךָ
לְפִוְקָה וּלְמַכְשׁוֹל לֵב לְאֲדֹנָי וּלְשִׁפְךָ־דָם תָּחַם וְיִלְהוֹשִׁיעַ אֲדֹנָי לְוִי
³² וְהִיטֵב יְהוָה לְאֲדֹנָי וְזָכַרְתָּ אֶת־אִמָּתְךָ: ³² וַיֹּאמֶר דָּוִד לְאַבְיָגַיִל
³³ בְּרוּךְ יְהוָה אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל אֲשֶׁר שָׁלַחְךָ הַיּוֹם הַזֶּה לְקַרְאֵתִי: ³³ וּבְרוּךְ
שִׁעְמָךָ וּבְרוּכָה אַתְּ אֲשֶׁר כָּלַחֲנִי הַיּוֹם הַזֶּה מִבּוֹא בְדָמוֹם וְהוֹשַׁע יָדֵי
³⁴ לִי: ³⁴ וְאֵלֶם חַי־יְהוָה אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל אֲשֶׁר מִנְעָנִי מִהֲרַע אֶתְּךָ כִּי
לֹאֲלִי מִהֲרַת וּתְבֹאֲתִי לְקַרְאֵתִי כִּי אִם־נֹוֹתֵר לְנָבָל עַד־אֹרֶךְ הַבְּקָר
³⁵ מִשְׁתֵּין בְּקִיר: ³⁵ וַיִּקַּח דָּוִד מִיָּדָה אֶת אֲשֶׁר־הִבִּיאָה לוֹ וְלָהּ אָמַר
³⁶ עָלִי לְשָׁלוֹם לְבֵיתְךָ רְאִי שְׁמַעְתִּי בְּקוֹלְךָ וְאֲשָׂא פְגִיֶּךָ: ³⁶ וַתִּבֹּא
אֲבִיגַיִל וְאֶל־נָבָל וְהִנֵּה־לוֹ מִשְׁתָּה בְּבֵיתוֹ כַּמְשֵׁתָה הַמְּלֹךְ וְלֵב נָבָל
טוֹב עָלָיו וְהוּא שָׂר עַד־מָאֵד וְלֹא־הִעֲדָה לוֹ דָּבָר קָטָן וְגִדּוֹל
³⁷ עַד־אֹרֶךְ הַבְּקָר: ³⁷ וַיְהִי בַּבְּקָר בְּצֹאת הַיּוֹן מִנְּבָל וַתִּפְדֵּ־לוֹ אֲשֶׁתּוֹ
³⁸ אֶת־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וַיָּמַת לִבּוֹ בְּקַרְבּוֹ וְהוּא הָיָה לְאַבְנֵן: ³⁸ וַיְהִי
כַּעֲשָׂרֵת הַיָּמִים וַיָּנֶף יְהוָה אֶת־נָבָל וַיָּמַת: ³⁹ וַיִּשְׁמַע דָּוִד כִּי מֵת
נָבָל וַיֹּאמֶר בְּרוּךְ יְהוָה אֲשֶׁר רָבֹ אֶת־רִיב חַרְפָּתִי מִיַּד נָבָל וְאֶת־
עַבְדּוֹ חֲשֹׁף מִרְעָה וְאֶת רַעַת נָבָל הִשִּׁיב יְהוָה בְּרֹאשׁוֹ וַיִּשְׁלַח דָּוִד
וַיְדַבֵּר בְּאַבְיָגַיִל לְקַחְתָּהּ לוֹ לְאִשָּׁה: ⁴⁰ וַיָּבֹאוּ עִבְדֵי דָוִד אֶל־
אֲבִיגַיִל הַכַּרְמֶלָה וַיְדַבְּרוּ אֵלֶיהָ לֵאמֹר דָּוִד שָׁלְחָנוּ אֵלֶיךָ לְקַחְתְּךָ
לוֹ לְאִשָּׁה: ⁴¹ וַתִּקַּם וַתִּשְׁתַּחֲוֶה אַפָּיִם אֶרְצָה וַתֹּאמֶר הִנֵּה אִמָּתְךָ
לְשִׁפְחָה לְרַחֵץ רַגְלֵי עִבְדֵי אֲדֹנָי: ⁴² וַתִּמְהַר וַתִּקַּם אֲבִיגַיִל וַתִּרְכַּב
עַל־הַחֲמוֹר וַתִּמְשַׁל נַעֲרֹתֶיהָ הַהֹלְכוֹת לְרַגְלָהּ וַתִּלְךָ אַחֲרֵי מִלְּאָכִי
דָּוִד וַתְּהִי־לוֹ לְאִשָּׁה: ⁴³ וְאֶת־אֲחִינוּעַם לָקַח דָּוִד מִיִּזְרְעֵאל וַתְּהִיֵּן
גַּם־שְׁתֵּיתֵן לוֹ לְנָשִׁים: ⁴⁴ וְשָׂאוֹל נָתַן אֶת־מִיכָל בַּתּוֹ אִשָּׁת
דָּוִד לְפִלְטִי בֶן־לִישׁ אֲשֶׁר מִנְּעִלִים:

**ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ. РУССКИЙ ЯЗЫК (СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
И ПЕРЕВОД И. М. ДЬЯКОНОВА), ИВРИТ.**

СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

1 Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина. **2** От благовония мастей твоих имя твое — как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя. **3** Влеки меня, мы побежим за тобою; — царь ввел меня в чертоги свои, — будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя!

4 Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы. **5** Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, — моего собственного виноградника я не стерегла.

6 Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих? **7** Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских. **8** Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя. **9** Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях; **10** золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блестками. **11** Доколе царь был за столом своим, нард мой издавал благовоние свое. **12** Мирровый пучок — возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает. **13** Как кисть кипера, возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгедских. **14** О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные. **15** О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложе у нас — зелень; **16** кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы.

2 Я нарцисс Саронский, лилия долин!
2 Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами. **3** Что яблоня

ПЕРЕВОД И. М. ДЬЯКОНОВА

1

1 Песнь песней Соломонова:
2 - Пусть уста его меня поцелуют!
- Ибо лучше вина твои ласки!
3 Из-за добрых твоих умщений
Прозрачный елей - твое имя, -
Потому тебя девушки любят.
4 - Влеки меня! С тобой побежим мы!
- Ввел меня царь в свои покои!
- Мы рады, мы с тобой веселимся,
Больше вина твои ласки славим -
Справедливо тебя полюбили!
5 - Я черна, но собою прекрасна,
девушки Иерусалима!
Как шатры Кедара,
как завесы Соломона, -
6 Не смотрите, что я смугловата,
что меня подглядело солнце, -
Мои братья на меня прогневались, -
виноградники стеречь мне велели, -
Свой же виноградник не устерегла я.
* * *

7 - Ты мне расскажи,
любовь моей души,
Где ты стадо пасешь,
где со стадом отдыхаешь в полдень,
Чтобы мне не бродить под покрывалом,
где товарищи твои расположились!
6 - Если ты не знаешь,
прекраснейшая из женщин,
Выходи по тропам овечьим
и паси ты своих козлят
У шатров пастушьих.
* * *

9 - С кобылицей в колеснице фараона
Тебя, милая, сравнил я,
Твои щеки украшают подвески,
Твою шею - ожерелья
Мы скуем тебе подвески золотые
И серебряные бусы.
* * *

12 - Пока царь за столом веселился,
Мой нард разливал ароматы,
13 Для меня мой милый - ладанка с миррой,
Что ночует меж грудями моими,

שיר השירים
CANTICUM CANTICORUM

ב	1 [א] 1 שיר השירים אשר לשלמה:	
ב. ל. א. כ	2 ישקני מנשקות פיהו	
א	3 כי טובים הדיון מנין: לריוח שמננה טובים	
ב. א. א.	4 שמן תורק שמך על-כן עלמות אהבוך:	
ב. ד. א.	5 משכני אחריך נרצח הביאני המלך חדריו	
א	6 נגילה ונשמחה בך נזכרה דודי מנין	
א	7 מישרים אהבוך: ׀	
ב. ב.	8 שתזרה אני ונאזה בנות ירושלם	
ב. ה. מל	9 כאהלי קדר כיריעות שלמה:	
ל ומל. ב. ל. ל.	10 אל-תראוני שאני שתחרת ששזפתני השמש	
ב. ח. מ.	11 בני אמי נחרו-בי שמני נטרה את-הכרמים	
ב. ג.	12 כרמי שלי לא נטיתי:	
ה בטע ול בליש. יז	13 הגידה לי שאהבה נפשי איכה תרעה	
ז. יב	14 איכה תרביץ בצחקים	
ב. ל.	15 שלמה אהיה פעטה על ערבי חבריך:	
ח"ר ר"ם וכל איוב דכות ב מ ב	16 אם-לא תדעי לך תיפה בנשים	
ל. ל וכת כן	17 צאי-לך בעקבי הצאן ורעי את-גדיתך	
	18 על משכנות הרעים: ׀	
ב"ח ח ול בליש. ל.	19 לססתי ברכבי פרעה דמיתוך רעיתי:	
ב"א. ל. ח. מ. ל ומל	20 נאווה לתיוך בתרים צוארך בחרותים:	
ב בסיפ	21 תורי זהב נעשה-לך עם נקדות הכסף:	
ה בטע ול בליש. ל.	22 עד-שהמלך במסבו גרדי נתן ריחו:	
	23 צרור המרודי לי בין שדי ילין:	
ה חס	24 אשפל הכפרודי לי בכרמי עין גדי: ׀	
ד בסיפ. ד בסיפ. יא	25 הנך יפה רעיתי הנך יפה עיניך יונים:	
ה"ל. ל. ל בטע	26 הנך יפה דודי אף נעים אף-ערשנו רעננה:	
הויטנו חד מן ד"ה כח ח ק	27 קרות בתינו ארזים רחשנו ברותים:	

между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей.

4 Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь. **5** Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви. **6** Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня. **7** Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

8 Голос возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам. **9** Друг мой похож на серну или на молодого оленя. Вот, он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решетку. **10** Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! **11** Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; **12** цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; **13** смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! **14** Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лицо твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лицо твое приятно. **15** Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете.

16 Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет между лилиями. **17** Доколе день дышит прохладю, и убегают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор.

3 На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. **2** Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. **3** Встретили меня стражи, обходящие город: «не видали ли вы того, кото-

14 Для меня мой милый - соцветье кипрея
В виноградниках Эн-гэди.

* * *

15 - Как прекрасна ты, милая,
как ты прекрасна,

Твои очи - голубицы!

16 - Как прекрасен ты, милый, и приятен

И наше зелено ложе,

17 Крыша дома нашего - кедры,

Его стены - кипарисы.

2

1 - Я - нарцисс раипны,

я - лилия долин!

2 - Как лилия между колючек -

моя милая между подруг!

3 - Как яблоня меж лесных деревьев -

мой милый между друзей!

Под сенью его я сидела,

его плод был мне сладок на вкус.

4 Он ввел меня в дом пированья,

надо мной его знамя - любовь!

5 Ягодой меня освежите,

яблоком меня подкрепите,

Ибо я любовью больна.

6 Его левая - под моей головою,

а правой он меня обнимает, -

7 Заклинаю вас, девушки Иерусалима,

газелями и оленями степными, -

Не будите, не пробуждайте

любовь, пока не проснется!

* * *

8 - Голос милого!

Вот он подходит,

Перебираясь по горам,

перебегая по холмам, -

9 Мой милый подобен газели

или юному оленю. Вот стоит он

за нашей стеной,

Засматривает в окошки,

заглядывает за решетки.

10 Молвит милый мой мне, говорит мне:

"Встань, моя милая,

моя прекрасная, выйди,

11 Ибо вот зима миновала,

Ливни кончились, удалились,

12 Расцветает земля цветами,

Время пения птиц наступило,

Голос горлицы в краю нашем слышен,

13 Наливает смоковница смоквы,

Виноградная лоза благоухает -

Встань, моя милая,

моя прекрасная, выйди!

14 Моя горлица в горном ущелье,

1 2 אָנִי חֲבַצְלֵת הַשָּׁרוֹן שׁוֹשַׁנַּת הָעֲמָקִים :
 2 כְּשׁוֹשַׁנָּה בֵּין הַחֹתְמִים כֵּן רַעִיתִי בֵּין הַבָּנוֹת :
 3 כְּתַפְּוֹחַ בַּעֲצֵי הַיַּעַר כֵּן יוֹדֵי בֵּין הַבָּנִים
 בְּצִלּוֹ חַמְדֵּי וַיִּשְׁבְּתִי וּפְרִיזוּ מְתוֹק לְחַכִּי :
 4 הִבִּיאֲנִי אֶל־בַּיִת הַיְיֹוִב וְדִגְלוּ עָלַי אַהֲבָה :
 5 סִמְכוּנִי בְּאִשֵּׁי־שׁוֹת רַפְדּוּנִי בַתְּפֹוֹחִים
 כִּי־חֹלֶת אַהֲבָה אָנִי :
 6 שָׁמְאוּלוּ תַחַת לְרַאשֵׁי וַיִּמְנוּ תְּחַבְּקֵנִי :
 7 הַשְּׁבַעְתִּי אֶתְכֶם בְּנוֹת יְרוּשָׁלַם
 בְּבַצְבָּאוֹת אֹו בְּאֵילֹוֹת הַשָּׁדָה^ט
 אִם־תִּעְיְרוּ וְאִם־תִּעֹרְרוּ אֶת־הָאֲהָבָה עַד שֶׁתִּחַפְּצִין :
 8 קוֹל יוֹדֵי הַנְּהַיָּה בָּא
 מְדַלְּגֵי עַל־הַהָרִים מִקְפָּצִין עַל־הַנְּבָעוֹת :
 9 דוֹמָה יוֹדֵי לְצִבִּי אֹו לְעַפְרַת הָאֵילָיִם
 הַנְּהַיָּה עוֹמֵד אַחַר כְּתָלָנוּ
 מִשְׁנִיחַ מִן־הַתְּלִנּוֹת מִצִּיץ מִן־הַחֲרָקִים :
 10 עָנָה יוֹדֵי וַאֲמַר לִי
 קוּמִי לָךְ רַעִיתִי יִפְתִּי וְלִכִּי־לָךְ :
 11 כִּי־הִנֵּה הִסְתָּו עָבַר הַיָּשָׁם חָלַף הָלָךְ לֹו :
 12 הַנְּצָנִים נִרְאוּ בְּאַרְץ אֶת־הַזְּמִיר הַגִּיעַ
 וְקוֹל הַתּוֹר נִשְׁמַע בְּאַרְצָנוּ :
 13 הַתְּאֵנָה חֲנֻטָּה פְּנִיחַ וְהַגִּפְנִים סִמְדָרִי נִתְּנוּ רִיחַ

ל
 ל
 ל
 ל.ב.
 ד. ל. זקה קמ
 ל. ל.
 ל ומל
 ל. ד. ב.
 ב ומל
 ז. יא בטע.
 ז ומל.
 ל. י. חט.
 ב.
 הסחיר
 ז
 ב מל בליש.
 ל

Cp 2 ¹Mm 3670. ²Mm 1099. ³Mm 3849. ⁴Mm 959. ⁵Mm 3085. ⁶Mm 284. ⁷Ps 33, 14. ⁸Mm 3671. ⁹Jes 38, 15. ¹⁰Mm 4087.

Cp 2, 1 ^a prb l אַתְּ || 2 ^a כֵּן || 2 ^b רַעִי' || 3 ^a כִּי || 4 ^a Ed חַמְדֵּי || 4 ^a εἰσαγάγετέ με =
 אֲנִי cf S || 5 ^b הַיַּעַר || 5 ^c לוֹ - cf S; α'(V) ἔταξεν = דָּגַל, σ' επισωρεύσατε = דָּגְרוּ
 (דגור aram) || 5 ^a כִּי || 7 ^a רַעִי' || 7 ^b הַשְּׁבַעְתִּי || 7 ^b εἰς τὰς δυνάμεις καὶ ἐν ταῖς ἰσ-
 χύσεσιν τοῦ ἀγροῦ cf C || 9 ^a dilectam = הָאֲהָבָה || 9 ^a gl? ε + ἐπι τὰ ὄρη Βαρθηλ cf
 17 || ^b sic L, mlt Mss Edd הַתְּלִנּוֹת || 10 ^a הַחֲרָקִים || 10 ^a C^a לָךְ, C^o לִכִּי || ^b cf
 2^b || ^c ε + περιστερὰ μου; V pr columba mea || ^d > ε || 11 ^a mlt Mss S^cV וְהַ
 12 ^a prb tr in fin v || ^b mlt Mss וְעַתָּה || 13 ^a נִשְׁמַע || 13 ^a פְּנִיחַ - || ^b prb dl.

рого любит душа моя?» **4** Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя, ухватилась за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей.

5 Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно. **6** Кто эта, восходящая от пустыни как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварника?

7 Вот одр его — Соломона: шестьдесят сильных вокруг него, из сильных Израилевых. **8** Все они держат по мечу, опытные в бою; у каждого меч при бедре его ради страха ночного. **9** Носильный одр сделал себе царь Соломон из деревьев Ливанских; **10** столпцы его сделал из серебра, локотники его из золота, седалище его из пурпуровой ткани; внутренность его убрана с любовью дочерьми Иерусалимскими. **11** Пойдите и посмотрите, дочери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его.

4 О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской; **2** зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; **3** как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими; **4** шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных; **5** два сосца твои — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями. **6** Доколе день дышит прохладю, и убегают тени, пойду я на гору мирровую и на холм фимиама.

под навесом уступов, -
Дай увидеть лицо твое,
дай услышать твой голос,
Ибо голос твой приятен,
лицо твое прекрасно!"

* * *

15 - Поймайте-ка нам лисенят,
поймайте маленьких лисенят,
Они портят нам виноградник,
а виноград-то наш не расцвел!

* * *

16 - Отдан милый мой мне, а я - ему;
он блуждает меж лилий.

17 Пока не повеял день,
не двинулись тени,
Поспеши назад,
как газель, мой милый,
Иль как юный олень
на высотах Бетер.

3

1 - Ночами на ложе я искала
любимого сердцем.

Я искала его, не находила.

2 Встану, обойду-ка я город
по улицам и переулкам, Поищу любимого
сердцем. Л искала его, по находила,
3 Повстречала тут меня стража, обходяпщ
город:

“Вы любимого сердцем не видали ль?”

4 Едва я их миновала,
как нашла любимого сердцем,
Я схватила его, не отпустила,
Довела его в дом материнский,
в горницу родимой.

5 Заклинаю вас, девушки Иерусалима,
газелями и оленями степными, -
Не будите, не пробуждайте
любовь, пока не проснется.

* * *

6 - Кто это выходит из пустыни,
словно дымный столп,
Курящаяся миррой и благовоньем,
привозным воскурением?1

* * *

7 - Вот ложе Соломона,
Шестьдесят мужей вокруг него
из мужей израильянских,
8 Все они препоясаны мечами
и обучены битве,
На бедре у каждого меч
против страшилища ночного.

* * *

9 - Паланкин изготовил себе царь из дерев

קוֹמִי לָכִי רַעִיתִי וּפָתִי וּלְכִי־לָךְ : ס ק

14 יוֹנְתִי בְּחִנְיָ הַסֶּלַע בְּסֹתֵר הַמְדַרְגָּה ל. ח. 11א

הֲרֹאִינִי אֶת־מִרְאִיךָ הַשְּׁמִיעֵנִי אֶת־קוֹלְךָ ל. ב

כִּי־קוֹלְךָ עָרַב וּמִרְאִיךָ נְאוּהָ : ס ל ומל¹²

15 אֶחְזוּ־לָנוּ שׁוֹעֲלִים שׁוֹעֲלִים קִטְנִים ל. ב. ב. מל בכתיב. ס. 12

מִחֲבָלִים כְּרָמִים וּכְרָמֵינוּ סְמִדָּר : מחבילים כרמים וכרמינו סמדר :

16 דוֹרִי לִי וְאֲנִי לוֹ הָרַעָה בְּשׁוֹשְׁנִים : דורי לי ואני לו הרעה בשושנים :

17 עַד שִׁפְחוֹ הַיּוֹם וְנָסוּ הַצִּלְלִים ל. ב. מל. ד

סָבָא דְמַה־לָּךְ דוֹרִי לְצַבִּי אִו לְעַפְרֵי הָאֲזִילִים ו. ח. 14

עַל־הַרִי בְּתֵרָה : ס ל

1 3 14 עַל־מִשְׁכְּבִי בְּלִילוֹת בִּקְשָׁתִי אֵת שְׂאֵהְבָה נִפְשִׁי בְּקִשְׁתִּי וְלֹא מִצְאָתִיו : על-משכבי בלילות בקשתי את שאהבה נפשי בקשתי ולא מצאתיו :

2 אֶקְוֶמָה נָא וְאֶסֹבְבָהּ בְּעִיר בְּשׂוֹקִים וּבְרַחֲבוֹת אֶבְקֶשָׁה אֵת שְׂאֵהְבָה נִפְשִׁי בְּקִשְׁתִּי וְלֹא מִצְאָתִיו : אקומה נא ואסובבה בעיר בשוקים וברחבות אבקשה את שאהבה נפשי בקשתי ולא מצאתיו :

3 מִצְאוּנִי הַשְּׂמָרִים הַסְּבָבִים בְּעִיר אֵת שְׂאֵהְבָה נִפְשִׁי רְאִיתָם : מצאוני השמרים הסבבים בעיר את שאהבה נפשי ראיתם :

4 כִּמְעַט שִׁעְבַּרְתִּי מֵהֶם עַד שִׁמְצָאתִי אֵת שְׂאֵהְבָה נִפְשִׁי אֶחְזֹתִיו וְלֹא אֶרְפְּנוּ ל. ב

עַד־שֶׁהִבִּיאָתִיו אֶל־בֵּית אֲפִי וְאֶל־חֲדָר הַחוּרְתִי : עד-שהביאתיו אל-בית אפי ואל-חדר הורתתי :

5 הַשִּׁבְעָתִי אֶתְכֶם בְּנוֹת יְרוּשָׁלַם בְּצַבָּאוֹת אִו בְּאִילוֹת הַשָּׁדָה ל. ב

אִם־תְּעִירוּ וְאִם־תְּעוֹרְרוּ אֶת־הָאֵהָבָה עַד שֶׁתְּחַפֵּץ : ס ל. יא. בטע. 15

¹¹Mm 3672. ¹²L sine Q cum vocal, Q non scriptum, cf Mp sub loco. ¹³Lectio plena contra TM, cf casus primus versiculi, Thr 5,18 et Mp sub loco. ¹⁴Mm 1054. Cp 3 ¹Mm 3674. ²Mm 1721. ³Mm 3240. ⁴Mp sub loco. ⁵Mm 284.

13^c K Ⓢ לְכִי || ^d cf 2^b || ^e Ⓢ + περιστερά μου cf 10^c || 14^{a-a} Ⓢ ἐχόμενα τοῦ προτειχίσματος || ^b l c K אִיךָ-, Q mlt Mss אִיךָ- || 15^a > pc Mss Ⓢ || ^b mlt Mss וְנָסוּ || 17^a Ⓢ (SV) ἀπόσπευον = שׁוֹב || ^b Ⓢ לְעַפְרֵי || ^c K^{Or} אֶל || ^d θ'(S) θυμαμάτων, l בְּשָׂמִים cf 8,14; Ⓢ κοιλωμάτων || Cp 3,1^a Ⓢ -תִּיר || ^b Ⓢ + ἐκάλεσα αὐτὸν καὶ οὐχ ὑπήκουσέν μου (cf 5,6), id Ⓢ^{-BSO} post 2 || 2^a Ⓢ ואסבבה || ^b cf 1^b || 4^a Ⓢ שֶׁהִבִּיאָתִיו || 5^a cf 2,7^a || ^{b-b} cf 2,7^{b-b} || ^c cf 2,7^c.

7 Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе! **8** Со мною с Ливана, невеста! со мною иди с Ливана! спеши с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых! **9** Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей. **10** О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов! **11** Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана! **12** Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник: **13** рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, **14** нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами; **15** садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана. **16** Поднимись *ветер* с севера и принеси с юга, повеи на сад мой, — и польются ароматы его! — Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его.

5 Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

2 Я сплю, а сердце мое бодрствует; *вот*, голос моего возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою». **3** Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне марать их? **4** Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него. **5** Я встала, чтобы отпе-

ливанских,
10 Столбы из серебра изготовил,
 Спинку - из золота,
 Подстилку - из багряницы,
 А внутри его застлали любовью
 девушки Иерусалима.
11 Выходите-ка, девушки, на царя Соломона
 поглядите,
 На венец, которым мать его в день свадьбы
 венчала,
 в день радости сердца.

4

1 - Как прекрасна ты, милая,
 как ты прекрасна -
 твои очи - голубицы
 Из-под фаты,
 Твои волосы - как козье стадо,
 что сбегает с гор гилеадских,
2 Твои зубы - как постриженные овцы,
 возвращающиеся с купанья,
 Родила из них каждая двойню,
 и нет среди них бесплодной,
3 Как багряная нить твои губы,
 и прекрасен твой рот,
 Как разлом граната твои щеки из-под фаты,
4 Как Давидова башня твоя шея,
 вознесенная ввысь,
 Тысяча щитов навешано вокруг, -
 всё щиты бойцов,
5 Две груди твои - как два олененка,
 как двойня газели, -
 Они блуждают меж лилий.
6 Пока не повеет день,
 не двинутся тени,
 Я взойду на мирровой холм,
 у горы благовонии, -
7 Вся ты, милая, прекрасна,
 и нет в тебе изъяна.

* * *

8 - Со мною с Ливана, невеста,
 со мною с Ливана приди!
 Взгляни с вершины Аманы,
 с Сенира и Ермона вниз!
 От львиных убежищ,
 с леопардовых гор!

* * *

9 - Ты сразила меня, сестра моя, невеста,
 сразила одним лишь взором,
 Одной цепочкой на шее,
10 Сколь хороши твои ласки,
 сестра моя, невеста,
 сколь лучше вина,
 Аромат твоих умащенпй

6 מִי זֹאת עֲלֶה מִן־הַמִּדְבָּר כְּתִימָרוֹת עֲשֹׂן
 מִקְטָרֶת מִזֶּה וּלְבוֹנָה מִכָּל אֲבָקֶת רוּכָל:
 7 הֲיִנָּה מִטָּתוֹ שֶׁל־שְׁלֹמֹה^a
 שְׁשִׁים נְבָרִים סָבִיב לָהּ מִנְבְּרֵי יִשְׂרָאֵל:
 8 כָּל־מִן אֲתָוִי חָרֵב מִלְמַרְי מִלְחָמָה
 אִישׁ חָרַבּוּ עַל־יָרְכוֹ מִפֶּתַח בַּלְיֹתוֹ: ׀
 9 אֲפָרְיוֹן^a עָשָׂה לֹו הַמֶּלֶךְ שְׁלֹמֹה מֵעֲצֵי הַלְבָנוֹן:
 10 עֲמוּדָיו עָשָׂה כֹסֶף רְפִידָתוֹ זָהָב
 מִרְקָבוֹ אַרְגָּמָן תֹּזְכוּ רְצוּף^b אֲהָבָה
 מִבְּנוֹת יְרוּשָׁלַם: 11 צֹאֲיָנָה וְרֹאֲיָנָה בְּנוֹת צִיּוֹן^a
 בַּמֶּלֶךְ שְׁלֹמֹה בְעֵטְרָה שְׁעֵטְרָה־לֹו אָמוֹ
 בְּיוֹם חַתֻּנָּתוֹ וּבְיוֹם שְׂמִחַת לְבוֹ: ׀
 1 4 הֲנִיךְ יָפָה רַעֲיִתִי הֲנִיךְ יָפָה עֵינֶיךָ יוֹנִים
 מִבְּעַד לְצַמְתֶּךָ
 שְׁעָרֶיךָ כְּעֵדֶר הָעֵזִים שְׁנֹלְשִׁי^a בְּמַהֲרֵךְ לְעֵדֶיךָ:
 2 שְׁנִיךָ^a כְּעֵדֶר הַקְּצוֹבוֹת שְׁעָלוּ מִן־הַרְחֵצָה
 שְׁכָל־מִתְאַיְמוֹת וְשִׁכְלָה אֵין בָּהֶם:
 3 כְּחוֹט הַשְּׁנִי שִׁפְתֶיךָ וּמִדְבָרֶיךָ^a נִאֲוָה
 כְּפֶלַח הַר מִזֶּן רִקְתֶּךָ מִבְּעַד לְצַמְתֶּךָ:
 4 כְּמִגְדֵל דָּוִד צִוְאַרְךָ בְּנוֹי לְתַלְפִּיּוֹת^a
 אֲלֶיךָ הַמִּנֵּן תִּלְוִי עָלָיו כָּל־שִׁטֵּי הַנְּבוֹרִים:
 5 שְׁנֵי שְׂדֵיךָ כְּשֵׁנֵי עֲפָרִים תִּאֲוִמֵי צְבִיָּה^a
 בְּהַרְוֵעִים בְּשׁוֹשְׁנִים^b:

ד בסיפ. ד בסיפ. א
 ג. ג.
 ב.
 ג.
 ב ומל. ב רחס
 ל.
 ג. ג. ג.
 ה מל
 ג. כח כר
 ל מל

^aTM contra Mm 3678, cf Mp sub loco. ⁷Mm 3633. ⁸Mm 4052. ⁹Mm 3673. ¹⁰Mm 3674. ¹¹Mm 638. Cp 4 ¹Mp sub loco. ²Mm 1807. ³Mp sub loco et cf Mp 1R 1,8.

6 ^a mlt Mss כתמרת (sg? cf Vrs), כתמרות, ^a ὡς ὁμοιωσις = כְּתִימָרוֹת || ^b ^a ἀπὸ θυμιάματος = מִקְטָרֶת cf CV || 7 ^{a-a} gl || 9 ^a א' א' || ^b gl || 10 ^a prb | אֲלִמָּן (= אֲלִמָּן) || (אֲלִמָּן) || ^{b-b} | בְּנוֹת: בְּנוֹת || 11 ^{a-a} > ט || ^b gl cf 9^b || Cp 4,1 ^a ט al ἀπεκαλύφθησαν, σ' ἀνεφάνησαν || ^{b-b} & nonn Mss ט מן ה' cf 6,5 || 2 ^a & שְׁנִיךָ || ^b כְּעֵדֶר || 3 ^a K^{Mss} & גִּיךָ, Q^{Mss} גִּיךָ || 4 ^a ט εἰς θαλπ(φ)ιωθ, ^vα' εἰς ἐπάλλξεις cf SV, σ' εἰς ὕψη, ε' εἰς ἐντολάς || 5 ^a & צְבִיָּה || ^{b-b} add cf 2,16.

реть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка. **6** Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне. **7** Встретили меня стражи, обходящие город, избili меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены. **8** Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви. **9** «Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин? Чем возлюбленный твой лучше других, что ты так заклинаешь нас?» **10** Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других: **11** голова его — чистое золото; кудри его волнистые, черные, как ворон; **12** глаза его — как голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве; **13** щеки его — цветник ароматный, гряды благовонных растений; губы его — лилии, источают текучую мирру; **14** руки его — золотые кругляки, усаженные топазами; живот его — как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами; **15** голени его — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях; вид его подобен Ливану, величествен, как кедр; **16** уста его — сладость, и весь он — любезность. Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалимские!

6 «Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? куда обратился возлюбленный твой? мы поищем его с тобою». **2** Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии. **3** Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне; он пасет между лилиями.

4 Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами. **5** Уклони очи твои от

лучше бальзама,
11 Сладкий сот текучий
твои губы, невеста,
Мед и млеко
под твоим языком,
Аромат одеяний,
как ароматы Ливана.
* * *

12 - Замкнутый сад - сестра моя, певсста,
Замкнутый сад, запечатанный источник!
13 Твои заросли - гранатовая роща с сочными
плодами,
С хной и нардом!
14 Нард и шафран,
Аир и корица,
Благовонные растенья,
Мирра и алоэ,
И весь лучший бальзам!
15 Колодец садов
источник с живой водою,
родники с Ливана!
16 Восстань, северный ветер,
приди, южный ветер,
Ветер, повеи на мой сад,
пусть разольются его благовонья!
- Пусть войдет мой милый в свой сад,
пусть поест его сочных плодов!

5

1 - Вошел я в сад мой, сестра моя, невеста,
собрал моей мирры с бальзамом,
Поел сота с медом,
выпил пива с молоком.
Ешьте, друзья, пейте и упивайтесь, родичи!
2 -Я сплю, но сердце не спит...
Голос милого - он стучится:
“Отвори мне, моя милая, моя сестра,
моя нетронутая, моя голубка,
Голова моя полна росой,
мои кудри - каплями ночи!”
3 - Сняла я хитон - не надевать же его снова!
Омыла я ноги - не пачкать же их снова!
4 Мой милый руку
просунул в щелку -
От него моя утроба взыграла.
5 Встала милому отворить я,
а с рук моих капала мирра,
С пальцев - текучая мирра
на скобы засова.
6 Отворила я милому -
а милый пропал, сокрылся,
От слов его дух мой замер,
Я искала его, не находила,
кликала - он мне не ответил!

<p>6^a עַד שִׁפְחוּ הַיּוֹם וְנָסוּ הַצְּלָלִים אֶלֶף לִי אֶל־הַר הַמּוֹר וְאֶל־גְּבַעַת הַלְּבוֹנָה: 7^a כִּלְיָה יָפָה רַעֲיָתִי וּמֹום אֵין בָּךְ: 8^a אֶתִּיא מִלְּבָנוֹן כְּלָה אֶתִּיא מִלְּבָנוֹן תְּבֹאִי תְּשׁוּרִי מִרְאֵשׁ אֲמָנָה מִרְאֵשׁ שְׁנִיר וְחַרְמוֹן מִמְעַנּוֹת אַרְיֹות מִהַרְרֵי גְמָרִים: 9^a לִבְבְּתֵנִי אַחֲתִי כְלָה לִבְבְּתֵנִי בְּאַחַד מֵעֵינֶיךָ בְּאַחַד עֵנֶק מִצְוֹרֵינֶיךָ: 10^a מֵה־יָפוּ דְרִיךְ אַחֲתִי כְלָה מֵה־טָבוּ דְרִיךְ מִיָּוִי וְרִיחַ שְׁמֹנֶיךָ מִכָּל־בְּשָׂמִים: 11^a נָפֶת הַטְּפִנָּה שְׁפֹתֹתֶיךָ כְּלָה דְבֶשׂ וְחֶלֶב תַּחַת לְשׁוֹנֶיךָ וְרִיחַ שְׁלֹמֹתֶיךָ כְּרִיחַ לְבָנוֹן: 12^a גֵּן נָעוּל אַחֲתִי כְלָה גֵּל נָעוּל מֵעֵינֶיךָ חָתוּם: 13^a שְׁלֹחֶיךָ פְּרֹחֵס רְמוֹנִים עִם פְּרִי מִגְּדִים כְּפָרִים עִם־נֶרְדִים: 14^a גִּרְדֵּי וְכֹרֶם קָנָה וְקַנְמוֹן עִם כָּל־עֲצֵי לְבוֹנָה מֹר וְאַהֲלוֹת עִם כָּל־רֵאשֵׁי בְשָׂמִים: 15^a מֵעֵינֶיךָ נְנִים בְּאֵר מַיִם חַיִּים וְנִזְלִים מִן־לְבָנוֹן: 16^a עֲוִרֵי צָפוֹן וּבֹאִי תִמְן הַפִּיחֵי גְנִי יִזְלוּ בְּשָׂמִי יָבֹא דוֹדִי לְנִי וְיֵאכֹל פְּרִי מִגְּדֵיו: 5^a בָּאתִי לְנִי אַחֲתִי כְלָה אַרְיֹתִי מוֹרִי עִם־בְּשָׂמִי אֶכְלֵתִי יַעֲרִיא עִם־דְּבָשׁ שְׁתִּיתִי יַיִן עִם־חֶלְבִי</p>	<p>ב ומל . ד 11 וכל אל הר המור דכות ג . ל ג^a ב מנת מל ל . יד . ג . יד . ב ג^a ב וחס . ב וחס . באחת^ק הר מן ב⁷ בת כן ק אחד מן יא¹¹ קר ח בליש ל . ב חס ול בליש ג^a ה¹⁰ יא רחם וס"ט ג¹¹ . ג . ב ה¹⁰ . ב ל . ל חצי הספר בפסוקים¹⁴ ל . ל ג ב ומל . מה ד . יז מיוחד מן¹⁵ 16^a ג חס וחד מן ג מל בליש . ל ה¹⁷ חס במגלות ב מנת בליש . ה ג . ל</p>
--	--

⁴Mm 385. ⁵Mm 2829. ⁶Mm 966. ⁷Mm 1855. ⁸Mm 3675. ⁹Nu 24,5. ¹⁰Mm 3817. ¹¹Mm 729.
¹²Mm 112. ¹³Neh 2,8 וחד המרדס. ¹⁴Mp sub loco. ¹⁵Okhl 196. ¹⁶Mm 2383. ¹⁷Mp sub loco.

6^a add (cf 2,17), postquam 2 vv exc || ^b mlt Mss אל || 7^a כלה א || 8^a (SV) δεῦρο =
אמי || ^b א || 9^a גמ' א || 9^a באחד א || 10^a א SV cf 1,2^a || ^b cf 1,4^a || ^c ἰματίων σου =
שְׁלֹמֹתֶיךָ cf 11 || 11^a א-א א מכל־בשמים cf 10bβ || 12^a 1 c mlt Mss Edd א SV || ^b א
מֵעַן || 13^a frt 1 שְׁלֹחֹת 1 || 15^a cf 12^b || ^b prb 1 גני א || ^c א הלי || 16^a 2 Mss א^Amin
לפי || Cp 5,1 א ἄρτον μου.

меня, потому что они волнуют меня. **6** Волосы твои — как стадо коз, сходящих с Галаада; зубы твои — как стадо овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; **7** как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими. **8** Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа, **9** но единственная — она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей. Увидели ее девицы, и — превознесли ее, царицы и наложницы, и — восхвалили ее. **10** Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами? **11** Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки? **12** Не знаю, как душа моя влекла меня к колесницам знатных народа моего.

7 «Оглянись, оглянись, Суламита! оглянись, оглянись, — и мы посмотрим на тебя». Что вам смотреть на Суламиту, как на хоровод Манаимский? **2** О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая! Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника; **3** живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями; **4** два сосца твои — как два козленка, двойни серны; **5** шея твоё — как столп из слоновой кости; глаза твои — озёрки Есевонские, что у ворот Батраббима; нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску; **6** голова твоё на тебе, как Кармил, и волосы на голове твоё, как пурпур; царь увлечен твоими кудрями. **7** Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоёю миловидностью! **8** Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. **9** Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви её; и груди твои были бы вместо ки-

7 Повстречали меня стражи, обходящие город, Изранили меня, избили, Стражи стен городских сорвали с меня покрывало.
8 Заклинаю вас, девушки Иерусалима, - если встретится нам мой милый, - Что вы скажете ему? Скажите, что я любовью больна.
9 - Что твой милый среди милых, прекраснейшая из женщин, Что твой милый среди милых, что ты так нас заклинаешь?
10 - Милый бел и румян, отличен из тысяч:
11 Лицо его - чистое золото, кудри его - пальмовые гроздьи, черные, как ворон,
12 Очи его, как голуби на водных потоках, Купаются в молоке, сидят у разлила,
13 Щеки его, как гряды благовоний, растящие ароматы, Губы его - красные лилии, капающие миррой текучей,
14 Руки его - золотые жезлы, унизанные самоцветом, Живот его - слоновая кость, обрамленная темно-синим камспьем,
15 Ноги его - мраморные столбы, поставленные в золотые опоры, Облик его - как Ливан, он прекрасен, как кедр,
16 Небо его - сладость, и весь он - отрада!
 Таков мой милый, таков мой друг, Девушки- Иерусалима!

6
1 - Куда ушел твой милый, прекраснейшая из жещцин, Куда уклонился твой милый, - мы поищем с тобою!
2 - Мой милый в свой сад спустился, ко грядам благовоний, Побродить среди сада и нарвать себе лилий, -
3 Отдан милый мой мне, а я - ему, - Он блуждает меж лилий.
 * * *

4 - Прекрасна ты, милая, как столица, хороша, как Иерусалим,

ה' . ד . חס וחד מל²

ב חד מל וחד חס² .
ל ומל

ל . ב .

ל . ל זקה קמ . ל . ל

ל . ב . ב בטע מלעיל

ב בטע מלעיל . ל

ל . ל . ד .

כב² ול בליש . ג .
ג מל בסיפ²

ל² . ג . מל בסיפ² . ל

ל

ל . ל

ל חס

ב² . ל . ומל

י . ל . א . כח כן

ל ומל

ב ובספוק . ד . מל בסיפ²

ב ובספוק . ד . מל בסיפ² . ג .

ל ומל

ל . ל . ל . בליש
ד מל ול² בליש

אֶכְלוּ רַעִים שָׁתוּ וְשָׁקְרוּ דוֹדִים: 5

אֲנִי יִשְׁנָה וְלִבִּי עֵר קוֹל הַדּוּדִי הוֹפֵק 2 (ג)

פְתַח־לִי אַחַתְּי רַעֲיֹתִי יוֹנְתִי תַמְּתִי

שֶׁרֵאֲשִׁי נִמְלֵא־טָל קוֹצְוֹתֶי רִסְיִסִי לִיָּלָה:

פִשְׁטַתִּי אֶת־כְּתָנְתִי אֵיכָכָה אֶלְבָּשְׁנָה 3

רַחְצְתִּי אֶת־רַגְלִי אֵיכָכָה אֶטְנָפֶם:

הַדּוּדִי שָׁלַח יָדוֹ מִן־הַחֹר וַיִּמְעֵי הָמוֹ עָלָיו^a:

קָמַתִּי אֲנִי לַפְתַּח לַדּוּדִי וַיְרִי נָטְפוֹ־מִזֹּר 5

וְאָצְבָּעֹתַי מִזֹּר עֵבֶר עַל כַּפּוֹת הַמִּנְעוּל:

פְתַחְתִּי אֲנִי לַדּוּדִי וְדוּדִי חָמַק^a עֵבֶר 6

נִפְשִׁי יִצְאָה בְּדַבְּרוֹ

בְּקִשְׁתִּיהוּ וְלֹא מִצְאֹתִיהוּ קָרְאֹתָיו וְלֹא עֲנָנִי:

מִצְאָנִי הַשֹּׁמְרִים הַסֹּבְבִים בְּעֵיר 7

הַכּוֹנֵי פִצְעוֹנִי

נִשְׂאוּ אֶת־רַדְיִדִי מֵעָלִי שֹׁמְרֵי הַחֲמוֹת:

הַשֹּׁבְעֹתִי אֶתְכֶם בְּנוֹת יְרוּשָׁלַם^b 8

אִם־תִּמְצְאוּ אֶת־הַדּוּדִי מִה־תַּנְיָדוֹ לֹ

שְׁחוֹלַת אַהֲבָה אֲנִי:

מִה־הַדּוּדִי מִזֹּר הַיָּפָה בְּנָשִׁים 9

מִה־הַדּוּדִי מִזֹּר שִׁכְכָה הַשֹּׁבְעֹתוֹנִי:

הַדּוּדִי צַח וְאָדוּם דָּגוּל מְרַבָּה: 10

רֵאשׁוֹ כְּתָם פֶּזֶז^a 11

קוֹצְוֹתָיו תִּלְתָּלִים שְׁחָרוֹת כְּעוֹרֵב:

Cp 5 ¹Mm 2462. ²Mm 2830. ³Mm 3676. ⁴Mm 3677. ⁵Mm 1104. ⁶Mm 3678. ⁷Ps 144,1. ⁸Mp sub loco. ⁹חד קערב Ps 83,12.

2^a cf 2,2^b || ^b ש' || ^c sic L, mlt Mss Edd קן || 4^a C mlt Mss Edd עלי || 6^a > 6 || 8^a cf 2,7^a || ^b 6 + ἐν ταῖς δυνάμεσιν καὶ ἐν ταῖς ἰσχύσεσιν τοῦ ἀγροῦ cf 2,7 || 9^a | גו' ; -ב' || 11^a 6 pr cop, l ופז || ^b sic L, mlt Mss Edd קן, cf 2^c.

стей винограда, и запах от ноздрей твоих, как от яблоков; **10** уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных. **11** Я принадлежу другу моему, и ко мне *обращено* желание его. **12** Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле, побудем в селах; **13** поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои тебе. **14** Мандрагоры уже пустили благовоние, и у дверей наших всякие превосходные плоды, новые и старые: *это* сберегла я для тебя, мой возлюбленный!

8 О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей! тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы. **2** Повела бы я тебя, привела бы тебя в дом матери моей. Ты учил бы меня, а я пила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблоков моих. **3** Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня. **4** Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, — не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

5 Кто это восходит от пустыни, опираясь на своего возлюбленного? Под яблоней разбудила я тебя: там родила тебя мать твоя, там родила тебя родительница твоя. **6** Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный. **7** Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением.

8 Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у нее; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее? **9** Если бы она была стена, то мы построили бы на ней палаты из серебра; если бы она

И грозна, как полк знаменный!
5 Отведи от меня глаза,
что меня победили,
Твои волосы - как стадо коз,
что сбегает с гор гилеадских,
6 Твои зубы - как стадо овец,
возвращающихся с купанья,
Родила из них каждая двойню,
и нет среди них бесплодной,
7 Как разлом граната, твои щёки -
Из-под фаты!

* * *

8 - Шестьдесят их, цариц,
и восемьдесят наложниц,
и девушек - без счета, -
9 Одна она, моя нетронутая, моя голубка,
Одна она - ясная дочка
у матери родимой, -
Увидали подруги - те пожелали ей счастья,
Царицы и наложницы -
те восхвалили:

10 - Кто это восходит, как заря,
прекрасная, как луна,
Ясная, как солнце,
грозная, как полк знаменный?

* * *

11 - Я спустился в ореховый сад
посмотреть на побеги долины,
Посмотреть, зеленеют ли лозы,
зацвели ли гранаты.

12 Я и не ведал -
душа моя меня повергла
под победные колесницы:

7

1 Вернись, вернись, шуламянка,
вернись, вернись, дай взглянуть!
- Что смотреть вам на шуламянку,
будто на хороводную пляску?

2 - Как прекрасны твои ноги в сандалиях,
знатная дева!

Изгиб твоих бедер, как обруч,
что сделал искусник,

3 Твой пупок - это круглая чашка,
полная шербета,

Твой живот - это ворох пшеницы
с каёмкою красных лилий,

4 Твои груди, как два олененка,
двойня газели,

Шея - башня слоновой кости,

5 Твои очи - пруды в Хешбоне
у ворот Бат-рабб`им,

Твой нос, как горная башня на дозоре против
Арама,

12 עֵינָיו כְּיוֹנִים עַל־אֶפְיָקֵי מַיִם
 רְחֻצוֹת בְּחֶלֶב יִשְׁבּוֹת עַל־מְלֵאֵת:
 13 לְחֵנוּ כַּעֲרוֹגֵת׃ הַבֶּשֶׂם מִגְדְּלוֹת׃ מִרְקָתַיִם
 שִׁפְתוֹתָיו שׁוֹשְׁנִים׃ נִטְפּוֹת מִזֶּרַע עֵבֶר:
 14 יָדָיו׃ גְּלִילֵי זָהָב מִמְּלֵאִים בִּתְרֵשֵׁי־שֵׁשׁ
 מִזַּעֲיוֹ עֲשֵׂת שֵׁן מִעֲלֶפֶת׃ סַפִּירִים:
 15 שׁוֹקֵיו עֲמֹדֵי שֵׁשׁ׃ מִיִּסְדִּים עַל־אֲדָנִי־כְּזוֹ
 מִרְאֵהוּ כִּלְכָנוֹן בְּחֹזֶר כְּאֲרָזִים:
 16 חֶבֶל מִמַּתְקִים וְכָלוּ מִחֲמַדִּים
 זֶה הַדּוֹדִי וְזֶה רַעִי בְּנוֹת יְרוּשָׁלַם:
 6 אָנָּה הֶלֶךְ הַדּוֹד׃ תִּיפָה בְּנָשִׁים
 אָנָּה פָּנָה הַדּוֹד׃ וַנִּבְקַשְׁנוּ עִמּוֹ:
 2 הַדּוֹדִי יָבֵד לְגִזּוֹ לַעֲרוֹגוֹת׃ הַבֶּשֶׂם
 לַרְעוֹת בְּנָיִים וְלִלְקֹט שׁוֹשְׁנִים:
 3 אֲנִי לְדוֹדִי וְדוֹדִי לִי הָרַעַה בְּשׁוֹשְׁנִים:
 4 יָפָה אֵת רַעֲיָתִי׃ כִּתְרָצָה׃ נָאֲנָה כִּירוּשָׁלַם
 אֲיִמָּה כְּגִדְּלוֹת׃
 5 הַסִּבִּי עֵינָיו מִנְּגִדֵי שֶׁהֵם הִרְהִיבֵנִי׃
 שְׁעָרָיו׃ כְּעֶדֶר הָעֲזִים שֶׁנִּלְשׁוּ׃ מִן־הַגִּלְעָד:
 6 שְׁנֵי־כְּעֶדֶר הָרְחֵלִים שְׁעָלוּ׃ מִן־הַרְחֻצָּה
 שִׁכְּלָם מִתְאִימוֹת וְשִׁכְּלָה אֵין בָּהֶם׃
 7 כְּפִלַח הַרְמוֹן רִקְתָּךְ׃ מִבְּעַד לְצַמְתָּךְ:

¹⁰Mm 1686. ¹¹Mm 1811. ¹²Mm 3678. ¹³Nu 24,6. ¹⁴Neh 8,10. ¹⁵Nu 23,13. Cp 6 ¹Mm 488. ²Mp sub loco. ³Thr 4,9. ⁴Mm 796.

12 ^a עַד ך || 13 ^a l c pc Mss Vrs גַּת—cf 6,2 || ^b Ⓞ(V) φύουσαι, l מְגִדָּה cf Ⓞ || ^c Ⓞ
 ך || 15 ^a שֵׁן ך || ^c Ⓞ ἐπι λίθου (?) || ^c Ⓞ מַעַץ || ^c Ⓞ כֶּתֶב || ^b mlt Mss עֵינָיו ך || 14 ^a שׁוֹשְׁנִים
 ך—cf Ⓞ || 4 ^a cf 2,2^b || ^b Ⓞ ὡς εὐδοκία cf Ⓞ || ^c—prb
 אֵ || Cp 6,2 ^a mlt Mss Ⓞ גַּת—cf Ⓞ || ^b pc Mss שְׁעָרֶיךָ cf Ⓞ || ^c Ⓞ αἱ ἀνεφάνησαν cf 4,1,
 add cf 10 || 5 ^a—prb tr post 10 || ^b pc Mss שְׁעָרֶיךָ cf Ⓞ || ^c Ⓞ αἱ ἀνεβήσαν cf Ⓞ et 6 || 6 ^a ך || ^b Ⓞ αἱ + 4,3a.

была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками. **10** Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты.

11 Виноградник был у Соломона в Ваал-Гамоне; он отдал этот виноградник сторожам; каждый должен был доставлять за плоды его тысячу сребреников. **12** А мой виноградник у меня при себе. Тысяча пусть тебе, Соломон, а двести — стерегушим плоды его. **13** Жительница садов! товарищи внимают голосу твоему, дай и мне послушать его.

14 Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!

6 Твоя голова - как гора Кармел,
и прядь волос - как пурпур,
Царь полонен в подземельях.
* * *

7 - Как ты прекрасна, как приятна,
любовь, дочь наслаждения!

8 Этот стан твой похож на пальму,
и груди - на гроздь,

9 Я сказал: заберусь на пальму,
возьмусь за фиников кисти, -
Да будут груди твои, как гроздь лозы,
как яблоки - твое дыханье,

10 И небо твое - как доброе вино!

- К милому поистине оно течет,
У засыпающих тает на губах.
* * *

11 - Досталась я милому,
и меня он желает, -

12 Пойдем, мои милый, выйдем в поля,
в шалашах заночуем,

13 Выйдем утром в виноградники:

зеленеют ли лозы,
Раскрываются ль бутоны,
зацветают ли гранаты?

Там отдам я мои ласки тебе.

14 Мандрагоры благоухают,
у ворот наших много плодов:

Нынешних и давешних
припасла я тебе, мой мпльй.

8

1 - Кто бы сделал тебя моим братом,
вскормленным матерью моею, -

Я встречала бы тебя за порогом,
невозбранно бы тебя целовала,

2 Привела бы тебя я с собою
в дом матери моей родимой,

Напоила бы душистым вином и соком моего
граната!

* * *

3 - Его левая - под моей головою,
а правой он меня обнимает, -

Заклинаю я вас, о девушки Иерусалиме:

Что вы будите, что пробуждаете
любовь, пока не проснется?

* * *

5 - Кто это идет из пустыни,
на милого опираясь?

- Под яблоней я тебя пробудила -
там родила тебя мать,

Там родила родная.

* * *

6 - Положи меня печатью на сердце,
Печатью на руку!

8 שָׁשִׁים הֵמָּה מְלָכוֹת^א וְשִׁמְנִים פִּילִגְשִׁים וְעַלְמֹת אֵין מִסְפָּר^ב :
 ב^א חס וכל קריא דכות
 ב^ב מו מל . ל

9 אַחַת הִיא יוֹנְתִי תַמְתִּי אַחַת הִיא לְאַמָּה בָּרָה הִיא^א
 ב^א ה כת כן וכל לשון
 אכילה דכות^ב . ב

[לְיוֹלְדָתָהּ^ב]

רְאוּהָ בְנוֹת וַיֵּאשְׁרוּהָ מְלָכוֹת וּפִילִגְשִׁים וַיַּהַלְלוּהָ :^א ב^ב . ל

ל ובטע 1 בכתיב^א

10 מִי־זֹאת הַנְּשֻׁקָה כְּמו־שֹׁחַר יָפָה כָּל־בְּנָה

ח כת כן וכל לשון
 אכילה דכות^ב . ב

בָּרָה כַחֲמָה אֵימָה כַּנְּדָלֹת^א :^ב ס

11 אֶל־גִּנַּת אֲגוּזָה יִרְדְּתִי לְרֹאוֹת בְּאֵבֵי הַגַּחַל

ל . ל חס בכתיב

לְרֹאוֹת הַפְּרִתָּה הַגֶּפֶן הַנְּצוּבִי הַרְמְנִים^א :

ל . ל מל וחד חס^א

12 לֹא יִדְעוּתִי נַפְשִׁי שְׂמַחְתִּי^א מִרְכָּבוֹת^ב עַמִּי־נְדִיב^ב :

ל ומל

1 7 שׁוּבִי שׁוּבִי הַשּׁוֹלְמִית שׁוּבִי שׁוּבִי וַנִּחֲזֶה־בָּךְ

ל בסופ . ל חס

מִה־תִּחְזוּ בַשּׁוֹלְמִית כַּמְחַלֶּת^א הַמַּחְנִים^ב :

ב

2 מִה־יָפוּ פְעַמַיךָ בְּנֻעָלִים בַּת־נְדִיב^א

ל . ל . ל

חַמּוּקִי יִרְכִיךְ כְּמוֹ חֲלָאִים מַעֲשֵׂה יְדֵי אֲמֹן :

ל . ל . ל . ל

3 שָׁרְרֶךָ אֲגֹן הַסֹּהַר אֶל־יַחְסֹר הַמֶּזֶג

ל בסופ . ל

בַּטַּיִף עֲרַמַת חַטִּים סוּגָה בַשּׁוֹשְׁנִים :

ל

4 שְׁנֵי שָׂרֶיךָ כַּשְׁנֵי עַפְרַיִם הָאֲמִי^א צְבִיחָה^ב :

יא . ב . ב

5 צִוְאַרְךָ כַּמְנַגֵּל הַשֵּׁן^א

ה^א ב מנה מל

עֵינֶיךָ בְּרִכּוֹתֶי בַחֲשַׁבּוֹן עַל־שַׁעַר^א בַּת־רָבִים^ב

אִפְךָ כַּמְנַגֵּל הַלְבָנוֹן צוּפָה פָּנֶי רַמְשֵׁק :

ל . ל

6 רֵאשֶׁף עָלֶיךָ כַּכְרָמֶל וְדַלַת רֵאשֶׁף כְּאַרְנַנִּין

מִלֶּךְ אֶסּוּר בְּרֵהָטִים^א :

^אMm 3679. ^בMm 3680. ^גMm 3681. ^דMp sub loco. ^הMm 472. Cp 7 ^אMm 3687. ^בMm 2923.

8^א sic L, mlt Mss Edd מ' || 10^א prb ins 5a || 11^א א' א' || ^ב הַנְּצוּבִי || ^ג + ἐκεῖ δόσω τοὺς μαστοὺς μου σοί cf 7,13b || 12^א frt l שְׂמַחְתִּי || ^{ב-ב} pc Mss עמינדב || Cp 7,1^א mlt Mss Edd בַּמ', ס' ἐν τρώσειν; Ms לוח-, ὅ ἡ ἐρχομένη ὡς χοροί, V nisi chores cf ס' || ^ב ים cf ὅ ס' SV || 2^א ὅ Nadab || ^ב ὅ מ' || 4^א א' תאומי cf 4,5 || ^ב א' cf 4,5^א; S + 4,5b || 5^א stich deest; ins על־אדני־בהט || ^ב ὅ ὡς λίμναι, l כָּב' (hpgr) cf SV || ^ג ὅ pl = שַׁעַרִי || ^ד א' bjt || 6^{א-א} inc; ὅ βασιλεὺς δεδομένος ἐν παραδρομαῖς (ס' ἐλλημασιν), V regis vincta canalibus.

Ибо любовь, как смерть, сильна,
Ровность, как ад, тяжка,
Жаром жжет,-
Божье пламя она -
7 И не могут многие воды любовь погасить,
Не затопить ее рекам, -
Кто ценою своего достоинства станет любовь
искупать,
Тому заплатят презреньем.

* * *

8 - Есть у нас сестрица,
у нее еще нету грудей,
Что для сестрицы нам сделать,
когда к ней свататься будут?

9 Была бы она стеной -
мы бы ее укрепили
серебряными зубцами,
Была бы она дверью -
мы бы ее заградили
кедровой доскою.

- А я - стена,
мои груди, как башни,
10 Потому он во мне
находит оплот.

* * *

11 - Был сад у Соломона
в Баал-Хам`оне,
Вверил он сад сторожам.
Каждый вносил за плоды
тысячу серебром.

12 У меня же мой сад с собой:
тысячу с тебя, Соломон,
И две сотни - со стерегущих плоды.

13 - Живущая в садах!
Друзья прислушались!
Дай услышать твой голос!

14 - Скройся, мой милый!
Будь подобен газели
Или оленю молодому
на горах благовоний!

7 מַה־יִּפְּיֹת וּמַה־נִּעְמָתָ אֶהְבֶּה^a בַּתְּעֲנוּגִים^b : ל. ל. ל.
 8 זֹאת קוֹמַתְךָ דְּמִתָּה לְתָמָר וְשָׁדֶיךָ לְאִשְׁכָּלוֹת : ל. ל.
 9 אֲמַרְתִּי אֵעֲלֶה בְּתָמָר^a אֲחֻזָּה בְּסִנְסֻי
 וְהָיוּ־נָא שָׁדֶיךָ כְּאִשְׁכָּלוֹת הַגֶּפֶן יא רפי"ג. ל.
 וְרִיחַ אַפְּךָ כַּתְּפוּחִים : ל. ה.
 10 וְתִכְּךָ כִּינּוּן הַטּוֹב הוֹלֵךְ לְדוֹדִי לְמִישְׁרַיִם
 דוֹכָב בְּשִׁפְתַי יִשְׁנִים^b : ל ומל
 11 אֲנִי לְדוֹדִי וְעָלִי^a תְּשׁוּקָתוֹ : ס
 12 לְכֶה דוֹדִי נִצָּא הַשָּׁדָה נְלִינָה בַּכְּפָרִים : ל.
 13 נִשְׁכִּימָה לְכַרְמִים ל.
 נְרָאָה^a אִם^b פָּרְחָה הַגֶּפֶן ה.
 פִּתַח הַסְּמֹדָר ל. ב.
 הַנְּצוֹ הַרְמוּגִים
 שָׁם אֲתֵן אֶת־דֹּדִי לָךְ : י. ו.
 14 הַדּוֹדָאִים נִתְגַּוְרִיחַ וְעַל־פִּתְחֵינוּ כָּל־מְגִלִים
 חֲדָשִׁים גַּם־יִשְׁנִים דוֹדִי צָפַנְתִּי לָךְ :
 8^a מִי יִתְנַךְ כְּאֶחָ לִי יוֹגֵק שְׁדֵי אִמִּי ב.
 אֲמַצְאָךְ בַּחוּץ אֲשַׁקֶּךָ גַּם לֹא־יִבְזוּ לִי : ל. ל. ל. ב מל ודר חס'
 2 אֲנִהְיֶךָ אֲבִיאָךְ אֶל־בֵּית אִמִּי תִלְמְדֵנִי^a
 אֲשַׁקֶּךָ מִיַּיִן הַרְקַח מִעֵסִים רְמֹנִים^b : ל. ל. ס. חס'
 3 שִׁמְאֵלוֹ תַחַת רֵאשִׁי^a וַיִּמְיָנוּ תַחְבֵּקְנִי : ב. יב. י.

^aMm 417. ⁴Mm 3817. ⁵Mm 1788. ⁶Mm 3683. ⁷Mm 3682. ⁸Mm 3530. ⁹Mp sub loco. Cp 8 ¹Mm 3584 contra textum. ²Mm 653. ³Mm 959.

7^a V carissima cf S, 1 אֶהְבֶּה || ^b α' θυγάτηρ τροφῶν, 1 'עַל (hpgr) cf S || 9^a 1 שִׁפְתַי וְשָׁדַי || α'σ' (SV) χεῖλαί μου καὶ ὀδοῦσιν = שִׁפְתַי וְשָׁדַי || בתמר cf S || 10^a prb 1 לִי || ^b sic L, mlt Mss Edd אִם || ^c cf 6, 11^b || ^d S (SV) וְאֵלֵי 1 || 11^a 1 וְאֵלֵי 1 || 13^a C גִּרְאָה || ^a Cf 8, 2 S (S) καὶ εἰς ταμίειον τῆς συλλαβούσης με = וְאֵל || ^b I c C Vrs מִיַּיִן || ^c I c mlt Mss C יַיִן || 3^a mlt Mss לְר' || cf 2, 6.

4 הַשְּׁבַעֲתִי אֶתְכֶם בְּנוֹת יְרוּשָׁלַם
 מִה־תִּעְרְוּ וּמִה־תִּעְרְרוּ אֶת־הָאֲהָבָה עַד שֶׁתִּחַפְּצִי: ^א ל. ל. יא בטע. 1

5 מִי זֹאת עָלָה מִן־הַמְדְבָר מִתְרַפֶּקֶת עַל־דֹוֹהָ
 תַחַת הַתְּפוּחַ עֹרֵרֶתִיךָ שָׁמָּה תִבְלַתְךָ אִמְךָ
 שָׁמָּה תִבְלָה יִלְדַתְךָ:

6 שִׁמְנֵי כַחוֹתֶם עַל־לֶבֶךָ כַחוֹתֶם עַל־זְרוּעֶךָ
 כִּי־עֵנָה כַפְּוֹת אֲהַבָּה קָשָׁה כִשְׂאוֹל קִנְיָה
 רְשָׁפִיָּה רְשָׁפִי אֵשׁ שְׁלֵה־בְתִיָּה:

7 מַיִם רַבִּים לֹא יוֹכְלוּ לְכַבּוֹת אֶת־הָאֲהָבָה
 וְנִהְרֹת לֹא יִשְׁטְפוּהָ
 אִם־יִתֵּן אִישׁ אֶת־כָּל־הוֹן בֵּיתוֹ בְּאֲהָבָה בּוֹזֵז יִבְזֹוּ לוֹ: ^א ב ב מל וחד חס

8 אַחֹת לְנוֹ קַטְנָה וְשָׂדִים אֵין לָהּ
 מִה־נַּעֲשֶׂה לְאַחֲתָנוּ בַיּוֹם שֶׁיִּדְבַר־בָּהּ:
 9 אִם־חֹמֶה הִיא נִבְנָה עָלֶיךָ טִירַת פֶּסֶף
 וְאִם־דָּלַת הִיא נִצּוֹר עָלֶיךָ לֹחַב אֶרֶז:
 10 אֲנִי חֹמֶה וְשָׂדֵי כַמְנַדְלוֹת
 אֲזִי הִיְתִי בְעֵינָיו כַּמוֹצֵאת שָׁלוֹם: ^א ב

11 כָּרָם הִנֵּה לְשִׁלְמָה בְּבַעַל הַמּוֹן
 נָתַן אֶת־הַכָּרָם לְנֹטְרִים
 אִישׁ יִבֵּא בַפְּרִי אֶלֶף כֶּסֶף:
 12 כְּרָמִי שְׁלִי לְפָנַי הָאֶלֶף לְךָ שְׁלֹמָה
 וּמֵאֲתֵימ לְנֹטְרִים אֶת־פְּרִי:

13 הַיּוֹשֶׁבֶת בְּנָנִים חֲבָרִים מִקְשִׁי־בִים לְקוֹלֶךָ ^{13א} ה' שמיטה לקול

הַשְּׂמִיעֵנִי:

14 בְּרַח וּדְוִי וְדַמָּה־לְךָ לְצַבִּי

אוֹ לְעַפְר הָאֵילִים עַל הַרִי בְשָׁמַיִם:

RUTH רות

1 וַיְהִי אֲבִימִי שְׁפָטָהּ הַשְּׁפֹטִים וַיְהִי רָעַב בְּאֶרֶץ וַיֵּלֶךְ אִישׁ מִבֵּית ^{ה' . ב חר מל וחד חס} ^{ב . ב מסוק מיוחד . ב} ^{ל . ב 11 ר-ס} ^{ב . מנ . ל חס} ^{ל . ב 10 חס וחד מל} ^{י . עש . ב} ^{ב . כה . 10 ר . ב . רמל} ^{י . בטע"י} ^{ג . חר מל וחד חס} ^{א . ס"פ"ב . ב} ^{ל . ב . ל} ^{ב חס א" . ב . רמל} ^{ל . ב . ב}

לַחֵם יְהוּדָה לְגוֹר בְּשָׂדֵי מוֹאָב הוּא וְאִשְׁתּוֹ וּשְׁנֵי בָנָיו: ² וְשֵׁם הָאִישׁ אֱלִימֶלֶךְ וְשֵׁם אִשְׁתּוֹ נַעֲמִי וְשֵׁם שְׁנֵי-בָנָיו מַחֲלֹן וְכַלְיוֹן אַפְרָתִים מִבֵּית לַחֵם יְהוּדָה וַיָּבֹאוּ שְׂדֵי-מוֹאָב וַיְהִיו-שָׁם: ³ וַיָּמָת אֱלִימֶלֶךְ אִישׁ נַעֲמִי וַתִּשָּׂאָר הִיא וּשְׁנֵי בָנֶיהָ: ⁴ וַיִּשָּׂאוּ לָהֶם נָשִׁים מְאֹבְיֹת שָׁם הָאֶחָת עָרְפָּה וְשֵׁם הַשֵּׁנִית רות וַיָּשְׁבוּ שָׁם כַּעֲשֶׂר שָׁנִים: ⁵ וַיָּמוּתוּ גַם-שְׁנֵיהֶם מַחֲלֹן וְכַלְיוֹן וַתִּשָּׂאֵר הָאִשָּׁה מִשְׁנֵי יְלָדֶיהָ וּמֵאִשָּׁה: ⁶ וַתֵּקָם הִיא וְכַלְתֶּיהָ וַתֵּשֶׁב מִשְׁדֵּי מוֹאָב כִּי שָׁמְעָה בַשָּׂדֶה מוֹאָב כִּי-פָקֵד יְהוָה אֶת-עַמּוֹ לְתַת לָהֶם לַחֵם: ⁷ וַתֵּצֵא מִן-הַמְּקוֹם אֲשֶׁר הָיְתָה-שָׁמָּה וּשְׁתֵּי כַלְתֶּיהָ עִמָּה וַתֵּלַכְנָה בְּדֶרֶךְ לָשׁוּב אֶל-אֶרֶץ יְהוּדָה: ⁸ וַתֹּאמֶר נַעֲמִי לְשְׁתֵּי כַלְתֶּיהָ לִכְנֹה שְׁכֵנָה אִשָּׁה לְבֵית אִמִּי יַעֲשֶׂה יְהוָה עִמָּכֶם חֹסֵד כַּאֲשֶׁר עֲשִׂיתֶם עִם-הַמֵּתִים וְעַמָּדִי: ⁹ יִתֵּן יְהוָה לָכֶם וּמִצָּאֵן מְנוּחָה אִשָּׁה בֵּית אִישָׁה וַתִּשָּׂק לָהֶן וַתִּשְׂאָנָה קוֹלָן וַתִּבְכְּינָה: ¹⁰ וַתֹּאמְרָנָה לָּהּ כִּי-אַתָּה נָשׁוּב לְעַמֶּךָ: ¹¹ וַתֹּאמֶר נַעֲמִי שְׁכֵנָה בְּנֹתִי לָמָּה תִלַּכְנָה עִמִּי הָעוֹד-לִי בָנִים בְּמַעֲי וְהָיוּ לָכֶם לְאִנָּשִׁים: ¹² שְׁכֵנָה בְּנֹתִי לָכֵן כִּי זָקַנְתִּי מִהַיּוֹת לְאִישׁ כִּי אִמְרַתִּי יֵשׁ לִי תִקְוָה גַם הָיִיתִי הַלֵּילָה לְאִישׁ וְגַם יְלָדְתִי בָנִים: ¹³ הֲלֹתָן וַתִּשְׁפָּרְנָה עַד אֲשֶׁר יִגְדְּלוּ הֲלֹתָן תַּעֲנֶנָּה לְבַלְתִּי הַיּוֹת לְאִישׁ אֶל בְּנֹתִי כִי-מָר-לִי מְאֹד מִכֶּם כִּי-יִצְאָה בִּי יַד-יְהוָה: ¹⁴ וַתִּשָּׂנָה קוֹלָן וַתִּבְכְּינָה עוֹד וַתִּשָּׂק עָרְפָּה לַחֲמוּתָהּ וְרוּת הִבְקָה בָּהּ: ¹⁵ וַתֹּאמֶר הִנֵּה שָׁבָה יְבֻמְתֶּךָ אֶל-עַמָּה וְאֶל-אֱלֹהֶיהָ שׁוּבִי אַחֲרַי יְבֻמְתֶּךָ:

Cp 1 ¹Mm 91. ²Mm 1168. ³Mm 3660. ⁴Mm 377. ⁵Mm 33. ⁶Mm 2329. ⁷Mp sub loco. ⁸Gn 24,28. ⁹Mm 1506. ¹⁰Mm 190. ¹¹Mm 3661. ¹²Mm 1551. ¹³Okhl 357. ¹⁴Mm 2506.

Cp 1,1 ^{a-a} Ⓢ* ἐν τῷ κρίνειν = בְּשָׁפֵט; S om שִׁפֵּט || ^b Ⓢ(S) om שְׁנֵי || ⁸ Ⓢ ut Q וַתִּשָּׂק עָרְפָּה לַחֲמוּתָהּ || ¹⁴ Ⓢ + και ἐπέστρεψεν εἰς τὸν λαὸν αὐτῆς, frt l וַתִּשָּׂק עָרְפָּה לַחֲמוּתָהּ ||

1 В те дни, когда управляли судьи, случился голод на земле. И пошел один человек из Вифлеема Иудейского со своею женою и двумя сыновьями своими жить на полях Моавитских. **2** Имя человека того Елимелех, имя жены его Ноеминь, а имена двух сынов его Махлон и Хилеон; *они были* Еффрафяне из Вифлеема Иудейского. И пришли они на поля Моавитские и остались там. **3** И умер Елимелех, муж Ноемини, и осталась она с двумя сыновьями своими. **4** Они взяли себе жен из Моавитянок, имя одной Орфа, а имя другой Руфь, и жили там около десяти лет. **5** Но потом и оба [сына ее], Махлон и Хилеон, умерли, и осталась та женщина после обоих своих сыновей и после мужа своего. **6** И встала она со снохами своими и пошла обратно с полей Моавитских, ибо услышала на полях Моавитских, что Бог посетил народ Свой и дал им хлеб. **7** И вышла она из того места, в котором жила, и обе снохи ее с нею. Когда они шли по дороге, возвращаясь в землю Иудейскую, **8** Ноеминь сказала двум снохам своим: пойдите, возвратитесь каждая в дом матери своей; да сотворит Господь с вами милость, как вы поступали с умершими и со мною! **9** да даст вам Господь, чтобы вы нашли пристанище каждая в доме своего мужа! И поцеловала их. Но они подняли вопль и плакали **10** и сказали: нет, мы с тобою возвратимся к народу твоему. **11** Ноеминь же сказала: возвратитесь, дочери мои; зачем вам идти со мною? Разве еще есть у меня сыновья в моем чреве, которые были бы вам мужьями? **12** Возвратитесь, дочери мои, пойдите, ибо я уже стара, чтоб быть замужем. Да если б я и сказала: «есть мне еще надежда», и даже если бы я сию же ночь была с мужем и потом родила сыновей, — **13** то можно ли вам ждать, пока они выросли бы? можно ли вам медлить и не вы-

ходить замуж? Нет, дочери мои, я весьма сокрушаюсь о вас, ибо рука Господня постигла меня. **14** Они подняли вопль и опять стали плакать. И Орфа простилась со свекровью своею [и возвратилась к народу своему], а Руфь осталась с нею. **15** [Ноеминь] сказала [Руфи]: вот, невестка твоя возвратилась к народу своему и к своим богам; возвратись и ты вслед за невесткою твоею. **16** Но Руфь сказала: не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом; **17** и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду; пусть то и то сделает мне Господь, и еще больше сделает; смерть одна разлучит меня с тобою. **18** [Ноеминь,] видя, что она твердо решила идти с нею, перестала уговаривать ее. **19** И шли обе они, доколе не пришли в Вифлеем. Когда пришли они в Вифлеем, весь город пришел в движение от них, и говорили: это Ноеминь? **20** Она сказала им: не называйте меня Ноеминью*, а называйте меня Марою**, потому что Вседержитель послал мне великую горечь; **21** я вышла отсюда с достатком, а возвратил меня Господь с пустыми руками; зачем называть меня Ноеминью, когда Господь заставил меня страдать, и Вседержитель послал мне несчастье? **22** И возвратилась Ноеминь, и с нею сноха ее Руфь Моавитянка, пришедшая с полей Моавитских, и пришли они в Вифлеем в начале жатвы ячменя.

2 У Ноемини был родственник по мужу ее, человек весьма знатный, из племени Елимелехова, имя ему Вооз. **2** И сказала Руфь Моавитянка Ноемини: пойду я на поле и буду подбирать колосья по следам того, у кого найду благоволение. Она сказала ей: пойдь, дочь моя. **3** Она пошла, и пришла, и подбирала в поле *колосья* позади жнецов.

*Приятная.

**Горькая.

16 ותאמר רות אל-תפנעי-כי לעזבך לשוב מאחריך כי אל-
 אשר תלכי אלך ובאשר תליני אליון עמך עמי ואלהיך אלהי:
 17 באשר תמותי אמות ושם אקבר כה יעשה יהוה לי וכה יסוף פי
 18 הפנות יפריד ביני ובינך: 18 ותרא פי-מתאמצת היא ללכת אתה
 19 ותחדל לדבר אליה: 19 ותלכנה שתיהם עד-באנה בית לחם
 ויהי כבאנה בית לחם ותהם כל-העיר עליהן ותאמרנה הזאת
 20 נעמי: 20 ותאמר אליהן אל-תקראנה לי נעמי קראן לי מרא פי-
 21 המר שדי לי מאד: 21 אני מלאה הלכתי וריקם השיבני יהוה למה
 22 תקראנה לי נעמי ויהוה אענה ביי ושדי הרע לי: 22 ותשב נעמי
 ורות המואביה כלתה עמה השבה משני מואב והמה באו בית
 לחם בתחלת קציר שערים:
 2 וילנעמי מידע¹ לאישה איש גבור חיל ממשפחת אלימלך
 2 ושמו בעז: 2 ותאמר רות המואביה אל-נעמי אלכה-נא השדה
 ואלקטה בשבלים אחר אשר אמצא-חן בעיניו ותאמר לה לכי
 3 בתי: 3 ותלך ותבוא ותלקט בשדה אחרי הקוצרים ויגר מקורה
 4 חלקת השדה לבעז אשר ממשפחת אלימלך: 4 והנה-בעז בא
 מבית לחם ויאמר לקוצרים יהוה עמכם ויאמרו לו יברכה יהוה:
 5 ויאמר בעז לנערו הנצב על-הקוצרים למי הנערה הזאת: 6 ויען
 הנער הנצב על-הקוצרים ויאמר נערה מואביה היא השבה עם-
 7 נעמי משדה מואב: 7 ותאמר אלקטה-נא ואספתי בעמרים אחרי
 הקוצרים ותבוא ותעמוד מאז הבקר ועד-עתה² בזה שבתה הבית³
 8 מעט: 8 ויאמר בעז אל-רות הלוא שמעת בתי אל-תלכי ללקט
 9 בשדה אחר וגם לא תעבורי מזה וכה תדבקין עם-נערת⁴: 9 עיניך
 בשדה אשר-יקצרון והלכת אחריהן הלוא צויתי את-הנערים⁵

18 ב מנה ר"פ
 19 ב מנה בסוף ובפסוק
 20 ב מנה בסוף ובפסוק
 21 חס"ט וכל
 22 כלית דכות
 23 חס"ט מל וחד חס
 24 חס"ט ל כת א

1 מודע
 2 ל . ל . א
 3 ל . ל . א
 4 מל"ג
 5 מל"ג
 6 מל"ג
 7 מל"ג
 8 מל"ג
 9 מל"ג

15 Mm 602. 16 Mm 2444. 17 Mm 868. 18 Mm 2386. 19 Prv 18,18. 20 Mm 3667. 21 Mm 3662. 22 Mm 1197.
 23 Mm 2289. 24 Mm 1048. 25 Mm 407. 26 Mm 1834. Cp 2 1 Mm 832. 2 Mm 3663. 3 Mm 2636. 4 Mm
 3664. 5 Mm 1865. 6 Mm 488. 7 Mm 957. 8 Mm 2837.

19 a l c mlt Mss יהן || b-b > * || c * ep' αυτης (ε^{AQ} αυτη) = עליה || 20 a l c
 mlt Mss מרה || 21 a-a * (SV) επαλεινωσεν με || Cp 2,1 a mlt Mss ut Q מודע; K
 מידע || 6 a-a > S || 7 a * εσπερας = ערב || b-b * οὐ κατέπαυσεν ἐν τῷ ἀργῷ =
 לא שבתה בשדה.

И случилось, что та часть поля принадлежала Воозу, который из племени Елимелехова. **4** И вот, Вооз пришел из Вифлеема и сказал жнецам: Господь с вами! Они сказали ему: да благословит тебя Господь! **5** И сказал Вооз слуге своему, приставленному к жнецам: чья это молодая женщина? **6** Слуга, приставленный к жнецам, отвечал и сказал: эта молодая женщина — Моавитянка, пришедшая с Ноеминью с полей Моавитских; **7** она сказала: «буду я подбирать и собирать между снопами позади жнецов»; и пришла, и находится *здесь* с самого утра доселе; мало бывает она дома. **8** И сказал Вооз Руфи: послушай, дочь моя, не ходи подбирать на другом поле и не переходи отсюда, но будь здесь с моими служанками; **9** пусть в глазах твоих будет то поле, где они жнут, и ходи за ними; вот, я приказал слугам моим не трогать тебя; когда захочешь пить, иди к сосудам и пей, откуда черпают слуги мои. **10** Она пала на лице свое и поклонилась до земли и сказала ему: чем снискала я в глазах твоих милость, что ты принимаешь меня, хотя я и чужеземка? **11** Вооз отвечал и сказал ей: мне сказано все, что сделала ты для свекрови своей по смерти мужа твоего, что ты оставила твоего отца и твою мать и твою родину и пришла к народу, которого ты не знала вчера и третьего дня; **12** да воздаст Господь за это дело твое, и да будет тебе полная награда от Господа Бога Израилева, к Которому ты пришла, чтоб успокоиться под Его крылами! **13** Она сказала: да буду я в милости пред очами твоими, господин мой! Ты утешил меня и говорил по сердцу рабы твоей, между тем как я не стою ни одной из рабынь твоих. **14** И сказал ей Вооз: время обеда; приди сюда и ешь хлеб и обмакивай кусок твой в уксус. И села она возле жнецов. Он подал ей хлеба; она ела, наелась, и еще осталось. **15** И встала, чтобы подбирать. Вооз дал приказ слугам своим, сказав: пусть подбирает она и между снопами, и не

2.16–22

Руфь

1016

обижайте ее; **16** да и от снопов откидывайте ей и оставляйте, пусть она подбирает [и ест], и не браните ее. **17** Так подбирала она на поле до вечера и вымолотила собранное, и вышло около ефы ячменя. **18** Взяв это, она пошла в город, и свекровь ее увидела, что она набрала. И вынула [Руфь из пазухи своей] и дала ей то, что оставила, наевшись сама. **19** И сказала ей свекровь ее: где ты собирала сегодня и где работала? да будет благословен принявший тебя! [Руфь] объявила свекрови своей, у кого она работала, и сказала: человеку тому, у которого я сегодня работала, имя Вооз. **20** И сказала Ноеминь снохе своей: благословен он от Господа за то, что не лишил милости своей ни живых, ни мертвых! И сказала ей Ноеминь: человек этот близок к нам; он из наших родственников. **21** Руфь Моавитянка сказала [свекрови своей]: он даже сказал мне: будь с моими служанками, доколе не dokonчат они жатвы моей. **22** И сказала Ноеминь снохе своей Руфи: хорошо, дочь моя, что ты будешь ходить со служанками его, и не будут оскорблять тебя на другом поле. **23** Так была она со служанками Воозовыми и подбирала [колосья], доколе не кончилась жатва ячменя и жатва пшеницы, и жила у свекрови своей.

3 И сказала ей Ноеминь, свекровь ее: дочь моя, не поискать ли тебе пристанища, чтобы тебе хорошо было? **2** Вот, Вооз, со служанками которого ты была, родственник наш; вот, он в эту ночь веет на гумне ячмень; **3** умойся, помажься, надень на себя [нарядные] одежды твои и пойдешь на гумно, но не показывайся ему, доколе не кончит есть и пить; **4** когда же он ляжет спать, узнай место, где он ляжет; тогда придешь и откроешь у ног его и ляжешь; он скажет тебе, что тебе делать. **5** [Руфь] сказала ей: сделаю все, что ты сказала мне. **6** И пошла на гумно и сделала все так, как приказывала ей свекровь ее. **7** Вооз наелся и напился, и развеселил сердце свое, и пошел и лег спать подле скирда.

לְבִלְתִּי נִגְעוּךָ וְצִמּוֹת וְהִלַּכְתָּ אֶל־הַפְּלִים וְשִׁתִּית מֵאֲשֶׁר יִשְׁאַבּוּן ל. ל. ל. ב. 1
 הַנְּעָרִים: ¹⁰ וַתַּפֵּל עַל־פְּנֵיהָ וַתִּשְׁתָּחוּ אַרְצָה וַתֹּאמֶר אֵלָיו מִדַּעֲמִי 1
 מִצִּאתִי חָן בְּעֵינֶיךָ לְהַכִּירָנִי וְאַנְכִי נִכְרְתָה: ¹¹ וַיַּעַן בְּעֵז וַיֹּאמֶר לָהּ ל. 10
 הַגֵּד הַגֵּד לִי כֹל אֲשֶׁר־עָשִׂית אֶת־חַמּוֹתֶיךָ אַחֲרַי מוֹת אִישׁוֹךְ וַתַּעֲזָבֵי 100. 2
 אֲבִיךָ וְאִמֶּךָ וְאֶרֶץ מוֹלְדֹתֶיךָ וַתֵּלְכִי אֶל־עַם אֲשֶׁר לֹא־יָדַעְתָּ תְּמוּל־ 11
 שְׁלֹשׁוֹם: ¹² יִשְׁלַם יְהוָה פְּעֻלָּתְךָ וּתְהִי מִשְׁכַּרְתְּךָ שְׁלָמָה מִעַם יְהוָה 15
 אֶלְהֵי יִשְׂרָאֵל אֲשֶׁר־בָּאת לְחַסּוֹת תַּחַת־כְּנָפָיו: ¹³ וַתֹּאמֶר אֶמְצֵא־ 13
 חָן בְּעֵינֶיךָ אֲדֹנָי כִּי נִחַמְתָּנִי וְכִי דַבַּרְתָּ עַל־לֵב שְׂפָתֶיךָ וְאַנְכִי לֹא 14
 אֶהְיֶה כְּאֶחָת שְׂפָחֶתֶיךָ: ¹⁴ וַיֹּאמֶר לָהּ בְּעֵז לָעֵת הָאֶכֶל גְּשֵׁי הַלֵּם 14
 וְאֶכְלֶת מִן־הַלֶּחֶם וְשִׁבְלֶת פִּתֶיךָ בְּחֹמֶץ וַתִּשָּׁב מִצַּד הַקּוֹצְרִים וַיִּצְבֹּט־ 15
 לָהּ קָלִי וַתֹּאכַל וַתִּשְׁבַּע וַתִּתֵּר: ¹⁵ וַתִּקָּם לְלַקֵּט וַיִּצֹו בְּעֵז אֶת־ 15
 נַעֲרָיו לֵאמֹר גַּם בֵּין הָעֹמְרִים תִּלְקֹט וְלֹא תְּכַלִּימוּהָ: ¹⁶ וְגַם שַׁל־ 16
 תִּשְׁלוּ לָהּ מִן־הַצְּבָתִים וְעֹזְבֹתֶם וְלִקְטָה וְלֹא תִגְעְרוּ־בָהּ: ¹⁷ וַתִּלְקֹט 17
 בַּשָּׂדֶה עַד־הָעֶרֶב וַתַּחֲבֹט אֶת אֲשֶׁר־לָקְטָה וַיְהִי כְּאִיפָה שְׁעָרִים: 18
 וַתִּשָּׂא וַתָּבֹא הָעִיר וַתֵּרֶא חַמּוֹתָהּ אֶת אֲשֶׁר־לָקְטָה וַתּוֹצֵא וַתִּתֵּן־ 18
 לָהּ אֶת אֲשֶׁר־הוֹתֵרָה מִשְׁבָּעָה: ¹⁹ וַתֹּאמֶר לָהּ חַמּוֹתָהּ אִיפָה לָקְטָתָּ 19
 הַיּוֹם וְאַנָּה עָשִׂית יְהִי מִכִּירְךָ בָּרוּךְ וַתֵּגֵד לְחַמּוֹתָהּ אֶת אֲשֶׁר־ 1
 עָשָׂתָה עִמּוֹ וַתֹּאמֶר שָׁם הָאִישׁ אֲשֶׁר עָשִׂיתִי עִמּוֹ הַיּוֹם בְּעֵז: ²⁰ וַתֹּאמֶר 20
 נַעֲמִי לְכֻלְתָּהּ בָּרוּךְ הוּא לַיהוָה אֲשֶׁר לֹא־עָזַב חֶסְדּוֹ אֶת־הַחַיִּים 24. 1
 וְאֶת־הַמֵּתִים וַתֹּאמֶר לָהּ נַעֲמִי קָרוֹב לָנוּ הָאִישׁ מִנְּאֻלָּנוּ הוּא: 20
 וַתֹּאמֶר רות המואביתָּ גַם כִּי־אָמַר אֵלַי עַם־הַנְּעָרִים אֲשֶׁר־לִי 21
 תִּדְבְּרִין עַד אִם־כָּלוּ אֶת כָּל־הַקֶּצִיר אֲשֶׁר־לִי: ²² וַתֹּאמֶר נַעֲמִי 22
 אֶל־רות כֻּלְתָּהּ טוֹב בְּתִי כִי תִצְאִי עִם־נַעֲרוֹתָיו וְלֹא יִפְגְּעוּ־בְךָ 23
 בַּשָּׂדֶה אַחֵר: ²³ וַתִּדְבַּק בְּנַעֲרוֹת בְּעֵז לְלַקֵּט עַד־כְּלוֹת קְצִיר־ 23

ל. יד רפי"ג. ט ומן
 ראש דמלכים עד וירא
 כל ישראל דכות"ג.
 ב"א. ח"ט רפי ג מנה
 בליש וכל אחסת דכות
 ב מא
 ט. לא סוקל כי וכי"ב.
 ל זקת קמ'
 ג. ל. וחט.
 ג לא מסק ה"א. יא

ל. ל. יב"ג. ל.
 ל וחט
 ל ומל. כ ר"ס בכתיב"
 ל. ל. ל.
 ל. ב.
 ג. ג. חד חט וב מל"
 ל וחט. י. כה ה"ג. ל.
 ל.
 ל בחור"ג. 24. 1
 ל.
 חצי הספר
 בפסוקים
 ג. ב.
 ג. ב. מל
 ה רפי"ג. 23. ל.

⁹Mm 1295. ¹⁰Mlt Mss אה כל lectio Occ, Q אה lectio Or et Mp sub loco. ¹¹Ex 5, 8. ¹²Mm 174. ¹³Mm 3417. ¹⁴Gn 16, 8. ¹⁵Mm 3046. ¹⁶Mm 2059. ¹⁷והר ובהמחני Ps 86. 17. ¹⁸Mm 3154. ¹⁹Mm 140. ²⁰Mm 4070. ²¹Mm 2645. ²²Mm 1750. ²³Mm 3665. ²⁴Mm 1223. ²⁵Qoh 4, 2. וחר את המתים ²⁶Mm 2461. ²⁷Mm 957.

16^a v 16 > S || 18^a pc Mss SV ותרָא || 19^{a-a} Θ ποιῆσαι cf S || 20^a Ms S יהוה || 21^a Θ(S) + πρὸς τὴν πενθερὰν αὐτῆς = לְחַמּוֹתָהּ; > ΘSV.

И она пришла тихонько, открыла у ног его и легла. **8** В полночь он содрогнулся, приподнялся, и вот, у ног его лежит женщина. **9** И сказал [ей Вооз]: кто ты? Она сказала: я Руфь, раба твоя, прости крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник. **10** [Вооз] сказал: благословенна ты от Господа [Бога], дочь моя! это последнее твое доброе дело сделала ты еще лучше прежнего, что ты не пошла искать молодых людей, ни бедных, ни богатых; **11** итак, дочь моя, не бойся, я сделаю тебе все, что ты сказала; ибо у всех ворот народа моего знают, что ты женщина добродетельная; **12** хотя и правда, что я родственник, но есть еще родственник ближе меня; **13** переночуй эту ночь; завтра же, если он примет тебя, то хорошо, пусть примет; а если он не захочет принять тебя, то я приму; жив Господь! Спи до утра. **14** И спала она у ног его до утра и встала прежде, нежели могли они распознать друг друга. И сказал Вооз: пусть не знают, что женщина приходила на гумно. **15** И сказал ей: подай верхнюю одежду, которая на тебе, поддержи ее. Она держала, и он отмерил [ей] шесть мер ячменя, и положил на нее, и пошел в город. **16** А [Руфь] пришла к свекрови своей. Та сказала [ей]: что, дочь моя? Она пересказала ей все, что сделал ей человек тот. **17** И сказала [ей]: эти шесть мер ячменя он дал мне и сказал мне: не ходи к свекрови своей с пустыми руками. **18** Та сказала: подожди, дочь моя, доколе не узнаешь, чем кончится дело; ибо человек тот не останется в покое, не кончив сегодня дела.

4 Вооз вышел к воротам и сидел там. И вот, идет мимо родственник, о котором говорил Вооз. И сказал ему [Вооз]: зайди сюда и сядь здесь. Тот зашел и сел. **2** [Вооз] взял десять человек из старейшин города и сказал: сядьте здесь. И они сели. **3** И сказал [Вооз] родственнику: Ноеминь, возвратившаяся с полей Моавитских, продает часть поля, принадлежащую брату нашему Ели-

мелеху; **4** я решился довести до ушей твоих и сказать: купи при сидящих здесь и при старейшинах народа моего; если хочешь выкупить, выкупай; а если не хочешь выкупить, скажи мне, и я буду знать; ибо кроме тебя некому выкупить; а по тебе я. Тот сказал: я выкупаю. **5** Вооз сказал: когда ты купишь поле у Ноемини, то должен купить и у Руфи Моавитянки, жены умершего, и должен взять ее в замужество, чтобы восстановить имя умершего в уделе его. **6** И сказал тот родственник: не могу я взять ее себе, чтобы не расстроить своего удела; прими ее ты, ибо я не могу принять. **7** Прежде такой был *обычай* у Израиля при выкупе и при мене для подтверждения какого-либо дела: один снимал сапог свой и давал другому, [который принимал право родственника,] и это было свидетельством у Израиля. **8** И сказал тот родственник Воозу: купи себе. И снял сапог свой [и дал ему]. **9** И сказал Вооз старейшинам и всему народу: вы теперь свидетели тому, что я покупаю у Ноемини все Елимелехово и все Хилеоново и Махлоново; **10** также и Руфь Моавитянку, жену Махлонову, беру себе в жену, чтоб оставить имя умершего в уделе его, и чтобы не исчезло имя умершего между братьями его и у ворот местопребывания его: вы сегодня свидетели тому. **11** И сказал весь народ, который при воротах, и старейшины: мы свидетели; да соделает Господь жену, входящую в дом твой, как Рахиль и как Лию, которые обе устроили дом Израилев; приобретай богатство в Ефрафе, и да славится имя твое в Вифлееме; **12** и да будет дом твой, как дом Фареса, которого родила Фамарь Иуде, от того семени, которое даст тебе Господь от этой молодой женщины. **13** И взял Вооз Руфь, и она сделалась его женою. И вошел он к ней, и Господь дал ей беременность, и она родила сына. **14** И говорили женщины Ноемини: благословен Господь, что Он не оставил тебя ныне без

3 השְׁעָרִים וַיִּקְצִיר הַחֹטְטִים וַתָּשָׁב אֶת־חַמּוֹתָהּ: 3¹ וַתֹּאמֶר ל. יב²⁶
 2 לֵה נַעֲמִי חַמּוֹתָהּ בְּתִי הֲלֹא אֲבַקֶּשׁ לָךְ מִנּוּחַ אֲשֶׁר יִיטַב לָךְ: 2² וְעַתָּה כ כל מל
 הֲלֹא בָעַז מְדַעְתָּנִי אֲשֶׁר הָיִית אֶת־נַעֲרוֹתַי הַגֵּה־הוּא זָרָה אֶת־גִּרְוֹן ל וכת כן. ב. מל. ב.
 3 השְׁעָרִים הַלְלִיָּהּ: 3³ וַרְחֲצֵת וְסֹכֶת וְשִׁמְתָ שְׂמֹלֶתְךָ⁴ עָלֶיךָ וַיִּרְדְּתִיב ל. שמלתיך חר מן וי
 וירדת בליש. ק
 4 הַגִּרְוֹן אֶל־תּוֹדְעֵי לְאִישׁ עַד כָּלָתוֹ לֶאֱכֹל וְלִשְׁתּוֹת: 4⁴ וַיְהִי בְשָׂכְבוֹ ז. ב. ג. לב
 וַיִּדְעַת אֶת־הַמָּקוֹם אֲשֶׁר יִשְׁכַּב־שָׁם וּבָאת וּגְלִית מִרְגְּלֹתַי וְשָׁכַבְתִּי⁵ ז. ה. י. ו. שכתב
 5 וְהוּא יִגִּיד לָךְ אֵת אֲשֶׁר תַּעֲשִׂין: 5⁵ וַתֹּאמֶר אֵלֶיהָ כָּל אֲשֶׁר־תֹּאמְרֵי ל
 6 אַעֲשֶׂה: 6⁶ וַתִּרְדַּד הַגִּרְוֹן וַתַּעַשׂ כְּכָל⁷ אֲשֶׁר־צִוְּתָהּ חַמּוֹתָהּ: 7⁷ וַיֹּאכַל ק
 7 בָּעַז וַיִּשְׁתֶּה וַיִּיטַב לָבּוֹ וַיָּבֵא לְשָׂכַב בְּקִצְהָ הָעֲרֻמָּה וַתָּבֵא בְלֹט וַתַּגֵּל וי. ה. ט. ו. ח. ט. ב. חס
 8 מִרְגְּלֹתַי וַתִּשְׁכַּב: 8⁸ וַיְהִי בַחֲצֵי הַלְלִיָּהּ וַיַּחְרַד הָאִישׁ וַיִּלְפַּת וַהֲנֶה ז. ג.
 9 אִשָּׁה שָׁכַבַת מִרְגְּלֹתַיו: 9⁹ וַיֹּאמֶר¹⁰ מִי־אַתְּ וַתֹּאמֶר אֲנִכִי רֹות אִמְתְּךָ
 10 וּפְרִשְׁתָּ כְנָפְךָ¹¹ עַל־אִמְתְּךָ כִּי גֹאל אַתָּה: 10¹⁰ וַיֹּאמֶר בְּרוּכָה אַתְּ ל חס למערב. ל.
 לַיהוָה בְּתִי הִיטַבְתָּ חֲסִידָךְ הָאֲחֵרוֹן מִן־הָרִאשׁוֹן לְבִלְתִּי־לָקַח אַחֲרַי ל. ט. י. ט.
 11 הַבְּחוּרִים אִם־יָדֹל וְאִם־עָשִׁיר: 11¹¹ וְעַתָּה בְּתִי אֶל־תִּירְאִי כָּל אֲשֶׁר־ ל וכל וכל חד מ ק דכות
 תֹּאמְרֵי אַעֲשֶׂה־לָּךְ כִּי יוֹדַע כָּל־שַׁעַר עַמִּי כִּי אִשְׁתַּ חַיִל אַתְּ: 11¹¹ יב וכל דל
 12 וְעַתָּה כִּי אֲמַנֶּם כִּי אִם¹² גֹּאל אֲנִכִי וְגַם יֵשׁ גֹּאל קָרוֹב מִמְּנִי: 13¹³ לִינִי ו אביון דכות
 הַלְלִיָּהּ וְהִיא בִּבְקָר אִם־יִגְאֹלָךְ טוֹב וְיִגְאֹל וְאִם־לֹא יַחְפֹּץ לְגִאֹלָךְ ל וכל שם ברנש דכות.
 14 וַיִּגְאֹלְתֶיךָ אֲנִכִי חַי־יְהוּנָה שְׂכָבִי עַד־הַבְּקָר: 14¹⁴ וַתִּשְׁכַּב מִרְגְּלֹתַי עַד־ ח"ט
 הַבְּקָר וַתִּקָּם בְּטָרוֹם יִכִּיר אִישׁ אֶת־רַעְהוּ וַיֹּאמֶר¹⁵ אֶל־יּוֹדַע כִּי־ ו"ט
 15 בָּאָה הָאִשָּׁה הַגִּרְוֹן: 15¹⁵ וַיֹּאמֶר הָבִי הַמַּטְפַּחַת אֲשֶׁר־עָלֶיךָ וְאַחֲזִי־ ח"ט
 16 בָּהּ וַתֹּאחַז בָּהּ וַיִּמַּד שֵׁשׁ־שְׁעָרִים וַיִּשֶׁת עָלֶיהָ וַיָּבֵא¹⁶ הָעִיר: 16¹⁶ וַתָּבֹא ח"ט
 אֶל־חַמּוֹתָהּ וַתֹּאמֶר מִי־אַתְּ בְּתִי וַתִּגְדַּלָּהּ אֵת כָּל־אֲשֶׁר עָשָׂה־לָּהּ חס א בליש. ל.
 ז חר חס וחד מל. ט.

²⁶Mm 140. Cp 3 ¹Mm 1213. ²Mm 319. ³Mm 2392. ⁴Mm 2052. ⁵Mm 2745. ⁶Mm 3666. ⁷Mm 1412. ⁸Mm 448. ⁹וחד וברוכה IS 25,33. ¹⁰Gn 20,13. ¹¹Lv 14,21. ¹²Mp sub loco. ¹³Mm 2752. ¹⁴Mm 1571. ¹⁵Q addidi, L sine Q cum Mp יחיר, cf Mp sub loco. ¹⁶Mm 1092.

23^{a-a} pc Mss V וַתָּשָׁב אֶל || Cp 3,3^a pc Mss ut Q -לְתִיךָ; K mlt Mss -לְתֶיךָ || ^b Q mlt Mss וַיִּרְדְּתִיב; K -תִּי || 4^a cf 3^b || 5^a mlt Mss ut Q אֵלֵי, Ⓞ* ut K || 6^a pc Mss S V כָּל || 7^a > Ⓞ* || 9^a Ⓞ^L(S V) + aὐτῆς = לָהּ || ^b sic L, mlt Mss Edd אֶתְּ || ^c K^{Occ} mlt Mss -פִּיךָ, K^{Or} Q Ⓞ S פִּיךָ - || 11^a pc Mss Ⓞ^OS S V + אֵלֵי || 12^a mlt Mss ut Q || 14^a mlt Mss ut Q -תִּי || ^b K בְּטָרוֹם, mlt Mss ut Q בְּטָרָם || ^c Ⓞ(V) + Boos; S w'mrt = וַתֹּאמֶר || ^d S nht = בָּאתִי || ^e > S, Ⓞ γυνή = אִשָּׁה || 15^a Ⓞ* + aὐτῆς, Ⓞ^L + τῆς Πουθ || ^b mlt Mss S V וַתָּבֵא.

наследника! И да будет славно имя его в Израиле! **15** Он будет тебе отрадою и питателем в старости твоей, ибо его родила сноха твоя, которая любит тебя, которая для тебя лучше семи сыновей. **16** И взяла Ноеминь дитя сие, и носила его в объятиях своих, и была ему нянькою. **17** Соседки нарекли ему имя и говорили: «у Ноемини родился сын», и нарекли ему имя: Овид. Он отец Иессея, отца Давидова.

18 И вот род Фаресов: Фарес родил Есрома; **19** Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; **20** Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; **21** Салмон родил Вооза; Вооз родил Овида; **22** Овид родил Иессея; Иессей родил Давида.

17 האיש: 17 ותאמר שש־השערים האלה נתן לי בי אמר... אל-
 תבואי ריקם אל־חמותך: 18 ותאמר שבי בתי עד אשר תדעין אף
 יפל דבר כי לא ישקט האיש כי־אם כלה הדבר היום:
 4 ובעז עלה השער וישב שם והנה הנאל עבר אשר דבר־בעז
 ויאמר סודה שבה־פה פלגי אלמני ויסר וישב: 2 ויקח עשה
 אנשים מזקני העיר ויאמר שבו־פה וישבו: 3 ויאמר לנאל חלקת
 השדה אשר לאחינו לאלימלך מכרה נעמי השבה משדה מואב:
 4 ואני אמרתי אנלה אננה לאמר קנה נגד הישבים ונגד זקני עמי
 אם־תנאל נאל ואם־לא נאל הנדה לי ואדעי כי אין זולתך
 לנאל ואנכי אחרך ויאמר אנכי אנאל: 5 ויאמר בעז ביום־
 קנותך השדה מיד נעמי ומאת רות המואביה אשת־המת קניתי
 להקים שם־המת על־נחלתו: 6 ויאמר הנאל לא אוכל לנאל־לי
 פן־אשחית את־נחלתי ואל־לך אתה את־נאלתי כי לא־אוכל
 לנאל: 7 וזאת לפנים בישראל על־הנאולה ועל־התמורה לקים
 כל־דבר שלף איש נעלו ונתן לרעהו וזאת התעודה בישראל:
 8 ויאמר הנאל לבעז קנה־לך וישלף נעלו: 9 ויאמר בעז לזקנים
 וכל־העם עדים אתם היום כי קניתי את־כל־אשר לאלימלך ואת
 כל־אשר לכליון ומחלון מיד נעמי: 10 וגם את־רות המואביה
 אשת־מחלון קניתי לי לאשה להקים שם־המת על־נחלתו ולא
 יפרת שם־המת מעם אחיו ומשער מקומו עדים אתם היום:
 11 ויאמרו כל־העם אשר בשער והזקנים עדים יתן יהוה את
 האשה הבאה אל־ביתך כרחל וכלאה אשר בגו שתיהם את
 בית ישראל ועשה־תיל באפרתה וקרא־שם בבית לחם: 12 ויהי
 ביתך פרוץ אשר ילדה תמר ליהודה מן־הזרע אשר יתן

אלי חר מן י"ז ק"ר ולא כח
 ג' ב מנה מל . ל
 ל בטע . ג' . ל
 ב כה ה'
 טו ר"ס לג מנה בכתיב .
 ל זקה קמ . יז מ"ס .
 וררעה חך מן י"ז בליש .
 ב מל
 ל ומל . ל . קניחה
 לנאל יתיר חר מן ג
 כה יז מנה ר"ס
 כה
 ג סטק וכל כל כל .
 גא מ"ס וכל ר"ס דכות
 ב מ . ג . ה .
 ל וכל קרא חלוף .
 כ ר"ס בכתיב
 ל ושאר אשת המת .
 ה . י . ט .
 ג בטס . י . ל . ל . ב . י .
 כ"ב וכל ירמיה ויחזק
 דכות ב מ י"ח . י"ד .
 ב . י . ט .
 ב"א מל למערב וכל ר"ה
 דכות ב מ עבר אדם
 ל זקה קמ
 ב"א מל למערב וכל ר"ה
 דכות ב מ עבר אדם .
 ל זקה קמ

13 יהוה לך מן־הנערה הזאת: 13 ויקח בעז את־רות ויהי־לו
 לאשה ויבא אליה ויתן יהוה לה הריון ותלד בן: 14 ותאמרנה
 הנשים אל־נעמי ברוך יהוה אשר לא השבית לך נאל היום ויקרא
 שמו בישראל: 15 ותנה לך למשיב נפש ולכלכל את־שיבתך כי
 כלתך אשר־אהבתך ילדתו אשר־היא טובה לך משבעה בנים:
 16 ותקח נעמי את־הלל ותשתהו בחיקה ותהי־לו לאמנת:
 17 ותקראנה לו השכנות שם לאמר ילד־בן לנעמי ותקראנה שמו
 עובד הוא אבי־ישי אבי דוד:
 18 ואלה תולדות פרוץ פרוץ הוליד את־חזרון: 19 וחזרון
 הוליד את־לם ורם הוליד את־עמינדב: 20 ועמינדב הוליד את
 נחשון ונחשון הוליד את־שלמה: 21 ושלמוי הוליד את־בעז ובעז
 הוליד את־עובד: 22 ועבד הוליד את־ישי וישי הוליד את־דוד:

13 *В Вавилоне жил муж, по имени Иоаким. **2** И взял он жену, по имени Сусанну, дочь Хелкия, очень красивую и богобоязненную. **3** Родители ее были праведные и научили дочь свою закону Моисееву. **4** Иоаким был очень богат, и был у него сад близ дома его; и сходились к нему Иудеи, потому что он был почетнейший из всех. **5** И были поставлены два старца из народа судьями в том году, о которых Господь ска-

*13-я и 14-я главы переведены с греческого, потому что в еврейском тексте их нет.

зал, что беззаконие вышло из Вавилона от старейшин-судей, которые казались управляющими народом. **6** Они постоянно бывали в доме Иоакима, и к ним приходили все, имевшие спорные дела. **7** Когда народ уходил около полудня, Сусанна входила в сад своего мужа для прогулки. **8** И видели ее оба старейшины всякий день проходящую и прогуливающуюся, и в них родилась похоть к ней, **9** и извратили ум свой, и уклонили глаза свои, чтобы не смотреть на небо и не вспоминать о праведных судах. **10** Оба они были уязвлены похотью к ней, но не открывали друг другу боли своей, **11** потому что стыдились объявить о вожделении своем, что хотели совокупиться с нею. **12** И они прилежно сторожили каждый день, чтобы видеть ее, и говорили друг другу: **13** «пойдем домой, потому что час обеда», — и, выйдя, расходились друг от друга, **14** и, возвратившись, приходили на то же самое место, и когда допытывались

1 Καὶ ἦν ἀνὴρ οἰκῶν ἐν Βαβυλῶνι, καὶ ὄνομα αὐτῷ Ἰωακὶμ. 2 καὶ ἔλαβεν γυναῖκα, ἧ ὄνομα Σουσάννα θυγάτηρ Χελκίου, καλὴ σφόδρα καὶ φοβουμένη τὸν κύριον. 3 καὶ οἱ γονεῖς αὐτῆς δίκαιοι καὶ ἐδίδαξαν τὴν θυγατέρα αὐτῶν κατὰ τὸν νόμον Μωυσῆ. 4 καὶ ἦν Ἰωακὶμ πλούσιος σφόδρα, καὶ ἦν αὐτῷ παράδεισος γειτνιῶν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ. καὶ πρὸς αὐτὸν προσήγοντο οἱ Ἰουδαῖοι διὰ τὸ εἶναι αὐτὸν ἐνδοξότερον πάντων. 5 καὶ ἀπεδείχθησαν δύο πρεσβύτεροι ἐκ τοῦ λαοῦ κριταὶ ἐν τῷ ἐνιαυτῷ ἐκείνῳ, περὶ ὧν ἐλάλησεν ὁ δεσπότης ὅτι Ἐξῆλθεν ἀνομία ἐκ Βαβυλῶνος ἐκ πρεσβυτέρων κριτῶν, οἱ ἐδόκουν κυβερνᾶν τὸν λαόν. 6 οὗτοι προσεκαρτέρουν ἐν τῇ οἰκίᾳ Ἰωακὶμ, καὶ ἦρχοντο πρὸς αὐτοὺς πάντες οἱ κρινόμενοι. 7 καὶ ἐγένετο ἡνίκα ἀπέτρεχεν ὁ λαὸς μέσον ἡμέρας, εἰσπορευέτο Σουσάννα καὶ περιεπάτει ἐν τῷ παραδείσῳ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς. 8 καὶ ἐθεώρουν αὐτὴν οἱ δύο πρεσβύτεροι καθ' ἡμέραν εἰσπορευομένην καὶ περιπατοῦσαν καὶ ἐγένοντο ἐν ἐπιθυμίᾳ αὐτῆς. 9 καὶ διέστρεψαν τὸν ἑαυτῶν νοῦν καὶ ἐξέκλιναν τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν τοῦ μὴ βλέπειν εἰς τὸν οὐρανὸν μηδὲ μνημονεῦειν κριμάτων δικαίων. 10 καὶ ἦσαν ἀμφοτέροι κατανευυγμένοι περὶ αὐτῆς καὶ οὐκ ἀνήγγειλαν ἀλλήλοις τὴν ὀδύνην αὐτῶν, 11 ὅτι ἠσχύνοντο ἀναγγεῖλαι τὴν ἐπιθυμίαν αὐτῶν ὅτι ἤθελον συγγενέσθαι αὐτῇ. 12 καὶ παρετηροῦσαν φιλοτίμως καθ' ἡμέραν ὄραν αὐτήν. 13 καὶ εἶπαν ἕτερος τῷ ἑτέρῳ Πορευθῶμεν δὴ εἰς οἶκον, ὅτι ἀρίστου ὥρα ἐστίν. καὶ ἐξελθόντες διεχωρίσθησαν ἀπ' ἀλλήλων. 14 καὶ ἀνακάμψαντες ἦλθον ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ ἀνετάζοντες ἀλλήλους τὴν αἰτίαν ὠμολόγησαν τὴν ἐπιθυμίαν αὐτῶν. καὶ τότε κοινῇ

друг у друга о причине того, признались в похоти своей, и тогда вместе назначили время, когда могли бы найти ее одну. **15** И было, когда они выжидали удобного дня, Сусанна вошла, как вчера и третьего дня, с двумя только служанками и захотела мыться в саду, потому что было жарко. **16** И не было там никого, кроме двух старейшин, которые спрятались и сторожили ее. **17** И сказала она служанкам: принесите мне масла и мыла, и закройте двери сада, чтобы мне помыться. **18** Они так и сделали, как она сказала: заперли двери сада и вышли боковыми дверями, чтобы принести, что приказано было им, и не видали старейшин, потому что они спрятались. **19** И вот, когда служанки вышли, встали оба старейшины, и прибежали к ней, и сказали: **20** Вот, двери сада заперты и никто нас не видит, и мы имеем похотение к тебе, поэтому согласись с нами и побудь с нами. **21** Если же не так, то мы будем свидетельствовать против тебя, что с тобою был юноша, и ты поэтому отослала от себя служанок твоих. **22** Тогда застонала Сусанна и сказала: тесно мне отовсюду; ибо, если я сделаю это, смерть мне, а если не сделаю, то не избегну от рук ваших. **23** Лучше для меня не сделать этого и впасть в руки ваши, нежели согрешить пред Господом. **24** И закричала Сусанна громким голосом; закричали также и оба старейшины против нее, **25** и один побегал и отворил двери сада. **26** Когда же находившиеся в доме услышали крик в саду, вскочили боковыми дверями, чтобы видеть, что случилось с нею. **27** И когда старейшины сказали слова свои, слуги ее чрезвычайно были пристыжены, потому что никогда ничего такого о Сусанне говорено не было. **28** И было на другой день, когда собрался народ к Иоакиму, мужу ее, пришли и оба старейшины, полные беззаконного умысла против Сусанны, чтобы предать ее смерти. **29** И сказали они перед народом: пошлите за Су-

συνετάξαντο καιρὸν ὅτε αὐτὴν δυνήσονται εὐρεῖν μόνην. **15** καὶ ἐγένετο ἐν τῷ παρατηρεῖν αὐτοὺς ἡμέραν εὐθετον εἰσηλθέν ποτε καθὼς ἐχθρὸς καὶ τρίτης ἡμέρας μετὰ δύο μόνων κορασίων καὶ ἐπεθύμησε λούσασθαι ἐν τῷ παραδείσῳ, ὅτι καῦμα ἦν. **16** καὶ οὐκ ἦν οὐδεὶς ἐκεῖ πλην οἱ δύο πρεσβύτεροι κεκρυμμένοι καὶ παρατηροῦντες αὐτήν. **17** καὶ εἶπεν τοῖς κορασίοις Ἐνέγκατε δὴ μοι ἔλαιον καὶ σμῆγμα καὶ τὰς θύρας τοῦ παραδείσου κλείσατε, ὅπως λούσωμαι. **18** καὶ ἐποίησαν καθὼς εἶπεν καὶ ἀπέκλεισαν τὰς θύρας τοῦ παραδείσου καὶ ἐξήλθαν κατὰ τὰς πλαγίας θύρας ἐνέγκαί τὰ προστεταγμένα αὐταῖς καὶ οὐκ εἶδοσαν τοὺς πρεσβυτέρους, ὅτι ἦσαν κεκρυμμένοι. **19** καὶ ἐγένετο ὡς ἐξήλθοσαν τὰ κοράσια, καὶ ἀνέστησαν οἱ δύο πρεσβῦται καὶ ἐπέδραμον αὐτῇ **20** καὶ εἶπον Ἴδου αἱ θύραι τοῦ παραδείσου κέκλεινται, καὶ οὐδεὶς θεωρεῖ ἡμᾶς, καὶ ἐν ἐπιθυμίᾳ σου ἐσμεν· διὸ συγκατάθου ἡμῖν καὶ γενοῦ μεθ' ἡμῶν. **21** εἰ δὲ μή, καταμαρτυρήσομέν σου ὅτι ἦν μετὰ σοῦ νεανίσκος καὶ διὰ τοῦτο ἐξαπέστειλας τὰ κοράσια ἀπὸ σοῦ. **22** καὶ ἀνεστέναξεν Σουσαννα καὶ εἶπεν Στενά μοι πάντοθεν· ἐάν τε γὰρ τοῦτο πράξω, θάνατός μοι ἐστίν, ἐάν τε μὴ πράξω, οὐκ ἐκφεύξομαι τὰς χεῖρας ὑμῶν. **23** αἰρετόν μοι ἐστίν μὴ πράξασαν ἐμπεσεῖν εἰς τὰς χεῖρας ὑμῶν ἢ ἀμαρτεῖν ἐνώπιον κυρίου. **24** καὶ ἀνεβόησεν φωνῇ μεγάλῃ Σουσαννα, ἐβόησαν δὲ καὶ οἱ δύο πρεσβῦται κατέναντι αὐτῆς. **25** καὶ δραμῶν ὁ εἷς ἠνοιξεν τὰς θύρας τοῦ παραδείσου. **26** ὡς δὲ ἤκουσαν τὴν κραυγὴν ἐν τῷ παραδείσῳ οἱ ἐκ τῆς οἰκίας, εἰσεπήδησαν διὰ τῆς πλαγίας θύρας ἰδεῖν τὸ συμβεβηκὸς αὐτῇ. **27** ἠνίκα δὲ εἶπαν οἱ πρεσβῦται τοὺς λόγους αὐτῶν, κατησχύνθησαν οἱ δοῦλοι σφόδρα, ὅτι πώποτε οὐκ ἐρρέθη λόγος τοιοῦτος περὶ Σουσαννης. **28** Καὶ ἐγένετο τῇ ἐπαύριον ὡς συνῆλθεν ὁ λαὸς πρὸς τὸν ἄνδρα αὐτῆς Ἰωακίμ, ἦλθον οἱ δύο πρεσβῦται πλήρεις τῆς ἀνόμου ἐννοίας κατὰ Σουσαννης τοῦ θανατῶσαι αὐτήν **29** καὶ εἶπαν ἔμπροσθεν τοῦ λαοῦ Ἀποστείλατε ἐπὶ Σουσανναν θυγατέρα Χελκίου, ἣ ἐστίν γυνή

санною, дочерью Хелкия, женою Иоакима. И послали. **30** И пришла она, и родители ее, и дети ее, и все родственники ее. **31** Сусанна была очень нежна и красива лицом, **32** и эти беззаконники приказали открыть *лице* ее, так как оно было закрыто, чтобы насытиться красотой ее. **33** Родственники же и все, которые смотрели на нее, плакали. **34** А оба старейшины, встав посреди народа, положили руки на голову ее. **35** Она же в слезах смотрела на небо, ибо сердце ее уповало на Господа. **36** И сказали старейшины: когда мы ходили по саду одни, вошла эта с двумя служанками и затворила двери сада, и отослала служанок; **37** и пришел к ней юноша, который скрывался там, и лег с нею. **38** Мы находясь в углу сада и видя такое беззаконие, побежали на них, **39** и увидели их совокупающимися, и того не могли удержать, потому что он был сильнее нас и, отворив двери, выскочил. **40** Но эту мы схватили и допрашивали: кто был этот юноша? но она не хотела объявить нам. Об этом мы свидетельствуем. **41** И поверило им собрание, как старейшинам народа и судьям, и осудили ее на смерть.

42 Возопила Сусанна громким голосом и сказала: Боже вечный, ведающий сокровенное и знающий все прежде бытия его! **43** Ты знаешь, что они ложно свидетельствовали против меня, и вот, я умираю, не сделав ничего, что эти люди злостно выдумали на меня. **44** И услышал Господь голос ее. **45** И когда она ведена была на смерть, возбудил Бог святой дух молодого юноши, по имени Даниила, **46** и он закричал громким голосом: чист я от крови ее! **47** Тогда обратился к нему весь народ и сказал: что это за слово, которое ты сказал? **48** Тогда он, став посреди них, сказал: так ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не исследовав и не узнав истины, осудили дочь Израиля? **49** Возвратитесь в суд, ибо эти ложно против нее засвидетельствовали. **50** И тотчас весь народ

Иωακιμ· οἱ δὲ ἀπέστειλαν. **30** καὶ ἦλθεν αὐτὴ καὶ οἱ γονεῖς αὐτῆς καὶ τὰ τέκνα αὐτῆς καὶ πάντες οἱ συγγενεῖς αὐτῆς· **31** ἡ δὲ Σουσαννα ἦν τρυφερὰ σφόδρα καὶ καλὴ τῷ εἶδει. **32** οἱ δὲ παράνομοι ἐκέλευσαν ἀποκαλυφθῆναι αὐτήν, ἣν γὰρ κατακεκαλυμμένη, ὅπως ἐμπλησθῶσιν τοῦ κάλλους αὐτῆς· **33** ἐκλαιον δὲ οἱ παρ' αὐτῆς καὶ πάντες οἱ ἰδόντες αὐτήν. **34** ἀναστάντες δὲ οἱ δύο πρεσβῦται ἐν μέσῳ τῷ λαῷ ἔθηκαν τὰς χεῖρας ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτῆς· **35** ἡ δὲ κλαίουσα ἀνέβλεψεν εἰς τὸν οὐρανόν, ὅτι ἦν ἡ καρδία αὐτῆς πεποιθυῖα ἐπὶ τῷ κυρίῳ. **36** εἶπαν δὲ οἱ πρεσβῦται Περιπατούντων ἡμῶν ἐν τῷ παραδείσῳ μόνων εἰσῆλθεν αὕτη μετὰ δύο παιδίσκων καὶ ἀπέκλεισεν τὰς θύρας τοῦ παραδείσου καὶ ἀπέλυσεν τὰς παιδίσκας· **37** καὶ ἦλθεν πρὸς αὐτὴν νεανίσκος, ὃς ἦν κεκρυμμένος, καὶ ἀνέπεσε μετ' αὐτῆς. **38** ἡμεῖς δὲ ὄντες ἐν τῇ γωνίᾳ τοῦ παραδείσου ἰδόντες τὴν ἀνομίαν ἐδράμομεν ἐπ' αὐτούς· **39** καὶ ἰδόντες συγγινομένους αὐτοὺς ἐκείνου μὲν οὐκ ἠδυνήθημεν ἐγκρατεῖς γενέσθαι διὰ τὸ ἰσχύειν αὐτὸν ὑπὲρ ἡμᾶς καὶ ἀνοίξαντα τὰς θύρας ἐκπεπηδηκέναι, **40** ταύτης δὲ ἐπιλαβόμενοι ἐπηρωτῶμεν, τίς ἦν ὁ νεανίσκος, **41** καὶ οὐκ ἠθέλησεν ἀναγγεῖλαι ἡμῖν. ταῦτα μαρτυροῦμεν. καὶ ἐπίστευσεν αὐτοῖς ἡ συναγωγὴ ὡς πρεσβυτέροις τοῦ λαοῦ καὶ κριταῖς καὶ κατέκριναν αὐτὴν ἀποθανεῖν. **42** ἀνεβόησεν δὲ φωνῇ μεγάλῃ Σουσαννα καὶ εἶπεν Ὁ θεὸς ὁ αἰώνιος ὁ τῶν κρυπτῶν γνώστης ὁ εἰδὼς τὰ πάντα πρὶν γενέσεως αὐτῶν, **43** σὺ ἐπίστασαι ὅτι ψευδῆ μου κατεμαρτύρησαν· καὶ ἰδοὺ ἀποθνήσκω μὴ ποιήσασα μηδὲν ὧν οὗτοι ἐπονηρεύσαντο κατ' ἐμοῦ. **44** Καὶ εἰσῆκουσεν κύριος τῆς φωνῆς αὐτῆς. **45** καὶ ἀπαγομένης αὐτῆς ἀπολέσθαι ἐξήγειρεν ὁ θεὸς τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον παιδαρίου νεωτέρου, ᾧ ὄνομα Δανιηλ, **46** καὶ ἐβόησεν φωνῇ μεγάλῃ Καθαρὸς ἐγὼ ἀπὸ τοῦ αἵματος ταύτης. **47** ἐπέστρεψεν δὲ πᾶς ὁ λαὸς πρὸς αὐτὸν καὶ εἶπαν Τίς ὁ λόγος οὗτος, ὃν σὺ λελάληκας; **48** ὁ δὲ στὰς ἐν μέσῳ αὐτῶν εἶπεν Οὕτως μωροί, οἱ υἱοὶ Ἰσραηλ; οὐκ ἀνακρίναντες οὐδὲ τὸ σαφὲς ἐπιγνόντες κατεκρίνατε θυγατέρα Ἰσραηλ; **49** ἀναστρέψατε εἰς τὸ κριτήριον· ψευδῆ γὰρ οὗτοι κατεμαρτύρησαν αὐτῆς. **50** καὶ ἀνέστρεψεν πᾶς ὁ λαὸς μετὰ σπουδῆς. καὶ εἶπαν αὐτῷ οἱ πρεσβύτεροι Δεῦρο κάθισον ἐν μέσῳ

возвратился, и сказали ему старейшины: садись посреди нас и объяви нам, потому что Бог дал тебе старейшинство. **51** И сказал им Даниил: отделите их друг от друга подальше, и я допрошу их. **52** Когда же они отделены были один от другого, призвал одного из них и сказал ему: состарившийся в злых днях! ныне обнаружались грехи твои, которые ты делал прежде, **53** производя суды несправедливые, осуждая невинных и оправдывая виновных, тогда как Господь говорит: «невинного и правого не умерщвляй». **54** Итак, если ты сию видел, скажи, под каким деревом видел ты их разговаривающими друг с другом? Он сказал: под мастиковым. **55** Даниил сказал: точно, солгал ты на твою голову; ибо вот, Ангел Божий, приняв решение от Бога, рассечет тебя пополам. **56** Удалив его, он приказал привести другого и сказал ему: племя Ханаана, а не Иуды! красота прельстила тебя, и похоть развратила сердце твое. **57** Так поступали вы с дочерьми Израиля, и они из страха имели общение с вами; но дочь Иуды не потерпела беззакония вашего. **58** Итак скажи мне: под каким деревом ты застал их разговаривающими между собою? Он сказал: под зеленым дубом. **59** Даниил сказал ему: точно, солгал ты на твою голову; ибо Ангел Божий с мечом ждет, чтобы рассечь тебя пополам, чтобы истребить вас. **60** Тогда все собрание закричало громким голосом, и благословили Бога, спасающего надеющихся на Него, **61** и восстали на обоих старейшин, потому что Даниил их устами обличил их, что они ложно свидетельствовали; **62** и поступили с ними так, как они злоумыслили против ближнего, по закону Моисееву, и умертвили их; и спасена была в тот день кровь невинная. **63** Хелкия же и жена его прославили Бога за дочь свою Сусанну с Иоакимом, мужем ее, и со всеми родственниками, потому что не найдено было в ней постыдного дела. **64** И Даниил стал велик перед народом с того дня и потом.

ἡμῶν καὶ ἀνάγγελον ἡμῖν· ὅτι σοὶ δέδωκεν ὁ θεὸς τὸ πρεσβεῖον. **51** καὶ εἶπεν πρὸς αὐτοὺς Δαυηλ Διαχωρίσατε αὐτοὺς ἀπ' ἀλλήλων μακράν, καὶ ἀνακρινῶ αὐτούς. **52** ὡς δὲ διεχωρίσθησαν εἰς ἀπὸ τοῦ ἑνός, ἐκάλεσεν τὸν ἕνα αὐτῶν καὶ εἶπεν πρὸς αὐτόν Πεπαλαιωμένε ἡμερῶν κακῶν, νῦν ἤκασιν αἱ ἀμαρτίαι σου, ἃς ἐποίησες τὸ πρότερον **53** κρίνων κρίσεις ἀδίκους καὶ τοὺς μὲν ἀθῶους κατακρίνων ἀπολύων δὲ τοὺς αἰτίους, λέγοντος τοῦ κυρίου Ἄθῶν καὶ δίκαιον οὐκ ἀποκτενεῖς· **54** νῦν οὖν ταύτην εἶπερ εἶδες, εἰπόν Ὑπὸ τί δένδρον εἶδες αὐτοὺς ὁμιλοῦντας ἀλλήλοις; ὁ δὲ εἶπεν Ὑπὸ σχίνον. **55** εἶπεν δὲ Δαυηλ Ὅρθῶς ἔψευσαι εἰς τὴν σεαυτοῦ κεφαλὴν· ἡδη γὰρ ἄγγελος τοῦ θεοῦ λαβὼν φάσιν παρὰ τοῦ θεοῦ σχίσει σε μέσον. **56** καὶ μεταστῆσας αὐτὸν ἐκέλευσεν προσαγαγεῖν τὸν ἕτερον· καὶ εἶπεν αὐτῷ Σπέρμα Χανααν καὶ οὐκ Ιουδα, τὸ κάλλος ἐξηπάτησέν σε, καὶ ἡ ἐπιθυμία διέστρεψεν τὴν καρδίαν σου· **57** οὕτως ἐποιεῖτε θυγατράσιν Ισραηλ, καὶ ἐκεῖναι φοβούμεναι ὠμίλουν ὑμῖν, ἀλλ' οὐ θυγάτηρ Ιουδα ὑπέμεινεν τὴν ἀνομίαν ὑμῶν· **58** νῦν οὖν λέγε μοι Ὑπὸ τί δένδρον κατέλαβες αὐτοὺς ὁμιλοῦντας ἀλλήλοις; ὁ δὲ εἶπεν Ὑπὸ πρίνον. **59** εἶπεν δὲ αὐτῷ Δαυηλ Ὅρθῶς ἔψευσαι καὶ σὺ εἰς τὴν σεαυτοῦ κεφαλὴν· μένει γὰρ ὁ ἄγγελος τοῦ θεοῦ τὴν ῥομφαίαν ἔχων πρίσαι σε μέσον, ὅπως ἐξολεθρευση ὑμᾶς. **60** καὶ ἀνεβόησεν πᾶσα ἡ συναγωγὴ φωνῇ μεγάλῃ καὶ εὐλόγησαν τῷ θεῷ τῷ σῶζοντι τοὺς ἐλπίζοντας ἐπ' αὐτόν. **61** καὶ ἀνέστησαν ἐπὶ τοὺς δύο πρεσβύτας, ὅτι συνέστησεν αὐτοὺς Δαυηλ ἐκ τοῦ στόματος αὐτῶν ψευδομαρτυρήσαντας, καὶ ἐποίησαν αὐτοῖς ὃν τρόπον ἐπονηρεύσαντο τῷ πλησίον, **62** ποιῆσαι κατὰ τὸν νόμον Μωυσῆ, καὶ ἀπέκτειναν αὐτούς· καὶ ἐσώθη αἷμα ἀναίτιον ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ. **63** Χελκίας δὲ καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ ἦνεσαν τὸν θεὸν περὶ τῆς θυγατρὸς αὐτῶν Σουσαννας μετὰ Ιωακίμ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς καὶ τῶν συγγενῶν πάντων, ὅτι οὐχ εὐρέθη ἐν αὐτῇ ἄσχημον πρᾶγμα. **64** καὶ Δαυηλ ἐγένετο μέγας ἐνώπιον τοῦ λαοῦ ἀπὸ τῆς ἡμέρας ἐκείνης καὶ ἐπέκεινα.

1 Книга сказаний Товита, сына Товиилова, Ананиилова, Адуилова, Гавайилова, из племени Асиилова, из колена Неффалимова, **2** который во дни Ассирийского царя Енемессара взят был в плен из Фисвы, находящейся по правую сторону Кидия Неффалимова, в Галилее, выше Асира. Я, Товит, во все дни жизни моей ходил путями истины и правды **3** и делал много благодеяний братьям моим и народу моему, пришедшим вместе со мною в страну Ассирийскую, в Ниневию. **4** Когда я жил в стране моей, в земле Израиля, будучи еще юношею, тогда все колено Неффалима, отца моего, находилось в отпадении от дома Иерусалима, избранного от всех колен Израиля, чтобы всем им приносить там жертвы, где освящен храм селения Всевышнего и утвержден во все роды навек. **5** Как все отложившиеся колена приносили жертвы Ваалу, юнице, так и дом Неффалима, отца моего. **6** Я же один часто ходил в Иерусалим на праздники, как предписано всему Израилю установлением вечным, с начатками и десятинами произведений земли и начатками шерсти овец, **7** и отдавал это священникам, сынам Аароновым, для жертвенника: десятину всех произведений давал сынам Левииным, служащим в Иерусалиме; другую десятину продавал, и каждый год ходил и издерживал ее в Иерусалиме; **8** а третью давал, кому следовало, как заповедала мне Деввора, мать отца моего, когда я после отца моего остался сиротой. **9** Достигнув мужеского возраста, я взял жену Анну из отеческого нашего рода и родил от нее Товию. **10** Когда я отведен был в плен в Ниневию, все братья мои и одноплеменники мои ели от снедей языческих, **11** а я соблюдал душу мою и не ел, **12** ибо я помнил Бога всею ду-

1

1 ΒΙΒΛΟΣ λόγων Τωβίτ, τοῦ Τωβιήλ, τοῦ Ἀνανιήλ, τοῦ Ἀδουήλ, τοῦ Γαβαήλ, ἐκ τοῦ σπέρματος Ἀσιήλ, ἐκ τῆς φυλῆς Νεφθαλίμ, 2 ὃς ἠχμαλωτεύθη ἐν ἡμέραις Ἐνεμεσσάρου τοῦ βασιλέως Ἀσσυρίων ἐκ Θίσβης, ἣ ἐστὶν ἐκ δεξιῶν Κυδίως τῆς Νεφθαλί ἐν τῇ Γαλιλαίᾳ ὑπεράνω Ἀσῆρ. - ἐγὼ Τωβίτ ὁδοῖς ἀληθείας ἐπορευόμην καὶ δικαιοσύνης πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς μου 3 καὶ ἐλεημοσύνας πολλὰς ἐποίησα τοῖς ἀδελφοῖς μου καὶ τῷ ἔθνει, τοῖς προπορευθεῖσι μετ' ἐμοῦ εἰς χώραν Ἀσσυρίων εἰς Νινευῆ. 4 καὶ ὅτε ἤμην ἐν τῇ χώρᾳ μου ἐν τῇ γῇ Ἰσραὴλ νεωτέρου μου ὄντος, πᾶσα φυλὴ τοῦ Νεφθαλίμ τοῦ πατρός μου ἀπέστη ἀπὸ τοῦ οἴκου Ἱερουσολύμων, τῆς ἐκλεγεῖσης ἀπὸ πασῶν τῶν φυλῶν Ἰσραὴλ εἰς τὸ θυσιάζειν πάσας τὰς φυλάς· καὶ ἠγιάσθη ὁ ναὸς τῆς κατασκηνώσεως τοῦ Ὑψίστου καὶ ᾠκοδομήθη εἰς πάσας τὰς γενεὰς τοῦ αἰῶνος. 5 καὶ πᾶσαι αἱ φυλαὶ αἱ συναποστᾶσαι ἔθνον τῇ Βάαλ τῇ δαμάλει καὶ ὁ οἶκος Νεφθαλίμ τοῦ πατρός μου. 6 καὶ γὰρ ἄλλος ἐπορευόμην πλεονάκις εἰς Ἱεροσόλυμα ἐν ταῖς ἑορταῖς, καθὼς γέγραπται παντὶ τῷ Ἰσραὴλ ἐν προστάγματι αἰωνίῳ, τὰς ἀπαρχὰς καὶ τὰς δεκάτας τῶν γεννημάτων καὶ τὰς πρωτοκουρίας ἔχων. 7 καὶ ἐδίδουν αὐτὰς τοῖς ἱερεῦσι τοῖς υἱοῖς Ἀαρὼν πρὸς τὸ θυσιαστήριον πάντων τῶν γεννημάτων. τὴν δεκάτην ἐδίδουν τοῖς υἱοῖς Λευι τοῖς θεραπεύουσιν εἰς Ἱερουσαλήμ, καὶ τὴν δευτέραν δεκάτην ἀπεπρατιζόμην καὶ ἐπορευόμην καὶ ἐδαπάνων αὐτὰ ἐν Ἱεροσολύμοις καθ' ἕκαστον ἐνιαυτόν. 8 καὶ τὴν τρίτην ἐδίδουν οἷς καθήκει, καθὼς ἐνετείλατο Δεββώρα ἡ μήτηρ τοῦ πατρός μου, διότι ὀρφανὸς κατελείφθην ὑπὸ τοῦ πατρός μου. 9 καὶ ὅτε ἐγενόμην ἀνὴρ, ἔλαβον Ἄνναν γυναῖκα ἐκ

шею моею. **13** И даровал мне Всевышний милость и благоволение у Енемессара, и я был у него поставщиком; **14** и ходил в Мидию, и отдал *на сохранение* Гаваилу, брату Гаврия, в Рагах Мидийских, десять талантов серебра. **15** Когда же умер Енемессар, вместо него воцарился сын его Сеннахирим, которого пути не были постоянны, и я уже не мог ходить в Мидию. **16** Во дни Енемессара я делал много благодеяний братьям моим: **17** алчущим давал хлеб мой, нагим одежды мои и, если кого из племени моего видел умершим и выброшенным за стену Ниневии, погребал его. **18** Тайно погребал я и тех, которых убивал царь Сеннахирим, когда, обращенный в бегство, возвратился из Иудеи. А он многих умертвил в ярости своей. И отыскивал царь трупы, но их не находили. **19** Один из Ниневитян пошел и донес царю, что я погребаю их; тогда я скрылся. Узнав же, что меня ищут убить, от страха убежал *из города*. **20** И было расхищено все имущество мое, и не осталось у меня ничего, кроме Анны, жены моей, и Товии, сына моего. **21** Но не прошло пятидесяти дней, как два сына его убили его и убежали в горы Араратские. И воцарился вместо него сын его Сахердан, который поставил Ахиахара Анаила, сына брата моего, над всею счетною частью царства своего и над всем домоправлением. **22** И ходатайствовал Ахиахар за меня, и я возвратился в Ниневию. Ахиахар же был и виночерпий и хранитель перстня, и домоправитель и казначей; и Сахердан поставил его вторым по себе; он был сын брата моего.

2 Когда я возвратился в дом свой, и отданы мне были Анна, жена моя, и Товия, сын мой, в праздник пятидесятницы, в святую седмицу седмиц, приготовлен у меня был хороший обед, и я возлег есть. **2** Увидев много снедей, я сказал сыну моему: пойд и приведи, кого найдешь, бедного из братьев наших, который помнит Господа, а я подо-

τοῦ σπέρματος τῆς πατριᾶς ἡμῶν καὶ ἐγέννησα ἐξ αὐτῆς Τωβίαν. **10** καὶ ὅτε ἠχμαλωτίσθημεν εἰς Νινευῆ, πάντες οἱ ἀδελφοί μου καὶ οἱ ἐκ τοῦ γένους μου ἦσθιον ἐκ τῶν ἄρτων τῶν ἐθνῶν. **11** ἐγὼ δὲ συνετήρησα τὴν ψυχὴν μου μὴ φαγεῖν, **12** καθότι ἐμεμνήμην τοῦ Θεοῦ ἐν ὅλῃ τῇ ψυχῇ μου. **13** καὶ ἔδωκεν ὁ Ὑψιστος χάριν καὶ μορφὴν ἐνώπιον Ἐνεμεσσάρου, καὶ ἤμην αὐτοῦ ἀγοραστής. **14** καὶ ἐπορευόμην εἰς τὴν Μηδίαν καὶ παρεθέμην Γαβαήλω τῷ ἀδελφῷ Γαβρία ἐν Ράγοις τῆς Μηδίας ἀργυρίου τάλαντα δέκα.

15-22?

2

1 ΟΤΕ δὲ κατήλθον εἰς τὸν οἶκόν μου καὶ ἀπεδόθη μοι Ἄννα ἡ γυνὴ μου, καὶ Τωβίας ὁ υἱός μου, ἐν τῇ πεντηκοστῇ ἑορτῇ, ἣ ἐστὶν ἀγία ἑπτὰ ἑβδομάδων, ἐγενήθη ἄριστον καλόν μοι, καὶ ἀνέπεσα τοῦ φαγεῖν. **2** καὶ ἐθεασάμην ὄψα πολλὰ καὶ εἶπα τῷ υἱῷ μου· βάδισον καὶ ἄγαγε ὃν ἂν εὔρης τῶν ἀδελφῶν ἡμῶν ἐνδεῆ, ὃς μέμνηται τοῦ Κυρίου, καὶ ἰδοὺ μένω σε. **3** καὶ ἐλθὼν εἶπε·

жду тебя. **3** И пришел он и сказал: отец мой, один из племени нашего удушенный брошен на площади. **4** Тогда я, прежде нежели стал есть, поспешно выйдя, убрал его в одно жилье до захождения солнца. **5** Возвратившись, совершил омовение и ел хлеб мой в скорби. **6** И вспомнил я пророчество Амоса, как он сказал: праздники ваши обратятся в скорбь, и все увеселения ваши — в плач. **7** И я плакал. Когда же зашло солнце, я пошел и, выкопав могилу, похоронил его. **8** Соседи насмехались надо мною и говорили: еще не боится он быть убитым за это дело; бегал уже, и вот опять погребает мертвых. **9** В эту самую ночь, возвратившись после погребения и будучи нечистым, я лег спать за стеною двора, и лице мое не было покрыто. **10** И не заметил я, что на стене были воробьи. Когда глаза мои были открыты, воробьи испустили теплое на глаза мои, и сделались на глазах моих бельма. И ходил я к врачам, но они не помогли мне. Ахиахар доставлял мне пропитание, доколе не отправился в Елимаиду. **11** А потом жена моя Анна в женских отделениях пряла шерсть **12** и посылала богатым людям, которые давали ей плату и однажды в придачу дали козленка. **13** Когда принесли его ко мне, он начал бляеть; и я спросил жену: откуда этот козленок? не краденый ли? отдай его, кому он принадлежит! ибо непозволительно есть краденое. **14** Она отвечала: это подарили мне сверх платы. Но я не верил ей и настаивал, чтобы отдала его, кому он принадлежит, и разгневался на нее. А она в ответ сказала мне: где же милостыни твои и праведные дела? вот как все они обнаружили на тебе!

3 Опечалившись, я заплакал и молился со скорбью, говоря: **2** праведен Ты, Господи, и все дела Твои и все пути Твои — милость и истина, и судом истинным и правым судишь Ты вовек! **3** Воспомяни меня и призри на меня: не наказывай меня за грехи мои

πάτερ, εἰς ἐκ τοῦ γένους ἡμῶν ἐστραγγαλωμένος ἔρριπται ἐν τῇ ἀγορᾷ. **4** κἀγὼ πρὶν ἢ γεύσασθαι με, ἀναπηδήσας ἀνειλόμην αὐτὸν εἰς τι οἴκημα, ἕως οὗ ἔδου ὁ ἥλιος. **5** καὶ ἐπιστρέψας ἐλουσάμην καὶ ἡσθιον τὸν ἄρτον μου ἐν λύπῃ· **6** καὶ ἐμνήσθην τῆς προφητείας ᾠμῶς, καθὼς εἶπε· στραφήσονται αἱ ἑορταὶ ὑμῶν εἰς πένθος καὶ πᾶσαι αἱ εὐφροσύναι ὑμῶν εἰς θρήνον, **7** καὶ ἔκλαυσα. καὶ ὅτε ἔδου ὁ ἥλιος, ψόχῳ καὶ ὀρύξας ἔθαψα αὐτόν. **8** καὶ οἱ πλησίον ἐπεγέλων λέγοντες· οὐκ ἔτι φοβεῖται φονευθῆναι περὶ τοῦ πράγματος τούτου, καὶ ἀπέδρα, καὶ ἰδοὺ ἀλὶν θάπτει τοὺς νεκρούς. **9** καὶ ἐν αὐτῇ τῇ νυκτὶ ἀνέλυσά θάψας καὶ ἐκοιμήθην μεμιαμμένος παρὰ τὸν τοίχον τῆς αὐλῆς, καὶ τὸ πρόσωπόν μου ἀκάλυπτον ἦν. **10** καὶ οὐκ ᾔδειν ὅτι στρουθία ἐν τῷ τοίχῳ ἐστί, καὶ τῶν ὀφθαλμῶν μου ἀνεωγόντων, ἀφώδευσαν τὰ στρουθία θερμὸν εἰς τοὺς ὀφθαλμούς μου, καὶ ἐγενήθη λευκώματα ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς μου. καὶ ἐπορεύθην πρὸς ἰατροῦς, καὶ οὐκ ὠφέλησάν με· Ἀχιάχαρος δὲ ἔτρεφέ με, ἕως οὗ ἐπορεύθην εἰς τὴν Ἐλυμαῖδα. **11** καὶ ἡ γυνὴ μου Ἄννα ἠριθεύετο ἐν τοῖς γυναικείοις· **12** καὶ ἀπέστειλλε τοῖς κυρίοις, καὶ ἀπέδωκεν αὐτῇ καὶ αὐτοὶ τὸν μισθὸν προσδόντες καὶ ἔριφον. **13** ὅτε δὲ ἦλθε πρὸς με, ἤρξατο κράζειν· καὶ εἶπα αὐτῇ· πόθεν τὸ ἐρίφιον; μὴ κλεψιμαῖόν ἐστιν; ἀπόδος αὐτὸ τοῖς κυρίοις· οὐ γὰρ θεμιτόν ἐστι φαγεῖν κλεψιμαῖον. **14** ἡ δὲ εἶπε· δῶρον δέδοται μοι ἐπὶ τῷ μισθῷ. καὶ οὐκ ἐπίστευον αὐτῇ καὶ ἔλεγον ἀποδιδόναι αὐτὸ τοῖς κυρίοις καὶ ἠρυθρίων πρὸς αὐτήν· ἡ δὲ ἀποκριθεῖσα εἶπέ μοι· ποῦ εἰσιν αἱ ἐλεημοσύναι σου καὶ αἱ δικαιοσύναι σου; ἰδοὺ γνωστὰ πάντα μετὰ σοῦ.

3

1 ΚΑΙ λυπηθεὶς ἔκλαυσα καὶ προσευξάμην μετ' ὀδύνης λέγων· **2** δίκαιος εἶ, Κύριε, καὶ πάντα τὰ ἔργα σου καὶ πᾶσαι αἱ ὁδοὶ σου ἐλεημοσύναι καὶ ἀλήθεια, καὶ κρίσιν ἀληθινὴν καὶ δικαίαν σὺ κρίνεις εἰς τὸν αἰῶνα. **3** μνήσθητί μου καὶ ἐπίβλεψον ἐπ' ἐμέ· μή με ἐκδικήσης ταῖς

и заблуждения мои и отцов моих, которыми они согрешили пред Тобою! **4** Ибо они не послушали заповедей Твоих, и Ты предал нас на расхищение и пленение и смерть, и в притчу поношения пред всеми народами, между которыми мы рассеяны. **5** И, поистине, многи и праведны суды Твои — делать со мною по грехам моим и грехам отцов моих, потому что не исполняли заповедей Твоих и не поступали по правде пред Тобою. **6** Итак, твори со мною, что Тебе благоугодно; повели взять дух мой, чтобы я разрешился и обратился в землю, ибо мне лучше умереть, нежели жить, так как я слышу лживые упрёки, и глубока скорбь во мне! Повели освободить меня от этой тяготы в обитель вечную и не отврати лица Твоего от меня. **7** В тот самый день случилось и Сарре, дочери Рагуиловой, в Екбатанах Мидийских терпеть укоризны от служанок отца своего **8** за то, что она была отдаваема семи мужьям, но Асмодей, злой дух, умерщвлял их прежде, нежели они были с нею, как с женою. Они говорили ей: разве тебе не совестно, что ты задушила мужей твоих? Уже семерых ты имела, но не назвалась именем ни одного из них. **9** Что нас бить за них? Они умерли: иди и ты за ними, чтобы нам не видеть твоего сына или дочери вовек! **10** Услышав это, она весьма опечалилась, так что решила было лишиться себя жизни, но подумала: я одна у отца моего; если сделаю это, бесчестие ему будет, и я сведу старость его с печалью в преисподнюю. **11** И стала она молиться у окна и говорила: благословен Ты, Господи Боже мой, и благословенно имя Твое святое и славное вовеки: да благословляют Тебя все творения Твои вовек! **12** И ныне к Тебе, Господи, обращаю очи мои и лице мое; **13** молю, возьми меня от земли сей и не дай мне слышать еще укоризны! **14** Ты знаешь, Господи, что я чиста от всякого греха с мужем **15** и не обесчестила имени моего, ни имени отца моего в земле плена моего; я

ἀμαρτίαις μου καὶ τοῖς ἀγνοήμασί μου καὶ τῶν πατέρων μου, ἃ ἤμαρτον ἐνώπιόν σου. **4** παρήκουσαν γὰρ τῶν ἐντολῶν σου, καὶ ἔδωκας ἡμᾶς εἰς διαρπαγὴν καὶ αἰχμαλωσίαν καὶ θάνατον καὶ παραβολὴν ὀνειδισμοῦ πᾶσι τοῖς ἔθνεσιν, ἐν οἷς ἐσκορπίσμεθα. **5** καὶ νῦν πολλαὶ αἱ κρίσεις σου εἰσι καὶ ἀληθινὰ ἐξ ἐμοῦ ποιῆσαι περὶ τῶν ἀμαρτιῶν μου καὶ τῶν πατέρων μου, ὅτι οὐκ ἐποίησαμεν τὰς ἐντολάς σου· οὐ γὰρ ἐπορεύθημεν ἐν ἀληθείᾳ ἐνώπιόν σου. **6** καὶ νῦν κατὰ τὸ ἀρεστὸν ἐνώπιόν σου ποιήσον μετ' ἐμοῦ· ἐπίταξον ἀναλαβεῖν τὸ πνεῦμά μου, ὅπως ἀπολυθῶ καὶ γένωμαι γῆ· διότι λυσιτελεῖ μοι ἀποθανεῖν ἢ ζῆν, ὅτι ὀνειδισμοὺς ψευδεῖς ἤκουσα, καὶ λύπη ἐστὶ πολλὴ ἐν ἐμοί· ἐπίταξον ἀπολυθῆναί με τῆς ἀνάγκης ἤδη εἰς τὸν αἰώνιον τόπον, μὴ ἀποστρέψῃς τὸ πρόσωπόν σου ἀπ' ἐμοῦ. **7** Ἐν τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ συνέβη τῇ θυγατρὶ Ραγουὴλ Σάρρα ἐν Ἐκβατάνοις τῆς Μηδίας καὶ ταύτην ὀνειδισθῆναι ὑπὸ παιδικῶν πατρὸς αὐτῆς, **8** ὅτι ἦν δεδομένη ἀνδράσιν ἑπτὰ, καὶ Ἄσμοδαῖος τὸ πονηρὸν δαιμόνιον ἀπέκτεινεν αὐτοὺς πρὶν ἢ γενέσθαι αὐτοὺς μετ' αὐτῆς ὡς ἐν γυναιξί. καὶ εἶπαν αὐτῇ· οὐ συνιεῖς ἀποπνίγουσά σου τοὺς ἀνδρας; ἤδη ἑπτὰ ἔσχες καὶ ἐνὸς αὐτῶν οὐκ ὠνομάσθης· **9** τί ἡμᾶς μαστιγοῖς; εἰ ἀπέθαναν, βάδιζε μετ' αὐτῶν· μὴ ἴδοιμέν σου υἱὸν ἢ θυγατέρα εἰς τὸν αἰῶνα. **10** ταῦτα ἀκούσασα ἐλυπήθη σφόδρα ὥστε ἀπάγξασθαι. καὶ εἶπε· μία μὲν εἰμι τῷ πατρί μου· ἐὰν ποιήσω τοῦτο, ὀνειδος αὐτῷ ἔσται, καὶ τὸ γῆρας αὐτοῦ κατάξω μετ' ὀδύνης εἰς ἄδου. **11** καὶ ἐδεήθη πρὸς τῇ θυρίδι καὶ εἶπεν· εὐλογητὸς εἶ, Κύριε ὁ Θεὸς μου, καὶ εὐλογητὸν τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον καὶ ἔντιμον εἰς τοὺς αἰῶνας· εὐλογῆσαισάν σε πάντα τὰ ἔργα σου εἰς τὸν αἰῶνα. **12** καὶ νῦν, Κύριε, τοὺς ὀφθαλμούς μου καὶ τὸ πρόσωπόν μου εἰς σὲ δέδωκα· **13** εἶπόν ἀπολυσαί με ἀπὸ τῆς γῆς καὶ μὴ ἀκοῦσαί με μηκέτι ὀνειδισμόν. **14** σὺ γινώσκεις, Κύριε, ὅτι καθαρὰ εἰμι ἀπὸ πάσης ἀμαρτίας ἀνδρὸς **15** καὶ οὐκ ἐμόλυνα τὸ ὄνομά μου οὐδὲ τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς μου ἐν τῇ γῇ τῆς αἰχμαλωσίας μου. μονογενῆς εἰμι τῷ πατρί μου,

единородная у отца моего, и нет у него сына, который мог бы наследовать ему, ни брата близкого, ни сына братнего, которому я могла бы сблечь себя в жену: уже семеро погибли у меня. Для чего же мне жить? А если не угодно Тебе умертвить меня, то благоволити призреть на меня и помиловать меня, чтобы мне не слышать более укоризны!

16 И услышана была молитва обоих пред славою великого Бога, и послан был Рафаил исцелить обоих: **17** снять бельма у Товита и Сарру, дочь Рагуилову, дать в жену Товии, сыну Товитову, связав Асмодея, злого духа; ибо Товии предназначено наследовать ее. — И в одно и то же время Товит, по возвращении, вошел в дом свой, а Сарра, дочь Рагуилова, сошла с горницы своей.

4 В тот день вспомнил Товит о серебре, которое отдал на сохранение Гаваилу в Рагах Мидийских, **2** и сказал сам себе: я просил смерти; что же не позову сына моего Товии, чтобы объявить ему об этом, пока я не умер? **3** И, призвав его, сказал: сын мой! когда я умру, похорони меня и не покидай матери своей; почитай ее во все дни жизни твоей, делай угодное ей и не причиняй ей огорчения. **4** Помни, сын мой, что она много имела скорбей из-за тебя *еще* во время чревоношения. Когда она умрет, похорони ее подле меня в одном гробе. **5** Во все дни помни, сын мой, Господа Бога нашего и не желай грешить и преступать заповеди Его. Во все дни жизни твоей делай правду и не ходи путями беззакония, **6** ибо, если ты будешь поступать по истине, в делах твоих будет успех, как у всех поступающих по правде. **7** Из имени твоего подавай милостыню, и да не жалеет глаз твой, когда будешь творить милостыню. Ни от какого нищего не отвращай лица твоего, тогда и от тебя не отвратится лице Божие. **8** Когда у тебя будет много, твори из того милостыню, и когда у тебя будет мало, не бойся творить милостыню и понемногу; **9** ты запасешь себе бога-

καὶ οὐχ ὑπάρχει αὐτῷ παιδίον, ὃ κληρονομήσει αὐτόν, οὐδὲ ἀδελφὸς ἐγγὺς οὐδὲ ὑπάρχων αὐτῷ υἱός, ἵνα συντηρήσω ἑμαυτὴν αὐτῷ γυναῖκα. ἤδη ἀπώλοντό μοι ἑπτὰ· ἵνα τί μοι ζῆν; καὶ εἰ μὴ δοκεῖ σοι ἀποκτεῖναί με, ἐπίταξον ἐπιβλέψαι ἐπ' ἐμὲ καὶ ἐλεῆσαί με καὶ μηκέτι ἀκοῦσαί με ὀνειδισμόν. **16** Καὶ εἰσηκούσθη προσευχὴ ἀμφοτέρων ἐνώπιον τῆς δόξης τοῦ μεγάλου Ραφαήλ, **17** καὶ ἀπεστάλη ἰάσασθαι τοὺς δύο, τοῦ Τωβίτ λεπίσαι τὰ λευκώματα καὶ Σάρραν τὴν τοῦ Ραγουήλ δοῦναι Τωβίᾳ τῷ υἱῷ Τωβίτ γυναῖκα καὶ δῆσαι Ἀσμοδαῖον τὸ πονηρὸν δαιμόνιον, διότι Τωβίᾳ ἐπιβάλλει κληρονομησαὶ αὐτήν. ἐν αὐτῷ τῷ καιρῷ ἐπιστρέψας Τωβίτ εἰσῆλθεν εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ καὶ Σάρρα ἡ τοῦ Ραγουήλ κατέβη ἐκ τοῦ ὑπερώου αὐτῆς.

4

1 EN τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἐμνήσθη Τωβίτ περὶ τοῦ ἀργυρίου, οὗ παρέθετο Γαβαήλ ἐν Ράγοις τῆς Μηδίας, **2** καὶ εἶπεν ἐν ἑαυτῷ· ἐγὼ ἤτησάμην θάνατον, τί οὐ καλῶ Τωβίαν τὸν υἱόν μου, ἵνα αὐτῷ ὑποδείξω πρὶν ἀποθανεῖν με; **3** καὶ καλέσας αὐτὸν εἶπε· παιδίον, ἐὰν ἀποθάνω, θάψον με, καὶ μὴ ὑπερίδης τὴν μητέρα σου· τίμα αὐτήν πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς σου καὶ ποιεὶ τὸ ἀρεστὸν αὐτῇ καὶ μὴ λυπήσης αὐτήν. **4** μνήσθητι, παιδίον, ὅτι πολλοὺς κινδύνους ἐώρακεν ἐπὶ σοὶ ἐν τῇ κοιλίᾳ· ὅταν ἀποθάνῃ, θάψον αὐτήν παρ' ἐμοὶ ἐν ἐνὶ τάφῳ. **5** πάσας τὰς ἡμέρας, παιδίον, Κυρίου τοῦ Θεοῦ ἡμῶν μνημόνευε καὶ μὴ θελήσης ἀμαρτάνειν καὶ παραβῆναι τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ. δικαιοσύνην ποιεὶ πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς σου καὶ μὴ πορευθῆς ταῖς ὁδοῖς τῆς ἀδικίας· **6** διότι ποιῶντός σου τὴν ἀλήθειαν, εὐοδία ἔσονται ἐν τοῖς ἔργοις σου καὶ πᾶσι τοῖς ποιῶσι τὴν δικαιοσύνην. **7** ἐκ τῶν ὑπαρχόντων σοὶ ποιεὶ ἐλεημοσύνην, καὶ μὴ φθονεσάτω σου ὁ ὀφθαλμὸς ἐν τῷ ποιεῖν σε ἐλεημοσύνην· μὴ ἀποστρέψῃς τὸ πρόσωπόν σου ἀπὸ παντός πτωχοῦ, καὶ ἀπὸ σοῦ οὐ μὴ ἀποστραφῇ τὸ πρόσωπον τοῦ Θεοῦ. **8** ὡς σοὶ ὑπάρχει κατὰ τὸ πλῆθος, ποιήσον ἐξ αὐτῶν ἐλεημοσύνην· ἐὰν ὀλίγον σοὶ ὑπάρχη, κατὰ τὸ ὀλίγον μὴ φοβοῦ ποιεῖν ἐλεημοσύνην· **9** θέμα γὰρ ἀγαθὸν

тое сокровище на день нужды, **10** ибо милостыня избавляет от смерти и не попускает сойти во тьму. **11** Милостыня есть богатый дар для всех, кто творит ее пред Всевышним. **12** Берегись, сын мой, всякого вида распутства. Возьми себе жену из племени отцов твоих, но не бери жены иноземной, которая не из колена отца твоего, ибо мы сыны пророков. Издревле отцы наши — Ной, Авраам, Исаак и Иаков. Помни, сын мой, что все они брали жен из среды братьев своих и были благословенны в детях своих, и потомство их наследует землю. **13** Итак, сын мой, люби братьев твоих и не превозносись сердцем пред братьями твоими и пред сынами и дочерьми народа твоего, чтобы не от них взять тебе жену, потому что от гордости — погибель и великое неустройство, а от непотребства — оскудение и разорение: непотребство есть мать голода. **14** Плата наемника, который будет работать у тебя, да не переночует у тебя, а отдавай ее тотчас: и тебе воздастся, если будешь служить Богу. Будь осторожен, сын мой, во всех поступках твоих и будь благоразумен во всем поведении твоём. **15** Что ненавистно тебе самому, того не делай никому. Вина до опьянения не пей, и пьянство да не ходит с тобою в пути твоём. **16** Давай алчущему от хлеба твоего и нагим от одежд твоих; от всего, в чем у тебя избыток, твори милостыни, и да не жалеет глаз твой, когда будешь творить милостыню. **17** Раздавай хлебы твои при гробе праведных, но не давай грешникам. **18** У всякого благоразумного проси совета, и не пренебрегай советом полезным. **19** Благословляй Господа Бога во всякое время и проси у Него, чтобы пути твои были правы и все дела и намерения твои благоуспешны, ибо ни один народ не властен в успехе начинаний, но Сам Господь ниспосылает все благое и, кого хочет, уничижает по Своей воле. Помни же, сын мой, заповеди мои, и да не изгладятся они из сердца твоего! **20** Теперь я открою тебе, что

θησαυρίζεις σεαυτῷ εἰς ἡμέραν ἀνάγκης· **10** διότι ἐλεημοσύνη ἐκ θανάτου ρύεται καὶ οὐκ ἔα εἰσελθεῖν εἰς τὸ σκότος· **11** δῶρον γὰρ ἀγαθὸν ἐστὶν ἐλεημοσύνη πᾶσι τοῖς ποιούσιν αὐτὴν ἐνώπιον τοῦ Ὑψίστου. **12** πρόσεχε σεαυτῷ, παιδίον, ἀπὸ πάσης πορνείας καὶ γυναῖκα πρῶτον λάβε ἀπὸ τοῦ σπέρματος τῶν πατέρων σου· μὴ λάβῃς γυναῖκα ἀλλοτρίαν, ἢ οὐκ ἔστιν ἐκ τῆς φυλῆς τοῦ πατρός σου, διότι υἱοὶ προφητῶν ἐσμεν. Νῶε, Ἀβραάμ, Ἰσαάκ, Ἰακώβ, οἱ πατέρες ἡμῶν ἀπὸ τοῦ αἰῶνος· μνήσθητι, παιδίον, ὅτι αὐτοὶ πάντες ἔλαβον γυναῖκας ἐκ τῶν ἀδελφῶν αὐτῶν καὶ εὐλογήθησαν ἐν τοῖς τέκνοις αὐτῶν, καὶ τὸ σπέρμα αὐτῶν κληρονομήσει γῆν. **13** καὶ νῦν, παιδίον, ἀγάπα τοὺς ἀδελφούς σου καὶ μὴ ὑπερηφανεύου τῇ καρδίᾳ σου ἀπὸ τῶν ἀδελφῶν σου καὶ τῶν υἱῶν καὶ θυγατέρων τοῦ λαοῦ σου λαβεῖν σεαυτῷ ἐξ αὐτῶν γυναῖκα· διότι ἐν τῇ ὑπερηφανίᾳ ἀπώλεια καὶ ἀκαταστασία πολλή, καὶ ἐν τῇ ἀχρειότητι ἐλάττωσις καὶ ἔνδεια μεγάλη· ἢ γὰρ ἀχρειότης μήτηρ ἐστὶ τοῦ λιμοῦ. **14** μισθὸς παντός ἀνθρώπου, ὃς ἐὰν ἐργάσῃται παρὰ σοί, μὴ αὐλισθήτω, ἀλλ' ἀπόδος αὐτῷ παραυτίκα, καὶ ἐὰν δουλεύσῃς τῷ Θεῷ, ἀποδοθήσεται σοι. πρόσεχε σεαυτῷ, παιδίον, ἐν πᾶσι τοῖς ἔργοις σου καὶ ἴσθι πεπαιδευμένος ἐν πάσῃ ἀναστροφῇ σου. **15** καὶ ὁ μισεῖς, μηδενὶ ποιήσης· οἶνον εἰς μέθην μὴ πίης, καὶ μὴ πορευθήτω μετὰ σοῦ μέθη ἐν τῇ ὁδῷ σου. **16** ἐκ τοῦ ἄρτου σου δίδου πεινῶντι καὶ ἐκ τῶν ἱματίων σου τοῖς γυμνοῖς· πᾶν, ὃ ἐὰν περισσεύσῃ σοι, ποίει ἐλεημοσύνην, καὶ μὴ φθονεσάτω σου ὁ ὀφθαλμὸς ἐν τῷ ποιεῖν σε ἐλεημοσύνην. **17** ἔκχεον τοὺς ἄρτους σου ἐπὶ τὸν τάφον τῶν δικαίων καὶ μὴ δῶς τοῖς ἀμαρτωλοῖς. **18** συμβουλίαν παρὰ παντός φρονίμου ζήτησον καὶ μὴ καταφρονήσης ἐπὶ πάσης συμβουλίας χρησίμης. **19** καὶ ἐν παντὶ καιρῷ εὐλόγει Κύριον τὸν Θεὸν καὶ παρ' αὐτοῦ αἴτησον, ὅπως αἱ ὁδοὶ σου εὐθεῖαι γένωνται, καὶ πᾶσαι αἱ τρίβοι καὶ βουλαὶ σου εὐδοιωθῶσι· διότι πᾶν ἔθνος οὐκ ἔχει βουλήν, ἀλλ' αὐτὸς ὁ Κύριος δίδωσι πάντα τὰ ἀγαθὰ καὶ ὃν ἐὰν θέλῃ, ταπεινοῖ, καθῶς βούλεται. καὶ νῦν, παιδίον, μνημόνευε τῶν ἐντολῶν μου, καὶ μὴ ἐξαλειφθήτωσαν ἐκ τῆς καρδίας σου. **20** καὶ νῦν ὑποδεικνύω σοι τὰ δέκα τάλαντα τοῦ ἀργυρίου, ἃ παρεθέμην Γαβαήλω

я отдал десять талантов серебра на сохранение Гаваилу, сыну Гавриеву, в Рагах Мидийских. **21** Не бойся, сын *мой*, что мы обнищали: у тебя много, если ты будешь бояться Господа и, удаляясь от всякого греха, делать угодное пред Ним.

5 И сказал Товия в ответ ему: отец *мой*, я исполню все, что ты завещаешь мне; **2** но как я могу получить серебро, не зная того человека? **3** Тогда отец дал ему расписку и сказал: найди себе человека, который сопутствовал бы тебе; я дам ему плату, пока еще жив, и ступайте за серебром.

4 И пошел он искать человека и встретил Рафаила. Это был Ангел, но он не знал **5** и сказал ему: можешь ли ты идти со мною в Раги Мидийские и знаешь ли эти места? **6** Ангел отвечал: могу идти с тобою и дорогу знаю; я уже останавливался у Гаваила, брата нашего. **7** И сказал ему Товия: подожди меня, я скажу отцу моему. **8** Тот сказал: ступай, только не медли. **9** Он, придя, сказал отцу: вот я нашел себе спутника. Отец сказал: пригласи его ко мне; я узнаю, из какого он колена и надежный ли спутник тебе. **10** И позвал его, и он вошел, и приветствовали друг друга. **11** Товит спросил: скажи мне, брат, из какого ты колена и из какого рода? **12** Он отвечал: колена и рода ты ищешь или наемника, который пошел бы с сыном твоим? И сказал ему Товит: брат, мне хочется знать род твой и имя твое. **13** Он сказал: я Азария, из рода Анании великого, из братьев твоих. **14** Тогда Товит сказал ему: брат, иди благополучно, и не гневайся на меня за то, что я спросил о колене и роде твоём. Ты доводишься брат мне, из честного и доброго рода. Я знал Ананию и Ионафана, сыновей Семья великого; мы вместе ходили в Иерусалим на поклонение, с первородными и десятинами *земных* произведений, ибо не увлекались заблуждением братьев наших: ты, брат, от хорошего корня! **15** Но скажи мне: какую плату я должен бу-

τῷ τοῦ Γαβρία ἐν Ράγοις τῆς Μηδίας. **21** καὶ μὴ φοβοῦ, παιδίον, ὅτι ἐπτωχεύσαμεν· ὑπάρχει σοι πολλὰ, ἐὰν φοβηθῆς τὸν Θεόν, καὶ ἀποστῆς ἀπὸ πάσης ἁμαρτίας καὶ ποιήσης τὸ ἀρεστὸν ἐνώπιον αὐτοῦ.

5
1 ΚΑΙ ἀποκριθεὶς Τωβίας εἶπεν αὐτῷ· πάτερ, ποιήσω πάντα, ὅσα ἐντέταλσαί μοι· **2** ἀλλὰ πῶς δυνήσομαι λαβεῖν τὸ ἀργύριον καὶ οὐ γινώσκω αὐτόν; **3** καὶ ἔδωκεν αὐτῷ τὸ χειρόγραφον καὶ εἶπεν αὐτῷ· ζήτησον σεαυτῷ ἄνθρωπον, ὃς συμπορεύσεται σοι, καὶ δώσω αὐτῷ μισθὸν ἕως ζῶ· καὶ λαβὲ πορευθεὶς τὸ ἀργύριον. **4** καὶ ἐπορεύθη ζητῆσαι ἄνθρωπον καὶ εὔρε τὸν Рафаήλ, ὃς ἦν ἄγγελος, καὶ οὐκ ᾔδει· **5** καὶ εἶπεν αὐτῷ· εἰ δύναμαι πορευθῆναι μετὰ σοῦ ἐν Ράγοις τῆς Μηδίας, καὶ εἰ ἔμπειρος εἶ τῶν τόπων; **6** καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ ἄγγελος· πορεύσομαι μετὰ σοῦ καὶ τῆς ὁδοῦ ἔμπειρῶ καὶ παρὰ Γαβαήλ τὸν ἀδελφὸν ἡμῶν ἠύλισθην. **7** καὶ εἶπεν αὐτῷ Τωβίας· ὑπόμεινόν με, καὶ ἐρῶ τῷ πατρί. **8** καὶ εἶπεν αὐτῷ· πορεύου καὶ μὴ χρονίσῃς. **9** καὶ εἰσελθὼν εἶπε τῷ πατρί· ἴδου εὔρηκα ὃς συμπορεύσεται μοι. ὁ δὲ εἶπε· φώνησον αὐτὸν πρὸς με, ἵνα ἐπιγνῶ ποίας φυλῆς ἐστὶ καὶ εἰ πιστὸς τοῦ πορευθῆναι μετὰ σοῦ. **10** καὶ ἐκάλεσεν αὐτόν, καὶ εἰσήλθε, καὶ ἠσπάσαντο ἀλλήλους. **11** καὶ εἶπεν αὐτῷ Τωβίτ· ἀδελφέ, ἐκ ποίας φυλῆς καὶ ἐκ ποίας πατριάς εἶ σύ; ὑπόδειξόν μοι. **12** καὶ εἶπεν αὐτῷ· φυλὴν καὶ πατρίαν σὺ ζητεῖς ἢ μίσθιον, ὃς συμπορεύσεται μετὰ τοῦ υἱοῦ σου; καὶ εἶπεν αὐτῷ Τωβίτ· βούλομαι, ἀδελφέ, ἐπιγνῶναι τὸ γένος σου καὶ τὸ ὄνομα. **13** ὃς δὲ εἶπεν· ἐγὼ Ἰαζαρίας Ἀνανίου τοῦ μεγάλου, τῶν ἀδελφῶν σου. **14** καὶ εἶπεν αὐτῷ· ὑγιαίνων ἔλθοις, ἀδελφέ, καὶ μὴ μοι ὀργισθῆς, ὅτι ἐζήτησα τὴν φυλὴν σου καὶ τὴν πατρίαν σου ἐπιγνῶναι. καὶ σὺ τυγχάνεις ἀδελφός μου ἐκ τῆς καλῆς καὶ ἀγαθῆς γενεᾶς· ἐπεγίνωσκον γὰρ ἐγὼ Ἰωνάθαν τοὺς υἱοὺς Σεμεὶ τοῦ μεγάλου, ὡς ἐπορευόμεθα κοινῶς εἰς Ἱεροσόλυμα προσκυνεῖν, ἀναφέροντες τὰ πρωτότοκα καὶ τὰς δεκάτας τῶν γεννημάτων, καὶ οὐκ ἐπλανήθησαν ἐν τῇ πλάνῃ τῶν ἀδελφῶν ἡμῶν. ἐκ ρίζης καλῆς εἶ, ἀδελφέ, **15** ἀλλὰ εἰπόν μοι τίνα σοι ἔσομαι μισθὸν διδόναι· δραχμὴν τῆς ἡμέρας καὶ τὰ δέοντά σοι ὡς καὶ τῷ υἱῷ μου. **16** καὶ ἔτι προσθήσω σοι ἐπὶ τὸν μισθόν,

ду дать тебе? Я дам тебе драхму на день и все необходимое для тебя и для сына моего, **16** и еще прибавлю тебе сверх этой платы, если благополучно возвратитесь. **17** Так и условились. Тогда он сказал Товии: будь готов в путь, и отправляйтесь благополучно. И приготовил сын его нужное для пути. И сказал ему отец: иди с этим человеком; живущий же на небесах Бог да благоустроит путь ваш, и Ангел Его да сопутствует вам! — И отправились оба, и собака юноши с ними.

18 Анна, мать его, заплакала и сказала Товиту: зачем отпустил ты сына нашего? Не он ли был опорой рук наших, когда входил и выходил пред нами? **19** Не предпочитай серебра серебру; пусть оно будет как сор в сравнении с сыном нашим! **20** Ибо, сколько Господом определено нам жить, на это у нас довольно есть. **21** Товит сказал ей: не печалься, сестра; он придет здоровым, и глаза твои увидят его, **22** ибо ему будет сопутствовать добрый Ангел; путь его будет благоуспешен, и он возвратится здоровым.

6 И перестала она плакать. **2** А путники вечером пришли к реке Тигру и остановились там на ночь. **3** Юноша пошел помыться, но из реки показалась рыба и хотела поглотить юношу. **4** Тогда Ангел сказал ему: возьми эту рыбу. И юноша схватил рыбу и вытащил на землю. **5** И сказал ему Ангел: разрежь рыбу, возьми сердце, печень и желчь, и сбереги их. **6** Юноша так и сделал, как сказал ему Ангел; рыбу же испекли и съели; и пошли дальше и дошли до Екбатан. **7** И сказал юноша Ангелу: брат Азария, к чему эта печень и сердце и желчь из рыбы? **8** Он отвечал: если кого мучит демон или злой дух, то сердцем и печенью должно курить пред таким мужчиною или женщиною, и более уже не будет мучиться; **9** а желчью помазать человека, который имеет бельма на глазах, и он исцелится. **10** Когда же приближались к Раге, **11** Ангел сказал юноше: брат, ныне мы пе-

εὐὰν ὑγιαίνοντες ἐπιστρέψητε. **17** καὶ εὐδόκησαν οὕτως. καὶ εἶπε πρὸς Τωβίαν· ἔτοιμος γίνου πρὸς τὴν ὁδόν· καὶ εὐδοωθείτε. καὶ ἠτοίμασεν ὁ υἱὸς αὐτοῦ τὰ πρὸς τὴν ὁδόν. καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ πατὴρ αὐτοῦ· πορεύου μετὰ τοῦ ἀνθρώπου τούτου, ὃ δὲ ἐν τῷ οὐρανῷ οἰκῶν Θεὸς εὐδοώσει τὴν ὁδὸν ὑμῶν, καὶ ὁ ἄγγελος αὐτοῦ συμπορευθήτω ὑμῖν. καὶ ἐξῆλθαν ἀμφοτέροι ἀπελθεῖν καὶ ὁ κύων τοῦ παιδαρίου μετ' αὐτῶν. **18** ἔκλαυσε δὲ Ἄννα ἡ μήτηρ αὐτοῦ καὶ εἶπε πρὸς Τωβίτ· τί ἐξαπέστειλας τὸ παιδίον ἡμῶν; ἢ οὐχὶ ἡ ράβδος τῆς χειρὸς ἡμῶν ἐστὶν ἐν τῷ εἰσπορεύεσθαι αὐτὸν καὶ ἐκπορεύεσθαι ἐνώπιον ἡμῶν; **19** ἀργύριον τῷ ἀργυρίῳ μὴ φθάσαι, ἀλλὰ περίψημα τοῦ παιδίου ἡμῶν γένοιτο. **20** ὡς γὰρ δέδοται ἡμῖν ζῆν παρὰ τοῦ Κυρίου, τοῦτο ἱκανὸν ἡμῖν ὑπάρχει. **21** καὶ εἶπεν αὐτῇ Τωβίτ· μὴ λόγον ἔχε, ἀδελφή· ὑγιαίνων ἐλεύσεται, καὶ οἱ ὀφθαλμοί σου ὄψονται αὐτόν. **22** ἄγγελος γὰρ ἀγαθὸς συμπορεύσεται αὐτῷ, καὶ εὐδοωθήσεται ἡ ὁδὸς αὐτοῦ, καὶ ὑποστρέψει ὑγιαίνων. καὶ ἐπαύσατο κλαίουσα.

6
1 Οἱ δὲ πορευόμενοι τὴν ὁδὸν ἦλθον ἑσπέρας ἐπὶ τὸν Τίγριν ποταμόν, καὶ ἠύλιζοντο ἐκεῖ. **2** τὸ δὲ παιδάριον κατέβη περικλύσασθαι, καὶ ἀνεπήδησεν ἰχθὺς ἀπὸ τοῦ ποταμοῦ καὶ ἐβουλήθη καταπιεῖν τὸ παιδάριον. **3** ὃ δὲ ἄγγελος εἶπεν αὐτῷ· ἐπιλαβοῦ τοῦ ἰχθύος. καὶ ἐκράτησε τὸν ἰχθὺν τὸ παιδάριον καὶ ἀνέβαλεν αὐτὸν ἐπὶ τὴν γῆν. **4** καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ ἄγγελος· ἀνάτεμε τὸν ἰχθὺν καὶ λαβὼν τὴν καρδίαν καὶ τὸ ἥπαρ καὶ τὴν χολὴν θές ἀσφαλῶς. **5** καὶ ἐποίησε τὸ παιδάριον ὡς εἶπεν αὐτῷ ὁ ἄγγελος, τὸν δὲ ἰχθὺν ὀπτήσαντες ἔφαγον. **6** καὶ ὥδεον ἀμφοτέροι, ἕως οὗ ἠγγισαν ἐν Ἐκβατάνοισι. **7** καὶ εἶπε τὸ παιδάριον τῷ ἀγγέλῳ· Ἄζαρία ἀδελφέ, τί ἐστὶν ἡ καρδία καὶ τὸ ἥπαρ καὶ ἡ χολὴ τοῦ ἰχθύος; **8** καὶ εἶπεν αὐτῷ· ἡ καρδία καὶ τὸ ἥπαρ, εἰάν τινα ὀχλῆ δαιμόνιον ἢ πνεῦμα πονηρόν, ταῦτα δεῖ καπνίσαι ἐνώπιον ἀνθρώπου ἢ γυναικός, καὶ οὐκέτι οὐ μὴ ὀχληθῆ. **9** ἡ δὲ χολή, ἐγχρῖσαι ἄνθρωπον, ὃς ἔχει λευκώματα ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς, καὶ ἰαθήσεται. **10** ὡς δὲ προσήγγισαν τῇ Ράγῃ, **11** εἶπεν ὁ ἄγγελος τῷ παιδαρίῳ· ἀδελφέ, σήμερον ἀυλισθησόμεθα παρὰ Ραγουήλ, καὶ αὐτὸς συγγενῆς σου ἐστὶ, καὶ ἐστὶν αὐτῷ θυγάτηρ ὀνόματι Σάρρα. **12** λαλήσω περὶ αὐτῆς τοῦ δοθῆναι σοι αὐτὴν εἰς γυναῖκα, ὅτι σοι ἐπιβάλλει ἡ κληρονομία αὐτῆς, καὶ σὺ μόνος εἶ ἐκ τοῦ γένους αὐτῆς, καὶ τὸ κοράσιον

ренируем у Рагуила, твоего родственника, у которого есть дочь, по имени Сарра. **12** Я поговорю о ней, чтобы дали ее тебе в жену, ибо тебе предназначено наследство ее, так как ты один из рода ее; а девица прекрасная и умная. **13** Так послушайся меня; я поговорю с ее отцом и, когда мы возвратимся из Раг, совершим брак. Я знаю Рагуила: он никак не даст ее мужу чужому вопреки закону Моисееву; иначе повинен будет смерти, так как наследство следует получить тебе, а не другому кому. **14** Тогда юноша сказал Ангелу: брат Азария, я слышал, что эту девицу отдавали семи мужам, но все они погибли в брачной комнате; **15** а я один у отца и боюсь, как бы, войдя к ней, не умереть подобно прежним; ее любит демон, который никому не вредит, кроме приближающихся к ней. И потому я боюсь, как бы мне не умереть и не свести жизнь отца моего и матери моей печалью обо мне во гроб их; а другого сына, который похоронил бы их, нет у них.

16 Ангел сказал ему: разве ты забыл слова, которые заповедал тебе отец твой, чтобы ты взял жену из рода твоего? Послушай же меня, брат: ей следует быть твоею женою, а о демоне не беспокойся; в эту же ночь отдадут тебе ее в жену. **17** Только, когда ты войдешь в брачную комнату, возьми курильницу, вложи в нее сердца и печени рыбы и покури; **18** и демон ощутит запах и удалится, и не возвратится никогда. Когда же тебе надобно будет приблизиться к ней, встаньте оба, воззовите к милосердому Богу, и Он спасет и помилует вас. Не бойся; ибо она предназначена тебе от века, и ты спасешь ее, и она пойдет с тобою, и я знаю, что у тебя будут от нее дети. Выслушав это, Товия полюбил ее, и душа его крепко прилепилась к ней. И пришли они в Екбатаны.

7 И подошли к дому Рагуила. Сарра встретила и приветствовала их, и они ее, и ввела их в дом. **2** И сказал Рагуил Едне, жене своей: как похож этот юноша на То-

καλὸν καὶ φρόνιμὸν ἐστὶ. **13** καὶ νῦν ἄκουσόν μου καὶ λαλήσω τῷ πατρὶ αὐτῆς, καὶ ὅταν ὑποστρέψωμεν ἐκ Ραγῶν, ποιήσομεν τὸν γάμον· διότι ἐπίσταμαι Ραγουήλ ὅτι οὐ μὴ δῶ αὐτὴν ἀνδρὶ ἐτέρῳ κατὰ τὸν νόμον Μωυσῆ ἢ ὀφειλήσει θάνατον, ὅτι τὴν κληρονομίαν σοὶ καθήκει λαβεῖν ἢ πάντα ἄνθρωπον. **14** τότε εἶπε τὸ παιδάριον τῷ ἀγγέλῳ· Ἰαζαρία ἀδελφέ, ἀκήκοα ἐγὼ τὸ κοράσιον δεδόσθαι ἐπτὰ ἀνδράσι καὶ πάντας ἐν τῷ νυμφῶνι ἀπολωλότας. **15** καὶ νῦν ἐγὼ μόνος εἰμὶ τῷ πατρὶ καὶ φοβοῦμαι μὴ εἰσελθὼν ἀποθάνω καθὼς καὶ οἱ πρότεροι, ὅτι δαιμόνιον φιλεῖ αὐτὴν, ὃ οὐκ ἀδικεῖ οὐδένα πλὴν τῶν προσαγόντων αὐτῇ. καὶ νῦν ἐγὼ φοβοῦμαι μὴ ἀποθάνω καὶ κατάξω τὴν ζωὴν τοῦ πατρὸς μου καὶ τῆς μητρὸς μου μετ' ὀδύνης ἐπ' ἐμοὶ εἰς τὸν τάφον αὐτῶν· καὶ υἱὸς ἕτερος οὐχ ὑπάρχει αὐτοῖς, ὃς θάψει αὐτούς. **16** εἶπε δὲ αὐτῷ ὁ ἄγγελος· οὐ μέμνησαι τῶν λόγων, ὧν ἐνετείλατό σοι ὁ πατήρ σου, ὑπὲρ τοῦ λαβεῖν σε γυναῖκα ἐκ τοῦ γένους σου; καὶ νῦν ἄκουσόν μου, ἀδελφέ, διότι σοὶ ἔσται εἰς γυναῖκα, καὶ τοῦ δαιμονίου μηδένα λόγον ἔχε, ὅτι τὴν νύκτα ταύτην δοθήσεται σοὶ αὕτη εἰς γυναῖκα. **17** καὶ ἂν εἰσελθῆς εἰς τὸν νυμφῶνα, λήψη τέφραν θυμιαμάτων καὶ ἐπιθήσεις ἀπὸ τῆς καρδίας καὶ τοῦ ἥπατος τοῦ ἰχθύος καὶ καπνίσσεις, **18** καὶ ὀσφρανθήσεται τὸ δαιμόνιον καὶ φεύξεται καὶ οὐκ ἐπανελεύσεται εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰῶνος. ὅταν δὲ προσπορεύῃ αὐτῇ, ἐγέρθητε ἀμφοτέροι καὶ βοήσατε πρὸς τὸν ἐλεήμονα Θεόν, καὶ σώσει ὑμᾶς καὶ ἐλεήσει. μὴ φοβοῦ, ὅτι σοὶ αὕτη ἡτοιμασμένη ἦν ἀπὸ τοῦ αἰῶνος, καὶ σὺ αὐτὴν σώσεις, καὶ πορεύσεται μετὰ σοῦ, καὶ ὑπολαμβάνω ὅτι σοὶ ἔσται ἐξ αὐτῆς παιδίον. **19** καὶ ὡς ἤκουσε Γωβίας ταῦτα, ἐφίλησεν αὐτὴν, καὶ ἡ ψυχὴ αὐτοῦ ἐκολλήθη σφόδρα αὐτῇ.

7

1 ΚΑΙ ἦλθον εἰς Ἐκβάτανα καὶ παρεγένοντο εἰς τὴν οἰκίαν Ραγουήλ, Σάρρα δὲ ὑπήντησεν αὐτοῖς καὶ ἐχαιρέτισεν αὐτούς καὶ αὐτοὶ αὐτὴν, καὶ εἰσήγαγεν αὐτούς εἰς τὴν οἰκίαν. **2** καὶ εἶπε Ραγουήλ Ἰעדνα τῇ γυναικὶ αὐτοῦ· ὡς ὁμοῖος ὁ νεανίσκος Γωβὶτ τῷ ἀνεψιῷ μου; **3** καὶ ἠρώτησεν αὐτούς Ραγουήλ· πόθεν ἐστέ, ἀδελφοί; καὶ εἶπαν αὐτῷ· ἐκ τῶν υἱῶν Νεφθαλίμ τῶν αἰχμαλώτων ἐκ Νινευῆ. **4** καὶ εἶπεν αὐτοῖς· γινώσκετε Γωβὶτ τὸν ἀδελφὸν ἡμῶν; οἱ δὲ εἶπον· γινώσκομεν. καὶ εἶπεν αὐτοῖς· ὑγιαίνει; **5** οἱ δὲ εἶπαν· καὶ ζῆ καὶ

вита, сына брата моего! **3** И спросил их Рагуил: откуда вы, братья? Они отвечали ему: мы из сынов Неффалима, плененных в Ниневию. **4** Еще спросил их: знаете ли брата нашего Товита? Они отвечали: знаем. Потом спросил: здравствует ли он? Они отвечали: жив и здоров. **5** А Товия сказал: это мой отец. **6** И бросился к нему Рагуил и целовал его и плакал. **7** И благословил его и сказал: ты сын честного и доброго человека. Но, услышав, что Товит потерял зрение, опечалился и плакал; **8** плакали и Една, жена его, и Сарра, дочь его. И приняли их весьма радушно, **9** и закололи овна, и предложили обильные снеди. Товия же сказал Рафаилу: брат Азария, переговори, о чем ты говорил на пути; пусть устроится это дело! **10** И он передал эту речь Рагуилу, а Рагуил сказал Товии: ешь, пей и веселись, ибо тебе надлежит взять мою дочь. Впрочем, скажу тебе правду: **11** я отдавал свою дочь семи мужам, и, когда они входили к ней, в ту же ночь умирали. Но ты ныне будь весел! И сказал Товия: я ничего не буду здесь есть до тех пор, пока не сговоритесь и не условитесь со мною. Рагуил сказал: возьми ее теперь же по праву; ты брат ее, и она твоя. Милосердый Бог да устроит вас наилучшим образом! **12** И призвал Сарру, дочь свою, и, взяв руку ее, отдал ее Товии в жену и сказал: вот, по закону Моисееву, возьми ее и веди к отцу твоему. И благословил их. **13** И призвал Едну, жену свою, и, взяв свиток, написал договор и запечатал. **14** И начали есть. **15** И призвал Рагуил Едну, жену свою, и сказал ей: приготовь, сестра, другую спальню и введи ее. **16** И сделала, как он сказал; и ввела ее туда, и заплакала, и приняла взаимно слезы дочери своей, и сказала ей: **17** успокойся, дочь; Господь неба и земли даст тебе радость вместо печали твоей. Успокойся, дочь моя!

8 Когда окончили ужин, ввели к ней Товию. **2** Он же, идя, вспомнил слова Рафа-

υγιαίνει. και ειπε Τωβίας· πατήρ μου ἐστι. **6** και ἀνεπήδησε Ραγουήλ και κατεφίλησεν αὐτὸν και ἔκλαυσε **7** και εὐλόγησεν αὐτὸν και εἶπεν αὐτῷ· ὁ τοῦ καλοῦ και ἀγαθοῦ ἀνθρώπου υἱός· και ἀκούσας ὅτι Τωβίτ ἀπώλεσε τοὺς ὀφθαλμοὺς ἑαυτοῦ, ἐλυπήθη και ἔκλαυσε. **8** και Ἔδνα ἡ γυνὴ αὐτοῦ και Σάρρα ἡ θυγάτηρ αὐτοῦ ἔκλαυσαν και ὑπεδέξαντο αὐτοὺς προθύμως· **9** και ἔθυσαν κριὸν προβάτων και παρέθηκαν ὄψα πλείονα. εἶπε δὲ Τωβίας τῷ Ραφαήλ· Ἄζαρία ἀδελφέ, λάλησον ὑπὲρ ὧν ἔλεγες ἐν τῇ πορείᾳ, και τελεστήτω τὸ πρᾶγμα. **10** και μετέδωκε τὸν λόγον τῷ Ραγουήλ· και εἶπε Ραγουήλ πρὸς Τωβίαν· φάγε, πίε και ἡδέως γίνου, σοὶ γὰρ καθήκει τὸ παιδίον μου λαβεῖν· πλὴν ὑποδείξω σοι τὴν ἀλήθειαν. **11** ἔδωκα τὸ παιδίον μου ἑπτὰ ἀνδράσι, και ὅποτε ἐὰν εἰσεπορεύοντο πρὸς αὐτήν, ἀπέθνησκον ὑπὸ τὴν νύκτα. ἀλλὰ τὸ νῦν ἔχον, ἡδέως γίνου. και εἶπε Τωβίας· οὐ γεύομαι οὐδὲν ὧδε, ἕως ἂν στήσητε και σταθῆτε πρὸς με. και εἶπε Ραγουήλ· κομίζου αὐτήν ἀπὸ τοῦ νῦν κατὰ τὴν κρίσιν· σὺ δὲ ἀδελφὸς εἶ αὐτῆς, και αὐτὴ σου ἐστιν· ὁ δὲ ἐλεήμων Θεὸς εὐοδώσει ὑμῖν τὰ κάλλιστα. **12** και ἐκάλεσε Σάρραν τὴν θυγατέρα αὐτοῦ, και λαβὼν τῆς χειρὸς αὐτῆς παρέδωκεν αὐτήν Τωβία γυναῖκα και εἶπεν· ἰδοὺ κατὰ τὸν νόμον Μωυσέως κομίζου αὐτήν και ἄπαγε πρὸς τὸν πατέρα σου· και εὐλόγησεν αὐτοῦς. **13** και ἐκάλεσεν Ἔδναν τὴν γυναῖκα αὐτοῦ· και λαβὼν βιβλίον ἔγραψε συγγραφὴν, και ἐσφραγίσατο. **14** και ἤρξαντο ἐσθίειν. **15** και ἐκάλεσε Ραγουήλ Ἔδναν τὴν γυναῖκα αὐτοῦ και εἶπε αὐτῇ· ἀδελφή, ἐτοιμάσον τὸ ἕτερον ταμειῖον και εἰσάγαγε αὐτήν. **16** και ἐποίησεν ὡς εἶπε και εἰσήγαγεν αὐτήν ἐκεῖ, και ἔκλαυσε· και ἀπεδέξατο τὰ δάκρυα τῆς θυγατρὸς αὐτῆς και εἶπεν αὐτῇ· **17** θάρσει, τέκνον, ὁ Κύριος τοῦ οὐρανοῦ και τῆς γῆς δῶη σοι χάριν ἀντὶ τῆς λύπης σου ταύτης· θάρσει, θύγατερ.

8

1 ΟΤΕ δὲ συνετέλεσαν δειπνοῦντες, εἰσήγαγον Τωβίαν πρὸς αὐτήν. **2** ὁ δὲ πορευόμενος ἐμνήσθη τῶν λόγων Ραφαήλ και ἔλαβε τὴν τέφραν τῶν θυμιαμάτων και ἐπέθηκε τὴν καρδίαν τοῦ ἰχθύος

ила, и взял курильницу, и положил сердце и печень рыбы, и курил. **3** Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его Ангел.

4 Когда они остались в комнате вдвоем, Товия встал с постели и сказал: встань, сестра, и помолимся, чтобы Господь помиловал нас. **5** И начал Товия говорить: благословен Ты, Боже отцов наших, и благословенно имя Твое святое и славное вовеки! Да благословляют Тебя небеса и все творения Твои! **6** Ты сотворил Адама и дал ему помощницею Еву, подпорою — жену его. От них произошел род человеческий. Ты сказал: нехорошо быть человеку одному, сотворим помощника, подобного ему. **7** И ныне, Господи, я беру сию сестру мою не для удовлетворения похоти, но поистине *как жену*: благоволи же помиловать меня и *дай* мне состариться с нею! **8** И она сказала с ним: аминь. **9** И оба спокойно спали в эту ночь. Между тем Рагуил, встав, пошел и выкопал могилу, **10** говоря: не умер ли и этот? **11** И пришел Рагуил в дом свой **12** и сказал Едне, жене своей: пошли одну из служанок посмотреть, жив ли он; если нет, похороним его, и никто не будет знать. **13** Служанка, отворив дверь, вошла и увидела, что оба они спят. **14** И, выйдя, объявила им, что он жив.

15 И благословил Рагуил Бога, говоря: благословен Ты, Боже, всяким благословением чистым и святым! Да благословляют Тебя святые Твои, и все создания Твои, и все Ангелы Твои, и все избранные Твои, да благословляют Тебя вовеки! **16** Благословен Ты, что возвеселил меня, и не случилось со мною так, как я думал, но сотворил с нами по великой Твоей милости! **17** Благословен Ты, что помиловал двух единокровных! Доверши, Владыка, милость над ними: дай им окончить жизнь во здравии, с весельем и милостью! **18** И приказал рабам своим зарыть могилу. **19** И сделал для них брачный пир на четырнадцать дней. **20** И ска-

каὶ τὸ ἥπαρ καὶ ἐκάπνισεν. **3** ὅτε δὲ ὠσφράνθη τὸ δαιμόνιον τῆς ὀσμῆς, ἔφυγεν εἰς τὰ ἀνώτατα Αἰγύπτου καὶ ἔδησεν αὐτὸ ὁ ἄγγελος. **4** ὡς δὲ συνεκλείσθησαν ἀμφοτέροι, ἀνέστη Τωβίας ἀπὸ τῆς κλίνης καὶ εἶπεν· ἀνάστηθι, ἀδελφή, καὶ προσευξώμεθα, ἵνα ἐλεήσῃ ἡμᾶς ὁ Κύριος. **5** καὶ ἤρξατο Τωβίας λέγειν· εὐλογητὸς εἶ, ὁ Θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν, καὶ εὐλογητὸν τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον καὶ ἔνδοξον εἰς τοὺς αἰῶνας· εὐλογησάτωσάν σε οἱ οὐρανοὶ καὶ πᾶσαι αἱ κτίσεις σου. **6** σὺ ἐποίησας Ἄδὰμ καὶ ἔδωκας αὐτῷ βοηθὸν Εὐὰν στήριγμα τὴν γυναῖκα αὐτοῦ· ἐκ τούτων ἐγεννήθη τὸ ἀνθρώπων σπέρμα. σὺ εἶπας· οὐ καλὸν εἶναι τὸν ἄνθρωπον μόνον, ποιήσωμεν αὐτῷ βοηθὸν ὅμοιον αὐτῷ. **7** καὶ νῦν, Κύριε, οὐ διὰ πορνείαν ἐγὼ λαμβάνω τὴν ἀδελφὴν μου ταύτην, ἀλλὰ ἐπ' ἀληθείας ἐπίταξον ἐλεῆσαί με καὶ αὐτῇ συγκαταγῆρασαι. **8** καὶ εἶπε μετ' αὐτοῦ· ἀμήν. **9** καὶ ἐκοιμήθησαν ἀμφοτέροι τὴν νύκτα. **10** καὶ ἀναστὰς Ραγουὴλ ἐπορεύθη καὶ ὤρυξε τάφον λέγων· μὴ καὶ οὗτος ἀποθάνῃ; **11** καὶ ἦλθε Ραγουὴλ εἰς τὴν οἰκίαν ἑαυτοῦ **12** καὶ εἶπεν Ἔδνα τῇ γυναίκε αὐτοῦ· ἀπόστειλον μίαν τῶν παιδισκῶν, καὶ ἰδέτωσαν εἰ ζῆ· εἰ δὲ μὴ, ἵνα θάψωμεν αὐτόν, καὶ μηδεὶς γνῶ. **13** καὶ εἰσῆλθεν ἡ παιδίσκη ἀνοίξασα τὴν θύραν καὶ εὔρε τοὺς δύο καθεύδοντας. **14** καὶ ἐξελθοῦσα ἀπήγγειλεν αὐτοῖς, ὅτι ζῆ. **15** καὶ εὐλόγησε Ραγουὴλ τὸν Θεὸν λέγων· εὐλογητὸς εἶ σύ, ὁ Θεός, ἐν πάσῃ εὐλογίᾳ καθαρᾷ καὶ ἀγία, καὶ εὐλογεῖτωσάν σε οἱ ἅγιοί σου καὶ πᾶσαι αἱ κτίσεις σου, καὶ πάντες οἱ ἄγγελοί σου καὶ οἱ ἐκλεκτοί σου εὐλογεῖτωσάν σε εἰς τοὺς αἰῶνας. **16** εὐλογητὸς εἶ ὅτι ἠψφρανάς με, καὶ οὐκ ἐγένετό μοι καθὼς ὑπενόουν, ἀλλὰ κατὰ τὸ πολὺ ἔλεός σου ἐποίησας μεθ' ἡμῶν. **17** εὐλογητὸς εἶ ὅτι ἠλέησας δύο μονογενεῖς· ποιήσον αὐτοῖς, δέσποτα, ἔλεος, συντέλεσον τὴν ζωὴν αὐτῶν ἐν ὑγείᾳ μετ' εὐφροσύνης καὶ ἐλέους. **18** ἐκέλευσε δὲ τοῖς οἰκέταις χῶσαι τὸν τάφον. **19** καὶ ἐποίησεν αὐτοῖς γάμον ἡμερῶν δεκατεσσάρων. **20** καὶ εἶπεν αὐτῷ Ραγουὴλ πρὶν ἢ συντελεσθῆναι τὰς ἡμέρας τοῦ γάμου ἐνόρκως μὴ ἐξελθεῖν αὐτὸν ἂν μὴ πληρωθῶσιν αἱ δεκατέσσαρες ἡμέραι τοῦ γάμου. **21** καὶ τότε λαβόντα τὸ ἥμισυ τῶν

зал ему Рагуил с клятвой прежде исполнения дней брачного пира: не уходи, доколе не исполнятся эти четырнадцать дней брачного пира; **21** а тогда, взяв половину имения, благополучно отправляйся к отцу твоему: остальное же *получишь*, когда умру я и жена моя.

9 И позвал Товия Рафаила и сказал ему: **2** брат Азария, возьми с собою раба и двух верблюдов и сходи в Раги Мидийские к Гаваилу; принеси мне серебро и самого его приведи ко мне на брак; **3** ибо Рагуил обязал меня клятвой, чтоб я не уходил; **4** между тем отец мой считает дни и, если я много замедлю, он будет очень скорбеть. **5** И пошел Рафаил и остановился у Гаваила и отдал ему расписку; а тот принес мешки за печатями и передал ему. **6** И на утро рано встали они вместе и пришли на брак. И благословил Товия жену свою.

10 Товит, отец его, считал каждый день. И когда исполнились дни путешествия, а он не приходил, **2** Товит сказал: не задержали ли их? или не умер ли Гаваил, и некому отдать им серебра? **3** И очень печалился. **4** Жена же его сказала ему: погиб сын наш, потому и не приходит. И начала плакать по нем и говорила: **5** ничто не занимает меня, сын мой, потому что я отпустила тебя, свет очей моих! **6** Товит говорит ей: молчи, не тревожься, он здоров. **7** А она сказала ему: молчи ты, не обманывай меня; погибло детище мое. — И ежедневно ходила за город на дорогу, по которой они отправились; днем не ела хлеба, а по ночам не переставала плакать о сыне своем Товии, пока не окончились четырнадцать дней брачного пира, которые Рагуил заклил его провести там. Тогда Товия сказал Рагуилу: отпусти меня, потому что отец мой и мать моя не надеются уже видеть меня. **8** Тесть же сказал ему: побудь у меня; я пошлю к отцу твоему, и известят его о тебе. **9** А Товия говорит: нет, отпусти меня к отцу моему. **10** И встал

ὑπαρχόντων αὐτοῦ πορεύεσθαι μεθ' ὑγείας πρὸς τὸν πατέρα· καὶ τὰ λοιπά, ὅταν ἀποθάνω καὶ ἡ γυνή μου.

9

1 ΚΑΙ ἐκάλεσε Τωβίας τὸν Раφαήλ καὶ εἶπεν αὐτῷ· 2 Ἀζαρία ἀδελφέ, λάβε μετὰ σεαυτοῦ παῖδα καὶ δύο καμήλους καὶ πορεύθητι ἐν Ράγοις τῆς Μηδίας παρὰ Γαβαήλ καὶ κόμισαί μοι τὸ ἀργύριον καὶ αὐτὸν ἄγε μοι εἰς τὸν γάμον· 3 διότι ὠμόμοκε Раγουήλ μὴ ἐξελεθεῖν με, 4 καὶ ὁ πατήρ μου ἀριθμεῖ τὰς ἡμέρας, καὶ ἐὰν χρονίσω μέγα, ὀδυνηθήσεται λίαν. 5 καὶ ἐπορεύθη Раφαήλ καὶ ἠύλισθη παρὰ Γαβαήλ, καὶ ἔδωκεν αὐτῷ τὸ χειρόγραφον· ὃς δὲ προήνεγκε τὰ θυλάκια ἐν ταῖς σφαγῖσι καὶ ἔδωκεν αὐτῷ. 6 καὶ ὥρθρευσαν κοινῶς καὶ ἦλθον εἰς τὸν γάμον· καὶ εὐλόγησε Τωβίας τὴν γυναῖκα αὐτοῦ.

10

1 ΚΑΙ Τωβίτ ὁ πατήρ αὐτοῦ ἐλογίσατο ἐκάστης ἡμέρας· καὶ ὡς ἐπληρώθησαν αἱ ἡμέραι τῆς πορείας καὶ οὐκ ἦρχοντο, 2 εἶπε· μήποτε κατήσχυνται, ἢ μήποτε ἀπέθανε Γαβαήλ καὶ οὐδεὶς αὐτῷ δίδωσι τὸ ἀργύριον; 3 καὶ ἐλυπεῖτο λίαν. 4 εἶπε δὲ αὐτῷ ἡ γυνή· ἀπώλετο τὸ παιδίον, διότι κεχρόνικε· καὶ ἤρξατο θρηνεῖν αὐτὸν καὶ εἶπεν· 5 οὐ μέλοι μοι, τέκνον, ὅτι ἀφῆκά σε τὸ φῶς τῶν ὀφθαλμῶν μου; 6 καὶ Τωβίτ λέγει αὐτῇ· σίγα, μὴ λόγον ἔχει, ὑγιαίνει. 7 καὶ εἶπεν αὐτῷ· σίγα, μὴ πλάνα με, ἀπώλετο τὸ παιδίον μου. καὶ ἐπορεύετο καθ' ἡμέραν εἰς τὴν ὁδὸν ἕξω, οἷας ἀπῆλθεν, ἡμέρας τε ἄρτον οὐκ ἤσθιε, τὰς δὲ νύκτας οὐ διελίμπανε θρηνοῦσα Τωβίαν τὸν υἱὸν αὐτῆς, ἕως οὗ συνετελέσθησαν αἱ δεκατέσσαρες ἡμέραι τοῦ γάμου, ἃς ὤμοσε Раγουήλ ποιῆσαι αὐτὸν ἐκεῖ· εἶπε δὲ Τωβίας τῷ Раγουήλ· ἐξαπόστειλόν με, ὅτι ὁ πατήρ μου καὶ ἡ μήτηρ μου οὐκέτι ἐλπίζουσιν ὄψεσθαι με. 8 εἶπε δὲ αὐτῷ ὁ πενθερός· μείνον παρ' ἐμοί, κἀγὼ ἐξαποστελῶ πρὸς τὸν πατέρα σου καὶ δηλώσουσιν αὐτῷ τὰ κατὰ σέ. 9 καὶ Τωβίας λέγει· ἐξαπόστειλόν με πρὸς τὸν πατέρα μου. 10 ἀναστὰς δὲ Раγουήλ ἔδωκεν αὐτῷ Σάρραν τὴν γυναῖκα αὐτοῦ καὶ τὰ

Рагуил и отдал ему Сарру, жену его, и половину имения, рабов и скота и серебро, **11** и, благословив их, отпустил и сказал: дети! да благопоспешит вам Бог Небесный, прежде нежели я умру. **12** Потом сказал дочери своей: почитай твоего свекра и свекровь; теперь они — родители твои; желаю слышать добрый слух о тебе. И поцеловал ее. И Една сказала Товии: возлюбленный брат, да восставит тебя Господь Небесный и дарует мне видеть детей от Сарры, дочери моей, дабы я возрадовалась пред Господом. И вот, отдаю тебе дочь мою на сохранение; не огорчай ее.

13 После того отправился Товия, благословляя Бога, что Он благоустроил путь его, и благословлял Рагуила и Едну, жену его. И продолжал путь, и приблизились они к Ниневию.

11 И сказал Рафаил Товии: ты знаешь, брат, в каком *положении* ты оставил отца твоего; **2** пойдем вперед, прежде жены твоей, и приготовим помещение; **3** а ты возьми в руку и желчь рыбыю. И пошли; за ними побежала и собака.

4 Между тем Анна сидела, высматривая на дороге сына своего, **5** и, заметив, что он идет, сказала отцу его: вот, идет сын твой и человек, отправившийся с ним. **6** Рафаил сказал: я знаю, Товия, что у отца твоего откроются глаза; **7** ты только помажь желчью глаза его, и он, ощутив едкость, оботрет их, и спадут бельма, и он увидит тебя. **8** Анна, подбежав, бросилась на шею к сыну своему и сказала ему: увидела я тебя, дитя *мое*, — теперь мне хотя умереть. И оба заплакали. **9** А Товит пошел к дверям и споткнулся, но сын его поспешил к нему, и поддержал отца своего, **10** и приложил желчь к глазам отца своего, и сказал: ободрись, отец *мой!* **11** Глаза его заело, и он отер их, **12** и снялись с краев глаз его бельма. Увидев сына своего, он пал на шею к нему **13** и заплакал и сказал: благословен Ты, Боже, и благословенно имя Твое вовеки, и благословенны

ἡμισυ τῶν ὑπαρχόντων, σώματα καὶ κτήνη καὶ ἀργύριον, **11** καὶ εὐλογήσας αὐτοὺς ἐξαπέστειλε λέγων· εὐδοῶσει ὑμᾶς, τέκνα, ὁ Θεὸς τοῦ οὐρανοῦ πρὸ τοῦ με ἀποθανεῖν. **12** καὶ εἶπε τῇ θυγατρὶ αὐτοῦ· τίμα τοὺς πενθεροὺς σου, αὐτοὶ νῦν γονεῖς σοῦ εἰσιν· ἀκούσαιμί σου ἀκοὴν καλὴν, καὶ ἐφίλησεν αὐτήν. καὶ Ἔδνα εἶπε πρὸς Τωβίαν· ἀδελφὲ ἀγαπητέ, ἀποκαταστήσαι σε ὁ Κύριος τοῦ οὐρανοῦ καὶ δώη μοι ἰδεῖν σου παιδία ἐκ Σάρρας τῆς θυγατρὸς μου, ἵνα εὐφρανθῶ ἐνώπιον τοῦ Κυρίου· καὶ ἰδοὺ παρατίθεμαί σοι τὴν θυγατέρα μου ἐν παρακαταθήκῃ, μὴ λυπήσῃς αὐτήν. **13** μετὰ ταῦτα ἐπορεύετο καὶ Τωβίας εὐλογῶν τὸν Θεόν, ὅτι εὐώδωσε τὴν ὁδὸν αὐτοῦ, καὶ κατευλόγει Ραγουὴλ καὶ Ἔδναν τὴν γυναῖκα αὐτοῦ.

11

1 ΚΑΙ ἐπορεύετο μέχρις οὗ ἐγγίσει αὐτοὺς εἰς Νινευῆ. καὶ εἶπε Ραφαὴλ πρὸς Τωβίαν· οὐ γινώσκεις, ἀδελφέ, πῶς ἀφῆκας τὸν πατέρα σου; **2** προδράμωμεν ἔμπροσθεν τῆς γυναικὸς σου καὶ ἐτοιμάσωμεν τὴν οἰκίαν· **3** λαβὲ δὲ παρὰ χεῖρα τὴν χολὴν τοῦ ἰχθύος. καὶ ἐπορεύθησαν, καὶ συνῆλθεν ὁ κύων ὀπισθεν αὐτῶν. **4** καὶ Ἄννα ἐκάθητο περιβλεπομένη εἰς τὴν ὁδὸν τὸν παῖδα αὐτῆς· **5** καὶ προσενόησεν αὐτὸν ἐρχόμενον καὶ εἶπε τῷ πατρὶ αὐτοῦ· ἰδοὺ ὁ υἱός μου ἔρχεται καὶ ὁ ἄνθρωπος ὁ πορευθεὶς μετ' αὐτοῦ. **6** καὶ Ραφαὴλ εἶπεν· ἐπίσταμαι ἐγὼ ὅτι ἀνοίξει τοὺς ὀφθαλμοὺς ὁ πατήρ σου. **7** σὺ ἔγχεσον τὴν χολὴν εἰς τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτοῦ, καὶ δηχθεὶς διατρίψει καὶ ἀποβαλεῖται τὰ λευκώματα καὶ ὄψεται σε. **8** καὶ προσδραμοῦσα Ἄννα ἐπέπεσεν ἐπὶ τὸν τράχηλον τοῦ υἱοῦ αὐτῆς καὶ εἶπεν αὐτῷ· εἰδὼν σε, παιδίον, ἀπὸ τοῦ νῦν ἀποθανοῦμαι καὶ ἔκλαυσαν ἀμφοτέροι. **9** καὶ Τωβίτ ἐξήρχετο πρὸς τὴν θύραν καὶ προσέκοπτεν, ὁ δὲ υἱὸς αὐτοῦ προσέδραμεν αὐτῷ **10** καὶ ἐπελάβετο τοῦ πατρὸς αὐτοῦ καὶ προσέπασε τὴν χολὴν ἐπὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς τοῦ πατρὸς αὐτοῦ λέγων· θάρσει, πάτερ. **11** ὡς δὲ συνεδήχθησαν, διέτριψε τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτοῦ, καὶ ἐλεπίσθη ἀπὸ τῶν κἀνθων τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ τὰ λευκώματα. **12** καὶ ἰδὼν τὸν υἱὸν αὐτοῦ ἐπέπεσεν ἐπὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ **13** καὶ ἔκλαυσε καὶ εἶπεν· εὐλογητὸς εἶ, ὁ Θεός, καὶ εὐλογητὸν τὸ ὄνομά σου εἰς τοὺς αἰῶνας, καὶ εὐλογημένοι πάντες οἱ ἅγιοί σου ἄγγελοι· ὅτι ἐμαστίγωσας καὶ ἠλέησάς με, ἰδοὺ βλέπω Τωβίαν τὸν υἱὸν μου. **14** καὶ εἰσῆλθεν ὁ υἱὸς αὐτοῦ

все святые Ангелы Твои! **14** Потому что Ты наказал и помиловал меня. Вот, я вижу Товию, сына моего. — И вошел сын его радостно и рассказал отцу своему о чудных *делах*, бывших с ним в Мидии. **15** И вышел Товит навстречу невестке своей к воротам Ниневии, радуясь и благословляя Бога. Видевшие, что он идет, удивлялись, как он прозрел. **16** И Товит исповедал пред ними, что Бог помиловал его. Когда подошел Товит к Сарре, невестке своей, благословил ее и сказал: здравствуй, дочь *моя*! Благословен Бог, Который привел тебя к нам, и *благословенны* отец твой и мать твоя! Обрадовались и все братья его в Ниневии. **17** И пришел Ахиахар и Насвас, племянник его, **18** и весело праздновали брак Товии семь дней.

12 И призвал Товит сына своего Товию и сказал ему: приготовь, сын *мой*, плату человеку, который ходил с тобою; ему надобно еще прибавить. **2** Он отвечал: отец *мой*, я не буду в убытке, если отдам ему половину всего, что принес; **3** потому что он привел меня к тебе здоровым и жену мою утратил, и серебро мое принес, и тебя также исцелил. **4** Старец сказал: так и следует ему. **5** И призвал Ангела и сказал ему: возьми половину всего, что вы принесли, и иди с миром.

6 Тогда, отозвав обоих особо, Ангел сказал им: благословляйте Бога, прославляйте Его, признавайте величие Его и исповедуйте пред всеми живущими, что Он сделал для вас. *Доброе дело* — благословлять Бога, превозносить имя Его и благоговейно проповедовать о делах Божиих; и вы не ленитесь прославлять Его. **7** Тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально. Делайте добро, и зло не постигнет вас. **8** *Доброе дело* — молитва с постом и милостынею и справедливостью. Лучше малое со справедливостью, нежели многое с неправдою; лучше творить милостыню, нежели собирать золото, **9** ибо милостыня

χαίρων καὶ ἀπήγγειλε τῷ πατρὶ αὐτοῦ τὰ μεγάλα τὰ γενόμενα αὐτῷ ἐν τῇ Μηδία. **15** καὶ ἐξῆλθε Τωβίτ εἰς συνάντησιν τῇ νύμφῃ αὐτοῦ χαίρων καὶ εὐλογῶν τὸν Θεὸν πρὸς τῇ πόλῃ Νινευῆ· καὶ ἐθαύμαζον οἱ θεωροῦντες αὐτὸν πορευόμενον, ὅτι ἔβλεψε. **16** καὶ Τωβίτ ἐξωμολογεῖτο ἐνώπιον αὐτοῦ, ὅτι ἠλέησεν αὐτοὺς ὁ Θεός· καὶ ὡς ἠγγίσε Τωβίτ Σάρρα τῇ νύμφῃ αὐτοῦ, κατευλόγησεν αὐτὴν λέγων· ἔλθοις ὑγιαίνουσα, θύγατερ· εὐλογητὸς ὁ Θεός, ὃς ἤγαγέ σε πρὸς ἡμᾶς, καὶ ὁ πατήρ σου καὶ ἡ μήτηρ σου. καὶ ἐγένετο χαρὰ πᾶσι τοῖς ἐν Νινευῆ ἀδελφοῖς αὐτοῦ. **17** καὶ παρεγένετο Ἀχιάχαρος καὶ Νασβάς ὁ ἐξάδελφος αὐτοῦ, **18** καὶ ἤχθη ὁ γάμος Τωβία μετ' εὐφροσύνης ἡμέρας ἑπτὰ.

12

1 ΚΑΙ ἐκάλεσε Τωβίτ Τωβίαν τὸν υἱὸν αὐτοῦ καὶ εἶπεν αὐτῷ· ὄρα, τέκνον, μισθὸν τῷ ἀνθρώπῳ τῷ συνελθόντι σοι, καὶ προσθεῖναι αὐτῷ δεῖ. **2** καὶ εἶπε· πάτερ, οὐ βλάπτομαι δοὺς αὐτῷ τὸ ἡμισυ, ὡν ἐνήνοχα, **3** ὅτι με ἀγήοχέ σοι ὑγιῆ καὶ τὴν γυναῖκα μου ἐθεράπευσε καὶ τὸ ἀργύριόν μου ἤνεγκε καὶ σὲ ὁμοίως ἐθεράπευσε. **4** καὶ εἶπεν ὁ πρεσβύτης· δικαιοῦται αὐτῷ. **5** καὶ ἐκάλεσε τὸν ἄγγελον καὶ εἶπεν αὐτῷ· λάβε τὸ ἡμισυ πάντων, ὡν ἐνήνοχατε, καὶ ὑπαγε ὑγιαίνων. **6** τότε καλέσας τοὺς δύο κρυπτῶς εἶπεν αὐτοῖς· εὐλογεῖτε τὸν Θεὸν καὶ αὐτῷ ἐξωμολογεῖσθε καὶ μεγαλωσύνην δίδοτε αὐτῷ καὶ ἐξολογεῖσθε αὐτῷ ἐνώπιον πάντων τῶν ζώντων, περὶ ὧν ἐποίησε μεθ' ὑμῶν. ἀγαθὸν τὸ εὐλογεῖν τὸν Θεὸν καὶ ὑποῦν τὸ ὄνομα αὐτοῦ, τοὺς λόγους τῶν ἔργων τοῦ Θεοῦ ἐντίμως ὑποδεικνύοντες, καὶ μὴ ὀκνεῖτε ἐξωμολογεῖσθαι αὐτῷ. **7** μυστήριον βασιλέως καλὸν κρύψαι, τὰ δὲ ἔργα τοῦ Θεοῦ ἀνακαλύπτειν ἐνδόξως. ἀγαθὸν ποιήσατε, καὶ κακὸν οὐχ εὐρήσει ὑμᾶς. **8** ἀγαθὸν προσευχῆ μετὰ νηστείας καὶ ἐλεημοσύνης καὶ δικαιοσύνης· ἀγαθὸν τὸ ὀλίγον μετὰ δικαιοσύνης ἢ πολὺ μετὰ ἀδικίας. καλὸν ποιῆσαι ἐλεημοσύνην ἢ θησαυρίσαι χρυσίον· **9** ἐλεημοσύνη γὰρ ἐκ θανάτου ρύεται, καὶ αὐτὴ ἀποκαθαριεῖ πᾶσαν ἁμαρτίαν· οἱ ποιοῦντες ἐλεημοσύνας καὶ

от смерти избавляет и может очищать всякий грех. Творящие милостыни и дела правды будут долгоденствовать. **10** Грешники же суть враги своей жизни. **11** Не скрою от вас ничего; я сказал уже: тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально. **12** Когда молился ты и невестка твоя Сарра, я возносил память молитвы вашей пред Святаго, и когда ты хоронил мертвых, я также был с тобою. **13** И когда ты не обленился встать и оставить обед свой, чтобы пойти и убрать мертвого, твоя благотворительность не утаилась от меня, но я был с тобою. **14** И ныне Бог послал меня уврачевать тебя и невестку твою Сарру. **15** Я — Рафаил, один из семи святых Ангелов, которые возносят молитвы святых и восходят пред славу Святаго.

16 Тогда оба смутились и пали лицом на землю, потому что были в страхе. **17** Но он сказал им: не бойтесь, мир будет вам. Благословляйте Бога вовек. **18** Ибо я пришел не по своему произволению, а по воле Бога нашего; потому и благословляйте Его вовек. **19** Все дни я был видим вами, но я не ел и не пил, — только взорам вашим представлялось *это*. **20** Итак, прославляйте теперь Бога, потому что я восхожу к Пославшему меня, и напишите все совершившееся в книгу. **21** И встали они и более уже не видели его. **22** И стали рассказывать о великих и чудных делах Божиих, и как явился им Ангел Господень.

13 В радости Товит написал молитву в сих словах: благословен Бог, вечно живущий, и благословенно царство Его! **2** Ибо Он наказует и милует, низводит до ада и возводит, и нет никого, кто избежал бы от руки Его. **3** Сыны Израилевы! прославляйте Его пред язычниками, ибо Он рассеял нас между ними. **4** Там возвещайте величие Его, превозносите Его пред всем живущим, ибо Он Господь наш и Бог, Отец наш во все веки: **5** накажет нас за неправды наши, и опять по-

δικαιοσύνας πλησθήσονται ζωῆς, **10** οἱ δὲ ἀμαρτάνοντες πολέμιοί εἰσι τῆς ἑαυτῶν ζωῆς. **11** οὐ μὴ κρύψω ἀφ' ὑμῶν πᾶν ῥῆμα· εἴρηκα δὴ μυστήριον βασιλέως κρύψαι καλόν, τὰ δὲ ἔργα τοῦ Θεοῦ ἀνακαλύπτειν ἐνδόξως. **12** καὶ νῦν ὅτι προσήξω σὺ καὶ ἡ νύμφη σου Σάρρα, ἐγὼ προσήγαγον τὸ μνημόσυνον τῆς προσευχῆς ὑμῶν ἐνώπιον τοῦ ἁγίου· καὶ ὅτε ἔθαπτες τοὺς νεκρούς, ὡσαύτως συμπαρήγγημι σοι. **13** καὶ ὅτε οὐκ ὤκνησας ἀναστήναι καὶ καταλιπεῖν τὸ ἄριστόν σου, ὅπως ἀπελθὼν περιστείλης τὸν νεκρόν, οὐκ ἔλαθές με ἀγαθοποιῶν, ἀλλὰ σὺν σοὶ ἦμην. **14** καὶ νῦν ἀπέστειλέ με ὁ Θεὸς ἰάσασθαι σε καὶ τὴν νύμφην σου Σάρραν. **15** ἐγὼ εἰμι Рафаήλ, εἷς ἐκ τῶν ἑπτὰ ἁγίων ἀγγέλων, οἱ προσαναφέρουσι τὰς προσευχὰς τῶν ἁγίων, καὶ εἰσπορεύονται ἐνώπιον τῆς δόξης τοῦ ἁγίου. **16** καὶ ἐταράχθησαν οἱ δύο καὶ ἔπεσον ἐπὶ πρόσωπον, ὅτι ἐφοβήθησαν. **17** καὶ εἶπεν αὐτοῖς· μὴ φοβεῖσθε, εἰρήνη ὑμῖν ἔσται· τὸν δὲ Θεὸν εὐλογεῖτε εἰς τὸν αἰῶνα, **18** ὅτι οὐ τῆ ἑμαυτοῦ χάριτι, ἀλλὰ τῆ θελήσει τοῦ Θεοῦ ἡμῶν ἦλθον, ὅθεν εὐλογεῖτε αὐτὸν εἰς τὸν αἰῶνα. **19** πάσας τὰς ἡμέρας ὠπτανόμην ὑμῖν, καὶ οὐκ ἔφαγον οὐδὲ ἔπιον, ἀλλὰ ὄρασιν ὑμεῖς ἐθεωρεῖτε. **20** καὶ νῦν ἐξομολογεῖσθε τῷ Θεῷ, διότι ἀναβαίνω πρὸς τὸν ἀποστείλαντά με, καὶ γράψατε πάντα τὰ συντελεσθέντα εἰς βιβλίον. **21** καὶ ἀνέστησαν, καὶ οὐκ ἔτι εἶδον αὐτόν. **22** καὶ ἐξωμολογοῦντο τὰ ἔργα τὰ μεγάλα καὶ θαυμαστὰ αὐτοῦ καὶ ὡς ὤφθη αὐτοῖς ὁ ἄγγελος Κυρίου.

13

1 ΚΑΙ Τωβίτ ἔγραψε προσευχὴν εἰς ἀγαλλίασιν καὶ εἶπεν· «Εὐλογητὸς ὁ Θεὸς ὁ ζῶν εἰς τοὺς αἰῶνας καὶ ἡ βασιλεία αὐτοῦ, **2** ὅτι αὐτὸς μαστιγοῖ καὶ ἐλεεῖ, κατάγει εἰς ἄδην καὶ ἀνάγει, καὶ οὐκ ἔστιν ὃς ἐκφεύξεται τὴν χεῖρα αὐτοῦ. **3** ἐξομολογεῖσθε αὐτῷ οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ ἐνώπιον τῶν ἔθνῶν, ὅτι αὐτὸς διέσπειρεν ἡμᾶς ἐν αὐτοῖς· **4** ἐκεῖ ὑποδείξατε τὴν μεγαλωσύνην αὐτοῦ, ὑψοῦτε αὐτὸν ἐνώπιον παντὸς ζῶντος, καθότι αὐτὸς Κύριος ἡμῶν καὶ Θεός, αὐτὸς πατὴρ ἡμῶν εἰς πάντας τοὺς αἰῶνας. **5** καὶ μαστιγώσει ἡμᾶς ἐν ταῖς ἀδικίαις ἡμῶν καὶ πάλιν ἐλεήσει καὶ συναξει ἡμᾶς ἐκ πάντων τῶν ἐθνῶν, οὗ ἂν σκορπισθῆτε

милует и соберет нас из всех народов, где бы вы ни были рассеяны между ними. **6** Если вы будете обращаться к Нему всем сердцем вашим и всею душою вашею, чтобы поступать пред Ним по истине, тогда Он обратится к вам и не скроет от вас лица Своего. Увидите, что Он сделает с вами. Прославляйте Его всеми глаголами уст ваших и благословляйте Господа правды и превозносите Царя веков. В земле плена моего я прославляю Его и проповедую силу и величие Его народу грешников. Обратитесь, грешники, и делайте правду пред Ним. Кто знает, может быть, Он возблаговолит о вас и окажет вам милость? **7** Превозношу я Бога моего, и душа моя — Небесного Царя, и радуется о величии Его. **8** Пусть все возвещают о Нем и прославляют Его в Иерусалиме. **9** Иерусалим, город святой! Он накажет тебя за дела сынов твоих и опять помилует сынов праведных. **10** Славу Господа усердно и благословляй Царя веков, чтобы снова сооружена была скиния Его в тебе с радостью, чтобы Он возвеселил среди тебя пленных и возлюбил в тебе несчастных во все роды века. **11** Многие народы издалека придут к имени Господа Бога с дарами в руках, с дарами Царю Небесному; роды родов восхвалят тебя с восклицаниями радостными. **12** Прокляты все ненавидящие тебя, благословенны будут вовек все любящие тебя! **13** Радуйся и веселись о сынах праведных, ибо они соберутся и будут благословлять Господа праведных. **14** О, блаженны любящие тебя! они возрадуются о мире твоём. Блаженны скорбевшие о всех бедствиях твоих, ибо они возрадуются о тебе, когда увидят всю славу твою, и будут веселиться вечно. **15** Да благословляет душа моя Бога, Царя великого, **16** ибо Иерусалим отстроен будет из сапфира и смарагда и из дорогих камней; стены твои, башни и укрепления — из чистого золота; **17** и площади Иерусалимские выстланы будут бериллом, анфраксом и камнем из

ἐν αὐτοῖς. **6** ἐὰν ἐπιστρέψῃτε πρὸς αὐτὸν ἐν ὅλῃ τῇ καρδίᾳ ὑμῶν καὶ ἐν ὅλῃ τῇ ψυχῇ ὑμῶν ποιῆσαι ἐνώπιον αὐτοῦ ἀλήθειαν, τότε ἐπιστρέψει πρὸς ὑμᾶς καὶ οὐ μὴ κρύψῃ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀφ' ὑμῶν. καὶ θεάσασθε ἃ ποιήσει μεθ' ὑμῶν, καὶ ἐξομολογήσασθε αὐτῷ ἐν ὅλῳ τῷ στόματι ὑμῶν· καὶ εὐλογήσατε τὸν Κύριον τῆς δικαιοσύνης καὶ ὑψώσατε τὸν βασιλέα τῶν αἰώνων. ἐγὼ ἐν τῇ γῇ τῆς αἰχμαλωσίας μου ἐξομολογοῦμαι αὐτῷ καὶ δεικνύω τὴν ἰσχύን καὶ τὴν μεγαλωσύνην αὐτοῦ ἔθνει ἁμαρτωλῶν. ἐπιστρέψατε, ἁμαρτωλοί, καὶ ποιήσατε δικαιοσύνην ἐνώπιον αὐτοῦ· τίς γινώσκει εἰ θελήσει ὑμᾶς καὶ ποιήσει ἐλεημοσύνην ὑμῖν; **7** τὸν Θεόν μου ὑψώ καὶ ἡ ψυχὴ μου τὸν βασιλέα τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἀγαλλιάσεται τὴν μεγαλωσύνην αὐτοῦ. **8** λεγέτωσαν πάντες καὶ ἐξομολογείσθωσαν αὐτῷ ἐν Ἱεροσολύμοις· Ἱεροσόλυμα πόλις ἁγία, μαστιγώσει ἐπὶ τὰ ἔργα τῶν υἱῶν σου καὶ πάλιν ἐλεήσει τοὺς υἱοὺς τῶν δικαίων. **10** ἐξομολογοῦ τῷ Κυρίῳ ἀγαθῶς καὶ εὐλόγει τὸν βασιλέα τῶν αἰώνων, ἵνα πάλιν ἡ σκηνὴ αὐτοῦ οἰκοδομηθῇ ἐν σοὶ μετὰ χαρᾶς, καὶ εὐφράναι ἐν σοὶ τοὺς αἰχμαλώτους καὶ ἀγαπήσαι ἐν σοὶ τοὺς ταλαιπώρους εἰς πάσας τὰς γενεὰς τοῦ αἵωνος. **11** ἔθνη πολλὰ μακρόθεν ἤξει πρὸς τὸ ὄνομα Κυρίου τοῦ Θεοῦ δῶρα ἐν χερσίν ἔχοντες καὶ δῶρα τῷ βασιλεῖ τοῦ οὐρανοῦ, γενεαὶ γενεῶν δώσουσί σοι ἀγαλλίαμα. **12** ἐπικατάρατοι πάντες οἱ μισοῦντές σε, εὐλογημένοι ἔσονται πάντες οἱ ἀγαπῶντές σε εἰς τὸν αἰῶνα. **13** χάρηθι καὶ ἀγαλλίασαι ἐπὶ τοῖς υἱοῖς τῶν δικαίων, ὅτι συναχθήσονται καὶ εὐλογήσουσι τὸν Κύριον τῶν δικαίων. **14** ὦ μακάριοι οἱ ἀγαπῶντές σε, χαρήσονται ἐπὶ τῇ εἰρήνῃ σου. μακάριοι ὅσοι ἐλυπήθησαν ἐπὶ πάσαις ταῖς μάστιξι σου, ὅτι ἐπὶ σοὶ χαρήσονται θεασάμενοι πᾶσαν τὴν δόξαν σου καὶ εὐφρανθήσονται εἰς τὸν αἰῶνα. **15** ἡ ψυχὴ μου εὐλογεῖτω τὸν Θεὸν τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, **16** ὅτι οἰκοδομηθήσεται Ἱερουσαλὴμ σαμφείρω καὶ σμαράγδω καὶ λίθω ἐντίμω τὰ τεῖχη σου καὶ οἱ πύργοι καὶ οἱ προμαχώνες ἐν χρυσίῳ καθαρῷ, **17** καὶ αἱ πλατεῖαι Ἱερουσαλὴμ ἐν βηρύλλω καὶ ἄνθρακι καὶ λίθω ἐκ Σουφεῖρ ψηφολογηθήσονται. **18** καὶ ἐροῦσι πᾶσαι αἱ ρύμαι αὐτῆς, ἀλληλοῦα

Офира. **18** На всех улицах его будет раздаваться: аллилуия, — и будут славословить, говоря: благословен Бог, Который превознес *Иерусалим*, на все веки!

14 И окончил Товит славословие.

2 Он был восьмидесяти восьми лет, когда потерял зрение, и чрез восемь лет прозрел. И творил милостыни, и продолжал быть благоговейным пред Господом Богом и прославлять Его. **3** Наконец он очень состарился, и призвал сына своего и шесть сыновей его, и сказал ему: сын *мой*, возьми сыновей твоих; вот я состарился и уже на исходе жизни моей. **4** Отправься в Мидию, сын *мой*, ибо я уверен, что Ниневия будет разорена, как говорил пророк Иона; а в Мидии будет спокойнее до времени. Братья наши, находящиеся в *отечественной* земле, будут рассеяны из сей доброй земли; Иерусалим будет пустынею, и дом Божий в нем будет сожжен и до времени останется пуст. **5** Но опять Бог помилует их и возвратит их в землю; и воздвигнут дом *Божий*, не такой, как прежний, доколе не исполнятся времена века. И после того возвратятся из плена и построят Иерусалим великолепно, и дом Божий восстановлен будет в нем на все роды века, — здание величественное, как говорили о нем пророки. **6** И все народы обратятся и будут истинно благоговеть пред Господом Богом и ниспровергнут идолов своих; **7** и все народы будут благословлять Господа. И Его народ будет прославлять Бога, и Господь вознесет народ Свой; и все, истинно и праведно любящие Господа Бога, будут радоваться, оказывая милость братьям нашим. **8** Итак, сын *мой*, выйди из Ниневии, ибо непременно исполнится то, что говорил пророк Иона. **9** Ты же соблюдай закон и повеления и будь любомилостив и справедлив, чтобы хорошо было тебе. **10** Похорони меня прилично, и мать твою со мною, и потом не оставайтесь в Ниневии. — Сын *мой*, смотри, что сделал Аман с Ахиахаром, ко-

каὶ αἰνέσουσι λέγοντες· εὐλογητὸς ὁ Θεός, ὃς ὑψώσε πάντας τοὺς αἰῶνας».

14

1 ΚΑΙ ἐπαύσατο ἐξομολογούμενος Τωβίτ. 2 καὶ ἦν ἐτῶν πεντηκονταοκτώ, ὅτε ἀπώλεσε τὰς ὄψεις, καὶ μετὰ ἔτη ὀκτώ ἀνέβλεψε. καὶ ἐποίει ἐλεημοσύνας καὶ προσέθετο φοβεῖσθαι Κύριον τὸν Θεὸν καὶ ἐξωμολογεῖτο αὐτῷ. 3 μεγάλως δὲ ἐγήρασε· καὶ ἐκάλεσε τὸν υἱὸν αὐτοῦ καὶ τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ καὶ εἶπεν αὐτῷ· τέκνον, λάβε τοὺς υἱοὺς σου· ἰδοὺ γεγήρακα καὶ πρὸς τὸ ἀποτρέχειν ἐκ τοῦ ζῆν εἰμι. 4 ἀπελθε εἰς τὴν Μηδίαν, τέκνον, ὅτι πέπεισμαι ὅσα ἐλάλησεν Ἰωνᾶς ὁ προφήτης περὶ Νινευῆ, ὅτι καταστραφήσεται, ἐν δὲ τῇ Μηδίᾳ ἔσται εἰρήνη μᾶλλον ἕως καιροῦ, καὶ ὅτι οἱ ἀδελφοὶ ἡμῶν ἐν τῇ γῆ σκορπισθήσονται ἀπὸ τῆς ἀγαθῆς γῆς, καὶ Ἱεροσόλυμα ἔσται ἔρημος, καὶ ὁ οἶκος τοῦ Θεοῦ ἐν αὐτῇ κατακαήσεται καὶ ἔρημος ἔσται μέχρι χρόνου. 5 καὶ πάλιν ἐλεήσει αὐτοὺς ὁ Θεὸς καὶ ἐπιστρέψει αὐτοὺς εἰς τὴν γῆν, καὶ οἰκοδομήσουσι τὸν οἶκον, οὐχ οἶος ὁ πρότερος, ἕως πληρωθῶσι καιροὶ τοῦ αἰῶνος. καὶ μετὰ ταῦτα ἐπιστρέψουσιν ἐκ τῶν αἰχμαλωσιῶν καὶ οἰκοδομήσουσιν Ἱερουσαλὴμ ἐντίμως, καὶ ὁ οἶκος τοῦ Θεοῦ ἐν αὐτῇ οἰκοδομηθήσεται εἰς πάσας τὰς γενεὰς τοῦ αἰῶνος οἰκοδομῆ ἐνδόξῳ, καθὼς ἐλάλησεν περὶ αὐτῆς οἱ προφῆται. 6 καὶ πάντα τὰ ἔθνη ἐπιστρέψουσιν ἀληθινῶς φοβεῖσθαι Κύριον τὸν Θεὸν καὶ κατορύξουσιν τὰ εἰδῶλα αὐτῶν, καὶ εὐλογήσουσι πάντα τὰ ἔθνη Κύριον. 7 καὶ ὁ λαὸς αὐτοῦ ἐξομολογήσεται τῷ Θεῷ, καὶ ὑψώσει Κύριος τὸν λαὸν αὐτοῦ, καὶ χαρήσονται πάντες οἱ ἀγαπῶντες Κύριον τὸν Θεὸν ἐν ἀληθείᾳ καὶ δικαιοσύνῃ, ποιοῦντες ἔλεος τοῖς ἀδελφοῖς ἡμῶν. 8 καὶ νῦν, τέκνον, ἀπελθε ἀπὸ Νινευῆ, ὅτι πάντως ἔσται ἃ ἐλάλησεν ὁ προφήτης Ἰωνᾶς. 9 σὺ δὲ τήρησον τὸν νόμον καὶ τὰ προστάγματα καὶ γενοῦ φιλελεῆμων καὶ δίκαιος, ἵνα σοι καλῶς ᾦ. καὶ θάψον με καλῶς καὶ τὴν μητέρα σου μετ' ἐμοῦ, καὶ μηκέτι ἀυλισθήτε εἰς Νινευῆ. 10 τέκνον, ἰδὲ τί ἐποίησεν Ἀμὰν Ἀχιαχάρῳ τῷ θρέψαντι αὐτόν, ὡς ἐκ τοῦ φωτὸς ἤγαγεν αὐτόν εἰς τὸ σκότος, καὶ ὅσα

торый воспитал его: как он из света привел его в тьму, и как воздано ему. Ахиахар спасен, а тот получил достойное возмездие — сошел во тьму. Манассия творил милостыню, и спасен от смертной сети, которую расставили ему; Аман же пал в сеть и погиб. **11** Итак, дети, знайте, что делает милостыня и как спасает справедливость. — Когда он это сказал, душа его оставила его на ложе; было же ему сто пятьдесят восемь лет, и сын с честью похоронил его.

12 Когда умерла Анна, он похоронил и ее с отцом своим. После того Товия с женою своею и детьми своими отправился в Екбатаны к Рагуилу, тестю своему, **13** и достиг честной старости, и похоронил прилично тестя и тещу своих, и получил в наследство имение их и Товита, отца своего. **14** И умер ста двадцати семи лет в Екбатанах Мидийских. **15** Но прежде нежели умер, он слышал о погибели Ниневии, которую пленил Навуходоносор и Асуир, и возрадовался пред смертью о Ниневии.

ἀνταπέδωκεν αὐτῷ· καὶ Ἀχιάχαρος μὲν ἐσώθη, ἐκείνῳ δὲ τὸ ἀνταπόδομα ἐπεδόθη, καὶ αὐτὸς κατέβη εἰς τὸ σκότος. Μανασσῆς ἐποίησεν ἐλεημοσύνην καὶ ἐσώθη ἐκ παγίδος θανάτου, ἧς ἔπηξεν αὐτῷ, Ἄμὰν δὲ ἐνέπεσεν εἰς τὴν παγίδα καὶ ἀπόλετο. **11** καὶ νῦν, παιδία, ἴδετε τί ἐλεημοσύνη ποιεῖ, καὶ τί δικαιοσύνη ρύεται. καὶ ταῦτα αὐτοῦ λέγοντος, ἐξέλιπεν ἡ ψυχὴ αὐτοῦ ἐπὶ τῆς κλίνης· ἦν δὲ ἐτῶν ἑκατὸν πεντηκονταοκτώ, καὶ ἔθαψαν αὐτὸν ἐνδόξως. **12** καὶ ὅτε ἀπέθανεν Ἄννα, ἔθαψεν αὐτὴν μετὰ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, ἀπῆλθε δὲ Τωβίας μετὰ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ καὶ τῶν υἱῶν αὐτοῦ εἰς Ἐκβάτανα πρὸς Ραγουὴλ τὸν πενθερὸν αὐτοῦ, **13** καὶ ἐγήρασεν ἐντίμως καὶ ἔθαψε τοὺς πενθεροὺς αὐτοῦ ἐνδόξως καὶ ἐκληρονόμησε τὴν οὐσίαν αὐτῶν καὶ Τωβίτ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ. **14** καὶ ἀπέθανεν ἐτῶν ἑκατὸν εἰκοσιεπτὰ ἐν Ἐκβατάνοισι τῆς Μηδίας. **15** καὶ ἤκουσε πρὶν ἢ ἀποθανεῖν αὐτὸν τὴν ἀπώλειαν Νινευῆ, ἣν ἠχμαλώτισε Ναβουχοδοноσορ καὶ Ἀσύηρος, καὶ ἐχάρη πρὸ τοῦ ἀποθανεῖν ἐπὶ Νινευῆ.

1 В двенадцатый год царствования Навуходоносора, царствовавшего над Ассириями в великом городе Ниневии, — во дни Арфаксада, который царствовал над Мидянами в Екбатанах **2** и построил вокруг Екбатан стены из тесаных камней, шириною в три локтя, а длиною в шесть локтей; и сделал высоту стены в семьдесят, а ширину в пятьдесят локтей, **3** и поставил над воротами башни во сто локтей, имевшие в основании до шестидесяти локтей ширины; **4** а ворота, построенные им для выхода сильных войск его и для строев пехоты его, поднимались в высоту на семьдесят локтей, а в ширину имели сорок локтей: **5** в те дни царь Навуходоносор предпринял войну против царя Арфаксада на великой равнине, которая в пределах Рагава. **6** К нему собрались все живущие в нагорной стране, и все живущие при Евфрате, Тигре и Идасписе, и с равнины Ариох, царь Елимейский, и сошлись очень многие народы в ополчение сынов Хелеуда. **7** И послал Навуходоносор, царь Ассирийский, ко всем живущим в Персии и ко всем живущим на западе, к живущим в Киликии и Дамаске, Ливане и Антиливане, и ко всем живущим на передней стороне приморья, **8** и между народами Кармила и Галаада и в верхней Галилее и на великой равнине Ездрилон, **9** и ко всем живущим в Самарии и городах ее, и за Иорданом до Иерусалима, и Ветани и Хела, и Кадиса и реки Египетской, и Тафны и Рамессы, и во всей земле Гесемской **10** до входа в верхний Танис и Мемфис, и ко всем живущим в Египте до входа в пределы Ефиопии. **11** Но все обитавшие во всей этой земле презрели слово Ассирийского царя Навуходоносора и не собрались к нему на войну, потому что они не боялись его, но он был для них как один

1

1 ΕΤΟΥΣ δωδεκάτου τῆς βασιλείας Ναβουχοδονόσορ, ὃς ἐβασίλευσεν Ἀσσυρίων ἐν Νινευῆ τῇ πόλει τῇ μεγάλῃ, ἐν ταῖς ἡμέραις Ἀρφαζάδ, ὃς ἐβασίλευσεν Μήδων ἐν Ἐκβατάνοις, **2** καὶ ᾠκοδόμησεν ἐπ' Ἐκβατάνων κύκλῳ τείχη ἐκ λίθων λελαξευμένων εἰς πλάτος πηχῶν τριῶν καὶ εἰς μήκος πηχῶν ἕξ καὶ ἐποίησε τὸ ὕψος τοῦ τείχους πηχῶν ἑβδομήκοντα καὶ τὸ πλάτος αὐτοῦ πηχῶν πεντήκοντα **3** καὶ τοὺς πύργους αὐτοῦ ἔστησεν ἐπὶ ταῖς πύλαις αὐτῆς πηχῶν ἑκατὸν καὶ τὸ πλάτος αὐτῆς ἔθεμελίωσεν εἰς πήχεις ἑξήκοντα **4** καὶ ἐποίησε τὰς πύλας αὐτῆς πύλας διεγειρομένας εἰς ὕψος πηχῶν ἑβδομήκοντα καὶ τὸ πλάτος αὐτῶν πήχεις τεσσαράκοντα εἰς ἐξόδους δυνάμεων δυνατῶν αὐτοῦ καὶ διατάξεις τῶν πεζῶν αὐτοῦ. **5** καὶ ἐποίησε πόλεμον ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις ὁ βασιλεὺς Ναβουχοδονόσορ πρὸς βασιλέα Ἀρφαζάδ ἐν τῷ πεδίῳ τῷ μεγάλῳ, τοῦτό ἐστιν ἐν τοῖς ὄριοις Ραγαῦ. **6** καὶ συνήντησαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ κατοικοῦντες τὴν ὄρεινὴν καὶ πάντες οἱ κατοικοῦντες τὸν Εὐφράτην καὶ τὸν Τίγγριν καὶ τὸν Ὑδάσπην καὶ πεδία Ἀριῶχ βασιλέως Ἐλυμαίων· καὶ συνῆλθον ἔθνη πολλὰ σφόδρα εἰς παράταξιν υἱῶν Χελεοῦδ. **7** καὶ ἀπέστειλε Ναβουχοδονόσορ ὁ βασιλεὺς Ἀσσυρίων ἐπὶ πάντας τοὺς κατοικοῦντας τὴν Περσίδα καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς κατοικοῦντας πρὸς δυσμαῖς, τοὺς κατοικοῦντας Κιλικίαν καὶ Δαμασκόν, τὸν Λίβανον καὶ Ἀντιλίβανον, καὶ πάντας τοὺς κατοικοῦντας κατὰ πρόσωπον παραλίας **8** καὶ τοὺς ἐν τοῖς ἔθνεσι τοῦ Καρμήλου καὶ Γαλαὰδ καὶ τὴν ἄνω Γαλιλαίαν καὶ τὸ μέγα πεδῖον Ἐσδρηλῶν **9** καὶ πάντας τοὺς ἐν Σαμαρείᾳ καὶ ταῖς πόλεσιν αὐτῆς καὶ πέραν τοῦ Ἰορδάνου ἕως Ἱερουσαλὴμ καὶ Βετάνη καὶ Χελλοῦς καὶ Κάδης καὶ τοῦ ποταμοῦ Αἰγύπτου καὶ Ταφνάς καὶ Ραμεσσή καὶ πᾶσαν γῆν Γεσεμ **10** ἕως τοῦ ἐλθεῖν ἐπάνω Τάνεως καὶ Μέμφεως καὶ πάντας τοὺς κατοικοῦντας τὴν Αἴγυπτον ἕως τοῦ ἐλθεῖν ἐπὶ τὰ ὄρια τῆς Αἰθιοπίας. **11** καὶ ἐφάυλισαν πάντες οἱ κατοικοῦντες πᾶσαν τὴν γῆν τὸ ρῆμα Ναβουχοδονόσορ τοῦ βασιλέως Ἀσσυρίων καὶ οὐ συνῆλθον αὐτῷ εἰς τὸν πόλεμον, ὅτι οὐκ ἐφοβήθησαν

из них: они отослали от себя его послов ни с чем, в бесчестии. **12** Навуходоносор весьма разгневался на всю эту землю и поклялся престолом и царством своим отмстить всем пределам Киликии, Дамаска и Сирии, и мечом своим умертвить всех, живущих в земле Моава, и сынов Аммона и всю Иудею, и всех, обитающих в Египте до входа в пределы двух морей.

13 И в семнадцатый год он ополчился со своим войском против царя Арфаксада и одолел его в сражении и обратил в бегство все войско Арфаксада, всю конницу его и все колесницы его, **14** и овладел городами его, дошел до Екбатан, занял укрепления, опустошил улицы *города* и красоту его обратил в позор. **15** А Арфаксада схватил на горах Рагава и, пронзив его копьем своим, в тот же день погубил его. **16** Потом пошел назад со своими в Ниневию, — он и все союзники его — весьма многое множество ратных мужей; там он отдыхал, и пировал с войском своим сто двадцать дней.

2 В восемнадцатом году, в двадцать второй день первого месяца, последовало в доме Навуходоносора, царя Ассирийского, повеление — совершить, как он сказал, отмщение всей земле. **2** Созвав всех служителей и всех сановников своих, он открыл им тайну своего намерения и своими устами определил всякое зло той земле. **3** И они решили погубить всех, кто не повиновался слову уст его. **4** По окончании своего совещания, Навуходоносор, царь Ассирийский, призвал главного вождя войска своего, Олоферна, который был вторым по нем, и сказал ему: **5** так говорит великий царь, господин всей земли: вот, ты пойдешь от лица моего и возьмешь с собою мужей, уверенных в своей силе, — пеших сто двадцать тысяч и множество коней с двенадцатью тысячами всадников, — **6** и выйдешь против всей земли на западе за то, что не повиновались слову уст моих. **7** И объявишь им, чтобы они

αὐτόν, ἀλλ' ἦν ἐναντίον αὐτῶν ὡς ἀνὴρ εἷς, καὶ ἀνέστρεψαν τοὺς ἀγγέλους αὐτοῦ κενοὺς ἐν ἀτιμίᾳ προσώπου αὐτῶν. **12** καὶ ἐθυμώθη Ναβουχοδοноσορ ἐπὶ πᾶσαν τὴν γῆν ταύτην σφόδρα καὶ ὤμοσε κατὰ τοῦ θρόνου καὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ, εἰ μὴν ἐκδικήσῃεν πάντα τὰ ὄρια τῆς Κιλικίας καὶ Δαμασκηνῆς καὶ Συρίας, ἀνελεῖν τῇ ρομφαίᾳ αὐτοῦ καὶ πάντας τοὺς κατοικοῦντας ἐν γῆ Μωὰβ καὶ τοὺς υἱοὺς Ἀμμῶν καὶ πᾶσαν τὴν Ἰουδαίαν καὶ πάντας τοὺς ἐν Αἰγύπτῳ ἕως τοῦ ἐλθεῖν ἐπὶ τὰ ὄρια τῶν δύο θαλασσῶν. **13** καὶ παρετάξατο ἐν τῇ δυνάμει αὐτοῦ πρὸς Ἀρφαξὰδ βασιλέα ἐν τῷ ἔτει τῷ ἑπτακαιδεκάτῳ καὶ ἐκράταιώθη ἐν τῷ πολέμῳ αὐτοῦ καὶ ἀνέστρεψε πᾶσαν τὴν δύναμιν Ἀρφαξὰδ καὶ πᾶσαν τὴν ἵππον αὐτοῦ καὶ πάντα τὰ ἄρματα αὐτοῦ **14** καὶ ἐκυρίευσε τῶν πόλεων αὐτοῦ καὶ ἀφίκετο ἕως Ἐκβατάνων καὶ ἐκράτησε τῶν πύργων καὶ ἐπρονόμεισε τὰς πλατείας αὐτῆς καὶ τὸν κόσμον αὐτῆς ἔθηκεν εἰς ὄνειδος αὐτῆς. **15** καὶ ἔλαβε τὸν Ἀρφαξὰδ ἐν τοῖς ὄρεσι Ραγαῦ καὶ κατηκόντισεν αὐτὸν ἐν ταῖς ζιβύναις αὐτοῦ καὶ ἐξωλόθρευσε αὐτὸν ἕως τῆς ἡμέρας ἐκείνης. **16** καὶ ἀνέστρεψε μετ' αὐτῶν αὐτὸς καὶ πᾶς ὁ σύμμικτος αὐτοῦ, πλήθος ἀνδρῶν πολεμιστῶν πολὺ σφόδρα· καὶ ἦν ἐκεῖ ραθυμῶν καὶ εὐωχοῦμενος αὐτὸς καὶ ἡ δύναμις αὐτοῦ ἕφ' ἡμέρας ἑκατὸν εἴκοσι.

2

1 ΚΑΙ ἐν τῷ ἔτει τῷ ὀκτωκαιδεκάτῳ, δευτέρῳ καὶ εἰκάδι τοῦ πρώτου μηνός, ἐγένετο λόγος ἐν οἴκῳ Ναβουχοδοноσορ βασιλέως Ἀσσυρίων ἐκδικήσαι πᾶσαν τὴν γῆν καθὼς ἐλάλησε. **2** καὶ συνεκάλεσε πάντας τοὺς θεράποντας αὐτοῦ καὶ πάντας τοὺς μεγιστᾶνας αὐτοῦ καὶ ἔθετο μετ' αὐτῶν τὸ μυστήριον τῆς βουλῆς αὐτοῦ καὶ συνετέλεσε πᾶσαν τὴν κακίαν τῆς γῆς ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ. **3** καὶ αὐτοὶ ἔκριναν ὀλοθρεῦσαι πᾶσαν σάρκα, οἱ οὐκ ἠκολούθησαν τῷ λόγῳ τοῦ στόματος αὐτοῦ. **4** καὶ ἐγένετο ὡς συνετέλεσε τὴν βουλήν αὐτοῦ, ἐκάλεσε Ναβουχοδοноσορ βασιλεὺς Ἀσσυρίων τὸν Ὀλοφέρην ἀρχιστράτηγον τῆς δυνάμεως αὐτοῦ, δεύτερον ὄντα μετ' αὐτόν, καὶ εἶπε πρὸς αὐτόν· **5** τάδε λέγει ὁ βασιλεὺς ὁ μέγας, ὁ κύριος πάσης τῆς γῆς· ἰδοὺ σὺ ἐξελεύσῃ ἐκ τοῦ προσώπου μου καὶ λήψῃ μετὰ σεαυτοῦ ἄνδρας πεποιθότας ἐν ἰσχύϊ αὐτῶν, πεζῶν εἰς χιλιάδας ἑκατὸν εἴκοσι καὶ πλήθος ἵππων σὺν ἀναβάταις μυριάδων δεκαδύο, **6** καὶ ἐξελεύσῃ εἰς συνάντησιν πάσῃ τῇ γῆ ἐπὶ δυσμᾶς, ὅτι ἠπείθησαν τῷ ρήματι τοῦ στόματός μου. **7** καὶ ἀπαγγελεῖς αὐτοῖς ἐτοιμάζειν γῆν καὶ ὕδωρ. ὅτι ἐξελεύσομαι ἐν θυμῷ

приготовляли землю и воду, потому что я с гневом выйду на них, покрою все лице земли их ногами войска моего и предам ему их на расхищение. **8** Доли и потоки наполнятся их ранеными, и река, запруженная трупами их, переполнится; **9** а пленных их я рассею по концам всей земли. **10** Ты же отправившись завладей для меня всеми пределами их: которые сами сдадутся тебе, тех ты сохрани до дня обличения их; **11** а непокорных да не пощадит глаз твой: предавай их смерти и разграблению по всей земле твоей. **12** Ибо жив я, — и крепко царство мое: что сказал, то сделаю моею рукою. **13** Не преступи же ни в чем слов господина твоего, но непременно исполни, как я приказал тебе, и не медли исполнением.

14 Олоферн, выйдя от лица господина своего, пригласил к себе всех сановников, полководцев и начальников войска Ассирийского, **15** отсчитал для сражения отборных мужей, как повелел ему господин его, сто двадцать тысяч, и конных стрелков двенадцать тысяч, **16** и привел их в такой порядок, каким строится войско, идущее на сражение. **17** Он взял весьма много верблюдов, ослов и мулов для обоза их, а овец, волов и коз для продовольствия их — без числа, **18** и много пищи для всех, и очень много золота и серебра из царского дома. **19** И выступил в поход со всем войском своим, чтобы предварить царя Навуходоносора и покрыть все лице земли на западе колесницами, конницею и отборною пехотою своею. **20** И с ним вышли союзники в таком множестве, как саранча и как песок земной, потому что от множества не было и счета им. **21** Пройдя путь трех дней от Ниневии до передней стороны равнины Вектелеф, они поворотили от Вектелефа, близ горы, лежащей по левую сторону верхней Киликии. **22** Оттуда, взяв все войско свое, пеших и конных и колесницы свои, он отправился в нагорную страну; **23** разбил Фудян

μου ἐπ' αὐτοὺς καὶ καλύψω πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐν τοῖς ποσὶ τῆς δυνάμεώς μου καὶ δώσω αὐτοὺς εἰς διαρπαγὴν αὐτοῖς· **8** καὶ οἱ τραυματῖαι αὐτῶν πληρώσουσι τὰς φάραγγας καὶ τοὺς χειμάρρους αὐτῶν, καὶ ποταμὸς ἐπικλύζων τοῖς νεκροῖς αὐτῶν πληρωθήσεται· **9** καὶ ἄξω τὴν αἰχμαλωσίαν αὐτῶν ἐπὶ τὰ ἄκρα πάσης τῆς γῆς. **10** σὺ δὲ ἐξελθὼν προκαταλήψη μοι πᾶν ὄριον αὐτῶν, καὶ ἐκδώσουσί σοι ἑαυτοὺς, καὶ διατηρήσεις ἐμοὶ αὐτοὺς εἰς ἡμέραν ἔλεγμου αὐτῶν· **11** ἐπὶ δὲ τοὺς ἀπειθοῦντας οὐ φείσεται ὁ ὀφθαλμὸς σου τοῦ δοῦναι αὐτοὺς εἰς φόνον καὶ ἀρπαγὴν ἐν πάσῃ τῇ γῇ σου. **12** ὅτι ζῶν ἐγὼ καὶ τὸ κράτος τῆς βασιλείας μου, λελάληκα καὶ ποιήσω ταῦτα ἐν χειρὶ μου. **13** καὶ σὺ δὲ οὐ παραβήσῃ ἐν τι τῶν ρημάτων τοῦ κυρίου σου, ἀλλ' ἐπιτελῶν ἐπιτελέσεις καθότι προστέταχά σοι, καὶ οὐ μακρυνεῖς τοῦ ποιῆσαι αὐτά. **14** καὶ ἐξῆλθεν Ὀλοφέρνης ἀπὸ προσώπου τοῦ κυρίου αὐτοῦ καὶ ἐκάλεσε πάντας τοὺς δυνάστας καὶ τοὺς στρατηγούς καὶ ἐπιστάτας τῆς δυνάμεως Ἀσσοῦρ **15** καὶ ἠρίθμησεν ἐκλεκτοὺς ἄνδρας εἰς παράταξιν, καθότι ἐκέλευσεν αὐτῷ ὁ κύριος αὐτοῦ εἰς μυριάδας δεκαδύο καὶ ἵππεις τοξότας μυρίους δισχιλίους, **16** καὶ διέταξεν αὐτοὺς ὄν τρόπον πολέμου πλήθος συντάσσεται. **17** καὶ ἔλαβε καμήλους καὶ ὄνους καὶ ἡμιόνους εἰς τὴν ἀπαρτίαν αὐτῶν, πλήθος πολὺ σφόδρα, καὶ πρόβατα καὶ βόας καὶ αἴγας εἰς τὴν παρασκευὴν αὐτῶν, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς, **18** καὶ ἐπισιτισμὸν παντὶ ἀνδρὶ εἰς πλήθος καὶ χρυσίον καὶ ἀργύριον ἐξ οἴκου βασιλέως πολὺ σφόδρα. **19** καὶ ἐξῆλθεν αὐτὸς καὶ πᾶσα ἡ δύναμις αὐτοῦ εἰς πορείαν τοῦ προελθεῖν βασιλέως Ναβουχοδονόσορ καὶ καλύψαι πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς πρὸς δυσμαῖς ἐν ἄρμασι καὶ ἵππεῦσι καὶ πεζοῖς ἐπιλέκτοις αὐτῶν. **20** καὶ πολὺς ὁ ἐπίμικτος ὡς ἀκρίς συνεξῆλθον αὐτοῖς καὶ ὡς ἡ ἄμμος τῆς γῆς· οὐ γὰρ ἦν ἀριθμὸς ἀπὸ πλήθους αὐτῶν. **21** καὶ ἀπῆλθον ἐκ Νινευῆ ὁδὸν τριῶν ἡμερῶν ἐπὶ πρόσωπον τοῦ πεδίου Βεκτιλῆθ καὶ ἐστρατοπέδευσαν ἀπὸ Βεκτιλῆθ πλησίον τοῦ ὄρους τοῦ ἐπ' ἀριστερᾷ τῆς ἄνω Κιλικίας. **22** καὶ ἔλαβε πᾶσαν τὴν δύναμιν αὐτοῦ, τοὺς πεζοὺς καὶ τοὺς ἵππεις καὶ τὰ ἄρματα αὐτοῦ, καὶ ἀπῆλθεν ἐκεῖθεν εἰς τὴν ὄρεινήν. **23** καὶ διέκοψε τὸ Φοῦδ καὶ Λοῦδ καὶ ἐπρονόμεισαν πάντας υἱοὺς Ρασσίς καὶ υἱοὺς

и Лудян и разграбил всех сынов Рассиса и сынов Исмаила, живших в пустыне на юг к земле Хеллеонской. **24** Потом, переправившись чрез Евфрат, он прошел Месопотамию и разрушил все высокие города при потоке Авроне до входа в море. **25** Заняв пределы Киликии, он избил всех, противопоставших ему, и, пройдя до пределов Иафета, лежащих к югу на передней стороне Аравии, **26** обошел кругом всех сынов Мадиама, выжег жилища их и разграбил стада их. **27** Потом спустился на равнину Дамаска, во время жатвы пшеницы, выжег все нивы их, отдал на истребление стада овец и волов, разграбил города их, опустошил их поля и избил всех юношей их острием меча. **28** Страх и ужас напал на жителей приморской страны, обитавших в Сидоне и Тире, на жителей Сура и Окины и на всех жителей Иемнаана, — и все обитатели Азота и Аскалона сильно испугались его.

3 И послали к нему вестников с таким мирным предложением: **2** вот мы, рабы великого царя Навуходоносора, повергаемся перед тобою: делай с нами, что тебе угодно. **3** Вот перед тобою: и селения наши, и все места наши, и все нивы с пшеницею, и стада овец и волов, и все строения наших жилищ: употребляй их, как пожелаешь. **4** Вот и города наши и обитающие в них — рабы твои: иди и поступай с ними, как будет глазам твоим угодно.

5 И пришли к Олоферну мужи и передали ему эти слова. **6** Тогда он пришел в приморскую страну с войском своим, окружил высокие города стражею и взял из них отборных мужей в соратники себе. **7** А они и вся окрестность их приняли его с венками, ликами и тимпанами. **8** Он же разорил все высоты их и вырубил рощи их: ему приказано было истребить всех богов той земли, чтобы все народы служили одному Навуходоносору, и все языки и все племена их призывали его, как Бога. **9** Придя к Ездрилому

Ἴσμαῖλ τοὺς κατὰ πρόσωπον τῆς ἐρήμου πρὸς νότον τῆς Χελεών. 24 καὶ παρῆλθε τὸν Εὐφράτην καὶ διῆλθε τὴν Μεσοποταμίαν καὶ διέσκαψε πάσας τὰς πόλεις τὰς ὑψηλὰς τὰς ἐπὶ τοῦ χειμάρρου Ἰβρωνᾶ ἕως τοῦ ἔλθειν ἐπὶ θάλασσαν. 25 καὶ κατελάβετο τὰ ὄρια τῆς Κιλικίας καὶ κατέκοψε πάντας τοὺς ἀντιστάντας αὐτῷ καὶ ἦλθεν ἕως ὀρίων Ἰάφεθ τὰ πρὸς νότον κατὰ πρόσωπον τῆς Ἀραβίας. 26 καὶ ἐκύκλωσε πάντας τοὺς υἱοὺς Μαδιάμ καὶ ἐνέπρησε τὰ σκηνώματα αὐτῶν καὶ ἐπρονόμεισε τὰς μάνδρας αὐτῶν. 27 καὶ κατέβη εἰς πεδίον Δαμασκοῦ ἐν ἡμέραις θερισμοῦ πυρῶν καὶ ἐνέπρησε πάντας τοὺς ἀγροὺς αὐτῶν καὶ τὰ ποιμνία καὶ τὰ βουκόλια ἔδωκεν εἰς ἀφανισμόν καὶ τὰς πόλεις αὐτῶν ἐσκύλευσε καὶ τὰ παιδιά αὐτῶν ἐξελίκευσε καὶ ἐπάταξε πάντας τοὺς νεανίσκους αὐτῶν ἐν στόματι ρομφαίας. 28 καὶ ἐπέπεσεν ὁ φόβος καὶ ὁ τρόμος αὐτοῦ ἐπὶ τοὺς κατοικοῦντας τὴν παραλίαν, τοὺς ὄντας ἐν Σιδῶνι καὶ Τύρῳ καὶ τοὺς κατοικοῦντας Σοῦρ καὶ Ὀκινά, καὶ πάντας τοὺς κατοικοῦντας Ἰεμναάν, καὶ οἱ κατοικοῦντες ἐν Ἀζώτῳ καὶ Ἀσκάλωνι ἐφοβήθησαν αὐτὸν σφόδρα.

3
1 ΚΑΙ ἀπέστειλαν πρὸς αὐτὸν ἀγγέλους λόγοις εἰρηνικοῖς λέγοντες· 2 ἰδοὺ ἡμεῖς οἱ παῖδες Ναβουχοδονόσορ βασιλέως μεγάλου παρακείμεθα ἐνώπιόν σου, χρῆσαι ἡμῖν καθὼς ἀρεστόν ἐστι τῷ προσώπῳ σου· 3 ἰδοὺ αἱ ἐπαύλεις ἡμῶν καὶ πᾶν πεδίον πυρῶν καὶ τὰ ποιμνία καὶ τὰ βουκόλια καὶ πᾶσαι αἱ μάνδραι τῶν σκηνῶν ἡμῶν παράκεινται πρὸ προσώπου σου, χρῆσαι καθ' ὃν ἂν ἀρέσκη σοι. 4 ἰδοὺ καὶ αἱ πόλεις ἡμῶν καὶ οἱ κατοικοῦντες ἐν αὐταῖς δοῦλοί σου εἰσιν· ἐλθὼν ἀπάντησον αὐταῖς ὡς ἔστιν ἀγαθὸν ἐν ὀφθαλμοῖς σου. 5 καὶ παρεγένοντο οἱ ἄνδρες πρὸς Ὀλοφέρνην καὶ ἀπήγγειλαν αὐτῷ κατὰ τὰ ρήματα ταῦτα. 6 καὶ κατέβη ἐπὶ τὴν παραλίαν αὐτὸς καὶ ἡ δύναμις αὐτοῦ καὶ ἐφρούρησε τὰς πόλεις τὰς ὑψηλὰς καὶ ἔλαβεν ἐξ αὐτῶν εἰς συμμαχίαν ἄνδρας ἐπιλέκτους· 7 καὶ ἐδέξαντο αὐτὸν αὐτοὶ καὶ πᾶσα ἡ περίχωρος αὐτῶν μετὰ στεφάνων καὶ χορῶν καὶ τυμπάνων. 8 καὶ κατέσκαψε πάντα τὰ ὄρια αὐτῶν καὶ τὰ ἄλση αὐτῶν ἐξέκοψε, καὶ ἦν δεδομένον αὐτῷ ἐξολοθρεῦσαι πάντας τοὺς θεοὺς τῆς γῆς, ὅπως αὐτῷ μόνῳ τῷ Ναβουχοδονόσορ λατρεύσωσι πάντα τὰ ἔθνη, καὶ πᾶσαι αἱ γλῶσσαι καὶ πᾶσαι αἱ φυλαὶ αὐτῶν ἐπικαλέσωνται αὐτὸν εἰς θεόν. 9 καὶ ἦλθε κατὰ πρόσωπον Ἐσδρηλῶν πλησίον τῆς Δωταίας, ἣ ἐστὶν ἀπέναντι τοῦ πρίονος τοῦ μεγάλου τῆς Ἰουδαίας, 10

близ Дотеи, лежащей против великой теснины Иудейской, **10** он расположился лагерьм между Гаваем и городом Скифов и оставался там целый месяц, чтобы собрать весь обоз своего войска.

4 Сыны Израиля, жившие в Иудее, услышав обо всем, что сделал с народами Олоферн, военачальник Ассирийского царя Навуходоносора, и как разграбил он все святилища их и отдал их на уничтожение, **2** очень, очень испугались его и трепетали за Иерусалим и храм Господа Бога своего; **3** потому что недавно возвратились они из плена, недавно весь народ Иудейский собрался, и освящены от осквернения сосуды, жертвенник и дом *Господень*. **4** Они послали во все пределы Самарии и Конии, и Ветерона и Вельмена, и Иерихона, и в Хову и Эсору, и в равнину Салимскую, **5** заняли все вершины высоких гор, оградили стенами находящиеся на них селения и отложили запасы хлеба на случай войны, так как нивы их недавно были сжаты, **6** а великий священник Иоаким, бывший в те дни в Иерусалиме, написал жителям Ветилуи и Ветомесфема, лежащего против Ездрилона, на передней стороне равнины, близкой к Дофайму, **7** чтобы они заняли восходы в нагорную страну, потому что чрез них был вход в Иудею, и легко было им воспрепятствовать приходящим, так как тесен был проход даже для двух человек.

8 Сыны Израиля поступили так, как велел им великий священник Иоаким и старейшины всего народа Израильского, пребывавшие в Иерусалиме. **9** И с великим усердием возопили к Богу все мужи Израиля и смирили души свои с великим усердием: **10** они и жены их, и дети их, и скот их; и всякий пришлец, и наемник, и купленный за серебро наложили вретиса на чресла свои. **11** И всякий муж Израильский и *всякая* жена, и дети, и жители Иерусалима пали пред храмом, посыпали пеплом свои го-

καὶ κατεστρατοπέδευσεν ἀνὰ μέσον Γαβαὶ καὶ Σκυθῶν πόλεως, καὶ ἦν ἐκεῖ μῆνα ἡμερῶν εἰς τὸ συλλέξει πᾶσαν τὴν ἀπαρτίαν τῆς δυνάμεως αὐτοῦ.

4

1

ΚΑΙ ἤκουσαν οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ οἱ κατοικοῦντες ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ πάντα, ὅσα ἐποίησεν Ὀλοφέρνης τοῖς ἔθνεσιν, ὁ ἀρχιστράτηγος Ναβουχοδονόσορ βασιλέως Ἀσσυρίων, καὶ ὄν τρόπον ἐσκύλευσε πάντα τὰ ἱερὰ αὐτῶν καὶ ἔδωκεν αὐτὰ εἰς ἀφανισμόν, 2 καὶ ἐφοβήθησαν σφόδρα σφόδρα ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ καὶ περὶ Ἱερουσαλήμ καὶ τοῦ ναοῦ Κυρίου Θεοῦ αὐτῶν ἐταράχθησαν. 3 ὅτι προσφάτως ἦσαν ἀναβεβηκότες ἐκ τῆς αἰχμαλωσίας, καὶ νεωστὶ πᾶς ὁ λαὸς συνελέετο τῆς Ἰουδαίας, καὶ τὰ σκεύη καὶ τὸ θυσιαστήριον καὶ ὁ οἶκος ἐκ τῆς βεβηλώσεως ἡγιασμένα ἦν. 4 καὶ ἀπέστειλαν εἰς πᾶν ὄριον Σαμαρείας καὶ Κωνὰ καὶ Βαιθωρῶν καὶ Βελμαῖν καὶ Ἱεριχώ καὶ εἰς Χωβὰ καὶ Αἰσωρὰ καὶ τὸν αὐλώνα Σαλήμ 5 καὶ προκατελάβοντο πάσας τὰς κορυφὰς τῶν ὀρέων τῶν ὑψηλῶν καὶ ἐτειχίσαντο τὰς ἐν αὐτοῖς κώμας καὶ παρέθεντο εἰς ἐπισιτισμὸν εἰς παρασκευὴν πολέμου, ὅτι προσφάτως ἦν τὰ πεδία αὐτῶν τεθερισμένα. 6 καὶ ἔγραψεν Ἰωακὶμ ὁ ἱερεὺς ὁ μέγας, ὃς ἦν ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις ἐν Ἱερουσαλήμ, τοῖς κατοικοῦσι Βαιτυλοῦα καὶ Βαιτομεσθαίμ, ἣ ἐστὶν ἀπέναντι Ἐσδρηλῶν κατὰ πρόσωπον τοῦ πεδίου τοῦ πλησίον Δωθαῖμ, 7 λέγων διακατασχεῖν τὰς ἀναβάσεις τῆς ὀρεινῆς, ὅτι δι' αὐτῶν ἦν ἡ εἴσοδος εἰς τὴν Ἰουδαίαν, καὶ ἦν εὐχερῶς διακωλύσαι αὐτοὺς προσβαίνοντας, στενῆς τῆς προσβάσεως οὔσης ἐπ' ἄνδρας τοὺς πάντας δύο. 8 καὶ ἐποίησαν οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ καθὰ συνέταξεν αὐτοῖς Ἰωακὶμ ὁ ἱερεὺς ὁ μέγας καὶ ἡ γερουσία παντὸς δήμου Ἰσραὴλ, οἱ ἐκάθηοντο ἐν Ἱερουσαλήμ. 9 καὶ ἀνεβόησαν πᾶς ἀνὴρ Ἰσραὴλ πρὸς τὸν Θεὸν ἐν ἔκτενιά μεγάλῃ καὶ ἐταπεινοῦσαν τὰς ψυχὰς αὐτῶν ἐν ἔκτενιά μεγάλῃ. 10 αὐτοὶ καὶ αἱ γυναῖκες αὐτῶν καὶ τὰ νήπια αὐτῶν καὶ τὰ κτήνη αὐτῶν καὶ πᾶς πάροικος ἢ μισθωτὸς καὶ ἀργυρώνητος αὐτῶν ἐπέθεντο σάκκους ἐπὶ τὰς ὀσφύας αὐτῶν. 11 καὶ πᾶς ἀνὴρ Ἰσραὴλ καὶ γυνὴ καὶ τὰ παιδιά καὶ οἱ κατοικοῦντες ἐν Ἱερουσαλήμ ἔπεσον κατὰ πρόσωπον τοῦ ναοῦ καὶ ἐσποδώσαντο τὰς

ловы, разостлали пред Господом свои вретича, **12** облекли жертвенник во вретиче и прилежно и единодушно взывали к Богу Израилеву, чтобы Он, на радость язычникам, не предал детей их на расхищение, жен их в добычу, городов наследия их на разорение, святынь их на осквернение и поругание. **13** И Господь услышал голос их и призрел на скорбь их; и во всей Иудее и Иерусалиме народ много дней постился пред святыищем Господа Вседержителя. **14** А Иоаким, великий священник, и все предстоящие пред Господом священники, служители Его, препоясав вретичем чресла свои, приносили непрестанные всеожжения, обеты и добротные дары народа. **15** На кидарах их был пепел, и они от всей силы взывали к Господу, чтобы Он посетил милостью весь дом Израиля.

5 Между тем Олоферну, военачальнику войска Ассирийского, дано было знать, что сыны Израиля приготовились к войне: заложили входы в нагорную страну и укрепили стенами всякую вершину высокой горы, а на равнинах устроили преграды. **2** Он весьма разгневался и, призвав всех начальников Моава и вождей Аммона и всех правителей приморской страны, сказал им: **3** скажите мне, сыны Ханаана, что это за народ, живущий в нагорной стране, какие обитаемые ими города, много ли у них войска, в чем их крепость и сила, кто поставлен над ними царем, предводителем войска их, **4** и почему они больше всех, живущих на западе, упорствуют выйти мне навстречу? **5** Ахиор, предводитель всех сынов Аммона, сказал ему: выслушай, господин мой, слово из уст раба твоего; я скажу тебе истину об этом народе, живущем близ тебя в этой нагорной стране, и не выйдет лжи из уст раба твоего. **6** Этот народ происходит от Халдеев. **7** Прежде они поселились в Месопотамии, потому что не хотели служить богам отцов своих, которые были в земле Халдей-

кеφαλὰς αὐτῶν καὶ ἐξέτειναν τοὺς σάκκους αὐτῶν κατὰ πρόσωπον Κυρίου· **12** καὶ τὸ θυσιαστήριον σάκκῳ περιέβαλον καὶ ἐβόησαν πρὸς τὸν Θεὸν Ἰσραὴλ ὁμοθυμαδὸν ἐκτενῶς τοῦ μὴ δοῦναι εἰς διαρπαγὴν τὰ νήπια αὐτῶν καὶ τὰς γυναῖκας εἰς προνομίην καὶ τὰς πόλεις τῆς κληρονομίας αὐτῶν εἰς ἀφανισμόν καὶ τὰ ἅγια εἰς βεβήλωσιν καὶ ὄνειδισμόν, ἐπίχαρμα τοῖς ἔθνεσι. **13** καὶ εἰσήκουσε Κύριος τῆς φωνῆς αὐτῶν καὶ εἰσεῖδε τὴν θλίψιν αὐτῶν· καὶ ἦν ὁ λαὸς νηστεύων ἡμέρας πλείους ἐν πάσῃ τῇ Ἰουδαίᾳ καὶ Ἱερουσαλὴμ κατὰ πρόσωπον τῶν ἁγίων Κυρίου παντοκράτορος. **14** καὶ Ἰωακὴμ ὁ ἱερεὺς ὁ μέγας καὶ πάντες οἱ παρεστηκότες ἐνώπιον Κυρίου, ἱερεῖς καὶ οἱ λειτουργοῦντες Κυρίῳ, σάκκους περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας αὐτῶν προσέφερον τὴν ὀλοκαύτωσιν τοῦ ἐνδελεχισμοῦ καὶ τὰς εὐχὰς καὶ τὰ ἐκούσια δόματα τοῦ λαοῦ, **15** καὶ ἦν σποδὸς ἐπὶ τὰς κιδάρεις αὐτῶν. καὶ ἐβόων πρὸς Κύριον ἐκ πάσης δυνάμεως εἰς ἀγαθὸν ἐπισκέψασθαι πάντα οἶκον Ἰσραὴλ.

5

1 ΚΑΙ ἀνηγγέλη Ἰολοφέρνῃ ἀρχιστρατήγῳ δυνάμεως Ἀσσοῦρ διότι οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ παρεσκευάσαντο εἰς πόλεμον καὶ τὰς διόδους τῆς ὀρεινῆς συνέκλεισαν καὶ ἐτείχισαν πᾶσαν κορυφὴν ὄρους ὑψηλοῦ καὶ ἔθηκαν ἐν τοῖς πεδίοις σκάνδαλα. **2** καὶ ὠργίσθη θυμῷ σφόδρα καὶ ἐκάλεσε πάντας τοὺς ἄρχοντας Μωάβ καὶ τοὺς στρατηγοὺς Ἀμμὼν καὶ πάντας σατράπας τῆς παραλίας **3** καὶ εἶπεν αὐτοῖς· ἀναγγεῖλατε δὴ μοι, υἱοὶ Χαναάν, τίς ὁ λαὸς οὗτος ὁ καθήμενος ἐν τῇ ὀρεινῇ, καὶ τίνες ἄς κατοικοῦσι πόλεις, καὶ τὸ πλῆθος τῆς δυνάμεως αὐτῶν, καὶ ἐν τίνι τὸ κράτος αὐτῶν, καὶ ἡ ἰσχὺς αὐτῶν, καὶ τίς ἀνέστηκεν ἐπ' αὐτῶν βασιλεὺς ἡγούμενος στρατιᾶς αὐτῶν, **4** καὶ διατι κατενωτίσαντο τοῦ μὴ ἐλθεῖν εἰς ἀπάντησίν μοι παρὰ πάντας τοὺς κατοικοῦντας ἐν δυσμαῖς; **5** καὶ εἶπε πρὸς αὐτὸν Ἰαχίωρ ὁ ἡγούμενος πάντων υἱῶν Ἀμμὼν· ἀκουσάτω δὴ ὁ κύριός μου λόγον ἐκ στόματος τοῦ δούλου σου, καὶ ἀναγγελῶ σοι τὴν ἀλήθειαν περὶ τοῦ λαοῦ, ὃς κατοικεῖ τὴν ὀρεινὴν ταύτην, πλησίον σου οἰκοῦντος, καὶ οὐκ ἐξελεύσεται ψεῦδος ἐκ τοῦ στόματος τοῦ δούλου σου. **6** ὁ λαὸς οὗτός εἰσιν ἀπόγονοι Χалδαίων, **7** καὶ παρῴκησαν τὸ πρότερον ἐν τῇ Μεσοποταμίᾳ, ὅτι οὐκ ἐβουλήθησαν ἀκολουθῆσαι τοῖς θεοῖς τῶν πατέρων αὐτῶν, οἱ

ской, **8** и уклонились от пути предков своих и начали поклоняться Богу неба, Богу, Которого они познали; и *Халдеи* выгнали их от лица богов своих, — и они бежали в Месопотамию и долго там обитали. **9** Но Бог их сказал, чтобы они вышли из места переселения и шли в землю Ханаанскую; они поселились там и весьма обогатились золотом, серебром и множеством скота. **10** *Отсюда* перешли они в Египет, так как голод накрыл лице земли Ханаанской, и там оставались, пока находили пропитание, и умножились там до того, что не было и числа роду их. **11** И восстал на них царь Египетский, употребил против них хитрость, обременяя их трудом и деланьем кирпича, и сделал их рабами. **12** Тогда они воззвали к Богу своему, — и Он поразил всю землю Египетскую неисцельными язвами, — и Египтяне прогнали их от себя. **13** Бог иссушил перед ними Чермное море **14** и вел их путем Сины и Кадис-Варни; они выгнали всех обитавших в этой пустыне; **15** поселились в земле Аморея, своею силою истребили всех Есевонитян, перешли Иордан, наследовали всю нагорную страну **16** и, прогнав от себя Хананея, Ферезея, Иевусея, Сихема и всех Гергесеян, жили в ней много дней. **17** И доколе не согрешили пред Богом своим, счастье было с ними, потому что с ними Бог, ненавидящий неправду. **18** Но когда уклонились от пути, который Он завещал им, то во многих войнах они потерпели весьма сильные поражения, отведены в плен, в чужую землю, храм Бога их разрушен, и города их взяты неприятелями. **19** Ныне же, обратившись к Богу своему, они возвратились из рассеяния, в котором были, овладели Иерусалимом, в котором святилище их, и поселились в нагорной стране, так как она была пуста. **20** И теперь, повелитель-господин, если есть заблуждение в этом народе, и они грешат пред Богом своим, и мы заметим, что в них есть это преткновение, то мы пойдем

ἐγένοντο ἐν γῇ Χαλδαίων· **8** καὶ ἐξέβησαν ἐξ ὁδοῦ τῶν γονέων αὐτῶν καὶ προσεκύνησαν τῷ Θεῷ τοῦ οὐρανοῦ, Θεῷ ᾧ ἐπέγνωσαν, καὶ ἐξέβαλον αὐτοὺς ἀπὸ προσώπου τῶν θεῶν αὐτῶν, καὶ ἔφυγον εἰς Μεσοποταμίαν καὶ παρώκησαν ἐκεῖ ἡμέρας πολλὰς. **9** καὶ εἶπεν ὁ Θεὸς αὐτῶν ἐξελθεῖν ἐκ τῆς παροικίας αὐτῶν καὶ πορευθῆναι εἰς γῆν Χαναάν, καὶ κατώκησαν ἐκεῖ καὶ ἐπληθύνθησαν χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ καὶ ἐν κτήνεσι πολλοῖς σφόδρα. **10** καὶ κατέβησαν εἰς Αἴγυπτον, ἐκάλυψε γὰρ τὸ πρόσωπον τῆς γῆς Χαναάν λιμός, καὶ παρώκησαν ἐκεῖ μέχρις οὗ διετράφησαν· καὶ ἐγένοντο ἐκεῖ εἰς πλῆθος πολὺ, καὶ οὐκ ἦν ἀριθμὸς τοῦ γένους αὐτῶν. **11** καὶ ἐπανεστῆ αὐτοῖς ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου καὶ κατεσοφίσαντο αὐτοὺς ἐν πόνῳ καὶ ἐν πλίνθῳ, καὶ ἐταπείνωσαν αὐτοὺς καὶ ἔθεντο αὐτοὺς εἰς δούλους· **12** καὶ ἀνεβόησαν πρὸς τὸν Θεὸν αὐτῶν, καὶ ἐπάταξε πᾶσαν τὴν γῆν Αἰγύπτου πληγαῖς, ἐν αἷς οὐκ ἦν ἴασις· καὶ ἐξέβαλον αὐτοὺς οἱ Αἰγύπτιοι ἀπὸ προσώπου αὐτῶν. **13** καὶ κατεξήρανεν ὁ Θεὸς τὴν ἐρυθρὰν θάλασσαν ἔμπροσθεν αὐτῶν **14** καὶ ἤγαγεν αὐτοὺς εἰς ὁδὸν τοῦ Σινὰ καὶ Κάδης Βαρνή· καὶ ἐξέβαλον πάντας τοὺς κατοικοῦντας ἐν τῇ ἐρήμῳ **15** καὶ ᾤκησαν ἐν γῇ Ἀμορραίων καὶ πάντας τοὺς Ἑσεβωνίτας ἐξωλόθρευσαν ἐν τῇ ἰσχύϊ αὐτῶν. καὶ διαβάντες τὸν Ἰορδάνην ἐκληρονόμησαν πᾶσαν τὴν ὄρεινὴν **16** καὶ ἐξέβαλον ἐκ προσώπου αὐτῶν τὸν Χανααῖον καὶ τὸν Φερεζαῖον καὶ τὸν Ἰεβουσαῖον καὶ τὸν Συχέμ καὶ πάντας τοὺς Γεργεσαίους καὶ κατώκησαν ἐν αὐτῇ ἡμέρας πολλὰς. **17** καὶ ἕως οὐχ ἡμαρτον ἐνώπιον τοῦ Θεοῦ αὐτῶν, ἦν τὰ ἀγαθὰ μετ' αὐτῶν, ὅτι Θεὸς μισῶν ἀδικίαν μετ' αὐτῶν ἐστίν. **18** ὅτε δὲ ἀπέστησαν ἀπὸ τῆς ὁδοῦ, ἧς διέθετο αὐτοῖς, ἐξωλοθρεύθησαν ἐν πολλοῖς πολέμοις ἐπὶ πολὺ σφόδρα καὶ ἠχμαλωτεύθησαν εἰς γῆν οὐκ ἰδίαν, καὶ ὁ ναὸς τοῦ Θεοῦ αὐτῶν ἐγενήθη εἰς ἔδαφος, καὶ οἱ πόλεις αὐτῶν ἐκρατήθησαν ὑπὸ τῶν ὑπεναντίων. **19** καὶ νῦν ἐπιστρέψαντες ἐπὶ τὸν Θεὸν αὐτῶν ἀνέβησαν ἐκ τῆς διασποράς, οὗ διεσπάρησαν ἐκεῖ, καὶ κατέσχον τὴν Ἱερουσαλήμ, οὗ τὸ ἀγίασμα αὐτῶν, καὶ κατωκίσθησαν ἐν τῇ ὄρεινῃ, ὅτι ἦν ἔρημος. **20** καὶ νῦν, δέσποτα κύριε, εἰ μὲν ἐστὶν ἀγνόημα ἐν τῷ λαῷ τούτῳ καὶ ἁμαρτάνουσιν εἰς τὸν Θεὸν αὐτῶν καὶ ἐπισκεψόμεθα ὅτι ἐστὶν ἐν αὐτοῖς σκάνδαλον τοῦτο,

и победим их. **21** А если нет в этом народе беззакония, то пусть удалится господин мой, чтобы Господь не защитил их, и Бог их *не был* за них, — и тогда мы для всей земли будем предметом поношения.

22 Когда Ахиор окончил эту речь, весь народ, стоявший вокруг шатра, возроптал, а вельможи Олоферна и все, населявшие приморье и землю Моава, заговорили: тотчас надобно убить его; **23** потому что мы не боимся сынов Израиля: это — народ, у которого нет ни войска, ни силы для крепкого ополчения. **24** Итак, пойдём, повелитель Олоферн, — и они сделаются добычею всего войска твоего.

6 Когда утих шум вокруг собрания, Олоферн, военачальник войска Ассирийского, сказал Ахиору пред всем народом иноплеменных и всем сынам Моава: **2** кто ты такой, Ахиор, с наемниками Ефрема, что напророчил нам сегодня и сказал, чтобы мы не воевали с родом Израильским, потому что Бог их защищает? Кто же Бог, как не Навуходоносор? Он пошлет свою силу и сотрет их с лица земли, — и Бог их не избавит их. **3** Но мы, рабы его, поразим их, как одного человека, и не устоять им против силы наших коней. **4** Мы растопчем их; горы их упыются их кровью, равнины их наполнятся их трупами, и не станет стопа ног их против нашего лица, но гибелью погибнут они, говорит царь Навуходоносор, господин всей земли. Ибо он сказал, — и не напрасны будут слова повелений его. **5** А ты, Ахиор, наемник Аммона, высказавший слова эти в день неправды твоей, от сего дня не увидишь больше лица моего, доколе я не отомщу этому народу, *пришедшему* из Египта. **6** Когда же я возвращусь, меч войска моего и толпа слуг моих пройдет по ребрам твоим, — и ты падешь между ранеными их. **7** Рабы мои отведут тебя в нагорную страну и оставят в одном из городов на высотах, **8** и ты не умрешь там, доколе не бу-

каὶ ἀναβησόμεθα καὶ ἐκπολεμήσομεν αὐτούς. **21** εἰ δὲ οὐκ ἔστιν ἀνομία ἐν τῷ ἔθνει αὐτῶν, παρελθέτω δὴ ὁ κύριός μου, μήποτε ὑπερασπίσῃ ὁ Κύριος αὐτῶν καὶ ὁ Θεὸς αὐτῶν ὑπὲρ αὐτῶν, καὶ ἐσόμεθα εἰς ὄνειδισμόν ἐναντίον πάσης τῆς γῆς. **22** καὶ ἐγένετο ὡς ἐπαύσατο Ἄχιωρ λαλῶν τοὺς λόγους τούτους, καὶ ἐγόγγυσε πᾶς ὁ λαὸς ὁ κυκλῶν τὴν σκηνὴν καὶ περιεστῶς, καὶ εἶπαν οἱ μεγιστᾶνες Ὀλοφέρνου καὶ πάντες οἱ κατοικοῦντες τὴν παραλίαν καὶ τὴν Μωάβ συγκόψαι αὐτόν. **23** οὐ γὰρ φοβηθησόμεθα ἀπὸ υἱῶν Ἰσραὴλ· ἰδοὺ γὰρ λαός, ἐν ᾧ οὐκ ἔστι δύναμις οὐδὲ κράτος εἰς παράταξιν ἰσχυράν. **24** διὸ δὴ ἀναβησόμεθα, καὶ ἔσονται εἰς κατάβρωμα πάσης τῆς στρατιᾶς σου, δέσποτα Ὀλοφέρνη.

6

1 ΚΑΙ ὡς κατέπαυσεν ὁ θόρυβος τῶν ἀνδρῶν τῶν κύκλῳ τῆς συνεδρίας, καὶ εἶπεν Ὀλοφέρνης ὁ ἀρχιστράτηγος δυνάμειος Ἀσσοῦρ πρὸς Ἀχιῶρ ἐναντίον παντὸς τοῦ δήμου ἀλλοφύλων καὶ πρὸς πάντας υἰοὺς Μωάβ. **2** καὶ τίς εἶ σύ, Ἀχιῶρ καὶ οἱ μισθωτοὶ τοῦ Ἐφραΐμ, ὅτι ἐπροφήτευσας ἐν ἡμῖν καθὼς σήμερον καὶ εἶπας τὸ γένος Ἰσραὴλ μὴ πολεμῆσαι, ὅτι ὁ Θεὸς αὐτῶν ὑπερασπιεῖ αὐτῶν; καὶ τίς ὁ Θεὸς εἰ μὴ Ναβουχοδονόσορ; οὗτος ἀποστελεῖ τὸ κράτος αὐτοῦ καὶ ἐξολοθρεύσει αὐτοὺς ἀπὸ προσώπου τῆς γῆς, καὶ οὐ ρύσεται αὐτοὺς ὁ Θεὸς αὐτῶν. **3** ἀλλ' ἡμεῖς οἱ δοῦλοι αὐτοῦ πατάξομεν αὐτοὺς ὡς ἄνθρωπον ἓνα, καὶ οὐχ ὑποστήσονται τὸ κράτος τῶν ἵππων ἡμῶν. **4** κατακαύσομεν γὰρ αὐτοὺς ἐν αὐτοῖς, καὶ τὰ ὄρη αὐτῶν μεθυσθήσεται ἐν τῷ αἵματι αὐτῶν, καὶ τὰ πεδία αὐτῶν πληρωθήσεται νεκρῶν αὐτῶν, καὶ οὐκ ἀντιστήσεται τὸ ἔχνος τῶν ποδῶν αὐτῶν κατὰ πρόσωπον ἡμῶν, ἀλλὰ ἀπωλεία ἀπολοῦνται, λέγει ὁ βασιλεὺς Ναβουχοδονόσορ ὁ κύριος πάσης τῆς γῆς· εἶπε γάρ, οὐ ματαιωθήσεται τὰ ρήματα τῶν λόγων αὐτοῦ. **5** σὺ δὲ Ἀχιῶρ μισθωτὲ τοῦ Ἀμμών, ὃς ἐλάλησας τοὺς λόγους τούτους ἐν ἡμέρᾳ ἀδικίας σου, οὐκ ὄψει ἔτι τὸ πρόσωπόν μου ἀπὸ τῆς ἡμέρας ταύτης, ἕως οὗ ἐκδικήσω τὸ γένος τῶν ἐξ Αἰγύπτου. **6** καὶ τότε διελεύσεται ὁ σίδηρος τῆς στρατιᾶς μου καὶ ὁ λαὸς τῶν θεραπόντων μου τὰς πλευράς σου, καὶ πεσῇ ἐν τοῖς τραυματίαις αὐτῶν, ὅταν ἐπιστρέψω. **7** καὶ ἀποκαταστήσουσί σε οἱ δοῦλοί μου εἰς τὴν ὄρεινὴν καὶ θήσουσί σε ἐν μιᾷ τῶν πόλεων τῶν ἀναβάσεων, **8** καὶ οὐκ ἀπολῇ ἕως οὗ ἐξολοθρευθῆς μετ' αὐτῶν. **9** καὶ εἴπερ ἐλπίζεις τῇ καρδίᾳ σου ὅτι οὐ ληφθήσονται, μὴ συμπεσέτω σου

дешь с ними истреблен. **9** Если же ты надеешься в сердце твоём, что они не будут взяты, то да не спадает лице твоё. Я сказал, и ни одно из слов моих не пропадет. **10** И приказал Олоферн рабам своим, предстоявшим в шатре его, взять Ахиора, отвести его в Ветилую и предать в руки сынов Израиля. **11** Рабы его схватили и вывели его за стан на поле, а со среды равнины поднялись в нагорную страну и пришли к источникам, бывшим под Ветилуею. **12** Когда увидели их жители города на вершине горы, то взяли за оружия свои и, выйдя за город на вершину горы, все мужи-пращники охраняли восход свой и бросали в них камнями. **13** А они, подойдя под гору, связали Ахиора и, оставив его брошенным при подошве горы, ушли к своему господину. **14** Сыны же Израиля, вышедшие из своего города, остановились над ним и, развязав его, привели в Ветилую, и представили его начальникам своего города, **15** которыми были в те дни Озия, сын Михи из колена Симеонова, Хаврий, сын Гофониила, и Хармий, сын Мелхиила. **16** Они созвали всех старейшин города, и сбежались в собрание все юноши их и жены, и поставили Ахиора среди всего народа своего, и Озия спросил его о случившемся. **17** Он в ответ пересказал им слова собрания Олофернова и все слова, которые он высказал среди начальников сынов Асура, и все высокомерные речи Олоферна о доме Израиля. **18** Тогда народ пал, поклонился Богу и воззвал: **19** Господи, Боже Небесный! воззри на их гордыню и помилуй смирение рода нашего, и призри на лице освященных Тебе в этот день. **20** И утешили Ахиора и расхвалили его. **21** Потом Озия взял его из собрания в свой дом и сделал пир для старейшин, — и целую ночь ту они призывали Бога Израилева на помощь.

7 На другой день Олоферн приказал всему войску своему и всему народу своему, пришедшему к нему на помощь, подступить

τὸ πρόσωπον· ἐλάλησα, καὶ οὐδὲν διαπεσεῖται τῶν ρημάτων μου. **10** καὶ προσέταξεν Ὀλοφέρνης τοῖς δούλοις αὐτοῦ, οἳ ἦσαν παρεστηκότες ἐν τῇ σκηνῇ αὐτοῦ, συλλαβεῖν τὸν Ἀχιὼρ καὶ ἀποκαταστήσαι αὐτὸν εἰς Βαιτυλοῦα καὶ παραδοῦναι εἰς χεῖρας υἱῶν Ἰσραήλ. **11** καὶ συνέλαβον αὐτὸν οἱ δούλοι αὐτοῦ καὶ ἤγαγον αὐτὸν ἔξω τῆς παρεμβολῆς εἰς τὸ πεδῖον καὶ ἀπῆραν ἐκ μέσου τῆς πεδινῆς εἰς τὴν ὄρεινὴν καὶ παρεγένοντο ἐπὶ τὰς πηγάς, αἳ ἦσαν ὑποκάτω Βαιτυλοῦα. **12** καὶ ὡς εἶδαν αὐτοὺς οἱ ἄνδρες τῆς πόλεως ἐπὶ τὴν κορυφὴν τοῦ ὄρους, ἀνέλαβον τὰ ὄπλα αὐτῶν καὶ ἀπῆλθον ἔξω τῆς πόλεως ἐπὶ τὴν κορυφὴν τοῦ ὄρους, καὶ πᾶς ἀνὴρ σφενδοθήτης διεκράτησαν τὴν ἀνάβασιν αὐτῶν καὶ ἔβαλον ἐν λίθοις ἐπ’ αὐτούς. **13** καὶ ὑποδύσαντες ὑποκάτω τοῦ ὄρους ἔδησαν τὸν Ἀχιὼρ καὶ ἀφήκαν ἐρριμμένον ὑπὸ τὴν ρίζαν τοῦ ὄρους καὶ ἀπόχοντο πρὸς τὸν κύριον αὐτῶν. **14** καταβάντες δὲ υἱοὶ Ἰσραήλ ἐκ τῆς πόλεως αὐτῶν ἐπέστησαν αὐτῷ καὶ λύσαντες αὐτὸν ἀπήγαγον εἰς τὴν Βαιτυλοῦα καὶ κατέστησαν αὐτὸν ἐπὶ τοὺς ἄρχοντας τῆς πόλεως αὐτῶν, **15** οἳ ἦσαν ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκεῖναις, Ὀζίας ὁ τοῦ Μιχὰ ἐκ τῆς φυλῆς Συμεὼν καὶ Ἀβρίς ὁ τοῦ Γοθονιήλ καὶ Χαρμῖς υἱὸς Μελχιήλ. **16** καὶ συνεκάλεσαν πάντας τοὺς πρεσβυτέρους τῆς πόλεως, καὶ συνέδραμον πᾶς νεανίσκος αὐτῶν καὶ αἱ γυναῖκες εἰς τὴν ἐκκλησίαν, καὶ ἔστησαν τὸν Ἀχιὼρ ἐν μέσῳ παντὸς τοῦ λαοῦ αὐτῶν, καὶ ἐπρώτησεν αὐτὸν Ὀζίας τὸ συμβεβηκός. **17** καὶ ἀποκριθεὶς ἀπήγγειλεν αὐτοῖς τὰ ρήματα τῆς συνεδρίας Ὀλοφέρνου καὶ πάντα τὰ ρήματα, ὅσα ἐλάλησεν ἐν μέσῳ τῶν ἀρχόντων υἱῶν Ἀσσοῦρ, καὶ ὅσα ἐμεγαλορρημόνησεν Ὀλοφέρνης εἰς τὸν οἶκον Ἰσραήλ. **18** καὶ πεσόντες ὁ λαὸς προσεκύνησαν τῷ Θεῷ καὶ ἐβόησαν λέγοντες· **19** Κύριε ὁ Θεὸς τοῦ οὐρανοῦ, κάτιδε ἐπὶ τὰς ὑπερφηφάνιας αὐτῶν καὶ ἐλέησον τὴν ταπείνωσιν τοῦ γένους ἡμῶν καὶ ἐπίβλεψον ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῶν ἡγιασμένων σοι ἐν τῇ ἡμέρᾳ ταύτῃ. **20** καὶ παρεκάλεσαν τὸν Ἀχιὼρ καὶ ἐπήνεσαν αὐτὸν σφόδρα. **21** καὶ παρέλαβεν αὐτὸν Ὀζίας ἐκ τῆς ἐκκλησίας εἰς οἶκον αὐτοῦ καὶ ἐποίησε πότον τοῖς πρεσβυτέροις, καὶ ἐπεκάλεσαντο τὸν Θεὸν Ἰσραήλ εἰς βοήθειαν ὅλην τὴν νύκτα ἐκείνην.

7

1 Τῆς δ’ ἐπαύριον παρήγγειλεν Ὀλοφέρνης πάσῃ τῇ στρατιᾷ αὐτοῦ καὶ παντὶ τῷ λαῷ αὐτοῦ, οἳ παρεγένοντο ἐπὶ τὴν συμμαχίαν αὐτοῦ, ἀναζευγνύειν ἐπὶ Βαιτυλοῦα καὶ τὰς ἀναβάσεις τῆς ὄρεινῆς

к Ветилуе, занять высоты нагорной страны и начать войну против сынов Израилевых. **2** И в тот же день поднялись все сильные мужи их: войско их *состояло* из ста семидесяти тысяч ратников, воинов пеших, и из двенадцати тысяч конных, кроме обоза и пеших людей, бывших при них, — а и этих было многое множество. **3** Остановившись на долине близ Ветилуи при источнике, они протянулись в ширину от Дофаима до Велфема, а в длину от Ветилуи до Киамона, лежащего против Ездрилона. **4** Сыны же Израиля, увидев множество их, очень смутились, и каждый говорил ближнему своему: теперь они опустошат всю землю, и ни высокие горы, ни долины, ни холмы не выдержат их тяжести. **5** И, взяв каждый свое боевое оружие и зажегши огни на башнях своих, они всю эту ночь провели на страже.

6 На другой день Олоферн вывел всю свою конницу пред лице сынов Израилевых, бывших в Ветилуе, **7** осмотрел восходы города их, обошел и занял источники вод их и, оцепив их ратными мужами, возвратился к своему народу. **8** Но пришли к нему все начальники сынов Исава, и все вожди народа Моавитского, и все военачальники приморья и сказали: **9** выслушай, господин наш, слово, чтобы не было потери в войске твоём. **10** Этот народ сынов Израиля надеется не на копья свои, но на высоты гор своих, на которых живут, потому что неудобно восходить на вершины их гор. **11** Итак, господин, не воюй с ним так, как бывает обыкновенная война, — и ни один муж не падет из народа твоего. **12** Ты останься в своем лагере, чтобы сберечь каждого мужа в войске твоём, а рабы твои пусть овладеют источником воды, который вытекает из подошвы горы; **13** потому что оттуда берут воду все жители Ветилуи, — и погубит их жажда, и они сдадут свой город; а мы с нашим народом взойдем на ближние вершины гор и расположимся на них для стражи,

προκαταλαμβάνεσθαι καὶ ποιεῖν πόλεμον πρὸς τοὺς υἱοὺς Ἰσραὴλ. 2 καὶ ἀνέζευξεν ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ πᾶς ἀνὴρ δυνατὸς αὐτῶν· καὶ ἡ δύναμις αὐτῶν ἀνδρῶν πολεμιστῶν χιλιάδες ἀνδρῶν πεζῶν ἑκατὸν ἑβδομήκοντα καὶ ἰπέων χιλιάδες δεκαδύο, χωρὶς τῆς ἀποσκευῆς καὶ τῶν ἀνδρῶν, οἳ ἦσαν πεζοὶ ἐν αὐτοῖς, πλῆθος πολὺ σφόδρα. 3 καὶ παρενέβαλον ἐν τῷ αὐλῶνι πλησίον Βαιτυλοῦα ἐπὶ τῆς πηγῆς καὶ παρέτειναν εἰς εὖρος ἐπὶ Δωθαῖμ καὶ ἕως Βελβαῖμ καὶ εἰς μῆκος ἀπὸ Βαιτυλοῦα ἕως Κυαμῶνος, ἣ ἐστὶν ἀπέναντι Ἐσδρηλῶν. 4 οἱ δὲ υἱοὶ Ἰσραὴλ, ὡς εἶδον αὐτῶν τὸ πλῆθος, ἐταράχθησαν σφόδρα καὶ εἶπεν ἕκαστος πρὸς τὸν πλησίον αὐτοῦ· νῦν ἐκλείξουσιν οὗτοι τὸ πρόσωπον τῆς γῆς πάσης, καὶ οὔτε τὰ ὄρη τὰ ὑψηλὰ οὔτε αἱ φάραγγες οὔτε οἱ βουνοὶ ὑποστήσονται τὸ βάρος αὐτῶν. 5 καὶ ἀναλαβόντες ἕκαστος τὰ σκευὴ τὰ πολεμικὰ αὐτῶν καὶ ἀνακαύσαντες πυρὰς ἐπὶ τοὺς πύργους αὐτῶν, ἔμενον φυλάσσοντες ὅλην τὴν νύκτα ἐκείνην. 6 τῇ δὲ ἡμέρᾳ τῇ δευτέρᾳ ἐξήγαγεν Ὀλοφέρνης πᾶσαν τὴν ἵππον αὐτοῦ κατὰ πρόσωπον τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ, οἳ ἦσαν ἐν Βαιτυλοῦα, 7 καὶ ἐπεσκέψατο τὰς ἀναβάσεις τῆς πόλεως αὐτῶν καὶ τὰς πηγὰς τῶν ὑδάτων αὐτῶν ἐφώδευσε καὶ προκατελάβετο αὐτὰς καὶ ἐπέστησεν αὐταῖς παρεμβολὰς ἀνδρῶν πολεμιστῶν, καὶ αὐτὸς ἀνέζευξεν εἰς τὸν λαὸν αὐτοῦ. 8 καὶ προσελθόντες αὐτῷ οἱ ἄρχοντες τῶν υἱῶν Ἡσαὺ καὶ πάντες οἱ ἡγούμενοι τοῦ λαοῦ Μωᾶβ καὶ οἱ στρατηγοὶ τῆς παραλίας εἶπαν· 9 ἀκουσάτω δὴ λόγον ὁ δεσπότης ἡμῶν, ἵνα μὴ γένηται θραῦσμα ἐν τῇ δυνάμει σου· 10 ὁ γὰρ λαὸς οὗτος τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ οὐ πέποιθαν ἐπὶ τοῖς δόρασιν αὐτῶν, ἀλλ' ἐπὶ τοῖς ὕψεσι τῶν ὀρέων αὐτῶν, ἐν οἷς αὐτοὶ ἐνοικοῦσιν ἐν αὐτοῖς· οὐ γὰρ ἐστὶν εὐχερὲς προσβῆναι ταῖς κορυφαῖς τῶν ὀρέων αὐτῶν. 11 καὶ νῦν, δέσποτα, μὴ πολέμει πρὸς αὐτούς, καθὼς γίνεται πόλεμος παρατάξεως, καὶ οὐ πεσεῖται ἐκ τοῦ λαοῦ σου ἀνὴρ εἷς. 12 ἀνάμεινον ἐπὶ τῆς παρεμβολῆς σου διαφυλάσσω πάντα ἄνδρα ἐκ τῆς δυνάμεώς σου, καὶ ἐπικρατησάτωσαν οἱ παῖδες σου τῆς πηγῆς τοῦ ὕδατος, ἣ ἐκπορεύεται ἐκ τῆς ρίζης τοῦ ὄρους, 13 διότι ἐκεῖθεν ὑδρεύονται πάντες οἱ κατοικοῦντες Βαιτυλοῦα, καὶ ἀνελεῖ αὐτοὺς ἡ δίψα, καὶ ἐκδώσουσι τὴν πόλιν ἑαυτῶν· καὶ ἡμεῖς καὶ ὁ λαὸς ἡμῶν ἀναβησόμεθα ἐπὶ τὰς πλησίον κορυφὰς τῶν ὀρέων καὶ παρεμβαλοῦμεν ἐπ' αὐταῖς εἰς προφυλακὴν

чтобы ни один человек не вышел из города. **14** И будут томиться они голодом, и жены их и дети их, и прежде, нежели коснется их меч, падут на улицах обиталища своего; **15** и ты воздашь им злом за то, что они возмутились и не встретили тебя с миром. **16** Понравились эти слова их Олоферну и всем слугам его, и он решил поступить так, как они сказали. **17** И двинулся полк сынов Аммона и с ними пять тысяч сынов Ассура и, расположившись в долине, овладели водами и источниками вод сынов Израиля. **18** А сыны Исава и сыны Аммона взошли и заняли нагорную область против Дофаима, и отправили *часть* их на юг и на восток против Екревиля, что близ Хуса, стоящего при потоке Мохмур; остальное же Ассирийское войско расположилось на равнине и покрыло все лице земли: шатры и обозы их с множеством народа растянулись на весьма большом пространстве.

19 Сыны Израиля воззвали к Господу Богу своему, потому что они пришли в уныние, так как все враги их окружили их, и им нельзя было бежать от них. **20** Вокруг них стояло все войско Ассирийское, — пешие, колесницы и конница их, — тридцать четыре дня; у всех жителей Ветилуи истошились все сосуды с водою, **21** опустели водоемы, и ни в один день они не могли пить воды досыта, потому что давали им пить мерою. **22** И уныли дети их и жены их и юноши, и в изнеможении от жажды падали на улицах города и в проходах ворот, и уже не было в них крепости. **23** Тогда весь народ собрался к Озии и к начальникам города, — юноши, жены и дети, — и с громким воплем говорили всем старейшинам: **24** суди Бог между нами и вами; вы сделали нам великую неправду, потому что не предложили мира сынам Ассура; **25** и теперь нет нам помощника: Бог предал нас в их руки, чтобы погубить нас жаждою и великою погибелью. **26** Пригласите же их теперь и отдайте

τοῦ μὴ ἐξελεῖν ἐκ τῆς πόλεως ἄνδρα ἓνα. 14 καὶ τακήσονται ἐν τῷ λιμῷ αὐτοὶ καὶ αἱ γυναῖκες αὐτῶν καὶ τὰ τέκνα αὐτῶν, καὶ πρὶν ἐλθεῖν τὴν ρομφαίαν ἐπ' αὐτούς, καταστρωθήσονται ἐν ταῖς πλατείαις τῆς οἰκίσεως αὐτῶν. 15 καὶ ἀνταποδώσεις αὐτοῖς ἀνταπόδομα πονηρόν, ἀνθ' ὧν ἔστασίασαν, καὶ οὐκ ἀπήντησαν τῷ προσώπῳ σου ἐν εἰρήνῃ. 16 καὶ ἤρεσαν οἱ λόγοι αὐτῶν ἐνώπιον Ὀλοφέρνηου καὶ ἐνώπιον πάντων τῶν θεραπόντων αὐτοῦ, καὶ συνέταξαν ποιεῖν καθὼς ἐλάλησαν. 17 καὶ ἀπῆρε παρεμβολὴ υἰῶν Ἀμμῶν καὶ μετ' αὐτῶν χιλιάδες πέντε υἰῶν Ἀσσοῦρ καὶ παρενέβαλον ἐν τῷ αὐλῶνι καὶ προκατελάβοντο τὰ ὕδατα καὶ τὰς πηγὰς τῶν ὑδάτων τῶν υἰῶν Ἰσραὴλ. 18 καὶ ἀνέβησαν υἱοὶ Ἡσαῦ καὶ οἱ υἱοὶ Ἀμμῶν καὶ παρενέβαλον ἐν τῇ ὀρεινῇ ἀπέναντι Δωθαίμ. καὶ ἀπέστειλαν ἐξ αὐτῶν πρὸς νότον καὶ ἀπληιώτην ἀπέναντι Ἐγρεβήλ, ἣ ἐστὶ πλησίον Χοῦς, ἣ ἐστὶν ἐπὶ τοῦ χειμάρρου Μοχμούρ. καὶ ἡ λοιπὴ στρατιὰ τῶν Ἀσσυρίων παρενέβαλον ἐν τῷ πεδίῳ καὶ ἐκάλυψαν πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς· καὶ αἱ σκηναὶ καὶ αἱ ἀπαρτίαι αὐτῶν κατεστρατοπέδευσαν ἐν ὄχλῳ πολλῷ καὶ ἦσαν εἰς πλῆθος πολὺ σφόδρα. 19 Καὶ οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ ἀνεβόησαν πρὸς Κύριον Θεὸν αὐτῶν, ὅτι ὀλιγοψύχησε τὸ πνεῦμα αὐτῶν, ὅτι ἐκύκλωσαν πάντες οἱ ἐχθροὶ αὐτῶν καὶ οὐκ ἦν διαφυγεῖν ἐκ μέσου αὐτῶν. 20 καὶ ἔμεινε κύκλῳ αὐτῶν πᾶσα παρεμβολὴ Ἀσσοῦρ, οἱ πεζοὶ καὶ τὰ ἄρματα καὶ οἱ ἵππεῖς αὐτῶν, ἡμέρας τριακοντατέσσαρας. καὶ ἐξέλιπε πάντας τοὺς κατοικοῦντας Βαιτυλοῦα πάντα τὰ ἀγγεῖα αὐτῶν τῶν ὑδάτων, 21 καὶ οἱ λάκκοι ἐξεκενούοντο, καὶ οὐκ εἶχον πιεῖν εἰς πλησμονὴν ὕδωρ ἡμέραν μίαν, ὅτι ἐν μέτρῳ ἐδίδοσαν αὐτοῖς πιεῖν. 22 καὶ ἠθύμησαν τὰ νήπια αὐτῶν, καὶ αἱ γυναῖκες αὐτῶν καὶ οἱ νεανίσκοι ἐξέλιπον ἀπὸ τῆς δίψης καὶ ἔπιπτον ἐν ταῖς πλατείαις τῆς πόλεως καὶ ἐν ταῖς διόδοις τῶν πυλῶν, καὶ οὐκ ἦν κραταίωσις ἔτι ἐν αὐτοῖς. 23 καὶ ἐπισυνήχθησαν πᾶς ὁ λαὸς ἐπὶ Ὀζίαν καὶ τοὺς ἄρχοντας τῆς πόλεως, οἱ νεανίσκοι καὶ αἱ γυναῖκες καὶ τὰ παῖδια, καὶ ἀνεβόησαν φωνῇ μεγάλη καὶ εἶπαν ἐναντίον πάντων τῶν πρεσβυτέρων· 24 κρίναι ὁ Θεὸς ἀνὰ μέσον ἡμῶν καὶ ὑμῶν, ὅτι ἐποιήσατε ἐν ἡμῖν ἀδικίαν μεγάλην οὐ λαλήσαντες εἰρηνικὰ μετὰ τῶν υἰῶν Ἀσσοῦρ. 25 καὶ νῦν οὐκ ἔστι βοηθὸς ἡμῶν, ἀλλὰ πέπρακεν ἡμᾶς ὁ Θεὸς εἰς τὰς χεῖρας αὐτῶν τοῦ καταστρωθῆναι ἐναντίον αὐτῶν ἐν δίψῃ καὶ ἀπωλείᾳ μεγάλῃ. 26 καὶ νῦν ἐπικαλέσασθε αὐτοὺς καὶ ἐκδοσθε τὴν πόλιν πᾶσαν εἰς προνομήν τῷ λαῷ Ὀλοφέρνηου

весь город на разграбление народу Олоферна и всему войску его, **27** ибо лучше для нас достаться им на расхищение: хотя мы будем рабами их, зато жива будет душа наша, и глаза наши не увидят смерти младенцев наших и жен и детей наших, расстающихся с душами своими. **28** Призываем пред вами во свидетели небо и землю, Бога нашего и Господа отцов наших, Который наказывает нас за грехи наши и за грехи отцов наших, да соделает по словам сим в нынешний день. **29** И подняли они единодушно великий плач среди собрания и громко взывали к Господу Богу. **30** Озия сказал им: не унывайте, братья! потерпим еще пять дней, в которые Господь Бог наш обратит милость Свою на нас, ибо Он не оставит нас вконец. **31** Если же они пройдут, и помощь к нам не придет, — я сделаю по вашим словам. **32** И отпустил народ в свой стан, и они пошли на стены и башни своего города, а жен и детей отослал по домам их; и в великой скорби оставались они в городе.

8 В эти дни слышала Иудифь, дочь Мерарии, сына Окса, сына Иосифа, сына Озиила, сына Елкия, сына Анании, сына Гедеона, сына Рафаина, сына Акифона, сына Илия, сына Елиава, сына Нафанаила, сына Саламиила, сына Саласада, сына Иеиля. **2** Муж ее Манассия, из одного с нею колена и племени, умер во время жатвы ячменя; **3** потому что, когда он стоял в поле близ вязавших снопы, зной пал на его голову, — и он слег в постель и умер в своем городе Ветилуе; его похоронили с отцами его на поле между Дофаимом и Валамоном. **4** И вдовствовала Иудифь в своем доме три года и четыре месяца. **5** Она сделала для себя на кровле дома своего шатер, возложила на чресла свои вретисце, и были на ней одежды вдовства ее. **6** Она постилась все дни вдовства своего, кроме дней пред субботами и суббот, дней пред новомесячиями и новомесячий, и праздников и торжеств дома Из-

каὶ πάσῃ τῇ δυνάμει αὐτοῦ· **27** κρείσσον γὰρ ἡμῖν γεννηθῆναι αὐτοῖς εἰς διαρπαγὴν, ἐσόμεθα γὰρ εἰς δούλους, καὶ ζήσεται ἡ ψυχὴ ἡμῶν, καὶ οὐκ ὀψόμεθα τὸν θάνατον τῶν νηπίων ἡμῶν ἐν ὀφθαλμοῖς ἡμῶν καὶ τὰς γυναῖκας καὶ τὰ τέκνα ἡμῶν ἐκλειπούσας τὰς ψυχὰς αὐτῶν. **28** μαρτυρούμεθα ὑμῖν τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ τὸν Θεὸν ἡμῶν καὶ Κύριον τῶν πατέρων ἡμῶν, ὃς ἐκδικεῖ ἡμᾶς κατὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν καὶ κατὰ τὰ ἀμαρτήματα τῶν πατέρων ἡμῶν, ἵνα μὴ ποιήσῃ κατὰ τὰ ρήματα ταῦτα ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ σήμερον. **29** καὶ ἐγένετο κλαυθμὸς μέγας ἐν μέσῳ τῆς ἐκκλησίας πάντων ὁμοθυμαδὸν καὶ ἐβόησαν πρὸς Κύριον τὸν Θεὸν φωνῇ μεγάλῃ. **30** καὶ εἶπε πρὸς αὐτοὺς Ὁζίας· θαρσεῖτε, ἀδελφοί, διακαρτερήσωμεν ἔτι πέντε ἡμέρας, ἐν αἷς ἐπιστρέψει Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν τὸ ἔλεος αὐτοῦ ἐφ' ἡμᾶς, οὐ γὰρ ἐγκαταλείψει ἡμᾶς εἰς τέλος· **31** ἐὰν δὲ διέλθωσιν αὐταὶ καὶ μὴ ἔλθῃ ἐφ' ἡμᾶς βοήθεια, ποιήσω κατὰ τὰ ρήματα ὑμῶν. καὶ ἐσκόρπισε τὸν λαὸν εἰς τὴν ἑαυτοῦ παρεμβολήν, καὶ ἐπὶ τὰ τεῖχη καὶ τοὺς πύργους τῆς πόλεως αὐτῶν ἀπῆλθον, καὶ τὰς γυναῖκας καὶ τὰ τέκνα εἰς τοὺς οἴκους αὐτῶν ἐξαπέστειλε· καὶ ἦσαν ἐν ταπεινώσει πολλῇ ἐν τῇ πόλει.

6

1 ΚΑΙ ἤκουσεν ἐν ἐκείναις ταῖς ἡμέραις Ἰουδίθ, θυγάτηρ Μεραρί, υἱοῦ Ὠξ, υἱοῦ Ἰωσήφ, υἱοῦ Ὀζιήλ, υἱοῦ Ἐλκία, υἱοῦ Ἥλιου, υἱοῦ Χελκίου, υἱοῦ Ἐλιάβ, υἱοῦ Ναθανάηλ, υἱοῦ Σαλαμιήλ, υἱοῦ Σαρασαδαῖ, υἱοῦ Ἰσραήλ. **2** καὶ ὁ ἀνὴρ αὐτῆς Μανασσῆς τῆς φυλῆς αὐτῆς καὶ τῆς πατρίδος αὐτῆς, καὶ ἀπέθανεν ἐν ἡμέραις θερισμοῦ κριθῶν· **3** ἐπέστη γὰρ ἐπὶ τοῦ δεσμεύοντος τὸ δράγμα τῷ πεδίῳ, καὶ ὁ καύσων ἦλθεν ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ, καὶ ἔπεσεν ἐπὶ τὴν κλίνην καὶ ἐτελεύτησεν ἐν Βαιτυλούᾳ τῇ πόλει αὐτοῦ, καὶ ἔθαψαν αὐτὸν μετὰ τῶν πατέρων αὐτοῦ ἐν τῷ ἀγρῷ τῷ ἀνα μέσον Δωθαῖμ καὶ Βαλαμών. **4** καὶ ἦν Ἰουδίθ ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῆς χηρεύουσα ἔτη τρία καὶ μῆνας τέσσαρας. **5** καὶ ἐποίησεν ἑαυτῇ σκηνὴν ἐπὶ τοῦ δώματος τοῦ οἴκου αὐτῆς καὶ ἐπέθηκεν ἐπὶ τὴν ὀσφύνην αὐτῆς σάκκον, καὶ ἦν ἐπ' αὐτῆς τὰ ἱμάτια τῆς χηρεύσεως αὐτῆς. **6** καὶ ἐνήστευε πάσας τὰς ἡμέρας χηρεύσεως αὐτῆς, χωρὶς προσαββάτων καὶ σαββάτων καὶ προνουμηνίων καὶ νουμηνίων καὶ εορτῶν καὶ

раилева. **7** Она была красива видом и весьма привлекательна взором; муж ее Манассия оставил ей золото и серебро, слуг и служанок, скот и поля, чем она и владела. **8** И никто не укорял ее злым словом, потому что она была очень богобоязненна. **9** Услышала она о дурных речах народа против начальника, потому что они малодушествовали по причине оскудения воды, услышала Иудифь и о всех словах, которые сказал им Озия, как он поклялся им чрез пять дней сдать город Ассириянам, **10** и послала она служанку свою, распорядившуюся всем ее имуществом, пригласить Озию, Хаврина и Хармина, старейшин ее города.

11 Они пришли, — и она сказала им: выслушайте меня, начальники жителей Ветилуи! неправое слово ваше, которое вы сегодня сказали перед народом, и положили клятву, которую изрекли между Богом и вами, и сказали, что сдадите город нашим врагам, если на этих *днях* Господь не поможет нам. **12** Кто же вы, искушавшие сегодня Бога и ставшие вместо Бога посреди сынов человеческих? **13** Вот, вы теперь испытуете Господа Вседержителя, но никогда ничего не узнаете; **14** потому что вам не постигнуть глубины сердца у человека и не понять слов мысли его: как же испытаете вы Бога, сотворившего все это, и познаете ум Его, и поймете мысль Его? Нет, братья, не прогневайте Господа, Бога нашего! **15** Ибо если Он не захочет помочь нам в эти пять дней, то Он имеет власть защитить нас в какие угодно Ему дни, или поразить нас пред лицом врагов наших. **16** Не отдавайте же в залог советов Господа Бога нашего: Богу нельзя грозить, как человеку, нельзя и указывать Ему, как сыну человеческому. **17** Посему, ожидая от Него спасения, будем призывать Его к себе на помощь, и Он услышит голос наш, если это Ему будет угодно. **18** Ибо не было в родах наших, и нет в настоящее время ни колена, ни племени,

χαρμοσυνῶν οἴκου Ἰσραήλ. 7 καὶ ἦν καλὴ τῷ εἶδει καὶ ὠραία τῇ ὄψει σφόδρα· καὶ ὑπελίπετο αὐτῇ Μανασσῆς, ὁ ἀνὴρ αὐτῆς, χρυσοῖον καὶ ἀργύριον καὶ παῖδας καὶ παιδίσκας καὶ κτήνη καὶ ἀγρούς, καὶ ἔμενεν ἐπ’ αὐτῶν. 8 καὶ οὐκ ἦν ὃς ἐπήνεγκεν αὐτῇ ρῆμα πονηρόν, ὅτι ἐφοβεῖτο τὸν Θεὸν σφόδρα 9 καὶ ἤκουσε τὰ ρήματα τοῦ λαοῦ τὰ πονηρὰ ἐπὶ τὸν ἄρχοντα, ὅτι ὠλιγοψύχησαν ἐπὶ τῇ σπάνει τῶν ὑδάτων, καὶ ἤκουσε πάντας τοὺς λόγους Ἰουδίθ, οὓς ἐλάλησε πρὸς αὐτοὺς Ὁζίας, ὡς ὤμοσεν αὐτοῖς παραδώσειν τὴν πόλιν μετὰ ἡμέρας πέντε τοῖς Ἀσσυρίοις. 10 καὶ ἀποστείλασα τὴν ἄβραν αὐτῆς τὴν ἐφεστῶσαν πᾶσι τοῖς ὑπάρχουσιν αὐτῆς ἐκάλεσεν Ὁζίαν καὶ Χαβρίν καὶ Χαρμὶν τοὺς πρεσβυτέρους τῆς πόλεως αὐτῆς, 11 καὶ ἤλθον πρὸς αὐτήν, καὶ εἶπε πρὸς αὐτούς· ἀκούσατε δὴ μου, ἄρχοντες τῶν κατοικούντων ἐν Βαιτυλοῦα, ὅτι οὐκ εὐθὺς ὁ λόγος ὑμῶν, ὃν ἐλαλήσατε ἐναντίον τοῦ λαοῦ ἐν τῇ ἡμέρᾳ ταύτῃ καὶ ἐστήσατε τὸν ὄρκον, ὃν ἐλαλήσατε ἀνὰ μέσον τοῦ Θεοῦ καὶ ὑμῶν καὶ εἶπατε ἐκδώσειν τὴν πόλιν τοῖς ἐχθροῖς ἡμῶν, ἐὰν μὴ ἐν αὐταῖς ἐπιστρέψῃ ὁ Κύριος βοηθῆσαι ἡμῖν. 12 καὶ νῦν τίνες ἐστέ ὑμεῖς, οἱ ἐπειράσατε τὸν Θεὸν ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ σήμερον καὶ ἴστατε ὑπὲρ τοῦ Θεοῦ ἐν μέσῳ υἰῶν ἀνθρώπων; 13 καὶ νῦν Κύριον παντοκράτορα ἐξετάζετε καὶ οὐθὲν ἐπιγνώσεσθε ἕως τοῦ αἰῶνος, 14 ὅτι βάθος καρδίας ἀνθρώπου οὐχ εὐρήσετε καὶ λόγους τῆς διανοίας αὐτοῦ οὐ διαλήψεσθε· καὶ πῶς τὸν Θεόν, ὃς ἐποίησε τὰ πάντα ταῦτα, ἐρευνήσετε καὶ τὸν νοῦν αὐτοῦ ἐπιγνώσεσθε καὶ τὸν λογισμὸν αὐτοῦ κατανοήσετε; μηδαμῶς, ἀδελφοί, μὴ παροργίζετε Κύριον τὸν Θεὸν ἡμῶν· 15 ὅτι ἐὰν μὴ βούληται ἐν ταῖς πέντε ἡμέραις βοηθῆσαι ἡμῖν, αὐτὸς ἔχει τὴν ἐξουσίαν ἐν αἷς θέλει σκεπάσαι ἡμέραις ἢ καὶ ὀλοθρεῦσαι ἡμᾶς πρὸ προσώπου τῶν ἐχθρῶν ἡμῶν. 16 ὑμεῖς δὲ μὴ ἐνεχυράζετε τὰς βουλάς Κυρίου τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὅτι οὐχ ὡς ἄνθρωπος ὁ Θεὸς ἀπειληθῆναι, οὐδὲ ὡς υἱὸς ἀνθρώπου διαιτηθῆναι. 17 διὸπερ ἀναμένοντες τὴν παρ’ αὐτοῦ σωτηρίαν ἐπικαλεσόμεθα αὐτὸν εἰς βοήθειαν ἡμῶν, καὶ εἰσακούσεται τῆς φωνῆς ἡμῶν, ἐὰν ἢ αὐτῷ ἀρεστόν. 18 ὅτι οὐκ ἀνέστη ἐν ταῖς γενεαῖς ἡμῶν οὐδέ ἐστιν ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ σήμερον οὔτε φυλὴ οὔτε πατριὰ οὔτε δῆμος οὔτε πόλις ἐξ ἡμῶν, οἱ προσκυνοῦσι θεοὶς χειροποιήτοις, καθάπερ

ни народа, ни города у нас, которые кланялись бы богам рукотворенным, как было в прежние дни, **19** за что отцы наши преданы были мечу и расхищению и пали великим падением пред нашими врагами. **20** Но мы не знаем другого Бога, кроме Его, а потому и надеемся, что Он не презрит нас и никого из нашего рода. **21** Ибо с пленением нас падет и вся Иудея, и святыни наши будут разграблены, и Он взыщет осквернение их от уст наших, **22** и убиение братьев наших и пленение земли и опустошение наследия нашего обратит на нашу голову среди народов, которым мы будем поработочены, и будем в соблазн и поношение у тех, которые овладеют нами; **23** потому что рабство не послужит нам в честь, но Господь, Бог наш, вменит его в бесчестие. **24** Итак, братья, покажем братьям нашим, что от нас зависит жизнь их, и на нас утверждаются и святыни, и дом *Господень*, и жертвенник. **25** За все это возблагодарим Господа, Бога нашего, Который испытует нас, как и отцов наших. **26** Вспомните, что Он сделал с Авраамом, чем искушал Исаака, что было с Иаковом в Сирской Месопотамии, когда он пас овец Лавана, брата матери своей: **27** как их искушал Он не для истязания сердца их, так и нам не мстит, а только для вразумления наказывает Господь приближающихся к Нему. **28** Озия сказал ей: все, что ты сказала, сказала от доброго сердца, и никто не будет противиться словам твоим, **29** ибо не с настоящего только дня известна мудрость твоя, но от начала дней твоих весь народ знает разум твой и доброе расположение твоего сердца. **30** Но народ истомился от жажды и принудил нас поступить так, как мы сказали им, и обязал нас клятвою, которой мы не нарушим. **31** Помолись же о нас, ибо ты жена благочестивая, и Господь пошлет дождь для наполнения водохранилищ наших, и мы больше не будем изнемогать *от жажды*. **32** Иудифь сказала им: по-

ἐγένετο ἐν ταῖς πρότερον ἡμέραις· **19** ὧν χάριν ἐδόθησαν εἰς ρομφαίαν καὶ εἰς διαρπαγὴν οἱ πατέρες ἡμῶν καὶ ἔπεσον πτώμα μέγα ἐνώπιον τῶν ἐχθρῶν ἡμῶν. **20** ἡμεῖς δὲ ἕτερον θεὸν οὐκ ἐπέγνωμεν πλὴν αὐτοῦ· ὅθεν ἐλπίζομεν ὅτι οὐχ ὑπερόψεται ἡμᾶς, οὐδ' ἀπὸ τοῦ γένους ἡμῶν. **21** ὅτι ἐν τῷ ληφθῆναι ἡμᾶς οὕτως καθήσεται πᾶσα ἡ Ἰουδαία, καὶ προνομευθήσεται τὰ ἅγια ἡμῶν, καὶ ζητήσει τὴν βεβήλωσιν αὐτῶν ἐκ τοῦ αἵματος ἡμῶν **22** καὶ τὸν φόνον τῶν ἀδελφῶν ἡμῶν καὶ τὴν αἰχμαλωσίαν τῆς γῆς καὶ τὴν ἐρήμωσιν τῆς κληρονομίας ἡμῶν ἐπιστρέψει εἰς κεφαλὴν ἡμῶν ἐν τοῖς ἔθνεσιν, οὗ ἂν δουλεύσωμεν ἐκεῖ, καὶ ἐσόμεθα εἰς πρόσκομμα καὶ εἰς ὄνειδος ἐναντίον τῶν κτωμένων ἡμᾶς. **23** ὅτι οὐ κατευθυνθήσεται ἡ δουλεία ἡμῶν εἰς χάριν, ἀλλ' εἰς ἀτιμίαν θήσει αὐτὴν Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν. **24** καὶ νῦν, ἀδελφοί, ἐπιδειξώμεθα τοῖς ἀδελφοῖς ἡμῶν, ὅτι ἐξ ἡμῶν κρέματα ἡ ψυχὴ αὐτῶν, καὶ τὰ ἅγια καὶ ὁ οἶκος καὶ τὸ θυσιαστήριον ἐπιστήρικται ἐφ' ἡμῖν. **25** παρὰ ταῦτα πάντα εὐχαριστήσωμεν Κυρίῳ τῷ Θεῷ ἡμῶν, ὃς πειράζει ἡμᾶς καθὰ καὶ τοὺς πατέρας ἡμῶν. **26** μνήσθητε ὅσα ἐποίησε μετὰ Ἀβραάμ καὶ ὅσα ἐπέειπε τὸν Ἰσαὰκ καὶ ὅσα ἐγένετο τῷ Ἰακώβ ἐν Μεσοποταμίᾳ τῆς Συρίας ποιμαίνοντι τὰ πρόβατα Λάβαν τοῦ ἀδελφοῦ τῆς μητρὸς αὐτοῦ. **27** ὅτι οὐ καθὼς ἐκείνους ἐπύρωσεν εἰς ἔτασμον τῆς καρδίας αὐτῶν, καὶ ἡμᾶς οὐκ ἐξεδίκησεν, ἀλλ' εἰς νοσητέτην μαστιγοῖ Κύριος τοὺς ἐγγίζοντας αὐτῷ. **28** καὶ εἶπε πρὸς αὐτὴν Ὀζίας· πάντα, ὅσα εἶπας, ἀγαθῆ καρδίᾳ ἐλάλησας, καὶ οὐκ ἔστιν ὃς ἀντιστήσεται τοῖς λόγοις σου· **29** ὅτι οὐκ ἐν τῇ σήμερον ἡ σοφία σου πρόδηλός ἐστιν, ἀλλὰ ἀπ' ἀρχῆς ἡμερῶν σου ἔγνω πᾶς ὁ λαὸς τὴν σύνεσίν σου, καθότι ἀγαθόν ἐστι τὸ πλάσμα τῆς καρδίας σου. **30** ἀλλ' ὁ λαὸς ἐδίψησε σφόδρα καὶ ἠνάγκασαν ποιῆσαι ἡμᾶς καθὰ ἐλαλήσαμεν αὐτοῖς καὶ ἐπαγαγεῖν ὄρκον ἐφ' ἡμᾶς, ὃν οὐ παραβησόμεθα. **31** καὶ νῦν δεήθητι περὶ ἡμῶν, ὅτι γυνὴ εὐσεβῆς εἶ, καὶ ἀποστελεῖ Κύριος τὸν ὑετὸν εἰς πλήρωσιν τῶν λάκκων ἡμῶν, καὶ οὐκ ἐκλείψωμεν ἔτι. **32** καὶ εἶπε

слушайте меня, — и я совершу дело, которое пронесется сынами рода нашего в роды родов. **33** Станьте в эту ночь у ворот, — а я выйду с моею служанкою, и в продолжение дней, после которых вы решили отдать город нашим врагам, Господь посетит Израиля моею рукою. **34** Только не спрашивайте о моем предприятии, потому что я не скажу вам, доколе не совершится то, что я намерена сделать. **35** И сказал ей Озия и начальники: ступай с миром, и Господь Бог пред тобою на отмщение врагам нашим! **36** И вышли из шатра ее и пошли к полкам своим.

9 А Иудифь пала на лице, посыпала голову свою пеплом и сбросила с себя вретиче, в которое была одета; и только что воскурили в Иерусалиме, в доме Господнем, вечерний фимиам, Иудифь громким голосом воззвала к Господу и сказала: **2** Господи Боже отца моего Симеона, которому Ты дал в руку меч на отмщение иноплеменным, которые открыли ложесна девы для оскорбления, обнажили бедро для позора и осквернили ложесна для посрамления! Ты сказал: да не будет сего, а они сделали. **3** И за то Ты предал князей их на убиение, постель их, которая видела оболщение их, обогрил кровью и поразил рабов подле владельцев и владельцев на тронах их, **4** и отдал жен их в расхищение, дочерей их в плен и всю добычу в раздел сынам, возлюбленным Тобою, которые возревновали Твоею ревностью, возгнушались осквернением крови их, и призвали Тебя на помощь. Боже, Боже мой, услышь меня вдову! **5** Ты сотворил прежде сего бывшее, и сие и последующее за сим, и содержал в уме настоящее и грядущее, и, что помыслил Ты, то и совершилось; **6** что определил, то и явилось и сказало: вот я. Ибо все пути Твои готовы, и суд Твой Тобою предвиден. **7** Вот, Ассирияне умножились в силе своей, гордятся конем и всадником, тщеславятся мышцею пеших, надеются

πρὸς αὐτοὺς Ἰουδίθ· ἀκούσατέ μου, καὶ ποιήσω πρᾶγμα, ὃ ἀφίξεται εἰς γενεὰς γενεῶν υἱοῖς τοῦ γένους ἡμῶν. **33** ὑμεῖς στήσεσθε ἐπὶ τῆς πύλης τὴν νύκτα ταύτην, καὶ ἐξελεύσομαι ἐγὼ μετὰ τῆς ἄβρας μου, καὶ ἐν ταῖς ἡμέραις, μεθ' ἃς εἶπατε παραδώσειν τὴν πόλιν τοῖς ἐχθροῖς ἡμῶν, ἐπισκέψεται Κύριος τὸν Ἰσραὴλ ἐν χειρὶ μου· **34** ὑμεῖς δὲ οὐκ ἐξερευνήσετε τὴν πρᾶξίν μου, οὐ γὰρ ἐρῶ ὑμῖν, ἕως τοῦ τελεσθῆναι ἃ ἐγὼ ποιῶ. **35** καὶ εἶπεν Ὁζίας καὶ οἱ ἄρχοντες πρὸς αὐτήν· πορεύου εἰς εἰρήνην, καὶ Κύριος ὁ Θεὸς ἔμπροσθέν σου εἰς ἐκδίκησιν τῶν ἐχθρῶν ἡμῶν. **36** καὶ ἀποστρέψαντες ἐκ τῆς σκηνῆς ἐπορεύθησαν ἐπὶ τὰς διατάξεις αὐτῶν.

9

1 ΙΟΥΔΙΘ δὲ ἔπεσεν ἐπὶ πρόσωπον καὶ ἐπέθετο σποδὸν ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτῆς καὶ ἐγύμνωσεν ὃν ἐνεδιδύσκετο σάκκον, καὶ ἦν ἄρτι προσφερόμενον ἐν Ἱερουσαλὴμ εἰς τὸν οἶκον τοῦ Θεοῦ τὸ θυμίαμα τῆς ἑσπέρας ἐκείνης, καὶ ἐβόησε φωνῇ μεγάλη Ἰουδίθ πρὸς Κύριον καὶ εἶπε· **2** Κύριε ὁ Θεὸς τοῦ πατρός μου Συμεῶν, ᾧ ἔδωκας ἐν χειρὶ ρομφαίαν εἰς ἐκδίκησιν ἀλλογενῶν, οἱ ἔλυσαν μήτραν παρθένου εἰς μίσημα καὶ ἐγύμνωσαν μηρὸν εἰς αἰσχύνην καὶ ἐβεβήλωσαν μήτραν εἰς ὄνειδος· εἶπας γάρ, οὐχ οὕτως ἔσται· καὶ ἐποίησαν **3** ἀνθ' ὧν ἔδωκας ἄρχοντας αὐτῶν εἰς φόνον καὶ τὴν στρωμνὴν αὐτῶν, ἣ ἠδέσατο τὴν ἀπάτην αὐτῶν, εἰς αἶμα, καὶ ἐπάταξας δούλους ἐπὶ δυνάσταις καὶ δυνάστας ἐπὶ θρόνους αὐτῶν. **4** καὶ ἔδωκας γυναῖκας αὐτῶν εἰς προνομὴν καὶ θυγατέρας εἰς αἰχμαλωσίαν καὶ πάντα τὰ σκύλα εἰς διαίρεσιν υἱῶν ἡγαπημένων ὑπὸ σοῦ, οἱ καὶ ἐζήλωσαν τὸν ζῆλόν σου καὶ ἐβδελύξαντο μίσημα αἵματος αὐτῶν καὶ ἐπεκαλέσαντό σε εἰς βοθητόν. ὁ Θεὸς ὁ Θεὸς ὁ ἐμός, καὶ εἰσάκουσον ἐμοῦ τῆς χήρας· **5** σὺ γὰρ ἐποίησας τὰ πρότερα ἐκείνων καὶ ἐκεῖνα καὶ τὰ μετέπειτα καὶ τὰ νῦν καὶ τὰ ἐπερχόμενα διανοήθης, καὶ ἐγενήθησαν ἃ ἐνενοήθης, **6** καὶ παρέστησαν ἃ ἐβουλεύσω καὶ εἶπαν· ἰδοὺ πάρεσμεν· πᾶσαι γὰρ αἱ ὁδοὶ σου ἔτοιμοι, καὶ ἡ κρίσις σου ἐν προγνώσει· **7** ἰδοὺ γὰρ Ἀσσύριοι ἐπληθύνθησαν ἐν δυνάμει αὐτῶν, ὑψώθησαν ἐφ' ἵππῳ καὶ ἀναβάτη ἐγαυρίασαν ἐν

и на щит и на копье и на лук и на пращу, а не знают того, что Ты — Господь, сокрушающий брани. **8** Господь — имя Тебе; сокруши же их крепость силою Твоею, и уничтожь их силу гневом Твоим, ибо они замыслили осквернить святилище Твое, поругаться над мирным селением имени славы Твоей и железом сокрушить рог Твоего жертвенника. **9** Воззри на превозношение их, пошли гнев Твой на главы их, дай вдовьей руке моей крепость на то, что задумала я. **10** Устами хитрости моей порази раба перед вождем, и вождя — перед рабом его, и сокруши гордыню их рукою женскою; **11** ибо не во множестве сила Твоя и не в могучих могущество Твое; но Ты — Бог смиренных, Ты — помощник умаленных, заступник немощных, покровитель упавших духом, спаситель безнадежных. **12** Так, так, Боже отца моего и Боже наследия Израилева, Владыка неба и земли, Творец вод, Царь всякого создания Твоего! Услышь молитву мою, **13** сделай слово мое и хитрость мою раною и язвою для тех, которые задумали жестокое против завета Твоего, святого дома Твоего, высоты Сиона и дома наследия сынов Твоих. **14** Вразуми весь народ Твой и всякое племя, чтобы видели они, что Ты — Бог, Бог всякой крепости и силы, и нет другого защитника рода Израилева, кроме Тебя.

10 Когда она перестала взывать к Богу Израилеву и окончила все эти слова **2** то поднялась на ноги, позвала служанку свою и вошла в дом, в котором она проводила субботные дни и праздники свои. **3** Здесь она сняла с себя вретище, которое надевала, сняла и одежды вдовства своего, омыла тело водою и намастилась драгоценным миром, причесала волосы и надела на голову повязку, оделась в одежды веселия своего, в которые она наряжалась во дни жизни мужа своего Манассии; **4** обула ноги свои в сандалии, и возложила на себя цепочки, запястья, кольца, серьги и все свои наряды, и разукра-

βραχίονι πεζῶν, ἤλπισαν ἐν ἀσπίδι καὶ ἐν γαισῶ καὶ τόξῳ καὶ σφενδόνη καὶ οὐκ ἔγνωσαν ὅτι σὺ εἶ Κύριος συντρίβων πολέμους. **8** Κύριος ὄνομά σοι· σὺ ράξον αὐτῶν τὴν ἰσχύν ἐν δυνάμει σου καὶ κάταξον τὸ κράτος αὐτῶν ἐν τῷ θυμῷ σου· ἐβουλεύσαντο γὰρ βεβηλῶσαι τὰ ἅγια σου, μιᾶναι τὸ σκῆνωμα τῆς καταπαύσεως τοῦ ὀνόματος τῆς δόξης σου καὶ καταβαλεῖν σιδήρῳ κέρας θυσιαστηρίου σου. **9** βλέψον εἰς ὑπερηφανίαν αὐτῶν, ἀπόστειλον τὴν ὀργήν σου εἰς κεφαλὰς αὐτῶν, δὸς ἐν χειρὶ μου τῆς χήρας ὃ διανοήθην κράτος. **10** πάταξον δούλον ἐκ χειλέων ἀπάτης μου ἐπ' ἄρχοντι καὶ ἄρχοντα ἐπὶ θεράποντι αὐτοῦ, θραῦσον αὐτῶν τὸ ἀνάστημα ἐν χειρὶ θηλείας. **11** οὐ γὰρ ἐν πλήθει τὸ κράτος σου, οὐδὲ ἡ δυναστεία σου ἐν ἰσχύουσιν, ἀλλὰ ταπεινῶν εἶ Θεός, ἐλαττόνων εἶ βοηθός, ἀντιλήπτωρ ἀσθενούντων, ἀπεγνωσμένων σκεπαστής, ἀπληπισμένων σωτήρ. **12** ναὶ ναὶ ὁ Θεὸς τοῦ πατρός μου καὶ Θεὸς κληρονομίας Ἰσραὴλ, δέσποτα τῶν οὐρανῶν καὶ τῆς γῆς, κτίστα τῶν ὑδάτων, βασιλεὺ πάσης κτίσεώς σου, σὺ εἰσάκουσον τῆς δεήσεώς μου **13** καὶ δὸς λόγον μου καὶ ἀπάτην εἰς τραῦμα καὶ μώλωπα αὐτῶν, οἱ κατὰ τῆς διαθήκης σου καὶ οἴκου ἡγιασμένου σου καὶ κορυφῆς Σιών καὶ οἴκου κατασχέσεως υἰῶν σου ἐβουλεύσαντο σκληρά. **14** καὶ ποιήσον ἐπὶ πᾶν τὸ ἔθνος σου, καὶ πάσης φυλῆς ἐπίγνωσιν τοῦ εἰδῆσαι ὅτι σὺ εἶ ὁ Θεὸς πάσης δυνάμεως καὶ κράτους, καὶ οὐκ ἔστιν ἄλλος ὑπερασπίζων τοῦ γένους Ἰσραὴλ, εἰ μὴ σὺ.

10

1 ΚΑΙ ἐγένετο ὡς ἐπαύσατο βοῶσα πρὸς τὸν Θεὸν Ἰσραὴλ καὶ συνετέλεσε πάντα τὰ ρήματα ταῦτα, **2** καὶ ἀνέστη ἀπὸ τῆς πτώσεως καὶ ἐκάλεσε τὴν ἄβραν αὐτῆς καὶ κατέβη εἰς τὸν οἶκον, ἐν ᾧ διέτριβεν ἐν αὐτῷ ἐν ταῖς ἡμέραις τῶν σαββάτων καὶ ἐν ταῖς ἑορταῖς αὐτῆς· **3** καὶ περιείλατο τὸν σάκκον, ὃν ἐνεδεδύκει, καὶ ἐξεδύσατο τὰ ἱμάτια τῆς χηρεύσεως αὐτῆς καὶ περιεκλύσατο τὸ σῶμα ὕδατι καὶ ἐχρίσατο μύρῳ παχεῖ καὶ διέταξε τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς αὐτῆς καὶ ἐπέθετο μίτραν ἐπ' αὐτῆς καὶ ἐνεδύσατο τὰ ἱμάτια τῆς εὐφροσύνης αὐτῆς, ἐν οἷς ἐστολίζετο ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς Μανασσή, **4** καὶ ἔλαβε σανδάλια εἰς τοὺς πόδας αὐτῆς καὶ περιέθετο τοὺς χλιδῶνας καὶ τὰ ψέλλια καὶ τοὺς δακτυλίους καὶ τὰ ἐνώτια καὶ πάντα τὸν κόσμον αὐτῆς καὶ ἐκαλλωπίσατο σφόδρα εἰς ἀπάτησιν

сила себя, чтобы прельстить глаза мужчин, которые увидят ее. **5** И дала служанке своей мех вина и сосуд масла, наполнила мешок мукою и сушеными плодами и чистыми хлебами и, обернув все эти припасы свои, возложила их на нее.

6 Выйдя к воротам города Ветилуи, они нашли стоявшими при них Озию и старейшин города, Хаврина и Хармина. **7** Когда они увидели ее и перемену в ее лице и одежде, очень много удивились красоте ее и сказали ей: **8** Бог, Бог отцов наших, да даст тебе благодать и да совершит твои намерения на радость сынов Израиля и на возвеличение Иерусалима. Она поклонилась Богу **9** и сказала им: велите отворить для меня ворота города; я выйду для исполнения дела, о котором вы говорили со мною. И велели юношам отворить для нее, как она сказала. **10** Они исполнили это. И вышла Иудифь и служанка ее с нею; а мужи городские смотрели вслед за нею, пока она сходила с горы, пока проходила долиной и пока не скрылась от их глаз. **11** Они шли прямо долиною, и встретила *Иудифь* передовая стража Ассириян, **12** и взяли ее и спросили: чья ты, откуда идешь и куда отправляешься? Она сказала: я дочь Евреев и бегу от них, потому что они будут преданы вам на истребление. **13** Я иду к Олоферну, вождю вашего войска, возвестить слова истинны и указать ему путь, которым он пойдет и овладеет всею нагорною странюю, так что не погибнет из мужей его ни один человек и ни одна живая душа. **14** Когда эти люди слушали слова ее и всматривались в лице ее, — она показалась им чудом по красоте, и они сказали ей: **15** ты спасла душу твою, поспешив прийти к господину нашему; ступай же к шатру его, а наши проводят тебя, пока не передадут тебя ему на руки. **16** Когда ты станешь перед ним, — не бойся сердцем твоим, но выскажи слова твои, и он тебя благодетельствует. **17** И, выбрав из среды

ὄφθαλμῶν ἀνδρῶν, ὅσοι ἂν ἴδωσιν αὐτήν. **5** καὶ ἔδωκε τῇ ἄβρα αὐτῆς ἀσκοπιτίνην οἴνου καὶ καψάκην ἐλαίου καὶ πήραν ἐπλήρωσεν ἀλφίτων καὶ παλάθης καὶ ἄρτων καθαρῶν καὶ περιεδίπλωσε πάντα τὰ ἀγγεῖα αὐτῆς καὶ ἐπέθηκεν ἐπ' αὐτῆ. **6** καὶ ἐξήλθοσαν ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως Βαιτυλοῦα καὶ εὔροσαν ἐφεστῶτας ἐπ' αὐτῆς Ὀζίαν καὶ τοὺς πρεσβυτέρους τῆς πόλεως Χαβρίν καὶ Харμίν. **7** ὡς δὲ εἶδον αὐτήν καὶ ἦν ἡλλοιωμένον τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ τὴν στολήν μεταβληκυῖαν αὐτῆς, καὶ ἐθαύμασαν ἐπὶ τῷ κάλλει αὐτῆς ἐπὶ πολὺ σφόδρα καὶ εἶπαν αὐτῆ· **8** ὁ Θεὸς ὁ Θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν δῶκε σε εἰς χάριν καὶ τελειῶσαι τὰ ἐπιτηδεύματά σου εἰς γαυρίαμα υἱῶν Ἰσραὴλ καὶ ὑψωμα Ἱερουσαλήμ. καὶ προσεκύνησε τῷ Θεῷ **9** καὶ εἶπε πρὸς αὐτούς· ἐπιτάξατε ἀνοίξαι μοι τὴν πύλην τῆς πόλεως, καὶ ἐξελεύσομαι εἰς τελειῶσιν τῶν λόγων, ὧν ἐλάλησατε μετ' ἐμοῦ· καὶ συνέταξαν τοῖς νεανίσκοις ἀνοίξαι αὐτῆ καθότι ἐλάλησε. **10** καὶ ἐποίησαν οὕτως. καὶ ἐξῆλθεν Ἰουδίθ, αὐτὴ καὶ ἡ παιδίσκη αὐτῆς μετ' αὐτῆς· ἀπεσκοπέυον δὲ αὐτήν οἱ ἄνδρες τῆς πόλεως ἕως οὗ κατέβη τὸ ὄρος, ἕως διήλθε τὸν αὐλῶνα καὶ οὐκέτι ἐθεώρουν αὐτήν. **11** καὶ ἐπορεύοντο ἐν τῷ αὐλῶνι εἰς εὐθείαν, καὶ συνήντησεν αὐτῆ προφυλακὴ τῶν Ἀσσυρίων. **12** καὶ συνέλαβον αὐτήν καὶ ἐπηρώτησαν· τίνων εἶ καὶ πόθεν ἔρχη καὶ ποῦ πορεύη; καὶ εἶπε· θυγάτηρ εἰμι τῶν Ἑβραίων καὶ ἀποδιδράσκω ἀπὸ προσώπου αὐτῶν, ὅτι μέλλουσι δίδοσθαι ὑμῖν εἰς κατάβρωμα· **13** γὰρ ἔρχομαι εἰς τὸ πρόσωπον Ὀλοφέρνου ἀρχιστρατήγου δυνάμεως ὑμῶν τοῦ ἀναγγεῖλαι ρήματα ἀληθείας καὶ δεῖξω πρὸ προσώπου αὐτοῦ ὁδόν, καθ' ἣν πορεύσεται καὶ κυριεύσει πάσης τῆς ὀρεινῆς, καὶ οὐ διαφωνήσει τῶν ἀνδρῶν αὐτοῦ σὰρξ μία οὐδὲ πνεῦμα ζωῆς. **14** ὡς δὲ ἤκουσαν οἱ ἄνδρες τὰ ρήματα αὐτῆς καὶ κατενόησαν τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ ἦν ἐναντίον αὐτῶν θαυμάσιον τῷ κάλλει σφόδρα καὶ εἶπαν πρὸς αὐτήν· **15** σέσωκας τὴν ψυχὴν σου σπεύσασα καταβῆναι εἰς πρόσωπον τοῦ κυρίου ἡμῶν· καὶ νῦν πρόσελθε ἐπὶ τὴν σκηνὴν αὐτοῦ, καὶ ἀφ' ἡμῶν προπέμψουσί σε, ἕως παραδώσουσί σε εἰς τὰς χεῖρας αὐτοῦ· **16** ἐὰν δὲ στῆς ἐναντίον αὐτοῦ, μὴ φοβηθῆς τῆ καρδίᾳ σου, ἀλλὰ ἀνάγγειλον κατὰ τὰ ρήματά σου, καὶ εὖ σε ποιήσει. **17** καὶ ἐπέλεξαν ἐξ αὐτῶν ἄνδρας ἑκατὸν καὶ παρέζευξαν αὐτῆ καὶ τῇ ἄβρα αὐτῆς, καὶ ἡγαγον

своей сто человек, приставили их к ней и к служанке ее, и они повели их к шатру Олоферна. **18** Во всем стане произошло движение, потому что весть о приходе ее разнеслась по шатрам: сбжавшиеся окружили ее, так как она стояла вне шатра Олоферна, пока не возвестили ему о ней; **19** и дивились красоте ее, а из-за нее дивились и сынам Израиля, и говорили каждый ближнему своему: кто пренебрежет таким народом, который имеет таких жен у себя! Неблагоразумно оставить из них ни одного мужа, потому что оставшиеся будут в состоянии перехитрить всю землю. **20** *Между тем* спавшие при Олоферне и все служители его вышли и ввели ее в шатер. **21** Олоферн отдыхал на своей постели за занавесом, украшенным пурпуром, золотом, изумрудом и драгоценными камнями. **22** *Когда* ему доложили о ней, он вышел в переднее отделение шатра, и перед ним несли серебряные лампы. **23** Когда Иудифь представилась ему и служителям его, все удивились красоте лица ее. Она, пав на лице, поклонилась ему, и служители его подняли ее.

11 Олоферн сказал ей: ободрись, жена; не бойся сердцем твоим, потому что я не сделал зла никому, кто добровольно решился служить Навуходоносору, царю всей земли. **2** И теперь, если бы народ твой, живущий в нагорной стране, не пренебрег мною, я не поднял бы на них копья моего; но они сами это сделали для себя. **3** Скажи же мне: почему ты бежала от них и пришла к нам? Ты найдешь себе *здесь* спасение; не бойся: ты будешь жива в эту ночь и после, **4** потому что тебя никто не обидит, напротив, всякий будет благодетельствовать тебе, как бывает с рабами господина моего, царя Навуходоносора. **5** Иудифь сказала ему: выслушай слова рабы твоей; пусть раба говорит пред лицом твоим: я не скажу лжи господину моему в эту ночь. **6** И если ты последуешь словам рабы твоей, то Бог чрез тебя

αὐτὰς ἐπὶ τὴν σκηνὴν Ὀλοφέρνη. **18** καὶ ἐγένετο συνδρομὴ πάσῃ τῇ παρεμβολῇ, διεβοήθη γὰρ εἰς τὰ σκηνώματα ἢ παρουσία αὐτῆς· καὶ ἐλθόντες ἐκύκλουν αὐτὴν ὡς εἰστήκει ἔξω τῆς σκηνῆς Ὀλοφέρνη, ἕως προσήγγειλαν αὐτῷ περὶ αὐτῆς. **19** καὶ ἐθαύμαζον ἐπὶ τῷ κάλλει αὐτῆς καὶ ἐθαύμαζον τοὺς υἱοὺς Ἰσραὴλ ἀπ' αὐτῆς, καὶ εἶπεν ἕκαστος πρὸς τὸν πλησίον αὐτοῦ· τίς καταφρονήσει τοῦ λαοῦ τούτου, ὃς ἔχει ἐν ἑαυτῷ γυναικας τοιαύτας; ὅτι οὐ καλόν ἐστιν ὑπολείπεσθαι ἐξ αὐτῶν ἄνδρα ἓνα, οἱ ἀφεθέντες δυνήσονται κατασοφίσασθαι πᾶσαν τὴν γῆν. **20** καὶ ἐξῆλθον οἱ παρακαθεύδοντες Ὀλοφέρνη καὶ πάντες οἱ θεράποντες αὐτοῦ καὶ εἰσήγαγον αὐτὴν εἰς τὴν σκηνήν. **21** καὶ ἦν Ὀλοφέρνης ἀναπαυόμενος ἐπὶ τῆς κλίνης αὐτοῦ ἐν τῷ κωνωπέῳ, ὃ ἦν ἐκ πορφύρας καὶ χρυσοῦ καὶ σμαράγδου καὶ λίθων πολυτελῶν καθυφασμένων. **22** καὶ ἀνήγγειλαν αὐτῷ περὶ αὐτῆς, καὶ ἐξῆλθεν εἰς τὸ προσκίηνιον, καὶ λαμπάδες ἀργυραὶ προάγουσαι αὐτοῦ. **23** ὡς δὲ ἦλθε κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ Ἰουδίθ καὶ τῶν θεραπόντων αὐτοῦ, ἐθαύμασαν πάντες ἐπὶ τῷ κάλλει τοῦ προσώπου αὐτῆς· καὶ πεσοῦσα ἐπὶ πρόσωπον προσεκύνησεν αὐτῷ, καὶ ἤγειραν αὐτὴν οἱ δούλοι αὐτοῦ.

11

1 ΚΑΙ εἶπε πρὸς αὐτὴν Ὀλοφέρνης· θάρσησον, γύναι, μὴ φοβηθῆς τῇ καρδίᾳ σου, ὅτι ἐγὼ οὐκ ἐκάκωσα ἄνθρωπον, ὅστις ἠρέτικε δουλεύειν βασιλεῖ Ναβουχοδονόσορ πάσης τῆς γῆς. **2** καὶ νῦν ὁ λαός σου ὁ κατοικῶν τὴν ὄρεινὴν, εἰ μὴ ἐφάυλισάν με, οὐκ ἂν ἦρα τὸ δόρυ μου ἐπ' αὐτοῦς, ἀλλ' αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἐποίησαν ταῦτα. **3** καὶ νῦν λέγε μοι τίνας ἔνεκεν ἀπέδρας ἀπ' αὐτῶν καὶ ἦλθες πρὸς ἡμᾶς; ἦκεις γὰρ εἰς σωτηρίαν· θάρσει, ἐν τῇ νυκτὶ ταύτῃ ζῆση καὶ εἰς τὸ λοιπόν· **4** οὐ γάρ ἐστιν ὃς ἀδικήσει σε, ἀλλ' εὖ σε ποιήσει καθὰ γίνεται τοῖς δούλοις τοῦ κυρίου μου βασιλέως Ναβουχοδονόσορ. **5** καὶ εἶπε πρὸς αὐτὸν Ἰουδίθ· δέξαι τὰ ρήματα τῆς δούλης σου, καὶ λαλησάτω ἡ παιδίσκη σου κατὰ πρόσωπόν σου, καὶ οὐκ ἀναγγελῶ ψεῦδος τῷ κυρίῳ μου ἐν τῇ νυκτὶ ταύτῃ. **6** καὶ ἐὰν κατακολουθήσης τοῖς λόγοις τῆς παιδίσκης σου, τελείως πᾶγμα ποιήσει μετὰ σοῦ ὁ Θεός, καὶ οὐκ ἀποπεσεῖται ὁ κύριός μου τῶν

совершит дело, и господин мой не ошибется в своих предприятиях. **7** Да живет Навуходоносор, царь всей земли, и да живет держава его, пославшего тебя для исправления всякой души, потому что не только люди чрез тебя будут служить ему, но и звери полевые, и скот, и птицы небесные чрез твою силу будут жить под властью Навуходоносора и всего дома его. **8** Ибо мы слышали о твоей мудрости и хитрости ума твоего, и всей земле известно, что ты один добр во всем царстве, силен в знании и дивен в воинских подвигах. **9** А что говорил Ахиор в собрании твоём, мы слышали слова его, потому что мужи Ветилуи оставили его в живых, и он рассказал им все, о чем говорил тебе. **10** Посему, владыка-господин, не оставляй без внимания слова его, но сложи его в сердце твоём, потому что оно истинно: род наш не наказывается, меч не имеет силы над нами, если они не грешат пред Богом своим. **11** Итак, чтобы господин мой не был отражен и безуспешен и чтобы их постигла смерть, — овладел ими грех, которым они прогневляют Бога своего, делая то, чего не следует; **12** потому что у них оказался недостаток в пище и вся вода истощилась, — и *вот*, они решились броситься на скот свой и думают питаться всем, что Бог строго запретил в законе Своем употреблять в пищу. **13** Даже начатки пшеницы и десятины вина и масла, которые, по освящении, хранятся для священников, предстоящих пред лицом Бога нашего в Иерусалиме, они решились употребить, тогда как и руками касаться их не следовало никому из народа. **14** Они послали в Иерусалим, так как и тамошние жители делали это, принести к ним разрешение на то от собрания старейшин. **15** И как скоро им дано будет известие, и они сделают это, то в тот же день будут преданы тебе на погубление. **16** Вот почему я, раба твоя, узнав обо всем этом, бежала от них, и Бог послал меня сделать вместе с тобою такие

ἐπιτηδεύμάτων αὐτοῦ· 7 ζῆ γὰρ βασιλεὺς Ναβουχοδονόσορ πάσης τῆς γῆς καὶ ζῆ τὸ κράτος αὐτοῦ, ὃς ἀπέστειλέ σε εἰς κατόρθωσιν πάσης ψυχῆς, ὅτι οὐ μόνον ἄνθρωποι διὰ σέ δουλεύουσιν αὐτῷ, ἀλλὰ καὶ τὰ θηρία τοῦ ἀγροῦ καὶ τὰ κτήνη καὶ τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ διὰ τῆς ἰσχύος σου ζήσονται ἐπὶ Ναβουχοδονόσορ καὶ πάντα τὸν οἶκον αὐτοῦ· 8 ἠκούσαμεν γὰρ τὴν σοφίαν σου καὶ τὰ πανουργεύματα τῆς ψυχῆς σου, καὶ ἀνηγγέλη πάση τῇ γῆ ὅτι σὺ μόνος ἀγαθὸς ἐν πάση βασιλείᾳ καὶ δυνατὸς ἐν ἐπιστήμῃ καὶ θαυμαστὸς ἐν στρατεύμασι πολέμου. 9 καὶ νῦν ὁ λόγος, ὃν ἐλάλησεν Ἀχιὼρ ἐν τῇ συνεδρίᾳ σου, ἠκούσαμεν τὰ ῥήματα αὐτοῦ, ὅτι περιεποιήσαντο αὐτὸν οἱ ἄνδρες Βαιτυλούα, καὶ ἀνήγγειλεν αὐτοῖς πάντα, ὅσα ἐξελάλησε παρὰ σοί. 10 διό, δέσποτα κύριε, μὴ παρέλθῃς τὸν λόγον αὐτοῦ, ἀλλὰ κατάθου αὐτὸν ἐν τῇ καρδίᾳ σου, ὅτι ἀληθῆς ἐστίν· οὐ γὰρ ἐκδικᾶται τὸ γένος ἡμῶν, οὐ κατισχύει ρομφαία ἐπ' αὐτούς, ἐὰν μὴ ἀμάρτωσιν εἰς τὸν Θεὸν αὐτῶν. 11 καὶ νῦν, ἵνα μὴ γένηται ὁ κύριός μου ἔκβολος καὶ ἄπρακτος καὶ ἐπιπεσεῖται θάνατος ἐπὶ πρόσωπον αὐτῶν, καὶ κατελάβετο αὐτοὺς ἀμάρτημα, ἐν ᾧ παροργιοῦσι τὸν Θεὸν αὐτῶν, ὀπηνίκα ἂν ποιήσωσιν ἀτοπίαν· 12 ἐπεὶ γὰρ ἐξέλιπεν αὐτοὺς τὰ βρώματα καὶ ἐσπανίσθη πᾶν ὕδωρ, ἐβουλεύσαντο ἐπιβαλεῖν τοῖς κτήνεσιν αὐτῶν καὶ πάντα, ὅσα διεστέιλτο αὐτοῖς ὁ Θεὸς ἐν τοῖς νόμοις αὐτοῦ μὴ φαγεῖν, διέγνωσαν δαπανῆσαι. 13 καὶ τὰς ἀπαρχὰς τοῦ σίτου καὶ τὰς δεκάτας τοῦ οἴνου καὶ τοῦ ἐλαίου, ἃ διεφύλαξαν ἀγιάσαντες τοῖς ἱερεῦσι τοῖς παρεστηκόσιν ἐν Ἱερουσαλὴμ ἀπέναντι τοῦ προσώπου τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, κεκρίκασιν ἐξαναλῶσαι, ὧν οὐδὲ ταῖς χερσὶν καθῆκεν ἄψασθαι οὐδένα τῶν ἐκ τοῦ λαοῦ. 14 καὶ ἀπεστάλκασιν εἰς Ἱερουσαλὴμ, ὅτι καὶ οἱ ἐκεῖ κατοικοῦντες ἐποίησαν ταῦτα, τοὺς μετακομίσαντας αὐτοῖς τὴν ἄφεσιν παρὰ τῆς γερουσίας. 15 καὶ ἔσται ὡς ἂν ἀναγγεῖλη αὐτοῖς καὶ ποιήσωσι, δοθήσονται σοι εἰς ὄλεθρον ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ. 16 ὅθεν ἐγὼ ἡ δούλη σου ἐπιγνοῦσα ταῦτα πάντα ἀπέδρων ἀπὸ προσώπου αὐτῶν, καὶ ἐπέστειλέ

дела, которым изумится вся земля, где только услышат о них, **17** ибо раба твоя благочестива и день и ночь служит Богу Небесному. Теперь, господин мой, я останусь у тебя; только пусть раба твоя по ночам выходит на долину молиться Богу, — и Он откроет мне, когда они сделают свое преступление. **18** Я приду и объявлю тебе, и ты выходи *тогда* со всем твоим войском, — и никто из них не противостанет тебе. **19** Я поведу тебя чрез Иудею, доколе не дойдем до Иерусалима; поставлю среди его седалище твое, и ты погонишь их, как овец, не имеющих пастуха, — и пес не пошевелит против тебя языком своим. Это сказано мне по откровению и объявлено мне, и я послана возвестить тебе. **20** Понравились слова ее Олоферну и всем слугам его. Они дивились мудрости ее и говорили: **21** от края до края земли нет такой жены по красоте лица и по разумным речам. **22** Олоферн сказал ей: хорошо Бог сделал, что вперед этого народа послал тебя, чтобы в руках наших была сила, а среди презревших господина моего — гибель. **23** Прекрасна ты лицом, и добры речи твои. Если ты сделаешь, как сказала, то твой Бог будет моим Богом; ты будешь жить в доме царя Навуходоносора и будешь именита во всей земле.

12 И приказал ввести ее *туда*, где хранились серебряные сосуды его, и велел ей пользоваться пищею от стола его и пить вино его. **2** Но Иудифь сказала: не буду есть этого, чтобы не было соблазна, но пусть подадут мне то, что принесено со мною. **3** Олоферн сказал ей: а когда истощится то, что с тобою, откуда мы возьмем, чтобы подавать тебе подобное этому? Ибо среди нас нет никого из рода твоего. **4** Иудифь отвечала ему: да живет душа твоя, господин мой; раба твоя не издержит того, что со мною, прежде, нежели Господь совершит моею рукою то, что Он определил. **5** И ввели ее слуги Олоферна в шатер, и спала она до полно-

ме ὁ Θεὸς ποιῆσαι μετὰ σοῦ πράγματα, ἐφ' οἷς ἐκστήσεται πᾶσα ἡ γῆ, ὅσοι ἐὰν ἀκούσωσιν αὐτά. **17** ὅτι ἡ δούλη σου θεοσεβῆς ἐστὶ καὶ θεραπεύουσα νυκτὸς καὶ ἡμέρας τὸν Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ· καὶ νῦν μενῶ παρὰ σοί, κύριέ μου, καὶ ἐξελεύσεται ἡ δούλη σου κατὰ τὴν νύκτα εἰς τὴν φάραγγα καὶ προσεύξομαι πρὸς τὸν Θεόν, καὶ ἐρεῖ μοι πότε ἐποίησαν τὰ ἁμαρτήματα αὐτῶν. **18** καὶ ἐλθοῦσα προσανοίσω σοι, καὶ ἐξελεύσῃ σὺν πάσῃ τῇ δυνάμει σου, καὶ οὐκ ἔστιν ὃς ἀντιστήσεται σοὶ ἐξ αὐτῶν. **19** καὶ ἄξω σε διὰ μέσου τῆς Ἰουδαίας ἕως τοῦ ἐλθεῖν ἀπέναντι Ἰερουσαλήμ καὶ θήσω τὸν δίφρον σου ἐν μέσῳ αὐτῆς, καὶ ἄξεις αὐτοὺς ὡς πρόβατα, οἷς οὐκ ἔστι ποιμὴν, καὶ οὐ γρύξει κύων τῇ γλώσσει αὐτοῦ ἀπέναντί σου, ὅτι ταῦτα ἐλαλήθη μοι κατὰ πρόγνωσίν μου καὶ ἀπηγγέλη μοι, καὶ ἀπεστάλην ἀναγγεῖλαι σοι. **20** καὶ ἤρεσαν οἱ λόγοι αὐτῆς ἐναντίον Ὀλοφέρνηου καὶ ἐναντίον πάντων τῶν θεραπόντων αὐτοῦ, καὶ ἐθαύμασαν ἐπὶ τῇ σοφίᾳ αὐτῆς καὶ εἶπαν· **21** οὐκ ἔστι τοιαύτη γυνὴ ἀπ' ἄκρου ἕως ἄκρου τῆς γῆς καλῶ προσώπῳ καὶ συνέσει λόγων. **22** καὶ εἶπε πρὸς αὐτὴν Ὀλοφέρνης· εὖ ἐποίησεν ὁ Θεὸς ἀποστείλας σε ἔμπροσθεν τοῦ λαοῦ τοῦ γενηθῆναι ἐν χερσὶν ἡμῶν κράτος, ἐν δὲ τοῖς φαυλίσει τὸν κύριόν μου ἀπώλειαν. **23** καὶ νῦν ἀστεία εἶ σὺ ἐν τῷ εἶδει σου καὶ ἀγαθὴ ἐν τοῖς λόγοις σου· ὅτι ἐὰν ποιήσης καθὰ ἐλάλησας, ὁ Θεὸς σου ἔσται μου Θεός, καὶ σὺ ἐν οἴκῳ βασιλέως Ναβουχοδονόσορ καθήσῃ καὶ ἔσῃ ὀνομαστὴ παρὰ πᾶσαν τὴν γῆν.

12

1 ΚΑΙ ἐκέλευσεν εἰσαγαγεῖν αὐτὴν οὗ ἐτίθετο τὰ ἀργυρώματα αὐτοῦ καὶ συνέταξε καταστρώσαι αὐτῇ ἀπὸ τῶν ὀψοποιημάτων αὐτοῦ καὶ τοῦ οἴνου αὐτοῦ πίνειν. **2** καὶ εἶπεν Ἰουδίθ· οὐ φάγομαι ἐξ αὐτῶν, ἵνα μὴ γένηται σκάνδαλον, ἀλλ' ἐκ τῶν ἠκολουθηκότων μοι χορηγηθήσεται. **3** καὶ εἶπε πρὸς αὐτὴν Ὀλοφέρνης· ἐὰν δὲ ἐκλίπῃ τὰ ὄντα μετὰ σοῦ, πόθεν ἐξοίσομέν σοι δοῦναι ὅμοια αὐτοῖς; οὐ γάρ ἐστι μεθ' ἡμῶν ἐκ τοῦ ἔθνους σου. **4** καὶ εἶπεν Ἰουδίθ πρὸς αὐτόν· ζῆ ἡ ψυχὴ σου, κύριέ μου, ὅτι οὐ δαπανήσει ἡ δούλη σου τὰ ὄντα μετ' ἐμοῦ, ἕως ἂν ποιήσῃ Κύριος ἐν χειρὶ μου ἃ ἐβουλεύσατο. **5** καὶ ἠγάγασαν αὐτὴν οἱ θεράποντες Ὀλοφέρνηου εἰς τὴν σκηνὴν, καὶ ὑπνωσε μέχρι μεσοῦσης τῆς νυκτὸς· καὶ ἀνέστη πρὸς τὴν

чи; а пред утреннюю стражею встала **6** и послала сказать Олоферну: да даст господин мой повеление, чтобы рабе твоей позволили выходить на молитву. **7** Олоферн приказал своим телохранителям не препятствовать ей. И пробыла она в лагере три дня, а по ночам выходила в долину Ветилуи, омывалась при источнике воды у лагеря. **8** И, выходя, молилась Господу, Богу Израилеву, чтоб Он направил путь ее к избавлению сынов Его народа. **9** По возвращении она пребывала в шатре чистою, а к вечеру приносили ей пищу. **10** В четвертый день Олоферн сделал пир для одних слуг своих и не пригласил к услужению никого из приставленных к службам. **11** И сказал евнуху Вагою, управлявшему всем, что у него было: ступай и убеди Еврейскую женщину, которая у тебя, прийти к нам и есть и пить с нами: **12** стыдно нам оставить такую жену, не побеседовав с нею; она осмеет нас, если мы не пригласим ее. **13** Вагой, выйдя от Олоферна, пришел к ней и сказал: не откажись, прекрасная молодая женщина, прийти к господину моему, чтобы принять честь пред лицом его и пить с нами вино в веселие и быть в этот день как одною из дочерей сынов Ассура, которые предстоят в доме Навуходносора. **14** Иудифь сказала ему: кто я, чтобы прекословить господину моему? поспеши исполнить все, что будет угодно господину моему, и это будет служить мне утешением до дня смерти моей. **15** Она встала и нарядилась в одежду и во все женское украшение; а служанка ее пришла и разостлала для нее по земле пред Олоферном ковры, которые она получила от Вагоя для всегдашнего употребления, чтобы есть, возлежа на них. **16** Затем Иудифь пришла и возлегла. Подвиглось сердце Олоферна к ней, и душа его взволновалась: он сильно желал сойтись с нею и искал случая обольстить ее с того самого дня, как увидел ее. **17** И сказал ей Олоферн: пей же и веселись с нами.

ἔωθινὴν φυλακὴν, **6** καὶ ἀπέστειλε πρὸς Ὀλοφέρνην λέγουσα· ἐπιταξάτω δὴ ὁ κύριός μου ἕασαι τὴν δούλην σου ἐπὶ προσευχὴν ἐξελθεῖν. **7** καὶ προσέταξεν Ὀλοφέρνης τοῖς σωματοφύλαξι μὴ διακωλύειν αὐτήν. καὶ παρέμεινεν ἐν τῇ παρεμβολῇ ἡμέρας τρεῖς, καὶ ἐξεπορεύετο κατὰ νύκτα εἰς τὴν φάραγγα Βαιτυλοῦα καὶ ἐβαπτίζετο ἐν τῇ παρεμβολῇ ἐπὶ τῆς πηγῆς τοῦ ὕδατος· **8** καὶ ὡς ἀνέβη, ἐδέετο τοῦ Κυρίου Θεοῦ Ἰσραὴλ κατευθῆναι τὴν ὁδὸν αὐτῆς εἰς ἀνάστημα τῶν υἱῶν τοῦ λαοῦ αὐτοῦ. **9** καὶ εἰσπορευομένη καθαρὰ παρέμενε τῇ σκηνῇ, μέχρις οὗ προσηνέγκατο τὴν τροφὴν αὐτῆς πρὸς ἑσπέραν. **10** καὶ ἐγένετο ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ τετάρτῃ, ἐποίησεν Ὀλοφέρνης πότον τοῖς δούλοις αὐτοῦ μόνοις καὶ οὐκ ἐκάλεσεν εἰς τὴν χρῆσιν οὐδένα τῶν πρὸς ταῖς χρεαίαις. **11** καὶ εἶπε Βαγῶα τῷ εὐνοῦχῳ, ὃς ἦν ἐφεστηκὼς ἐπὶ πάντων τῶν αὐτοῦ· πείσον δὴ πορευθεὶς τὴν γυναῖκα τὴν Ἑβραίαν ἣ ἔστι παρὰ σοί, τοῦ ἐλθεῖν πρὸς ἡμᾶς καὶ φαγεῖν καὶ πιεῖν μεθ' ἡμῶν· **12** ἰδοὺ γὰρ αἰσχρὸν τῷ προσώπῳ ἡμῶν, εἰ γυναῖκα τοιαύτην παρήσομεν οὐχ ὁμιλήσαντες αὐτῇ, ὅτι ἐὰν ταύτην μὴ ἐπισπασώμεθα, καταγελάσεται ἡμῶν. **13** καὶ ἐξῆλθε Βαγῶας ἀπὸ προσώπου Ὀλοφέρνου καὶ εἰσῆλθε πρὸς αὐτήν καὶ εἶπε· μὴ ὀκνησάτω δὴ ἡ παιδίσκη ἢ καλὴ αὕτη ἐλθοῦσα πρὸς τὸν κύριόν μου δοξασθῆναι κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ καὶ πιεῖν μεθ' ἡμῶν εἰς εὐφροσύνην οἶνον καὶ γεννηθῆναι ἐν τῇ ἡμέρᾳ ταύτῃ ὡς θυγάτηρ μία τῶν υἱῶν Ἀσσοῦρ, αἱ παρεστήκασιν ἐν οἴκῳ Ναβουχοδονόσορ. **14** καὶ εἶπε πρὸς αὐτὸν Ἰουδίθ· καὶ τίς εἰμι ἐγὼ ἀντεροῦσα τῷ κυρίῳ μου; ὅτι πᾶν, ὃ ἔσται ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς αὐτοῦ ἀρεστόν, σπεύσασα ποιήσω, καὶ ἔσται τοῦτο ἀγαλλίαμα ἕως ἡμέρας θανάτου μου. **15** καὶ διαναστάσα ἐκοσμήθη τῷ ἱματισμῷ καὶ παντὶ τῷ κόσμῳ τῷ γυναικείῳ, καὶ προσῆλθεν ἡ δούλη αὐτῆς καὶ ἔστρωσεν αὐτῇ κατέναντι Ὀλοφέρνου χαμαὶ τὰ κώδια, ἃ ἔλαβε παρὰ Βαγῶου εἰς τὴν καθημερινὴν δίαιταν αὐτῆς, εἰς τὸ ἐσθίειν κατακλινομένην ἐπ' αὐτῶν. **16** καὶ εἰσελθοῦσα ἀνέπεσεν Ἰουδίθ, καὶ ἐξέστη ἡ καρδία Ὀλοφέρνου ἐπ' αὐτήν, καὶ ἐσαλεύθη ἡ ψυχὴ αὐτοῦ, καὶ ἦν κατεπίθυμος σφόδρα τοῦ συγγενέσθαι μετ' αὐτῆς· καὶ ἐτήρει καιρὸν τοῦ ἀπατήσαι αὐτὴν ἀφ' ἧς ἡμέρας εἶδεν αὐτήν. **17** καὶ εἶπε πρὸς αὐτήν Ὀλοφέρνης· πίε δὴ καὶ γενήθητι

18 А Иудифь сказала: буду пить, господин, потому что сегодня жизнь моя возвеличилась во мне больше, нежели во все дни от рождения моего. **19** И она брала, ела и пила пред ним, что приготовила служанка ее. **20** А Олоферн любовался на нее и пил вина весьма много, сколько не пил никогда, ни в один день от рождения.

13 Когда поздно стало, рабы его поспешили удалиться, а Вагой, отпустив предстоявших пред лицом его господина, затворил шатер снаружи, и они пошли к постелям своим, так как все были утомлены продолжительностью пира. **2** В шатре осталась одна Иудифь с Олоферном, упавшим на ложе свое, потому что был переполнен вином. **3** Иудифь велела служанке своей стать вне спальни ее и ожидать ее выхода, как было каждый день, сказав, что она выйдет на молитву. То же самое сказала она и Вагою. **4** Когда все от нее ушли и никого в спальне не осталось, ни малого, ни большого, Иудифь, став у постели *Олоферна*, сказала в сердце своем: Господи, Боже всякой силы! призри в час сей на дела рук моих к возвышению Иерусалима, **5** ибо теперь время защитить наследие Твое и исполнить мое намерение, поразить врагов, восставших на нас. **6** Потом, подойдя к столбику постели, стоявшему в головах у Олоферна, она сняла с него меч его **7** и, приблизившись к постели, схватила волосы головы его и сказала: Господи, Боже Израиля! укрепи меня в этот день. **8** И изо всей силы дважды ударила по шее *Олоферна* и сняла с него голову **9** и, сбросив с постели тело его, взяла со столбов занавес. Спустя немного она вышла и отдала служанке своей голову Олоферна, **10** а эта положила ее в мешок со съестными припасами, и обе вместе вышли, по обычаю своему, на молитву. Пройдя стан, они обошли кругом ущелье, поднялись на гору Ветилуи и пошли к воротам ее. **11** Иудифь издали кричала сторожившим при воротах:

μεθ' ἡμῶν εἰς εὐφροσύνην. **18** καὶ εἶπεν Ἰουδίθ· πίομαι δὴ, κύριε, ὅτι ἐμεγαλύνθη τὸ ζῆν μου ἐν ἔμοι σήμερον παρὰ πάσας τὰς ἡμέρας τῆς γενεσεώς μου. **19** καὶ λαβοῦσα ἔφαγε καὶ ἔπιε κατέναντι αὐτοῦ ἃ ἠτοίμασεν ἡ δούλη αὐτῆς. **20** καὶ ἠψφράνθη Ἰολοφέρνης ἀπ' αὐτῆς καὶ ἔπιεν οἶνον πολὺν σφόδρα, ὅσον οὐκ ἔπιε πώποτε ἐν ἡμέρᾳ μιᾷ ἀφ' οὗ ἐγεννήθη.

13

1 Ως δὲ ὄψια ἐγένετο, ἐσπούδασαν οἱ δοῦλοι αὐτοῦ ἀναλύειν. καὶ Βαγῶας συνέκλεισε τὴν σκηνὴν ἔξωθεν καὶ ἀπέκλεισε τοὺς παρεστῶτας ἐκ προσώπου τοῦ κυρίου αὐτοῦ, καὶ ἀπώχοντο εἰς τὰς κοίτας αὐτῶν· ἦσαν γὰρ πάντες κεκοπωμένοι, διὰ τὸ ἐπὶ πλεῖον γεγονέναι τὸν πότον. **2** ὑπελείφθη δὲ Ἰουδίθ μόνη ἐν τῇ σκηνῇ, καὶ Ἰολοφέρνης προπεπτωκῶς ἐπὶ τὴν κλίνην αὐτοῦ· ἦν γὰρ περικεχυμένος αὐτῷ ὁ οἶνος. **3** καὶ εἶπεν Ἰουδίθ τῇ δούλῃ αὐτῆς στήναι ἔξω τοῦ κοιτῶνος αὐτῆς καὶ ἐπιτηρεῖν τὴν ἔξοδον αὐτῆς· καθάπερ καθ' ἡμέραν, ἐξελεύσεσθαι γὰρ ἔφη ἐπὶ τὴν προσευχὴν αὐτῆς· καὶ τῷ Βαγῶα ἐλάλησε κατὰ τὰ ρήματα ταῦτα. **4** καὶ ἀπήλθοσαν πάντες ἐκ προσώπου, καὶ οὐδεὶς κατελείφθη ἐν τῷ κοιτῶνι ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου καὶ σῆμα Ἰουδίθ παρὰ τὴν κλίνην αὐτοῦ εἶπεν ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτῆς· Κύριε ὁ Θεὸς πάσης δυνάμεως, ἐπίβλεψον ἐν τῇ ὥρᾳ ταύτῃ ἐπὶ τὰ ἔργα τῶν χειρῶν μου εἰς ὕψωμα Ἰερουσαλήμ· **5** ὅτι νῦν καιρὸς ἀντιλαβέσθαι τῆς κληρονομίας σου καὶ ποιῆσαι τὸ ἐπιτήδευμά μου εἰς θραῦμα ἐχθρῶν, οἱ ἐπανεστήσαν ἡμῖν. **6** καὶ προσελθοῦσα τῷ κανόνι τῆς κλίνης, ὃς ἦν πρὸς κεφαλῆς Ἰολοφέρνου, καθεῖλε τὸν ἀκινάκην αὐτοῦ ἀπ' αὐτοῦ **7** καὶ ἐγγίσασα τῆς κλίνης ἐδράξατο τῆς κόμης τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ καὶ εἶπε· κραταίωσόν με, ὁ Θεὸς Ἰσραὴλ, ἐν τῇ ἡμέρᾳ ταύτῃ. **8** καὶ ἐπάταξεν εἰς τὸν τράχηλον αὐτοῦ δις ἐν τῇ ἰσχύϊ αὐτῆς καὶ ἀφείλε τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ἀπ' αὐτοῦ, **9** καὶ ἀπεκύλισε τὸ σῶμα αὐτοῦ ἀπὸ τῆς στρωμνῆς καὶ ἀφείλε τὸ κωνωπεῖον ἀπὸ τῶν στύλων. καὶ μετ' ὀλίγον ἐξῆλθε, καὶ παρέδωκε τῇ ἄβρα αὐτῆς τὴν κεφαλὴν Ἰολοφέρνου, **10** καὶ ἐνέβαλεν αὐτὴν εἰς τὴν πήραν τῶν βρωμάτων αὐτῆς. καὶ ἐξῆλθον αἱ δύο ἅμα κατὰ τὸν ἐθισμὸν αὐτῶν ἐπὶ τὴν προσευχὴν· καὶ διελθοῦσαι τὴν παρεμβολὴν ἐκύκλωσαν τὴν φάλαγγα ἐκεῖνην καὶ προσανέβησαν τὸ ὄρος Βαιτυλοῦα καὶ ἦλθοσαν πρὸς τὰς πύλας αὐτῆς. **11** Καὶ εἶπεν Ἰουδίθ

отворите, отворите ворота! с нами Бог, Бог наш, чтобы даровать еще силу Израилю и победу над врагами, как даровал Он и сегодня. **12** Как только услышали городские мужи голос ее, поспешили прийти к городским воротам и созвали старейшин города. **13** И сбежались все, от малого до большого, так как приход ее был для них сверх ожидания, и, отворив ворота, приняли их, и, зажегши для освещения огонь, окружили их. **14** Она же сказала им громким голосом: хвалите Господа, хвалите, хвалите Господа, что Он не удалил милости Своей от дома Израилева, но в эту ночь сокрушил врагов наших моею рукою. **15** И, вынув голову из мешка, показала ее и сказала им: вот голова Олоферна, вождя Ассирийского войска, и вот занавес его, за которым он лежал от опьянения, — и Господь поразил его рукою женщины. **16** Жив Господь, сохранивший меня в пути, которым я шла! ибо лицо мое прельстило Олоферна на погибель его, но он не сделал со мною скверного и постыдного греха. **17** Весь народ чрезвычайно изумился; пали, поклонились Богу и единодушно сказали: благословен Ты, Боже наш, уничтоживший сегодня врагов народа Твоего! **18** А Озия сказал ей: благословенна ты, дочь, Всевышним Богом более всех жен на земле, и благословен Господь Бог, создавший небеса и землю и наставивший тебя на поражение головы начальника наших врагов; **19** ибо надежда твоя не отступит от сердца людей, помнящих силу Божию, до века. **20** Да вменит тебе это Бог в вечную славу и да наградит тебя благами за то, что ты жизни твоей не пощадила при унижении рода нашего, но выступила вперед, когда мы падали, ты, право ходившая пред Богом нашим. И весь народ сказал: да будет, да будет!

14 Иудифь сказала им: послушайте же меня, братья, возьмите эту голову и повесьте на зубцах вашей стены. **2** Когда же наступит утро и солнце взойдет над землею, возь-

маκρόθεν τοῖς φυλάσσοουσιν ἐπὶ τῶν πυλῶν· ἀνοίξατε, ἀνοίξατε δὴ τὴν πύλην, μεθ' ἡμῶν ὁ Θεὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν ποιῆσαι ἔτι ἰσχὺν ἐν Ἰσραὴλ κατὰ κράτος κατὰ τῶν ἐχθρῶν, καθὰ καὶ σήμερον ἐποίησε. **12** καὶ ἐγένετο ὡς ἤκουσαν οἱ ἄνδρες τῆς πόλεως αὐτῆς τὴν φωνὴν αὐτῆς, ἐσπούδασαν τοῦ καταβῆναι εἰς τὴν πύλην τῆς πόλεως αὐτῶν καὶ συνεκάλεσαν τοὺς πρεσβυτέρους τῆς πόλεως. **13** καὶ συνέδραμον πάντες ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου, ὅτι παράδοξον ἦν αὐτοῖς τὸ ἐλθεῖν αὐτήν, καὶ ἠνοιξαν τὴν πύλην καὶ ὑπεδέξαντο αὐτὰς καὶ ἄψαντες πῦρ εἰς φαῦσιν περιεκύκλωσαν αὐτάς. **14** ἡ δὲ εἶπε πρὸς αὐτοὺς φωνῇ μεγάλῃ· αἰνεῖτε τὸν Θεόν, αἰνεῖτε· αἰνεῖτε τὸν Θεόν, ὃς οὐκ ἀπέστησε τὸ ἔλεος αὐτοῦ ἀπὸ τοῦ οἴκου Ἰσραὴλ, ἀλλ' ἔθραυσε τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν διὰ χειρὸς μου ἐν τῇ νυκτὶ ταύτῃ. **15** καὶ προελούσα τὴν κεφαλὴν ἐκ τῆς πήρας ἔδειξε καὶ εἶπεν αὐτοῖς· ἰδοὺ ἡ κεφαλὴ Ἰολοφέρνηου ἀρχιστρατήγου δυνάμεως Ἀσσοῦρ, καὶ ἰδοὺ τὸ κωνωπεῖον, ἐν ᾧ κατέκειτο ἐν ταῖς μέθαις αὐτοῦ· καὶ ἐπάταξεν αὐτὸν ὁ Κύριος ἐν χειρὶ θηλείας. **16** καὶ ζῆ Κύριος, ὃς διεφύλαξέ με ἐν τῇ ὁδῷ μου, ἧ ἐπορεύθην, ὅτι ἠπάτησεν αὐτὸν τὸ πρόσωπόν μου εἰς ἀπώλειαν αὐτοῦ, καὶ οὐκ ἐποίησεν ἀμάρτημα μετ' ἐμοῦ εἰς μίαισμα καὶ αἰσχύνην. **17** καὶ ἐξέστη πᾶς ὁ λαὸς σφόδρα καὶ κύψαντες προσεκύνησαν τῷ Θεῷ καὶ εἶπαν ὁμοθυμαδόν· εὐλογητὸς εἶ, ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ ἐξουδενώσας ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ σήμερον τοὺς ἐχθροὺς τοῦ λαοῦ σου. **18** καὶ εἶπεν αὐτῇ Ὁζίας· εὐλογητὴ σύ, θύγατερ, τῷ Θεῷ τῷ Ὑψίστῳ παρὰ πάσας τὰς γυναῖκας τὰς ἐπὶ τῆς γῆς, καὶ εὐλογημένος Κύριος ὁ Θεός, ὃς ἔκτισε τοὺς οὐρανοὺς καὶ τὴν γῆν, ὃς κατεθύννέ σε εἰς τραῦμα κεφαλῆς ἀρχοντος ἐχθρῶν ἡμῶν. **19** ὅτι οὐκ ἀποστήσεται ἡ ἐλπίς σου ἀπὸ καρδίας ἀνθρώπων μνημονευόντων ἰσχὺν Θεοῦ ἕως αἰῶνος. **20** καὶ ποιῆσαι σοι αὐτὰ ὁ Θεὸς εἰς ὕψος αἰώνιον τοῦ ἐπισκέψασθαί σε ἐν ἀγαθοῖς, ἀνθ' ὧν οὐκ ἐφείσω τῆς ψυχῆς σου διὰ τὴν ταπείνωσιν τοῦ γένους ἡμῶν, ἀλλ' ἐπέξηλθες πτώματι ἡμῶν ἐπ' εὐθειαν πορευθεῖσα ἐνώπιον τοῦ Θεοῦ ἡμῶν. καὶ εἶπαν πᾶς ὁ λαός· γένοιτο, γένοιτο.

14

1 ΚΑΙ εἶπε πρὸς αὐτοὺς Ἰουδίθ· ἀκούσατε δὴ μου, ἀδελφοί, καὶ λαβόντες τὴν κεφαλὴν ταύτην κρεμάσατε αὐτὴν ἐπὶ τῆς ἐπάλξεως τοῦ τείχους ὑμῶν. **2** καὶ ἔσται ἡνίκα ἂν διαφάση ὁ ὄρθρος καὶ ἐξέλθῃ ὁ ἥλιος ἐπὶ τὴν γῆν, ἀναλήψεσθε ἕκαστος τὰ σκεύη τὰ

мите каждый боевое свое оружие, идите все сильные за город и дайте им вождя, как будто намереваясь сойти на равнину против передовой стражи сынов Ассура, но не сходите. **3** Тогда они, взяв все свое оружие, пойдут в свой стан, разбудят вождей войска Ассирийского, и сбегутся к шатру Олоферна, но не найдут его; оттого нападет на них страх, и они побегут от вас. **4** А вы и все живущие во всяком пределе Израильском, преследуя их, поражайте их на пути. **5** Но прежде, чем сделаете это, пригласите ко мне Ахиора Аммонитянина: пусть увидит и узнает он того, кто уничтожал дом Израиля и прислал его к нам будто на смерть.

6 И призвали Ахиора из дома Озии. Когда он пришел и увидел голову Олоферна в руке одного мужа среди собрания народа, то пал на лице свое и ослабел духом. **7** Когда же подняли его, он припал к ногам Иудифи, поклонился ей и сказал: благословенна ты во всяком селении Иуды и во всяком народе, которые, услышав об имени твоём, изумятся. **8** Расскажи же мне теперь, что ты делала в эти дни? И Иудифь среди народа рассказала ему все, что она сделала с того дня, как вышла, до того дня, в который говорила с ними. **9** Когда она перестала говорить, народ громко воскликнул, и радостный крик его раздался в городе. **10** Ахиор же, видя все, что сделал Бог Израилев, искренно уверовал в Бога, обрезал крайнюю плоть свою и присоединился к дому Израилеву, даже до сего дня.

11 Когда настало утро, повесили голову Олоферна на стену; каждый муж взял свое оружие, и вышли отрядами на всходы горы. **12** Сыны Ассура, увидев их, послали к своим начальникам, а они пошли к вождям, к тысяченачальникам и ко всякому предводителю своему. **13** Придя к шатру Олоферна, они сказали управлявшему всем именем его: разбуди нашего господина, потому что эти рабы осмелились выйти на сраже-

πολεμικά ὑμῶν καὶ ἐξελεύσεσθε πᾶς ἀνὴρ ἰσχύων ἔξω τῆς πόλεως καὶ δώσετε ἀρχηγὸν εἰς αὐτοὺς ὡς καταβαίνοντες ἐπὶ τὸ πεδῖον εἰς τὴν προφυλακὴν υἱῶν Ἀσσοῦρ, καὶ οὐ καταβήσεσθε. **3** καὶ ἀναλαβόντες οὗτοι τὰς πανοπλίας αὐτῶν πορεύσονται εἰς τὴν παρεμβολὴν αὐτῶν καὶ ἐγεροῦσι τοὺς στρατηγοὺς τῆς δυνάμεως Ἀσσοῦρ· καὶ συνδραμοῦνται ἐπὶ τὴν σκηνὴν Ὀλοφέρνου καὶ οὐχ εὐρήσουσιν αὐτόν, καὶ ἐπιπεσεῖται ἐπ' αὐτοῦ πρὸς φόβος, καὶ φεύξονται ἀπὸ προσώπου ὑμῶν. **4** καὶ ἐπακολουθήσαντες ὑμεῖς καὶ πάντες οἱ κατοικοῦντες πᾶν ὄριον Ἰσραὴλ, καταστρώσατε αὐτοὺς ἐν ταῖς ὁδοῖς αὐτῶν. **5** πρὸ δὲ τοῦ ποιῆσαι ταῦτα, καλέσατέ μοι Ἀχιὼρ τὸν Ἀμανίτην, ἵνα ἰδὼν ἐπιγνῶ τὸν ἐκφαυλίσαντα τὸν οἶκον τοῦ Ἰσραὴλ καὶ αὐτὸν ὡς εἰς θάνατον ἀποστείλαντα εἰς ἡμᾶς. **6** καὶ ἐκάλεσαν τὸν Ἀχιὼρ ἐκ τοῦ οἴκου Ὀζία· ὡς δὲ ἦλθε καὶ εἶδε τὴν κεφαλὴν Ὀλοφέρνου ἐν χειρὶ ἀνδρὸς ἑνὸς ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τοῦ λαοῦ, ἔπεσεν ἐπὶ πρόσωπον, καὶ ἐξελύθη τὸ πνεῦμα αὐτοῦ. **7** ὡς δὲ ἀνέλαβον αὐτόν, προσέπεσε τοῖς ποσὶν Ἰουδίθ καὶ προσεκύνησε τῷ προσώπῳ αὐτῆς καὶ εἶπεν· εὐλογημένη σὺ ἐν παντὶ σκηνώματι Ἰούδα καὶ ἐν παντὶ ἔθνει, οἵτινες ἀκούσαντες τὸ ὄνομά σου ταραχθήσονται. **8** καὶ νῦν ἀναγγεῖλόν μοι ὅσα ἐποίησας ἐν ταῖς ἡμέραις ταύταις· καὶ ἀπήγγειλεν αὐτῷ Ἰουδίθ ἐν μέσῳ τοῦ λαοῦ πάντα, ὅσα ἦν πεποικυῖα, ἀφ' ἧς ἡμέρας ἐξήλθεν ἕως οὗ ἐλάλει αὐτοῖς. **9** ὡς δὲ ἐπαύσατο λαλοῦσα, ἠλάλαξεν ὁ λαὸς φωνῇ μεγάλῃ καὶ ἔδωκε φωνὴν εὐφρόσυνον ἐν τῇ πόλει αὐτῶν. **10** ἰδὼν δὲ Ἀχιὼρ πάντα, ὅσα ἐποίησεν ὁ Θεὸς τοῦ Ἰσραὴλ, ἐπίστευσε τῷ Θεῷ σφόδρα καὶ περιετέμετο τὴν σάρκα τῆς ἀκροβυστίας αὐτοῦ καὶ προσετέθη πρὸς τὸν οἶκον Ἰσραὴλ ἕως τῆς ἡμέρας ταύτης. **11** Ἠνίκα δὲ ὁ ὄρθρος ἀνέβη, καὶ ἐκρέμασαν τὴν κεφαλὴν Ὀλοφέρνου ἐκ τοῦ τείχους, καὶ ἀνέλαβε πᾶς ἀνὴρ Ἰσραὴλ τὰ ὄπλα αὐτοῦ καὶ ἐξήλθοσαν κατὰ σπεύρας ἐπὶ τὰς ἀναβάσεις τοῦ ὄρους. **12** οἱ δὲ υἱοὶ Ἀσσοῦρ ὡς εἶδον αὐτούς, διέπεμψαν ἐπὶ τοὺς ἡγουμένους αὐτῶν· οἱ δὲ ἦλθον ἐπὶ στρατηγοὺς καὶ χιλιάρχους καὶ ἐπὶ πάντα ἄρχοντα αὐτῶν. **13** καὶ παρεγένοντο ἐπὶ τὴν σκηνὴν Ὀλοφέρνου καὶ εἶπαν τῷ ὄντι ἐπὶ πάντων τῶν αὐτοῦ· ἔγειρον δὴ τὸν κύριον ἡμῶν, ὅτι ἐτόλμησαν οἱ δούλοι καταβαίνειν ἐφ' ἡμᾶς εἰς

ние с нами, чтобы быть совершенно истребленными. **14** Вагой вошел и постучался в дверь шатра, ибо думал, что он спит с Иудифью. **15** Когда же никто не отзывался ему, то, отворив, вошел в спальню и нашел, что Олоферн мертвый лежит у порога и голова его снята с него. **16** И он громко воскликнул с плачем, стоном и крепким воплем, и разорвал свои одежды. **17** Потом вошел в шатер, в котором пребывала Иудифь, и не нашел ее. Тогда он выскочил к народу и закричал: **18** рабы поступили вероломно; одна Еврейская жена опозорила дом царя Навуходоносора, ибо вот Олоферн на полу и головы нет на нем. **19** Когда услышали эти слова начальники войска Ассирийского, то разорвали одежды свои, и душа их сильно смутилась, и раздался у них крик и весьма великий вопль среди стана.

15 Когда бывшие в шатрах услышали о том, что случилось, то смутились, **2** и напал на них страх и трепет, и ни один из них не остался в глазах ближнего, но все они бросившись бежали по всем дорогам равнины и нагорной страны. **3** И расположившиеся лагерем в нагорной стране около Ветилуи также обратились в бегство. Тогда сыны Израиля, каждый из них воинственный муж, погнались за ними. **4** Озия послал в Ветомасфем, Виваю, Ховаю и Холу и во все пределы Израильские, чтобы известить о совершившемся и чтобы все погнались за неприятелями для истребления их. **5** Как скоро услышали об этом сыны Израиля, все дружно напали на них и поражали их до Ховы; равно и пришедшие из Иерусалима и из всей нагорной страны, так как им возвещено было о том, что случилось в стане врагов их, и из Галаада и Галилеи, со всех сторон наносили им большое поражение, доколе они не прошли за Дамаск и за пределы его. **6** Прочие жители Ветилуи напали на стан Ассирийский, разграбили его и весьма обогатились. **7** А сыны Израиля, возвра-

πόλεμον, ἵνα ἐξολοθρευθῶσιν εἰς τέλος. **14** καὶ εἰσῆλθε Βαγῶας καὶ ἔκρουσε τὴν αὐλαίαν τῆς σκηνῆς· ὑπενοεῖτο γὰρ καθεύδειν αὐτὸν μετὰ Ἰουδίθ· **15** ὡς δὲ οὐδεὶς ἐπήκουσε, διαστείλας εἰσῆλθεν εἰς τὸν κοιτῶνα καὶ εὗρεν αὐτὸν ἐπὶ τῆς χελωνίδος ἔρριμμένον νεκρόν, καὶ ἡ κεφαλὴ αὐτοῦ ἀφήρετο ἀπ' αὐτοῦ. **16** καὶ ἐβόησε φωνῇ μεγάλη μετὰ κλαυθμοῦ καὶ στεναγμοῦ καὶ βοῆς ἰσχυρᾶς καὶ διέρρηξε τὰ ἱμάτια αὐτοῦ. **17** καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὴν σκηνὴν, οὗ ἦν Ἰουδίθ καταλύουσα, καὶ οὐχ εὗρεν αὐτήν· καὶ ἐξεπήδησεν εἰς τὸν λαὸν κράζων· **18** ἠθέτησαν οἱ δούλοι, ἐποίησεν αἰσχύνην μία γυνὴ τῶν Ἑβραίων εἰς τὸν οἶκον τοῦ βασιλέως Ναβουχοδονόσορ· ὅτι ἰδοὺ Ἰολοφέρνης χαμαί, καὶ ἡ κεφαλὴ οὐκ ἔστιν ἐπ' αὐτῷ. **19** ὡς δὲ ἤκουσαν ταῦτα τὰ ρήματα οἱ ἄρχοντες τῆς δυνάμεως Ἀσσοῦρ, τοὺς χιτῶνας αὐτῶν διέρρηξαν, καὶ ἐταράχθη ἡ ψυχὴ αὐτῶν σφόδρα, καὶ ἐγένετο αὐτῶν κραυγὴ καὶ βοή μεγάλη σφόδρα ἐν μέσῳ τῆς παρεμβολῆς.

15

1 ΚΑΙ ὡς ἤκουσαν οἱ ἐν τοῖς σκηνώμασιν ὄντες, ἐξέστησαν ἐπὶ τὸ γεγονός, **2** καὶ ἐπέπεσον ἐπ' αὐτοὺς φόβος καὶ τρόμος, καὶ οὐκ ἦν ἄνθρωπος μένων κατὰ πρόσωπον τοῦ πλησίον ἔτι, ἀλλ' ἐκχυθέντες ὁμοθυμαδὸν ἔφευγον ἐπὶ πᾶσαν ὁδὸν τοῦ πεδίου καὶ τῆς ὄρεινης· **3** καὶ οἱ παρεμβεβληκότες ἐν τῇ ὄρεινῇ κύκλῳ Βαιτυλοῦα καὶ ἐτράπησαν εἰς φυγὴν. καὶ τότε οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ, πᾶς ἀνὴρ πολεμιστῆς ἐξ αὐτῶν, ἐξεχύθησαν ἐπ' αὐτούς. **4** καὶ ἀπέστειλεν Ὁζίας εἰς Βαιτομασθαίμ καὶ Βηβαΐ καὶ Κωλὰ καὶ εἰς πᾶν ὄριον Ἰσραὴλ τοὺς ἀπαγγέλλοντας ὑπὲρ τῶν συντετελεσμένων καὶ ἵνα πάντες ἐπεκχυθῶσι τοῖς πολεμίοις εἰς τὴν ἀναίρεσιν αὐτῶν. **5** ὡς δὲ ἤκουσαν οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ, πάντες ὁμοθυμαδὸν ἐπέπεσον ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἔκοπτον αὐτοὺς ἕως Χωβά, ὡσαύτως δὲ καὶ οἱ ἐξ Ἱερουσαλήμ παρεγενήθησαν καὶ ἐκ πάσης τῆς ὄρεινης, ἀνήγγειλαν γὰρ αὐτοῖς τὰ γεγονότα τῇ παρεμβολῇ τῶν ἐχθρῶν αὐτῶν· καὶ οἱ ἐν Γαλαὰδ καὶ οἱ ἐν τῇ Γαλιλαίᾳ ὑπερεκέρασαν αὐτοὺς πληγῇ μεγάλῃ, ἕως οὗ παρήλθον Δαμασκὸν καὶ τὰ ὄρια αὐτῆς. **6** οἱ δὲ λοιποὶ οἱ κατοικοῦντες Βαιτυλοῦα ἐπέπεσαν τῇ παρεμβολῇ Ἀσσοῦρ καὶ ἐπρονόμεισαν αὐτοὺς καὶ ἐπλούτησαν σφόδρα. **7** οἱ δὲ υἱοὶ Ἰσραὴλ

тившиеся от поражения, овладели остальным; и села и деревни в нагорной стране и на равнине получили большую добычу, потому что ее было весьма многое множество. **8** Великий священник Иоаким и старейшины сынов Израилевых, жившие в Иерусалиме, пришли посмотреть, какое благо сотворил Господь для Израиля, и видеть Иудифь и приветствовать ее. **9** Как только они вошли к ней, то все единодушно благословили ее и сказали ей: ты величие Израиля, ты великая радость Израиля, ты великая слава нашего рода. **10** Все это ты сделала твоею рукою; ты сделала добро Израилю, и да благоволит к нему Бог; будь же благословенна от Господа Вседержителя на вечное время. И весь народ сказал: да будет!

11 Народ расхищал лагерь в продолжение тридцати дней, и Иудифи отдали шатер Олоферна и все серебряные сосуды и постели и чаши и всю утварь его. Она взяла, возложила на мула своего, запрягла колесницы свои и сложила это на них. **12** И сбежались все жены Израильские видеть ее, и благословляли ее и составили из себя для нее хор; а она взяла в свои руки обвитые виноградными листьями жезлы и дала женщинам, бывшим с нею, **13** и возложили на себя масличные венки — она и бывшие с нею. Она шла впереди всего народа в хоре и вела за собою всех жен; за нею следовали все мужи Израильские, вооруженные, с венками и с торжественными песнями в своих устах. **14** Иудифь начала пред всем Израилем благодарственную песнь, и весь народ подпевал эту песнь.

16 И сказала Иудифь: начните Богу моему на тимпанах, пойте Господу моему на кимвалах, стройно воспевайте Ему новую песнь, возносите и призывайте имя Его; **2** потому что Он есть Бог Господь, сокрушающий брани, потому что Он ополчился за меня среди народа и исторг меня из руки моих преследователей. **3** Пришел Ассур с гор

ἀναστρέψαντες ἀπὸ τῆς κοπῆς ἐκυρίευσαν τῶν λοιπῶν, καὶ αἱ κῶμαι καὶ αἱ ἐπαύλεις ἐν τῇ ὄρεινῃ καὶ πεδινῇ ἐκράτησαν πολλῶν λαφύρων, ἦν γὰρ πλῆθος πολὺ σφόδρα. **8** καὶ Ἰωακὶμ ὁ ἱερεὺς ὁ μέγας καὶ ἡ γερουσία τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ οἱ κατοικοῦντες ἐν Ἱερουσαλὴμ ἦλθον τοῦ θεάσασθαι τὰ ἀγαθὰ, ἃ ἐποίησε Κύριος τῷ Ἰσραὴλ, καὶ τοῦ ἰδεῖν τὴν Ἰουδίθ καὶ λαλῆσαι μετ' αὐτῆς εἰρήνην. **9** ὡς δὲ εἰσῆλθον πρὸς αὐτήν, εὐλόγησαν αὐτήν πάντες ὁμοθυμαδὸν καὶ εἶπαν πρὸς αὐτήν· σὺ ὕψωμα Ἰσραὴλ, σὺ γαυρίαμα μέγα τοῦ Ἰσραὴλ, σὺ καύχημα μέγα τοῦ γένους ἡμῶν. **10** ἐποίησας πάντα ταῦτα ἐν χειρὶ σου, ἐποίησας τὰ ἀγαθὰ μετὰ Ἰσραὴλ, καὶ εὐδόκησεν ἐπ' αὐτοῖς ὁ Θεός· εὐλογημένη γίνου παρὰ τῷ παντοκράτορι Κυρίῳ εἰς τὸν αἰῶνα χρόνον. καὶ εἶπε ὁ λαός· γένοιτο **11** καὶ ἐλαφύρευσε πᾶς ὁ λαὸς τὴν παρεμβολὴν ἐφ' ἡμέρας τριάκοντα· καὶ ἔδωκεν τῇ Ἰουδίθ τὴν σκηνὴν Ὀλοφέρνου καὶ πάντα τὰ ἀργυρώματα καὶ τὰς κλίνας καὶ τὰ ὄλκια καὶ πάντα τὰ σκευάσματα αὐτοῦ. καὶ λαβοῦσα αὐτὴ ἐπέθηκεν ἐπὶ τὴν ἡμίονον αὐτῆς καὶ ἔζευξε τὰς ἀμάξας αὐτῆς καὶ ἐσώρευσεν αὐτὰ ἐπ' αὐτῶν. **12** καὶ συνέδραμε πᾶσα γυνὴ Ἰσραὴλ τοῦ ἰδεῖν αὐτήν καὶ εὐλόγησαν αὐτήν καὶ ἐποίησαν αὐτῇ χορὸν ἐξ αὐτῶν, καὶ ἔλαβε θύρσους ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῆς καὶ ἔδωκε ταῖς γυναῖξι ταῖς μετ' αὐτῆς. **13** καὶ ἐστεφανώσαντο τὴν ἐλαίαν, αὐτὴ καὶ αἱ μετ' αὐτῆς, καὶ προῆλθε παντὸς τοῦ λαοῦ ἐν χορείᾳ ἡγουμένη πασῶν τῶν γυναικῶν, καὶ ἠκολούθει πᾶς ἀνὴρ Ἰσραὴλ ἐνωπλισμένοι μετὰ στεφάνων καὶ ὕμνων ἐν τῷ στόματι αὐτῶν. **14** καὶ ἐξῆρχεν Ἰουδίθ τὴν ἐξομολόγησιν ταύτην ἐν παντὶ Ἰσραὴλ, καὶ ὑπεφώνει πᾶς ὁ λαὸς τὴν αἴνεσιν ταύτην.

16

1 ΚΑΙ εἶπεν Ἰουδίθ· Ἐξάρχετε τῷ Θεῷ μου ἐν τυμπάνοις, ἄσατε τῷ Κυρίῳ μου ἐν κυμβάλοις, ἐναρμόσασθε αὐτῷ ψαλμὸν καινόν, ὑψοῦτε καὶ ἐπικαλέσασθε τὸ ὄνομα αὐτοῦ, **2** ὅτι Θεὸς συντρίβων πολέμους Κύριος, ὅτι εἰς παρεμβολὰς αὐτοῦ μέσῳ λαοῦ ἐξείλατό με ἐκ χειρὸς τῶν καταδιωκόντων με. **3** ἦλθεν Ἀσσοῦρ ἐξ ὀρέων ἀπὸ βορρᾶ, ἦλθεν ἐν

севера, пришел с мириадами войска своего, и множество их запрудило воду в источниках, и конница их покрыла холмы. **4** Он сказал, что пределы мои сожжет, юношей моих мечом истребит, грудных младенцев бросит о землю, малых детей моих отдаст на расхищение, дев моих пленит. **5** Но Господь Вседержитель низложил их рукою жены. **6** Не от юношей пал сильный их, не сыны титанов поразили его, и не рослые исполины налегали на него, но Иудифь, дочь Мерарии, красотой лица своего погубила его; **7** потому что она для возвышения бедствовавших в Израиле сняла с себя одежды вдовства своего, помазала лице свое благовонною мастью, **8** украсила волосы свои головным убором, надела для прельщения его льняную одежду. **9** Ее сандалии восхитили взор его, и красота ее пленила душу его; меч прошел по шее его. **10** Персы ужаснулись отваги ее, и Мидяне растерялись от смелости ее. **11** Тогда воскликнули смиренные мои, — и они испугались; немощные мои, — и они пришли в смущение; возвысили голос свой, — и они обратились в бегство. **12** Сыновья молодых жен кололи их и, как детям беглых рабов, наносили им раны; они погибли от ополчения Господа моего. **13** Воспою Господу моему песнь новую. Велик Ты, Господи, и славен, дивен силою и непобедим! **14** Да работает Тебе всякое создание Твое: ибо Ты сказал, — и совершилось; Ты послал Духа Твоего, — и устроилось, — и нет *никого*, кто противостал бы гласу Твоему. **15** Горы с водами подвигнутся с оснований, и камни, как воск, растают от лица Твоего, но к боящимся Тебя Ты благомыслитив. **16** Мала всякая жертва для воні благоухания, и всякий тук ничтожен для всеожжения Тебе, но боящийся Господа всегда велик. **17** Горе народам, восстающим на род мой: Господь Вседержитель отмстит им в день суда, пошлет огонь и червей на их тела, — и они будут чувствовать *боль* и плакать

μυριάσι δυνάμεως αὐτοῦ, ὧν τὸ πλῆθος αὐτῶν ἐκάλυψε βουνούς. 4 εἶπεν ἐμπρήσειν τὰ ὄρια μου καὶ τοὺς νεανίσκους μου ἀνελεῖν ἐν ρομφαίᾳ καὶ τὰ θηλάζοντά μου θήσειν εἰς ἔδαφος καὶ τὰ νηπία μου δώσειν εἰς προνομὴν καὶ τὰς παρθένους μου σκυλεῦσαι. 5 Κύριος παντοκράτωρ ἠθέτησεν αὐτοὺς ἐν χειρὶ θηλείας. 6 οὐ γὰρ ὑπέπεσεν ὁ δυνατὸς αὐτῶν ὑπὸ νεανίσκων, οὐδὲ υἱοὶ τιτάνων ἐπάταξαν αὐτόν, οὐδὲ ὑψηλοὶ γίγαντες ἐπέθεντο αὐτῷ, ἀλλὰ Ἰουδιθ θυγάτηρ Μεραρί ἐν κάλλει προσώπου αὐτῆς παρέλυσεν αὐτόν. 7 ἐξεδύσατο γὰρ στολὴν χηρεύσεως αὐτῆς εἰς ὕψος τῶν πονούντων ἐν Ἰσραὴλ, ἠλείψατο τὸ πρόσωπον αὐτῆς ἐν μυρισμῷ 8 καὶ ἐδήσατο τὰς τρίχας αὐτῆς ἐν μίτρᾳ καὶ ἔλαβε στολὴν λινῆν εἰς ἀπάτην αὐτοῦ. 9 τὸ σανδάλιον αὐτῆς ἤρπασεν ὀφθαλμὸν αὐτοῦ, καὶ τὸ κάλλος αὐτῆς ἠχμαλώτισε ψυχὴν αὐτοῦ, διήλθεν ὁ ἀκινάκης τὸν τράχηλον αὐτοῦ. 10 ἔφριξαν Πέρσαι τὴν τόλμαν αὐτῆς, καὶ Μῆδοι τὸ θράσος αὐτῆς ἐρράχθησαν. 11 τότε ἠλάλαξαν οἱ ταπεινοὶ μου, καὶ ἐφοβήθησαν οἱ ἀσθενοῦντές μου καὶ ἐπτοήθησαν, ὕψωσαν τὴν φωνὴν αὐτῶν καὶ ἀνετράπησαν. 12 υἱοὶ κορασιῶν κατεκέντησαν αὐτοὺς καὶ ὡς παῖδας αὐτομολούντων ἐτίτρωσκον αὐτούς, ἀπώλοντο ἐκ παρατάξεως Κυρίου μου. 13 ὑμνήσω τῷ Θεῷ μου ὕμνον καινόν. Κύριε, μέγας εἶ καὶ ἔνδοξος, θαυμαστός ἐν ἰσχύϊ, ἀνυπέρβλητος. 14 σοὶ δουλευσάτω πᾶσα ἡ κτίσις σου· ὅτι εἶπας, καὶ ἐγενήθησαν, ἀπέστειλας τὸ πνεῦμά σου, καὶ ἠκκοδόμησε· καὶ οὐκ ἔστιν ὃς ἀντιστήσεται τῇ φωνῇ σου. 15 ὄρη γὰρ ἐκ θεμελιῶν σὺν ὕδασι σαλευθήσεται, πέτραι δὲ ἀπὸ προσώπου σου ὡς κηρὸς τακῆσονται, ἔτι δὲ τοῖς φοβουμένοις σε, σὺ εὐίλατεύεις αὐτοῖς. 16 ὅτι μικρὸν πᾶσα θυσία εἰς ὀσμὴν εὐωδίας, καὶ ἐλάχιστον πᾶν στέαρ εἰς ὀλοκαύτωμά σοι· ὁ δὲ φοβούμενος τὸν Κύριον μέγας διαπαντός. 17 οὐαὶ ἔθνεσιν ἐπανισταμένοις τῷ γένει μου· Κύριος παντοκράτωρ ἐκδικήσει αὐτοὺς ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως δοῦναι πῦρ καὶ σκώληκας εἰς σάρκας αὐτῶν,

вечно.

18 Когда пришли в Иерусалим, они поклонились Богу, и, когда народ очистился, вознесли всесожжения свои и доброхотные жертвы свои и дары свои. **19** Иудифь же принесла все сосуды Олоферна, которые отдал ей народ, и занавес, который она взяла из спальни его, отдала в жертву Господу. **20** Народ веселился в Иерусалиме пред святилищем три месяца, и Иудифь пребывала с ними. **21** Но после сих дней каждый возвратился в удел свой, а Иудифь отправилась в Ветилую, где оставалась в имении своем, и была в свое время славною во всей земле. **22** Многие желали ее, но мужчина не познал ее во все дни ее жизни с того дня, как муж ее Манассия умер и приложился к народу своему. **23** Она приобрела великую славу и состарилась в доме мужа своего, *прожив* до ста пяти лет, и отпустила служанку свою на свободу. Она умерла в Ветилуе, и похоронили ее в пещере мужа ее Манассии. **24** Дом Израиля оплакивал ее семь дней. Имение же свое прежде смерти своей она разделила между родственниками Манассии, мужа своего, и между близкими из рода своего. **25** И никто более не устрашал сынов Израиля во дни Иудифи и много дней по смерти ее.

καὶ κλαύσονται ἐν αἰσθήσει ἕως αἰῶνος. 18 Ὡς δὲ ἦλθοσαν εἰς Ἱερουσαλήμ, προσεκύνησαν τῷ Θεῷ. καὶ ἠνίκα ἐκαθαρίσθη ὁ λαός, ἀνήνεγκαν τὰ ὀλοκαυτώματα αὐτῶν καὶ τὰ ἐκούσια αὐτῶν καὶ τὰ δόματα. 19 καὶ ἀνέθηκεν Ἰουδιθ πάντα τὰ σκευὴ Ὀλοφέρνου, ὅσα ἔδωκεν ὁ λαὸς αὐτῇ, καὶ τὸ κωνωπεῖον, ὃ ἔλαβεν αὐτὴ ἐκ τοῦ κοιτῶνος αὐτοῦ, ὡς ἀνάθημα τῷ Θεῷ ἔδωκε. 20 καὶ ἦν ὁ λαὸς εὐφραϊνόμενος ἐν Ἱερουσαλήμ κατὰ πρόσωπον τῶν ἁγίων ἐπὶ μῆνας τρεῖς, καὶ Ἰουδιθ μετ' αὐτῶν κατέμεινε. 21 Μετὰ δὲ τὰς ἡμέρας ταύτας ἀνέξευξεν ἕκαστος εἰς τὴν κληρονομίαν αὐτοῦ, καὶ Ἰουδιθ ἀπῆλθεν εἰς Βαιτυλοῦα καὶ κατέμεινε ἐπὶ τῆς ὑπάρξεως αὐτῆς· καὶ ἐγένετο κατὰ τὸν καιρὸν αὐτῆς ἔνδοξος ἐν πάσῃ τῇ γῇ. 22 καὶ πολλοὶ ἐπεθύμησαν αὐτήν, καὶ οὐκ ἔγνω ἀνὴρ αὐτὴν πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς αὐτῆς, ἀφ' ἧς ἡμέρας ἀπέθανε Μανασσῆς ὁ ἀνὴρ αὐτῆς, καὶ προσετέθη πρὸς τὸν λαὸν αὐτοῦ. 23 καὶ ἦν προβαίνουσα μεγάλη σφόδρα καὶ ἐγήρασεν ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς ἔτη ἑκατὸν πέντε· καὶ ἀφῆκε τὴν ἄβραν αὐτῆς ἐλευθέραν. καὶ ἀπέθανεν εἰς Βαιτυλοῦα, καὶ ἔθαψαν αὐτήν ἐν τῷ σπηλαίῳ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς Μανασσῆ, 24 καὶ ἐπένησεν αὐτὴν οἶκος Ἰσραὴλ ἡμέρας ἑπτὰ. καὶ διεῖλε τὰ ὑπάρχοντα αὐτῆς πρὸ τοῦ ἀποθανεῖν αὐτὴν πᾶσι τοῖς ἔγγιστα Μανασσῆ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς καὶ τοῖς ἔγγιστα τοῦ γένους αὐτῆς. 25 καὶ οὐκ ἦν ἔτι ὁ ἐκφοβῶν τοὺς υἱοὺς Ἰσραὴλ ἐν ταῖς ἡμέραις Ἰουδιθ καὶ μετὰ τὸ ἀποθανεῖν αὐτὴν ἡμέρας πολλὰς.

7 Случилось также, что были схвачены семь братьев с матерью и принуждаемы царем есть нездоровое свиное мясо, быв терзаемы бичами и жилами. **2** Один из них, приняв на себя ответ, сказал: о чем ты хочешь спрашивать или что узнать от нас? Мы готовы лучше умереть, нежели преступить отеческие законы. **3** Тогда царь, озлобившись, приказал разжечь сковороды и котлы. **4** Когда они были разожжены, тотчас приказал принявшему на себя ответ отрезать язык и, содрав кожу с него, отсечь члены тела в виду прочих братьев и матери. **5** Лишенного всех членов, но еще дышащего велел отнести к костру и жечь на сковороде; когда же от сковороды распространилось сильное испарение, они вместе с матерью увещевали друг друга мужественно претерпеть смерть, говоря: **6** Господь Бог видит и поистине умиласердится над нами, как Моисей возвестил в своей песни пред лицом народа: «и над рабами Своими умиласердится». **7** Когда умер первый, вывели на поругание второго и, содрав с головы кожу с волосами, спрашивали, будет ли он есть, прежде нежели будут мучить по частям его тело? **8** Он же, отвечая на отечественном языке, сказал: нет. Поэтому и он принял мучение таким же образом, как первый. **9** Быв же при последнем издыхании, сказал: ты, мучитель, лишаешь нас настоящей жизни, но Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной. **10** После того третий подвергнут был поруганию и на требование дать язык тотчас выставил его, неустрашимо протянув и руки, **11** и мужественно сказал: от неба я получил их и за законы Его не жалею их, и от Него надеюсь опять получить их. **12** Сам царь и бывшие с ним изумлены были таким мужеством отрока, как он ни во что вменял страдания. **13** Когда скончался и этот, таким же образом терзали и мучили четвертого. **14** Будучи близок к смерти, он так говорил: умирающему от людей вождлен-

7

1 ΣΥΝΕΒΗ δὲ καὶ ἑπτὰ ἀδελφοὺς μετὰ τῆς μητρὸς συλληφθέντας ἀναγκάζεσθαι ὑπὸ τοῦ βασιλέως ἀπὸ τῶν ἀθεμίτων ὑείων κρεῶν ἐφάπτεσθαι μᾶστιξι καὶ νευραῖς αἰκίζομένους. 2 εἷς δὲ αὐτῶν γενόμενος προήγορος οὕτως ἔφη· τί μέλλεις ἐρωτᾶν καὶ μανθάνειν παρ' ἡμῶν; ἔτοιμοι γὰρ ἀποθνήσκειν ἔσμεν ἢ παραβαίνειν τοὺς πατέριους νόμους. 3 ἔκθυμος δὲ γενόμενος ὁ βασιλεὺς προσέταξε τήγανα καὶ λέβητας ἐκπυροῦν. 4 τῶν δὲ παραχρήμα ἐκπυρωθέντων, παραχρήμα τὸν γενόμενον αὐτῶν προήγορον προσέταξε γλωσσοτομεῖν καὶ περισκυθίσαντες ἀκρωτηριάζειν, τῶν λοιπῶν ἀδελφῶν καὶ τῆς μητρὸς συνορώντων. 5 ἄχρηστον δὲ αὐτὸν τοῖς ὄλοις γενόμενον ἐκέλευσε τῇ πυρᾷ προσάγειν ἔμπνουν καὶ τηγανίζειν. τῆς δὲ ἀτιμίδος ἐφ' ἱκανὸν διαδιδούσης τοῦ τηγάνου, ἀλλήλους παρεκάλουν σὺν τῇ μητρὶ γενναίως τελευτᾶν λέγοντες οὕτως· 6 ὁ Κύριος ὁ Θεὸς ἐφορᾷ καὶ ταῖς ἀληθείαις ἐφ' ἡμῖν παρακαλεῖται, καθάπερ διὰ τῆς κατὰ πρόσωπον ἀντιμαρτυρούσης ὧδης διεσάφησε Μωυσῆς λέγων· καὶ ἐπὶ τοῖς δούλοις αὐτοῦ παρακληθήσεται. 7 μεταλλάξαντος δὲ τοῦ πρώτου τὸν τρόπον τοῦτον, τὸν δεύτερον ἦγον ἐπὶ τὸν ἐμπαιγμὸν καὶ τὸ τῆς κεφαλῆς δέρμα σὺν ταῖς θριξὶ περισύραντες ἐπηρώτων· εἰ φάγεσαι πρὸ τοῦ τιμωρηθῆναι τὸ σῶμα κατὰ μέλος; 8 ὁ δὲ ἀποκριθεὶς τῇ πατρίῳ φωνῇ εἶπεν· οὐχί· διόπερ καὶ οὗτος τὴν ἐξῆς ἔλαβε βάσανον ὡς ὁ πρῶτος. 9 ἐν ἐσχάτῃ δὲ πνοῇ γενόμενος εἶπε· σὺ μὲν ἀλάστωρ ἐκ τοῦ παρόντος ἡμᾶς ζῆν ἀπολύεις, ὁ δὲ τοῦ κόσμου βασιλεὺς ἀποθανόντας ἡμᾶς ὑπὲρ τῶν αὐτοῦ νόμων εἰς αἰώνιον ἀναβίωσιν ζωῆς ἡμᾶς ἀναστήσει. 10 μετὰ δὲ τοῦτον ὁ τρίτος ἐνεπαίζετο καὶ τὴν γλῶσσαν αἰτηθεὶς ταχέως προέβαλε καὶ τὰς χεῖρας εὐθαρσῶς προέτεινε 11 καὶ γενναίως εἶπεν· ἐξ οὐρανοῦ ταῦτα κέκτημαι καὶ διὰ τοὺς αὐτοῦ νόμους ὑπερορῶ ταῦτα καὶ παρ' αὐτοῦ ταῦτα ἄλλιν ἐλπίζω κομίσασθαι. 12 ὥστε αὐτὸν τὸν βασιλέα καὶ τοὺς σὺν αὐτῷ ἐκπλήσσεσθαι τὴν τοῦ νεανίσκου ψυχὴν, ὡς ἐν οὐδενὶ τὰς ἀλγηδόνας ἐτίθετο. 13 καὶ τούτου δὲ μεταλλάξαντος, τὸν τέταρτον ὡσαύτως ἐβασάνιζον αἰκίζόμενοι. 14 καὶ γενόμενος πρὸς τὸ τελευτᾶν οὕτως ἔφη· αἶρετὸν μεταλλάσσοντα ὑπ' ἀνθρώπων τὰς ὑπὸ τοῦ Θεοῦ προσδοκᾶν ἐλπίδας ἄλλιν

но возлагать надежду на Бога, что Он опять оживит; для тебя же не будет воскресения в жизнь. **15** Затем привели и начали мучить пятого. **16** Он, смотря на царя, сказал: имея власть над людьми, ты, сам подверженный тлению, делаешь, что хочешь; но не думай, чтобы род наш оставлен был Богом. **17** Подожди, и ты увидишь великую силу Его, как Он накажет тебя и семья твое. **18** После этого привели шестого, который, готовясь на смерть, сказал: не заблуждайся напрасно, ибо мы терпим это за себя, согрешив пред Богом нашим, оттого и произошло достойное удивления. **19** Но не думай остаться безнаказанным ты, дерзнувший противоборствовать Богу. **20** Наиболее же достойна удивления и славной памяти мать, которая, видя, как семь ее сыновей умерщвлены в течение одного дня, благодушно переносила это в надежде на Господа. **21** Исполненная доблестных чувств и укрепляя женское рассуждение мужеским духом, она поощряла каждого из них на отечественном языке и говорила им: **22** я не знаю, как вы явились во чреве моем; не я дала вам дыхание и жизнь; не мною образовался состав каждого. **23** Итак, Творец мира, Который образовал природу человека и устроил происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы теперь не щадите самих себя за Его законы. **24** Антиох же, думая, что его презирают, и принимая эту речь за поругание себе, убеждал самого младшего, который еще оставался, не только словами, но и клятвенными уверениями, что и обогатит и осчастливит его, если он отступит от отеческих законов, что будет иметь его другом и вверит ему почетные должности. **25** Но как юноша нисколько не внимал, то царь, призвав мать, убеждал ее посоветовать сыну сберечь себя. **26** После многих его убеждений она согласилась уговаривать сына. **27** Наклонившись же к нему и посмеиваясь жестокому мучителю, она так гово-

ἀναστήσεσθαι ὑπ’ αὐτοῦ· σοὶ μὲν γὰρ ἀνάστασις εἰς ζωὴν οὐκ ἔσται. **15** ἐχομένως δὲ τὸν πέμπτον προσάγοντες ἠκίζοντο. **16** ὁ δὲ πρὸς αὐτὸν ἰδὼν εἶπεν· ἐξουσίαν ἐν ἀνθρώποις ἔχων φθαρτὸς ὢν, ὃ θέλεις ποιεῖς· μὴ δόκει δὲ τὸ γένος ἡμῶν ὑπὸ τοῦ Θεοῦ καταλελειφθαι. **17** σὺ δὲ καρτέρει καὶ θεῶρει τὸ μεγαλεῖον αὐτοῦ κράτος, ὡς σὲ καὶ τὸ σπέρμα σου βασανίσει. **18** μετὰ δὲ τοῦτον ἦγον τὸν ἕκτον, καὶ μέλλων ἀποθνήσκειν ἔφη· μὴ πλανῶ μάτην, ἡμεῖς γὰρ δι’ ἑαυτοὺς ταῦτα πάσχομεν ἀμαρτάνοντες εἰς τὸν ἑαυτῶν Θεόν, διὸ ἄξια θαυμασμοῦ γέγονε. **19** σὺ δὲ μὴ νομίσης ἀθῶος ἔσεσθαι θεομαχεῖν ἐπιχειρήσας. **20** ὑπεραγόντως δὲ ἡ μήτηρ θαυμαστή καὶ μνήμησιν ἀγαθῆς ἀξία, ἣτις ἀπολλυμένους υἱοὺς ἑπτὰ συνωρῶσα μιᾷς ὑπὸ καιρὸν ἡμέρας εὐψύχως ἔφερε διὰ τὰς ἐπὶ Κύριον ἐλπίδας. **21** ἕκαστον δὲ αὐτῶν παρεκάλει τῇ πατρίῳ φωνῇ γενναίῳ πεπληρωμένη φρονήματι καὶ τὸν θῆλυν λογισμὸν ἄρσενι θυμῷ διεγείρασα, λέγουσα πρὸς αὐτούς· **22** οὐκ οἶδ’ ὅπως εἰς τὴν ἐμὴν ἐφάνητε κοιλίαν, οὐδὲ ἐγὼ τὸ πνεῦμα καὶ τὴν ζωὴν ὑμῖν ἐχαρισάμην, καὶ τὴν ἐκάστου στοιχείωσιν οὐκ ἐγὼ διερρύθμισα. **23** τοιγαροῦν ὁ τοῦ κόσμου κτίστης, ὁ πλάσας ἀνθρώπου γένεσιν καὶ πάντων ἐξευρῶν γένεσιν καὶ τὸ πνεῦμα καὶ τὴν ζωὴν ὑμῖν πάλιν ἀποδώσει μετ’ ἐλέους, ὡς νῦν ὑπερορᾶται ἑαυτοὺς διὰ τοὺς αὐτοῦ νόμους. **24** ὁ δὲ Ἀντίοχος οἰόμενος καταφρονεῖσθαι καὶ τὴν ὀνειδίζουσαν ὑφορώμενος φωνήν, ἔτι τοῦ νεωτέρου περιόντος, οὐ μόνον διὰ λόγων ἐποιεῖτο τὴν παράκλησιν, ἀλλὰ καὶ δι’ ὄρκων ἐπίστου ἅμα πλουτιεῖν καὶ μακαριστὸν ποιήσιν μεταθέμενον ἀπὸ τῶν πατρίων νόμων καὶ φίλον ἔξειν καὶ χρείας ἐμπιστεύσειν. **25** τοῦ δὲ νεανίου μηδαμῶς προσέρχοντος, προσκαλεσάμενος ὁ βασιλεὺς τὴν μητέρα παρήγει τοῦ μειρακίου γενέσθαι σύμβουλον ἐπὶ σωτηρίᾳ. **26** πολλὰ δὲ αὐτοῦ παραιέσαντος ἐπεδέξατο πείσειν τὸν υἱόν. **27** προσκύψασα δὲ αὐτῷ, χλευάσασα τὸν ὦμόν τυραννον οὕτως ἔφησε τῇ πατρίᾳ φωνῇ· υἱέ, ἐλέησόν με τὴν ἐν γαστρὶ περιενέγκασάν σε μήνας ἐννέα καὶ θηλάσασάν σε ἔτη τρία καὶ ἐκθρέψασάν σε καὶ ἀγαγοῦσαν εἰς τὴν ἡλικίαν ταύτην καὶ

рила на отечественном языке: сын! сжался надо мною, которая девять месяцев носила тебя во чреве, три года питала тебя молоком, вскормила и вырастила и воспитала тебя. **28** Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю и, видя все, что на них, познай, что все сотворил Бог из ничего и что так произошел и род человеческий. **29** Не страшись этого убийцы, но будь достойным братьев твоих и прими смерть, чтобы я по милости *Божией* опять приобрела тебя с братьями твоими.

30 Когда она еще продолжала говорить, юноша сказал: чего вы ожидаете? Я не слушаю повеления царя, а повинуюсь повелению закона, данного отцам нашим чрез Моисея. **31** Ты же, изобретатель всех зол для Евреев, не избежешь рук Божиих. **32** Мы страдаем за свои грехи. **33** Если для вразумления и наказания нашего живой Господь и прогневался на нас на малое время, то Он опять умилюстивится над рабами Своими; **34** ты же, нечестивый и преступнейший из всех людей, не возносись напрасно, надмеваясь ложными надеждами, что ты воздвигнешь руку на рабов Его, **35** ибо ты не ушел еще от суда всемогущего и всевидящего Бога. **36** Братья наши, претерпев ныне краткое мучение, по завету Божию получили жизнь вечную, а ты по суду Божию понесешь праведное наказание за превозношение. **37** Я же, как и братья мои, предаю и душу и тело за отеческие законы, призывая Бога, чтобы Он скоро умилюсердился над народом, и чтобы ты с муками и карами исповедал, что Он един есть Бог, **38** и чтобы на мне и на братьях моих окончился гнев Всемогущего, праведно постигший весь род наш. **39** Тогда разгневанный царь поступил с ним еще жесточе, нежели с прочими, негодуя на посмеяние. **40** Так и этот кончил жизнь чистым, всецело положившись на Господа. **41** После сыновей скончалась и мать.

42 О жертвах идольских и о необыкновенных муках сказанного довольно.

τροφοφορήσασαν. 28 ἀξιῶσε, τέκνον, ἀναβλέψαντα εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ τὰ ἐν αὐτοῖς πάντα ἰδόντα, γινῶναι ὅτι ἐξ οὐκ ὄντων ἐποίησεν αὐτὰ ὁ Θεὸς καὶ τὸ τῶν ἀνθρώπων γένος οὕτως γεγένηται. 29 μὴ φοβηθῆς τὸν δήμιον τοῦτον, ἀλλὰ τῶν ἀδελφῶν ἀξίος γενόμενος, ἐπίδεξαι τὸν θάνατον, ἵνα ἐν τῷ ἔλει σὺν τοῖς ἀδελφοῖς σου κομίσωμαί σε. 30 ἔτι δὲ ταύτης καταλεγούσης ὁ νεανίας εἶπε· τίνα μένετε; οὐχ ὑπακούω τοῦ προστάγματος τοῦ βασιλέως, τοῦ δὲ προστάγματος ἀκούω τοῦ νόμου τοῦ δοθέντος τοῖς πατράσιν ἡμῶν διὰ Μωυσέως. 31 σὺ δὲ πάσης κακίας εὐρετῆς γενόμενος εἰς τοὺς Ἑβραίους, οὐ μὴ διαφύγῃς τὰς χεῖρας τοῦ Θεοῦ. 32 ἡμεῖς γὰρ διὰ τὰς ἑαυτῶν ἀμαρτίας πάσχομεν. 33 εἰ δὲ χάριν ἐπιπλήξεως καὶ παιδείας ὁ ζῶν Κύριος ἡμῶν βραχέως ἐπώργισται, καὶ πάλιν καταλλαγῆσεται τοῖς ἑαυτοῦ δούλοις. 34 σὺ δὲ, ὃ ἀνόσιε καὶ πάντων ἀνθρώπων μιαιώτατε, μὴ μάτην μετεωρίζου φρουαττόμενος ἀδήλοις ἐλπίσιν, ἐπὶ τοὺς δούλους αὐτοῦ ἐπαιρόμενος χεῖρα· 35 οὕπω γὰρ τὴν τοῦ Παντοκράτορος ἐπόπτου Θεοῦ, κρίσιν ἐκπέφυγας. 36 οἱ μὲν γὰρ νῦν ἡμέτεροι ἀδελφοὶ βραχὺν ὑπενέγκαντες πόνον ἀενάου ζωῆς ὑπὸ διαθήκην Θεοῦ πεπτώκασι· σὺ δὲ τῇ τοῦ Θεοῦ κρίσει δίκαια τὰ πρόστιμα τῆς ὑπερηφανίας ἀποίησιν. 37 ἐγὼ δὲ καθάπερ οἱ ἀδελφοί μου καὶ σῶμα καὶ ψυχὴν προδίδωμι περὶ τῶν πατρίων νόμων, ἐπικαλούμενος τὸν Θεὸν ἵλεων ταχὺ τῷ ἔθνει γενέσθαι καὶ σὲ μετὰ ἑτασμῶν καὶ μαστίγων ἐξομολογήσασθαι, διότι μόνος αὐτὸς Θεὸς ἐστίν, 38 ἐν ἐμοὶ δὲ καὶ τοῖς ἀδελφοῖς μου στήναι τὴν τοῦ Παντοκράτορος ὀργὴν τὴν ἐπὶ τὸ σύμπαν ἡμῶν γένος δικαίως ἐπηγμένην. 39 ἔκθυμος δὲ γενόμενος ὁ βασιλεὺς, τοῦτῃ παρὰ τοὺς ἄλλους χειρίστως ἀπήντησε πικρῶς φέρων ἐπὶ τῷ μυκτηρισμῷ. 40 καὶ οὗτος οὖν καθαρὸς τὸν βίον μετήλλαξε παντελῶς ἐπὶ τῷ Κυρίῳ πεποιθῶς. 41 ἐσχάτη δὲ τῶν υἱῶν ἡ μήτηρ ἐτελεύτησε. 42 τὰ μὲν οὖν περὶ τοὺς σπλαγνισμούς καὶ τὰς ὑπερβαλλούσας αἰκίας ἐπὶ τοσοῦτον δεδηλώσθω.

Толкование сновидений

Из главы III "Сновидение — осуществление желания"

Сновидения маленьких детей представляют собою очень часто явные осуществления желаний и поэтому в противоположность сновидениям взрослых почти совершенно неинтересны. Они не содержат никаких трудноразрешимых загадок, но, безусловно, чрезвычайно ценны как доказательство того, что сновидение по самой своей сущности представляет собою осуществление желания. Я приведу здесь несколько сновидений, виденных моими собственными детьми.

Прогулке в красивый Галльштатт (летом 1896 г.) я обязан двумя сновидениями, виденными — одно моею тогда восьмилетней дочерью, другое — пятилетним сыном. Предварительно я должен заметить, что мы в это лето жили в Аусзее, откуда в хорошую погоду нам открывался превосходный вид на Дахштейн. В подзорную трубу хорошо виден был Симонигютте. Дети очень часто смотрели на него в подзорную трубу; не знаю, с каким успехом. Перед прогулкой я рассказывал детям, что Галльштатт лежит у подножия Дахштейна. Прогулке они радовались. Из Галльштатта мы прошли в Эшернталь, который привел детей в восхищение своими сменяющимися пейзажами. Только один мой пятилетний сын стал вдруг капризничать; как только мы увидели новую гору, он тотчас же спрашивал: "Это — Дахштейн?" Я вынужден был отвечать: "Нет". Предложив несколько раз этот вопрос, он замолчал недовольный. К водопаду он совсем отказался идти. Я подумал, что он устал. На следующее утро он пришел ко мне с сияющим лицом и заявил: "Сегодня ночью мне снилось, что я был на Симонигютте". Я понял его: он ожидал, что по дороге в Галльштатт мы увидим гору, о которой дети так много слышали. Когда он затем понял, что горы он не увидит и ему придется удовлетвориться небольшим холмом и водопадом, он испытал разочарование. Сновидение вознаградило его за это. Я стал его расспрашивать о подробностях сновидения. Но он сообщил мне очень мало. Как он слышал, "туда нужно идти шесть часов".

Во время этой прогулки и у моей восьмилетней дочери появилось желание, которое тоже было удовлетворено сновидением. Мы взяли с собой в Галльштатт двенадцатилетнего сына наших соседей, совершенного рыцаря, завоевавшего, как мне казалось, все симпатии маленькой девочки. На следующее утро она мне рассказала следующее сновидение: "Представь себе, мне снилось, что Эмиль — мой брат, что он говорит вам "папа" и "мама" и спит вместе с нами в большой комнате. В комнату вдруг вошла мама и бросила нам под постели целую горсть шоколадных конфет в синих и зеленых бумажках". Братья ее, которым умнее толковать сновидения не передалось по наследственности, объяснили его точь-в-точь так, как наши авторы: это сновидение — бессмыслица. Девочка же заступилась, по крайней мере, за одну часть сновидения, и для теории невротиков интересно будет знать, за какую именно часть: "Ерунда то, что снилось про Эмиля, но не то, что касалось конфет!" Мне самому последнее показалось непонятным. Но жена дала мне по этому поводу разъяснение. По дороге с вокзала домой дети остановились перед автоматом и попросили мать опустить монету, чтобы получить шоколад. Мать, однако, нашла, что этот день и так был достаточно богат осуществлениями желаний и предоставила это желание сновидению. Я на сцену эту не обратил внимания. Другую часть сновидения, отвергнутую даже самою дочерью, я понял без всяких комментариев. Я сам слышал, как маленький Эмиль по дороге говорил детям, что надо подождать папу и маму. Эту временную принадлежность к нашему семейному кругу сновидение девочки превратило в длительное усыновление. Почему шоколадные конфеты были брошены под постели, этого объяснить без расспросов ребенка было, конечно, невозможно.

Из главы IV "Искажающая деятельность сновидения"

"Вы говорите всегда, что сновидение — осуществление желания, — говорит одна остроумная пациентка. — Я вам расскажу сейчас одно сновидение, которое, наоборот, доказывает, что мое желание не осуществилось. Как согласуете вы его со своей теорией? Мне приснилось следующее:

Я хочу устроить для гостей ужин, но у меня в доме нет ничего, кроме копченой лососины. Я собираюсь пойти купить что-нибудь, но вспоминаю, что сегодня воскресенье и все магазины закрыты. Я звоню по телефону к знакомому поставщику, но телефон, как на грех, испорчен. Мне приходится отказаться от желания устроить ужину.

Я отвечаю, конечно, что лишь анализ может выяснить действительный смысл сновидения, хотя и признаю, что сновидение это на первый взгляд вполне разумно и связно, и действительно якобы противоречит теории осуществления желаний. "Из какого же материала проистекает это сновидение? Вы же знаете, что повод к сновидению дается каждый раз переживаниями предыдущего дня".

Анализ: Муж пациентки, добросовестный и староватый оптовый торговец мясом, заявил ей накануне, что он слишком пополнел и хочет поэтому начать лечиться от тучности. Он будет рано вставать, делать моцион, держать строгую диету и прежде всего не будет никогда принимать приглашений на ужины. Смеясь, она рассказывает далее, что ее муж познакомился в ресторане с одним художником, который во что бы то ни стало хотел написать с него портрет, потому что он, по его мнению, еще никогда не видел такой характерной головы. Ее муж, однако, довольно резко ответил, что он покорно благодарит и что он вполне уверен, что часть задницы красивой молодой девушки будет художнику приятнее, чем все его лицо. *Dem Maler sitzen — быть натурщиком (натурщицей)* Goethe: *Und wenn er keinen Hintern hat, wie kann der Edie sitzen?* (Как может он, благородный, сидеть, если у него нет задницы?)⁴⁵. Моя пациентка очень влюблена теперь в своего мужа и часто дразнит его. Она просила также его не покупать ей икры. — Что это значит?

Дело в том, что ей уже давно хотелось есть каждое утро бутерброды с икрой. Но она не решается на такой расход. Конечно, муж тотчас же купил бы ей икры, если бы она только сказала ему об этом. Но она, наоборот, просила его икры не покупать, чтобы потом иметь возможность упрекнуть его этим.

(Это объяснение кажется мне довольно избитым. За такими неудовлетворительными сведениями скрываются обычно какие-либо задние мысли. Достаточно вспомнить о пациентах Беренгейна: они производили постгипнотические приказания и будучи спрошены о мотивах последних, не отвечали: "Я не знаю, почему я это сделал", а изобретали чрезвычайно неправдоподобные объяснения. Точно так же обстоит дело, по-видимому, в данном случае и с икрой. Я замечаю, что моя пациентка принуждена создавать себе в жизни неосуществленное желание. В сновидении же действительно имеет место это неосуществление желания?! Но для чего нужно ей иметь неосуществленное желание?)

Всего этого недостаточно для толкования сновидения. Я добиваюсь дальнейшего разъяснения. После непродолжительного молчания, вполне соответствующего преодолению нежелания быть откровенной, она сообщает, что вчера посетила одну свою подругу, которую ревнует к мужу: он постоянно говорит ей комплименты. К счастью, подруга эта худощава, а ее мужу нравятся только полные. О чем же говорила эта худощавая подруга? Конечно, о своем желании немного пополнеть. Она спросила, кроме того, подругу: "Когда вы нас пригласите к себе? Вы всегда так хорошо угощаете".

Смысл сновидения ясен. Я могу сказать пациентке:

"Это все равно, как если бы вы подумали при ее словах:

"Еще бы, конечно, я тебя позову, — чтобы ты у меня наелась, пополнела и еще больше понравилась моему мужу. Уж лучше я не буду устраивать ужина". — И, действительно, сновидение говорит вам, что вы не можете устроить ужина: оно, таким образом, осуществляет ваше желание отнюдь не способствовать округлению форм вашей подруги. Ведь о том, что человек полнеет от угощений в чужом доме, говорил вам ваш муж, который, желая похудеть, решил не принимать приглашений на ужины. Нам недостает только еще одного элемента, который подтвердил бы это толкование. Мы не разъясняли, кроме того, значения копченой лососины". "Почему вам приснилась лососина?" — "Копченая лососина — любимое кушанье этой подруги", — отвечает она. Случайно я тоже знаком с этой дамой и могу подтвердить, что она так же любит лососину, как моя пациентка икру.

Это же сновидение допускает еще одно более тонкое толкование, даже необходимое ввиду одного побочного обстоятельства. Оба эти толкования не противоречат друг другу, а совпадают и дают превосходный пример чрезвычайно распространенной двусмысленности сновидений, как и всех других психопатологических явлений. Мы слышали, что пациентка перед сновидением думала о неосуществленном желании (бутерброды с икрой). Подруга ее тоже высказала желание, а именно:

пополнеть; и нас не должно удивлять, если моей пациентке снилось, что желание подруги не осуществилось. Дело в том, что ей хочется, чтобы желание подруги (пополнеть) не нашло себе осуществления. Вместе с тем, однако, ей снится, что ее собственное желание не осуществляется. Сновидение приобретает новое толкование, если она в этом сновидении видит не себя самое, а подругу, если она заступает ее место, или, как следовало бы вернее сказать, отождествляет себя с нею.

По моему мнению, она действительно совершила такое отождествление, и в доказательство его это сновидение изобразило неосуществленное желание. Какой же, однако, смысл имеет истерическое отождествление? Разъяснение этого требует некоторого уклонения от нашей темы; отождествление (идентификация) чрезвычайно важный момент для механизма истерических симптомов. Этим путем больные выявляют в своих симптомах не только собственные переживания, но и переживания других лиц: они как бы страдают за других и исполняют единолично все роли большой жизненной пьесы. Мне возражат, что это — общеизвестная истерическая имитация, способность истериков подражать всем симптомам, наблюдаемым ими у других, своего рода сострадание, повышенное до

степени репродукции. Однако этим характеризуется лишь путь, по которому протекает психический процесс при истерической имитации; совершенно иной, однако, путь и тот душевный акт, который протекает по этому пути. Последний несколько сложнее, чем обычная имитация истериков; он соответствует бессознательному процессу. Я постараюсь иллюстрировать это примером. Врач, у которого в больнице среди других больных, находящихся в одной палате, имеется больная, страдающая характерными судорогами, не должен удивляться, если он в один прекрасный день узнает, что этот истерический симптом нашел себе подражание. Он попросту подумает: "Другие видели этот симптом и стали ему подражать; это — психическая зараза". Да, но психическая зараза передается приблизительно следующим образом. Больные знают обычно больше друг про друга, чем врач про каждую из них в отдельности, и очень интересуются болезнями окружающих, когда кончается визитация врача. У одной из пациенток случается припадок; другие тотчас же узнают, что причиной его послужило письмо из дому, воспоминание об испытанном горе и т.п. Они сочувствуют ей, у них появляется следующая мысль, не доходящая, впрочем, до сознания: если такая причина способна вызвать припадок, то такие же припадки могут быть и у меня, потому что у меня налицо те же причины. Если бы эта мысль дошла до сознания, то она, по всей вероятности, вылилась бы в форму страха перед такого рода припадком. Она возникает, однако, в другой психической сфере и заканчивается реализацией данного симптома. Идентификация не есть поэтому простая имитация, а усвоение на почве одинакового этиологического условия.

Идентификация в истерии наиболее часто употребляется для выражения сексуальной общности. Истеричка идентифицирует себя в симптомах своей болезни наиболее часто — если не исключительно — с лицом, с которым она находится в половой связи или которое находилось в половой связи с тем же лицом, что и она. Практика языка тоже дает выражение такому пониманию: *zwei Liebende sind "Bines"* (Двое любящих составляют одно целое). Ср. В русском языке: "Муж да жена — одна сатана". (Я. К.) | Для идентификации в истерической фантазии и в сновидении достаточно представления о сексуальных отношениях, которые не должны быть вовсе реальными. Пациентка следует поэтому лишь законам истерического мышления, когда дает выражение своей ревности к подруге (впрочем, она все же признает эту ревность неосновательной), ставит себя в сновидении на ее место и отождествляет себя при помощи создания симптома (неосуществленного желания). Выражаясь точнее, процесс этот совершается следующим образом: она занимает в сновидении место подруги, потому что та занимает ее место подле ее мужа и потому что ей хотелось бы получить в глазах мужа такую же оценку, какую он дает ее подруге. Я сожалею о необходимости приводить такие отрывки из психологии истерии: они могут объяснить лишь немного, поскольку носят отрывочный характер и вырваны из контекста. Эти отрывки выполняют ту цель, ради которой я привел их здесь, если укажут читателю на тесную связь, существующую между сновидением и психоневрозами. В более простой форме и все же согласно той схеме, что неосуществление одного желания означает собою осуществление другого, разрешается протест против моей теории и у другой пациентки, самой остроумной среди всех моих сновидящих. Однажды я объяснил ей, что, на мой взгляд, сновидение представляет собою осуществление желания; на следующий день она сообщила мне, что ей снилось, будто она со своей свекровью поселилась на одной и той же даче. Я между тем знал, что ей не хотелось провести лето со своей свекровью, знал также и то, что она в последнее время счастливо избежала нежелательного ей общества свекрови, сняв себе дачу далеко от обычного места жительства последней. Сновидение же, однако, превратило осуществленное желание в неосуществленное; разве не служит оно ярким опровержением моей теории. Конечно, достаточно было бы сделать только вывод из этого сновидения, чтобы произвести его толкование. Сновидение это доказывало мою неправоту; таким образом, ее желанием было, что бы я оказался неправ, и сновидение осуществило именно ее желание. Желание, чтобы я оказался неправ, касалось, однако, в действительности другого, более серьезного вопроса. Дело в том, что материал, добытый к этому времени анализом, давал право думать, что в ее жизни произошло нечто, послужившее непосредственной причиной ее заболевания. Она отрицала это и не могла вспомнить ничего подобного. Вскоре, однако, мы убедились, что я был прав. Таким образом, ее желание, чтобы я оказался неправым, проявившееся в ее сновидении о совместной жизни со свекровью, соответствовало вполне справедливому желанию, чтобы подозреваемое мною событие никогда не имело места в действительности.

Глава VI "Работа сновидения"

Все попытки подойти к разрешению проблемы сновидения связывались до сих пор непосредственно с явным содержанием его, сохраняемым в воспоминании, и были направлены на толкование именно этого содержания; или же отказывались от какого бы то ни было толкования, обосновывая свое суждение о сновидении постоянным указанием на его содержание. С нашей точки зрения, дело обстоит совершенно иначе; для нас между содержанием сновидения и результатом нашего исследования находится новый психический материал: скрытое содержание, добытое при помощи нашего метода, и мысли, скрывающиеся за сновидением. Из скрытого содержания, а не из явного, берем мы разрешение сновидения. Нам предстоит поэтому теперь задача рассмотреть взаимоотношение явного содержания сновидения к скрытому и проследить, путем какого процесса образуется из последнего первое.

Мысли и содержание сновидения предстают перед нами как два изображения одного и того же содержания на двух различных языках, или, вернее говоря, содержание сновидения представляется нам переводом мыслей на

другой язык, знаки и правила которого мы должны изучить путем сравнения оригинала и этого перевода. Мысли сновидения понятны нам без дальнейших пояснений, как только мы их узнаем. Содержание составлено как бы иероглифами, отдельные знаки которых должны быть переведены на язык мыслей. Мы, несомненно, впадаем в заблуждение, если захотим читать эти знаки по их очевидному значению, а не по их внутреннему смыслу. Представим себе, что перед нами ребус: дом, на крыше которого лодка, потом отдельные буквы, затем бегущий человек, вместо головы которого нарисован апостроф, и пр. На первый взгляд нам хочется назвать бессмысленной и эту картину, и ее отдельные элементы. Лодку не ставят на крышу дома, а человек без головы не может бегать; кроме того, человек на картинке выше дома, а если вся она должна изображать ландшафт, то причем же тут буквы, которых мы не видим в природе. Правильное рассмотрение ребуса получается лишь в том случае, если мы не предъявим таких требований ко всему целому и к его отдельным частям, а постараемся заменить каждый его элемент слогом или словом, находящимся в каком-либо взаимоотношении с изображенным предметом. Слова, получаемые при этом, уже не абсурдны, а могут в своем соединении воплощать прекраснейшее и глубокомысленнейшее изречение. Таким ребусом является и сновидение, и наши предшественники в области толкования последнего впадали в ошибку, рассматривая этот ребус в виде композиции рисовальщика. В качестве таковой он вполне естественно казался абсурдным, лишенным всякого смысла.

а) Работа сгущения. Первое, что бросается в глаза исследователю при сравнении содержания сновидения с мыслями, скрывающимися за ним, это неутомимый процесс сгущения. Сновидение скудно, бедно и лаконично по сравнению с объемом и богатством мыслей. Сновидение, будучи записано, занимает полстраницы; анализ же, в котором развиваются мысли, скрывающиеся за этим сновидением, требует иногда шести, восьми и двенадцати страниц. Обычно размеры произведенного сгущения преумалются: обнаруженные мысли сновидения считаются исчерпывающим материалом, между тем как дальнейшее толкование обнаруживает новые мысли, скрывающиеся за сновидением. Мы уже упоминали о том, что, в сущности, нельзя быть никогда уверенным, что мы вполне истолковали сновидение: даже в том случае, когда толкование вполне удовлетворяет нас и, по-видимому, не имеет никаких пробелов, остается все же возможность, что то же самое сновидение имеет еще и другой смысл. Масштаб, мера сгущения, таким образом, строго говоря, всегда неопределенны. Против утверждения, будто столкновение содержания сновидения и мыслей, скрывающихся за ним, вызывает то, что сновидение производит обширное сгущение психического материала, можно сделать возражение на первый взгляд чрезвычайно справедливое. Нам часто кажется, будто сновидение снилось нам в течение всей ночи и что большую часть его мы позабыли. Сновидение, вспоминаемое нами по пробуждении, представляет собою якобы лишь часть того целого, которое по масштабу своему должно было бы соответствовать мыслям, если бы мы были в состоянии вспомнить их все целиком. В этом есть доля правды: нельзя обманывать себя тем, что сновидение воспроизводится наиболее точно при припоминании его вслед за пробуждением и что воспоминание это к вечеру обнаруживает все больше и больше пробелов. С другой стороны, нужно, однако, заметить, что чувство, будто нам снилось гораздо больше, чем мы можем припомнить, очень часто покоится на иллюзии, происхождение которой мы впоследствии постараемся выяснить. Предположение процесса сгущения не опровергается возможностью забывания сновидения, так как оно доказывается комплексом представлений, относящимся к отдельным, оставшимся в памяти частям сновидения. Если действительно большая часть сновидения нами забывается, то тем самым мы лишаемся доступа к целому ряду мыслей. Мы едва ли имеем когда-нибудь основание предполагать, что утраченные части сновидения относились к тем же самым мыслям, которые мы обнаружили при анализе сохранившихся частей.

Ввиду огромного множества мыслей, которое дает анализ относительно каждого элемента сновидения, у читателей зарождается принципиальное сомнение: можно ли относить к мыслям, скрывающимся за сновидением, все то, что приходит в голову впоследствии при анализе последнего, то есть можно ли предполагать, что все эти мысли были уже налицо в состоянии сна и принимали участие в образовании сновидения? Быть может, наоборот, лишь во время анализа возникают новые мысли, стоявшие вдали от образования сновидения? Я могу согласиться с этим ограничением, но лишь условно. Что некоторые мысли возникают только при анализе — это вполне справедливо; не всякий раз можно убедиться в том, что эти новые группы образуются лишь из мыслей, которые в мыслях сновидения были связаны между собою другим образом; новые соединения представляют собою лишь второстепенную группировку, ставшую возможной благодаря содействию других, более глубоких путей для соединения. Относительно же большинства обнаруживаемых при анализе мыслей, нужно сказать, что они играли уже активную роль при образовании сновидения, так как, проследив цепь мыслей, не связанных, по-видимому, с образованием сновидения, мы внезапно наталкиваемся на мысль, которая, будучи представлена в содержании сновидения, необходима для толкования его и в то же время доступна лишь благодаря наличию вышеупомянутой цепи мыслей. Вспомним хотя бы описанное нами сновидение о ботанической монографии, которое представляет собою результат выразительного процесса сгущения, хотя я и не довел анализ его до конца.

Как же следует себе представлять психическое состояние во время сна, предшествующее сновидению? Находятся ли все мысли друг подле друга, или они появляются одна за другой, или же, наконец, различные одновременные ходы мыслей устремляются из разных центров и затем соединяются друг с другом? Я полагаю, что нам вовсе не нужно создавать себе пластического представления о психическом состоянии во время образования сновидения. Не забудем только того, что речь здесь идет о бессознательном мышлении и что самый процесс легко может быть совершенно другим, чем тот, который мы замечаем в себе при намеренном, сознательном мышлении.

Тот факт, однако, что образование сновидений покоится на процессе сгущения, остается бесспорным и непоколебимым. Как же совершается, однако, это сгущение?

Если предположить, что из обнаруженных мыслей, скрывающихся за сновидением, лишь немногие представлены в нем, то следовало бы утверждать, что сгущение совершается путем исключения: сновидение представляет собою не точный перевод или проектирование мыслей сновидения, а чрезвычайно неполное и расплывчатое воспроизведение их. Воззрение это, как мы скоро узнаем, безусловно неправильно. Однако остановимся пока на нем и спросим себя: если в содержание сновидения попадают лишь немногие элементы мыслей, то какие же условия определяют выбор последних?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратить внимание на элементы содержания сновидения, которое должно было таким образом восполнить искомое нами условие. Сновидение, к образованию которого привел интенсивный процесс сгущения, будет наименее благоприятным материалом для такого исследования. Я остановлюсь поэтому на вышеупомянутом сновидении о ботанической монографии.

Содержание сновидения: Я написал монографию о каком-то растении. Книга лежит передо мною, я перелистываю таблицы в красках. К книге приложены засушенные экземпляры растений.

Центральным элементом этого сновидения является ботаническая монография. Последняя относится к впечатлениям предыдущего дня; в витрине книжного магазина я действительно видел монографию о растении цикламен. Упоминания этого растения нет в содержании сновидения, в котором осталась лишь монография и ее связь с ботаникой. "Ботаническая монография" обнаруживает тотчас же свое взаимоотношение со статьей по вопросу о кокаине, которую я когда-то написал; от кокаина же мысли идут, с одной стороны, к юбилейному сочинению и к некоторым эпизодам университетской лаборатории, с другой же — к моему другу, окулисту доктору Кенигштейну, который принимал участие в исследовании кокаина. С личностью доктора Кенигштейна связывается далее воспоминание о прерванном разговоре, который я вел с ним накануне вечером, и различные мысли о вознаграждении за врачебные услуги между коллегами. Разговор этот и является главным возбудителем сновидения; монография о цикламене тоже служит его поводом, но носит индифферентный характер; как я полагаю, "Ботаническая монография" сновидения является посредствующим общим звеном между обоими переживаниями предыдущего дня, будучи взята в неизменном виде от индифферентного впечатления и при помощи различных ассоциативных соединений связана с психически важным переживанием.

Но не только сложное представление "Ботаническая монография", но и каждый из его элементов — "ботаническая" и "монография" в отдельности входят посредством различных соединений глубоко в "сеть" мыслей сновидения. К "ботанической" относятся воспоминания о личности профессора Гертнера, о его цветущей супруге, о моей пациентке, носящей имя Флора, и о даме, к которой относится рассказанная мною история о забытых цветах. Гертнер приводит нас снова к лаборатории и к разговору с Кенигштейном; к этому же разговору относится и упоминание об обеих пациентках. От дамы с цветами ход мыслей направляется к любимым цветам моей жены, другой же конец этих мыслей уходит к названию виденной мною накануне книги — монографии. Кроме того, понятие "ботаническая" напоминает об одном гимназическом эпизоде и об экзамене в университете, а затронутая в нашем разговоре тема о моих увлечениях связывается через посредство моих любимых овощей — артишоков — с ходом мыслей, идущим от забытых цветов. Позади "артишоков" всплывает воспоминание, с одной стороны, об Италии, с другой же — о том детском эпизоде, который объясняет мою любовь к книгам. Понятие "ботаническая" представляет, таким образом, наивысший узловой пункт, в котором сходятся многочисленные цепи мыслей, связанные вполне справедливо с вышеупомянутым разговором.

"Монография" в сновидении относится опять-таки к двум темам: к односторонности моих занятий и к дороговизне моих увлечений.

Первоначальное исследование вызывает впечатление, будто элементы "ботаническая" и "монография" потому восприняты содержанием сновидения, что они обнаруживают наибольшее число точек соприкосновения с большинством мыслей, скрывающихся за сновидением, то есть образуют узловой пункт, в котором скрещивается большинство мыслей, или, опять-таки, говоря иначе, потому, что они "многосмысленны" в отношении толкования сновидения. Обстоятельство, лежащее в основе этого объяснения, может быть выражено еще и другим образом: каждый из элементов содержания сновидения различным образом обуславливается, детерминируется, то есть имеет целый ряд соответствующих пунктов в мыслях, скрывающихся за сновидением.

Мы узнаем значительно больше, если проследим и относительно других составных частей сновидения их происхождение в мыслях. Таблицы в красках, которые я перелистываю, относятся опять-таки к новой теме: к критике моих работ со стороны коллег и к представленным уже в сновидении увлечениям; кроме того, и к детским воспоминаниям о том, как я уничтожил книгу с картинками. Засушенные экземпляры растения относятся к гимназическому эпизоду с гербарием. Я вижу, таким образом, каково взаимоотношение между содержанием сновидения и мыслями, скрывающимися за ним: не только элементы сновидения различным образом детерминируются мыслями, но и отдельные мысли сновидения представляются в нем различными элементами. От одного элемента сновидения ассоциативный путь ведет к нескольким мыслям; от одной мысли к нескольким элементам сновидения. Последнее образуется поэтому не таким образом, что отдельная мысль или группа мыслей дает часть содержания сновидения и следующая мысль следующую часть сновидения, все равно как из населения избираются народные представители, наоборот, вся масса мыслей сновидения подлежит известной обработке, после которой наиболее способные элементы избираются для включения в содержание сновидения. Какое бы сновидение я ни подверг такому расчленению, я всегда найду в нем подтверждение тех принципов, что элементы сновидения образуются из

всей массы мыслей и что каждый из них различным образом детерминируется в общем комплексе мыслей.

Я считаю необходимым подтвердить соотношение содержания сновидения с мыслями, скрывающимися за ним, на новом примере, который отличается чрезвычайно искусным сплетением этого взаимоотношения. Сновидение сообщено мне одним из пациентов, которого я лечу от клаустрофобии (боязнь закрытых помещений). Ниже мы увидим, почему я озаглавил это интересное сновидение следующим образом:

"Красивое сновидение"

"Он едет в большом обществе по улице X., на которой находится скромный постоялый двор (на самом деле это неверно). На постоялом дворе дается спектакль, он — то публика, то актер. В конце концов ему приходится переодеваться, чтобы вернуться в город. Часть персонала выходит в партер, другая — в верхний ярус. Возникает ссора. Стоящие наверху сердятся, что люди внизу еще не готовы и что они поэтому не могут выйти. Брат его наверху, сам он внизу, и он сердится на брата, что его так толкают. (Эта часть сновидения наиболее туманна). Перед приездом на постоялый двор было уже решено, кто будет наверху и кто внизу. Потом один взбирается в гору по той же улице X., ему идти тяжело и трудно, он не может сдвинуться с места, к нему подходит какой-то пожилой господин и ругает итальянского короля. Ближе к вершине горы идти становится гораздо легче".

Трудность подъема была настолько отчетлива, что он по пробуждении несколько минут сомневался, испытал ли он это чувство во сне или наяву.

Судя по явному содержанию, едва ли можно похвалить это сновидение. Толкование его я вопреки своему обыкновению начну с того места, которое показалось спящему наиболее отчетливым.

Приснившаяся моему пациенту трудность подъема и одышка представляют собою один из симптомов, действительно имевшихся у него несколько лет назад. Симптом этот в связи с другими явлениями был отнесен врачами на счет туберкулеза (по всей вероятности, симулированного на истерической почве). Мы знакомы уже с этим своеобразным ощущением связанности из эксги-биционистских сновидений и снова видим здесь, что они в качестве постоянно имеющегося налицо материала применяются в целях какого угодно другого изображения. Часть сновидения, изображающая, насколько вначале был труден подъем в гору, а в конце стал значительно легче, напомнила мне при сообщении сновидения известное, мастерски написанное введение к "Сафо" А. Доде. Там молодой человек вносит по лестнице возлюбленную, которая вначале кажется ему легкой, как перышко; эта сцена символизирует собою мысль, которой Доде предостерегает молодежь не обращать своей серьезной склонности на девушек низкого происхождения и с сомнительным прошлым. Хотя я и знаю, что мой пациент имеет связь с одной актрисой и лишь недавно порвал ее, я все же не надеюсь, что такое мое толкование окажется правильным. Кроме того, в "Сафо" мы видим обратное, чем в сновидении; в последнем подъем вначале был труден, а впоследствии легок; в романе же он может служить для символики лишь в том случае, если то, что вначале казалось легким, оказывается в конце тяжелым бременем. К моему удивлению, мой пациент говорит, что это толкование согласуется с содержанием пьесы, которую накануне вечером он видел в театре. Пьеса эта называлась "Обозрение Вены" и изображала жизнь девушки, которая воспитывается в хорошей семье, попадает затем в высший свет, завязывает сношения с высокопоставленными лицами, "подымается ввысь и, наконец, опускается". Пьеса эта напомнила ему другую, виденную им несколько лет назад и носившую название "Со ступеньки на ступеньку". Продолжаем наш анализ. На улице X. жила актриса, с которой он имел последнюю связь. Постоялого двора на этой улице нет, но когда он из-за этой дамы провел часть лета в Вене, он остановился в небольшой гостинице вблизи ее дома. Уезжая из гостиницы, он сказал кучеру: "Я рад, что там я не видел хоть насекомых". (Это также одна из его фобий). Кучер ответил: "Да и как вы могли там остановиться? Это ведь не гостиница, а прямо постоялый двор!"

С постоялым двором у него связывается тотчас воспоминание о стихотворении Уланда:

"У симпатичного хозяина
был я недавно в гостях".

Хозяин в стихотворении Уланда — большая красивая яблоня. Тотчас вслед за этим он вспоминает одно место из "Фауста":

Фауст: "Я видел яблоню во сне.
На ветке полюбились мне
Два спелых яблока в соку.
Я влез за ними по суку".

Красавица: "Вам Ева-мать страсть
Рвать яблоки в садах и красть.
По эту сторону плетня
Есть яблоки и у меня".

Перевод Б. Пастернака.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что разумеется здесь под яблоней и яблоками. Красивый бюст был также в числе тех прелестей, которыми приковывала к себе актриса моего пациента.

Мы имеем полное основание предполагать, что сновидение относится к какому-нибудь впечатлению детства. Если это правильно, то оно должно относиться к кормилице моего пациента, которому теперь скоро минет пятьдесят лет. Кормилица, как и Сафо Доде, представляется намеком на недавно покинутую им возлюбленную.

В сновидении появляется и брат (старший) пациента; он наверху, а мой пациент внизу. Это опять-таки "переворачивание" истинного положения вещей, так как брат его, как мне известно, утратил свое социальное положение, — мой же пациент пользуется превосходной репутацией. "Переворачивание" это имеет особый смысл. Оно имеет значение и для другого соотношения с содержанием сновидения и мыслей. Мы уже упоминали о том, где оно встречается еще раз: в конце сновидения, где относительно бремени дело обстоит как раз противоположно тому, как в романе "Сафо". В "Сафо" мужчина несет женщину, находящуюся с ним в половой связи; в мыслях сновидения речь идет, наоборот, о женщине, которая несет мужчину, а так как этот случай может быть отнесен только к детству, то он и касается кормилицы, которая с трудом несет своего питомца. Конец сновидения содержит, таким образом, опять-таки соединение представлений о Сафо и о кормилице.

Подобно тому, как Доде избрал имя "Сафо" не без намерения связать его с известным пороком, так и элементы сновидения, в которых одни люди находятся наверху, а другие внизу, указывают на фантазии сексуального характера, занимающие моего пациента и в качестве подавленных инстинктов стоящие в несомненной связи с его неврозом. Так как сновидение изображает именно эту фантазию, а не воспоминание о детских происшествиях, то и толкование само по себе не обнаруживает их; нам дает их лишь содержащиеся мысли и позволяет констатировать их значение. Истинные и воображаемые происшествия представляются здесь — и не только здесь, но и при создании более значительных психических феноменов, чем сновидение, — равноценными. Большое общество означает, как мы уже знаем, тайну; брат — не что иное, как заместитель всех соперников у женщин; то, что это именно брат, а не кто-нибудь другой, объясняется опять-таки взаимозависимостью сновидения и воспоминаний детства. Эпизод с господином, который ругал итальянского короля, относится через посредство свежего и самого по себе индифферентного переживания опять-таки к проникновению лиц низшего сословия в высшее общество. Кажется, будто наряду с предостережением, даваемым Доде молодежи, ставится аналогичное, относящееся к грудному младенцу.

Желая дать третий пример, иллюстрирующий изучение процесса сгущения при образовании сновидений, я сообщаю частичный анализ другого сновидения, сообщением которого я обязан пожилой даме, пользующейся моим психоаналитическим лечением. Соответственно тяжелым фобиям, которыми страдала моя пациентка, ее сновидение изобилует сексуальным материалом, констатирование которого вначале ее удивило и даже испугало. Так как толкование ее сновидения я не имею возможности довести до конца, то материал этот на первый взгляд распадается на несколько групп без видимой связи.

II. Содержание сновидения: она вспоминает, что у нее в коробочке два майских жука¹, она должна их выпустить на волю, иначе они задохнутся. Она открывает коробочку, жуки совсем обессилели; один из них вылетает в открытое окно, другого же придавливает рама, когда она запирает окно, последнего от нее кто-то требует.

Анализ. Ее муж уехал, рядом с нею в постели спит ее четырнадцатилетняя дочь. Девочка обратила вечером ее внимание на то, что в стакан с водой упал мотылек, она забыла, однако, его вынуть и утром пожалела о бедном насекомом. В романе, который она читала перед сном, рассказывалось, как мальчики бросили кошку в кипяток и изображались мучения последней. Вот два самых по себе индифферентных повода к сновидению. Тема о жестокости по отношению к животным интересует ее. Несколько лет тому назад, когда они жили на даче, ее дочь проявляла такие же жестокости к животным. Она составила себе коллекцию бабочек и просила дать ей мышьяку для умерщвления насекомых. Однажды случилось, что бабочка с булавкой в теле все же полетела по комнате; в другой раз она нашла нескольких гусениц, которых тщательно сохраняла, подохшими от голода. Эта же девочка имела дурную привычку в раннем детстве отрывать крылышки жукам и бабочкам. В настоящее время она бы, конечно, не решилась на такой жестокий поступок; она стала очень доброй.

Это противоречие интересует ее; оно напоминает ей другое противоречие между внешностью и образом мыслей, изображенным в романе "Адам Бед" Элиота. Красивая, но тщеславная и глупая девушка, а рядом с ней некрасивая, но благородная. Аристократ, соблазняющий глупенькую, и рабочий, благородный по натуре и по поступкам. Благородства души сразу в человеке не замечают. Кто бы мог подумать, что она страдает от чувственной неудовлетворенности?

В тот самый год, когда девочка собирала свою коллекцию бабочек, местность, где они жили, страдала от невероятного обилия майских жуков. Дети избивали насекомых, давили их целыми кучами. Сама она родилась в мае и в мае же вышла замуж. Через три дня после свадьбы она написала родителям письмо о том, как она счастлива, на самом же деле это было неправдой.

Вечером накануне сновидения она рылась в своих старых письмах и читала вслух своим близким различные серьезные и смешные письма, между прочим очень смешное письмо от одного учителя музыки, который ухаживал за ней в юности, и письмо одного ее поклонника, аристократа. (Это и было истинным возбудителем сновидения).

Она упрекает себя, что одна из ее дочерей прочла дурную книгу Мопассана. Мышьяк, который просила ее дочь, напоминает ей о мышьяковых пилюлях, возвращающих юношеские силы графу де Мора в "Набобе".

Относительно "выпустить на волю" ей вспоминается одно место из "Волшебной флейты":

"К любви я не могу принудить тебя, но свободы тебе я не дам".
Относительно "майских жуков" она вспоминает слова

Кетхен:

"Ты ведь влюблен в меня, как майский жук".

И из "Тангейзера": "Ты во власти пагубной страсти..." Она полна забот и страха за своего отсутствующего мужа. Боязнь, что с ним что-нибудь случится в дороге, выражается в самых разнообразных фантазиях наяву. Незадолго до этого она в своих бессознательных мыслях нашла во время анализа недовольство его "дряхлостью"; желание, скрывающееся за ее сновидением, обнаружится, быть может, яснее всего в том случае, если я сообщу, что за несколько дней до сновидения она неожиданно испугалась, когда у нее возникла вдруг мысль, обращенная к мужу: "Повесься!" Оказалось, что незадолго до этого она читала где-то, что при повешении появляется сильная эрекция. Желание вызвать эрекцию и возникло у нее в такой ужасающей форме. "Повесься" значило то же, что "Добейся эрекции какой угодно ценой". Мышьяковые пилюли доктора Йенкин-са в "Набобе" относятся сюда же; моя пациентка знала, что сильнейшее aphrodisiacum, шпанские мушки, изготовляются посредством раздавливания жуков: этот смысл и имеет главная составная часть сновидения.

Открытие и закрывание окна — одна из постоянных причин ее ссор с мужем. Она любит спать при открытых окнах, ее муж — при закрытых. Расслабленность — главный симптом, на который она жалуется в последнее время.

Во всех трех сообщенных здесь сновидениях я подчеркивал те места, где эпизоды сновидения повторяются в мыслях, скрывающихся за ними, для того чтобы сделать более наглядным различные взаимоотношения первых. Так как, однако, ни в одном из этих сновидений анализ не доведен до конца, то мы должны теперь обратиться к сновидению с более подробным анализом для того, чтобы вскрыть в нем разнообразие и сложное детерминирование содержания сновидения. Я избираю для этой цели сновидение об инъекции Ирме. На этом примере мы без труда заметим, что процесс сгущения при образовании сновидений пользуется не одним только средством.

Центральное лицо в содержании сновидения — моя пациентка Ирма, являющаяся в нем в своем истинном виде и вначале поэтому изображающая лишь самое себя. Поза, однако, в которой я исследую ее у окна, заимствована мною из воспоминания о другой даме, на которую я бы охотно променял свою пациентку, как то показывают мысли, скрывающиеся за сновидением. Поскольку я нахожу при исследовании Ирмы дифтеритные налеты, которые напоминают мне заботу о моей старшей дочери, она служит для изображения последней; за моей же дочерью скрывается связанная с нею одинаковым именем личность одной пациентки, погибшей вследствие интоксикации. В дальнейшем ходе сновидения значение личности Ирмы изменяется (образ ее остается, однако, без изменения), она становится одним из детей, которых мы исследуем в детской больнице, причем мои коллеги констатируют различие их духовных наклонностей. Переход этот совершился, очевидно, под влиянием представления о моей дочери. Благодаря сопротивлению при открывании рта та же самая Ирма становится снова другой и наконец моей собственной женой. Болезненные изменения, замечаемые мною в горле, относятся помимо этого к целому ряду других лиц.

Все эти лица, на которых я наталкиваюсь при прослеживании мыслей "Ирмы", выступают в сновидении во плоти и крови; они скрываются за Ирмой, которая становится тем самым коллективным образом, черты которого носят, правда, противоречивый характер. Ирма становится представительницей всех других личностей, приносимых в жертву при процессе сгущения: я снабжаю ее всем тем, что шаг за шагом напоминает мне всех этих личностей.

Я могу составить себе коллективную личность еще и другим путем, соединив отличительные черты двух или нескольких лиц в один образ в сновидении. Таким способом возник образ доктора М. В моем сновидении он носит имя доктора М., говорит и действует, как он; его характеристика, однако, и его болезнь относятся к другому лицу, к моему старшему брату; лишь одна черта — бледность лица — детерминирована дважды, она соответствует в действительности тому и другому. Аналогичным коллективным лицом является доктор Р. в моем сновидении о дяде. Здесь, однако, коллективный образ составлен опять-таки другим способом. Я не объединил черты, свойственные одному, с чертами другого и тем самым не сократил воспоминания о каждом из них, но применил способ, которым Гальтон делает свои фамильные портреты: он делает оба снимка один на другом, причем общие черты выступают более ярко, а противоречивые устраняют друг друга и проявляются в общем портрете неясно. В сновидении о дяде выделяется из физиономий, относящихся к двум лицам и поэтому чрезвычайно расплывчатых, белокурая борода, которая относится, кроме того, и ко мне самому, и к моему отцу через посредство связующего звена — седины.

Составление коллективных лиц — одно из главнейших средств процесса сгущения в сновидении. Мы будем иметь еще случай говорить о нем.

Элемент "дизентерия" в сновидении об Ирме также детерминирован чрезвычайно сложным образом: с одной стороны, созвучием этого слова с "дифтерией", с другой же — воспоминанием о пациенте, посланном мною на Восток и страдающем непонятной для тамошних врачей истерией. Интересный случай процесса сгущения обнаруживает и упоминание в сновидении о "пропилене". В мыслях, скрывающихся за сновидением, содержался не "пропилен", а "амилен". Можно было бы предполагать, что здесь произошло попросту смещение. Так оно и было, но это смещение служит целям сгущения, как показывает следующее дополнение нашего анализа. Когда я про-

изношу слово "пропилен", то мне приходит в голову его созвучие со словом "Пропилеи". Пропилеи находятся, однако, не только в Афинах, но и в Мюнхене. В этом городе я за год до своего сновидения посетил своего тяжело больного друга, воспоминание о котором проявляется при помощи "трителамина", следующего в сновидении непосредственно за "пропиленом".

Я опускаю то обстоятельство, что здесь, как и в других анализах, для соединения мыслей применяются ассоциации самого различного рода и ценности, и уступаю искушению возможно более пластично изобразить процесс замены амилена в мыслях пропиленом в содержании сновидения.

Здесь находится группа представлений о моем друге Отто, который не понимает меня, упрекает и дарит мне ликер с запахом амилена; тут же связанные с ним по закону контраста группы представлений о моем друге Вильгельме, который понимает меня и которому я обязан многочисленными ценными сообщениями по вопросу о химии сексуальных процессов.

То, что из группы "Отто" особенно должно приковывать мое внимание, обуславливается свежими впечатлениями, вызванными сновидением; амилен относится к этим элементам, определяющим собою содержание сновидения. Обильная группа представлений "Вильгельм" всплывает благодаря своему контрасту с группой "Отто" и выделяет из себя элементы, которые обнаруживают аналогию с элементами, выделенными в другой группе. Во всем этом сновидении я перехожу от лица, вызывающего во мне неприятное чувство, к другому, которое я могу по своему усмотрению противопоставить первому. Таким образом, амилен в группе "Отто" вызывает и в другой группе воспоминание из области химии; трителамин, находящий себе подкрепление с различных сторон, попадает в содержание сновидения. "Амилен" мог бы тоже попасть в сновидение, но он претерпевает воздействие группы "Вильгельм"; из комплекса воспоминаний, скрывающихся за этим именем, избирается элемент, могущий дать двойное детерминирование "амилена". От "амилена" недалек для ассоциации и "пропилен", из группы "Вильгельм" навстречу ему идет Мюнхен с Пропилеями. В "пропилене — пропилях" обе группы представлений скрещиваются, и точно путем компромисса этот средний элемент переходит в содержание сновидения. Здесь, таким образом, составляется среднее общее, которое и допускает сложное детерминирование. Ясно поэтому, что сложное детерминирование должно облегчить доступ в содержание сновидения. В целях образования этого среднего и производится смещение внимания от действительной мысли к близкой ей по ассоциации.

Анализ сновидения об Ирме дает нам возможность резюмировать наше исследование процесса сгущения при образовании сновидений. Мы рассмотрели подбор элементов, образование новых составных частей (коллективных лиц) и составление среднего общего; все это детали процесса сгущения. Для чего служит последнее и что способствует ему, мы рассмотрим лишь тогда, когда захотим объединить все отдельные психические процессы образования сновидений, теперь же мы удовольствуемся констатированием процесса сгущения как одного из важнейших средств к соединению содержания сновидения с мыслями, скрывающимися за ним.

В наиболее конкретной форме процесс сгущения в сновидении проявляется в том случае, когда он избирает своим объектом слова и имена. Слова вообще очень часто играют в сновидении роль вещей и претерпевают тогда те же самые соединения, смещения, замещения, а также и сгущения, как и представления о вещах. В результате таких сновидений мы находим комические и причудливые комбинации слов. Когда однажды один из моих коллег прислал мне свою статью, в которой, на мой взгляд, чрезвычайно преувеличивал значение одного нового физиологического открытия и превозносил его в самом напыщенном тоне, мне в следующую же ночь приснилась одна фраза, которая, по всей вероятности, относилась к упомянутой статье: "какой у него норек-дальный стиль". Разрешение загадки слова "норекдальный" представило мне вначале большие трудности; не подлежало сомнению, что оно пародирует слова: колоссальный, пирамидальный и так далее" но откуда все же происходит оно, сказать было трудно. Неожиданно, однако, слово это распалось в моем сознании на два имени:

Нора и Экдаль из двух известных драм Ибсена. Тот же коллега, статью которого я критиковал в сновидении, написал недавно заметку об Ибсене.

II. Одна из моих пациенток сообщила мне короткое сновидение, центром которого служит бессмысленная комбинация слов.

"Она находится с мужем на деревенском празднике и говорит: он кончится всеобщим "Maistollmutz". При этом у нее проявляется смутная мысль, что это мучное кушанье из маиса, род поленты".

Анализ разлагает это сновидение на: Mais — toll — mannstoll — Olmiitz (Маис — бешеный — нимфомания — Ольмюц); все эти элементы оказываются частями ее разговора за столом накануне сновидения. За словом Mais скрывались слова: Meissen (мейсенская фарфоровая фигура, изображавшая птицу), miss (англичанка, жившая у ее родственников, уехала в Ольмюц), mies ("тошнотворный" на еврейском жаргоне); от каждого из слогов этого слова исходила длинная цепь мыслей и различных ассоциаций. Первый читатель и критик моей книги сделал мне возражение, которое, по всей вероятности, будет использовано и другими. Относительно моего разложения слов, встречающихся в сновидении, он заявил, что спящий, по его мнению, кажется часто чересчур остроумным. Это вполне справедливо, поскольку это относится к спящему, и является возражением лишь в том случае, если касается и толкователя сновидений. В действительности я очень мало претендую на наименование "остроумный"; если остроумными кажутся мои сновидения, то это относится не к моей особе, а к тем своеобразным психическим условиям, при которых вырабатывается сновидение и тесно связывается с теорией остроумия вообще. Сновидения

прибегают к остроумию потому, что прямой и ближайший путь выражения мыслей для них закрыт. Читатели могут убедиться, что сновидения моих пациентов производят впечатление "остроумных" в одинаковой, если не в большей степени, чем мои.

III. Однажды в длинном и чрезвычайно запутанном сновидении, центром которого было морское путешествие, мне приснилось, что ближайшая остановка носит название Герзинг, а следующая — Флисс. Последняя — фамилия моего друга в Берлине, к которому я часто езжу. Герзинг — комбинация из станций нашей венской пригородной дороги, названия которых почти всегда кончаются на -инг, и английского Hearsay (слухи) — что имеет связь с клеветой и тем самым соединяется с индифферентным возбудителем сновидения — стихотворением из "Fliegende Blätter", прочтенным мною накануне. Соединяя конечный слог "инг" с названием Флисс, мы получаем "Флиссин-ген", действительно приморский порт, через который всегда проезжает мой брат, возвращаясь из Англии. Английское название Флиссинген — Flushing, что означает "краснеть" и напоминает о пациентках с такого рода фобией, которых мне приходится часто лечить, а также и о недавней статье Бехтерева по вопросу об этом неврозе, вызвавшей во мне недовольное чувство.

IV. В другой раз я видел сновидение, состоявшее из двух отдельных частей. В первой центральное место занимает слово "автодидаскер", другая же относится к появившейся у меня накануне мысли о том, что, когда я увижу профессора Н., я ему должен сказать: "пациент, которого вы недавно осматривали, действительно страдает только неврозом, — как вы и предполагали". Слово "автодидаскер" не только содержит в себе "сгущенный смысл", но этот смысл стоит в тесной связи с моим намерением дать вышеупомянутое удовлетворение профессору Н.

"Автодидаскер" разлагается легко на: автор, автодидакт и Ласкер; к последнему примыкает имя Лассаль. Первые два слова объясняются непосредственным возбудителем сновидения. Я принес своей жене несколько томов известного автора, с которым находился в дружбе мой брат и который, как я недавно узнал, родился в том же городе, что и я. Однажды вечером она со мною говорила о глубоком впечатлении, которое произвела на нее захватывающая печальная история, постигшая талант в одной из новелл этого автора; разговор наш перешел отсюда к тем признакам недюжинных дарований, которые обнаруживают наши дети. Под впечатлением прочитанного она выразила опасение, относившееся к нашим детям, и я утешил ее замечанием, что как раз такие опасности могут быть устранены воспитанием. Ночью мои мысли развивались в том же направлении и включили в себя заботу моей жены. Замечание, которое сделал писатель по адресу моего брата и которое касалось женитьбы, направило мои мысли по другому пути. Путь этот вел в Бреславль, куда вышла замуж одна близко знакомая нам дама. Опасение, что даровитый человек может погибнуть от женщины, служило центром моих мыслей и нашло себя в Бреславле в качестве примеров Ласкера и Лассалья. Ласкер умер от прогрессирующего паралича, то есть от последствий приобретенного от женщины люэса; Лассаль, как известно, погиб на дуэли из-за женщины. Элемент "cherchez la femme", которым можно резюмировать эти мысли, приводит меня к моему холостому брату, которого зовут Александром. Я замечаю, что имя Алекс, как мы его обычно называем, похоже по созвучию на Ласкер и что этот момент помог, очевидно, обращению моих мыслей к Бреславлю.

Игра именами и словами имеет еще и другой, более глубокий смысл. Она воплощает собою желание счастливой семейной жизни для моего брата и делает это следующим образом. В романе Зола "L'oeuvre", с которым по существу тесно связаны мысли писателя, автор изобразил, как известно, себя самого и свое собственное семейное счастье. В романе он фигурирует под именем Сандо. По всей вероятности, при придумывании этого имени он поступил следующим образом. Фамилия Зола, будучи прочтена наоборот, дает: Алоз. Но это показалось ему слишком прозрачным, поэтому он заменил первый слог "ал", которым начинается и имя Александр, третьим слогом того же имени "санд", так и получилось Сандо (по фр. — "Sandos"). Аналогично обстояло дело и с моим словом "автодидаскер".

Мысль о том, что я должен сообщить профессору Н., что наш общий пациент страдает только неврозом, была включена в сновидение следующим образом. Незадолго до конца моего рабочего года ко мне пришел пациент, но я не решался дать категорического диагноза его болезни. У него можно было предположить наличие органического страдания, какого-либо изменения в спинном мозгу, хотя очевидных признаков этого не было. Поставить диагноз невроза было очень заманчиво; это положило бы конец всяким сомнениям, но я не мог этого сделать, так как больной категорически отрицал какое бы то ни было наличие половой анемнезии, без которой, по моему глубокому убеждению, не может быть невроза. Не зная, что предпринять, я призвал на помощь врача, перед авторитетом которого я охотно склоняюсь. Он выслушал мои сомнения, согласился с ними, но сказал все-таки: "Понаблюдайте за пациентом. У него все-таки только невроз". Так как я знаю, что он не разделяет моих взглядов относительно этиологии неврозов, то я не стал ему противоречить и попросту скрыл свое недовольство его ответом. Несколько дней спустя я заявил пациенту, что не знаю, что с ним предпринять, и посоветовал ему обратиться к другому врачу. В ответ, к моему глубокому удивлению, он стал просить у меня извинения и сознался во лжи; ему было очень стыдно, но теперь он готов раскрыть свою половую жизнь. Оказалось, что он действительно страдает половой анемнезией, наличие которой необходимо для установления невроза. Я испытал при этом чувство удовлетворения, хотя в то же время мне стало и стыдно; я должен был сознаться, что мой консультант, не смущаясь отсутствием анемнезии, оказался дальновиднее меня, и я решил откровенно сказать ему это, когда с ним увижусь, и признаться в том, что он был прав, а я заблуждался.

Именно это-то и делаю я в сновидении. Но при чем же тут осуществление желания, раз я признаюсь в своей неправоте? Но это как раз и служит моим желанием; мне хочется оказаться неправым в своих опасениях, точнее

говоря, мне хочется, чтобы моя жена, опасения которой были включены в мысли, скрывавшиеся за моим сновидением, оказалась неправой. Тема, к которой относится "правота" и "неправота" в сновидениях, недалеко от элемента, действительно имевшегося в моих мыслях. Тут та же альтернатива органического или функционального ущерба от женщины, точнее говоря, от половой жизни.

Профессор Н. играет в этом сновидении видную роль не только благодаря этой аналогии, но и благодаря моему желанию оказаться неправым, а также и не вследствие его близкой связи с Бреславлем и дружбе с дамой, вышедшей туда замуж, — а вследствие нашего небольшого разговора, имевшего место после нашей вышеупомянутой консультации. Исполнив свой врачебный долг, он заговорил со мною о моей семье. "Сколько у вас детей?" — "Шестеро". — "Мальчиков или девочек?" — "Три мальчика и три девочки — это моя гордость и все мое богатство". — "Ну, смотрите, с девочками не так уже трудно, но мальчиков воспитывать нелегко". Я заметил, что они у меня очень послушные; по всей вероятности, эти два диалога относительно будущего моих сыновей столь же мало мне понравились, как и первый относительно моего пациента. Оба эти впечатления связаны между собою непосредственным следованием одно за другим, и если я включаю в сновидение историю с неврозом, то я заменяю ею разговор о воспитании, обнаруживающий еще большую связь с мыслями сновидения, так как он еще ближе к высказанным накануне опасениям моей жены. Таким образом и боязнь, что профессор Н. был прав относительно трудности воспитания моих мальчиков, включается в содержание сновидения: она скрывается позади изображения моего желания, чтобы я оказался неправ в этих опасениях. Та же самая мысль служит в неизменном виде изображению обеих противоположных сторон альтернативы.

Словообразования в сновидениях напоминают таковые же при паранойе; они играют известную роль и в истории, и в навязчивых представлениях. Филологические фокусы детей, иногда относящихся к словам как к вещам, изобретающих новые языки и искусственные словообразования, образуют здесь общий источник как для сновидений, так и для психоневрозов.

Когда в сновидении изображается речь или разговор, резко отличающийся в качестве такового от мыслей, тут в качестве общего правила можно сказать, что разговор в сновидении проистекает от воспоминания о таковом же, имевшем место в действительной жизни. Разговор этот либо сохраняется в неизменном виде, либо претерпевает незначительное искажение; отчасти такой разговор составляется из избранных отрывков фраз и диалогов предыдущего дня; хотя внешне он и остается неизменным, однако мысль приобретает совершенно другое значение; речь или разговор в сновидении служит нередко простым намеком на эпизод, при котором имел место вспоминаемый диалог.

б) Работа смещения. Другое, по всей вероятности, не менее существенное обстоятельство должно было броситься нам в глаза, когда мы рассматривали примеры процесса сгущения в сновидении. Мы могли заметить, что элементы, выделяющиеся в сновидении в качестве существенных составных его частей, отнюдь не играют той же самой роли в мыслях, скрывающихся за сновидением. И наоборот: то, что в мыслях обладает преимущественным значением, может быть совсем не выражено в сновидении. Сновидение составляется как бы совершенно иначе, его содержание располагается вокруг Других элементов, чем мысли, служащие его основой.

Так, например, в сновидении о ботанической монографии центром служит элемент "ботанический"; в мыслях же, скрывающихся за этим сновидением, речь идет о конфликтах, возникающих из-за взаимных услуг между врачами, и об упреках в том, что я приношу слишком большие жертвы своему увлечению; элемент "ботанический" вообще не имеет места в этом центральном пункте моих мыслей, — он разве только связан с ним по закону контраста, так как ботаника не была никогда в числе моих любимых занятий. В сновидении "Са-фо" моего пациента центральным пунктом служит "подъем" и "схождение"; сновидение трактует, однако, об опасностях половых сношений с женщинами, стоящими в социальном отношении на низкой ступени, так что в содержание сновидения вошел лишь один из элементов мыслей. Аналогично обстоит дело и в сновидении о майских жуках, которое касается взаимоотношения сексуальности и жестокости; момент жестокости хотя и проявляется в сновидении, но в совершенно другой связи и при полном отсутствии сексуального элемента; таким образом, он как бы вырван из общего комплекса и, кроме того, представлен в совершенно преобразованном виде. В сновидении о дяде белокурой борода, служащая его центральным пунктом, не имеет никакого отношения к мании величия, которая после анализа оказалась сущностью мыслей, скрывающихся за этим сновидением. Все эти сновидения претерпевают процесс "смещения". Прямую противоположность этим примерам образует сновидение об инъекции Ирме. Оно показывает, что при образовании сновидения отдельные элементы могут сохранить за собою то место, какое они занимали в мыслях. Наличие этого нового — чрезвычайно, однако, непостоянного — соотношения мыслей и содержания сновидения должно возбудить в первую очередь наше удивление. Когда при каком-либо психическом явлении нормальной жизни мы находим, что одно представление берется из ряда других и приобретает особую живость, то мы пользуемся этим для доказательства того, что пробуждающееся представление приобретает особую высокую психическую ценность. Мы знаем, однако, что эта ценность отдельных элементов мыслей, скрывающихся за сновидением, не остается в наличии при образовании последнего или, по крайней мере, не играет почти никакой роли. Мы ведь нисколько не сомневаемся в том, какие элементы играют наибольшую роль в мыслях, служащих основой сновидения; наше суждение тотчас же вскрывает их. При образовании сновидения эти важнейшие элементы, снабженные наиболее интенсивным интересом, могут совершенно утратить свою ценность; их место в сновидении заступают другие элементы, безусловно, несущественные или даже ничтожные в мыслях. На первый взгляд это производит впечатление, будто психическая интенсивность отдельных представлений вообще не играет

роли при подборе их для сновидения: важно лишь более или менее сложное детерминирование их. В сновидение попадает не то, что обладает наибольшей ценностью в мыслях, а то, что содержится в них неоднократно; это не помогает, однако, объяснению образования сновидений, так как мы никоим образом не можем предполагать, чтобы оба момента — сложное детерминирование и субъективная ценность — могли бы действовать иначе при подборе материала для сновидения, чем в полном соответствии. Те представления, которые играют видную роль в мыслях, наиболее часто в них и повторяются, так как от них, как от центральных пунктов, и исходят отдельные мысли. Тем не менее сновидение может отклонить эти интенсивно подчеркнутые и сложно детерминированные элементы и включить в свое содержание другие, обладающие лишь последним свойством.

Для разрешения этой трудности мы воспользуемся впечатлением, которое получили при исследовании детерминирования содержания сновидения. Быть может, многим читателям показалось, что детерминирование элементов сновидения не представляет собою ничего нового, так как оно само собой разумеется. При анализе мы исходим ведь из элементов сновидения и записываем все те мысли, которые связаны с ним; не удивительно, что в мыслях, полученных таким путем, чрезвычайно часто встречаются именно эти элементы. Я мог бы не считаться с этим возражением, но я сам приведу аналогичное ему; среди мыслей, которые обнаруживает анализ, находится много, стоящих вдали от сущности сновидения и кажущихся искусственно введенными нами с известной целью. Цель эта обнаруживается чрезвычайно легко; эти мысли образуют связь, иногда чрезвычайно вынужденную и искусственную, между содержанием сновидения и мыслями, скрывающимися за ним; и если бы мы устранили эти элементы из анализа, то составные части сновидения не нашли бы себе детерминирования в мыслях. Это приводит нас к тому, что сложное детерминирование, играющее решающую роль при подборе материала сновидения, образует не всегда первичный момент образования сновидения, но зачастую вторичное последствие психической силы, нам еще не знакомой. При всем том, однако, оно имеет значение для допущения отдельных элементов, так как мы можем наблюдать, что оно образуется не без труда там, где возникает само собою из материала сновидения.

Ясно, таким образом, что в работе сновидения находит свое выражение психическая сила, которая, с одной стороны, лишает интенсивности психически ценные элементы, с другой же — путем детерминирования из малоценных моментов создает новые ценности, которые затем и попадают в содержание сновидения. Если дело обстоит таким образом, то при образовании сновидения совершается перенесение и-смещение психической интенсивности отдельных элементов, результатом которых и является различие между содержанием сновидения и мыслями, скрывающимися за ним. Процесс, происходящий при этом, составляет существенную часть деятельности сновидения; мы назовем его процессом, смещения. Смещение и сгущение — два процесса, которым мы имеем полное основание приписать образование сновидения.

Я полагаю, что нам будет нетрудно познакомиться с сущностью психической силы, проявляющейся в процессе смещения. Результатом этого смещения является то, что содержание сновидения не походит по своему существу на мысли, скрывающиеся за ним, и то, что сновидение отражает лишь искажение жизни в бессознательном. Искажающая деятельность сновидения нам уже знакома; мы объяснили ее цензурой, которую оказывает одна психическая инстанция по отношению к другой. Процесс смещения в сновидении — одно из главнейших средств для достижения такого искажения. *Is fecit, cui profuit*⁹⁷. Мы можем предположить, что процесс смещения осуществляется благодаря влиянию именно этой цензуры. Так как объяснение искажающей деятельности сновидения влиянием цензуры я считаю центральным пунктом моей теории сновидения, то я привожу здесь заключительное место новеллы "Сон и бодрствование" из книги Линкеуса "Фантазии реалиста" (Вена, 1890), в котором я нахожу эту доминирующую черту своего учения:

"О человеке, обладающем странною способностью видеть только разумные сновидения..."

"Твоя странная особенность грезить так, как мыслишь ты наяву, объясняется твоими добродетелями, твоей добротой, твоею справедливостью и твоей любовью к истине: моральная чистота твоей души объясняет мне все".

"Если, однако, хорошенько подумать, — ответил другой, — то мне кажется, что все люди созданы так же, как я, никому никогда не снится бессмыслица. Сновидение, о котором отчетливо вспоминаешь, которое можешь потом рассказать и которое не является поэтому горячечным бредом, имеет всегда глубокий смысл и не может его не иметь! Ибо то, что стоит друг с другом в противоречии, не могло быть вообще связано в одно целое; те преступления, которые совершает сновидение по отношению к пространству и времени, нисколько не наносят ущерба его осмысленности, так как то и другое не имеет никакого значения для его содержания. Мы и в бодрствующем состоянии часто делаем так же. Подумай только о сказках, о бесконечных смелых и глубокомысленных созданиях фантазии, про которые лишь невежественный человек мог бы сказать: "Какой абсурд, ведь это же невозможно!"

"Да, если бы только можно было всегда правильно толковать, сновидения — вот как ты здесь только что!" — заметил другой.

"Это правда, совсем не легко, но при некотором внимании сам грезящий человек мог бы всегда толковать свои сновидения. Почему это нам не всегда удается? В ваших сновидениях есть всегда что-то скрытое, поэтому-то ваши сновидения и кажутся часто лишены смысла, а иногда даже и совершенно нелепыми и абсурдными. В основе своей, однако, они совершенно не таковы; они не могут быть бессмысленными уже по одному тому, что ведь бодрствует и грезит всегда тот же самый человек".

Каким образом согласуются между собою моменты смещения, сгущения и детерминирования при образовании сновидения, какой из этих факторов играет первенствующую и какой второстепенную роль, мы увидим в дальней-

шем изложении. Пока же в качестве второго условия, которому должны удовлетворять элементы, включаемые в сновидение, мы можем установить то, что они должны быть устранимы от цензуры.

в) Средства изображения в сновидениях. Помимо обоих моментов процесса сгущения и процесса смещения, которые мы установили при превращении скрытого содержания сновидения в явное, мы столкнемся сейчас с двумя дальнейшими условиями, оказывающими несомненное влияние на подбор материала сновидения. Предварительно, однако, рискуя даже отклониться от намеченного нами пути, необходимо бросить взгляд на процесс толкования сновидений. Я не отрицаю того, что лучше и целесообразнее всего было бы взять за образец какое-либо сновидение, дать его толкование так же, как я сделал во второй главе со сновидением об инъекции Ирме, сопоставить затем обнаруженные нами скрытые мысли и обратным путем составить из них сновидение, короче говоря, дополнить анализ сновидений синтезом их. Эту работу я, действительно, проделал на нескольких примерах; я не мог, однако, опубликовать ее здесь, так как этому препятствуют разного рода соображения, легко понятные каждому вдумчивому читателю. При анализе сновидения соображения эти играют не столь видную роль, так как анализ может быть не вполне исчерпывающим и сохранять при этом свою ценность: ему достаточно хотя бы в незначительной степени проникнуть хитросплетения сновидения. Синтез для полного доказательства должен быть непременно исчерпывающим. Однако исчерпывающий синтез я могу дать лишь относительно сновидений тех лиц, которые совершенно незнакомы читающей публике. Так как, однако, в моем распоряжении имеются лишь сновидения моих пациентов-невротиков, то, я должен отложить такой синтез их сновидений до тех пор, пока я не сумею довести психологического толкования неврозов до полной их связи с нашей темой. Исчерпывающий анализ и синтез двух сновидений я произвел в моем "Отрывке анализа истерии" (1905 г.).

Из моих попыток синтетически образовать сновидение из мыслей, лежащих в основе его, я знаю, что материал, получающийся при толковании, обладает различной ценностью. Одну часть его образуют существенные мысли, которые, таким образом, вполне замещают собою сновидение и могли бы служить его полной заменой, если бы для сновидения не существовало цензуры; другую часть можно объединить под названием коллатеральных мыслей⁹⁸; в целом они представляют собою пути, по которым реальное желание, проистекающее из мысли, переносится в желание, имеющееся в наличии в сновидении. Одна часть этих коллатеральных мыслей состоит из связей с действительными мыслями; соединения эти в сновидении имеют схематический вид и соответствуют смещениям от существенного к второстепенному. Другая часть обнимает собою мысли, которые связуются между собою при помощи этих второстепенных элементов, получивших значение благодаря смещению, и включаются в содержание сновидения. Третья часть содержит, наконец, мысли и соединения их, при помощи которых мы при толковании сновидения от содержания его приходим к средним коллатеральным и которые вовсе не все должны участвовать в образовании сновидения.

Нас интересуют здесь исключительно существенные мысли, скрывающиеся за сновидением. Они представляют собою большей частью комплекс мыслей и воспоминаний со всеми особенностями мышления, знакомыми нам по бодрствующему состоянию. Нередко эти мысли исходят не из одного центра, но все они имеют точки соприкосновения; почти всегда подле одного ряда мыслей находится противоположный ему, связанный с ним при помощи ассоциации по контрасту.

Отдельные части этого сложного целого находятся, разумеется, в самом разнообразном логическом соотношении друг с другом. Они образуют передний и задний план, отклонения и дополнения, условия, аргументы и возражения. Когда вся масса этих мыслей подвергается влиянию деятельности сновидения, причем отдельные части ее раздробляются, расчлняются и потом снова сплавиваются воедино, то возникает вопрос, что же происходит с логической связью, имевшейся в наличии в этом сложном целом. Каким образом образуются во сне все эти "если", "потому что", "подобно тому как", "несмотря на то, что", "или — или" и все другие союзные речения, без которых мы не можем представить себе ни одного предложения, ни одной связной фразы?

На этот вопрос приходится ответить прежде всего, что сновидение не располагает средствами для изображения этих логических связей между мыслями. Большой частью анализ оставляет в стороне эти союзные речения и подвергает переработке лишь объективное содержание этих мыслей. Толкование должно затем снова восстановить эту связь, уничтоженную деятельностью сновидения.

Отсутствие у сновидения способности к выражению этой связи объясняется, очевидно, самой сущностью психического материала. Аналогичное ограничение претерпевают и изобразительные искусства, живопись и скульптура, по сравнению с поэзией, средствами выражения которой служат слова; и здесь причина отсутствия этой способности лежит в материале, при помощи которого оба искусства стремятся вообще к воплощению чего-либо. До тех пор пока живопись не достигла понимания своих законов, она старалась устранить этот дефект. На древних портретах люди изображались с запиской в руках, на которой было написано то, что тщетно старался изобразить художник.

Быть может, здесь мне сделают возражение, которое будет оспаривать необходимость отказа сновидения от изображения логической связи. Есть ведь много сновидений, в которых совершаются самые сложные умственные операции, в которых мы находим аргументации и противоречия, сравнения и связи, — совсем как в бодрствующем мышлении. Но это только иллюзия. Подвергнув такое сновидение толкованию, мы увидим, что все это лишь материал сновидения, а не изображение интеллектуальной работы в нем. Мнимое мышление в сновидении передает лишь содержание мыслей, о не их взаимную связь, в установлении которой состоит мышление. Я приведу примеры этому. Легче всего констатировать, однако, что все разговоры, диалоги и речи, наблюдающиеся в сновидениях,

представляют собою неизменные или чрезвычайно мало измененные воспроизведения разговоров и диалогов, имеющих в наличии в воспоминаниях спящего. Разговор — зачастую лишь указание на событие, запечатленное в мыслях, скрывающихся за сновидением. Смысл же сновидения совершенно иной.

Я не буду возражать против того, что в образовании сновидения принимает участие и критическое мышление, попросту воспроизводящее материал из мыслей. Влияние этого фактора я выясню лишь в конце нашего изложения. Мы увидим тогда, что эта работа мышления вызывается не мыслями, скрывающимися за сновидением, а самим в известном смысле уже готовым сновидением.

Мы видим, таким образом, что логическая связь между мыслями не находит себе особого выражения в сновидении. Так, например, где в сновидении имеется противоречие, там на самом деле имеется либо противоречие против всего сновидения, либо же противоречие в содержании каких-либо мыслей; противоречию между мыслями, скрывающимися за сновидением, соответствует противоречие в сновидении лишь в чрезвычайно скрыто переданной форме.

Подобно тому, однако, как и живописи удалось выразить речь изображаемого лица и его чувства иначе, чем при помощи записки, так и сновидение нашло возможность воспроизводить некоторую связь между своими мыслями через посредство соответствующей модификации своего своеобразного изображения. Мы можем наблюдать, что различные сновидения различным образом поступают при этом; в то время как одно сновидение проходит мимо логической структуры своего материала, другое старается по возможности воспроизвести и ее. Сновидение отдалается в этом более или менее от предоставляемого ему для обработки текста. Аналогичным образом поступает, впрочем, сновидение и с временной связью мыслей, скрывающихся за ним, когда такая связь создается в бессознательном.

Какими же средствами способна деятельность сновидения воспроизвести трудно воспроизводимую логическую связь? Я попытаюсь подойти к разрешению этого вопроса, рассмотрев каждую из наиболее часто наблюдаемых логических связей в отдельности.

Прежде всего сновидение учитывает общую связь всех элементов мыслей, скрывающихся за ним, таким образом, что соединяет весь этот материал в одно целое в форме какой-либо ситуации или события. Логическую связь оно передает в форме одновременности. Оно поступает при этом все равно как художник, который изображает, например, всех философов или поэтов в одной школе в Афинах или на Парнасе, которые никогда, конечно, не были там вместе, но для мыслящего взгляда представляют несомненно одно неразрывное целое.

Сновидение пользуется таким же способом изображения. Как только оно изображает два элемента друг подле друга, так тем самым оно свидетельствует о тесной связи между соответствующими им элементами в мыслях. Это все равно как в нашей системе письма: "аб" означает, что обе буквы должны быть произнесены в один слог; "а" и "б" через промежуток наводят на мысль, что "а" — последняя буква одного слова и "б" — первая буква другого. Вследствие этого комбинации сновидения образуются не из любых совершенно отдельных составных частей материала, а из таких, которые находятся в тесной связи друг с другом и в мыслях, служащих основой сновидения.

Для изображения причинной связи сновидение имеет в своем распоряжении два способа, которые по существу своему одинаковы. Наиболее употребительный способ изображения следующий: так как то-то и то-то обстоит таким образом, то должно было произойти то-то и то-то. Этот способ состоит в том, что причина изображается в виде предварительного сновидения, а последнее — в виде главной его части. Если я не ошибаюсь, то последовательность может быть и обратная, но следствие всегда соответствует главной части сновидения.

Прекрасный пример такого изображения причинной связи сообщила мне однажды моя пациентка, сновидение которой я впоследствии приведу полностью. Сновидение это состояло из краткого вступления и чрезвычайно обширной главной части.

Вступление гласило следующее: "Она идет в кухню к двум служанкам, и бранит их за то, что они не могут справиться "с такими пустяками". Она видит в кухне на столе множество всевозможной посуды; служанки идут за водой и должны, для этого погрузиться в реку, доходящую до дома или до двора".

Вслед за этим идет главная часть, которая начинается так: "Она спускается сверху по какой-то странной лестнице и радуется, что при этом она нигде не цепляется платьем и т. <?."

Вступление относится к родительскому дому моей пациентки, слова в кухне она действительно часто слышала от своей матери. Груды посуды относятся к посудной лавке, находившейся в их доме. Вторая часть сновидения содержит намек на отца, который часто волочился за прислугой и однажды при наводнении — дом стоял на берегу реки — простудился и умер. Мысль, скрывающаяся за этим вступлением, сообщает следующее. Я происхожу из этого дома, из этой низкой безотрадной обстановки. Главная часть сновидения воспринимает ту же самую мысль и изображает ее в измененной, благодаря осуществлению желания, форме: я высокого происхождения. Таким образом: так как я низкого происхождения, то моя жизнь сложилась так-то и так-то.

Насколько я знаю, разделение сновидения на две неравные части означает не каждый раз причинную связь между мыслями обеих частей. Очень часто кажется, будто в обоих сновидениях изображается один и тот же материал, но с различных точек зрения; или же оба сновидения проистекают из различных центров материала и скрещиваются друг с другом в содержании, так что в одном сновидении центром служит то, что в другом является лишь косвенным указанием и наоборот. Во многих сновидениях, однако, разделение на короткое вступление и более обширную главную часть действительно соответствует причинной взаимозависимости обеих частей.

Другой способ изображения причинной связи применяется при менее обширном материале и состоит в том, что один образ в сновидении — будь то лицо или вещь — превращается в другой. Лишь там, где в сновидении действительно происходит такое превращение, мы можем говорить о наличии причинной взаимозависимости, но отнюдь не там, где мы только замечаем, что на месте одного образа появился другой.

Я уже говорил, что оба способа изображения причинной связи, в сущности, совпадают друг с другом; в обоих случаях причинная связь заменяется последовательностью — в одном случае при помощи последовательности сновидений, в другом же непосредственным превращением одного образа в другой. В большинстве случаев, правда, причинная связь вообще не изображается, а заменяется неизбежной и в сновидении последовательностью элементов.

Альтернатива "или — или" вообще не изображается в сновидении. Последнее включает звенья этой альтернативы в качестве равноценных элементов. Классическим примером этого служит сновидение об инъекции Ирме. Скрытые мысли его гласят, впрочем: я не виновен в болезненном состоянии Ирмы; причина его лежит либо в сопротивлении моему лечению, либо в том, что она находится в неблагоприятных сексуальных условиях, которые я не могу изменить, либо же болезнь ее вообще не истерического, а органического характера. Сновидение осуществляет, однако, все эти почти исключаящие друг друга возможности. Альтернатива "либо — либо" обнаружена нами лишь при толковании.

Когда, однако, рассказчик при сообщении сновидения употребил союзное речение "или -или", -например, мне снился сад или же комната — там в мыслях, скрывающихся за сновидением, содержится не альтернатива, а простое сопоставление, характеризующееся союзом "и". При помощи "или — или" мы изображаем обыкновенно расплывчатый характер какого-либо элемента сновидения, которое стараемся припомнить и разъяснить. Правило толкования в этом случае гласит: отдельные части мнимой альтернативы следует сопоставить друг с другом и связать при помощи союза "и". Мне снится, например, что, отыскивая долгое время адрес своего находящегося в Италии друга, я получаю телеграмму, сообщающую мне этот адрес. Я вижу его на телеграфном бланке; первое слово не ясно, оно или — *via*, или — *Villa*", второе отчетливо: *Sezerno*.

Второе слово, напоминающее по звучанию итальянское имя и вызывающее во мне представление о наших этимологических спорах, выражает также и мою досаду на то, что он так долго скрывал от меня свое местопребывание; каждое же из предположений о первом слове предстает при анализе в виде самостоятельного исходного пункта целого ряда мыслей.

Ночью, накануне похорон моего отца, мне приснились печатные таблицы или плакаты, похожие на объявления о запрещении курить, вывешиваемые обычно на вокзалах. На плакате этом я прочел:

или:

Просят закрывать глаза

ИЛИ:

Просят закрывать глаз.

Каждая из этих надписей имеет свой особый смысл и в толковании ведет по различным путям. Я умышленно решил сделать похороны как можно более скромными, так как знал желание покойного. Другие же члены семьи были несогласны с моим пуританизмом; им казалось, что нам будет стыдно перед чужими. Поэтому одна из надписей — "Просят закрывать глаз" (по нем. "Ein Auge zuzudriicken" имеет переносное значение) — выражает собой просьбу о снисхождении¹⁰⁰. Значение расплывчатости, которое мы описываем здесь при помощи "или — или", очевидно с первого взгляда. Сновидению не удалось составить единого, недвусмысленного словесного выражения мысли, лежащей в его основе. Поэтому-то оба ряда мыслей разделяются уже в самом содержании сновидения.

В некоторых случаях разделение сновидения на две равные части действительно выражает трудно поддающуюся истолкованию альтернативу.

Чрезвычайно любопытно отношение сновидения к категориям противоположности. Категория эта почти совершенно не выражается а сновидении; противоположности соединяются обычно в одно целое или, по крайней мере, изображаются в этом виде. Сновидение идет даже дальше и изображает и отдельные элементы при помощи их противоположностей, так что ни один элемент, способный найти себе прямую противоположность, не показывает сразу, имеет ли он в мыслях сновидения положительный или отрицательный характер. В одном из вышеупомянутых сновидений, первую часть к которому мы уже истолковали ("так как я такого происхождения..."), моя пациентка спускается по перилам и держит при этом в руках цветущую ветку. Так как щьи этом у нее появляется мысль, что на изображениях Благовещения (ее зовут Марией) ангел держит в руках лилию и так как она видит девушек в белых платьях, которые идут по улицам, украшенным зелеными ветками, то цветущая ветвь в сновидении несомненно содержит в себе указание на половую невинность; ветвь эта, однако, усажена сплошь красными цветами, из которых каждый напоминает камелию. В конце ее дороги цветы почти все опадают; дальше следуют указания на регулы. Тем самым ветка, которая напоминает лилию и несется как бы невинной девушкой, указывает на "даму с камелиями", которая, как известно, носила всегда белые камелии, во время же регул — красные.

Цветущая ветвь изображает половую невинность и в то же время ее противоположность. Одно и то же сновидение, выражающее собою радость по поводу того, что ей удалось беспорочно прожить свою жизнь, обнаруживает в некоторых частях (например, в элементе опадания цветов) противоположный ход мыслей и намекает на то, что она не чужда и небольших прегрешений против сексуальной чистоты и невинности (в детстве). При анализе сновиде-

ния мы могли бы ясно проследить оба ряда мыслей, из которых радостный расположен наверху, а прискорбный — внизу; оба эти ряда идут параллельно, но направляются в прямо противоположные стороны. Их одинаковые, но противоположные элементы находят себе выражение в соответствующих элементах сновидения.

С одной из логических связей механизм образования сновидения считается, однако, в полной мере. Это отношение сходства, согласования, соприкосновения, выражающееся союзным речением "подобно тому как"; оно находит себе в сновидении наиболее полное выражение. Имеющиеся в материале сновидения элементы такого взаимоотношения составляют главнейшие опорные пункты образования сновидения, и наиболее существенная часть деятельности последнего состоит в создании таких новых элементов в том случае, когда имеющиеся уже в наличии не могут попасть в сновидение ввиду сопротивления цензуры. На помощь изображению отношения сходства приходит процесс сгущения в сновидении.

Сходство, согласование и общность обычно изображаются сновидением путем соединения в одно целое, которое либо имеется уже в наличии в материале сновидения, либо же образуется заново. Первый случай мы можем назвать идентификацией, второй же — образованием сложных комбинаций. Идентификация применяется там, где речь идет о людях; образование же сложных комбинаций там, где материалом соединения служат вещи, хотя сложные комбинации образуются и из людей. Местности подлежат зачастую тем же правилам, что и люди.

Идентификация состоит в том, что лишь одно из лиц, связанных между собою сходством, находит себе выражение в сновидении, между тем как второе или все остальные как бы устраняются сновидением. Это одно лицо входит в сновидении во все те отношения и ситуации, которые проистекают от него или от лиц, которых оно собою замещает. При образовании сложных комбинаций из лиц уже в сновидении имеются в наличии черты, свойственные отдельным лицам, но не общие для всех них, так что при помощи объединения этих черт возникает новая единица, сложная комбинация коллективных лиц. Процесс этот совершается различным путем. Либо лицо в сновидении получает имя какого-нибудь другого, им замещаемого, — между тем как внешность его остается тою же; или же сам образ в сновидении состоит из черт, которыми в действительности объединяются все замещаемые лица. Вместо этих внешних черт лицо может быть представлено также свойственными ему манерами, словами или ситуацией, характерной для него. В последнем случае резкая противоположность между идентификацией и образованием сложных комбинаций почти исчезает. Случается, однако, и то, что образование таких коллективных лиц не удается. Тогда сцена сновидения приписывается одному лицу, а другое — по большей части главное — выступает в качестве безучастного зрителя. Спящий рассказывает, например: "Тут же была и моя мать" (Ште-кель)¹⁰¹. Общие черты, лежащие в основе объединения двух лиц, могут быть изображены в сновидении, но могут и отсутствовать в нем. Обычно идентификация или образование коллективных лиц служит именно для того, чтобы избежать изображения общих черт. Вместо того чтобы повторять, что "А" настроен враждебно ко мне и "Б" тоже, я в сновидении образую коллективное лицо из "А" и "Б" и представляю "А" в ситуации, характерной для "Б". Полученное таким образом коллективное лицо выступает в сновидении в какой-либо другой обстановке, и в том обстоятельстве, что оно означает собою как "А", так и "Б", я нахожу основание для истолкования соответственного места в сновидении в том смысле, что коллективное лицо изображает собою враждебное отношение ко мне. Таким путем я достигаю зачастую чрезвычайно интенсивного сгущения содержания сновидения; я избегаю необходимости непосредственного изображения сложных условий, имеющих отношение к данному лицу, и нахожу другое лицо, связанное, по крайней мере, с частью этих условий. Нетрудно понять, что это изображение при помощи идентификации помогает также избежать цензуры, ставящей столь серьезную преграду деятельности сновидения. Повод к влиянию цензуры могут дать как раз те представления, которые в материале связаны с данным лицом; я нахожу поэтому второе лицо, которое также имеет отношение к моему материалу, но только как часть его. Соприкосновение в пункте, подлежащем влиянию цензуры, дает мне право образовать коллективное лицо, характеризующееся в обоих направлениях индифферентными чертами. Эти коллективные лица, будучи уже свободными от цензуры, получают непосредственный доступ к содержанию сновидения и таким образом, использовав процесс сгущения, я удовлетворил требование цензуры.

Там, где в сновидении изображаются общие черты обоих лиц, там это служит обычно указанием на наличие другого скрытого сходства, изображению которого воспрепятствовала цензура. Тут до некоторой степени в целях облегчения изображения произошло смещение в области общих черт. Коллективное лицо с индифферентными общими чертами указывает на наличие отнюдь не индифферентных общих черт в мыслях, скрывающихся за сновидением.

Идентификация или образование коллективных лиц служит в сновидении различным целям; во-первых, изображению общих черт второго лица, во-вторых, изображению смещенного сходства, в-третьих же, изображению лишь желаемого сходства. Так как желание найти общие черты у двух лиц зачастую совпадает со смещением их, то и взаимоотношение выражается в сновидении идентификацией. Мне хочется в сновидении об инъекции Ирме смешать эту пациентку с другою; я хочу, таким образом, чтобы другая была моей пациенткой так же, как ею является Ирма. Сновидение считается с этим желанием, представляя мне лицо, которое носит имя Ирмы, но исследуется мною в ситуации, имевшей место при исследовании другой желаемой пациентки. В сновидении о дяде это смешение служит центральным пунктом сновидения я идентифицирую себя с министром, относясь к своему коллеге так же, как относится к нему он.

Я не раз уже упоминал о том, что все сновидения без исключения изображают непременно самого спящего. Сновидение абсолютно эгоистично. Там, где в содержании сновидения содержится не мое "я", а другое лицо, я

имею полное основание предположить, что мое "я" скрыто путем идентификации за этим лицом. В другом случае, когда мое "я" действительно имеется в наличии в сновидении, ситуация, в которой оно находится, может именно показать, что позади моего "я" путем идентификации скрывается другое лицо. Сновидение указывает, что при толковании его я должен перенести на себя нечто, присущее этому лицу, — скрытые общие черты. Бывают также сновидения, в которых мое «я» проявляется также наряду с другими лицами, которые при анализе после раскрытия идентификации оказываются опять-таки моим "я". Я должен тогда при помощи этих идентификаций связать со своим "я" известные представления, против восприятия которых восстала цензура. Таким образом, я могу изобразить в сновидении свое "я" различным путем. Иногда даже одновременно: либо непосредственно, либо же при помощи идентификации с другими лицами. Некоторые такие идентификации способствуют сгущению чрезвычайно обильного материала мыслей. Если я сомневаюсь, за каким лицом в сновидении я должен искать свое "я", то мне следует придерживаться следующего правила: лицо, испытывающее в сновидении аффект, который испытываю я в состоянии сна, всегда скрывает за собою мое "я".

Еще более прозрачно, нежели относительно лиц, раскрытие идентификации совершается относительно местностей, обозначенных собственными именами, так как здесь отсутствует влияние всепильного в сновидении "я". В одном из моих сновидений о Риме местность, и которой я нахожусь, названа "Рим"; я удивляюсь, однако, множеству немецких плакатов на улицах. Последние представляют собою осуществление желания, при котором у меня тотчас же появляется мысль о Праге; само желание проистекает, по всей вероятности, из давно прошедшего периода увлечения пангерманизмом; как раз ко времени моего сновидения в Праге у меня должно было состояться свидание с одним коллегой; идентификация Рима и Праги объясняется, таким образом, желаемым сходством; мне больше хотелось бы встретиться со своим коллегой в Риме, нежели в Праге.

Возможность образовывать сложные комбинации носит на себе черты, придающие сновидениям зачастую фантастический характер: благодаря ей в содержание сновидения вводятся элементы, которые никогда не могли бы стать объектом нашего восприятия. Психический процесс при образовании сложных комбинаций сновидения, по всей вероятности, тот же, какой происходит, когда мы в бодрствующем состоянии представляем себе кентавра или дракона. Разница лишь в том, что при фантазировании наяву решающую роль играет желаемое впечатление от составляемой фантазии, между тем как образование сложных комбинаций в сновидении обуславливается моментом, лежащим в начале этого образования, — отношением сходства в мыслях, скрывающихся за сновидением. Образование сложных комбинаций в сновидении может производиться самым различным образом. В наиболее простом случае изображаются лишь свойства одной вещи, и это изображение сопровождается сознанием того, что оно относится и к другому объекту. Более тщательная техника соединяет черты одного и другого объектов в новую единицу и умело пользуется при этом сходством обоих объектов, имеющихся в наличии в действительности. Новый объект может носить самый нелепый характер, смотря по тому, какую роль при образовании играл материал. Если объекты, объединяемые в сновидении в одно целое, слишком различны, то сновидение ограничивается тем, что образует сложный комплекс с более отчетливым центральным ядром, которое дополняется менее отчетливыми чертами. Соединение в одно целое здесь как бы не удастся; оба изображения покрывают друг друга. В сновидениях можно наблюдать множество таких сложных комбинаций; на несколько примеров я уже указал в вышеупомянутых сновидениях; я добавлю еще несколько. В сновидении, изображающем жизнь пациентки при помощи цветка, "я" сновидения несет в руках цветущую ветку, которая, как мы уже узнали, означает одновременно невинность и сексуальную греховность. Ветка расположением цветов напоминает ветвь вишневого дерева; сами же цветы, взятые в отдельности — камелии, причем все в целом производит впечатление экзотического растения. Общие черты в элементах этого сложного комплекса мы находим в мыслях, служащих основой сновидения. Цветущая ветвь состоит из указаний на подарки, которые должны были побуждать ее быть более уступчивой. Таковы в детстве вишни, в более зрелые годы — ветка камелии; экзотический элемент является указанием на путешественника — естествоиспытателя, который старался добиться ее расположения. Другая пациентка составляет в сновидении сложную комбинацию, состоящую из представлений о морской кабинке, дачного забора и мансарды городского дома. В обоих первых элементах общее их отношение к человеческой наготы и обнажению; из сопоставления с третьим элементом можно заключить, что и мансарда (в детстве) была связана с каким-либо обнажением. Девушке, которую старший брат обещал угостить икрой, снится, что ноги этого брата покрыты черными зернышками икры. Элементы "заражения" в моральном смысле и воспоминание о детской сыпи, которая состоит из красных, а не из черных пятнышек, соединились здесь с "зернышками икры" в новое представление о том, "что она получила от брата". Части человеческого тела рассматриваются в этом сновидении как объекты; это, впрочем, характерно для любого сновидения. В сновидении, сообщенном Ференци, имеется сложная комбинация, состоящая из личности одного врача, лошади и ночной сорочки. Общие черты этих трех элементов обнаруживаются при анализе: ночная сорочка содержит в себе указание на роль отца спящей в одном из воспоминаний детства. Во всех этих трех элементах речь идет об объектах ее полового любопытства.

Выше я утверждал, что сновидение не обладает средствами для выражения отношения противоположности, противоречия. Я постараюсь, однако, опровергнуть это утверждение. Часть случаев, содержащих в себе элемент противоположности, изображается просто при помощи идентификации, когда с противопоставлением может быть связана замена, смешение. Примеры этому мы уже приводили. Другая часть противоположностей в мыслях, скрывающихся за сновидениями, выражающаяся союзными предложениями "напротив того", "наоборот", находит свое выражение в сновидении следующим чрезвычайно оригинальным образом. Логическое противопоставление "наоборот", "напротив

того" само по себе не выражается в содержании сновидения, а проявляет свое наличие в материале его тем, что какой-либо элемент уже образованного содержания сновидения — как бы впоследствии — "переворачивается". Процесс этот легче иллюстрировать, нежели описать. В сновидении "Сафо" подъем изображается совершенно обратным тому, как изображается он в введении к роману Доде; в сновидении спящий идет вначале с трудом, а потом легче, между тем как в романе наоборот. Нахождение "наверху" и "внизу" по отношению к брату также изображается во сне в противоположном виде. Это указывает на соотношение противоположности между двумя частями материала в мыслях, скрывающихся за сновидением: в детской фантазии спящего кормилица носит его на руках в противоположность тому, как в романе герой носит на руках возлюбленную. В моем сновидении о нападках Гете на господина М. (см. ниже) содержится такое же "переворачивание", раскрытие которого только и дает возможность приступить к толкованию сновидения. В последнем Гете нападает на молодого человека, господина М.; в действительности же, как показывают мысли, скрывающиеся за сновидением, один выдающийся человек, мой коллега, подвергся нападкам со стороны неизвестного молодого автора. В сновидении я веду счет о годе смерти Гете; в действительности же, счет ведется о годе рождения паралитика. Мысль, доминирующая в материале сновидения, противоречит тому, что на Гете следует смотреть как на сумасшедшего. Наоборот, говорит сновидение, если ты не понимаешь книги, то невежда ты, а не автор.

Здесь следует заметить, что этим процессом зачастую пользуются сновидения, в основе которых лежит подавленное гомосексуальное влечение.

Переворачивание, превращение в противоположность — одно из излюбленных средств изображения сновидения; оно находит себе самое разнообразное применение. Оно служит прежде всего для осуществления желания, противоположного какому-либо элементу в мыслях, скрывающихся за сновидением. Хоть бы это было наоборот! — вот зачастую наилучшее выражение отношения моего "я" к неприятному элементу в воспоминаниях. Чрезвычайно ценные услуги оказывает это средство при цензуре, испытывая ту степень искажения изображаемого материала, которая как бы совершенно парализует толкование сновидения. Ввиду этого, когда сновидение упорно скрывает свой смысл, можно все-таки попытаться "перевернуть" некоторые части его явного содержания, после чего нередко сновидение становится совершенно прозрачным.

Наряду с "переворачиванием" по существу следует упомянуть и об аналогичном процессе по отношению ко времени. Сновидение в своей искажающей деятельности нередко изображает конец какого-либо события или заключительное звено ряда мыслей, а в конце помещает предпосылку мысли или причины события. Кто не принимает во внимание этого технического средства искажающей деятельности сновидения, тот вообще бессилен подойти к толкованию сновидений. Тою же техникой пользуется иногда и истерический припадок с целью скрыть свой смысл от взгляда зрителей. Одна истерическая девушка изображает, например, во время припадка небольшое романтическое приключение, созданное ее фантазией в связи с одной встречей в трамвае. Она хочет изобразить, как незнакомец, прельщенный красотой ее ног, заговаривает с нею в то время, как она читает, идет вместе с вею, и она переживает горячую любовную сцену. Припадок ее начинается с изображением любовной сцены; у нее появляются судороги (движения губ, точно для поцелуев, движения руками, как для объятий), она спешит в соседнюю комнату, садится на стул, показывает ногу, делает вид, словно читает книгу, и заговаривает со мной.

В некоторых случаях смысл сновидения раскрывается лишь после многократного "переворачивания" всего содержания сновидения в его целом, а также и отдельных его элементов. Так, например, за сновидением одного юного невротика скрывается воспоминание о его детском желании смерти строгого отца. Ему снится, что отец бранит его за то, что он поздно вернулся домой.. Психоаналитическое лечение и мысли пациента говорят за то, что сновидение должно было бы гласить: он сердится на отца, и ему кажется, что отец слишком рано возвратился домой. Он предпочел бы, чтобы отец вообще не возвращался домой, что тождественно его желанию смерти отца. Пациент в детстве во время продолжительного отсутствия отца совершил какой-то проступок и ему грозили: подожди-ка, придет отец!

Задавшись целью проследить взаимоотношение между содержанием сновидения и мыслями, скрывающимися за ним, мы возьмем исходным пунктом само сновидение и зададимся вопросом, что означают некоторые формальные особенности его содержания в их отношении к мыслям. К этим формальным особенностям, бросающимся нам в глаза в сновидении, относится прежде всего различие в чувственной интенсивности отдельных элементов сновидения и в отчетливости отдельных его частей или целых сновидений. Различия в интенсивности отдельных элементов сновидения составляют целую шкалу, начиная от редкой отчетливости вплоть до досадной расплывчатости, которую считают обычно характерной для сновидений, так как она по существу своему совершенно несходна с расплывчатостью воспринимаемых нами иногда при наблюдении объектов действительности. Обычно, кроме того, мы называем впечатление, полученное нами от неотчетливого элемента сновидения, "беглым", предполагая о более отчетливых элементах то, что они воспринялись нами в течение более продолжительного времени. Спрашивается теперь, какие же условия вызвали эти различия в отчетливости отдельных частей содержания сновидения.

Здесь следует прежде всего предупредить некоторые неизбежные ожидания. Так как в материал сновидения могут быть включаемы и реальные ощущения во время сна, то, по всей вероятности, можно было бы предположить, что эти элементы сновидения или другие, выводимые из них, отличаются особой интенсивностью или же, наоборот, что то, что в сновидении кажется нам наиболее отчетливым, может быть сведено к таким реальным ощущениям во время сна. Мои наблюдения, однако, не подтвердили этого предположения. Неправильно то, что

элементы сновидения, представляющие собою результаты реальных впечатлений во время сна, отличаются своей отчетливостью от других, обязанных своим происхождением воспоминаниям. Момент реальности не имеет отношения к интенсивности элементов сновидения.

Далее, могла бы возникнуть мысль, что чувственная интенсивность (отчетливость отдельных элементов сновидения) связана с психической интенсивностью соответствующих элементов мышления, лежащих в основе сновидения. В последних интенсивность совпадает с психической ценностью. Наиболее интенсивные элементы — не что иное, как наиболее важные, образующие центральные пункты мысли. Мы знаем, правда, что именно эти элементы вследствие цензуры в большинстве случаев не включаются в содержание сновидения. Но могло бы все-таки быть, что заменяющие их ближайшие элементы обнаружили бы высокую степень интенсивности, не становясь, однако, при этом центром содержания сновидения. Однако и это предположение разрушается сравнительным рассмотрением сновидения и материала его. Интенсивность элементов в первом не имеет ничего общего с интенсивностью во втором; между материалом сновидения и самим им совершается, действительно, полнейшая переоценка всех психических ценностей. В беглом, но отчетливом элементе сновидения, скрытом более ясным и отчетливым образом, можно очень часто обнаружить непосредственное отражение того, что преобладало и служило центральным пунктом в мыслях, скрывающихся за сновидением.

Интенсивность элементов в сновидении определяется совершенно иначе: она обуславливается двумя независимыми друг от друга моментами. Прежде всего легко заметить, что наиболее интенсивно образуются те элементы, при помощи которых выражается осуществление желания. Далее, анализ показывает, что от наиболее отчетливых элементов сновидения отходит большинство рядов мыслей, что наиболее отчетливые элементы в то же время и наиболее сложно детерминированные. Мы нисколько не извратим смысла, если выразим последнее положение в следующей форме: наибольшую интенсивность обнаруживают те элементы сновидения, для образования которых потребовалась наиболее обширная работа сгущения. Мы имеем основание предполагать, что это условие и другое — осуществление желания — могут быть выражены также в одной формуле.

Проблему, которую я только что рассматривал, — причины большей или меньшей интенсивности и отчетливости отдельных элементов сновидения — мне хотелось бы предохранить от смешения с другой проблемой, которая трактует о различной отчетливости отдельных сновидений или отрывков их. В этом первом случае противоположностью отчетливости служит расплывчатость, здесь же — спутанность. Нельзя, однако, отрицать того, что в обеих этих шкалах восходящая и нисходящая особенности постоянно сопутствуют друг другу. Часто сновидение, представляющееся нам ясным и отчетливым, содержит в большинстве случаев интенсивные элементы; неясное сновидение, напротив того, состоит из менее интенсивных элементов. Тем не менее проблема, которая предстает перед нами в виде шкалы от чрезвычайной ясности вплоть до спутанности, значительно сложнее, чем вопрос о колебании интенсивности отдельных элементов сновидения. В отдельных случаях, к удивлению своему, замечаешь, что впечатление ясности или отчетливости, которое воспринимаешь от сновидения вообще, не имеет отношения к самому сновидению, а проистекает из материала последнего в качестве его составной части. Так, мне припоминается одно сновидение, которое после пробуждения показалось мне настолько очевидным, лишенным пробелов и ясным, что я еще под его впечатлением решил установить новую категорию сновидений, которые не подлежат процессам сгущения и смещения, а должны быть названы "фантазиями во время сна". Ближайшее рассмотрение показало, однако, что это редкое сновидение обнаруживает в структуре своей те же пробелы и трещины; я оставил поэтому в стороне новую категорию сновидений. Содержание вышеупомянутого сновидения сводилось к тому, что я развивал перед своим коллегой чрезвычайно сложную теорию бисексуальности; волеосуществляющая сила сновидения способствовала тому, что эта теория показалась нам чрезвычайно ясной и исчерпывающей. То, что я, таким образом, счел своим суждением о готовом сновидении, было частью, и при этом существенной частью содержания его. Деятельность сновидения вторглась здесь как бы в бодрствующее мышление и в виде суждения о сновидении вручила мне ту часть его материала, детальное изображение которого ей не удалось. Прямую противоположность этому я наблюдал у одной моей пациентки, которая вначале вообще отказалась сообщить свое сновидение, — "оно слишком неясно и спутанно" — и лишь после моих неоднократных протестов против правильности ее сообщения рассказала, что ей приснилось несколько лиц — она, ее муж и отец; ей казалось, будто она не знает, отец ли ее муж, кто вообще ее отец и так далее. Сопоставление этого сновидения с мыслями ее при анализе показало с несомненностью, что здесь речь идет о довольно обыкновенной истории прислуги, которой, должно быть, приснилось, что она ожидает ребенка и лишь сомневается, "кто его отец". Неясность, обнаруженная сновидением, была, таким образом, и здесь частью материала, послужившего его основанием. Часть этого содержания нашла себе выражение в самой форме сновидения.

Все сновидения одной и той же ночи составляют по содержанию своему одно целое: их разделение на несколько частей, группировка и взаимная связь — все имеет свой смысл и обуславливается скрытым их содержанием. При толковании сновидений, состоящих из нескольких частей или относящихся хотя бы к одной и той же ночи, нельзя упускать из виду возможности того, что эти различные, последовательные сновидения имеют одно и то же значение. Первое из таких сновидений является зачастую наиболее искаженным и робким, последующее же более смелым и отчетливым.

Такого именно рода было и библейское сновидение фараона о коровах, истолкованное Иосифом. У Иосифа Флавия ("Иудейские древности", кн. II, гл. 5 и 6) оно сообщается подробнее, нежели в Библии. Рассказав свое пер-

вое сновидение, фараон произнес: "После первого сновидения я проснулся озабоченный и подумал о том, что оно может значить; потом снова заснул и увидел еще более странное сновидение, повергшее меня еще больше в смятение и страх". Выслушав его рассказ, Иосиф ответил: "Оба сновидения твои, о фараон, имеют одно и то же значение!"

Юнг, сообщаящий в своем "Очерке психологии слуха", как скрыто-эротическое сновидение одной школьницы было понято без всякого толкования ее подругами и продолжено ими, замечает, что "конечная мысль длинного ряда образов сновидения содержит как раз именно то, что старался изобразить первый образ этого ряда. Цензура проводит комплекс через наивозможно более длинный строй постоянно возобновляющихся символических прикрытий, отодвиганий и пр."

Шернер превосходно понимал эту особенность изображения в сновидении и в связи со своей теорией органических раздражении приписывает ей значение особого закона (с. 166). "Наконец, однако, во всех символических элементах сновидения, проистекающих из определенных нервных раздражении, фантазия подмечает общеобязательный закон: в начале сновидения она изображает объект раздражения лишь слабыми, отдаленными намеками, в конце же, когда творчество ее иссякает, она выставляет раздражение, соответствующий орган или функцию его в действительном виде, чем сновидение обычно и заканчивается".

Наглядное подтверждение этого закона Шернера дает Отто Ранк в своей работе "Сновидение, само себя истолковывающее". Сообщаемое им сновидение девушки состоит из двух одновременных сновидений одной и той же ночи; второе из них закончилось поллюцией. Это второе сновидение облегчило наиподробнейший анализ почти без участия самой девушки, а многочисленные точки соприкосновения между обоими сновидениями дали возможность установить тот факт, что первое в робкой форме изобразило то же, что второе, так что последнее, закончившееся поллюцией, послужило к исчерпывающему истолкованию первого. На этом примере Ранте вполне справедливо доказывает значение сновидений, сопровождающихся поллюциями, для теории сновидения вообще.

Такая возможность истолковать ясность или расплывчатость сновидения уверенностью или сомнением в его материале имеется в наличии, на мой взгляд, далеко не во всех случаях. Ниже я приведу один, до сих пор не упомянутый еще фактор образования сновидений, от влияния которого в значительной мере зависит эта качественная шкала сновидения.

В некоторых сновидениях, изображающих какую-либо ситуацию или эпизод, наблюдаются перерывы, описываемые потом обычно следующими словами: "Потом мне вдруг показалось, что это уже не та, а другая местность, не то, а другое действие" и так далее. То, что таким образом прерывает главное действие сновидения, которое спустя короткое время вновь продолжается, оказывается в материале придаточным предложением, вводной мыслью. Условие в мыслях, скрывающихся за сновидением, изображается в последнем при помощи одновременности (когда — тогда).

Что означает столь часто испытываемое в сновидении ощущение связанности, очень близко соприкасающееся со страхом? Человек хочет идти и не может сдвинуться с места; хочет что-то сделать, но все время наталкивается на препятствия. Железнодорожный поезд трогается — человек не может поспеть; он поднимает руку, чтобы отомстить за оскорбление, но рука отказывается служить и проч. Мы встречались с этим ощущением при анализе эксгибиционистских сновидений, но не подошли еще вплотную к их разъяснению. Чрезвычайно легко, но и чрезвычайно недостаточно ответить, что во сне имеет место моторный паралич, находящий себе выражение в вышеуказанном ощущении. В таком случае можно задаться вопросом, почему же нам всегда не снятся такие ощущения связанности; мы могли бы предположить, что ощущение это, связанное всегда с состоянием сна, служит каким-либо целям изображения и пробуждается лишь потребностью в этом изображении со стороны материала сновидения.

"Невозможность довести до конца дело" проявляется в сновидении не всегда в форме ощущения, а иногда попросту и в виде части содержания самого сновидения. Следующий пример я считаю особенно подходящим для уяснения значения этого реквизита сновидения. Я приведу его вкратце; оно уличает меня в нечестности. "Место действия — не то частная клиника, не то какое-то другое учреждение. Появляется служитель и зовет меня на "исследование" (по нем. *Untersuchung* — и судебное следствие, и медицинское исследование). Я сознаю, что обнаружена какая-то пропаша и что "исследование" вызвано подозрением, что в пропаже этой виновен я. В сознании своей невинности, с одной стороны, и своих врачебных обязанностей, с другой — я спокойно иду за служителем. У одной из дверей, стоит другой служитель и говорит, указывая на меня:

"Что же вы привели его, ведь это порядочный человек". Я вхожу затем без служителя в большой зал, где стоит много машин, зал этот напоминает мне, однако, ад с орудиями пыток. За одной из машин я вижу своего коллегу, который имел бы полное основание принять во мне участие, но он меня не замечает. Я получаю возможность уйти. Но не нахожу своей шляпы и потому уйти не могу".

Сновидение, очевидно, осуществляет желание, чтобы меня признали честным человеком; в мыслях имеется, таким образом, всевозможный материал, противоречащий этому. То, что мне позволяют уйти, является признаком моей невинности, если поэтому сновидение в конце своем изображает препятствие моему уходу, то отсюда следует заключить, что в этом именно и находит свое выражение подавленный противоречащий материал. То, что я не нахожу шляпы, означает, следовательно: ты все же не честный человек. Невозможность что-либо сделать в сновидении представляет собою выражение противоречия, союзных речений "нет, не"; таким образом, мы должны внести поправку в наше утверждение, будто сновидение не способно выразить эту логическую связь.

В других сновидениях, содержащих эту связанность движения не только в форме ощущения, но и в форме ситуации, то же противоречие изображается резче при помощи этого ощущения, чем воля, которой противопоставляется другая. Ощущение связанности движений представляет собой таким образом конфликт воли. Ниже мы УВИДИМ, что именно моторное паралитическое состояние — одно из основных условий психического процесса, имеющего место во время сновидения. Импульс, переданный на моторные пути, не что иное, как воля; то, что нам во время сна этот импульс кажется парализованным и способствует пригодности всего процесса к изображению желания и "нет", противостоящего ему. Из моего объяснения страха легко понять, что ощущение парализованной воли соприкасается со страхом и в сновидении очень часто соединяется с ним. Страх — импульс, носящий характер влечения; он исходит из бессознательного и парализуется предсознательным. Где, таким образом, ощущение связанности соединяется в сновидении со страхом, там речь идет о желании, которое прежде могло развить влечение, то есть о половом желании.

Что означает собою часто проявляющееся в сновидении суждение: "ведь это же только сон" и какой психической силе следует его приписать, я скажу ниже. Соприкасающуюся с этим интересную проблему того, что означает, если часть сновидения в нем самом кажется спящему сновидением, — загадку "сновидения в сновидении" — Штекель при помощи анализа нескольких чрезвычайно доказательных примеров разрешил аналогичным образом. "Сновидение" в сновидении должно лишиться опять-таки своей ценности и реальности; то, что снится после пробуждения от такого "сновидения", желание, скрывающееся за действительным сновидением, стремится поставить на место уничтоженной реальности. Можно предположить, таким образом, что "сновидение" в сновидении содержит изображение реальности, истинное воспоминание; дальнейшее же сновидение — изображение лишь желаемого спящим. Включение известного содержания в "сновидение" в сновидении соответствует, следовательно, желанию, чтобы то, что кажется "сновидением", в действительности не произошло. Деятельность сновидения пользуется "сновидением" как своего рода формой протеста.

г) Отношение к изобразительности. До сих пор мы занимались рассмотрением того, каким образом сновидение изображает взаимоотношения между мыслями, скрывающимися за ним, но при этом не раз касались более обширного вопроса, какие изменения претерпевает вообще материал сновидения в целях его образования. Мы знаем, что материал этот, лишившись большей части своих внутренних взаимоотношений, подвергается процессу сгущения, между тем как одновременно процесс смещения отдельных его элементов вызывает психическую переоценку всего материала. Смещение же оказалось замещением одного представления другим, так или иначе соответствующим ему по ассоциации; оно служит целям сгущения: вместо двух элементов в сновидение включается одно среднее, общее. О другом роде смещения мы еще не упоминали. Из анализов ясно, что таковое действительно имеет место и обнаруживается в замене словесного выражения мысли. В обоих случаях перед нами смещение вдоль ассоциационного ряда, но один и тот же процесс совершается в различных психических сферах. Результатом смещения первого рода является то, что один элемент замещается другим, другого же рода — что словесное выражение элемента заменяется другим.

Этот второй род смещения, имеющий место при образовании сновидений, имеет не только большой теоретический интерес: он чрезвычайно пригоден для разъяснения той мнимой фантастической абсурдности, которой маскируется сновидение. Смещение совершается обычно таким образом, что бесцветное и абстрактное выражение мысли, лежащей в основе сновидения, заменяется более пластичным, конкретным. Выгода, а тем самым и цель такой замены очевидны. Конкретное доступно для изображения в сновидении, оно может вылиться в форму ситуации; абстрактное же выражение доставило бы изображению в сновидения такие же приблизительно трудности, как, например, политическая статья иллюстрированию ее в газете. Но от этой замены выигрывает не только изобразимость элемента, но и интересы процесса сгущения и цензуры. Когда абстрактно выраженная мысль переводится на конкретный язык, то между этим новым ее выражением и остальным материалом сновидения легче находят точки соприкосновения, которые необходимы сновидению и которых оно ищет: конкретные выражения в каждом языке вследствие развития его допускают более обширные ассоциации, нежели абстрактные. Можно представить себе, что большая часть промежуточной работы при образовании сновидения, которое старается свести отдельные мысли к возможно более сжатым и единообразным их выражениям, совершается именно таким образом, путем соответственного словесного преобразования отдельных мыслей. Мысль, выражение которой по каким-либо причинам не поддается изменению, окажет несомненное влияние на выражение другой. Аналогично этому обстоит дело с работой поэта. При сочинении стихотворения каждая последующая строка его должна удовлетворять двум условиям: она должна содержать необходимый смысл, а словесное выражение этого смысла должно рифмоваться с предыдущей строкой. Наилучшие стихотворения бесспорно те, где старание подыскать рифму незаметно, где обе мысли обоюдным воздействием сразу получили словесное выражение, которое при незначительной последующей обработке дает рифму.

В некоторых случаях замена словесного выражения способствует процессу сгущения еще более кратким путем: находится выражение, которое, будучи двусмысленным, воплощает собою не одну мысль. Роли, играемой словами в образовании сновидений, удивляться не приходится. Слово как узловой пункт различных представлений может воплощать собою самый различный смысл, и невроты (навязчивые представления, фобии) так же часто используют выгоды, представляемые словом для сгущения и маскировки, как и сновидение. То, что замаскировывающая деятельность сновидения выигрывает при замене словесного выражения, не подлежит ни малейшему сомнению. Замена двух слов с определенным смыслом одним двусмысленным чрезвычайно легко может ввести

в заблуждение; замена обыденного и простого выражения фигуральным останавливает наше внимание особенно еще потому, что сновидение никогда не указывает, следует ли толковать его элементы в прямом или в переносном смысле и искать ли соответственных им элементов в материале сновидения непосредственно или при помощи обратной замены словесных выражений. При толковании каждого элемента сновидения возникает сомнение:

- а) следует ли брать его в положительном или в отрицательном смысле (отношение противоречия);
- б) толковать ли его исторически (как воспоминание);
- в) или же символически;

г) толкование должно опираться на его словесное выражение. Несмотря на это, можно все же сказать, что сновидение, не имеющее вовсе в виду быть доступным для понимания, не представляет толкователю больших трудностей, чем, например, древние иероглифы их читателям. Я приводил уже несколько примеров сновидений, в которых двусмысленность выражений играет видную роль ("Рот все же открывается" в сновидении об инъекции Ирме, "я все-таки не могу уйти" в последнем моем сновидении и так далее). Сейчас я сообщу сновидение, в анализе которого на первом плане стоит конкретизация абстрактной мысли. Различие между таким толкованием и толкованием при помощи символики очевидно: при символическом толковании ключ символикации избирается произвольно; при нашем же методе ключ этот общеизвестен и дается общеупотребительными оборотами речи. При наличии подходящей мысли сновидения такого рода можно разрешать целиком или отчасти и без помощи самих субъектов.

Одной знакомой даме приснилось: "Она в опере. Лаут Вагнера; представление затянулось до три четверти восьмого утра. В партере расставлены, столы; публика ест и пьет. За одним из столов сидит ее кузен, только что вернувшийся из свадебного путешествия, со своей молодой женой; вместе с ними какой-то аристократ. Про последнего говорят, что молодая женщина привезла его с собой из свадебного путешествия, все равно как привозят с собой шляпу. Посреди партера возвышается башня с платформой наверху, окруженной железной решеткой. Там стоит дирижер, напоминающий лицом Ганса Рихтера, он бегаеет все время по платформе, страшно потеет и управляет оркестром, расположенным внизу, у подножия башни. Сама она сидит с подругой (тоже моей знакомой) в ложе.

Ее младшая сестра подает ей из партера большой кусок угля и говорит, что она не знала, что так затянется и что она, наверное, очень озябла. (Как будто ложи отапливаются во время долгого представления)".

Сновидение хотя и бессмысленно, однако, в общем довольно удачно изображает ситуацию. Башня посреди театра, с вершины которой дирижер управляет оркестром, и уголь, который подает сестра! Я умышленно не потребовал от моей знакомой никаких поясняющих данных; поверхностного знакомства с ее жизнью мне было достаточно для самостоятельного использования отдельных элементов ее сновидения. Я знал, что она питала симпатию к одному музыканту, карьера которого преждевременно была прервана душевной болезнью. Я решил взять башню в партере буквально и вывел заключение, что человек, которого ей хотелось видеть на месте Ганса Рихтера, гораздо выше всех остальных членов оркестра (по-немецки: Turm — башня, turm hoch iiberragen — быть выше других в переносном смысле). Эта "башня" — сложное представление: высотой своей она олицетворяет величие этого человека, решеткой же, за которой он бегаеет, как зверь в клетке, его дальнейшую участь.

Установив, таким образом, метод изображения в данном сновидении, можно попытаться раскрыть тем же ключом и вторую кажущуюся абсурдность: уголь, подаваемый ее сестрой. "Уголь" означает "тайную любовь".

Ни древо, ни уголь
не пылают в огне
так жарко, как тайная
страсть в глубине.

Она сама и подруга сидят в ложе ("засиделись в старых девах"); ее младшая сестра, имеющая еще шансы выйти замуж, подает ей уголь: "Она не знала, что так затянется". Что именно затянется, об этом в сновидении не говорится; в рассказе мы бы добавили: представление; в сновидении, однако, мы можем счесть эту фразу двусмысленной и добавить: "пока она выйдет замуж". Толкование "тайная любовь" подкрепляется тогда упоминанием о кузене, который сидит в партере с женой, и о возведенном на последнюю обвинении в открытой любовной связи с аристократом. Противоречия между тайной и открытой любовью, между ее страстью и холодностью молодой женщины определяют собой сновидение. Там, как и здесь, имеется, однако, посредствующее среднее звено — "высокое положение" — между аристократом и музыкантом, подававшим большие надежды.

Наше исследование обнаруживает, таким образом, третий момент, участие которого в превращении мысли, лежащей в основе сновидения, в его содержание чрезвычайно велико и обширно: учетывание изобразительности психического материала, которым пользуется сновидение. Среди разнообразных ассоциаций с мыслями, лежащими в основе сновидения, избирается та, которая допускает зрительное изображение, и сновидение не останавливается ни перед какими трудностями, чтобы преобразовать какую-либо абстрактную мысль в другую словесную форму, даже самую необычную, лишь бы только она облегчила изображение и тем самым устранила бы психологическую ограниченность мышления. Это переливание содержания мысли в другую форму может быть использовано, однако, одновременно и процессом сгущения и может конструировать связь с другой мыслью, которой бы в противном случае не было бы в наличии. Эта другая мысль в целях облегчения этого процесса может сама изменить предварительно свое первоначальное выражение.

Ввиду той роли, какую играют в мышлении интеллигентного человека поговорки, пословицы, цитаты и песни, нет ничего удивительного, что превращения такого рода очень часто используются в целях изображения мысли, скрывающейся за сновидением. Что означают, например, в сновидении повозки, нагруженные каждая одним сортом овощей. Не подлежит никакому сомнению, что в основе такого сновидения лежит мысль о "беспорядке": эти повозки не что иное, как контраст фигуральной немецкой поговорке "Kraut und Ruben" ("беспорядок, хаос"); я удивляюсь, почему это сновидение было сообщено мне всего один раз. Лишь для немногих объектов выработалась общепринятая символика, в основе которой лежат общеизвестные обороты речи. Добрую часть этой символики сновидение разделяет, впрочем, с психоневрозами, легендами и народными обычаями.

Присмотревшись ближе, мы должны будем признать, что сновидение не совершает в этом случае ничего оригинального. Для достижения своих целей, в этом случае для достижения свободной от цензуры изобразительности, оно идет лишь по тому пути, который проложен уже для него в бессознательном мышлении и избирает те формы превращения оттесненного материала, которые в качестве продуктов остроумия могут быть восприняты и сознанием и которыми преисполнены все представления невротиков. Здесь получает неожиданное освещение толкование сновидений Шернера, зерно истины которого я имел случай отметить уже выше. Интерес фантазии к собственному телу субъекта отнюдь не свойственен исключительно сновидению и даже не характерен для него. Мои анализы показали мне, что это представляет собою обычное явление в сознательном мышлении невротиков и сводится к половому любопытству, объектом которого для юноши или девушки служат половые органы другого или даже своего пола. Однако, как совершенно справедливо замечают Шернер и Фолькельт, дом — не единственный круг представлений, используемый для символизации тела субъекта как в сновидениях, так и в бессознательных фантазиях невротиков. Я знаю пациентов, которые развивают архитектурную символику тела и половых органов (половое любопытство вообще выходит далеко за пределы внешней половой сферы), символику, в которой колонны и стропила означают ноги (как в "Песне песней"), выходы — отверстия в теле, водопроводные сооружения — мочеиспускательный орган и пр. Но столь же охотно избирается для сокрытия сексуальных элементов круг представлений, относящихся к растительному царству или кухне. В первом случае немалую роль играют обороты речи и сравнения, дошедшие до нас из глубокой древности ("виноградник" господина, "семя" и "сад" девушки в "Песне песней"). В довольно невинной связи с атрибутами кухни мыслятся и грезятся самые интимные детали половой жизни, и симптоматика истерии была бы совершенно непонятна, если бы мы не приняли во внимание, что сексуальная символика охотнее и чаще всего скрывается за наиболее повседневным и заурядным. Несомненную сексуальную подкладку имеет то, что невротические дети не переносят вида крови и сырого мяса, что от яиц и макарон у них бывает рвота, что естественный для человека страх перед змеей достигает у невротика преувеличенного масштаба; всюду, где невроз прибегает к такого рода сокрытиям, он идет по пути, по которому когда-то, в ранние культурные периоды, шло все человечество и о наличии которого свидетельствуют еще и сейчас наш язык, суеверия и обычаи.

Я привожу здесь подробно вышеупомянутое сновидение моей пациентки, в котором выделяю все, имеющее сексуальный смысл. Прекрасное на первый взгляд сновидение совершенно перестало нравиться моей пациентке после его толкования.

Предварительное сновидение: "Она идет в кухню к двум служанкам, и бранит их за то, что они, не могут справиться "с такими пустяками". Она видит в кухне на столе множество всевозможной посуды. Служанки идут за водой, и должны, для этого погрузиться в реку, доходящую до дома или до двора".

Главная часть (ее жизнь): "Она спускается вниз (высокое происхождение) и перелезает через какие-то странные ограды, или заборы, сплетенные из сучьев в виде небольших квадратов. (Сложный комплекс, объединяющий два места; чердак дома ее отца, где она играла с братом, объектом ее позднейших фантазий, и двор дяди, который часто ее дразнил). Они, в сущности, вовсе не приспособлены для лазания: она все время ищет, куда ей ступить ногой, и радуется, что нигде не цепляется платьем и что имеет все же приличный вид. (Желание, контрастирующее реальному воспоминанию о дядином доме, где она ночью, во сне, часто сбрасывала с себя одеяло и обнажалась). В руках (как у ангела — стебель лилии) у нее большой сук, похожий на целое дерево: он густо усеян красными цветами, ветвист и велик. (невинность, менструация, дама с камелиями) Она думает почему то о цветах вишневого дерева, но нет, цветы похожи на махровые камелии, которые, правда, на деревьях не растут. Во время лазаний у нее сперва один сук, потом два и затем опять один (соответственно нескольким лицам, объектам ее фантазии). Когда она добирается до низу, нижние цветы уже почти все опали. Внизу она видит слугу: у него в руках такой же сук, и он его как бы "чесет", то есть деревяшкой соскабливает густые пучки волос, которыми он порос, точно мхом. Другие рабочие срубили, несколько таких сучьев в саду и выбросили на улицу, где они и лежат; прохожие забирают их с собой. Она спрашивает, можно ли ей взять такой сук. В саду стоит молодой человек (совершенно незнакомый ей, чужой); она подходит к нему и спрашивает, как пересадить такие сучья в ее собственный сад. (Сук, сучок издавна служит символом пениса). Он обнимает ее, но она сопротивляется и спрашивает его, какое право имеет он так с ней поступать. Он говорит, что он вполне вправе, что это дозволено. (Относится к предосторожностям в брачной жизни). Он заявляет ей о готовности пойти с ней в другой сад, чтобы показать ей, как нужно пересаживать, и говорит ей что-то, чего она толком не понимает: мне и так недостает трех метров (впоследствии она говорит: квадратных метров) или трех клафтеров земли. Ей кажется, будто он потребует у нее награды за любезность, будто он намерен вознаградить себя в ее саду или же обойти закон, извлечь для себя выгоду, не нанося ей ущерба. Показывает ли он ей потом что-нибудь, она не знает".

Я должен упомянуть еще об одном круге представлений, который как в сновидениях, так и в неврозе весьма часто служит для сокрытия сексуального содержания. Я разумею здесь "перемену квартиры": "менять квартиру" замещается с легкостью на "менять платье", то есть приводить к кругу представлений об "одежде".

У меня материал для иллюстрации этого положения имеется в избытке, но сообщение его завлекло бы нас слишком в глубь исследования невроза. Все вышеизложенное приводит нас к заключению, что сновидение не предполагает никакой особой символизирующей деятельности души, а пользуется символикой, имеющейся уже в готовом виде в бессознательном мышлении, так как она ввиду своей изобразительности, а зачастую и благодаря свободе от цензуры наиболее соответствует требованиям образования сновидений.

д) Примеры. Счет и речь в сновидении. Прежде чем перейти к установлению четвертого момента, обуславливающего образование сновидений, я считаю нужным привести несколько примеров из своей коллекции, которые могут отчасти осветить совместное воздействие трех уже нам знакомых моментов, отчасти же привести доказательства в пользу выставленных нами положений или же вывести из них естественные последствия. В предшествующем исследовании мне было довольно трудно подкреплять свои выводы примерами. Примеры в пользу отдельных положений доказательны лишь в связи с исчерпывающим толкованием сновидений; вырванные из общей связи, они утрачивают свою красоту, а более или менее исчерпывающее толкование настолько всегда обширно, что теряются нити изложения, иллюстрацией которого оно служит. Этот технический мотив должен послужить оправданием тому, что я обращаю сейчас внимание читателя на то, что объединяется между собой лишь своей связью с текстом предшествующего изложения.

Прежде всего несколько примеров своеобразных или необычных способов выражения в сновидениях.

Сновидение одной дамы: "На лестнице стоит служанка и моет окно. В руках у нее шимпанзе и горилла. Она бросает животных на спящую. Шимпанзе ластится к ней; это очень противно".

Сновидение достигло своей цели при помощи чрезвычайно простого средства, взяв в буквальном смысле общепотребительный оборот речи и в этой форме изобразив его. "Обезьяна" и вообще названия животных — ругательства, и ситуация сновидения означает не что иное, как "кидаться бранными словами" (по-немецки общепотребительное выражение: "mit Schimpfworten um sich werfen").

Аналогично поступает и другое сновидение: "Женщина с ребенком на руках; голова у ребенка от рождения странная, уродливой формы. Врач говорит, что форму головы можно исправить, но что это повредит мозг. Она думает: это ведь мальчик, для него это уже не такая беда".

Сновидение это содержит пластическое изображение абстрактного понятия "Kindereindrücke", слышанного пациенткой во время анализа. (Тут непереводаемая игра слов: Kindereindrücke — впечатления детства, слово Eindrücke одного корня с Druck, eingednickt — давление, вдавленный. — Прим. пер.)

В некоторых случаях разговорная речь облегчает сновидению изображение мыслей, располагая целым рядом слов, которые первоначально понимались обратно и конкретно, сейчас же употребляются в переносном, абстрактном смысле. Сновидению достаточно лишь вернуть словам их прежнее значение. Кому-нибудь снится, например, что его брат сидит в ящике (Kasten); при толковании ящик легко заменяется шкафом (Schrank), и мысль, лежащая в основе сновидения, гласит, что этот брат должен "sich einschränken". (Опять непереводаемая игра слов: "sich einschränken" — ограничивать себя, быть скромным — одного корня со словом "Schrank" — шкаф. — Прим. пер.)

Было бы чрезвычайно интересно собрать воедино эти способы выражения и расположить их по принципам, лежащим в их основе. Некоторые из этих способов положительно остроумны. Испытываешь впечатление, будто самому никогда не удалось бы раскрыть истинный смысл, если бы грезящий сам не дал разъяснения.

1. Одному человеку снится, что спрашивают его имя, но он его не может припомнить. Он сам говорит, что это значит: *Es fällt mir nicht im Traume ein* — мне и во сне это не снилось. (Только буквальный перевод немецкого выражения может быть поставлен в связь со сновидением: "Мне и во сне не пришло в голову". — Прим. пер.)

2. Одна пациентка сообщает сновидение, в котором все действующие лица необычайно высокого роста. Это значит, говорит она, что речь идет о каком-либо эпизоде моего раннего детства, так как тогда все взрослые казались мне, разумеется, страшно высокими. Сама она в сновидении не участвует.

Перенесение в сферу детства в других сновидениях изображается еще и иначе, при помощи замещения временной отдаленности пространственной. Лица и ландшафты представляются видимыми издали, точно в конце длинной дороги или словно рассматриваемые в перевернутой бинокль.

3. Субъекту, склонному в бодрствующем состоянии к абстрактным формам выражения, приснилось однажды, что он стоит на перроне в ожидании прихода поезда. Неожиданно, однако, картина меняется: не поезд приближается к перрону, а, наоборот, перрон двигается к поезду. Эта деталь не что иное, как указание на то, что в содержании сновидения "переворачиванию" должно быть подвергнуто нечто другое. Анализ этого сновидения приводит к воспоминаниям о детской книжке с картинками, на которых были изображены люди, ходящие вверх ногами.

4. Тот же субъект сообщает еще одно сновидение, по технике своей напоминающее ребус. Его дядя целует его в автомобиле. Субъект сам дает толкование, которое мне никогда бы не пришло в голову: это значит автоэротизм.

Сновидение при помощи самых отдаленных ассоциаций оперирует иногда даже с таким тяжеловесным материалом, как собственные имена. Мне снится однажды, что я по указанию моего учителя изготавливаю какой-то препарат и мне приходится иметь дело с серебряной фольгой. (Подробнее об этом сновидении ниже.) Толкование показывает следующее: "Stanniol" (фольга) напоминает мне имя ученого Stannius'a, перу которого принадлежит

известное исследование о нервной системе у рыб. Первой научной задачей, заданной мне учителем, было действительно описание нервной системы одного вида рыб.

Я не могу отказаться от сообщения еще одного сновидения с довольно своеобразным содержанием, которое интересно как детское сновидение и которое чрезвычайно легко поддается анализу. Одна дама сообщает: я помню, что в детстве мне часто снилось, будто бы я ношу на голове заостренную шапку из бумаги. Такую шапку мне часто надевали за обедом, чтобы я не могла заглядывать в тарелки других детей, сколько они получили вкусного кушанья. Так как я слышала, что Бог всевидящ, то мое сновидение означает, что и я знаю все, несмотря на надетую на меня шапку из бумаги.

В чем заключается деятельность сновидения и как обращается оно со своим материалом, мыслями, можно чрезвычайно наглядно видеть на цифрах и арифметических выкладках, нередко встречающихся в сновидениях.

I. Из сновидения одной дамы незадолго до окончания лечения: Юна собирается за что-то заплатить; дочь вынимает у нее из кошелька 3 гульд. 65 кр., но она говорит: что ты делаешь? Ведь это стоит всего 21 /ср."

Этот отрывок сновидения стал мне понятен, благодаря знакомству с условиями ее жизни, без всякого разъяснения с ее стороны. Дама эта была приезжая; она поместила свою дочь в один из венских пансионатов и могла лечиться у меня лишь до тех пор, пока дочь будет в Вене. Через три недели у дочери кончались занятия, а вместе с ними должно было закончиться и лечение. Накануне сновидения начальница пансионата уговаривала ее оставить девочку еще на год. Про себя она придала этому разговору тот смысл, что вместе с тем она сумеет продлить на год и лечение. Непосредственно сюда относится и сновидение, так как в году 365 дней, а в трех неделях, оставшихся до конца занятий и лечения, 21 день. Цифры, означавшие в мыслях время, относятся в сновидении к деньгам: не подлежит сомнению, что это превращение имеет свой глубокий смысл в связи с поговоркой "время — деньги", 365 крейцеров = 3 гульденам 65 крейцерам. Незначительность этих сумм представляет собою вполне очевидное осуществление желания; желание преуменьшило стоимость лечения и пребывания дочери в пансионате.

II. Более сложную связь обнаруживают цифры в другом сновидении. Одна молодая дама, которая, однако, уже замужем, узнает, что ее знакомая, Элиза Л., ее ровесница, только что обручилась. Вслед за этим ей снится: "Она сидит с мужем в театре, одна сторона партера совершенно пустая. Муж рассказывает ей, что с ними вместе хотели пойти Элиза Л. и ее жених, но что они достали только плохие места, 3 по 1 гул. 50 кр.; таких мест они, конечно, брать не захотели. Она отвечает, что особой беды им бы от этого не было".

Откуда эти 1 гул. 50 кр. Из довольно индифферентного впечатления предыдущего дня. Ее невестка получила от своего мужа в подарок 150 гул. и поторопилась поскорее их истратить, купив себе какое-то украшение. Заметим себе, что 150 гул. в 100 раз больше 1 гул. 50 кр. Откуда же цифра 3, три места? Ее можно сопоставить лишь с тем, что Элиза Л. моложе ее на три месяца. Толкованию сновидения помогает затем та его деталь, что одна сторона партера в театре пустая. Это точное воспроизведение незначительного эпизода, давшего ее мужу повод ее подразнить. Дело в том, что ей очень хотелось попасть на один спектакль, и она запаслась билетами за несколько дней, за что и заплатила за них несколько больше. Когда они затем явились в театр, то увидели, что добрая половина мест не занята. Ей вовсе не нужно было так торопиться.

Постараюсь заменить теперь сновидение мыслями, скрывающимися за ним: "Как бессмысленно было выходить рано замуж. Мне нечего было так торопиться; на примере Элизы Л. я вижу, что я всегда нашла бы себе мужа, и, пожалуй, в сто раз лучше (мужа, украшение), если бы только подождала (в противоположность поспешности невестки). Грех таких мужей я бы купила за деньги (приданое)!" Мы видим, таким образом, что в этом сновидении числа в значительно большей степени сохранили свое значение и внутреннюю связь, чем в предыдущем. Между тем процессы превращения и искажения были здесь значительно сложнее, что объясняется тем, что мыслям до своего изображения пришлось преодолеть значительную долю внутриспсихического сопротивления. Не забудем и того, что в этом сновидении содержится абсурдный элемент: двое людей хотят купить себе 3 билета. Мы разъясним эту абсурдность, если заметим, что эта деталь содержания сновидения изображает наиболее рельефную мысль: "Как бессмысленно было так рано выходить замуж! > Число 3, характеризующее сравнение двух лиц (3 месяца разницы в возрасте), чрезвычайно искусно было использовано сновидением для создания необходимого ему абсурда. Уменьшение реальных 150 гул. до 1 гул. 50 кр. соответствует ничтожной доле уважения к мужу (или оценке купленного невесткой украшения) в подавленных мыслях грезившей.

III. Следующее сновидение дает нам наглядный пример арифметических способностей сновидения. Одному господину снится: Юн сидит у Б. (своих близких знакомых) и говорит: "Как бессмысленно, что вы не выдали за меня Мали". — Вслед за этим он спрашивает девушку: "Сколько вам лет?" — Она отвечает:

"Я родилась в 1882 году". — "Ах, так вам 28 лет".

Так как сновидение относится к 1898 году, то ясно, что счет неверен; математические способности грезящего оставляли бы желать большего, если бы ошибка его не разъяснилась совершенно иначе. Мой пациент из числа тех, кто не пропускает равнодушно ни одной женщины. Во время его визитов ко мне в течение нескольких месяцев его очередь была всегда за одной молодой \ дамой; он интересовался ею и спрашивал меня о ней. Ей-то он и давал на вид 28 лет. Таково вполне вероятное объяснение арифметической ошибки, допущенной им в сновидении. 1882 год — год его женитьбы.

IV. Еще одно "математическое" сновидение, отличающееся чрезвычайно прозрачным детерминированием, общено мне вместе с его толкованием г. Б. Даттнером.

"Моему хозяину, шутцману, снится, что он стоит на посту. К нему подходит инспектор, на воротнике мундира которого имеется цифра 2262 или 2226, во всяком случае, в этой цифре несколько двоек. Разложение числа 2262 при передаче сновидения указывает на то, что составные его части имеют каждая свое особое значение. Грезивший вспоминает, что вчера вместе с коллегами он беседовал о продолжительности их службы. Поводом к разговору послужил их бывший инспектор, вышедший на 62-м году в отставку с полной пенсией. Сам он служит 22 года и ему остается 2 года и 2 мес. до получения 90 % пенсии. Сновидение содержит осуществление его желания получить чин инспектора. Начальник с цифрой 2262 — он сам, он отслужил 2 года и 2 мес. и теперь, как его 62-летний инспектор, может выйти в отставку с полной пенсией".

Сопоставив эти и аналогичные (см. ниже) примеры, мы имеем основание сказать: сновидение не занимается математическими выкладками, оно не считает — ни правильно, ни неправильно; оно располагает лишь в форме арифметических действий числа, которые имеются в мыслях, скрывающихся за ним, и могут служить намеками и указаниями на неподдающийся изображению материал. Оно пользуется при этом числами, как материалом для осуществления своих намерений точно таким же образом, как всеми другими представлениями, как собственными именами и даже диалогами.

Сновидение не может создавать новых диалогов, поскольку последние встречаются в сновидениях, безразлично, осмысленных или абсурдных, анализ всякий раз показывает нам, что сновидение заимствует из мыслей, скрывающихся за ним, лишь отрывки действительно бывших или слышанных разговоров и поступает с ними по своему произволу. Оно не только вырывает их из общей связи, дробит на более мелкие части, берет одну часть и отстраняет другую, но и создает новые соединения их, так что на первый взгляд вполне связный диалог в сновидении распадается при анализе на три-четыре отрывка. При этом преобразовании сновидение часто отбрасывает смысл, который имели слова в мыслях, лежащих в его основе, и придает им совершенно другой; при более близком рассмотрении диалога в сновидении можно различить ясные, отчетливые отрывки, которые служат для связи, и, по всей вероятности, были заполнены, все равно как при чтении мы заполняем пропущенные слоги или буквы. Диалог в сновидении имеет структуру брек-чии, в которой крупные обломки различного материала связываются окаменевшей промежуточной массой.

Вполне справедливо это, впрочем, лишь по отношению к тем разговорам в сновидении, которые носят известный чувственный характер диалога и описываются именно как "разговоры". Другие же, с которыми не связано ощущение "сказанного" или "слышанного" (которые не сопровождаются акустическими или моторными ощущениями в сновидении), представляют собой попросту мысли, содержащиеся в нашем бодрствующем мышлении и переходящие в неизменном виде во многие сновидения. Для индифферентного разговорного материала в сновидении обильным источником служит, по-видимому, также и чтение; проследить это, однако, довольно трудно. Все, однако, имеющее в сновидении вполне отчетливые формы речи, диалога, разговора, поддается сведению к реальной, произнесенной или слышанной речи.

С примерами этого мы уже сталкивались при анализе сновидений, сообщенных нами по другим поводам. Так, в "невинном" сновидении о покупке на базаре, в котором фраза "Э/пого нет больше" служит для отождествления с мясником, между тем как отрывок другой фразы "Этого я не знаю и не возьму!" — выполняет задачу придания сновидению "невинного" характера. Грезившая накануне ответила кухарке, на какую-то дерзость с ее стороны: этого я не знаю, — ведите себя прилично\ — и перенесла из этой фразы в сновидение первую индифферентную часть, чтобы намекнуть ею на последующую, которая хотя и вполне соответствовала фантазии, лежавшей в основе сновидения, но тотчас же разоблачила бы ее.

Вот еще один пример, вместо целого ряда, которые дали бы все равно тождественные результаты.

"Большой двор, на котором сжигаются трупы. Он говорит: "Я уйду, я не могу на это смотреть". (Эта фраза запомнилась неотчетливо). Вслед за этим он встречает двух мальчиков из мясной лавки и спрашивает: "Ну что, было вкусно?" — Один отвечает: "Ну, не особенно. Как будто это было человеческое мясо."

Невинный повод к этому сновидению следующий. Накануне вечером после ужина он вместе с женой был в гостях у своих симпатичных, но очень нечистоплотных ("неаппетитных") соседей. Гостеприимная хозяйка сидела как раз за ужином и стала настаивать, чтобы он тоже что-нибудь скушал. Он отказывался, он уже сыт. "Ах, идите, немножко вы можете съесть!" Он должен был попробовать блюдо и из вежливости похвалил его: "Ах, как вкусно!" Оставшись наедине с женой, он стал возмущаться навязчивостью соседки, а также и тем, что блюдо было очень невкусно. "Я не могу этого видеть" — фраза чрезвычайно смутная и в сновидении представляет собою попросту мысль, относящуюся к внешности надоедливой хозяйки.

Более поучителен анализ другого сновидения, которое я сообщаю здесь ввиду чрезвычайно отчетливого разговора, образующего его центральный пункт, но которое я подвергну детальному толкованию лишь при выяснении роли аффектов в сновидении.

Мне снится очень отчетливо: "Я отправляюсь ночью в лабораторию проф. Брюкке и в ответ на легкий стук открываю дверь (покойному) профессору Флейшлю, который входит с несколькими незнакомыми мне людьми и, сказав что-то, садится за свой стол".

За этим сновидением непосредственно последовало другое: "Мой друг Ф. приехал случайно в июле в Вену; я встречаю его на улице вместе с моим (покойным) другом П. и иду с ними куда-то, где они садятся за маленький столик друг против друга; я же сижу посредине за узкой сторонкой столика. Ф. рассказывает о своей сестре и говорит:

"Через три четверти часа ее не стало". — и потом добавляет что-то вроде: "Во/п предел". Так как П. его понимает, то Ф. обращается ко мне и спрашивает, что именно рассказал о нем П. В ответ на это я, охваченный каким-то странным аффектом, хочу сказать Ф., что П. (не может знать ничего, потому что его вообще) нет в живых. Но говорю, сам замечая свою ошибку: "Non vixit". Я смотрю при этом пристально на П.; он бледнеет, глаза становятся болезненно синими, наконец он исчезает. Я бесконечно рад этому и понимаю, что и Эрнст Флейшль был лишь видением; мне кажется вполне возможным, что такое лицо существует лишь до тех пор, пока этого хочешь; и что оно может быть устранено произвольным желанием другого".

Это любопытное сновидение содержит в себе чрезвычайно загадочные черты: критику во время сновидения; то, что я сам замечаю свою ошибку, говоря вместо "pop vivit" — "pop vixit"¹⁰²; непосредственное общение с умершими — я сам сознаю в сновидении, что их нет в живых; абсурдность конечного вывода и, наконец, чувство удовлетворения, которое вызывает во мне последний. Мне очень хотелось бы сообщить разгадку всех этих таинственных элементов. Я не могу, однако, этого сделать, хотя в сновидении и делаю это, и в жертву своему честолюбию принести память столь дорогих мне людей. Всякая маскировка показала бы, однако, действительный смысл этого сновидения. Поэтому я ограничусь сперва здесь, а потом и впоследствии истолкованием лишь отдельных элементов сновидения.

Центром сновидения служит та сцена, когда я своим взглядом уничтожаю своего друга П. Его глаза отливают при этом какой-то странной, жуткой синевой; потом он исчезает. Эта сцена представляет собою весьма отчетливую копию пережитого мною в действительности. Я был демонстратором в физиологическом институте и должен был являться туда рано утром к началу занятий. Узнав, что я несколько раз опоздал в лабораторию, Брюкке явился туда пунктуально и дождался меня. Когда я явился, он холодно и строго прочел мне нотацию. Дело не в словах, а в том взгляде, с которым были обращены на меня его страшные синие глаза и пред которым я "стусевался" — исчез, как в сновидении П., с которым я поменялся ролями. Кто помнит изумительные глаза великого ученого, силу которых он сохранил до глубокой старости, и кто видел его когда-нибудь раздраженным, тот легко поймет чувство, охватившее меня, молодого человека.

Мне долго не удавалось, однако, выяснить происхождение моей фразы "Non vixit", которую я в сновидении свершаю свое правосудие; наконец, я понял, что два эти слова были потому так отчетливы в сновидении, что я их в действительности не говорил и не слышал, а видел. Тут я тотчас же вспомнил, откуда они. На пьедестале памятника императору Иосифу в Гофбур-ге высечены прекрасные слова: "Saluti patriae vixit pop diu sed totus".

Из этой надписи я взял то, что соответствовало враждебному элементу в мыслях, скрывавшихся за моим сновидением, и что должно было означать: ему нечего говорить, его нет в живых. Тут я вспомнил, что все это приснилось мне несколько дней спустя после открытия памятника Флейшлю в университетском парке; после открытия я осматривал там же памятник Брюкке и (бессознательно) пожалел, по всей вероятности, о том, что мой высокоодаренный и всей душой преданный науке друг П. благодаря своей преждевременной кончине утратил право на такой же памятник. Такой памятник я воздвиг ему в сновидении; моего друга П. звали Иосифом. Еще одна любопытная деталь: в ответ на упреки Брюкке я стал оправдываться, что мне очень далеко приходится ходить — с улицы императора Иосифа на Верингерштрассе.

По правилам толкования сновидения я все еще не имею основания заменять нужное "nora uiuit" фразой "pop vixit", сохранившейся в моем воспоминании о памятнике императору Иосифу. Эта замена была вызвана, очевидно, под влиянием другого элемента мыслей, скрывающихся за сновидением. Что-то заставляет меня обратить внимание на то, что в сновидении я питаю к своему другу П. одновременно и враждебное, и дружелюбное чувство; первое проходит в сновидении поверхностно, второе же в скрытом виде, но оба находят свое выражение в словах: pop vixit. За то, что он оказал услуги науке, я воздвигаю ему памятник; но за то, что он возымел злое желание (выраженное в конце сновидения), я уничтожаю его. Я образовал тут своеобразно звучащую фразу; не подлежит никакому сомнению, что я руководствовался при этом каким-нибудь примером. Где же встречается, однако, аналогичная антитеза, аналогичное скрещивание двух противоположных чувств по отношению к одному и тому же лицу, чувств, которые оба претендуют на свою обоснованность и все же при этом не хотят мешать друг другу? В единственном месте, навсегда запечатлевающемся в памяти читателя: в оправдательной речи Брута в "Юлии Цезаре" Шекспира: "Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его" (Пер. М. Зенкевича). Разве не видим мы тут антитезы, аналогичной той, которую мы раскрыли в мыслях, лежащих в основе моего сновидения? Таким образом, я играю в последнем роль Брута. Вот только если бы найти в содержании сновидения еще какой-либо доказательный след этого странного сопоставления! Мне кажется, я имею право высказать следующее предположение: мой друг Ф. приезжает в июле. Эта деталь не имеет никакого соответствия в действительности. Мой друг, насколько мне известно, никогда в июле в Вене не был. Но месяц июль назван по имени Юлия Цезаря и может служить поэтому с полным основанием связующим звеном с мыслью, что я играю роль Брута.

Как это ни странно, но я действительно однажды играл роль Брута. Вместе с моим племянником, мальчиком всего на год моложе меня, я в возрасте 14 лет разыграл сцену между Брутом и Цезарем. Племянник этот приехал к нам в то время из Англии. Он воскресил в моей памяти игры нашего раннего детства. До трех лет мы были с ним неразлучны, любили друг друга, и эта дружба оказала свое несомненное влияние, как мне пришлось уже раз упомянуть, на все мои позднейшие отношения к сверстникам. Мой племянник Джон претерпел с тех пор много перевоплощений, которые воскрешали то ту, то другую сторону его существа, неизгладимо запечатлевшегося в моей

бессознательной памяти. По всей вероятности, он нередко злоупотреблял нашей дружбой, а я со своей стороны тоже отваживался восставать против своего тирана, так как мне часто потом рассказывали, что на вопрос отца — его деда: "Почему ты поколотил Джона?", — я ответил: "Я поколотил его, потому что он меня поколотил" (Ср. нем. пер.) ("Ich habe ihn gechlagt, weil er mich geschlagt hat"); этот эпизод детства и объясняет замену поп vivit фразой поп vixit, так как на языке детей "schlagen" означает "wachsen"; сновидение очень охотно использует такие сопоставления. Враждебное чувство к другу П., столь мало обоснованное в действительности, несомненно допускает сведение к моим сложным детским отношениям к Джону.

Как я заметил уже выше, мне придется еще раз вернуться к этому сновидению.

е) Абсурдные сновидения. Интеллектуальная деятельность в сновидении. При толковании сновидений мы так часто наталкивались на абсурдные элементы в их содержании, что я считаю нецелесообразным откладывать дальше обсуждение того, откуда проистекают эти элементы и что они означают. Предварительно я напомним лишь то, что абсурдность сновидений давала в руки противников толкования их главный аргумент в пользу того, что сновидение есть не что иное, как бессмысленный продукт пониженной и рассеянной душевной деятельности.

Я привожу несколько примеров, в которых абсурдность содержания сновидений лишь мнимая: при более глубоком проникновении в смысл она тотчас же исчезает. Это несколько сновидений, трактуемых, на первый взгляд случайно, об умершем отце.

I. Сновидение пациента, шесть лет назад потерявшего отца.

"С отцом случилось большое несчастье. Он ехал по железной дороге, поезд сошел с рельсов, сидения купе сдвинулись и сдавили ему голову. Он видит его затем в постели: над левой бровью у него вертикальная рана. Он удивляется, что с отцом случилось несчастье (ведь он уже умер, как добавляет он при рассказе). Глаза у него ясные".

По господствующему воззрению это сновидение следовало бы истолковать следующим образом: рисуя несчастье, случившееся с отцом, грезящий позабыл, что отец уже несколько лет тому назад умер; в дальнейшем ходе сновидения это воспоминание, однако, пробуждается и способствует тому, что он сам удивляется своему сновидению. Анализ между тем показывает, что такое объяснение прежде всего излишне. Грезящий заказал недавно скульптору бюст отца. С бюстом и "произошло несчастье" (немецкое выражение "verunglickt" подходит и сюда): он ему не понравился. Скульптор никогда не видал его отца и работал по фотографии. Накануне сновидения почтительный сын послал в ателье старого слугу их семьи, чтобы и тот высказал свое мнение относительно бюста: сыну казалось, что последний слишком узок в поперечнике от виска к виску. Далее следуют воспоминания, которые способствовали конструированию сновидения. Отец имел привычку, будучи удручен заботами или семейными неприятностями, прижимать обе руки к вискам, словно желая сжать голову, которая, казалось ему, распухла. Будучи четырехлетним ребенком, пациент мой был свидетелем того, как выстрел из случайно заряженного пистолета омрачил глаза отца ("глаза у него ясные"). На том месте, где в сновидении пациент видел рану, у отца появлялась глубокая морщина, когда он задумывался или грустил. То, что эта морщина заменена в сновидении раной, указывает на второй мотив сновидения. Пациент мой фотографировал свою маленькую девочку; проявив пластинку, он нечаянно уронил ее на пол, она разбилась, и трещина прошла как раз по лбу малютки. Он не мог отделаться при этом от суеверного страха, так как помнил, что накануне смерти матери он разбил фотографическую пластинку с ее изображением.

Абсурдность этого сновидения является, таким образом, лишь результатом недостаточной точности нашей речи, не отличающей бюста от фотографии человека. Мы все привыкли говорить: разве отец не похож? Мнимая абсурдность сновидения была, правда, в данном случае легко устранима.

II. Второй аналогичный пример из моих собственных сновидений (я потерял отца в 1896 году):

Ютец после смерти играет видную роль в Венгрии, он способствует политическому объединению мадьяр, я смутно вижу следующую маленькую картину, много народу, как в парламенте; мой отец стоит на одном или на двух стульях, вокруг него толпа. Я припоминаю, что на смертном одре он был похож на Гарибальди, и радуюсь, что это предзнаменование сбылось".

Это в достаточной мере абсурдно. Мне это приснилось в то время, когда благодаря парламентской обструкции в Венгрии вспыхнули серьезные беспорядки. Неважный, на первый взгляд, факт, что сцена, представшая предо мной в сновидении, состояла из мелких картин, имеет важное значение. Обычно сновидение, изображая наши мысли, оперирует зрительными образами, которые производят впечатление натуральной величины; мое сновидение представляет собою, однако, репродукцию одной из гравюр из иллюстрированной истории Австрии, изображающей Марию Терезию в парламенте в Пресбурге — знаменитую сцену: "Moriatur pro rege nostro" 104. Я не помню, у какого автора сообщается сновидение, кишашее невероятно мелкими фигурами: в качестве источника его указывается одна из гравюр Жана Калло, обратившая накануне внимание грезящего. Эта гравюра содержит тоже множество мелких фигур; часть их изображает ужасы 30-летней войны. Как там Мария Терезия, так в моем сновидении отец окружен толпой; он стоит, однако, на одном или двух стульях (как Stuhlrichter — член тайного суда). Он способствовал объединению мадьяр, здесь связующим звеном служит оборот речи: "Wir werden kei-nen Richter brauchen" — "нам не нужен судья". То, что он на смертном одре был похож на Гарибальди, нам действительно тогда бросилось в глаза.

У него обнаружилось посмертное повышение температуры, щеки его покрылись румянцем.

"Посмертное" повышение температуры соответствует словам "после смерти" в сновидении. Самым мучительным его недугом в последнее время был полный паралич кишок (обструкция). С последним связаны всякого рода

"грязные" мысли. Один из моих сверстников, еще мальчиком потерявший отца (как раз по этому поводу мы с ним и сблизилась), рассказывал мне однажды в ироническом тоне про горе одной своей родственницы: отец ее умер на улице, его принесли домой и когда труп раздели, то увидели, что в момент смерти или после нее произошло испражнение (по-нем. *Stuhlentleerung*). Дочь была так расстроена этим, что этот эпизод омрачил ее память об отце. Здесь мы подошли уже вплотную к желанию, воплощающемуся в моем сновидении. Остаться для детей после смерти чистым и великим — разве не каждый из нас этого хочет? К чему же сводится абсурдность сновидения?

Ее видимость проявилась лишь потому, что в сновидении правдиво изображается вполне допустимый оборот речи, обычно не возбуждающий в нас представления абсурдности. То обстоятельство, что в сновидениях чрезвычайно часто фигурируют умершие лица, говорят с нами и действуют, вызывало уже давно недоумение и порождало самые странные толкования, нередко вполне освещающие наше непонимание сновидений. Между тем разъяснение таких сновидений не представляет никаких трудностей. Нам очень часто приходится думать: если бы был жив наш отец, что бы он на это сказал? Это "если" сновидение может, однако, выразить лишь в форме наличия данной ситуации. Так, например, молодому человеку, которому дед оставил большое наследство, снится, что дед жив и упрекает его в чрезмерной расточительности. То, что кажется нам протестом против сновидения, ссылка на то, что человек этот уже умер, является в действительности лишь утешением: покойному не пришлось пережить этого, или же удовлетворением: он уже ничего не может сказать нам. Другой род абсурдностей, встречающихся в сновидениях о покойных близких людях, выражает не иронию и насмешку, а служит одним из видов категорического протеста против изображения оттесненной мысли, которую хочешь представить в ее полной нелепости. Такие сновидения поддаются толкованию лишь при учетывании того обстоятельства, что сновидение не делает никакого различия между желаемым и реальным. Так, например, одному господину, который ухаживал за отцом во время его болезни и тяжело страдал от его смерти, некоторое время спустя приснилась следующая бессмыслица:

"Отец снова жив и говорит с ним, как обычно; но в то же время он все-таки умер и только не знает".

Сновидение это станет понятным, если слова "он все-таки умер" дополнить словами "вследствие желания грезящего", а после "только не знает" добавить "что у грезящего было такое желание". Сын во время болезни отца не раз желал отцу смерти, т.е. испытывал вполне благородное желание, чтобы смерть положила конец мучениям любимого человека. В скорби после его смерти даже это сострадание дало пищу бессознательным самоупрекам, точно он своим желанием действительно сократил дни покойного. Благодаря пробуждению детского чувства к отцу стало возможным изобразить это желание в сновидении, но вследствие столь резкой противоположности между возбудителем сновидения и мыслями предыдущих дней сновидение и должно было неминуемо облечься в форму абсурдности (Ср. "Два принципа психических процессов", *Lehrbuch Bleuler — Freud, III, I. 1911*).

III. В настоящем примере я имею возможность застигнуть сновидение на том, как оно умышленно фабрикует абсурдность, к наличию которой материал не дает ни малейшего повода. Пример этот относится к сновидению, внутреннему мне встречей с графом Туном во время моей вакационной поездки. "Я" еду на извозчике и везу ему ехать на вокзал. "Ло железнодорожному пути я, конечно, с вами не поеду", — говорю я в ответ на его замечание, что он устал; при этом, однако, мне кажется, будто я проехал с ним часть пути, по которому едут обычно в поезде".

Относительно этой запутанной и нелепой истории анализ дает следующее разъяснение. В тот день я нанял извозчика, который должен был отвезти меня на одну из отдаленных улиц Дорнбаха. Он, однако, дороги не знал, но мне этого не сказал; наконец я это заметил и показал ему дорогу, причем не удержался от нескольких иронических замечаний по его адресу. От этого кучера одна нить мыслей отходит к аристократии, но этого я коснусь ниже. Пока же ограничусь указанием на то, что нам, буржуазному плебсу, аристократия часто бросается в глаза тем, что она охотно занимает место "кучера". Граф Тун тоже ведь правит государственной колесницей Австрии. Следующая фраза в сновидении относится к моему брату, которого я отождествляю таким образом с извозчиком. Я отказался поехать с ним вместе в этом году в Италию ("по железнодорожному пути я с вами не поеду"); этот отказ был вызван его вечными жалобами на то, что он, путешествуя со мной, устает (это вошло в сновидение в неизменном виде), так как я нигде не живу подолгу. В день моего отъезда брат проводил меня до вокзала, но по дороге (мы отправились на вокзал на трамвае) слез, чтобы направиться прямо в Пукерсдорф. Я сказал ему, что он может проехать со мной еще немного и поехать в Пукерсдорф не на трамвае, а по Западной железной дороге. Это отразилось в сновидении таким образом, что я проезжаю в экипаже часть пути, по которому едут обычно в поезде. В действительности дело обстояло как раз наоборот; я сказал своему брату, что он может проехать со мной в поезде ту часть пути, по которой хочет ехать на трамвае. Все искажение в сновидении сводится лишь к тому, что я вместо "трамвая" вижу "экипаж", что помимо этого способствует еще моему отождествлению брата с кучером. Вслед за этим в сновидении имеется, однако, абсурд, который представляется на первый взгляд чрезвычайно загадочным и противоречит моей только что сказанной фразе "по железнодорожному пути я с вами не поеду". Так как, однако, мне вообще не нужно смешивать трамвай с извозчиком, то я, по-видимому, умышленно создал всю эту загадочную историю.

С какою же целью, однако? Мы узнаем сейчас, какую роль играет в сновидении абсурдность и какие мотивы обуславливают ее допущение или создание. Разрешение загадки в данном случае сводится к следующему. Мне необходима в сновидении какая-нибудь абсурдность и что-либо непонятное в связи со словом "Fahren" (езда), так как в мыслях, скрывающихся за сновидением, имеется одно суждение, требующее изображения. Однажды вечером, незадолго до сновидения, я был в гостях у одной знакомой дамы, выступающей в том же сновидении в роли "привратницы", и услышал две загадки, которые не мог разрешить. Так как все остальные присутствующие эти

загадки знали уже раньше, то я со своими безуспешными попытками разгадать их производил комичное впечатление. Вот эти загадки:

1. Господин повелевает, Кучер — сразу исполняет? Они — в гробах, их нет в живых, Но мы все имеем их.

Вторая загадка в первых двух строках тождественна первой:

2. Господин повелевает, Кучер — сразу исполняет? В колыбельках без помех спят они, но — не у всех.

Разгадка первой: "Vorfahren" — предки; второй:

"Nachkommen" — потомки.

Когда в тот вечер мимо меня с высокомерным видом проехал граф Тун (vorfahren sah) и я невольно вспомнил о Фигаро, который считает заслугой аристократов то, что они дают себе труд родиться на свет, тогда обе загадки были мной использованы для роли промежуточных звеньев в сновидении. Так как "аристократ" легко замещается в сознании "кучером" (см. выше) и так как извозчиков прежде у нас в стране величали "Herr Schwager" ("зятек"), то процесс сгущения мог включить в сновидение и моего брата. Мысль же, бывшая в основе сновидения, гласит: Нелепо гордиться своими предками (Vorfahren). Лучше я сам буду предком. Вследствие этой мысли ("нелепо" и так далее) и появилась нелепость в сновидении.

Итак, сновидение становится абсурдным в том случае, когда в мыслях, скрывающихся за ним, имеется в качестве одного из элементов его содержания суждение:

"Это нелепо", когда вообще одна из бессознательных мыслей грезящего сопровождается критикой и иронией. Абсурдное служит поэтому одним из средств, при помощи которого сновидение изображает противоречие, все равно как преобразование взаимозависимости между мыслями и содержанием сновидения, все равно как использование ощущений моторной связанности. Абсурдность сновидения не следует, однако, переводить простым "не":

она должна воспроизводить склонность мыслей, скрывающихся за сновидением, к иронии, включающей в себя и противоречие. Только с такой целью сновидение дает нечто курьезное, заслуживающее смеха. Оно превращает здесь опять-таки часть скрытого содержания в явную форму.

В сущности говоря, мы имели уже перед собой чрезвычайно доказательный пример такого значения абсурдного сновидения. Истолкованное нами без анализа сновидение об опере Вагнера, которая длится до трех четвертей восьмого утра, об оркестре, дирижер которого стоит наверху на башне, и так далее, выражает, по-видимому, как нелепо все в этом мире! Кто действительно заслуживает, тот ничего не получает, а кому безразлично, у того есть все — грезящая проводит тут, очевидно, параллель между своей судьбой и судьбой своей кузины. То, что все вышеупомянутые примеры абсурдных сновидений были сновидениями об умершем отце, также отнюдь не является случайностью. В этих сновидениях в типической форме имеются в наличии все условия для создания таких сновидений. Авторитет, присутствующий отцу, рано вызывает критику со стороны ребенка, его строгие требования побуждают ребенка зорко следить за малейшей слабостью отца, но почтительное чувство, сопряженное в нашем мышлении с личностью отца, в особенности после его смерти, обостряет цензуру, которая оттесняет от сознания проявления этой критической работы.

IV. Еще одно абсурдное сновидение об умершем отце. "Я получаю извещение от общинного совета моего родного города с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 году. Я смеюсь над этим, так как, во-первых, в 1851 году меня не было еще в живых, во-вторых же, мой отец, к которому это могло относиться, уже умер. Однако я иду в соседнюю комнату, где он лежит в постели, и рассказываю ему это. К моему изумлению, он припоминает, что в 1851 году он был сильно пьян и его куда-то отвезли. Это было, когда он работал для Т. "Так ты, значит, и пил? — спрашиваю я. — И вскоре после этого женился?" — Я высчитываю, что я родился в 1856 году; это представляется мне непосредственно следующим друг за другом".

Та настойчивость, с которой это сновидение обнаруживает свою абсурдность, должна быть истолкована нами в силу вышеупомянутых соображений лишь как признак чрезвычайно ожесточенной и страстной полемики мыслей, скрывающихся за сновидением. С тем большим удивлением, однако, констатируем мы тот факт, что в этом сновидении полемика ведется открыто и что отец является тем лицом, которое служит мишенью иронии. Такая откровенность противоречит, по-видимому, нашему представлению о роли цензуры в деятельности сновидения. Недоразумение разъясняется, однако, тем, что здесь отец служит замещением другого лица, между тем как спор ведется с другим, на которое в сновидении имеется лишь одно указание. В то время как вообще сновидение трактуется о неприязненном чувстве по отношению к другим лицам, за которыми скрывается отец, здесь дело обстоит как раз наоборот: отец становится здесь ширмой для других, и сновидение может потому так откровенно и беззастенчиво обращаться с его неприкосновенной работой, что при этом доминирующую роль играет сознание, что в действительности речь идет вовсе не о нем. Это положение вещей явствует из мотивов сновидения. Оно последовало вскоре после того, как я услышал, что мой старший коллега, мнение которого считается непогрешимым, высказался с возмущением и удивлением по поводу того, что один из моих пациентов пользуется моим психоаналитическим лечением вот уже пятый год подряд. Начало сновидения в весьма прозрачной форме указывает на то, что этот коллега одно время принял на себя обязанности, которые не мог больше исполнять отец (плата за содержание в госпитале); когда же наша дружба стала колебаться, на мою долю выпал конфликт ощущений, который в случаях разногласий между сыном и отцом вызывается ролью и прежними заслугами отца. Мысли, скрывающиеся за сновидением, горячо протестуют против упрека в том, что я не подвигаюсь вперед; упрек этот, относящийся вначале к лечению этого пациента, распространяется затем и на другое. Разве он знает кого-нибудь, кто мог бы это сделать быстрее? Разве неизвестно ему, что состояния такого рода обычно считаются неизлечимыми и продолжаются всю

жизнь? Что значат какие-нибудь четыре, пять лет по сравнению с целой жизнью, особенно если пациенту само лечение приносит значительное облегчение?

Абсурдный характер этого сновидения отчасти вызывается тем, что в нем сопоставлены без посредствующих переходов отрывки из различных мыслей, лежащих в его основе. Так, например, фраза "Я иду к нему, в соседнюю комнату и так далее" оставляет тему, связанную с предыдущей частью сновидения, и в точности воспроизводит ситуацию, при которой я сообщил отцу о своей помолвке. Цель этой фразы — убедить меня в благородстве, которое проявил отец в той ситуации, в противоположность отношению ко мне других лиц. Я замечаю, что сновидение потому вправе иронизировать над отцом, что в мыслях, лежащих в его основе, он ставится в пример другим. Всякой цензуре присуще то, что о запретных вещах можно скорее говорить неправду, нежели правду. Далее он вспоминает, что был однажды сильно пьян и его куда-то отвезли; здесь уже нет ничего, что в действительности относилось бы к отцу. Скрывающееся за ним лицо — не кто иной, как знаменитый Мейнерт, по стопам которого я последовал и дружелюбное отношение которого ко мне сменилось вскоре открытой враждебностью. Сновидение напоминает мне, во-первых, его собственный рассказ о том, как в молодые годы он пристрастился к опьянению при помощи хлороформа и как ввиду этого должен был лечиться в госпитале, и, во-вторых, мою встречу с ним незадолго до его кончины. Я вел с ним ожесточенный литературный спор по поводу мужской истерии, которую он отрицал; когда я посетил его во время болезни и осведомился о его самочувствии, он стал подробно описывать свои недуги и закончил словами: "Вы знаете, я всегда был одним из нагляднейших примеров мужской истерии". Так, к моему удовлетворению, но, вместе с тем, и к моему удивлению, он согласился с тем, что так долго и так упорно отрицал. То, однако, что я в этой части сновидения замещаю Мейнерта своим отцом, объясняется не аналогией, проводимой мною между ними, а тем лаконическим, но вполне достаточным изображением условного предложения в мыслях, скрывающихся за сновидением, которое в более пространной форме гласит:

"Да, если бы я был сыном профессора или гофрата, я бы, наверное, скорее пошел вперед. В своем сновидении я и делаю отца профессором и гофратом. Наиболее яркая и странная абсурдность сновидения заключается здесь опять-таки в том, что мне 1856 год представляется равнозначимым с 1851 годом, как будто разница в пять лет не имеет никакого значения. Но именно эта-то часть мыслей, скрывающихся за сновидением, и должна найти себе выражение. Четыре, пять лет — это как раз промежуток времени, в течение которого я пользовался поддержкой вышеупомянутого коллеги; в течение этого же времени я был женихом своей невесты и, наконец, в течение этого же времени я заставлял своего пациента ожидать полного исцеления; последнее совпадение носит случайный характер, но тем охотнее используется сновидением. "Что такое пять лет?" — задаются вопросом мысли, скрывающиеся за ним. "Это для меня не время. Передо мной времени еще много, и, подобно тому как осуществилось то, во что вы тоже не верили, осуществляю я и это". Помимо этого, число 51, отделенное от цифры столетия, обуславливается еще и в другом, противоположном смысле; поэтому-то оно и встречается в сновидении несколько раз. 51 год — возраст, наиболее опасный для мужчины: в этом возрасте умерло скоростижно несколько моих коллег, среди них один, за несколько дней до того назначенный после долгого ожидания профессором.

V. Еще одно абсурдное сновидение, играющее числами. Юдин мой знакомый господин М. подвергся нападкам со стороны ни более ни менее, как самого Гете; нападки эти носили, по нашему общему мнению, незаслуженно обидный характер. Господина М. эти нападки, естественно, совершенно убили. Он горько жалуется на них нашим общим знакомым; его поклонение Гете не поколебалось, однако, от этой личной обиды. Я стараюсь выяснить соотношение времени, которое представляется мне невероятным. Гете умер в 1832 году; так как его нападки на М. относятся, понятно, к более раннему периоду, то М. был в то время совсем молодым человеком. Мне думается, что ему было 15 лет. Я не знаю, однако, какой сейчас год и потому все мои расчеты теряются во мраке. Нападки на господина М. содержатся в известном произведении Гете "Природа".

Разъяснить абсурдность этого сновидения не представляет никакого труда. Господин М., с которым мы встречаемся, у одних общих знакомых, попросил меня недавно обследовать его брата, который обнаруживает признаки паралитического умственного расстройства. Его опасения оказались правильными. Во время консультации больной без всякого повода стал упрекать брата в его грехах молодости. Я спросил у больного год его рождения и заставил проделать несколько арифметических вычислений, чтобы констатировать степень ослабления памяти; испытание это он выдержал с грехом пополам. Я понимаю уже, что становлюсь в сновидении на место этого паралитика ("я, не знаю, какой сейчас год"). Остальной материал сновидения относится к другому источнику. Один лично мне знакомый редактор медицинского журнала поместил в последнем в высшей степени резкую, "убийственную" рецензию о последней книжке моего коллеги Ф. в Берлине; рецензия эта принадлежала перу одного молодого и малосведущего врача. Я счел своим долгом вмешаться и обратился к редактору; тот ответил, что крайне сожалеет о происшедшем, но не считает возможным выразить это на страницах журнала. В ответ на это я порвал свои отношения с журналом, но в письме к редактору высказал уверенность, что наши личные отношения от этого нисколько не пострадают. Третьим источником этого сновидения является рассказ одной пациентки о психической болезни ее брата, припадки которого сопровождаются несмолкаемыми криками: "Природа, природа" Врачи полагают, что эти восклицания объясняются чтением этого прекрасного произведения Гете и свидетельствуют о переутомлении больного его занятиями по натурфилософии. Я предпочел, однако, установить здесь наличие сексуального элемента; мое мнение подтвердилось вскоре тем, что несчастный в припадке бешенства изуродовал себе половые органы. Во время первого припадка больному было 18 лет.

Если я добавлю, что столь резко раскритикованная книга моего приятеля ("Невольно спрашиваешь себя, не лишился ли рассудка автор или ты сам", — выразился про нее другой критик) трактует о значении в жизни соотношений времени, а сводит, между прочим, и продолжительность жизни Гете к одному чрезвычайно важному в биологии числу, то отсюда нетрудно будет вывести заключение, что в сновидении я становлюсь на место своего коллеги. (Я стараюсь выяснить соотношение времени...) Однако я веду себя как паралитик, и сновидение принимает абсурдный характер. Это означает, таким образом, что мысли, лежащие в основе сновидения, говорят иронически: "Разумеется (по-нем. "natürlich" одного корня с "Nature — "природа"), он глупец, сумасшедший, а вы гениальные люди, вы понимаете лучше. Быть может, однако, дело обстоит как раз наоборот?" И вот это "наоборот" и выражено в сновидении в чрезвычайно пластичной форме. Гете нападает на молодого человека — это абсурдно, между тем как молодой человек мог бы напасть сейчас с легкостью на бессмертного Гете, и далее — я произвожу вычисление с года смерти Гете, между тем, как в действительности я осведомился у пациента о годе его рождения.

Я обещал, однако, указывать и на то, что ни одно сновидение не руководствуется иными мотивами, кроме эгоистических. В данном случае мне приходится выяснить, почему я приписываю себе неприятную историю с моим приятелем и становлюсь на его место. Мое мнение в бодрствующем состоянии настроено далеко не так уж определено. Тут, однако, играет роль следующее: история 18-летнего больного содержит в себе указание на то, что я расхожусь с большинством врачей, утверждая наличие сексуальной этиологии психоневрозов. Я могу сказать себе самому: критика отнесется к тебе так же, как к твоему приятелю, вернее, относится так уже давно. Теперь я по праву могу заменить элемент "он" в мыслях элементом "мы": "Да, вы правы, мы оба глупцы".

На то, что "mea res agitur", указывает мне категорически упоминание об этом небольшом, несравненно прекрасном произведении Гете, так как цитирование этого произведения в одной популярной лекции окончательно толкнуло меня, юного и колеблющегося студента, на изучение естественных наук.

VI. Выше я обещал высказаться относительно еще одного сновидения, в котором не проявляется мое "я", что и оно эгоистично. Я сообщил, что мне снилось однажды, будто профессор М. говорит: "Мой сын, Мион...", — и упомянул о том, что это лишь вступительная часть к Другому сновидению, в котором играл роль и я. Вот это главное сновидение, абсурдное и непонятное словообразование которого требует от нас разъяснения.

"Вследствие каких-то событий в Риме необходимо вывести из города всех детей. Действие происходит у больших античных ворот (Porta romana Сиене, я знаю, это уже в сновидении). Я сижу у колодца; я очень расстроен, чуть ли не плачу. Какая-то женщина — служанка, монахиня — приводит двух мальчиков и передает их отцу. Отец не я. Старший из этих мальчиков похож на моего старшего сына, лица младшего я не вижу; женщина, приведшая мальчиков, хочет поцеловать его на прощание. У нее большой красный нос. Мальчик целоваться с ней отказывается, но подает ей руку и говорит "Auf Ceseres", а нам обоим (или одному из нас) "Auf Ungeseres". Я смутно понимаю, что в последнем содержится предпочтение".

Сновидение это базируется на целом комплексе мыслей, вызванных виденной мною в театре пьесой "Новое гетто". В мыслях, скрывающихся за сновидением, нетрудно подметить еврейский вопрос и заботу о будущем детей, которым нельзя дать отечества.

"Мы сидели на реках Вавилонских и плакали"¹⁰⁵. Сиенна, как Рим, славится своими красивыми колодцами; Рим в своем представлении мне приходится (см. выше) заменять другими мне известными городами. Близ Porta romana в Сиене я увидел большое, ярко освещенное здание и узнал, что это Маникомио, дом для умалишенных. Незадолго до сновидения я слышал, что один мой единоведец-врач должен был оставить свою с трудом полученную должность в казенном доме для умалишенных.

Наше внимание останавливают, однако, слова мальчика "Auf Ceseres", которые он произносит вместо подходящей к ситуации сновидения фразы "Auf Wiedersehen" (до свидания), и уже совершенно бессмысленное "Auf Ungeseres".

По сведениям, полученным мной от филологов, "ge-seres" — древнееврейское слово, производное от глагола "goiser", оно означает "предопределенные судьбою страдания". "Ungeseres" образовано мной самим и потому обращает мое особое внимание. Вначале я недоумеваю. Но заключительная фраза сновидения, говорящая, что в этом слове содержится некоторое предпочтение по сравнению с "geseres", рассеивает мое недоумение. Аналогичное соотношение проводится ведь и между икрой: несоленая ценится дороже соленой ("ugesalzen" и "gesalzen"). Икра в глазах простонародья — "барская прихоть"; в этом содержится шуточное указание на одну служащую в моем доме особу, о которой я думаю, что она, будучи моложе меня, может лучше следить за воспитанием моих детей. С этим согласуется и то, что няня моих детей очень напоминает служанку (или монахиню) в сновидении. Между рядами "gesalzen — ungesalzen" и "Ceseres — Ungeseres" недостает, однако, посредствующего звена. Последнее содержится в ряде "gesauert — ungesnuert" ("заквашенный — незаквашенный"); при исходе из Египта дети Израиля не успели заквасить свое тесто и до сих пор в память об этом едят на Пасху пресный хлеб. Я вспоминаю, что этой Пасхой я вместе с одним своим коллегой из Берлина прогуливался по улицам незнакомого мне Бреслава. Ко мне подошла какая-то девочка и попросила указать ей одну улицу; я ответил, что не знаю и сказал потом своему спутнику: надо надеяться, что эта девочка выкажет впоследствии большую опытность в выборе людей, которые будут руководить ею. Вскоре после этого мне бросилась в глаза дощечка на двери: Д-р Ирод. Я заметил: "Надо надеяться, что этот доктор практикует не по детским болезням"¹⁰⁶. Мой спутник развивал мне между тем свои взгляды на биологическое значение двухсторонней симметрии и одну из своих фраз начал так:

"Если бы у нас был всего один глаз посреди лба, как у Циклопа..." Это приводит нас к словам профессора М. во сневидении к сновидению: "Мой сын, Миоп..." Отсюда я непосредственно дохожу уже до источника слова "geseres". Много лет тому назад, когда этот сын профессора М., теперь известный ученый, сидел еще на школьной скамье, у него заболели глаза. Врач выразил опасение, но сказал, что пока болезнь коснулась одной стороны и тревожиться нечего; если же она перейдет на другой глаз, придется принять решительные меры. Первый глаз действительно вскоре поправился, но спустя некоторое время болезненные симптомы обнаружались на другом глазу. Перепуганная мать вызвала в деревню, где они в то время жили, врача. Тот, однако, рассердился. "Was machen Sie für Geseres? ("Что вы мучаетесь понапрасну?") — закричал он. — Если на одной стороне зажило, заживет и на другой". Он оказался прав.

Теперь относительно связи всего этого со мной и с моими близкими. Школьная скамья, парта, на которой учился в детстве сын профессора М., была подарена его матерью моему старшему сыну, в уста которого я вкладываю в сновидении слова прощания. Одно из желаний, связанных с таким перенесением, обнаружить нетрудно. Эта школьная парта благодаря своей особой конструкции должна, однако, также предохранить ребенка от близорукости и однобокости. Отсюда в сновидении Миоп (за ним Циклоп) и рассуждение о двухсторонности. Забота об односторонности имеет различный смысл: помимо физической однобокости здесь может идти речь об односторонности умственного развития. Даже больше того: разве сновидение во всей своей абсурдности не противоречит, по-видимому, именно этой заботе? Обратившись со словами прощания в одну сторону, мальчик говорит в другую как раз противоположную фразу точно для того, чтобы восстановить равновесие. Он действует, как бы соблюдая правила двухсторонней симметрии.

Таким образом, мы видим, что сновидение оказывается зачастую наиболее глубокомысленным там, где оно кажется наиболее абсурдным. Всегда ведь те люди, которым нужно было сказать что-нибудь и которые не имели возможности этого делать, надевали обычно шутовской колпак. Слушатель, для которого было предназначено такое запретное слово, терпел его только, когда мог смеяться при нем и утешаться тем, что в горькой пилюле все-таки много смешного. Совершенно так же, как в жизни сновидение, поступает в трагедии Га-млет, который должен притворяться сумасшедшим; поэтому-то и про сновидение можно сказать то же, что говорит о себе Гамлет, заменяя истинные условия шуточно-непонятными: "Я безумен только при нордвесте; если же ветер с юга, я могу отличить сокола от цапли". Это сновидение представляет собой также весьма доказательный пример того, что сновидения одной и той же ночи, хотя в раздельны в воспоминании, но базируются на почве одного к того же материала мыслей. Сновидение, рисующее, что я вывожу своих детей из Рима, имеет, правда, еще связь с одним аналогичным эпизодом моего детства и потому содержит столь значительные следы искажения. Смысл тот, что я завидую своим родственникам, которые несколько лет тому назад имели возможность перевезти своих детей в другую страну.

Таким образом, я разрешил проблему абсурдности сновидения в том смысле, что мысли, скрывающиеся за ним, никогда не носят абсурдного характера¹ — по крайней мере, у умственно нормальных людей — и что деятельность сновидения создает также вполне или отчасти абсурдные сновидения лишь в том случае, когда изображению в нем подлежит критика, ирония и насмешка, имеющиеся в мыслях. Мне остается только показать, что деятельность сновидения вполне исчерпывается взаимодействием трех названных моментов и еще одного, четвертого, о котором будет речь ниже; что ее функции, строго говоря, сводятся лишь к переводу на своеобразный язык мыслей, скрывающихся за сновидением, с соблюдением четырех предписанных ей условий и что самый вопрос, проявляет ли душа в сновидении все свои духовные способности или лишь часть их, поставлен неправильно, не в соответствии с фактическим положением дела. Так как имеется, однако, множество сновидения, в содержании которых мы находим оценку, критику утверждения, недоумение по поводу каких-либо отдельных элементов, попытки объяснения и аргументацию, то я считаю нужным на нескольких избранных примерах указать на неосновательность всякого рода возражений, основывающихся именно на этом.

Я утверждаю: все, что имеет в сновидении форму мнимого проявления функций мышления, не должно считаться мыслительным процессом деятельности сновидения, а относится к материалу мыслей, скрывающихся за сновидением, и в виде готового целого переносится оттуда в явное его содержание. Я могу сказать даже больше. К скрытому содержанию сновидения относится также и большая часть суждений, высказываемых по поводу вспоминаемого сновидения после пробуждения от сна, и ощущений, вызываемых в нас репродукцией этого сновидения; все они должны быть включены в его толкование.

I. Наглядный пример этого я приводил уже выше. Одна пациентка не хочет рассказать свое сновидение, потому что оно очень туманно. Ей приснился кто-то, и она не знает, был ли это ее муж или отец. Во второй части сновидения играло какую-то роль "помойное ведро" (Mistruger), с которым связано для нее следующее воспоминание. Будучи молодой хозяйкой, она сказала в присутствии одного своего родственника, что ее первая забота теперь — приобрести новое помойное ведро. На следующее утро он прислал ей такое ведро, наполненное, однако, ландышами. Продолжив анализ, я узнал, что в мыслях, лежавших в основе ее сновидения, обнаружился след воспоминания об одной истории, слышанной ею в детстве: одна девушка родила ребенка и не знала, кто его отец. Деятельность сновидения простирается здесь, таким образом, на бодрствующее мышление и дает возможность выразить один из элементов сновидения суждением о всем его целом, высказанным в бодрствующем состоянии.

II. Аналогичный случай:

Сновидение одного из моих пациентов показалось ему настолько интересным, что он, проснувшись, тотчас же сказал себе самому: "Я должен рассказать его доктору". Сновидение подвергается анализу и обнаруживает оче-

видное указание на любовную связь, в которую он вступил во время лечения и о которой твердо решил мне ничего не рассказывать. Содержащееся в сновидении решение или намерение: "Это я должен рассказать доктору" соответствует обычно при сновидениях во время психоаналитического лечения сопротивлению в сообщении сновидения и сопровождается нередко полным забыванием его.

III. Мое собственное сновидение:

"Вместе с П. я иду в больницу. Мы проходим по улице, где я вижу много домов и садов. У меня появляется мысль, что эта местность мне не раз уже снилась. Но я не знаю дороги. П. говорит мне, что за углом ресторан. Я иду туда и осведомляюсь о госпоже Лони. Мне говорят, что она живет с тремя детьми в маленькой комнатке. По дороге к ней я встречаю какую-то женщину с обеими моими дочерьми. Постояв с ними недолго, я беру их с собой. Я как бы посылаю упрек по адресу жены за то, что она их оставила там".

При пробуждении я испытываю чувство удовлетворения и объясняю его себе тем, что сейчас узнаю из анализа, что означает: мне не раз уже это снилось. По поводу этого вопроса завязалась обширная полемика на страницах "Revue philosophique" (парамнезия в сновидении). Анализ не разъясняет мне, однако, этого; он показывает только, что чувство удовлетворения относится к скрытому содержанию сновидения, а не к суждению о нем. Удовлетворение я испытываю потому, что у меня есть дети. П. — человек, с которым я некоторую часть жизненного пути прошел вместе; впоследствии он опередил меня в социальном и материальном отношении, но его брак остался бездетным. Анализ сновидения вскрывает два его мотива. Накануне я прочел в газете объявление о смерти некоей г-жи Дона А. (отсюда и фамилия До-ни), умершей от родов; жена сообщила мне, что ребенка у покойной принимала та же акушерка, что и у нее. Имя Дона бросилось мне в глаза потому, что незадолго до того я впервые встретил его в одном английском романе. Другой источник сновидения явствует из времени его появления; я видел его как раз в ночь накануне дня рождения моего старшего сына, одаренного, по-видимому, поэтическим талантом.

IV. Такое же чувство удовлетворения испытал я по пробуждении от того абсурдного сновидения, в котором отец после своей смерти играл видную политическую роль в Венгрии: чувство это мотивируется продолжением ощущения, сопровождавшего последнюю часть сновидения: "я вспоминаю, что он на смертном одре был очень похож на Гарибальди и радуюсь, что это все-таки осуществилось в действительности... (Дальнейшее забыто.)"

Анализ показывает мне, что относится к этому пробелу в сновидении: упоминание о моем втором сыне, которому я дал имя одного великого человека; в юношеские годы, особенно после моего пребывания в Англии, человек этот производил на меня сильнейшее впечатление. Весь год ожидания ребенка я намеревался дать ему это имя и с чувством удовлетворения приветствовал его появление на свет, когда он оказался мальчиком. Нетрудно подметить, как подавленная мания величия отца переносится в его мыслях на детей; приходится согласиться с тем, что это один из путей, по которым проходит ставшее необходимым подавление этого стремления¹⁰⁷. Свое право на включение в данное сновидение мой сын приобрел благодаря тому, что с ним приключился тот же грех, извинительный как для ребенка, так и для умирающего.

V. Обращаясь теперь к суждениям, остающимся в сновидении и не простирающимся на бодрствующее состояние, я с чувством облегчения замечаю, что могу с этой целью привести несколько сновидений, уже рассмотренных нами с другой точки зрения. Сновидение о Гете, обрушившемся на господина М., содержит, по-видимому, целый ряд таких суждений. "Я стараюсь выяснить себе соотношение времени, которое представляется мне невероятным". Разве не содержится тут критическое сомнение в том, что Гете мог обрушиться на молодого человека? "Мне думается, что ему было 18 лет". Это звучит совсем как результат неверного вычисления; а фраза "я не знаю, какой сейчас год" могла бы служить примером наличия колебания или сомнения в сновидении.

Из анализа этого сновидения я знаю, однако, что эти высказываемые, по-видимому, лишь в сновидении суждения допускают иное объяснение, которое делает их необходимыми для толкования сновидений и благодаря которому устраняется абсурдность последних. Фразой "я стараюсь выяснить себе соотношение времени" я становлюсь на место своего друга, который действительно стремится выяснить роль времени в жизни. Благодаря этому фраза теряет значение суждения, которое сопротивлялось бы абсурду предыдущего. Конец ее: "которое представляется невероятным" относится к дальнейшему: "Мне думается". Приблизительно в тех же словах я ответил даме, рассказавшей мне о болезни ее брата: "Мне представляется невероятным, чтобы восклицание "Природа, природа!" имело что-нибудь общее с Гете; мне думается скорее, что оно носит сексуальный характер". Здесь имеется, правда, суждение, высказанная мысль, но не в сновидении, а в действительности; повод его вспоминается и используется мыслями, скрывающимися за сновидением. Содержание последнего присваивает себе это суждение, как и всякую другую часть мыслей, лежащих в его основе.

Число 18, с которым самым бессмысленным образом связано в сновидении это суждение, сохраняет еще следы того источника, из которого взято само суждение. Наконец, "я не знаю, какой сейчас год" означает не что иное, как мое отождествление себя с паралитиком.

При разъяснении мнимых суждений в сновидении следует руководствоваться тем вышеуказанным правилом толкования, что связь отдельных элементов сновидения настолько призрачна, что ее можно оставить в стороне и подвергать анализу каждый элемент в отдельности. Сновидение представляет собою конгломерат, который в целях анализа должен быть снова раздроблен на отдельные части. С другой стороны, нельзя отрицать и того, что в сновидениях проявляется особая психическая сила, создающая эту мнимую связь отдельных элементов, иначе говоря, подвергающая вторичной обработке материал, добытый деятельностью сновидения. Эта сила и является четвертым моментом образования сновидений; о ней речь будет впереди.

VI. Я ищу другие примеры мыслительной работы в сообщенных мною ранее сновидениях. В абсурдном сновидении о письме общинного совета я спрашиваю: "Ты женился вскоре после этого? Я высчитываю, что я родился в 1856 году; это представляется мне непосредственно следующим друг за другом". Мы видим тут своего рода умозаключение. Отец женился в 1851 году; я, старший, родился в 1856 году. Это верно. Мы знаем, что это умозаключение желания, что в мыслях, скрывающихся за сновидением, содержится следующее: раз-ница в 45 лет не имеет никакого значения. Однако каждая часть этого умозаключения как по содержанию, так и по форме детерминируется иначе в мыслях, лежащих в основе сновидения. Жениться тотчас же после лечения собирается мой пациент, на терпение которого жалуется мой коллега. Мое отношение к отцу в сновидении напоминает допрос или экзамен и вызывает в памяти представление об одном университетском преподавателе, который при записи студентов устраивал форменный допрос: "Когда родились?" — "Отец?" Ему называли имя отца с латинским окончанием; мы, студенты, думали, что гофрат из имени отца делает умозаключения, для которых слишком мало данных в имени самого студента. Таким образом, умозаключение в сновидении является лишь повторением другого, представляющего собою часть материала в мыслях, скрывающихся за сновидением. Отсюда мы узнаем кое-что новое. Если в содержании сновидения имеется умозаключение, то оно исходит, наверное, из мыслей; в последних же оно может быть частью материала воспоминаний, либо же в качестве логической связи может соединять ряд отдельных мыслей. В том и другом случае умозаключение в сновидении представляет собою умозаключение в мыслях, лежащих в его основе. Это положение вносит некоторую поправку в мои предыдущие утверждения относительно изображения логической связи. Выше, однако, я описывал общий характер деятельности сновидения и не касался ее мелких деталей.

Мы можем продолжить анализ сновидения. С допросом профессора связано воспоминание о списке студентов (в мое время составлявшемся по-латыни). И далее о моих занятиях. Пяти лет, предназначенных для прохождения курса медицинского факультета, для меня оказалось недостаточным. Я продолжал заниматься, хотя мои знакомые и считали меня бездельником, сомневаясь, что из меня что-нибудь "выйдет". Тогда я решил поскорее сдать экзамены и добился своего. Новое подкрепление мыслей, скрывающихся за сновидением. "Хоть вы и сомневаетесь во мне, все-таки я достиг цели, все-таки я кончил (zum Schluss gekommen)".

То же сновидение содержит в начале своем элементы, за которыми нельзя не признать характера аргументации. Эта аргументация даже не абсурдна, она могла бы с таким же успехом относиться и к бодрствующему мышлению. Я смеюсь в сновидении над письмом общинного совета, так как, во-первых, в 1851 году меня не было еще в живых, во-вторых, отец, к которому это может относиться, уже умер. То и другое не только справедливо, но совпадает вполне с аргументами, которые я мог бы привести в случае получения такого письма. Из прежнего анализа мы знаем, что это сновидение возникло на почве мыслей, преисполненных горького сарказма; если мы примем во внимание, кроме того, и чрезвычайно существенные мотивы к воздействию цензуры, то поймем, что сновидение имеет полное основание конструировать безупречное опровержение абсурдного предположения по примеру, содержащемуся в мыслях, скрывающихся за ним. Анализ показывает, однако, что на сновидение не возлагается труда самостоятельного творчества: оно может и должно использовать с этой целью материал из мыслей. Все это похоже на то, как если бы в каком-нибудь алгебраическом уравнении помимо знаков + и — имелись еще знаки потенциала и радикала и кто-нибудь, описывая это уравнение и не понимая его, переписал бы эти знаки вместе с цифрами в полном беспорядке. Оба вышеназванных аргумента можно свести к следующему материалу. Мне неприятно сознавать, что некоторые положения, которые я кладу в основу своего психологического понимания психоневрозов, могут вызвать при их опубликовании недоверие и смех. Так, например, я утверждаю, что уже впечатления второго года жизни, а иногда даже и первого, оставляют прочный след в душе впоследствии болеющих и, хотя чрезмерно преувеличиваются и искажаются памятью, все же могут дать первую и наиболее глубокую основу истерических симптомов. Пациенты, которым я это в нужный момент разъясняю, стараются пародировать мое положение, выискивая воспоминания о том времени, когда их еще не было в живых. То же самое могло произойти, по моему мнению, и с раскрытием неожиданной роли, которую у больных женщин в их ранних сексуальных побуждениях играет отец. И то, и другое, по моему глубокому убеждению, вполне справедливо. Для подтверждения я перебираю в уме несколько примеров, когда ребенок теряет отца в раннем детстве и когда позднейшие факты, иначе не поддающиеся объяснению, доказывают, что ребенок сохранил все-таки бессознательное воспоминание о столь рано утраченном им близком человеке. Я знаю, что оба мои утверждения покоятся на выводах, справедливость которых может вызвать возражения. Таким образом, лишь задача осуществления желания способствует тому, что сновидение использует для конструирования безупречных умозаключений материал именно этих выводов.

VII. В сновидении, которого я касался выше лишь вскользь, высказывается удивление по поводу трактуемой им темы.

"Старый Брюкке поручил мне, по-видимому, произвести какой-то опыт; странным образом дело идет о препарировании нижней части моего собственного тела, таза и ног. Я вижу их перед собой как в анатомическом театре, но не испытываю при этом ни боли, ни ужаса. Препарирует меня Луиза Н. Мой таз очищается от мышц; я вижу его сверху и снизу, вижу и большие кровавые узлы мускулов и думаю о геморрое. Необходимо еще снять все, что покрывает стенки и напоминает серебряную фольгу. Но вот я опять очутился на ногах, пошел по городу, но, устав, взял извозчика. К моему удивлению, извозчик въехал в какие-то ворота; мы попали в узкий проезд, который в конце заворачивает и ведет на открытую площадь. Потом я отправился куда-то вместе с альпийским проводником.

У меня устали ноги, и он понес меня. Кругом было болото, мы шли по краю его. На земле сидели люди, среди них девушки; впечатление цыганского табора или поселения индейцев. Перед этим я сам еще все-таки шел по болотистой местности и удивлялся, как-я способен на это, несмотря на операцию. Наконец мы пришли в какой-то маленький деревянный дом, у которого вместо задней стены было большое окно. Проводник спустил меня на пол и положил на подоконник две лежавших тут же доски, чтобы, я мог перейти через ров, вырытый под окном. Тут меня охватил страх за мои ноги. Но вместо перекинутого мостика я увидел двух взрослых мужчин, лежавших на деревянных скамьях вдоль стен, и рядом с ними двух детей. Как будто не доски, а дети должны были послужить мостом для перехода... В страхе я просыпаюсь".

Кто составил себе достаточное представление об интенсивности процесса сгущения в сновидении, тот поймет без труда, сколько страниц должен был бы занять анализ этого сновидения. Но в целях связности изложения я воспользуюсь им, лишь как примером элемента удивления, которое в данном случае реализуется в фразе: "странным образом". Перехожу к мотиву моего сновидения. Им послужил визит той самой Луизы Н., которая в сновидении препарировала мое туловище. Она пришла ко мне и сказала: "Дай мне что-нибудь почитать". Я предлагаю ей роман "Она" Райдера Гаггарда. •Странная книга, но в ней много скрытого смысла, — начинаю я говорить, — тут и вечная женственность, и бессмертие чувства"... Но она перебивает меня: "Я ее уже читала. Нет ли у тебя чего-нибудь своего?" — "Нет, мои собственные бессмертные произведения еще не написаны". — "Так когда же выйдет твое последнее сочинение, которое, как ты обещал, будет доступно и для нас?" — спрашивает она. Я понимаю, что ее устами говорит другой, и молчу; я думаю о том, что мне приходится побороть в себе, чтобы выпустить в свет мое сочинение о сновидениях, в котором я должен опубликовать столько подробностей своей личной жизни. Препарирование собственного тела, которое я вижу в сновидении, есть, таким образом, не что иное, как самоанализ, связанный с сообщением собственных сновидений. Старый Брюкке вполне тут у места; уже в первые годы своей научной деятельности я до тех пор не решался опубликовать одну из своих работ, пока его энергичное воздействие не побудило меня к этому. Дальнейшие мысли, однако, связанные с разговором с Луизой Н., имеют слишком глубокие корни, чтобы быть сознательными;

они отклоняются от своего пути благодаря упоминанию о романе "Она" Райдера Гаггарда. К этой книге и к другой того же автора "Сердце мира" относится мое суждение "странным образом", между тем как многочисленные элементы самого сновидения заимствованы из обоих фантастических романов. Болото, через которое меня несет проводник, ров, который нужно перейти через мостик, и т.п. относятся к роману "Она"; индейцы, девушка и деревянный домик — к "Сердцу мира". В обоих романах центральное лицо — женщина, в обоих идет речь об опасных странствованиях. Усталые ноги — несомненное отражение реального ощущения предыдущих дней. Им соответствовала, по всей вероятности, общая усталость и мысль: "Сколько смогу я еще влачить ноги?" В романе "Она" дело кончается тем, что героиня вместо того чтобы достичь бессмертия себе и другим, находит смерть в центральном огне земного шара. Аналогичное чувство страха имелось, несомненно, и в мыслях, лежавших в основе сновидения. "Деревянный дом" — это гроб, могила. Но в изображении этой самой неприятной и жуткой из всех мыслей при помощи осуществления желания сновидение проявило выдающиеся способности. Я действительно был однажды в могиле, в этрусской гробнице в Орвиетто; это было тесное помещение с двумя каменными скамьями вдоль стен, на которых лежали два скелета. Совершенно такой же вид имеет деревянный дом в сновидении с той только разницей, что камень заменен здесь деревом. Сновидение говорит, по-видимому: "Если уж тебе суждено покоиться в гробу, пусть это будет хоть этруская гробница"; этим замещением она превращает печальную мысль в желание. К сожалению, однако, сновидение, как мы увидим ниже, может обратить в противоположность лишь представление, сопровождающее эффект, а не его самого. Поэтому-то я и просыпаюсь в страхе; предварительно, однако, находит свое изображение та мысль, что, быть может, дети достигнут того, чего не достиг отец; это еще одно указание на фантастический роман, в котором проводится мысль о сохранении существенных черт личности в течение целого ряда поколений.

VIII. В следующем сновидении имеется также выражение удивления по поводу переживаемого, но тут оно связано с попыткой такого оригинального, глубокого и положительно остроумного объяснения, что я из-за него одного считал бы нужным подвергнуть все сновидение анализу, если бы в нем не было даже еще двух элементов, могущих для нас быть интересными. Ночью с 18 на 19 июля я ехал по южной железной дороге, уснул в купе и во сне услышал: "Голтурн 10 минут!" Я думаю тотчас же о Голотурии — естественно-историческом музее; это местечко, в котором горсть храбрецов мужественно боролась с деспотизмом повелителя страны. Да, да, контрреволюция в Австрии) Как будто местечко это в Штирии или в Тироле. Но вот я вижу смутно небольшой музей, в котором сохраняются воспоминания об этих людях. Я хочу выйти из вагона, но колеблюсь. На перроне много женщин, торгующих овощами, они сидят, подбрав ноги, и протягивают пассажирам свои корзины. Я не решался выйти из вагона, боясь, что поезд уйдет: между тем он все еще стоит на станции. Неожиданно я оказываюсь в другом купе, сидения тут такие узкие, что спинкой касаешься непосредственно спинок. Эта фраза непонятна мне самому, но я следую правилу излагать сновидение так, как оно приходило мне в голову при его записывании. Словесное выражение тоже ведь часть изобразительной деятельности сновидения. Я удивляюсь этому, но ведь я мог перейти в другое купе в сонном состоянии. Тут несколько человек, среди них брат с сестрой, англичане. На полке, на стене много книг. Я вижу "Wealth of nations" и "Matter and Motion" (108) Максвелла в толстых коричневых холщовых переплетах. Брат спрашивает сестру, не забыла ли она захватить сочинения Шиллера. Книги на стене принадлежат как будто то мне,

то англичанам. Мне хочется вмешаться в их разговор. Я просыпаюсь весь в поту. Окна в купе закрыты. Поезд стоит в Марбурге".

Во время записи сновидения мне приходит в голову еще одна его часть, пропущенная памятью. "Я указываю англичанам на одну из книг и говорю: "It is from..." Но поправляюсь тотчас же: "It is by..." Брат замечает сестре: "Он сказал правильно".

Сновидение начинается с названия станции; крик кондуктора, очевидно, разбудил меня не вполне. Я заменил Марбург Голлтурном. То, что я слышал восклицание "Марбург", доказывается упоминанием в сновидения о Шиллере, который родился в Марбурге, хотя, правда, не в Штирии. Шиллер родился не в Марбурге, а в Марбахе; это знает каждый немецкий гимназист; знаю это, конечно, и я. Это снова одна из тех ошибок, которые вкрадываются в изложение в виде возмещения умышленного искажения и которые я пытался разъяснить в своей "Психопатологии обыденной жизни".

Я ехал хотя и в первом классе, но очень неудобно. Поезд был переполнен, в купе я нашел господина и даму; они были в достаточной мере бестактны и не сочли даже нужным скрыть свое неудовольствие по поводу моего вторжения. На мой вежливый поклон они даже не ответили; хотя они и сидели рядом на противоположной скамейке, однако, дама поспешила занять своим зонтиком и третье место направо у окна. Дверь тотчас же они закрыли и стали демонстративно говорить об опасности сквозняка. Они, вероятно, заметили, что я страдаю от жары. Ночь была теплая, и в купе, закрытом со всех сторон, было нестерпимо душно. По опыту я знаю, что так обычно ведут себя пассажиры, едущие по бесплатным билетам. И действительно, когда пришел кондуктор и я предъявил билет, раздался важный, чуть ли не грозный окрик дамы: "У нас служебные".

Она была высокого роста, полная, в возрасте, критическом для женской красоты; муж ее все время молчал и сидел неподвижно. Я попробовал уснуть и в сновидении жестоко отомстил своим нелюбезным спутникам. Трудно представить себе, какие оскорбления и ругательства по их адресу скрываются за отрывочными элементами первой половины сновидения. После удовлетворения этой жажды мести проявилось желание перейти в другое купе. Но тут, однако, что-то заставляет меня найти объяснение этой перемене места действия сновидения. Как я попал вдруг в другое купе? Я ведь не помню, чтобы я переходил. Мне оставалось только одно: предположить, что я перешел в сонном состоянии¹, это очень странное явление, но примеры его знакомы невропатологам. Нам известны случаи, когда человек совершает путешествие в полубессознательном состоянии, ничем, однако, не обнаруживая его; проходит некоторое время, и он приходит в себя и сам удивляется пробелам в своих воспоминаниях. Таким случаем "automatisme ambulaire" 109 я уже в сновидении считаю мой переход из одного купе в другое.

Анализ допускает и другое толкование. Объяснение, которое удивляет меня, если я приписываю его деятельности самого сновидения, неоригинально, а скопировано с невроза одного из моих пациентов. Мне приходилось уже рассказывать об этом чрезвычайно интеллигентном и в общем весьма добродушном молодом человеке, который вскоре после смерти родителей стал приписывать себе преступные наклонности убийцы и страдал от тех мер предосторожности, которые принял против себя самого, желая предотвратить возможность проявления этих наклонностей. Это был случай тяжелой формы навязчивых мыслей при полном сохранении рассудка. Вначале он мучился, гуляя по улице, необходимостью отдавать себе отчет, куда деваются встречные прохожие; когда кто-нибудь ускользал от его преследующего взгляда, он испытывал мучительное сомнение, не он ли "убрал" его. Между прочим, за этим скрывалось представление о Каине, ибо ведь "все люди братья". В конце концов он перестал выходить из дома и стал жить в четырех стенах своей квартиры. До него через посредство газет продолжали, однако, доходить известия об убийствах, совершаемых в городе, и его совесть внушала ему своего рода сомнение, не он ли преступник, которого ищут. Сознание, что он уже несколько недель не выходил из дому, предотвращало в первое время эти сомнения, пока однажды ему не пришло в голову, что он мог выйти из дому в бессознательном состоянии и таким образом совершить убийство, сам о нем не помня, разумеется. С этого дня он запер парадную дверь, вручил ключ привратнице и категорически запретил ей отдавать ему этот ключ, даже если он его у нее потребует.

Сюда относится, таким образом, мое объяснение того, что я перешел в другое купе в бессознательном состоянии; оно перенесено в сновидение в готовом виде из мыслей, скрывающихся за ним, и имеет очевидную целью отождествить меня с личностью этого пациента. Воспоминание о нем пробудилось благодаря следующей ассоциации. Несколько недель назад мне пришлось провести с этим господином ночь в купе; он совершенно выздоровел и сопровождал меня в провинцию к своим родственникам, которые вызвали меня на консультацию. Мы заняли отдельное купе, открыли окно и долго беседовали. Я знал, что его болезнь коренится во враждебных импульсах по отношению к отцу, относящихся к его раннему детству и имеющих сексуальное основание. Вторая сцена сновидения сводится действительно к представлению о том, что мои нелюбезные спутники потому так восстановлены против меня, что мой приход помешал их нежному тет-а-тет. Это представление относится, однако, к воспоминанию детства: ребенок, побуждаемый, вероятно, половым любопытством, крадется в спальню родителей, но встречает грозный окрик отца.

Я считаю излишним приводить дальнейшие примеры. Все они подтвердили бы только то, что мы заключили уже из всех нами разобранных: то, что акт суждения в сновидении представляет собою лишь повторение своего образца в мыслях, скрывающихся за сновидением. В большинстве случаев повторение это ни с чем не связано и плохо приспособлено к остову сновидения; иногда же, как в наших последних примерах, оно использовано настолько удачно, что на первый взгляд производит впечатление самостоятельного мышления в сновидениях. В дальнейшем

мы обратимся к рассмотрению той психической деятельности, которая, хотя и не всегда, по-видимому, фигурирует при образовании сновидений, но которая, будучи в наличии, стремится безупречно и осмысленно соединить в одно целое элементы сновидения, столь различные по своему происхождению. Предварительно, однако, мы должны рассмотреть аффекты, проявляющиеся в сновидении, и сравнить их с аффектами, вскрываемыми анализом в мыслях, лежащих в основе сновидения.

ж) Аффекты в сновидении. Чрезвычайно меткое замечание Штрикера (77) обратило наше внимание на то, что проявления аффектов в сновидении не допускают того пренебрежения, с которым мы относимся после пробуждения к содержанию сновидения. "Если я в сновидении боюсь разбойников, то хотя разбойники и иллюзии, зато страх вполне реален"; точно так же обстоит дело и в том случае, когда в сновидении я испытываю радость. По свидетельству нашего ощущения, аффект, испытываемый нами в сновидении, отнюдь не менее значителен, чем испытываемый наяву и обладающий той же интенсивностью; более энергично, чем кругом своих представлений, требует сновидение своими аффектами включения в число действительных переживаний нашей души. Мы не производим, однако, этого включения в бодрствующем состоянии, так как не умеем психически оценивать аффект иначе, как только в связи с определенным кругом представлений. Если аффект и представление по характеру своему и интенсивности не совпадают, то наше бодрствующее суждение приходит в смущение.

В сновидениях вызывало всегда удивление то обстоятельство, что представления не сопровождаются аффектами, которые в бодрствующем мышлении мы считаем необходимыми. Штрюмпель говорит, что в сновидении представления утрачивают свою психическую ценность. С другой стороны, мы можем наблюдать нередко и то, что интенсивный аффект возникает по поводу содержания, не дающего, по-видимому, ни малейшего повода к этому. Я нахожусь в сновидении в ужасном, опасном положении или в отвратительной обстановке, но не испытываю при этом ни страха, ни отвращения; в другой раз, наоборот, я могу возмутиться самыми невинными вещами или могу обрадоваться по поводу какой-либо безделицы.

Эту загадку сновидения разрешить легче, чем всякую другую: нам достаточно только перейти от явного содержания сновидения к скрытому. Мы не будем останавливаться даже на этом, а скажем только: анализ показывает нам, что представления претерпевают, различного рода замещения и смещения, между тем как аффекты остаются в неизменном виде¹⁰. Неудивительно поэтому, что представления, измененные искажающей деятельностью сновидения, перестают соответствовать неизменившимся аффектам: стоит только анализу переставить истинное содержание на его прежнее место, как соответствие будет вновь восстановлено.

В психическом комплексе, подвергшемся воздействию цензуры, единственной неприкосновенной составной частью являются аффекты; лишь они могут указать нам правильный путь к толкованию. Еще более рельефно, чем в сновидении, проявляется эта особенность в психоневрозах. Аффект здесь всегда обоснован, по крайней мере, по характеру своему; лишь интенсивность его может повышаться вследствие колебания невротического внимания. Если истерик удивляется, почему он боится какой-нибудь безделицы, если человек, страдающий навязчивыми представлениями, недоумевает, почему какой-нибудь пустяк может вызывать в нем столь тягостные угрызения совести, то оба заблуждаются, считая наиболее существенным эту безделицу или пустяк; они тщетно борются, беря исходным пустяком своего мышления эти представления. Психоанализ указывает нам правильный путь, признавая, наоборот, сам аффект вполне обоснованным и отыскивая представление, относящееся к нему, но оттесненное произведенным замещением. Мы предполагаем, конечно, что проявление аффекта и круг представлений не составляют того неразрывного органического целого, каким мы их привыкли считать: обе эти части лишь спаяны друг с другом я могут быть без труда разделены при помощи анализа. Толкование сновидений указывает на то, что в действительности дело обстоит именно таким образом.

Я приведу сначала пример, в котором анализ разъясняет отсутствие аффекта при круге представлений, который, несомненно, должен был бы вызвать таковой.

II. Юна видит в пустыне трех львов, из которых один смеется, она их не боится. Но ей все-таки приходится, должно быть, спастись от них бегством, так как она хочет влезть на дерево¹, но ее опередила ее кузина, французская учительница и так далее"

Анализ представляет нам следующий материал. Индифферентным мотивом сновидения послужила фраза из учебника английского языка: грива — украшение льва. У отца ее была большая борода, обрамлявшая лицо, точно грива. Ее английскую учительницу зовут мисс Лиане (Lions — львы). Один знакомый прислал ей томик баллад Лева (Lewe — лев). Вот и три льва; чего же ей их бояться? Она читала недавно рассказ, в котором негра преследует толпа; негр влезает на дерево. Вслед за этим идут другие воспоминания аналогичного характера: рецепт охоты на львов, даваемый юмористическим журналом — нужно взять пустыню и просеять ее через решето, песок просеется, а львы останутся. Затем забавный, но не совсем приличный анекдот про одного служащего: его спросили, почему он не постарается заслужить благосклонность начальника; он ответил: я хотел было пролезть, но меня опередил другой. Весь этот материал становится понятен, если принять во внимание, что грезившая принимала у себя накануне сновидения начальника своего мужа. Он был очень любезен, поцеловал ей руку, и она перестала бояться его, несмотря на то что он "крупный зверь" и считается в столице "светским львом".

II. Для второго примера я сошлюсь на сновидение той девушки, которой приснился маленький сын ее сестры, лежащий в гробу, но которая, как я добавлю теперь, не испытала при этом ни скорби, ни грусти. Из анализа мы уже знаем, почему это было именно так. Сновидение скрывает лишь ее желание свидеться с любимым человеком. Аффект направлен именно на это желание, а не на его сокрытие. Для скорби не было никакого повода.

В некоторых сновидениях аффект сохраняет все-таки хоть и слабую связь с тем кругом представлений, который заместил соответствующий ему. В других же разложение комплекса происходит энергичнее. Аффект совершенно отделяется от соответствующего ему представления и включается в какое-либо место сновидения, наиболее подходящее для него в новом расположении элементов последнего. Дело обстоит тут аналогично тому, как в вопросе о роли и значении актов суждения в сновидениях. Если в мыслях, скрывающихся за сновидением, имеется какое-либо более или менее значительное суждение, то такое же имеется и в самом сновидении; но в последнем оно может относиться совершенно к другому материалу. Нередко такое смещение совершается по принципу противоположности.

Последний случай я разъясню на следующем примере, который я подвергаю исчерпывающему анализу.

III. "Замок на берегу моря, впоследствии, однако, на берегу не моря, а узкого канала, ведущего в море. Г. П. — губернатор крепости. Я стою вместе с ним в большой трехсветной зале: перед окнами возвышаются форты. Я — морской офицер, прикомандированный к гарнизону. Мы опасаемся нападения неприятельских кораблей; крепость на осадном положении. Г. П. намеревается уйти, он дает мне указания, как действовать в случае нападения, его больная жена вместе с детьми тут же в крепости. Когда начнется бомбардировка, надо будет очистить большую залу. Он дышит тяжело и хочет уйти. Но я удерживаю его и спрашиваю, как в случае необходимости послать ему донесение. Он отвечает мне что-то, но вдруг падает мертвый. По всей вероятности, я чрезмерно утомил его вопросами.

Смерть его не производит, однако, на меня впечатления я думаю о том, останется ли вдова в замке, нужно ли мне донести о смерти губернатора главнокомандующему и вступлю ли я как следующий по старшинству в начальствование над крепостью. Я стою у окна и смотрю на проходящие корабли, по зеленой воде быстро мчатся купеческие суда, одни с несколькими трубами, другие с пузатой крышей (похожей на крышу вокзала во вступительном, не сообщаемом мною сновидении). Подле меня мой брат; мы оба смотрим в окно на канал. При виде одного корабля мы пугаемся и восклицаем: неприятельский корабль! Оказывается, однако, что это возвращаются суда, которые я уже знаю. Проплывает небольшое судно, комично срезанное на половине своей длины; на палубе видны, странные предметы, что-то вроде бокалов и флаконов. Мы кричим в один голос: "Fhirstücksschiff" ("судно для завтрака").

Быстрое движение кораблей, темная синева воды, черный дым труб — все это вместе производит мрачное, довольно гнетущее впечатление.

Место действия в этом сновидении составлено из воспоминаний о нескольких путешествиях по Адриатическому морю (Мирамаре, Дуино, Венеция, Аквилейя). Непродолжительная, но в высшей степени приятная поездка в Аквилейю вместе с моим братом за несколько недель до сновидения была у меня свежа в памяти. Морская война Америки и Испании и связанные с нею заботы о судьбе моих родственников, живущих в Америке, играют тут тоже довольно видную роль. В двух местах этого сновидения имеются проявления аффекта. В одном месте ожидаемый аффект отсутствует, тут имеется категорическое указание на то, что смерть губернатора не производит на меня впечатление. В другом месте, думая, что я вижу неприятельское судно, я пугаюсь и действительно испытываю в сновидении все ощущения страха. Аффекты размещены в этом превосходно сконструированном сновидении так удачно, что избегнуто какое бы то ни было противоречие. У меня ведь нет никакого основания пугаться при смерти губернатора, и, с другой стороны, вполне естественно, что я в качестве коменданта крепости пугаюсь при виде неприятельского корабля. Анализ показывает, однако, что Г. П. лишь замещает мое собственное "я" (в сновидении я его преемник, заместитель). Я — губернатор, который внезапно умирает. Мысли, скрывающиеся за сновидением, интересуются будущим моих близких в случае моей преждевременной смерти. Другой неприятной мысли в материале сновидения не имеется. Страх, связанный в сновидении с видом неприятельского судна, должен быть перенесен оттуда и включен сюда. Анализ показывает, наоборот, что круг мыслей, из которых взят военный корабль, полон радостных и светлых воспоминаний. Год тому назад мы были в Венеции, стояли в один дивный летний день у окна нашей комнаты на Рива Чиавони и смотрели на лазурную лагуну, на которой как раз было больше движения, чем обыкновенно. Ожидались английские суда и готовилась торжественная встреча. Вдруг жена моя закричала радостно, как ребенок: английский корабль! В сновидении я пугаюсь при тех же словах; тут мы опять-таки видим, что речь в сновидении происходит от речи в действительности. Что и элемент "английский" не остался неиспользованным деятельностью сновидения, мы скоро увидим. Я превращаю здесь, следовательно, радость в страх; мне остается только упомянуть, что я благодаря этому превращению изображаю часть скрытого содержания сновидения. Пример нам показывает, однако, что сновидению предоставляется право выделить повод к аффекту из его общей связи с мыслями и включить в любое место содержания сновидения.

Я пользуюсь тут случаем, чтобы подвергнуть более детальному анализу "Fhirstücksschiff", появление которого в сновидении столь абсурдно завершает превосходно и осмысленно сконструированную ситуацию. Напрягая свою память, я вспоминаю, что судно это было черное; со стороны его срезанного конца оно было похоже на одну вещь, обратившую на себя наше внимание в музеях этрусских городов. То была прямоугольная чаша из черной глины с двумя ручками; в ней стояли вещицы наподобие кофейных или чайных чашек; все вместе напоминало сервиз для завтрака (Fruhstück). На наши расспросы нам ответили, что это туалет этрусской женщины с принадлежностями для румян и пудры; мы шутя сказали, что было бы недурно привезти его жене в подарок. Объект сновидения означает, следовательно — черный туалет, траур и указывает на смерть. Другим своим концом объект сновидения напоминает ладью, на которую в древности клали тело умершего и пускали по волнам. Сюда относится и то, почему в сновидении суда возвращаются.

"Тихо, на спасенной ладье, в гавань вплывает старик".

Это возвращение после кораблекрушения (nach dem Schiff bruche), судно ведь сломано наполовину (abgeb-rochen). Откуда же название •Fruhsticksschiff" ? Здесь-то и используется слово "английский" (смотри выше). Завтрак — Fruhsciick — breakfast — Brechen и относится опять-таки к Schiffgbruch, а Fasten (пост) имеет связь с трауром.

Однако у этого судна лишь название образовано сновидением. Само оно существовало в действительности и напоминает мне приятнейшие часы моего последнего путешествия. Относясь подозрительно к кушанью в Аквилейе, мы взяли с собой провизию из Герца, купили в Аквилейе бутылку чудесного истрийского вина, и, в то время как маленький почтовый пароход медленно плыл по каналу delle Mee, направляясь в Града, мы, единственные пассажиры, устроили себе на палубе превосходнейший завтрак, который пришелся нам по вкусу, как никогда. Это и было, значит, ^Fruhstucksschiff", и именно за этим воспоминанием о приятном удовольствии скрывает сновидение скорбные мысли о неизвестном, загадочном будущем.

Отделение аффектов от представлений, вызывающих их проявление, — наиболее яркое и рельефное изменение, претерпеваемое ими при образовании сновидения, но далеко не единственное и не наиболее существенное из всего того, чему подвергаются они на пути от мыслей, скрывающихся за сновидением, вплоть до явного содержания последнего. При сравнении аффектов в этих мыслях с таковыми же в сновидении бросается в глаза тотчас же следующее: там, где в сновидении имеется аффект, он имеется и в мыслях, но не наоборот. Сновидение в общем более бедно аффектами, нежели психический материал, из обработки которого оно образовалось; восстановив мысли, лежащие в основе сновидения, я вижу, что в них постоянно отражаются наиболее интенсивные душевные движения, зачастую борющиеся с другими, им диаметрально противоположными. Обращая же взор снова на сновидение, я вижу, что оно почти всегда бесцветно и лишено какой бы то ни было окраски интенсивного аффекта. Сновидение подымает на уровень безразличия не только содержание, но и эмоциональную окраску моего мышления. Я решаюсь утверждать даже, что сновидение совершает подавление аффектов. Возьмем хотя бы сновидение о ботанической монографии. Ему в сновидении соответствует пламенная и убежденная защита моего права поступать так, как я хочу, и устраивать свою жизнь так, как мне самому это кажется лучшим и правильным. Возникшее отсюда сновидение гласит в самом безразличном тоне: я написал монографию, она лежит передо мною, в ней много таблиц в красках и засушенных цветов. Тут словно покой кладбища; не слышно и следа шума битвы.

Может быть, правда, и иначе: и в самом сновидении могут быть интенсивные проявления аффектов; мы, однако, остановимся пока на том неоспоримом факте, что большинство сновидений представляются нам крайне индифферентными, между тем как мысли, скрывающиеся за ним, связаны постоянно с глубоким и повышенным чувством.

Дать здесь полное теоретическое объяснение подавления аффектов со стороны сновидения я затрудняюсь: оно поставило бы на очередь подробное рассмотрение теории аффектов и самого процесса подавления. Я выставлю лишь два положения. Проявление аффекта я вынужден — по другим соображениям — считать центростремительным процессом, направленным в глубь нашего тела по аналогии с моторным и секреторным процессом иннервации. Подобно тому как в состоянии сна отсутствует, по-видимому, посылка моторных импульсов во внешний мир, так и центростремительное вызывание аффектов может затрудняться бессознательным мышлением во время сна. Проявления аффектов во время хода мыслей, полагаемых в основу сновидения, в значительной мере сами по себе ослабляются; отсюда ясно, что не могут быть сильными и те из них, которые включаются в сновидение. Согласно этому в "подавления аффектов" повинна как будто не деятельность сновидения, а просто-напросто состояние сна. Быть может, это и так, но во всяком случае, это далеко еще не все. Мы должны подумать и о том, что каждое более или менее сложное сновидение оказывается результатом взаимодействия различных психических сил. С одной стороны, мыслям, образующим желание, приходится выдерживать сопротивление цензуры, с другой же — мы видели уже неоднократно, что даже в бессознательном мышлении каждая мысль связана с другой, ей противоречащей; так как все эти мысли способны вызывать аффекты, то в общем мы едва ли впадем в ошибку, если сочтем подавление аффектов результатом тормозящего воздействия, которое оказывают друг на друга противоречивые элементы и которое испытывают подавленные стремления со стороны цензуры. Таким образом, подавление аффектов есть второй результат воздействия цензуры в сновидении; первым результатом его было искажение.

Я приведу один пример, в котором индифферентный тон содержания сновидения может быть объяснен противоречивостью мыслей, скрывающихся за последним. Нижеследующее короткое сновидение должно, конечно, вызвать у каждого читателя чувство отвращения.

IV. "Возвышение; на нем нечто вроде отхожего места; длинная скамья, на одном конце большое отверстие. Весь задний край покрыт испражнениями различной величины и свежести. Позади скамейки кустарник. Я мочусь на скамейку; длинная струя мочи смывает всю грязь. Засохшие экскременты отделяются и падают в отверстие. Но на конце остается все-таки что-то еще".

Почему не испытал я никакого отвращения при этом сновидении?

Как показывает анализ, только потому, что образованию этого сновидения способствовали самые приятные мысли. При анализе мне тотчас же приходят в голову авгиевы конюшни, очищенные Геркулесом. Этот Геркулес — я. Возвышение и кустарник относятся к местности в Аусзее, где живут сейчас мои дети. Я раскрыл этиологию детских неврозов и тем самым предохранил своих детей от заболевания. Скамейка, исключая, конечно, отверстия, в точности напоминает собою мебель, подаренную мне одной благодарной пациенткой. Она свидетельствует о том, что пациенты ценят меня. Даже собрание человеческих экскрементов допускает самое невинное толкование. Как это

ни странно, но это лишь воспоминание о прекрасной Италии; там в маленьких городках ватерклозеты, как известно, устроены чрезвычайно примитивно. Струя мочи, смывающая все вокруг, несомненное указание на манию величия. Точно таким же способом Гулливер тушит пожар у лилипутов, этим, правда, он навлекает на себя немилость миниатюрной королевы. Но тигаргантюа, сверхчеловек мэтра Рабле, мстит аналогичным образом парижанам;

он садится верхом на Нотр-Дам и направляет на город струю мочи. Книгу Рабле с иллюстрациями Гарнье я перелистывал как раз вчера вечером перед сном. И удивительно: снова доказательство того, что я сверхчеловек. Площадка на Нотр-Дам была летом излюбленным местопребыванием в Париже; каждый день я прогуливался там между причудливыми и страшными химерами. То, что все экскременты исчезают так быстро, относится к изречению: "affait et dissipati sunt", которое я поставил когда-то эпитафией к своему очерку по терапии истерии.

А вот и активный повод сновидения. В жаркий летний вечер я читал лекцию о связи истерии с извращениями; все, что я говорил, меня почему-то не удовлетворяло и казалось несущественным и неважным. Я был утомлен, не испытывал никакого удовольствия от работы и стремился прочь от этого копания в человеческой грязи к своим детям и к красотам Италии. В таком состоянии духа я отправился из аудитории в кафе, что бы посидеть немного на воздухе и чуть-чуть закусить; аппетита у меня, впрочем, не было. Но со мной пошел один из моих слушателей; он попросил разрешения посидеть со мной, пока я выпью кофе, и начал читать мне панегирик: сколькому он от меня научился, он смотрит теперь на все другими глазами, я очистил авгиевы конюшни заблуждений и предрассудков в учении о неврозах словом, я — великий человек. Мое настроение плохо подходило к этому панегирику, я не мог подавить отвращения, ушел поскорее домой, стараясь избавиться от него, перелистал перед сном книгу Рабле и прочел еще рассказ К. Мейера "Страдания одного мальчика".

Из этого материала и образовалось сновидение; новелла Мейера включила в него еще воспоминание детства (ср. сновидение о графе Туне, последнюю часть). Настроение, проникнутое чувством неудовлетворенности и отвращения, проявилось в сновидении лишь в том, что доставило почти весь материал его содержанию. Но ночью проявилось противоположное настроение и взяло верх над первым. Содержанию сновидения пришлось принять такой характер, который дал бы возможность в одном и том же материале выразить и желание умалить свои заслуги, и желание превознести себя. Из этого компромисса и образовалось двусмысленное содержание сновидения, а из толкований двух противоречий — его индифферентный тон.

По теории осуществления желаний сновидение это было бы невозможно, если бы с чувством отвращения не столкнулась противоположная, хотя и подавленная, но приятная мания величия. Неприятное не находит себе выражения в сновидении; неприятное в наших мыслях включается в сновидение лишь в том случае, когда оно уступает свое отражение осуществлению желания.

Но сновидение может производить с аффектами в мыслях, скрывающихся за ними, еще и другие операции, не только включать их в свое содержание или подавлять. Оно может обращать их в свою противоположность. Рассматривая правила толкования, мы говорили о том, что каждый элемент сновидения может означать в толковании как свою противоположность, так и самого себя. Заранее никогда нельзя сказать этого; решающее слово приносит здесь общая связь всего целого. Это обстоятельство было подмечено, по-видимому, и народной мудростью: народные сонники при толковании сновидений очень часто поступают по принципу контраста. Такое обращение в противоположность становится возможным благодаря внутреннему ассоциативному сцеплению, которое в нашем мышлении связывает представление о каком-либо предмете с представлением, ему противоположным. Как и всякое смещение, оно служит целям цензуры, но становится нередко и орудием осуществления желания, так как последнее состоит ведь не в чем ином, как в замещении неприятного представления ему противоположным III.

Подобно представлениям, могут в сновидении обращаться в противоположность и аффекты в мыслях, скрывающихся за ним; по всей вероятности, это превращение аффектов производится большей частью цензурой. Подавление аффектов и превращение их и в социальной жизни, в которой мы нашли ту же цензуру, что и в сновидении, служит прежде всего целям маскировки, сокрытия. Когда я разговариваю с кем-нибудь, с кем я должен так или иначе считаться, но кому мне хотелось бы высказать свои враждебные чувства, то для меня гораздо важнее скрыть от него выражение своего аффекта, чем смягчить лишь словесное выражение своих мыслей. Если я говорю этому человеку не враждебные слова, но сопровождаю их все же взглядом или жестом презрения или ненависти, то впечатление у этого человека получается почти то же, как если бы я беззастенчиво кинул ему в лицо все свое презрение. Цензура заставляет меня, таким образом, прежде всего подавлять свои аффекты, и если я хороший актер, то я проявлю противоположный аффект; буду смеяться там, где мне хотелось бы возмущаться, и буду вежлив тогда, когда мне хотелось бы презирать.

Мы знаем уже один превосходный пример такого превращения аффектов в целях цензуры сновидения. В сновидении о "дяде с бородой" я испытываю нежное чувство к своему другу Р., в то время как мысли, скрывающиеся за сновидением, ругают его дураком. Из этого примера превращения аффектов мы вывели первое указание на наличие цензуры в сновидении. И здесь у нас нет основания предполагать, что сновидение создает заново этот контр-аффект; оно находит его обычно в готовом виде в материале мыслей и возвышает его лишь психической силой контр-мотивов до тех пор, пока он не становится пригоден для образования сновидения. В упомянутом сновидении о дяде нежный контр-аффект проистекает, по-видимому, из источника детства (как разъясняет и продолжение сновидения), так как отношения дяди и племянника благодаря своеобразному характеру переживаний моего раннего детства стали для меня источником всех дружеских и враждебных чувств.

Есть группа сновидений, особенно претендующих на наименование "лицемерных" и подвергающих тяжелому испытанию теорию осуществления желаний. Я обратил на них внимание, когда г-жа д-р М. Гильфердинг сообщила в "Венском психоаналитическом обществе" следующее интересное место из произведения Розеггера.

Розеггер в "Лесной родине" (II т.) в рассказе "Чужой" говорит: "На сон я в общем пожаловаться не могу, но в бесчисленное количество ночей я, наряду со своей скромной жизнью студента и литератора, влачил жизнь портновского подмастерья — то была тень, призрак, от которого я не мог избавиться.

Днем я вовсе не часто погружался в размышления о своем прошлом. Мечтателю, выросшему из кожи филистера, есть подумать кое о чем и другом. Но он не думал и о своих ночных сновидениях. Лишь впоследствии, когда я научился размышлять обо всем и когда во мне вновь зашевелилась душа филистера, я задумался над тем, почему, в сущности, я всегда играю в сновидениях роль портновского подмастерья и почему в качестве такового я всю жизнь работаю без вознаграждения на своего мастера. Когда я сидел подле него, строчил или гладил, я всегда сознавал превосходно, что у меня много Других забот и интересов. Мне было тяжело, неприятно, я сожалел о потере времени, которое я мог бы использовать лучше и целесообразнее. Когда я чем-нибудь не угождал мастеру, я терпеливо сносил его брань; о вознаграждении не было, однако, никогда и речи. Часто, сидя согнувшись в темной мастерской, я решал отказаться от работы. Однажды я заявил даже об этом мастеру, но тот не обратил ни малейшего внимания, и я снова продолжал строчить для него.

Как отраднo было для меня пробуждение после этих томительных и скучных часов. Я твердо решался при повторении этого тягостного сна энергично сбросить его с себя и громко закричать: все это глупости, я лежу в постели и сплю... Но в следующую ночь я сидел опять в мастерской.

Так в жутком однообразии проходил год за годом. В один прекрасный день, когда мы с мастером работали у Альпельгофера, у того крестьянина, к которому я поступил в учение, мастер остался особенно недоволен моей работой. "Мне хотелось бы только знать, о чем ты все думаешь!" — сказал он и сердито взглянул на меня. Я подумал, что самое разумное — было бы встать, сказать мастеру, что я работаю на него только из любезности, и уйти. Но я этого не сделал. Я спокойно отнесся к тому, что мастер нанял еще одного подмастерья и велел мне дать ему место на нарах. Я подвинулся в угол и продолжал шить. В тот же день был нанят еще один подмастерья, тот самый, который работал у нас девятнадцать лет назад и тогда по дороге из трактира упал в реку. Он хотел сесть за работу, но для него не было места. Я посмотрел вопросительно на мастера, и тот ответил мне: "У тебя нет способности к портновскому делу. Можешь идти". Мною овладело такое чувство страха, что я проснулся.

В окна брезжило серое утро. Меня окружали произведения искусства; в стильном книжном шкафу ждал меня вечный Гомер, исполинский Данте, несравненный Шекспир, славный Гете — все гиганты мысли, бессмертные. Из соседней комнаты доносились звонкие голоса проснувшихся детей, ласкавших к матери. У меня было чувство, будто я вновь обрел эту идиллически сладостную, мирную, поэтичную и озаренную светом духа жизнь, в которой я так часто испытывал глубокое счастье человека. Но все же меня мучило, почему я не предупредил мастера, не отказался сам, а получил отказ от него.

И как странно все это! С той ночи, как мастер "уволит" меня, я наслаждаюсь покоем; мне не снится-больше столь давно прошедшее время, когда я действительно был портновским подмастерьем, время, которое в своей непритязательности имело своеобразную прелесть, но которое отбросило все же столь длинную тень на мою последующую жизнь".

В этих сновидениях писателя, бывшего в молодые годы портновским подмастерьем, трудно подметить наличие осуществления желания. Все желанное, радостное относится к дневной жизни, между тем как сновидение влачит лишь призрачную тень преодоленного, к счастью, безрадостного существования. Аналогичные собственные сновидения дали мне возможность найти объяснение этой загадке. Будучи молодым врачом, я долгое время работал в химическом институте, не достигнув, однако, почти никакого успеха; теперь я стараюсь не вспоминать никогда об этом неблагодарном и, в сущности, постыдном периоде моей деятельности. Между тем мне неоднократно снилось, что я работаю в лаборатории, производжу анализы, переживаю различные эпизоды и пр. Сновидения эти большей частью неприятны, подобно сновидениям об экзаменах, и всегда очень туманны. При толковании одного из них я обратил внимание на слово "анализ", которое и дало мне ключ к пониманию. Я стал ведь теперь "аналитиком", производжу вполне успешные "анализы", правда, не химические, а психоанализы. Я понял следующее: если я в действительной жизни горжусь этими анализами и хочу даже похвастаться перед самим собой, каких я достиг успехов, то ночью сновидение рисует передо мною другие неудачные анализы, гордиться которыми у меня нет решительно никакого основания. Это карающие сновидения удачника, все равно как сновидения портновского подмастерья, превратившегося в известного писателя. Каким образом становится, однако, сновидение в конфликте между гордостью и самокритикой на сторону последней и включает в свое содержание вполне разумное увещание вместо недозволенного осуществления желания? Я говорил уже о том, что ответ на этот вопрос представляет немалые трудности. Мы догадываемся, что основой сновидения послужила честолюбивая фантазия, в содержание же его вошла вместо нее ее противоположность. Можно упомянуть здесь о том, что в душевной жизни имеются мазохистские тенденции, которым мы могли бы приписать такое превращение. Ближайшее исследование отдельных таких сновидений показывает, однако, еще нечто другое. В туманном вступлении к одному из моих сновидений о работе в лаборатории я увидел себя как раз в том возрасте, к которому относится тот безрадостный и неудачный период моей медицинской карьеры; у меня не было еще должности и я не знал еще, как устроить свою жизнь; неожиданно, однако, я понял, что должен выбрать одну из нескольких невест, которых мне сватают. Таким

образом, я был снова молод, и, главное, была молода снова она, женщина, разделившая со мною долгие годы тяжелой жизненной борьбы. Тем самым раскрывается одно из неизбежных и естественных желаний стареющего человека, послужившее бессознательным возбудителем сновидения. Борьба между самодовольством и самокритикой, разыгравшаяся в других психических слоях, хотя и обусловила содержание сновидения, однако, лишь более глубоко коренившееся желание молодости дало возможность этому содержанию проявиться в форме сновидения. Ведь действительно человек очень часто думает: сейчас мне хорошо, тяжелое время позади; но все-таки и тогда было недурно, тогда я был еще молод.

При рассмотрении сновидений, сообщаемых писателем, можно почти всегда предполагать, что он опускает кажущиеся ему излишними и несущественными детали содержания сновидения. Его сновидения дают нам поэтому ряд загадок, легко разрешимых при точной передаче содержания сновидения.

О. Ранк обратил мое внимание на то, что в сказке братьев Гримм о храбром портном сообщается аналогичное сновидение. Портному, ставшему зятем короля, снится однажды ночью его прежняя профессия; он говорит вслух во сне, и принцесса, его жена, в которой пробуждается подозрение, ставит в следующую ночь подле него людей, которые должны записать его слова. Но портной предупрежден, и все кончается к общему благополучию.

Сложный комплекс процессов подавления, сгущения и превращения, после которых аффекты в мыслях, лежащих в основе сновидения, включаются наконец в его содержание, проявляется наглядно при умелом синтезе вполне анализированных сновидений. Я приведу здесь еще несколько примеров роли аффектов в сновидениях.

V. В сновидении о странном поручении, данном мне старым Брюкке, препарировать свое собственное тело, я не испытываю даже в самом сновидении ужаса (Grau-ep). Это несомненное осуществление желания и не в одном только смысле. Препарирование означает самоанализ, производимый мною путем опубликования моей книги о сновидениях: опубликование это было действительно мне так неприятно, что я отложил печатание уже совершенно готовой рукописи больше чем на год. У меня появляется, однако, желание устранить это неприятное чувство, поэтому-то я и не испытываю в сновидении ужаса (Graueh). "Grauen" (седины) в другом смысле мне бы тоже хотелось избежать: мои волосы сильно поседелели, и это "Grauen" (седины) побуждают меня перестать колебаться. Мы же знаем, что в конце сновидения, находит выражение та мысль, что мне придется предоставить уже своим детям достичь цели тяжелого странствования.

В двух сновидениях, переносящих чувство удовлетворения на первые мгновения бодрствования после пробуждения, это удовлетворение мотивируется в одном случае моим ожиданием, что я сейчас узнаю, что значит: "мне уже это снилось", в другом же — уверенностью, что сейчас произойдет нечто, что "предсказано предзнаменованием"; это чувство удовлетворения то же самое, с которым я в свое время приветствовал появление на свет второго сына. Здесь в сновидении остались те же аффекты, которые были в мыслях, скрывавшихся за ними, однако далеко не во всех сновидениях дело обстоит так просто. Углубившись немного в анализ их обоих, мы увидим, что это удовлетворение, не подлежащее воздействию цензуры, получает подкрепление из источника, который имеет основание бояться цензуры и аффект которого, наверное, вызвал бы конфликт, если бы он не скрылся за однородным, вполне допустимым аффектом удовлетворения из другого, вполне дозволенного источника. К сожалению, я не могу подтвердить этого на примере сновидения, но пример из другой области сумеет наглядно иллюстрировать мою мысль. Предположим следующий случай: подле меня находится человек, которого я ненавижу, так что во мне возникает вполне естественное желание обрадоваться, если с ним произойдет какое-нибудь несчастье. Но это чувство противоречит моей моральности, я не решаюсь высказать это желание. Если затем с этим человеком действительно произойдет что-нибудь, то я подавлю свое удовлетворение по этому поводу и насильственно вызову у себя слова и мысли сожаления. Все, наверное, бывало в аналогичном положении. Но если ненавистный мне человек почему-либо действительно заслуженно вызовет всеобщее неудовольствие, то я буду иметь уже право свободно высказать свое удовлетворение по поводу того, что его постигла справедливая кара. В этом я буду уже единомышлен с другими, относящимися к нему совершенно беспристрастно. Я могу, однако, подметить, что мое удовлетворение будет интенсивнее, чем у других; оно получит подкрепление из источника моей ненависти, который до сих пор благодаря воздействию внутренней цензуры не мог выделить из себя аффект, теперь же при изменившихся условиях получил в этом отношении полную свободу. Такой случай имеет место в обществе всюду, где антипатичные лица или члены нелюбимого меньшинства в чем-либо оказываются виноваты. Их наказание соответствует тогда обычно не их вине, а вине плюс та, до сих пор безрезультатная антипатия, которая направлялась на них. Наказывающие совершают при этом несомненную несправедливость, но не сознают ее благодаря сопротивлению того чувства удовлетворения, которое доставляет им устранение столь продолжительного гнета, тяготившего их душу. В таких случаях аф-(б)ект, хотя и имеет основание, но лишь в отношении качества, но отнюдь не масштаба; успокоенная в одном пункте самокритика пренебрегает слишком легкомысленно вторым пунктом. Если раскрыть двери, то в них войдет обычно больше народу, чем это имелось в виду.

Та бросающаяся в глаза черта невротического характера, что поводы, возбуждающие аффекты, достигают результатов, качественно хотя и обоснованных, но количественно не соразмерных, объясняется только таким образом, поскольку это вообще допускает психологическое объяснение. Излишек проистекает в этих случаях из остающихся неосознанными, до сих пор подавленных источников аффектов, которые могут войти в ассоциативную связь с реальным поводом, и для проявления аффектов которых безупречный и дозволенный источник последних открывает желанный путь. Это указывает нам на то, что мы должны учитывать не только взаимное подавление между пода-

вленной и подавляющей душевной инстанцией. Столь же большого внимания заслуживают и те случаи, в которых обе инстанции благодаря совместному действию и обоюдному подкреплению вызывают патологический эффект. Эти лишь намеченные нами в общих чертах принципы психической механики могут быть использованы нами для разъяснения роли аффектов в сновидении. Чувство удовлетворения, проявляющееся в сновидении и имеющееся, конечно, и в мыслях, не вполне, однако, разъясняется этим. Обычно приходится отыскивать второй ее источник в мыслях, скрывающихся за сновидением. На этом источнике лежит гнет цензуры; под влиянием этого гнета он дал бы не удовлетворение, а другой противоположный аффект, но наличие первого источника дает ему возможность уклониться от оттеснения своего аффекта удовлетворения и найти ему подкрепление в этом другом источнике. Благодаря этому аффекты в сновидении сложны по своему происхождению и столь же сложно детерминируются в материале мыслей; источники аффектов, могущие дать один и тот же аффект, вступают в сновидении во взаимодействие для образования такого.

Некоторое освещение этого запутанного вопроса дает анализ прекрасного по своей конструкции сновидения, в котором центральное место занимает выражение "поп vixit". В этом сновидении проявления аффектов различного характера сталкиваются в двух местах явного содержания. Враждебные и неприятные ощущения скрещиваются там, где я уничтожаю двумя словами своего друга. В конце сновидения я радуюсь и с удовлетворением констатирую возможность (признаваемую в бодрствующем состоянии абсурдной) уничтожать противников одним лишь сильным желанием.

Я не сообщал еще мотивов этого сновидения. Они чрезвычайно существенны и приводят нас непосредственно к пониманию сновидения. От своего друга в Берлине (которого я назвал Фл.) я получил известие, что ему предстоит операция и что о состоянии его здоровья мне будут сообщать его родственники, живущие в Вене. Я бы, наверное, сам поехал к нему, но как раз в то время страдал мучительными болями, мешавшими мне двигаться. Из мыслей, скрывающихся за сновидением, я узнаю, что я опасался за жизнь близкого мне друга. Его единственная сестра, которой я не знал, умерла в молодости после непродолжительной болезни. (В сновидении: Фл. рассказывает о своей сестре и говорит, что в три четверти часа ее не стало.) Я, очевидно, подумал, что и его натура, наверное, не более сильная и что после грозных известий я все равно поеду к нему — и опоздаю, что станет для меня источником вечных упреков. Эта фантазия из бессознательных мыслей, скрывающихся за сновидением, требует властно поп visit вместо поп vixit: "Ты опоздал, его нет уже в живых". Что и явное содержание сновидения указывает на "поп visit", мы говорили уже выше. Этот упрек в опоздании стал центральным пунктом сновидения, но нашел свое выражение в той сцене, в которой почтенный учитель моих студенческих лет Брюкке упрекает меня страшным взглядом своих голубых глаз. Что именно вызвало оттеснение этой сцены, мы скоро увидим; само ее сновидение не может воспроизвести в точности так, как я ее пережил. Оно хотя и предоставляет другому голубые глаза, но возлагает на меня уничтожающую роль; превращение это, несомненно есть средство осуществления желания. Забота о здоровье друга, упрек, что я не еду к нему, мой стыд (он случайно приехал ко мне в Вену), моя потребность привести в свое оправдание болезнь — все это вызывает целую бурю чувств, ясно ощущаемую во сне и бушующую в этой области мыслей, скрывающихся за сновидением.

В мотивах сновидения было, однако, еще нечто другое, оказавшее на меня совершенно противоположное действие. Вместе с неблагоприятными известиями об операции я получил настойчивую просьбу никому о ней не рассказывать; просьба эта оскорбила меня, так как была равносильна недоверию к моей скромности. Хотя я и знал, что эта просьба не исходит от моего друга, а объясняется бестактностью или, быть может, волнением посредников, но скрытый в ней упрек все же обидел меня, потому что он был не совсем безоснователен. Это не относится, правда, к данному случаю, но в молодости, будучи близок с двумя неразлучными друзьями, я проговорился одному из них о том, что сказал про него другой. Я не забыл упреков, которые мне пришлось тогда услышать. Одним из друзей, между которыми я посеял тогда семя раздора, был профессор Флейшль, другого звали Иосиф, так зовут и появляющегося в сновидении моего друга П.

Об упреке в том, что я не умею хранить чужих тайн, свидетельствует в сновидении вопрос Ф., что я собственно, рассказал о нем П. Включение этого воспоминания переносит упрек в опоздании из настоящего в то время, когда я работал в лаборатории Брюкке; замещая второе лицо в сцене "уничтожения" Иосифом, я заставляю эту сцену изобразить не только упрек в опоздании, но и другой, более подвергшийся смещению, в том, что я не умею хранить чужие тайны. Процессы сгущения и смещения в сновидении, а также и мотивы их бросаются здесь сразу в глаза.

Незначительная в настоящее время досада по поводу просьбы хранить операцию моего друга в тайне, черпает себе, однако, подкрепление из источников, протекающих в глубине, и превращается в целый поток враждебных чувств к лицам, которых в действительности я очень люблю. Источник, дающий это подкрепление, берет свое начало из детства. Я уже говорил, что все дружеские и враждебные чувства допускают сведение к моим отношениям с племянником, бывшим на год старше меня; он угнетал меня, я научился бороться с ним; в общем, мы жили мирно и любили друг друга, хотя, как свидетельствуют показания наших родителей, нередко дрались и жаловались один на другого. Все мои позднейшие друзья воплощали для меня в известном смысле этого первого друга-врага. Близкий друг и ненавистный враг были всегда необходимыми объектами моего чувства; я бессознательно старался постоянно вновь находить себе их, и детский идеал нередко осуществлялся в такой даже мере, что друг и враг сливались в одном лице, понятно, не одновременно, как то было в период моего раннего детства.

Каким образом, однако, при таких условиях "свежий" повод к аффектам может сводиться к детским переживаниям, чтобы уступить им свое место для объяснения аффекта, я здесь рассматривать не стану. Это относится к психологии бессознательного мышления и к психологическому объяснению неврозов. В целях толкования снови-

дений достаточно предположить, что перед нами всплывает или фантастически образуется воспоминание детства следующего содержания: двое детей спорят из-за какой-нибудь вещи, из-за какой для нас сейчас безразлично, хотя воспоминание или иллюзия такого имеет в виду вещь вполне определенную; каждый утверждает, что он пришел первым, что вещь принадлежит ему; дело доходит до драки, сила торжествует над правом; по данным сновидения я сознавал, вероятно, что был неправ (я сам замечаю свою ошибку), но на сей раз победа остается на моей стороне, поле сражения за мной, побежденный спешит к деду, жалуется на меня, и я защищаюсь словами, сообщенными мне впоследствии отцом: я бил его потому, что он меня бил. Таким образом, это воспоминание, или, вернее, фантазия возникающая у меня во время анализа сновидения является элементом мыслей, скрывающихся за ним, элементом, который собирает аффекты, имеющиеся в наличии в этих мыслях, все равно как бассейн — стекающие со всех сторон воды. Отсюда же мысли направляются следующими путями: тебе пришлось уступить мне — и поделом; почему ты не хотел уступить мне добровольно? Мне тебя не нужно, я найду другого товарища, с которым я буду играть и так далее. Затем открываются и пути, по которым эти мысли поступают в сновидение. В таком "ote — toi que je тy mette"¹¹² я, по всей вероятности, упрекал в свое время своего друга Иосифа. Читателю может броситься в глаза, что имя Иосиф играет столь видную роль в моих сновидениях (ср. сновидение о дяде). а лицами, носящими это имя, я особенно легко могу скрывать свое "я", так как библейский Иосиф был, как известно, толкователем сновидений. Он поступил после меня в лабораторию Брюкке, но подвигаться вперед по службе там было очень трудно. Ассистенты сидели на местах крепко, и молодежь пришла в нетерпение, мой друг не постеснялся и вслух выразил свое нетерпение. Так как ассистент, на место которого он рассчитывал, был человек больной, то желание, чтобы он уступил свое место, было довольно двусмысленно. Вполне понятно, что и я несколько лет до того испытывал такое же желание; всюду, где имеется иерархия, открыт путь для желаний, нуждающихся в подавлении. У Шекспира принц у постели больного отца не может побороть искушения попробовать, к лицу ли ему корона. Но сновидение карает это безнравственное желание, конечно, не меня, а его.

"Он был властолюбив, и я уничтожил его". Он не мог подождать, пока другой освободит ему место, и за это сам был устранен. Эти мысли появились у меня непосредственно после присутствия на открытии памятника в университете. Часть испытанного мною в сновидении удовлетворения означает, следовательно: справедливое возмездие, ты его заслужил.

При погребении этого друга один молодой человек позволил себе некорректное замечание: оратор говорил так, как будто свет не сможет существовать без этого одного человека. В нем говорило, в сущности, неудовольствие искреннего человека, в котором искренняя скорбь была нарушена излишним преувеличением. Но с этим замечанием связываются следующие мысли: нет незаменимой утраты; скольких похоронил я уже, а сам я все еще жив, я пережил их всех, место осталось за мной. Подобная мысль как раз в тот момент, когда я боюсь не застать своего друга в живых, допускает и дальнейшее развитие: я радуюсь, что переживу еще одного человека, что умер не я, а он, что победа осталась за мной, как в вышеупомянутом эпизоде детства. Это проистекающее из детских источников удовлетворение покрывает почти весь аффект, воспринятый сновидением. Я радуюсь, что я пережил другого, я выражаю это с наивным эгоизмом одного из супругов в анекдоте: "Когда один из нас умрет, я перееду в Париж". Для меня нет никакого сомнения в том, что этим "одним" буду не я.

Нельзя не признать того, что толкование и сообщение собственных сновидений представляет собою большое самопожертвование. Приходится обрисовывать себя каким-то злым духом посреди всех тех благородных, с которыми разделяешь жизнь. Я нахожу поэтому вполне естественным, что противники существуют лишь до тех пор, пока их терпишь, и что их можно устранить желанием. Таким образом, за это и наказан мой друг Иосиф. Противники являются, однако, последовательными воплощениями друга моего детства; я, следовательно, испытываю удовлетворение и по поводу того, что постоянно замещал его кем-нибудь и что теперь снова найду заместителя тому, кого боюсь потерять. Нет незаменимой утраты.

Где тут, однако, цензура сновидения? Почему не предьявляет она настойчивого протеста против этих грубо эгоистических мыслей и не превращает связанного с ними удовлетворения в тягостное чувство досады. Я полагаю, лишь потому, что другие безупречные мысли по поводу этого же человека вызывают то же чувство удовлетворения и своим аффектом покрывают чувство, проистекающее из запретного источника детства. В другой сфере мыслей при вышеупомянутом открытии памятника я сказал себе самому: я потерял уже столько близких друзей, одни умерли, с другими мы разошлись; как хорошо все-таки, что я нашел им замену, что я приобрел друга, который дороже мне всех других и которого я теперь в возрасте, когда дружеские отношения завязываются с большим трудом, сумею сохранить навсегда. Удовлетворение по поводу того, что я нашел замену умершему другу, я могу беспрепятственно перенести в сновидение, но за этой заменой прокрадывается и удовлетворение враждебного характера из детского источника. Детское нежное чувство несомненно способствует укреплению нынешнего, вполне обоснованного; однако и детская неприязнь проложила себе путь в содержание сновидения.

В сновидении имеется, однако, отчетливое указание еще на одну нить мыслей, которая может быть связана с чувством удовлетворения. У моего друга недавно после долгого ожидания родилась дочка. Я знал, как горевал он по своей преждевременно умершей сестре, и написал ему, что на этого ребенка он перенесет ту любовь, которую он питал к сестре; эта маленькая девочка поможет ему забыть, наконец, незаменимую утрату.

Таким образом, и этот ряд связывается, в свою очередь, с промежуточными мыслями скрытого содержания сновидения, из которого пути расходятся по самым различным направлениям: нет незаменимой утраты. Все, что

утрачиваешь, вновь возвращается. Ассоциативная связь между противоречащими элементами мыслей, лежащих в основе сновидения, становится теснее благодаря тому случайному обстоятельству, что маленькую дочку моего друга зовут так же, как подругу моего детства, сестру моего друга и противника и мою ровесницу. Я услышал имя "Полина" с удовлетворением, для указания на это совпадение я заменил в сновидении одного Иосифа другим и счел невозможным устранить созвучие в фамилиях: Флейшль и др. Отсюда нить мыслей отходит к наименованию моих собственных детей. Я же стоял на том, чтобы их назвали не модными именами, а именами в память близких лиц. Это опять-таки относится непосредственно к сновидению. И, наконец, разве дети, потомство" — не единственная для нас возможность бессмертия?

Относительно аффектов в сновидении я ограничусь еще несколькими замечаниями с другой точки зрения. В душе спящего может быть в наличии в качестве доминирующего элемента склонность к аффекту, которую мы называем настроением и которая может оказать определяющее воздействие на сновидение. Это настроение может вызываться переживаниями и мыслями предыдущего дня, но может иметь и соматический источник; в обоих случаях, однако, оно сопровождается соответствующими ему мыслями. То, что эти представления, содержащиеся в мыслях, лежащих в основе сновидения, в одном случае непосредственно обуславливают аффект, в другом же лишь впоследствии вызываются общим настроением, по-видимому, соматического характера, для образования сновидения совершенно безразлично. Последнее раз и навсегда подлежит тому ограничению, что может изображать лишь то, что входит в осуществление желания и что свою психическую движущую силу оно может заимствовать исключительно у желания. Настроение претерпевает то же, что и ощущение, появляющееся во время сна: оно либо совершенно не принимается во внимание, либо же истолковывается в смысле осуществления желания. Тягостные настроения во время сна становятся поводами к сновидению: они пробуждают настойчивые желания, которые сновидение должно осуществить. Материал, с которым они связаны, до тех пор перерабатывается, пока он не становится пригоден для изображения осуществления желания.

Чем интенсивнее и существеннее элемент тягостного настроения в мыслях, скрывающихся за сновидением, тем увереннее наиболее подавленные желания воспользуются возможностью найти себе выражение: наличие тягостного чувства, которое в противном случае им пришлось бы вызывать самим, облегчает им наиболее трудную часть работы, предпринятой ими в целях своего изображения. Тем самым мы подходим снова к проблеме сновидений страха, которая представляет собой, как мы увидим, предел для деятельности сновидения.

з) Вторичная обработка. Переходим, наконец, к рассмотрению последнего из четырех моментов, принимающих участие в образовании сновидений.

Если продолжить анализ содержания сновидения вышеуказанным образом, исследуя происхождение резко выраженных элементов его в мыслях, скрывающихся за сновидением, то в конце концов найдутся элементы, истолкование которых требует установления новых предпосылок. Я напомним о тех случаях, когда грезящий удивляется, сердится, сопротивляется против какого-нибудь элемента содержания сновидения. Большинство этих проявлений критики в сновидении направлено, однако, не на содержание последнего: все они оказываются перенесенными и соответственно использованными частями материала сновидения, что я и старался показать на примерах. Кое-что, однако, не допускает такого рода сведения; коррелята ему в материале сновидения не имеется. Что означает, например, нередкая в сновидении критика: ведь это мне только снится? Это уж настоящая критика сновидения, которая могла быть высказана в бодрствующем состоянии. Очень часто она предшествует пробуждению; еще чаще ей самой предшествует неприятное чувство, успокаивающееся после констатации наличия сновидения. Мысль: "ведь это мне только снится", возникающая в самом сновидении, преследует, однако, ту же цель, что и в устах Прекрасной Елены в офенбаховской оперетке: она старается умалить значение только что пережитого и облегчить ожидание последующего. Она служит для успокоения цензирующей инстанции, которая в данный момент имеет все основания заявить о своем существовании и запретить продолжение сновидения. Гораздо приятнее, однако, продолжать спать и спокойно претерпеть сновидение: "ведь это мне только снится". Я полагаю, что презрительная критика — "ведь это мне только снится" — лишь в том случае проявляется в сновидении, когда ни на минуту не засыпающая цензура чувствует себя обманутой допущенным ею сновидением. Подавлять его поздно, и она реагирует этой критикой на страх или на неприятное ощущение. Это проявление духа противоречия со стороны психической цензуры.

Этот пример дает, однако, бесспорное доказательство того, что не все, что содержит сновидение, проистекает из мыслей, скрывающихся за ним, а что добавление к его содержанию может давать и психическая функция, не отличимая от нашего бодрствующего мышления. Спрашивается только, происходит ли это лишь в исключительных случаях или же психическая инстанция, исполняющая обычно лишь роль цензуры, принимает постоянное участие в образовании сновидений?

Без всяких колебаний мы высказываемся в пользу второго предположения. Не подлежит никакому сомнению, что цензующая инстанция, воздействие которой сказывалось до сих пор лишь в ограничении содержания сновидения и в вычеркивании из него, способствует помимо этого его дополнению и осложнению. Эти дополнения зачастую заметить нетрудно; они сообщаются неуверенно, сопровождаются словами "как будто", "точно", не отличаются сами по себе особой живостью и располагаются всегда в тех местах, где могут служить для соединения двух частей содержания сновидения или для установления связи между ними. Они слабее запечатлеваются в памяти, чем истинные отпрыски материала сновидения: когда сновидение забывается, они исчезают в первую очередь, и я

сильно подозреваю, что наша частая жалоба: "нам снилось очень много, большинство мы забыли, припоминаются отдельные отрывки", покоится на мгновенном исчезновении именно этих соединительных мыслей. При исчерпывающем анализе эти дополнения обнаруживаются зачастую тем, что в мыслях, скрывающихся за сновидением, не находится соответствующего им материала. Однако при более тщательном рассмотрении я должен назвать этот случай чрезвычайно редким; в большинстве случаев дополняющие мысли допускают все же сведение их к материалу в мысли, лежащих в основе сновидения; материал этот, однако, ни благодаря своей ценности, ни вследствие де-терминирования отнюдь не мог бы претендовать на включение в сновидение. Психическая функция при образовании сновидения, рассматриваемая нами в настоящий момент, прибегает, по-видимому, лишь в самых крайних случаях к новообразованиям; поскольку, возможно, она использует то, что может найти подходящего в материале сновидения.

Эту часть деятельности сновидения отличает и обнаруживает, главным образом, ее тенденция. Эта функция преследует ту же задачу, какую поэт злобно приписывает философу: своими заплатами и лоскутами она штопает пробелы в конструкции сновидения. В результате ее работы сновидение утрачивает характер абсурдности и бессвязности и приближается к образу доступного пониманию реального переживания. Но старания ее не всегда венчаются успехом. Так мы находим сновидения, на первый взгляд безупречно логичные и осмысленные, они исходят из какой-нибудь вполне допустимой ситуации, подвергаются различного рода естественным изменениям и приводят к концу, который отнюдь нас не удивляет; последнее встречается, правда, значительно реже. Эти сновидения претерпевают коренную переработку со стороны психической функции, аналогичной бодрствующему мышлению; они, по-видимому, вполне осмысленны, но на самом деле смысл этот чрезвычайно далек от значения сновидения. При анализе убеждаешься, что вторичная обработка сновидения произвела произвольный переворот всего материала, особенно его внутренних взаимоотношений. Эти сновидения уже были, так сказать, истолкованы до нашего толкования их в бодрствующем состоянии. В некоторых сновидениях эта тенденциозная обработка простирается лишь на известную часть их; в этой части все связно и понятно, между тем как дальше сновидение становится абсурдным или запутанным; нередко, однако, абсурдность в дальнейшем ходе сновидения может снова смениться связностью. В других же сновидениях следов обработки вообще нет; мы беспомощно стоим перед бессмысленным хаосом отдельных отрывков содержания.

За этой известной, снообразующей силой, которая окажется сейчас нам превосходно знакомой, — из четырех факторов сновидения она в действительности наиболее доступна и близка нам — мне не хотелось бы категорически отрицать способности самостоятельно вносить в сновидение новые элементы. Ее воздействие, аналогично другим трем факторам, проявляется, правда, преимущественно в подборе и сортировке готового психического материала в мыслях, скрывающихся за сновидением. Есть один только случай, когда она в значительной степени избавляется от труда воздвигать как бы фасад для сновидения, избавляется благодаря тому, что в материале мыслей, скрывающихся за сновидением, имеется уже в готовом виде такой элемент, ожидающий только своего применения. Этот элемент я обычно именую "фантазией"; я избежну, вероятно, многочисленных недоразумений, если тотчас же сошлюсь на аналогию в состоянии бодрствования, на сновидения наяву. Роль этого элемента в нашей душевной жизни далеко не исчерпывающе выяснена и исследована психиатрией: почти единственное исключение в этом отношении составляет М. Бенедикт. От ничем не омрачаемого, пронизательного взгляда поэта не ускользает значение дневных сновидений; общеизвестно то место в "Набобе" Доде, в котором описывается аналогичное состояние одного из героев романа. Изучение психоневрозов приводит нас к тому неожиданному выводу, что эти фантазии или дневные сновидения являются ближайшими провозвестниками истерических симптомов, по крайней мере, целого ряда таковых; истерические симптомы связываются не с самими воспоминаниями, а с фантазиями, создаваемыми на почве последних. Частое проявление сознательных дневных фантазий дает нам возможность ближе познакомиться с такого рода явлениями; но, подобно таким сознательным фантазиям, имеется еще и множество оессознательных, которые остаются таковыми благодаря их содержанию, а также и происхождению от отодвинутого материала. Более глубокое проникновение в характер этих дневных фантазий показывает, что им присуща значительная часть особенностей сновидения, их исследование открыло бы нам ближайший и легкий путь к пониманию последних.

Подобно сновидениям, и они представляют собою осуществления желаний; подобно сновидениям, и они в значительной мере базируются на впечатлениях, оставленных детскими переживаниями; подобно сновидениям, и они для своих созданий пользуются некоторой снисходительностью со стороны цензуры. Исследуя их структуру, мы замечаем, что мотив желания, обуславливающий их деятельность, смешивает, преобразует и вновь сплавивает в одно целое материал, из которого они состоят. Они находятся почти в том же отношении к воспоминаниям детства, к которым могут быть с легкостью сведены, в каком многие римские дворцы в стиле барокко находятся к античным развалинам, плитняки и колонны которых дали материал для современной архитектуры.

Во "вторичной обработке", которую мы приписали нашему четвертому моменту образования сновидений, мы находим тот же процесс, который имеет возможность вне зависимости от внешних влияний проявляться при создании дневных сновидений, фантазий. Мы могли бы сказать даже прямо, что наш четвертый момент стремится из представленного ему материала создать нечто вроде дневного сновидения. Там, где такое дневное сновидение составлено уже в общей связи мыслей, там этот фактор тотчас же обратится к нему и будет способствовать включению его в содержание сновидения. Есть сновидения, которые состоят исключительно в повторении дневной фан-

тазии, оставшейся, быть может, неосознанной, так. например, сновидение мальчика о том, что он едет в колеснице вместе с героем Троянской войны. В моем сновидении "автодидаксер" вторая часть представляет собой полное и точное повторение самой по себе вполне невинной дневной фантазии о моем знакомстве с профессором Н. Комплекс условий, которым должно соответствовать сновидение при своем возникновении, способствует тому, что предшествующая фантазия образует лишь часть сновидения или что лишь одна ее часть проникла в содержание последнего. В остальном же фантазия претерпевает то же самое, что и Другие части скрытого материала. Однако она зачастую сохраняет и в сновидении форму законченного целого. В моих сновидениях часто содержатся места, сразу выделяющиеся совершенно отличным от других впечатлением. Они представляются мне более связными, но в то же время и более беглыми, чем другие части того же сновидения; я знаю, что это бессознательные фантазии, включенные в сновидение, но мне никогда еще не удавалось зафиксировать ни одной такой фантазии. Вообще же, эти фантазии, как и все другие составные части мыслей, скрывающихся за сновидением, подвергаются смещению, сгущению и проч.; есть, однако, и переходы между одной крайностью, когда они в неизменном виде образуют содержание сновидения или, по крайней мере, его фасад, и другой, когда они представляются в содержании сновидения лишь одним из своих элементов или же отдаленным намеком на таковой. Для участия фантазий в мыслях, скрывающихся за сновидением, чрезвычайно важно, какие выгоды представляют они по отношению к требованиям цензуры и необходимости сгущения.

При выборе примеров толкования сновидений я по возможности избегал сновидений, в которых бессознательные фантазии играют выдающуюся роль, так как включение этого психического элемента потребовало бы пространный изложения психологии бессознательного мышления. Совершенно обойти эти "фантазии" я все же не могу, так как они довольно часто полностью входят в сновидение и еще чаще весьма отчетливо обнаруживаются в нем. Я приведу еще одно сновидение, состоящее из двух различных, противоположных, но в некоторых местах совпадающих друг с другом фантазий, из которых одна носит поверхностный характер, другая же служит как бы для толкования первой. Хороший пример такого сновидения, возникшего из нагромождения нескольких фантазий, я подверг анализу в "Отрывке анализа истерии", 1905. Я должен сознаться, однако, что я преуменьшал значение этих фантазий для образования сновидений до тех пор, пока анализировал, преимущественно, свои собственные сновидения, в основе которых редко лежат дневные фантазии, а главным образом — споры и конфликты мыслей. У других лиц часто гораздо легче показать полную аналогию ночного сновидения с дневным.

Единственное сновидение, которое не было тщательно записано мною, сообщает приблизительно следующее:

"Грезящий, молодой холостой господин, сидит в ресторане. Вдруг появляются несколько лиц, они пришли за ним, среди них один хочет его арестовать. Он говорит своим соседям по столику: "Я заплачу потом, я вернусь". — Но те замечают с иронической улыбкой:

"Старая песня, все так говорят". Один из посетителей кричит ему вслед: "Еще один уходит!" Его приводят в какое-то тесное помещение, где он видит женщину с ребенком на руках. Один из его спутников говорит: "Это господин Мюллер". Комиссар или еще какой-то чин перебирает пачку бумаг и повторяет при этом: "Мюллер, Мюллер, Мюллер!" Наконец он задает ему вопрос, на который тот отвечает утвердительно. Вслед за этим он оглядывается на женщину и замечает, что у нее появилась длинная борода".

Обе составные части разделить тут нетрудно. Поверхностный характер носит фантазия об аресте; она создана, по-видимому, заново деятельностью сновидения. За ней, однако, в качестве материала, претерпевшего небольшое изменение, обнаруживается фантазия о женщине; черты, общие им обоим, проступают, как в смешанной фотографии Гальтона, особенно ярко. Обещание холостяка вернуться в ресторан, недоверие его наученных опытом собутыльников и восклицание "еще один уходит" (женится) — все это чрезвычайно характерные и вполне понятные симптомы. В равной мере и утвердительный ответ, даваемый полицейскому чину. Перебирание пачки бумаг, при котором повторяется одно и то же имя, соответствует второстепенной, но тоже характерной черте свадебной церемонии — прочтению целой кипы поздравительных телеграмм, повторяющих одно и то же имя. В конкретном появлении невесты в этом сновидении фантазия о женщине одержала победу даже над покрывающей ее фантазией об аресте. То, что у этой невесты в конце появляется борода, я мог разъяснить лишь при помощи одной справки (анализа я вооб-Ще не производил). Грезящий провел вечер накануне сновидения со своим другом, таким же противником брака, как и он сам. Проходя по улице, они встретили какую-то красивую брюнетку. Грезивший обратил на нее внимание своего друга. Но тот только ответил: "Да, если бы только у этих женщин не вырастали с годами бороды, как у их отцов!"

Разумеется, и в этом сновидении нет недостатка в элементах, которые подверглись более сильному изменению со стороны искажающей деятельности сновидения. Так, например, фраза "я заплачу потом" намекает, очевидно, на возможный образ действий тестя в отношении приданого. По всей вероятности, различного рода соображения препятствуют грезящему всецело отдаться фантазии о женитьбе. Одно из этих соображений — опасение, что человек после женитьбы теряет свободу — воплотилось в сцене ареста.

Указывая еще раз на то, что деятельность сновидения охотнее пользуется найденной ею в готовом виде фантазией, чем составляет само таковую из материала мыслей, скрывающихся за сновидением, мы тем самым разрешаем, быть может, одну из наиболее интересных загадок сновидения. В начале книги я сообщил одно сновидение Мори (48):

"Во время сна валик дивана, на котором он спал, откинулся назад; он ударился затылком о край дивана, и ему приснился целый роман из эпохи великой революции". Так как сновидение это передается в чрезвычайно связной

форме и объяснение его сводится к воздействию внешнего раздражения, о наступлении которого спящий не мог ничего знать, то остается только предположить, что все это сложное сновидение сложилось в короткий промежуток времени между падением головы спящего и его пробуждением от этого. Мы никогда не решились бы приписать бодрствующему мышлению такой быстроты и приходим поэтому к тому заключению, что деятельность сновидения отличается изумительной быстротой своих процессов.

Против этого чрезвычайно распространенного вывода решительно восстали новые авторы (Ле Лоррен (45), Эгге (20) и др.). Они отчасти сомневаются в точности передачи самим Мори его сновидения, отчасти же стараются показать, что скорость нашего бодрствующего мышления отнюдь не меньше скорости работы сновидения. Спор этот поднимает целый ряд принципиальных вопросов, разрешение которых, на мой взгляд, не так еще близко. Я должен, однако, признаться, что аргументация, например, Эггера, против сновидения Мори о гильотине не производит на меня убедительного впечатления. Я предложил бы следующее толкование этого сновидения. Есть ли что-либо невероятное в том, что сновидение Мори представляет собой фантазию, которая в готовом виде сохранилась в его памяти и пробудилась в тот момент, когда он испытал раздражение? При этом отпадает прежде всего трудность составления столь длинной истории со столькими деталями в короткий промежуток времени, имеющийся в распоряжении грезящего; вся она составлена уже заранее. Если бы Мори коснулся затылком деревяшки в бодрствующем состоянии, то тут было бы место для мысли: это все равно как когда человека гильотинируют. Так как, однако, он ударился во сне, то деятельность сновидения поспешно использует раздражение для создания осуществления желания, словно думая при этом: "Сейчас как раз удобный случай воплотить фантазию, образованную тогда-то и тогда-то при чтении". То, что пригрезившийся роман как раз соответствует фантазиям, обычно возникающим у юношей под влиянием сильных впечатлений, не подлежит, на мой взгляд, ни малейшему сомнению. Кто не увлекался эпохой террора, когда аристократия, мужчины и женщины, цвет наций показывал, как можно радостно умирать и до самого зловещего конца сохранять свежесть остроумия и красоту души! Как соблазнительно представлять себя молодым человеком, галантно целующим руку у своей дамы перед тем, как взойти на эшафот. Или, если главным мотивом фантазии служит честолюбие, воплощаться в одну из тех могучих личностей, которые одной лишь силой своих мыслей и своего пламенного красноречия властвовали над городом, где в то время билось сердце человечества, убежденно посылали на смерть тысячи людей, прокладывали новые пути истории Европы и сами в конце концов подставляли головы под нож гильотины — разве не соблазнительно представить себя каким-нибудь жирономистом или Дантоном! То, что фантазия Мори носила именно такой честолюбивый характер, доказывает один элемент, сохранившийся в памяти: "окруженный огромной толпой".

Вся эта готовая фантазия не должна вовсе проявиться во сне во всей своей полноте; совершенно достаточно, если ее только "касаются". Я разумею здесь следующее. Если на музыкальном инструменте раздаются несколько тактов и кто-нибудь, как в "Дон-Жуане", говорит: "Это из "Свадьбы Фигаро" Моцарта", то в душе сразу всплывает хаос воспоминаний, из которого не доходят до сознания отдельные детали. Эти несколько тактов служат раздражением. Раздражение возбуждает психическую инстанцию, открывающую доступ к фантазии о гильотине. Но последняя проявляется уже не во сне, а в воспоминании проснувшегося. Проснувшись, человек припоминает фантазию во всех ее деталях; в сновидении же был лишь намек на всю ее в целом. При этом у него нет никаких доказательств того, что он вспоминает нечто, действительно виденное им в сновидении. То же объяснение — что тут идет речь о готовых фантазиях, пробуждаемых при помощи раздражения, — можно приложить и к другим сновидениям, связанным с каким-либо определенным раздражением при пробуждении. Таково, например, сновидение Наполеона при взрыве адской машины. Я отнюдь не утверждаю, однако, что все такие сновидения допускают это объяснение или что проблема ускоренной деятельности сновидения этим всецело исчерпывается.

Нам приходится остановиться здесь на отношении этой вторичной обработки содержания сновидения к остальным факторам деятельности последнего. Не происходит ли дело таким образом, что сновидения образующие факторы, сгущение, старание избежать цензуры и отношение к изобразительности предварительно создают из материала временное содержание сновидения и что последнее подвергается затем изменению до тех пор, пока не удовлетворяет по возможности требованиям второй инстанции? Это маловероятно. Следует скорее предположить, что эта инстанция выставляет с самого начала одно из условий, которым должно соответствовать сновидение, и что это условие наравне с условиями сгущения, сопротивления, цензуры и изобразительности оказывает решающее воздействие на обильный материал мыслей, скрывающихся за сновидением. Из четырех условий образования сновидений последнее во всяком случае наименее стесняет сновидение. Идентификация этой психической функции, которая совершает так называемую вторичную обработку содержания сновидения, с деятельностью нашего бодрствующего мышления с большой вероятностью явствует из следующего: наше бодрствующее (предсознательное) мышление относится к любому материалу восприятия совершенно так же, как указанная функция к содержанию сновидения. Для него вполне естественно приводить такой материал в порядок, создавать в нем логическую связь. Мы заходим в этом даже чересчур далеко; кунштюки карточных игроков подражают нам, основываясь на этой нашей интеллектуальной способности. В стремлении логически связать имеющиеся в наличии чувственные восприятия мы совершаем зачастую самые странные ошибки или же искажаем даже правдивость имеющегося в нашем распоряжении материала. Относящиеся сюда примеры слишком общеизвестны и не требуют подробного перечисления. Мы не замечаем искажающих смысл опечаток, создавая себе иллюзию правильности. Редактор одного распространенного французского журнала держал пари, что он в каждую фразу длинной статьи вставит сло-

ва "спереди" или "сзади", и ни один читатель этого не заметит. Он выиграл пари. Курьезный случай неправильного сопоставления я вычитал несколько лет назад в газете. После того заседания французской палаты, когда Дююю своим хладнокровным возгласом "Заседание продолжается" предотвратил панику¹¹³, которая едва не возникла, когда разорвалась брошенная анархистами в зал бомба, публика, сидевшая на галерее, подверглась допросу по поводу покушения. Среди этой публики было двое провинциалов; один из них показал, что после речи депутата он хотя и услышал взрыв, но подумал, что таков уж парламентский обычай — выстрелом оповещать об окончании речи оратора. Другой же, слышавший, по-видимому, нескольких ораторов, впал в ту же ошибку с той лишь разницей, что выстрелами салютуют всем особенно отличившимся ораторам.

Таким образом, не какая-либо другая психическая инстанция, а исключительно наше нормальное мышление требует от содержания сновидения, чтобы оно было понятно, подвергает его первому толкованию и тем самым способствует только его затемнению. Мы при толковании должны придерживаться следующего правила: на мнимую связность сновидения, ввиду ее неизвестного происхождения, обращать внимание не нужно; как в отчетливом, так и в запутанном сновидении необходимо идти обратным путем, ко вскрытию его материала.

При этом мы замечаем, однако, от чего зависит вышеупомянутая шкала ясности и отчетливости сновидений. Отчетливыми нам представляются те части их, которые носят на себе следы вторичной обработки; спутанными те, где сила такой обработки ослабляется. Так как спутанные части сновидения зачастую и наименее отчетливые, то отсюда мы можем вывести заключение, что вторичная деятельность сновидения ответственна и за пластическую интенсивность отдельных его элементов.

Желая сравнить с чем-нибудь окончательный вид сновидения, получающийся при содействии нормальному мышлению, я не могу подобрать ничего более подходящего, чем те загадочные надписи, которыми в разделе "Смесь" забавляют многие журналы своих читателей. Какая-нибудь фраза, выраженная ради контраста на диалекте и имеющая, возможно, более шуточное значение, должна вызывать предположение, что она содержит латинскую надпись. С этой целью отдельные буквы располагаются в другом порядке. Местами действительно образуется настоящее латинское слово, местами нам представляются обрывки таких слов и местами, наконец, стершиеся буквы и пробелы надписи вводят нас в заблуждение относительно бессмысленности всего целого. Не желая обманываться, мы должны, не обращая внимания на все реквизиты надписи, считаться только с буквами и вопреки их данному расположению соединять их в слова нашего родного языка.

Я должен резюмировать теперь все наше пространное рассмотрение деятельности сновидения. Мы старались ответить на вопрос, применяет ли душа все свои способности во всей их полноте к образованию сновидений или же только часть их, стесненную в полном своем проявлении. Наше исследование заставляет нас вообще отказаться от такой постановки вопроса как от несоответствующей истинному положению дела. Если же, тем не менее, мы должны будем дать ответ в той же плоскости, в какой находится и вопрос, то нам придется ответить утвердительно на оба, по-видимому, исключаящие друг друга предположения. Душевная деятельность при образовании сновидения разлагается на две функции: на составление мыслей, скрывающихся за сновидением, и на превращение таковых в содержание последнего. Мысли, скрывающиеся за сновидением, составляются вполне корректно с затратой всех психических способностей, которыми мы обладаем. Эти мысли относятся к нашему не доходящему до сознания мышлению, из которого истекают путем некоторого превращения и сознательные мысли. Как ни любопытны и ни таинственны сами по себе эти загадки, они все же не имеют ничего общего со сновидением и не заслуживают включения их в число проблем сновидения. Напротив того, часть деятельности, превращающая бессознательные мысли в содержание сновидения, характерна для общей сущности последнего. Эта истинная деятельность сновидения гораздо дальше, однако, от бодрствующего мышления, чем предполагают даже те, кто наиболее решительно преуменьшает роль психической деятельности при образовании сновидения. Она вовсе не небрежнее, не слабее и не менее исчерпывающая, чем бодрствующее мышление: она представляет собой нечто совершенно отличное в качественном отношении и потому не может быть даже сравнена с нею. Она не мыслит, не считает, не судит, она ограничивается одним только преобразованием. Ее можно описать, приняв во внимание все те условия, которым должен удовлетворять ее продукт — сновидение. Этот продукт должен прежде всего быть устранен от влияния цензуры; с этой целью деятельность сновидения пользуется смещением психической интенсивности вплоть до полной переоценки всех психических ценностей. Воспроизведению подлежат мысли исключительно или преимущественно из материала зрительных и акустических следов воспоминаний; из этого требования вытекает для деятельности сновидения необходимость обращать внимание на изобразительность, что она и исполняет путем новых смещений. Если приходится создавать более интенсивные элементы, чем имеющиеся в наличии в мыслях, скрывающихся за сновидением, то этой цели служит обширное сгущение, совершаемое над составными частями мыслей. На логическую связь мыслей обращается внимания немного; она находит свое скрытое выражение в формальных особенностях сновидения. Аффекты мыслей, скрывающихся за сновидением, подвергаются меньшим изменениям, нежели круг представления в них. Обычно они подавляются. Только одна часть деятельности сновидения — непостоянная в своем масштабе переработка отчасти пробудившимся бодрствующим мышлением — соответствует взглядам большинства авторов на общую картину образования сновидений.

Из главы VII "Психология процессов сновидения"

Среди сновидений, сообщенных мне различными лицами, имеется одно, претендующее на особое наше внимание. Оно рассказано мне одной пациенткой, которая сама слышала его на одной лекции о сновидении; его истинный источник остался мне не известен. На эту даму оно произвело впечатление своим содержанием, она не преминула повторить его в своем сновидении.

Обстановка сновидения-образца была следующая. Один отец день и ночь сидел у постели своего больного ребенка. Ребенок умер, отец лег спать в соседней комнате, но оставил дверь открытой, чтобы из спальни видеть тело покойника, окруженное большими зажженными свечами. Около тела сидел старик и бормотал молитвы. После нескольких часов сна отцу приснилось, что ребенок подходит к его постели, берет его за руку и с упреком ему говорит: отец, разве ты, не видишь, что я горю? Он просыпается, замечает яркий свет в соседней комнате, спешит туда и видит, что старик уснул, а одежда и одна рука тела покойника успели уже обгореть от упавшей на него зажженной свечи.

ТЕКСТЫ ИЗ РАВВИНИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**1. Мидраш Берешит Рабба 89:8**

«И мы рассказали ему, и он истолковал нам сны наши, каждому по его сну толковал он. И как он истолковал нам, так и сбылось» (Бытие 41:12-13).

Одна женщина пришла к рабби Элиэзеру. Сказала она ему: — Я видела во сне, что раскололась балка у дома моего! Сказал он ей: — Ты зачнешь мальчика. Ушла она, и так и случилось с ней. Видела она во второй раз так. Пошла к рабби Элиэзеру и рассказала ему. Сказал он ей: — Ты зачнешь мальчика. И так и случилось с ней. Увидела и в третий раз то же самое. Пришла она к нему, но не нашла его. Сказала она его ученикам: — Я видела во сне, что раскололась балка у дома моего. Сказали они ей: Эта женщина похоронит мужа. Так и случилось. Услышал рабби Элиэзер об этом, сказал ученикам: Что случилось? Пересказали ему эту историю. Сказал он им: — Вы же человека убили! Разве не написано: “И как он истолковал нам, так и сбылось”? Сказал рабби Йоханан: — Все сны следуют за устами [толкователя], кроме вина: иногда пьющему хорошо, а иногда плохо. Мудрец пьет — и ему хорошо, невежда пьет — и ему плохо.

2. Иерусалимский Талмуд, трактат Маасер Шени 2:4, 55 6

Некто огорчился по поводу денег своего отца. И явилось ему во сне, что было их столько-то и что они в некоем месте. И привели этот случай перед мудрецами, и те сказали: Сны, не добавляют и не убавляют. Р. Йона сказал: Тот огорчился и увидел во сне, а ты говоришь так! Сказал раби Иосе: Но ведь это недостаточно, что сон явится человеку, который не огорчился. В этом случае то, что у человека есть, то он и видит! И сказал раби Авин: Всякий кто окажется в подобной ситуации пусть руководствуется словами рабби Иосе.

Один человек пришел к рабби Иосе бен Халафта и сказал ему: Я видел во сне, что сказали мне: «Иди в Каппадокию, и там ты найдешь деньги твоего отца!» Сказал ему: Ходил ли отец того человека в Каппадокию когда-либо? Ответил: Нет. Сказал ему: Ступай домой, отсчитай 20 досок, и там будут деньги твоего отца — *калпа докיא*.

ונספר לו ויפתר לנו וגו',
 כן הוה עובדא בההיא אנתתא דאתת לגבי רבי אלעזר
 אמרת ליה חמית בחלמי שריתא דביתי תבירא, אמר
 לה את ילדת בר דכר והוא חי, אזלת והוה לה כן, אתת
 זמן אוחרן למשאליניה אשכחיה תלמידיה יתבין תמן
 ורבהון לא הוה גביהן ואמרה להן ואן הוא רבכון, אמרו
 לה אימר לן מה דאת בעית ואנן אמרין לך, אמרה להון
 חמית בחלמי שריתא דביתי תבירא, אמרו לה ההיא
 אתתא קברה בעלה, כיון דנפקת מן גבהון שריא מייללא,
 שמע קלה ר' אלעזר אמר להון מה אמרתון להדא
 איתתא אמרין ההיא איתתא דאתת למשאל יתך אמר
 להון ומה אמרתון לה אמרו ליה כדין וכדין, אמר להון
 אובדתון גברא לא כן כתיב ויהי כאשר פתר לנו כן היה
 ולא כן א"ר יוחנן הכל הולך אחר הפתרון חוץ מן היין יש
 מי ששותה אותו וטוב לו ויש מי ששותה אותו ורע לו,
 תלמיד חכם שותה וטוב לו עם הארץ שותה ורע לו, א"ר
 אבהו דברי חלומות לא מעלין ולא מורידין

הרי שהיה מצטער על מעותיו של אביו נראה לו בחלום
 כך וכך הם ובמקו' פלוני הם אתא עובדא קומי רבין
 אמרין דברי חלומות לא מעלין ולא מורידין רבי יונה בעי
 מצטער וחמי ואת אמר הכין אמר רבי יוסי לא מסתברא
 דלא בהוא דלא מצטער וחמיברם הכא כמה דבר נש הוי
 הוא חלים
 אמר רבי אבין מאן דעבד יאות עבד כרבי יוסי

חד בר נש אתא לגבי דרבי יוסי בן חלפתא אמר ליה
 חמית בחילמאי מיתמר לי איזיל לקפודקיא ואת משכח
 מדלא דאבוך אמר ליה אזל אבוי דהוא גברא לקפודקיא
 מן יומוי אמר ליה לא אמר ליה איזיל מני עשר שריין גו
 בייתין ואת משכח מידלא דאבוך קפא דקוריא

Один человек пришел к рабби Йосе бен Халафта и сказал ему: Я видел во сне, что я ношу оливковый венец. Сказал ему: Суждено тебе вознестись. По прошествии дней пришел к нему другой и сказал: Я видел во сне, что я ношу оливковый венец. Сказал ему: Высекут тебя. Сказал ему: Тому человеку сказал «вознесут тебя», а мне ты говоришь «высекут тебя»? — У того были оливы в завязи, а у тебя оливы перед жимом.

Один человек пришел к рабби Ишмаэлю бен Йосе и сказал ему: Я видел во сне, что я поливаю оливы маслом! Сказал ему: Покинет дух того человека, он свою мать познал!

Один человек пришел к рабби Ишмаэлю бен Йосе и сказал: Я видел во сне, что один мой глаз слился с другим! — Покинет дух того человека, он свою сестру познал!

Один человек пришел к рабби Ишмаэлю бен Йосе и сказал: Я видел во сне, что у меня стало три глаза! — Печи ты строишь, и три глаза — два твоих и один — устье печи.

Один человек пришел к рабби Ишмаэлю бен р. Йосе и сказал ему: Я видел во сне, что у меня четыре уха. Сказал ему: Два уха твоих, а два у бурдюка.

Один человек пришел к рабби Ишмаэлю бен Йосе и сказал ему: Я видел во сне, что все люди меня сторонятся! Сказал ему: Ты будешь нести (тернии?), и все будут уступать тебе дорогу.

Один человек пришел к рабби Ишмаэлю бен Йосе и сказал: Я видел во сне, что я облачен в *пинакс* из двенадцати таблиц. Сказал ему: Платье того человека, есть в нем двенадцать лоскутов.

Один человек пришел к рабби Ишмаэлю бен Йосе и сказал: Я видел во сне, что я проглотил звезду! Сказал ему: Покинет дух того человека, он еврея убил, ибо сказано «Взойдет звезда от Яакова».

Один человек пришел к рабби Ишмаэлю бен Йосе и сказал: Я видел во сне, что виноградник того человека принес летук. Ответил ему: Вино того человека скиснет все и станет уксусом, и будет тебе во что макать летук.

Один человек пришел к рабби Ишмаэлю бен Йосе и сказал: Я видел во сне, что мне было сказано «брось пальцы свои, низойди». Сказал ему:

חד בר נש אתא לגבי דרבי יוסי בר חלפתא אמר ליה חמית בחילמאי לבוש כד כליל דזית א"ל דאת מתרוממא לבתר יומין אתא חד חורן אמר ליה חמית בחילמאי לביש כלילא דזית א"ל דאת מלקי א"ל לההוא גברא אמר' דאת מתרוממא ולי אמרת דאת מלקי אמ' ליה ההוא הוה בנציא בחבטיא

חד בר נש אתא לגבי דר' ישמעאל ברבי יוסי א"ל חמית בחלמאי משקה זיתא משח א"ל תיפח רוחיה דההוא גברא לאימיה הוא חכם

חד בר נש אתא לגבי ר' ישמעאל בי ר' יוסי א"ל חמית בחילמי עיני נשקה חבירתה אמר ליה תיפח רוחיה דההוא לאחתיה הוא חכם

חד בר נש אתא לגבי רבי ישמעאל בי רבי יוסי אמר ליה חמית בחילמאי אית לי תלתא עיינין אמר ליה תנורין את עביד תרתין עייניך ועייניה דתנורא

חד בר נש אתא לגבי רבי ישמעאל בי רבי יוסי אמר ליה חמית בחילמאי אית ליה ארבעה אודנין אמר ליה מלוי את תרתי אדניך ותרתי אודנוי דגרבא

חד בר נש אתא לגבי רבי ישמעאל בי רבי יוסי אמר ליה חמית בחילמאי ברייתא ערקין מן קומוי אמר ליה דאת מייתי איזיאי וכל עמא ערקין מן קדמך

חד בר נש אתא לגבי רבי ישמעאל בי רבי יוסי אמר ליה חמית בחילמאי לביש חד פינקס דתרי עשר לוחין אמר ליה איסטווא דההוא גברא אית בה תרי עשר מרקען

חד בר נש אתא לגבי רבי ישמעאל בי רבי יוסי א"ל חמית בחילמאי בלע חד כוכב א"ל תיפח רוחיה דההוא גברא יהודאי קטל דכתיב דרך כוכב מיעקב

חד בר נש אתא לקמיה דר' ישמעאל בי רבי יוסי אמר ליה חמית בחילמי כרמיה דההוא גברא מסיק חסין אמר ליה חמריה דההוא גברא מיפוק בסיס ואת מינסב חסין וצבע

חד בר נש אתא לגבי דרבי ישמעאל בי ר' יוסי אמר ליה חמית בחילמאי מיתמר לי הכין זרק אצבעתך נחת אמר ליה הב לי אגרי ואנא אמר לך אמר ליה חמית בחילמי

Заплати мне, и я скажу тебе. Сказал ему: Я видел во сне, что сказали мне: Ртом своим надувай! Сказал ему: Заплати мне, и я скажу тебе. Сказал ему: Я видел во сне, что сказали мне: Распрями пальцы свои. Сказал ему: Разве не сказал я тебе, заплати мне, и я скажу тебе? Когда сказали тебе первый раз, снизошел дождь на твою пшеницу. Когда сказали тебе во второй раз, взошла она, а в третий раз — зацвела она.

Один самаритянин сказал: Пойду я и потешусь над старцем иудейским! Пришел к нему и сказал: Я видел во сне, что четыре кедр и четыре сикаморы покрылись кожей коровы, и тот человек управляет их упряжкой. Сказал ему: Покинет дух того человека! Это не сон! Но даже если так, то с пустыми руками тебе не уйти! Четыре кедр — четыре стены твоего ложа, четыре сикаморы — четыре ножки, кожей устлано оно, и будет лежать на нем человек, ни жив, ни мертв! И так было.

Одна женщина пришла к рабби Элиэзеру. Сказала она ему: — Я видела во сне, что расколослась балка у дома моего! Сказал он ей: — Ты зачнешь мальчика. Ушла она, и так и случилось с ней. Видела она во второй раз так. Пошла к рабби Элиэзеру и рассказала ему. Сказал он ей: — Ты зачнешь мальчика. И так и случилось с ней. Увидела и в третий раз то же самое. Пришла она к нему, но не нашла его. Сказала она его ученикам: — Я видела во сне, что расколослась балка у дома моего. Сказали они ей: Эта женщина похоронит мужа. Так и случилось. Услышал рабби Элиэзер об этом, сказал ученикам: Что случилось? Пересказали ему эту историю. Сказал он им: — Вы же человека убили! Разве не написано: “И как он истолковал нам, так и сбылось”?

3. Мидраш Эйха Рабба, глава 1

Один самаритянин сделал себя толкователем снов и удивлял людей. Сказал р. Ишмаэль бен р. Иосе: пойду погляжу, как этот самаритянин удивляет людей! Пришел к тому один и сказал: Я видел во сне, что поливаю оливы маслом! Оливы — свет, и масло — свет, и свет умножится! Сказал р. Ишмаэль: Покинет дух того человека, он свою мать познал!

Пришел другой к нему и сказал: Я видел во сне, что один глаз проглотил другой. Глаз твой — свет, и другой — свет, свет прибудет к свету! Сказал р. Ишмаэль бен Иосе: Покинет дух того человека!

מיתמר לי הכין תיהוי נפח בפומך אמר ליה הב לי אגראי ואנא אמר לך אמ' ליה חמית בחילמי הכין זקיף אצבעך אמר ליה לא אמרית לך הב לי אגרי ואנא אמר לך כד דאיתמר לך הכין נחת דילפא בחיטך כד איתמר לך הכין אינפחן כד איתמר לך הכין צמחין

חד כותי' אמר אנא אזיל מפלי בהדין סבא דיהודאי אתא לגביה אמ' ליה חמית בחילמאי ארבעה ארזין וארבע שיקמין מקניתא אדרא תורתא וההוא גברא יתיב מדרך אמר ליה תיפח רוח

יה דההוא גברא לית הדין חלם אפילו כן לית את נפיק ריקן ארבעתי ארזי ארבעתי שיטתיה דערסא ד' שיקמי ארבעתי' כורעתא דערסא מקניתה מרגלתא אדרא ברא דתבנא תורתא אצבעתא והוא גברא יתיב מדרך והוא גברא רביע בגויה לא חיי ולא מיית וכן הוות ליה חדא איתא דאתיא לגבי ר' ליעזר אמרה ליה חמי' בחילמאי תיניתא דביתא מיתברא אמר לה דאת מולד בר דכר אזלה וילדה דכר בתר יומין אזלה בעיא ליה אמרין לה תלמידוי לית הוא הכא אמרין לה מה את בעיית מיניה אמרה לון חמית ההיא איתתא בחילמאי תינייתא דבייתא מיתברא אמרין לה דאת מוליד בר דכר ובעלה דההיא איתתא מיית כד אתא רבי לעזר תנון ליה עובדא אמר לון קטלתון נפש למה שאין החלום הולך אלא אחר פתרונו שנאמר ויהי כאשר פתר לנו כן היה

חד כותי עבד גרמיה פתר חלמין, הוה מפליא בבני אינשא, א"ר ישמעאל ב"ר יוסי אנא אזיל חמי היך הדין כותי מפליא בבני אינשא, אתא חד לגביה א"ל חמית בחלמי, משקה זיתא משח, א"ל זיתא נהור ומשחא נהור תא נהור על נהור, א"ר ישמעאל ב"ר יוסי תיפח רוחיה דההוא גברא וחכים הוא אימיה.

אתא אוחרן לגביה, א"ל חמית בחלמי חדא עיינא בלעא לחבירתא, א"ל עינך נהור וחבירתא נהור, תא נהור על נהור, א"ר ישמעאל ב"ר יוסי תיפח רוחיה דההוא גברא תרין בנין אית ליה, ואיתלבבין דין עם דין.

Два сына (двое детей) есть у него, и они ласкают друг друга.

Пришел другой к нему и сказал: Я видел во сне, что у меня четыре уха! Сказал ему: Тот человек станет великим, и все люди в мире будут ему послушны. Сказал р. Ишмаэль бен Иосе: Покинет дух того человека! Тот человек пьяница, и два уха — у него, а два уха — у его меха вина!

Пришел к нему другой. Сказал ему: Я видел во сне, что весь народ стоит предо мной! Сказал ему: Ты станешь великим. Сказал раби Ишмаэль бен Иосе: Покинет дух того человека! Он очищает канавы, и когда он волочит свою поклажу, все встают перед ним.

Пришел к нему другой. Сказал ему: Я видел во сне, что я проглотил звезду! Сказал ему: Ты — свет, и звезда — свет, и вот к свету свет, увидит тот человек великий свет! Сказал раби Ишмаэль бен Иосе: Покинет дух того человека! Человек этот иудея убил! И отсюда он это выучил: И вывел его наружу... (Быт 14:5)

Пришел к нему другой. Сказал ему: Я видел во сне что я несу *пинакс*, и в нем 24 таблицы, и я пишу на нем с одной стороны и стираю с другой. Сказал р. Ишмаэль бен р. Иосе: Покинет дух того человека! Плащ его стар, и на нем 24 прорехи, и он штопает его с одной стороны, тогда как тот рвется с другой стороны.

Пришел к нему другой и сказал ему: Я видел во сне одного, несущего тростник, и на голове у него ворох цикория. Сказал ему: Тростник — свет, и цикорий — свет, и ты узришь в свете свет. Сказал р. Ишмаэль: Да покинет дух того человека! Погреб его полон вина, и все оно прокисло и стало уксусом. Пойдет тот человек и будет цикорий в уксусе мариновать.

Пришел другой к нему и сказал: Я видел во сне, что весь народ на меня указывает глазами! Сказал ему: Ты станешь великим! И весь народ на тебя будет глядеть! Сказал ему р. Ишмаэль: Дай мне плату, и я истолкую тебе сон, чтобы ты не был в убытке. Сказал ему: Мой сон уже истолкован! Пришел к нему в другое время. Сказал: Я видел, что весь народ горланит предо мной! Сказал ему: Тот человек станет великим, и народ восхвалит его гортанями своими! Сказал ему р. Ишмаэль: Дай

אתא אוחרן לגביה, א"ל חמיתי בחלמי אית לי ארבעה אדנין, א"ל ההוא גברא סליק לרבו, וכל עלמא מציתין מילוי, א"ר ישמעאל ב"ר יוסי תיפח רוחיה דההוא גברא, גבר מלי מיין הוא תרתין דידיה ותרתין דקולתיה.

אתא אוחרן לגביה, א"ל חמיתי בחלמי כל עמא קיימין מן קדמי, א"ל את סליק לרבו, א"ר ישמעאל ב"ר יוסי תיפח רוחיה דההוא גברא, קשש כוכין הוא וכד הוא טעין מובלא כל עמא קיימין קודמוי.

אתא אוחרן לגביה, א"ל חמיתי בחלמי כל עמא קיימין מן קדמי, א"ל את סליק לרבו, א"ר ישמעאל ב"ר יוסי תיפח רוחיה דההוא גברא, קשש כוכין הוא וכד הוא טעין מובלא כל עמא קיימין קודמוי.

אתא אוחרן לגביה, א"ל חמיתי בחלמי בלעית חד כוכב, א"ל את נהור וכוכב נהור, הא נהור על נהור, ההוא גברא חמי נהור סגי, א"ל ר' ישמעאל ב"ר יוסי י תיפח רוחיה דההוא גברא, גברא יהודי קטל, מן הן מייתי ליה, מהכא, ויוצא אותו החוצה (בראשית טו ה).

אתא אוחרנן לגביה, א"ל חמית בחלמי טעין פנקס, ואית ביה עשרים וארבעה לוחין, ואנא כתיב מן הכא, ומחיק מן הכא, א"ל את סליק לרבו והוי עסקך רב, ואת הוי כתיב מן הכא, ומחיק מן הכא, א"ר ישמעאל ב"ר יוסי תיפח רוחיה דההוא גברא, חלוק שחוק אית ליה, ואית ליה עשרים וארבע מקרעין, ואת מחייט ליה מן הכא, ומתבזע ליה מן הכא.

אתא אוחרנן לגביה, א"ל חמיתי בחלמי חד טעין קני ובראשיה חד מסרא דטרוכסימון, א"ל קנה נהור וטרוכסימון נהור את חמי נהור בנהור. א"ר ישמעאל תיפח רוחיה דההוא גברא, אוצר אית ליה דחמרא וכוליה נפיק בסיס יזיל ההוא גברא וכבוש ביה טרכיסימון בכסימא.

אתא אוחרן לגביה, א"ל חמיתי בחלמי כל עמא מרמזין לי עיינין, א"ל את סליק לרבו, וכל עמא מרמזין לך עייניהון, א"ל ר' ישמעאל הב לי אגרא ואנא פתר לך חלמא דלא תחסר, א"ל הא כבר חלמי פתר, אתא לזמן אחרן לגביה, א"ל חמיתי כל עמא מנפחין לי בלוועיהון, א"ל ההוא גברא סליק לרבו וכל עמא משבחין לי בלוועיהון, א"ל ר' ישמעאל הב לי אגרא ואנא פתר לך דלא תחסר, א"ל הא כבר חלמי פתר. אתא לזמן אחרון לגביה, א"ל חמיתי בחלמי כל עמא מקלסין לי באצבעותיהון, א"ל ההוא גברא סליק לרבו וכל עמא

мне плату, и я истолкую тебе сон, чтобы ты не был в убытке. Сказал ему: Мой сон уже истолкован! Пришел к нему в другое время. Сказал: Я видел во сне, что весь народ прославляет меня своими пальцами. Сказал ему: Тот человек станет великим, и весь народ будет на него указывать пальцами. Сказал р. Ишмаэль: Покинет дух того человека! У того человека амбар пшеницы. Когда ты видел, что указывают на тебя глазами — промокли зерна. Когда ты видел, что голоса — взошли. Когда ты видел, что указывают пальцами — просли, и нет им более использования. Пошел, проверил и так было.

Один самаритянин сказал: Пойду я и потешусь над старцем иудейским! Пришел к нему и сказал: Я видел во сне, что четыре кедра и четыре сикаморы покрылись кожей коровы, и тот человек управляет их упряжкой. Сказал ему: Покинет дух того человека! Это не сон! Но даже если так, то с пустыми руками тебе не уйти! Четыре кедра — четыре стены твоего ложа, четыре сикаморы — четыре ножки, кожей устлано оно, и будет лежать на нем человек, ни жив, ни мертв! И так было.

Одна женщина пришла к рабби Элиэзеру. Сказала она ему: — Я видела во сне, что раскололась балка у дома моего! Сказал он ей: — Ты зачнешь мальчика. Ушла она, и так и случилось с ней. Видела она во второй раз так. Пошла к рабби Элиэзеру и рассказала ему. Сказал он ей: — Ты зачнешь мальчика. И так и случилось с ней. Увидела и в третий раз то же самое. Пришла она к нему, но не нашла его. Сказала она его ученикам: — Я видела во сне, что раскололась балка у дома моего. Сказали они ей: Эта женщина похоронит мужа. Так и случилось. Услышал рабби Элиэзер об этом, сказал ученикам: Что случилось? Пересказали ему эту историю. Сказал он им: — Вы же человека убили! Разве не написано: “И как он истолковал нам, так и сбылось”?

История про одного ученика, который сидел перед рабби Акивой. И тот обучал его, а тот не обучался. Сказал ему: Что с тобой, почему ты не обучаешься? Ответил ему: Я видел во сне три суровых речения. Сказал ему: Каковы они? Сказал ему: Так я видел: Нисана ты не увидишь, и в адаре умрешь и семья не пожнешь! Сказал ему: Все три они хороши, а не злы! Нисана не увидишь — не будете тебе испытания (нисайон)! В адаре умрешь — в величии (гадар) Торы почиешь! А семья не пожнешь, смерти рожденных тобой не увидишь! История про другого ученика который

макелסין ליה באצבעותיהון, א"ל ר' ישמעאל תיפח רוחיה דההוא גברא אוצר דחיטא אית ליה, וכד חמית בחלמא כל עמא מרמזין בעיניהון, דלפא נחית עליהון, וכד חמית כל עמא נפחין ליה בלוועיהון, הויין קיימין נפחין, וכד חמית כל עמא מקלסין ליה באצבעותיהון, דהא כבר צמיחו, ולית לך הנאה מנהון, אזל ובדק ואשכחן.

חד כותי בעא למיגח ביה בר' ישמעאל ב"ר יוסי, א"ל אנא אזיל מגחין בהדין סביהון דיהודאי, א"ל חמיתי בחלמי ארבעה שקמין וארבעה ארזין, חד מובלא דקיסין, חדא אתר דתבן, וחדא תורתא קיימא עליה, וחד גבר רכיב על תרתא, א"ל ר' ישמעאל ד' שקמין ד' כרעי דערסא, ד' ארזין אינון ארבע שיטתא דערסא, חדא מובלא דקיסין, הדא היא מחצלתא דיתבא על ערסא, וחדא תורתא קיימא עלי' דין הוא שטיחא דיתיב על ערסא, גבר רכיב עליה, ההוא גברא סליק לערסא ולא נחית מיניה בחיין, וכן הוות ליה.

חדא איתא דאתיא לגבי ר' ליעזר אמרה ליה חמי' בחילמאי תיניתא דביתא מיתברא אמר לה דאת מולד בר דכר אזלה וילדה דכר בתר יומין אזלה בעיא ליה אמרין לה תלמידוי לית הוא הכא אמרין לה מה את בעיית מיניה אמרה לון חמית ההיא איתתא בחילמאי תינייתא דבייתא מיתברא אמרין לה דאת מוליד בר דכר ובעלה דההיא איתתא מיית כד אתא רבי לעזר תנון ליה עובדא אמר לון קטלתון נפש למה שאין החלום הולך אלא אחר פתרונו שנאמר ויהי כאשר פתר לנו כן היה

עובדא הוה בחד תלמיד דהוה יתיב קמיה דר' עקיבה, הוה מסבר ליה ולא סבר, א"ל מה אית דלית את סבר, א"ל חמיתי בחלמי תלת מילין קשין, א"ל מה אינון, א"ל חמיתי ניסן לית את חמי ובאדר את מית, וזרע ולא תקצר, אמר ליה תלתייהון טבן ולא בישין, ניסן לא את חמי, נסיון, ובאדר את מית, בהדרא דאורייתא את מיית, וזרע ולא תקצר, מה דאת מוליד לית את קבר. חד תלמיד אוחרנן הוה תני קמיה דר' עקיבה הוה מסבר ליה ולא סבר, א"ל מה אית לך, א"ל חמיתי בחלמי חדא מילא קשייא, א"ל מה את חזי, דלא הוות ברגלי פשוט, א"ל אף הוא לית בישא, חגא אתי ואת משכח בשר שמן, מן הן מייתי ליה ר' עקיבה, מן רגל ברגל.

сидел перед рабби Акивой. И тот обучал его, а тот не обучался. Сказал ему: Что с тобой, почему ты не обучаешься? Ответил ему: Я видел во сне одно тяжелое речение. Сказал ему: Что же ты видел? Я видел ногу свою освежеванной! Сказал ему: И это не плохо! Праздник придет и ты купишь себе жирного быка! Откуда взял это? Истолковал «нога» как «регель».

Один человек пришел к рабби Акиве и сказал ему: Я видел во сне, что сказали мне: «Иди в Каппадокию, и там ты найдешь деньги твоего отца!». Сказал ему: Ходил ли отец того человека в Каппадокию когда-либо? Ответил: Нет. Сказал ему: Ступай домой, отсчитай 20 досок, и там будут деньги твоего отца — *калпа докία*.

Одна женщина пришла к рабби Элиэзеру. Сказала она ему: — Я видела во сне, что расколослась балка у дома моего! Сказал он ей: — Ты зачнешь мальчика. Ушла она, и так и случилось с ней. Видела она во второй раз так. Пошла к рабби Элиэзеру и рассказала ему. Сказал он ей: — Ты зачнешь мальчика. И так и случилось с ней. Увидела и в третий раз то же самое. Пришла она к нему, но не нашла его. Сказала она его ученикам: — Я видела во сне, что расколослась балка у дома моего. Сказали они ей: Эта женщина похоронит мужа. Так и случилось. Услышал рабби Элиэзер об этом, сказал ученикам: Что случилось? Пересказали ему эту историю. Сказал он им: — Вы же человека убили! Разве не написано: «И как он истолковал нам, так и сбылось»? Сказал рабби Йоханан: — Все сны следуют за устами [толкователя], кроме вина: иногда пьющему хорошо, а иногда плохо. Мудрец пьет — и ему хорошо, невежда пьет — и ему плохо.

4. Мидраш Когелет Рабба 10:10

«Если притупится железо» (Экклезиаст 10:10), и если лезвие его не будет остро (*килколь*), то надобно будет напрягать силы; мудрость же превосходит и исправляет это. Если твое учение стало тяжелым тебе, как железо, «и если лик (лезвие) его не будет острым (*кильколь*)» — и не можешь ты объяснить сам, то «*коль*» — добудь его голосом твоим. Одному из учеников раби Шимона бар Йохая тяжело было в учении. Отправился он плакать на могиле учителя, оплакивая того после смерти. Плакал он много, и привиделся тот ему во сне. И сказал ему: Брось в меня три камня и я приду.

חד בר נש אתא גבי ר' עקיבה, א"ל אתחמי לי בחלמי סוק לקפודקיא ואת משכח פועלא דאבוך, א"ל וסליק אבוך לקפודקייא מן יומי, [א"ל לא], א"ל קום זיל מני (בשורה) [כשורה], דריש עשרה ואת משכח פועלא דאבוך, מן הן יליף ליה ר' עקיבה, קפא כשורה דיקא עשרה.

עובדא הוה בחדא איתתא דאתת גבי ר' אלעזר, א"ל חמיית בחלמי שריתא דביתא תביר, א"ל ההיא איתתא ילדה גבר דכר, וכן הות לה. אתא זמן אוחרנן ולא אשכחתי תמן, ואשכחתי תלמידיו, אמרה להו אן הוא רבכון, א"ל מה עסקיך, א"ל חמיית בחלמי שריתא דביתא מתברא, א"ל ההיא איתתא קברה בעלה, כיון דנפקת ושמתת בבעלה שריאת צווחה, שמע קלה ר' אלעזר, א"ל מה עסקיך, אמרו לו תלמידיו אתת משאיל לן חלום, אמר להון ומה אמריתון לה, אמרו ליה אמרינן דההיא איתתא קברא בעלה, אמר טייפין גברא, לא כן כתיב ויהי כאשר פתר לנו כן היה (בראשית מא יג), וא"ר יוחנן חלום הולך אחר פתרונות, חוץ מן היין, יש שותה טוב לו, יש שותה רוע לו, תלמיד חכם שותה וטוב לו, עם הארץ שותה רוע לו, אמר לה רבהון דברי חלומות לא מעלין ולא מורידין. אתיא לגביה זמן שנית, א"ל חמיית בחלמי דיוטינא דביתא תביר, א"ל ההיא איתתא ילדה בר דכר, וכן הוות לה

אם קהה הברזל'. אם נקהה תלמודך עליו כברזל 'והוא לא פנים קלקל', אינו בא לידך להסבירו בפניך 'קלקל' קלקל עליו בקלך. חד מן תלמידיו דר' שמעון בן יוחאי אנשי אולפניה אזל ליה בכי לבי עלמיה [בכי מדמכיה]. בכי סגי אתחמי ליה בחלמיה. וא"ל: כד תהי רמי ביה ג' קליא אנא אתי. אזל ההוא תלמידא לגבי מפתר חלמא ותני ליה עובדא. א"ל: זיל אמור פירקך מן ג' זמנין והוא אתי לך. ועבד ליה כן וכן הוה ליה.

Пошел тот ученик к толкователю снов и поведал ему случившееся. И тот сказал: Пойди и перескажи свой урок с третьего по три раза, и он придет к тебе. И так сделал, и так случилось.

5. Мидраш Когелет Рабба 9:10

Реш Лакиш, а некоторые говорят что р. Иегошуа бен Леви, очень хотел увидеть во сне рабби Хию великого. Сказали ему: Негоже тебе. Сказал: Почему? Не учил ли я Тору, как он? Сказали: Он скитался. Сказал: Я ли не скитался? Сказали: Ты скитался, чтобы учиться, а он, чтобы учить! Постился 300 постов и явился ему во сне: Сказал: Тот, кто сам ничто, а говорит о себе нечто, лучше ему не родиться! Р. Аси постился 300 постов, чтобы увидеть р. Хию, и не увидел его. Сказали ему: Ты не гож. Сказал: Увижу и будь что будет. Увидел его затылок, и ослабили его глаза. А разве можно сказать, что р. Аси не был великим человеком? Ведь рассказывают, что один ткач пришел к раби Иоханану и сказал: Я видел сон, что упало небо, и один из твоих учеников его удержал. Спросил: Узнаешь его? Сказал: Если пройдут передо мной, узнаю. И пришли все, и узнал он р. Аси.

6. Мидраш Берешит Рабба 62:2

Когда почил рабби Абафу, показали ему тринадцать потоков бальзаминового масла. Сказал он им: — Это чьи? Сказали ему: — Твои! Сказал он им: — Это для Абафу?! "А я сказал: на-прасно трудился я, попусту и тщетно истощал я силу свою. Но право мое — у Господа, и награда моя — у Бога моего" (Йешаяфу, 49:4).

7 Вавилонский Талмуд, трактат Таанит 25 б

У раби Эльазара бен-Педата дела шли очень туго. Сделал он одно дело, и не оказалось у него ничего поесть. Взял зубчик чеснока, положил в рот, сделалось ему дурно, впал в забытьё. Пришли мудрецы его проведать, увидели, что он то плачет, то смеется, и вышел из его лба луч света. Когда очнулся, спросили они его: Отчего ты то плакал, то смеялся? Сказал им: Да вот сидел со мною Святой, благословен Он, и сказал я Ему: Доколе я буду мучиться в этом мире? И сказал Он мне: Эльзар, сынок Мой, хочешь, Я верну мир к его началу? Может быть, родишься в хлебный час. Сказал я Ему: Такое дело - и "может быть"?! Сказал я Ему: Чего у меня больше, оставшейся жизни или прожитой? Сказал мне: Прожитой. Сказал я Ему: Коли так, то не хочу. Сказал Он мне: В награду за то, что ты сказал "не хочу", даю тебе в грядущем мире тринадцать рек чистого бальзамного масла, таких, как Тигр и Ефрат,

ריש לקיש ואית דאמרי ריב"ל הוה מתחמד למיחמי לר' חייא רבה, אמרין ליה לית את הוא כדיי, אמר לון למה ולא לעית באוריתא כוותיה, א"ל לא אלפת אוריתא כוותיה ולא עוד אלא דהוא הוה גלי, אמר לון ואנא לא הוינא גלי, אמרין ליה את הוית גלי למילף והוא גלי לאלפא, יתב תלת מאה תעניתא אתחזי ליה בחלמיה אמר מאן הוא דכלום ודבר בגרמיה כלום נוח ליה אם לא נברא, ר' אסי צם תלתין יומין למיחמי ר' חייא רבה ולא חמייה, אמרי ליה לית את כדיי, אמר לון אחמיה יתיה ויהוי מה דהוי, חמא דרגין דידיה וכהיין עינוי אין תימר דר' אסי לאו אדם גדול הוה, חד גרדייא אתא קומי דר' יוחנן אמר חמית בחלמי רקיעא נפל וחד מן תלמידך סמכיה בידיה, אמר ידעת ליה, א"ל אין אעבר יתהון קמיי ידע אנא ליה, עברון קומיה כד מטא לר' אסי אמר דין הוא

הווי בשעת סילוקן שלצדיקים הקב"ה מראה להן מתן שכרן, כד דמך ר' אבהו חוו ליה י"ג נהרין אפרסמון אמר להון אילין דמן, אמ' ליה דידך, אמר להון אילין דאבהו ואני אמרתי לריק יגעתי לתהו והבל כחי כליתי אכן משפטי את י"י ופעלתי את אלהי (ישעיה מט ד)

רבי אלעזר בן פדת דחיקא ליה מילתא טובא. עבד מלתא ולא הוה ליה מידי למטעם, שקל ברא דתומא ושדייה בפומיה, חלש לביה וניס. אזול רבנן לשיולי ביה, חזיוהו דקא בכי וחייך, ונפק צוציתא דנורא מאפותיה. כי אתער אמרו ליה: מאי טעמא קבכית וחייכת? - אמר להו: דהוה יתיב עמי הקדוש ברוך הוא, ואמרי ליה: עד מתי אצטער בהאי עלמא? ואמר לי: אלעזר בני, ניחא לך דאפכיה לעלמא מרישא? אפשר דמתילדת בשעתא דמזוני. אמרי לקמיה: כולי האי, ואפשר? אמרי ליה: דחיי טפי או דחיינא? אמר לי: דחיי. אמרי לקמיה: אם כן, לא בעינא. אמר לי: בהאי אגרא דאמרת לא בעינא - יהיבנא לך לעלמא דאתי תליסרי נהרוותא דמשחא אפרסמון דכין, כפרת ודיגלת, דמענגת בהו. אמרי לקמיה: האי ותו לא? - אמר לי: ולחברך מאי יהיבנא? - אמרי ליה: ואנא מגברא דלית ליה בעינא? מחיין באסקוטלא אפותאי, ואמר לי: אלעזר ברי, גירי בך, גירי!

будешь в них блаженствовать. Сказал я Ему: Всего-то, и не больше? Сказал мне:

А твоим друзьям что Я дам? Сказал я Ему: А я что, у человека, у которого нет ничего, прошу? Щелкнул Он меня мизинцем по лбу и сказал мне: Эльзар, сын мой, стрелкой Моей тебя, стрелкой!

8. Авот де рабби Натан, 40

Четыре мудреца: кто видит во сне Йоханана бен Нури, пусть надеется на набожность; кто видит р. Эльзара бен Азарию, пусть надеется на величие и богатство, кто видит р. Ишмаэля, пусть надеется на мудрость; кто видит р. Акиву, пусть боится наказания.

Три ученика: кто видит во сне Бен Азя, пусть надеется на благочестие; Бен Зому — пусть надеется на ученость; Элишу бен Авую — пусть ожидает наказания.

Три пророческие книги: кто видит во сне книгу Млахим, пусть ожидает величия и богатства; книгу Йешаяѓу — пусть надеется на утешение; книгу Ирмеяѓу — пусть ожидает наказания.

Три книги Писаний: кто видит во сне книгу Теѓилим — пусть надеется достичь смирения; кто видит книгу Мишлей — пусть надеется достичь мудрости; кто видит книгу Иова — пусть ожидает наказания.

Четыре мудреца: кто видит во сне Йоханана бен Нури, пусть надеется на набожность; кто видит р. Эльзара бен Азарию, пусть надеется на величие и богатство, кто видит р. Ишмаэля, пусть надеется на мудрость; кто видит р. Акиву, пусть боится наказания.

Три ученика: кто видит во сне Бен Азя, пусть надеется на благочестие; Бен Зому — пусть надеется на ученость; Элишу бен Авую — пусть ожидает наказания.

Три пророческие книги: кто видит во сне книгу Млахим, пусть ожидает величия и богатства; книгу Йешаяѓу — пусть надеется на утешение; книгу Ирмеяѓу — пусть ожидает наказания.

Три книги Писаний: кто видит во сне книгу Теѓилим — пусть надеется достичь смирения; кто видит книгу Мишлей — пусть надеется достичь мудрости; кто видит книгу Иова — пусть ожидает наказания.

Music in Hasidic Thought

The central place of music in Hasidic thought and life is anchored in ideology—and ideological differences among the various streams of Hasidism, along with philosophical changes throughout the generations, were reflected in evolving attitudes toward music. The movement of religious thought and activity from the theosophical to the psychological sphere, for example—from a focus on the divine to an emphasis on the human soul—had important implications with respect to music. In early Hasidic writings, magical and theurgical conceptions rooted in theosophical kabbalistic doctrine prevailed. These conceptions hold that human deeds, including musical activity, have the power to affect the godhead—and, as a result, the entire world. Later generations abandoned the view that every Jew can influence the divine world with music and restricted this ability only to the *tsadik*.

A parallel development occurred under the leadership of Dov Ber, the Magid of Mezritsh (d. 1772), and especially in the teachings of some of his disciples. According to this approach, instead of music being directed outward, in order to affect the godhead and the material world, it is turned inward, with the goal of affecting one's inner life. Music is seen as a form of contemplation into the soul that seeks to reveal its divine source and to enable *deveikut* (mystical communion with God) to be achieved.

During the same period, there is a movement from dependence of music on text, especially prayer text, toward the belief that music can act in its own right, whether connected to a text or not. In consequence, Hasidic *nigunim* (sg., *nigun*; Yid., *nign*; spiritual melodies; in Hasidic terminology *nigun* can refer broadly to “music” as well as to a tune or composition) are typically sung without words, though some are adapted to texts from the prayers or *piyutim* (liturgical poems). Some *nigunim* remained attached to a fixed text, such as the recitative *nigunim* for the Sabbath *zemirot* (table hymns), including “Kol mekadash” and “Barukh Adonai yom yom,” and the dance songs of Lag ba-'Omer. In addition, a movement took place from the performance of music in the individual, meditative sphere toward a predominantly collective expression of the entire congregation. Today only the Lubavitch and Bratslav movements engage in both individual and collective performance of *nigunim*.

As an expression of innermost emotions that cannot be expressed through words (even through words of prayer), a *nigun* helps the *tsadik* to plumb the depths of a person's soul, whether that person is evil or pious, and to achieve the desired *deveikut*. A *nigun* can help simple people, who have not achieved the level of a *tsadik*, to attain spiritual elevation, whether they engage in music actively or passively, by singing or by listening. Listening to a *tsadik* singing a *nigun* provides the ordinary person with a foothold at the edge of the world of the sacred, enabling the *tsadik* to refine that person's soul and raise it to a higher level of existence.

Musical Acculturation

Adapting tunes from surrounding non-Jewish cultures is a hallmark of Hasidic music. The leading sages offered different understandings of this phenomenon of musical acculturation, even giving it the force of a religious duty. For example, Nahman of Bratslav (1772–1810) approved of singing gentile music as a way to attract God's increased attention to Jewish people's sufferings at the hands of non-Jews and to induce redemption.

A more typical view holds that sacred melodies in gentile music have been, as it were, taken captive by evil forces in the constant struggle between divine forces and the forces of evil. These captive tunes—or, rather, the “holy sparks” hidden within them—await redemption. *Tsadikim* and their emissaries, wherever they lived, constantly sought out melodies with a “sacred flavor,” in order to “redeem the sparks” and restore them to their heavenly source. Thus, gentile folk tunes and popular melodies (in Russian, Polish, Ukrainian, Rumanian, Hungarian, Turkish, and even Arabic) left a strong stamp on Hasidic music. This plurality of melodic sources has given rise to the opinion that Hasidic music cannot be regarded as an individual ethnomusical unit. But such an attitude disregards the obvious processes of transformation and re-creation that occurred in these tunes as they were absorbed into Hasidic music.

On occasion, Hasidim borrowed gentile folk songs along with their original texts, but endowed the texts with new, allegorical meanings in the spirit of Hasidism. Other borrowed songs or melodies were preserved together with the stories (apocryphal or real) of how they came to be “lifted up” from the “sphere of impurity” and by whom—such as the *nigunim* attributed to Yitshak Isaak Taub of Kallo (Nagykálló, Hungary; d. 1821).

Although Hasidic thought also considered instrumental music legitimate, particularly in the context of weddings, Hasidic music developed primarily as a vocal genre even when it picked up motifs and melodies from the instrumental music of East European peoples. Another characteristic of Hasidic music is its singing by the entire community. Even so, solo singing also plays a role in specific circumstances, such as when the rebbe sings in the presence of his Hasidim at his *tish* (a gathering typically featuring a discourse by the rebbe and community singing), when the *badkhn* (jester) sings at weddings, and when individual Lubavitch Hasidim sing while at prayer.

Dynastic Styles

Some dynasties have a repertoire of their own; others partly share a common repertoire; while a few mainly use *nigunim* from the general “pan-Hasidic” inventory, which are known in Yiddish as *velts-nigunim* (lit., “world” *nigunim*).

Hasidim with a musical ear insist that they can identify the dynastic origin of a tune at first hearing and claim that the *nigunim* of certain dynasties have a unique musical flavor. There are indeed a few characteristic features that can be associated with the music of specific dynasties. For example, the brief dance *nigunim* of Bratslav and Karlin Hasidim have a simple structure and narrow range. Hasidic marches are found for the most part in the repertoires of Ger (also Gur or Gura), Vizhnits, and Modzits Hasidim; and longer compositions, made up of sections of differing characters and musical meters, figure in the repertoires of these communities and also of Bobov Hasidim. Some *nigunim* of the Vizhnits and Belz Hasidim resemble cantorial compositions and are sung by the *kapelye* (choral group) in a variety of polyphonic textures, such as parallel thirds, canons, and other imitative techniques, sometimes over an ostinato. In many Hasidic communities, one element of community singing is a gradual but continuous rise in pitch, sometimes to impressive proportions (as among the Hasidim of Boyan, Lubavitch, and Slonim).

The Rebbe as Musical Leader

The development of different styles among Hasidic dynasties also seems to be related to the nature of the musical leadership provided by the rebbe. Many Hasidic leaders were highly musical, and some also earned fame as gifted *ba'ale tefilah* (prayer leaders) or composers. Such leaders enlarged their community’s musical repertoire and encouraged original creativity on the part of their Hasidim; they sometimes drew gifted composer-*hazanim*, together with their *kapelyes*, to their courts. Among the most famous were Yosef Volynetz (“Yosl Tolner,” 1838–1902) in Talnoye and Rakhmistrivke (Rotmistrovka); Yankev Shmuel Morogowski (“Zeydl Rovner,” 1856–1943) in Makarov, Rovno (Rivne), and elsewhere; and Pinhas Spector (“Pinye khazn,” 1872–1951) in Boyan—along with the *menagnim* (musicians) Yankl Telekhaner in Koidanov, Stolin, and Lakhovits and probably in Slonim, and Ya’akov Dov (Yankl) Talmud (1886–1963) in Ger.

The musical leadership of the rebbe is also expressed during the *tish*. At this occasion, some rebbes sing all the *nigunim* on their own, while their Hasidim join in at specified points. Other rebbes conduct the musical part of the *tish* through subtle cues: they signal to the Hasidim, or to the *kapelye*, with a hand gesture or even a glance. The late Vizhnits rebbe used to actually conduct the singing of his Hasidim; he was also in the habit of correcting them when a *nigun* was sung inaccurately. Among the Vizhnits, the excitement reaches its peak when the rebbe stands up; among the Boyan, this happens when the rebbe claps his hands. This gesture, among others, is also used to alter the tempo—and as a result, among the Boyan, a *nigun* may be rendered with unusual changes of tempo.

Still another type of musical leadership emerged after the Holocaust, stemming from the perceived danger that with the annihilation of entire communities, musical traditions would disappear as well. The rebbe of Vizhnits, Hayim Me’ir Hager (1888–1972), who reestablished his community in Israel, felt this danger and took several steps to revive his community’s musical tradition, while at the same time also encouraging the preservation of *nigunim* from other Hasidic sources so that they would not be lost. He also established a *kapelye* that would sing in polyphonic style and would perform works by *hazanim* from the past.

Among the Belz Hasidim, who were regarded as not musical, a veritable revolution took place when the Vizhnits rebbe’s son-in-law became the rebbe of Belz in the mid-1960s. His encouragement of original musical creations, together with the establishment of a *kapelye* modeled after that of Vizhnits, brought about a new and unique repertoire beyond the traditional *nigunim*. The current Karliner rebbe, Barukh Me’ir Ya’akov ha-Levi Shohet (1954), zealous with respect to his community’s musical tradition, has directed the gathering of Karlin traditional *nigunim* from all possible sources, even from the National Library in Jerusalem, in order to revive them. The guarding of the tradition had included prohibiting taking the *nigunim* out of the community, whether through publication or recording or even through handing over the scores to individuals from outside the community.

Musical Genres

Lubavitch Hasidism has evolved a terminology and theoretical framework, with which it tries to explain mystic aspects of *nigunim* and Hasidic musical activity and to distinguish between different genres. Hasidic musicians of other dynasties use different terms to classify *nigunim*, and as a result some genres are referred to with more than one term.

1. *Tish nigunim* make up the core of the Hasidic repertoire and constitute the major part of melodies sung at the rebbe's table. Most have stylistic similarities to the Lubavitch genre of *devekut* (cleaving) *nigunim*—sometimes called *hitva'adut* (gathering) tunes by the Lubavitch; elsewhere known as *hisoyrerus* (awakening), *makhshove* (meditation), *moralishe* (moral), *hartsig* (heartfelt), or *bet* (begging) *nigunim*. In Lubavitch, *devekut nigunim* are subdivided into *ga'agu'im* (yearning or longing) and common *volekh* tunes (the term *volekh* is derived from the geographical name Walachia, although they did not necessarily originate there). All are characterized by slow tempi, expressing serious, meditational, and even sad feelings, and by either metrical or free rhythm—sometimes in combinations of metrical and free sections and with variable or erratic tempo, rubato, and so on—and are thought to enable union or communion with God. One of the most widespread subgenres of the *tish nigunim* resembles a slowed-down mazurka. *Nigunim* in free rhythm are related to the cantorial recitative; in some dynasties they show the influence of East European folk forms such as the Romanian *doina*.

2. *Tants* (dance) *nigunim* are mostly used for dancing and are also called *tentsl*, or *freylekhs nigunim*. Other terms used by Polish Hasidim are *hopke*, *dreidl*, and *redele*. Many dance *nigunim* have the following characteristics: duple meter; fast tempi; a periodic or symmetric structure in multiples of four bars; relatively few sections (from one to five); a small range (sometimes only a fifth or a sixth); and a small number of motives. (Some tunes consist of only one or two motives and their developments). Dance tunes are performed mainly at weddings and joyful festivals such as Simhat Torah and Lag ba-'Omer, but they also sometimes have an imported role at the Hasidic *tish* and during synagogue prayers. About a third of these *nigunim* have fixed texts, mostly short, taken from biblical verses or from the liturgy. A related category included “tunes of rejoicing” (*nigune simhah*), which possess all the above characteristics but are sung at a slower tempo and usually without dancing.

3. Marches and waltzes are joyful tunes adapted from, or influenced by, non-Jewish cultures from Central Europe (mostly Polish and Austro-Hungarian). They are used neither for marching nor for dancing and are generally sung more slowly than their non-Jewish counterparts. Most *nigunim* of these types are sung without texts; some are incorporated into Sabbath and holiday prayers and sung to poetical texts such as *Lekhah dodi* and *El Adon* (for the Sabbath) and *Ki anu 'amekha*, *Ki hineh ka-homer*, and *Ha-Yom te'amtenu* (for the High Holidays). The Vizhnits repertoire includes march *nigunim* with the characteristic triple meter of the waltz style; they are thus called *marsh-vals* (march waltzes).

4. Beside the main genres, one finds peripheral ones, such as *badkhones* (jester's tunes, sung with Yiddish rhymed verses), bilingual songs, and *nigunim* of instrumental origin, borrowed either from the gentile repertoire or from Jewish klezmerim.

Tradition and Renewal

As information about music in the Ashkenazic communities of Eastern Europe before the rise of Hasidism is sparse, the main way to determine whether music in Hasidic society primarily adhered to tradition or mapped out new paths is to consider music in non-Hasidic communities in and after the eighteenth century. Of the dominant musical elements in Hasidic prayer, the modality (Yid., *shtayger*) and most of the recitative-like melodies (including those known as *mi-Sinai* tunes—renditions from Sinai—on account of their antiquity) are common to the Hasidic and non-Hasidic communities of Eastern Europe; these elements thus represent continuity. Hence the extensive use among Hasidim of the term *velts nusah* (world style) for the liturgical recitative common to both Hasidim and Misnagdim (opponents of Hasidism).

The repertoire of some Hasidic communities (such as Boyan and Vizhnits) presents another case wherein Hasidic music shows a similarity to non-Hasidic music. These communities have adopted polyphonic choral music written by cantors of the nineteenth and twentieth centuries as *nigunim* sung to the texts of prayers, owing to their leaders' penchant for such music. The specific character of prayer among Karlin Hasidim, on the other hand, as well as certain characteristic elements in the so-called Volhynia nusah (which has survived among offshoots of Ruzhin Hasidism—Boyan, Sadagora, Tshortkev, and others—and in the *nusah* of such communities as Vizhnits, Zhidachov, and Zhidachov's offshoots (Spinka, Kosoni, Tass) may be attributed to the preservation of old local traditions.

The most salient Hasidic innovation in synagogue music was the introduction into Sabbath and festival prayer services of *nigunim* sung by the entire congregation, generally without text. That the Hasidic *nigun* is usually independent of any text explains why the pre-Hasidic distinction between music for prayer and for the home (like *zemirot* at the Sabbath table) became blurred—and, as well, how *nigunim* “wandered” from the Hasidic *tish* to the prayer service and back.

This autonomous role of Hasidic melody, along with the openness to borrowing non-Jewish melodies and the lack of differentiation between religious and secular music, also accounts for the absorption of instrumental melodies (such as waltzes and marches) from the repertoires of non-Jewish musicians and klezmerim. These borrowed melodies, along with newly composed *nigunim*, made up a repertoire of melodies to be sung in prayer, at the rebbe's *tish*, and at every possible opportunity: at Sabbath meals in Hasidic homes, at wedding feasts, and at various social and religious gatherings.

Research and Collections

The first steps of collecting and transcribing Hasidic music (as a part of Jewish music) were made in Russia at the end of the nineteenth century by Yo'el Engel. Sussmann Kisselgof was another significant collector early in the twentieth century, and very important work was done (by Engel, Kisselgof, and others) by the Jewish Ethnological Expedition under the auspices of the Jewish Historical Ethnographic Society in Saint Petersburg between 1912 and 1914. Of note also is the work of Moisei Beregovskii, who devoted a special volume to "tunes without words."

Ethnographic collection with the goal of classifying Hasidic melodies, analyzing them, and trying to understand them in the context of Hasidic social life and religious thought has been a major focus of documentation and research work at the Jewish Music Research Centre in Jerusalem since its inception in 1964. Recorded material is kept at the National Sound Archives (NSA) of the Jewish National and University Library, Jerusalem, which also initiated its own recordings. Additional recordings have been transferred to the NSA from other collections, mostly private.

[Во второй год царствования Артаксеркса великого, в первый день месяца Нисана, сон видел Мардохей, сын Иаиров, Семеев, Кисеев, из колена Вениаминова, Иудеянин, живший в городе Сузах, человек великий, служивший при царском дворце. Он был из пленников, которых Навуходоносор, царь Вавилонский, взял в плен из Иерусалима с Иехонию, царем Иудейским. Сон же его такой: вот ужасный шум, гром и землетрясение и смятение на земле; и вот, вышли два больших змея, готовые драться друг с другом; и велик был вой их, и по вою их все народы приготовились к войне, чтобы поразить народ праведных; и вот — день тьмы и мрака, скорбь и стеснение, страдание и смятение великое на земле; и смутился весь народ праведных, опасаясь бед себе, и приготовились они погибнуть и стали взывать к Господу; от вопля их произошла, как бы от малого источника, великая река с множеством воды; и воссиял свет и солнце, и вознеслись смиренные и истребили тщеславных. — Мардохей, пробудившись после этого сновидения, *изображавшего*, что Бог хотел совершить, содержал этот сон в сердце и желал уразуметь его во всех частях его, до ночи. И пребывал Мардохей во дворце вместе с Гавафою и Фаррою, двумя царскими евреями, оберегавшими дворец, и услышал разговоры их и разведал замыслы их и узнал, что они готовятся наложить руки на царя Артаксеркса, и донес о них царю; а царь пытал этих двух евреев, и, когда они сознались, были казнены. Царь записал это событие на память, и Мардохей записал об этом событии. И приказал царь Мардохею служить во дворце и дал ему подарки за это. При царе же был *тогда* знатен Аман, сын Амадафов, Вугеянин, и старался он причинить зло Мардохею и народу его за двух ев-

реев царских.]

1 И было [после сего] во дни Артаксеркса, — этот Артаксеркс царствовал над ста двадцатью семью областями от Индии и до Ефиопии, — **2** в то время, как царь Артаксеркс сел на царский престол свой, что в Сузах, городе престольном, **3** в третий год своего царствования он сделал пир для всех князей своих и для служащих при нем, для главных начальников войска Персидского и Мидийского и для правителей областей своих, **4** показывая великое богатство царства своего и отличный блеск величия своего *в течение* многих дней, ста восьмидесяти дней. **5** По окончании сих дней, сделал царь для народа своего, находившегося в престольном городе Сузах, от большого до малого, пир семидневный на садовом дворе дома царского. **6** Белые, бумажные и яхонтового цвета шерстяные ткани, прикрепленные виссонными и пурпуровыми шнурами, висели на серебряных кольцах и мраморных столбах. **7** Золотые и серебряные ложки были на помосте, устланном камнями зеленого цвета и мрамором, и перламутром, и камнями черного цвета. **8** Напитки подаваемы были в золотых сосудах и сосудах разнообразных, ценою в тридцать тысяч талантов; и вина царского было множество, по богатству царя. Питье *шло* чинно, никто не принуждал, потому что царь дал такое приказание всем управляющим в доме его, чтобы делали по воле каждого. **9** И царица Астинь сделала также пир для женщин в царском доме царя Артаксеркса. **10** В седьмой день, когда развеселилось сердце царя от вина, он сказал Мегуману, Бизфе, Харбоне, Бигфе и Авагфе, Зефару и Каркасу — семи евреям, служившим пред лицом царя Артаксеркса, **11** чтобы они привели царицу Астинь пред лице царя в венце царском для того, чтобы показать народам и князьям красоту ее; потому что она была очень красива. **12** Но царица Астинь не захотела прийти по при-

ESTHER אסתר

1 וַיְהִי בַיּוֹם אֲחַשְׁוֵרוּשׁ^א הַהוּא^ב אֲחַשְׁוֵרוּשׁ הַמֶּלֶךְ מֵהַדָּוָר וְעַד-^ה 1
 2 כּוֹשׁ^ד שֶׁבַע וְעֶשְׂרִים וּמֵאָה^ה מְדִינָה: 2 בַּיּוֹמִים הַהֵם כְּשֶׁבַת הַמֶּלֶךְ
 3 אֲחַשְׁוֵרוּשׁ עַל כִּסֵּא מַלְכוּתוֹ אֲשֶׁר בְּשׁוּשַׁן הַבֵּירָה: 3 בַּשָּׁנָה שְׁלוֹשׁ^ב
 4 לְמַלְכוֹ עָשָׂה מִשְׁתֵּה לְכָל-שָׂרָיו וְעַבְדָּיו חֵיל פָּרָס וּמְדֵי הַפְּרָתָיִם
 4 וְשָׂרֵי הַמְּדִינֹת לְפָנָיו: 4 בְּהִרְאֹתוֹ אֶת-עֵשֶׁר כְּבוֹד מַלְכוּתוֹ וְאֶת-^ג
 5 יֶקֶר תְּפָאֶרֶת גְּדוּלָּתוֹ יָמִים רַבִּים שְׁמוֹנִים וּמֵאָת יוֹם: 5 וּבְמַלְוֹאת
 הַיָּמִים הָאֵלֶּה עָשָׂה הַמֶּלֶךְ לְכָל-הָעָם הַנִּמְצָאִים בְּשׁוּשַׁן הַבֵּירָה
 לְמַגְדוֹל וְעַד-קָטָן מִשְׁתֵּה שֶׁבַע יָמִים בַּחֲצַר גִּנַּת בֵּיתֵן הַמֶּלֶךְ:^ב
 6 חוֹר פָּרָס וְתַכְלֵת אַחֲוֹ בְּחַבְלֵי-בּוּץ וְאַרְגָּמָן עַל-גְּלִילֵי כֶסֶף
 6 וְעַמּוּדֵי שֵׁשׁ מִטּוֹת זָהָב וְכֶסֶף עַל רִצְפַת בְּהַטּוֹ שֵׁשׁ וְדָר וְסַחֲרָת:^ג
 7 וְהַשְּׁקוֹת בְּכֵלֵי זָהָב וְכֵלִים מְכֻלִּים שׁוֹנִים וַיִּין מַלְכוּת רַב פֶּיֶד
 7 הַמֶּלֶךְ: 8 וְהִשְׁתַּיְה כְּדַת אֵין אֲנִס כִּי-בֵן וַיִּסַּד הַמֶּלֶךְ עַל כָּל-רַב^ג

9 בֵּיתוֹ לַעֲשׂוֹת כְּרָצוֹן אִישׁ-וְאִישׁ: 9 גַּם וְשִׁתִּי הַמֶּלֶכָה עָשְׂתָה מִשְׁתֵּה^ה
 10 נָשִׁים בֵּית הַמַּלְכוּת אֲשֶׁר לְמֶלֶךְ אֲחַשְׁוֵרוּשׁ: 10 בַּיּוֹם הַשְּׁבִיעִי
 כְּטוֹב לֵב-הַמֶּלֶךְ בִּגְיִן אָמַר לְמַהוּמָן בְּזָתָא חַרְבּוֹנָא בְּנָתָא וְאַבְנָתָא
 זַתָּר וְכַרְפָּס שֶׁבַעַת הַסְּרִיסִים הַמְּשֻׁרְתִּים אֶת-פָּנָי הַמֶּלֶךְ אֲחַשְׁוֵרוּשׁ:
 11 לְהַבִּיא אֶת-וְשִׁתִּי הַמֶּלֶכָה לְפָנָי הַמֶּלֶךְ בְּכֶתֶר מַלְכוּת לְהִרְאֹת^ה
 12 הָעַמּוּם וְהַשָּׂרִים אֶת-יָפְיָה כִּי-טוֹבַת מִרְאֵה הִיא: 12 וְתַמְאֵן הַמֶּלֶכָה
 וְשִׁתִּי לְבוֹא בְּדַבְרֵי הַמֶּלֶךְ אֲשֶׁר בְּיַד הַסְּרִיסִים וַיִּקְצַף הַמֶּלֶךְ מְאֹד

казанию царя, *объявленному* чрез евнухов. **13** И разгневался царь сильно, и ярость его загорелась в нем. И сказал царь мудрецам, знающим *прежние* времена, — ибо дела царя *делались* пред всеми знающими закон и права, — **14** приближенными же к нему *тогда были*: Каршена, Шефар, Адмафа, Фарсис, Мерес, Марсена, Мемухан — семь князей Персидских и Мидийских, которые могли видеть лице царя и сидели первыми в царстве: **15** как поступить по закону с царицею Астинь за то, что она не сделала по слову царя Артаксеркса, *объявленному* чрез евнухов? **16** И сказал Мемухан пред лицом царя и князей: не пред царем одним виновна царица Астинь, а пред всеми князьями и пред всеми народами, которые по всем областям царя Артаксеркса; **17** потому что поступок царицы дойдет до всех жен, и они будут пренебрегать мужьями своими и говорить: царь Артаксеркс велел привести царицу Астинь пред лице свое, а она не пошла. **18** Теперь княгини Персидские и Мидийские, которые услышат о поступке царицы, будут *то же* говорить всем князьям царя; и пренебрежения и огорчения будет довольно. **19** Если благоугодно царю, пусть выйдет от него царское постановление и впишется в законы Персидские и Мидийские и не отменяется, о том, что Астинь не будет входить пред лице царя Артаксеркса, а царское достоинство ее царь передаст другой, которая лучше ее. **20** Когда услышат о сем постановлении царя, которое разойдется по всему царству его, как оно ни велико, тогда все жены будут почитать мужей своих, от большого до малого. **21** И угодно было слово сие в глазах царя и князей; и сделал царь по слову Мемухана. **22** И послал во все области царя письма, писанные в каждую область письменами ее и к каждому народу на языке его, чтобы всякий муж был господином в доме своем, и чтобы это было объявлено каждому на природном языке его.

2 После сего, когда утих гнев царя Артаксеркса, он вспомнил об Астинь и о том, что она сделала, и что было определено о ней. **2** И сказали отроки царя, служившие при нем: пусть бы поискали царю молодых красивых девиц, **3** и пусть бы назначил царь наблюдателей во все области своего царства, которые собрали бы всех молодых девиц, красивых видом, в престольный город Сузы, в дом жен под надзор Гегая, царского евнуха, стража жен, и пусть бы выдавали им притиранья [и прочее, что нужно]; **4** и девица, которая понравится глазам царя, пусть будет царицею вместо Астинь. И угодно было слово это в глазах царя, и он так и сделал.

5 Был в Сузах, городе престольном, один Иудеянин, имя его Мардохей, сын Иaira, сын Семая, сын Киса, из колена Вениамина. **6** Он был переселен из Иерусалима вместе с пленниками, выведенными с Иехонию, царем Иудейским, которых переселил Навуходоносор, царь Вавилонский. **7** И

13 וַיֹּאמֶר הַמֶּלֶךְ לַחֲכָמִים יָדְעִי הָעֲתִים כִּי-
 14 כֵּן דִּבֶּר הַמֶּלֶךְ לִפְנֵי כָּל-יָדְעֵי דָת וְדָוִן: 14 וְהַקְּרָב אֵלָיו פָּרְשָׁנָא
 שֶׁתֵּר אֲדַמְתָּא תְּרִשִׁישׁ מְרֹס מְרֹסָנָא מְמוּכָן שְׁבַעַת שְׁרֵי אִפְרָס וּמְדֵי
 15 רְאִי פִּגְנֵי הַמֶּלֶךְ הַיֹּשְׁבִים רֵאשְׁנָה בְּמִלְכוּת: 15 כְּדַת מָה-לְעִשׂוֹת
 בְּמִלְכָּה וְשִׁתִּי עַל אֲשֶׁר לֹא-עָשְׂתָה אֶת-מֵאֵמֶר הַמֶּלֶךְ אַחְשָׁרוּשׁ
 16 בְּיַד הַסְּרִיסִים: 16 וַיֹּאמֶר מְוֹמָכָן לִפְנֵי הַמֶּלֶךְ וְהַשְּׂרִים לֹא
 עַל-הַמֶּלֶךְ לְבַדּוֹ עָוְתָה וְשִׁתִּי הַמִּלְכָּה כִּי עַל-כָּל-הַשְּׂרִים וְעַל-
 17 כָּל-הָעַמִּים אֲשֶׁר בְּכָל-מְדִינֹת הַמֶּלֶךְ אַחְשָׁרוּשׁ: 17 כִּי-יֵצֵא
 דְּבַר-הַמִּלְכָּה עַל-כָּל-הַנָּשִׁים לְהַבְּזוֹתֵי בְּעֲלֵיהֶן בְּעִינֵיהֶן בְּאֶמְרֵם
 הַמֶּלֶךְ אַחְשָׁרוּשׁ אֲמַר לְהַבִּיא אֶת-וְשִׁתִּי הַמִּלְכָּה לִפְנֵי וְלֹא-בָאָה:
 18 וְהַיּוֹם הַזֶּה תֵּאֱמַרְנָהּ שְׂרָוֹת פָּרַס-וּמְדֵי אֲשֶׁר שָׁמְעוּ אֶת-דְּבַר
 19 הַמִּלְכָּה לְכָל שְׂרֵי הַמֶּלֶךְ וּכְדִי בְּזִיוֹן וְקֶזֶף: 19 אִם-עַל-הַמֶּלֶךְ
 טוֹב יֵצֵא דְּבַר-מִלְכוּת מִלִּפְנֵי וַיִּכְתַּב בְּדַתִּי פָּרַס-וּמְדֵי וְלֹא יַעֲבֹר
 אֲשֶׁר לֹא-תָבֹא וְשִׁתִּי לִפְנֵי הַמֶּלֶךְ אַחְשָׁרוּשׁ וּמִלְכוּתָהּ יִתֵּן הַמֶּלֶךְ
 20 לְרַעוּתָהּ הַטּוֹבָה מִמֶּנָּה: 20 וְנִשְׁמַע פְּתוּגָם הַמֶּלֶךְ אֲשֶׁר-יַעֲשֶׂה בְּכָל-
 21 מִלְכוּתוֹ כִּי רַבָּה הִיא וְכָל-הַנָּשִׁים יִהְיוּ יָקָר לְבַעֲלֵיהֶן לְמַגְדוֹל
 וְעַד-קָטָן: 21 וַיִּיטֵב הַדְּבָר בְּעֵינֵי הַמֶּלֶךְ וְהַשְּׂרִים וַיַּעַשׂ הַמֶּלֶךְ

22 כְּדַבֵּר מְמוּכָן: 22 וַיִּשְׁלַח סְפָרִים אֶל-כָּל-מְדִינֹת הַמֶּלֶךְ אֶל-מְדִינָה
 וּמְדִינָה כְּכַתְּבָהּ וְאֶל-עַם וְעַם כְּלָשׁוֹנוֹ לְהִזְוֹת כָּל-אִישׁ שְׂרָר בְּבֵיתוֹ
 וַיִּמְדָּבֵר כְּלָשׁוֹן עַמּוֹ:
 1 אַחֲרֵי הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה כָּשָׁף חֲמַת הַמֶּלֶךְ אַחְשָׁרוּשׁ זָכַר אֶת-
 2 וְשִׁתִּי וְאֶת אֲשֶׁר-עָשְׂתָה וְאֶת אֲשֶׁר-נִגְזַר עָלֶיהָ: 2 וַיֹּאמְרוּ נַעֲרֵי-
 הַמֶּלֶךְ מִשְׂרַתָּיו יִבְקָשׁוּ לְמֶלֶךְ נַעֲרוֹת בְּתוּלוֹת טוֹבוֹת מִרְאָה:
 3 וַיִּפְקֹד הַמֶּלֶךְ פְּקִידִים בְּכָל-מְדִינֹת מִלְכוּתוֹ וַיִּקְבְּצוּ אֶת-כָּל-
 נַעֲרֵה-בְּתוּלָה טוֹבֹת מִרְאָה אֶל-שׁוּשַׁן הַבִּירָה אֶל-בֵּית הַנָּשִׁים
 4 אֶל-יַד הַנָּאִי סָרִיס הַמֶּלֶךְ שֹׁמֵר הַנָּשִׁים וְנִתְּוֹן תְּמַרְוִקֵיהֶן: 4 וְהַנְּעָרָה
 אֲשֶׁר תִּיטֵב בְּעֵינֵי הַמֶּלֶךְ תִּמְלֹךְ תַּחַת וְשִׁתִּי וַיִּיטֵב הַדְּבָר בְּעֵינֵי
 5 הַמֶּלֶךְ וַיַּעַשׂ כֵּן: 5 אִישׁ יְהוּדִי הָיָה בְּשׁוּשַׁן הַבִּירָה וְשִׁמוֹ
 6 מְרֹדַכִּי בֶן יָאִיר בֶּן-שְׁמַעִי בֶן-קִישׁ אִישׁ יְמִינִי: 6 אֲשֶׁר הִגְלָה
 מִיְּרוּשָׁלַּיִם עִם-הַגְּלָה אֲשֶׁר הִגְלָתָה עִם יְכָנְיָה מֶלֶךְ-יְהוּדָה אֲשֶׁר
 7 הִגְלָה נְבוּכַדְנֶאצַּר מֶלֶךְ בָּבֶל: 7 וַיְהִי אִמּוֹן אֶת-הַדְּפָה הִיא אֶסְתֵּר

был он воспитателем Гадассы, — она же Есфирь, — дочери дяди его, так как не было у нее ни отца, ни матери. Девушка эта была красива станом и пригожа лицом. И по смерти отца ее и матери ее, Мардохей взял ее к себе вместо дочери.

8 Когда объявлено было повеление царя и указ его, и когда собраны были многие девушки в престольный город Сузы под надзор Гегай, тогда взята была и Есфирь в царский дом под надзор Гегай, стража жен. **9** И понравилась эта девушка глазам его и приобрела у него благоволение, и он поспешил выдать ей притиранья и *все, назначенное на часть ее*, и приставить к ней семь девушек, достойных быть при ней, из дома царского, и переместил ее и девушек ее в лучшее отделение женского дома. **10** Не сказывала Есфирь ни о народе своем, ни о родстве своем, потому что Мардохей дал ей приказание, чтобы она не сказывала. **11** И всякий день Мардохей приходил ко двору женского дома, чтобы наведываться о здоровье Есфири и о том, что делается с нею.

12 Когда наступало время каждой девушке входить к царю Артаксерксу, после того, как в течение двенадцати месяцев выполнено было над нею все, определенное женщинам, — ибо столько времени продолжались дни притиранья их: шесть месяцев мирровым маслом и шесть месяцев ароматами и другими притираньями женскими, — **13** тогда девушка входила к царю. Чего бы она ни потребовала, ей давали всё для выхода из женского дома в дом царя. **14** Вечером она входила и утром возвращалась в другой дом женский под надзор Шаазгаза, царского евнуха, стража наложниц; и уже не входила к царю, разве только царь пожелал бы ее, и она призывалась бы по имени.

15 Когда настало время Есфири, дочери Аминадава, дяди Мардохея, который взял ее к себе вместо дочери, — идти к царю, тогда она не просила ничего, кроме того, о чем

сказал ей Гегай, евнух царский, страж жен. И приобрела Есфирь расположение *к себе* в глазах всех, видевших ее. **16** И взята была Есфирь к царю Артаксерксу, в царский дом его, в десятом месяце, то есть в месяце Тебефе, в седьмой год его царствования. **17** И полюбил царь Есфирь более всех жен, и она приобрела его благоволение и благорасположение более всех девушек; и он возложил царский венец на голову ее и сделал ее царицею на место Астинь. **18** И сделал царь большой пир для всех князей своих и для служащих при нем, — пир ради Есфири, и сделал льготу областям и раздал дары с царственной щедростью. **19** И когда во второй раз собраны были девушки, и Мардохей сидел у ворот царских, **20** Есфирь все еще не сказывала о родстве своем и о народе своем, как приказал ей Мардохей; а слово Мардохея Есфирь выполняла *и теперь* так же, как тогда, когда была у него на воспитании. **21** В это время, как Мардохей сидел у ворот

בת־דָּלוּ כִּי אֵין לָהּ אֵב וְאִם וְהַנְּעָרָה יִפְתֹּהֶאֱרַל וְטוֹבַת מִרְאָה ¹²
 8 וּבְמִזֹּת אֲבִיהָ וְאִמּוֹה לְקַחְתָּהּ מִרְדְּכָי לֹו לְבַת: ⁸ וַיְהִי בַּהֲשָׁמְעָה דְּבַר־
 הַמֶּלֶךְ וְדָתוֹ וּבַהֲקַבֵּץ נְעָרוֹת רַבּוֹת אֶל־שׁוֹשֵׁן הַבֵּירָה אֶל־יָד הַגָּי ⁹
 9 וּתְלַקַּח אֶסְתֵּר אֶל־בֵּית הַמֶּלֶךְ אֶל־יָד הַגָּי שֹׁמֵר הַנָּשִׁים: ⁹ וַתֵּיטֵב ¹⁰
 הַנְּעָרָה בְּעֵינָיו וַתִּשָּׂא חֶסֶד לְפָנָיו וַיְבַהֵל אֶת־תַּמְרוֹקִיָּה וְאֶת־מְנוּתָהָ ¹⁰
 לְתַת לָהּ וְאֵת שֶׁבַע הַנְּעָרוֹת הַרְאִיזוֹת לְתַת־לָהּ מִבֵּית הַמֶּלֶךְ וַיִּשְׁנֶנָּה ¹¹
 10 וְאֶת־נְעָרוֹתֶיהָ לְטוֹב בֵּית הַנָּשִׁים: ¹⁰ לֹא־הִנְיָדָה אֶסְתֵּר אֶת־עַמּוּהָ ¹¹
 11 וְאֶת־מוֹלְדֹתָהּ כִּי מִרְדְּכָי צָוָה עָלֶיהָ אֲשֶׁר לֹא־תִנְיָד: ¹¹ וּבְכָל־יְוֹם ¹²
 11 וַיּוֹם מִרְדְּכָי מִתְהַלֵּךְ לְפָנָי חֲצַר בֵּית־הַנָּשִׁים לְדַעַת אֶת־שָׁלוֹם ¹²
 12 אֶסְתֵּר וּמַה־יַּעֲשֶׂה בָּהֶּ: ¹² וּבַהֲנִיעַ תֵּר נְעָרָה וְנְעָרָה לְבֹוא אֶל־ ¹³

הַמֶּלֶךְ אַחֲשֹׁרוּשׁ מִקֵּץ הַיּוֹת לָהּ כַּדַּת הַנָּשִׁים שְׁנַיִם עָשָׂר חֹדְשֵׁי כִּי
 כֵן יִמְלְאוּ יַמֵּי מְרוֹקִיתָן שְׁשֶׁה חֲדָשִׁים בְּשִׁמּוֹן הַמֶּלֶךְ וְשֶׁשֶׁה חֲדָשִׁים
 בְּשָׁמַיִם וּבַת־מְרוֹקִי הַנָּשִׁים: ¹³ וּבָזָה הַנְּעָרָה בָּאָה אֶל־הַמֶּלֶךְ ¹³
 אֵת כָּל־אֲשֶׁר תֹּאמַר יִגְתֵּן לָהּ לְבֹוא עִמָּה מִבֵּית הַנָּשִׁים עַד־בֵּית
 הַמֶּלֶךְ: ¹⁴ בְּעֶרְבֹו הָיָא בָּאָה וּבְבֹקֶר הָיָא שָׁבָה אֶל־בֵּית הַנָּשִׁים ¹⁴
 שְׁנַיִם אֶל־יָד שְׁעֵשְׁנֹו סָרִיס הַמֶּלֶךְ שֹׁמֵר הַפְּיִלְנָשִׁים לֹא־תִבֹּוא עוֹד
 אֶל־הַמֶּלֶךְ כִּי אִם־חֲפִץ בָּהֶּ הַמֶּלֶךְ וְנִקְרָאָה בְּשֵׁם: ¹⁵ וּבַהֲנִיעַ תֵּר־
 אֶסְתֵּר בַּת־אֲבִיתָל יָד מִרְדְּכָי אֲשֶׁר לְקַח־לוֹ לְבַת לְבֹוא אֶל־
 הַמֶּלֶךְ לֹא בִקְשָׁה דְּבָר כִּי אִם אֶת־אֲשֶׁר יֹאמַר הַגָּי סָרִיס־הַמֶּלֶךְ
 שֹׁמֵר הַנָּשִׁים וַתְּהִי אֶסְתֵּר נִשְׂאֵת חֵן בְּעֵינָי כָּל־רְאִיָּה: ¹⁶ וַתְּלַקַּח ¹⁶
 אֶסְתֵּר אֶל־הַמֶּלֶךְ אַחֲשֹׁרוּשׁ אֶל־בֵּית מַלְכוּתוֹ בַּחֲדָשׁ הָעֵשְׂרִי־
 הוּא־חֲדָשׁ טַבְּתָהּ בְּשַׁנַּת־שֶׁבַע לְמַלְכוּתוֹ: ¹⁷ וַיֵּאָהֵב הַמֶּלֶךְ אֶת־
 אֶסְתֵּר מִכָּל־הַנָּשִׁים וַתִּשָּׂא־חֵן וַחֶסֶד לְפָנָיו מִכָּל־הַבְּתוּלֹת וַיִּשָּׂם
 כְּתֹר־מַלְכוּת בְּרֹאשָׁהּ וַיִּמְלִיכָהּ תַּחַת וְשֵׁתִי: ¹⁸ וַיַּעַשׂ הַמֶּלֶךְ מִשְׁתָּהּ ¹⁸
 גְּדוֹל לְכָל־שָׂרָיו וְעַבְדָּיו אֵת מִשְׁתָּהּ אֶסְתֵּר וְהַנְּחָה לְמַדְיָנוֹת עֲשֶׂה
 וַיִּתֵּן מִשְׂאֵת כֶּיֶד הַמֶּלֶךְ: ¹⁹ וּבַהֲקַבֵּץ בְּתוּלֹת שְׁנִיתָהּ וּמִרְדְּכָי יֵשֵׁב ¹⁹
 בְּשַׁעַר־הַמֶּלֶךְ: ²⁰ אֵין אֶסְתֵּר מַנְדֵּת מוֹלְדֹתָהּ וְאֶת־עַמּוּהָ כַּאֲשֶׁר ²⁰
 צָוָה עָלֶיהָ מִרְדְּכָי וְאֶת־מֵאמַר מִרְדְּכָי אֶסְתֵּר עֲשֶׂה כַּאֲשֶׁר הִיָּתָה ²¹
 בְּאִמְנָהּ אִתּוֹ: ²¹ בְּיָמִים הָהֵם וּמִרְדְּכָי יֵשֵׁב בְּשַׁעַר־הַמֶּלֶךְ ²¹

ל ומל. ו. רט"ז
 ל. יא"ט בטע וכל מלכים
 ויחזק דכות ב מ ב .
 יא"ט בטע וכל מלכים
 ויחזק דכות ב מ ב .
 ג בטע מלרע ול בליש
 ל. ב מל
 ב. כ"ג
 ה. כ"ג. פ. ג מנה בסיס
 ל. ב. כ"ג.
 ג. ל. כ"ג.
 ה. כ"ג. פ. ג מנה בליש.
 ח. ב. ב. כ"ג. חס בסיס
 ל. ב. ב. בסיס. ג. חס בסיס

царских, два царских евнуха, Гавафа и Фарра, оберегавшие порог, озлобились [за то, что предпочтен был Мардохей], и замыслили наложить руку на царя Артаксеркса. **22** Узнав о том, Мардохей сообщил царице Есфири, а Есфирь сказала царю от имени Мардохея. **23** Дело было исследовано и найдено *верным*, и их обоих повесили на дереве. И было вписано о благодеянии Мардохея в книгу дневных записей у царя.

3 После сего возвеличил царь Артаксеркс Амана, сына Амадафа, Вугеянина, и вознес его, и поставил седалище его выше всех князей, которые у него; **2** и все служащие при царе, которые *были* у царских ворот, кланялись и падали ниц перед Аманом, ибо так приказал царь. А Мардохей не кланялся и не падал ниц. **3** И говорили служащие при царе, которые у царских ворот, Мардохею: зачем ты престоупаешь повеление царское? **4** И как они говорили ему каждый день, а он не слушал их, то они донесли Аману, чтобы посмотреть, устоит ли в слове *своем* Мардохей, ибо он сообщил им, что он Иудеянин.

5 И когда увидел Аман, что Мардохей не кланяется и не падает ниц перед ним, то исполнился гнева Аман. **6** И показалось ему ничтожным наложить руку на одного Мардохея; но так как сказали ему, из какого народа Мардохей, то задумал Аман истребить всех Иудеев, которые *были* во всем царстве Артаксеркса, *как* народ Мардохеев. **7** [И сделал совет] в первый месяц, который есть месяц Нисан, в двенадцатый год царя Артаксеркса, и бросали пур, то есть жребий, пред лицом Амана изо дня в день и из месяца в месяц, [чтобы в один день погубить народ Мардохеев, и пал жребий] на двенадцатый *месяц*, то есть на месяц Адар. **8** И сказал Аман царю Артаксерксу: есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям царства твоего; и законы их отличны от *законов* всех народов,

и законов царя они не выполняют; и царю не следует *так* оставлять их. **9** Если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить их, и десять тысяч талантов серебра я отвешу в руки приставников, чтобы внести в казну царскую. **10** Тогда снял царь перстень свой с руки своей и отдал его Аману, сыну Амадафа, Вугеянину, чтобы скрепить указ против Иудеев. **11** И сказал царь Аману: отдаю тебе *это* серебро и народ; поступи с ним, как тебе угодно.

12 И призваны были писцы царские в первый месяц, в тринадцатый день его, и написано было, как приказал Аман, к сатрапам царским и к начальствующим над каждою областью [от области Индийской до Ефиопии, над ста двадцатью семью областями], и к князьям у каждого народа, в каждую область письменами ее и к каждому народу на языке его: *все* было написано от имени царя Артаксеркса и скреплено царским перстнем. **13** И посланы бы-

יא קצף^א בגתן ות'רש^א שני־סריסי המלך משמרי הסף ויבקשו לשלח
 יד במלך אחשורש: 22 וי'רע הדבר למרדכי ויגד לאסתר המלכה^ב
 ותיאמר אסתר למלך בשם מרדכי: 23 ויבקש הדבר וימצא ויתלו^ג
 שניהם על־עץ ויכתב בספר דברי הימים לפני המלך: 24

3 א אתר^א הדברים האלה גדל המלך אחשורוש את־המן בן־
 המרתא האגגי וינשאהו וישם את־כסאו מעל כל־השרים אשר
 אהו: 2 וכל־עבדי המלך אשר־בשער המלך פרעים ומשתחוים
 להמן כי־כן צוה־לו המלך ומרדכי לא יכרע ולא ישתחנה:^ג
 3 ויאמרו עבדי המלך אשר־בשער המלך למרדכי מדוע אתה
 עובר את מצות המלך: 4 ויהי באמרים אליו יום ויום ולא שמע
 אליהם ויגידו להמן לראות היעמדו דברי מרדכי כי־הגיד להם
 אשר־הוא יהודי: 5 וי'רא המן כי־אין מרדכי כרע ומשתחנה לו
 וימלא המן חמה: 6 ויגז' בעיניו לשלח יד במרדכי לבדו כי־
 הגידו לו את־עם מרדכי ויבקש המן להשמיד את־כל־היהודים
 אשר בקל־מלכות אחשורוש עם מרדכי: 7 בתדש הראשון
 הוא־חדש ניסן בשנת שתים עשרה למלך אחשורוש הפיל פור
 הוא הגז'ל לפני המן מיום ליום ומחדש לחדש שנים־עשר הוא
 חדש אדר: 8 ויאמר המן למלך אחשורוש ישנו עם־אחד
 מפזר ומפזר בין העמים בכל מדינות מלכותך ודתי'ם שנות
 מכל־עם ואת־דתי המלך אינם עשים ולמלך אין־שנה להניחם:^א
 9 אם־על־המלך טוב יכתב לאבדם ועשרת אלפים כפר־כסף
 אשקול על־ידי' עשי המלאכה להביא אל־גנזי המלך: 10 ויסר
 המלך את־טבעתו מעל ידו ויתנה להמן בן־המרתא האגגי צ'ר
 היהודים: 11 ויאמר המלך להמן הכסף נתון לך והעם לעשות
 בו כטוב בעיניך: 12 ויקראו ספרי המלך בתדש הראשון בשלושה
 עשר יום בו ויכתב ככל־אשר־צוה המן אל אחשורשני־המלך
 ואל־הפחות אשר א על־מדינה ומדינה ואל־שרי עם ועם מדינה

1 א. ר. פ. ב.
 2 ל. ס. ד. מנה בסיפ. ל.
 3 ו. ז. ו. ג. ב. ע. י.
 4 ח. מ. ל. וכל יחזק דכות
 ב. מ. א. כאמרים. ב.
 5 ג. ומל בסיפ.
 6 ז. ב. א. ג.
 7 ב. בספוק.
 8 א. ב. בספוק.
 9 ז. ר. פ. י. ו.
 10 ז. וכל זכה אתנה וס"ס
 דכות. י. ז. ב. ל. ל.
 11 ו. מ. ל. בליש. י. כ. י.
 12 כ. ח.
 13 ז. ו. מ. ל.
 14 ז. ו. ח. מ. ה. ספוק
 מן מ מילין. ד. ב. ז.
 15 א. בסיפ. י. ד. בכתוב.

ли письма через гонцов во все области царя, чтобы убить, погубить и истребить всех Иудеев, малого и старого, детей и женщин в один день, в тринадцатый день двенадцатого месяца, то есть месяца Адара, и имение их разграбить. [Вот список с этого письма: великий царь Артаксеркс начальствующим от Индии до Ефиопии над ста двадцатью семью областями и подчиненным им наместникам. Царствуя над многими народами и властвуя над всею вселенною, я хотел, не превозносясь гордостью власти, но управляя всегда кротко и тихо, сделать жизнь подданных постоянно безмятежною и, соблюдая царство свое мирным и удобо-проходимым до пределов *его*, восстановить желаемый для всех людей мир. Когда же я спросил советников, каким бы образом привести это в исполнение, то отличающийся у нас мудростью и *пользующийся* неизменным благоволением, и доказавший твердую верность, и получивший вторую честь по царю, Аман объяснил нам, что во всех племенах вселенной замешался один враждебный народ, по законам *своим* противный всякому народу, постоянно пренебрегающий царскими повелениями, дабы не благоустроилось безукоризненно совершаемое нами соуправление. Итак, узнав, что один только этот народ всегда противится всякому человеку, ведет образ жизни, чуждый законам, и, противясь нашим действиям, совершает величайшие злодеяния, чтобы царство *наше* не достигло благосостояния, мы повели указанных вам в грамотах Амана, поставленного над делами и второго отца нашего, всех с женами и детьми всецело истребить вражескими мечами, без всякого сожаления и пощады, в тринадцатый день двенадцатого месяца Адара настоящего года, чтобы эти и прежде и теперь враждебные *люди*, быв в один день насильно низвергнуты в преисподнюю, не препятствовали нам в последующее время проводить жизнь мирно

и безмятежно до конца.] **14** Список с указа отдать в каждую область *как* закон, объявляемый для всех народов, чтобы они были готовы к тому дню. **15** Гонцы отправились быстро с царским повелением. Объявлен был указ и в Сузах, престольном городе; и царь и Аман сидели и пили, а город Сузы *был* в смятении.

4 Когда Мардохей узнал все, что делалось, разодрал одежды свои и возложил на себя вретиче и пепел, и вышел на средину города и взывал с воплем великим и горьким: [истребляется народ ни в чем не повинный!] **2** И дошел до царских ворот [и остановился,] так как нельзя было входить в царские ворота во вретиче [и с пеплом]. **3** Равно и во всякой области и месте, куда *только* доходило повеление царя и указ его, было большое сетование у Иудеев, и пост, и плач, и вопль; вретиче и пепел служили постелью для многих.

4 И пришли служанки Есфири и евнухи ее и рассказали ей, и сильно встревожилась царица. И послала одежды, чтобы Мардохей надел их и снял с себя вретиче свое. Но он не принял. **5** Тогда позвала Есфирь Гафаха, одного из евнухов царя, которого он приставил к ней, и послала его к Мардохею узнать: что это и отчего это? **6** И пошел Гафах к Мардохею на городскую площадь, которая пред царскими воротами. **7** И рассказал ему Мардохей обо всем, что с ним случилось, и об определенном числе серебра, которое обещал Аман отвесить в казну царскую за Иудеев, чтобы истребить их; **8** и вручил ему список с указа, обнародованного в Сузах, об истреблении их, чтобы показать Есфири и дать ей знать *обо всем*; притом наказывал ей, чтобы она пошла к царю и молила его о помиловании и просила его за народ свой, [вспомнив дни смирения своего, когда она воспитывалась под рукою моею, потому что Аман, второй по царю, осудил нас на смерть, и чтобы призва-

ומדינה ככתבה ועם ועם פלשונו בשם המלך אחשורש נכתב
 ונתתם בשבעת המלך: ¹³ ונשלוח ספרים בגד הרצים אל כל-
 מדינות המלך להשמיר להרג ולאבד את כל היהודים מנער
 ועד זקן טף ונשים ביום אחד בשלושה עשר לחדש שנים-עשר
 הוא חדש אדר ושללם לבז: ¹⁴ פתשגן הכתב להנתן דת בכל-
 מדינה ומדינה גלוי לכל העמים להיות עתדים ליום הזה:
¹⁵ הרצים יצאו דחופים בדבר המלך והדת נתנה בשושן הבירה
 והמלך והמן ישבו לשמות והעיר שושן נבוכה: ^פ
 4 ומרדכי ידע את כל אשר נעשה ויקרע מרדכי את בגדיו
 וילבש שק ואפר ויצא בתוך העיר ויזעק ויעקה גדלה ומרה:
² ויבוא עד לפני שער המלך כי אין לבוא אל שער המלך בלבוש
 שק: ³ ויבכל מדינה ומדינה מקום אשר דבר המלך ודתו מניע
 אבל גדול ליהודים וצום ובכי ומספר שק ואפר יצע לרבים:
⁴ ותבואינה נערות אסתר וסריסיה ויגידו לה ותתחלתל המלכה
 מאד ותשלח בגדים להלביש את מרדכי ולהסיר שקו מעליו ולא
 קבל: ⁵ ותקרא אסתר להתך מסריסי המלך אשר העמיד לפניה
 ותצוהו על מרדכי לדעת מה-זה ועל מה-זה: ⁶ ויצא התך אל-
 מרדכי אל רחוב העיר אשר לפני שער המלך: ⁷ ויגד לו מרדכי
 את כל אשר קרהו ואת פרשת הכסף אשר אמר המן לשקול על-
 גנזי המלך ביהודיים לאבדם: ⁸ ואת פתשגן כתב הדת אשר-
 נתן בשושן להשמדם נתן לו להראות את אסתר ולהגיד לה
 ולצנות עליה לבוא אל המלך להתחנן לו ולבקש מלפניו על-

ד חס למערב¹³
 ל ומל . כו פסוק דאית
 בהון א"ב . יא כתיב

ג . ג . ג בסוף¹⁴
 ב . ב חדר חס וחד מל . כ¹⁵

ל ומל . ג
 ל ומל

ב ר"ס¹

כל סוף מל כ כ ב חס²

ל . ב . ד .
 וחבאנה⁴ חד מן ה"ה חס
 ק וחד מל ב"ג
 מנה כח כן . ל

ב . ו . מל ול בליש . ל
 ביהודים¹⁰ חד מן ו¹¹
 כת תריו בסוף . ג בסוף

כ א"י . ג
 ל ומל וחד מן יא¹² כת
 תריו . י"ד . ה¹³

ла Господа и сказала о нас царю, да избавит нас от смерти]. **9** И пришел Гафх и пере-сказал Есфири слова Мардохея. **10** И сказа-ла Есфирь Гафаху и послала его *сказать* Мардохею: **11** все служащие при царе и на-роды в областях царских знают, что всяко-му, и мужчине и женщине, кто войдет к ца-рю во внутренний двор, не быв позван, один суд — смерть; только тот, к кому прострет царь свой золотой скипетр, останется жив. А я не звана к царю вот уже тридцать дней. **12** И пересказали Мардохею слова Есфири. **13** И сказал Мардохей в ответ Есфири: не думай, что ты *одна* спасешься в доме цар-ском из всех Иудеев. **14** Если ты промол-чишь в это время, то свобода и избавление придет для Иудеев из другого места, а ты и дом отца твоего погибнете. И кто знает, не для такого ли времени ты и достигла досто-инства царского? **15** И сказала Есфирь в от-вет Мардохею: **16** пойди, собери всех Иуде-ев, находящихся в Сузах, и поститесь ради меня, и не ешьте и не пейте три дня, ни днем, ни ночью, и я с служанками моими буду так-же поститься и потом пойду к царю, хотя это против закона, и если погибнуть — погибну.

17 И пошел Мардохей и сделал, как при-казала ему Есфирь. [И молился он Госпо-ду, вспоминая все дела Господни, и гово-рил: Господи, Господи, Царю, Вседержите-лю! Все в Твоей власти, и нет противящего-ся Тебе, когда Ты захочешь спасти Израи-ля; Ты сотворил небо и землю и все дивное в поднебесной; Ты — Господь всех, и нет *та-кого*, кто воспротивился бы Тебе, Господу. Ты знаешь всё; Ты знаешь, Господи, что не для обиды и не по гордости и не по тщесла-вию я делал это, что не поклонялся тщеслав-ному Аману, ибо я охотно стал бы лобызать следы ног его для спасения Израиля; но я де-лал это для того, чтобы не воздать славы че-ловеку выше славы Божией и не поклонять-ся никому, кроме Тебя, Господа моего, и я не стану делать этого по гордости. И ныне,

Господи Боже, Царю, Боже Авраамов, по-щади народ Твой; ибо замышляют нам по-гибель и хотят истребить изначальное на-следие Твое; не презри достоинства Твоего, которое Ты избавил для Себя из земли Еги-петской; услышь молитву мою и умилосо-рдись над наследием Твоим и обрати сетова-ние наше в веселие, дабы мы, живя, воспева-ли имя Твое, Господи, и не погуби уст, про-славляющих Тебя, Господи. И все Израиль-тяне взывали *всеми* силами своими, потому что смерть их *была* пред глазами их. И ца-рица Есфирь прибегла к Господу, объята смертною горестью, и, сняв одежды славы своей, облеклась в одежды скорби и сетова-ния, и, вместо многоценных мастей, пеплом и прахом посыпала голову свою, и весьма изнурила тело свое, и всякое место, украша-емое в веселии ее, покрыла распущенными волосами своими, и молилась Господу Бо-гу Израилеву, говоря: Господи мой! Ты один Царь наш; помоги мне, одинокой и не име-ющей помощника, кроме Тебя; ибо беда моя близ меня. Я слышала, Господи, от отца мо-его, в родном колене моем, что Ты, Госпо-ди, избрал себе Израиля из всех народов и отцов наших из всех предков их в наследие вечное, и сделал для них то, о чем говорил им. И ныне мы согрешили пред Тобою, и предал Ты нас в руки врагов наших за то, что мы славили богов их: праведен Ты, Господи! А ныне они не удовольствовались горьким рабством нашим, но положили руки свои в руки идолов своих, чтобы ниспровергнуть заповедь уст Твоих, и истребить наследие Твое, и заградить уста воспевающих Тебя, и погасить славу *храма* Твоего и жертвенни-ка Твоего, и отверзть уста народов на про-славление тщетных *богов*, и царю плотско-му величаться вовек. Не предай, Господи, скипетра Твоего *богам* несуществующим, и пусть не радуются падению нашему, но об-рати замысел их на них самих: наветника же против нас предай позору. Помяни, Гос-

וּמְדִינָה כְּכַתְּבָהּ וְעַם וְעַם כְּלִשְׁוֹנוֹ בְּשֵׁם הַמֶּלֶךְ אֲחֻשׁוֹרֵשׁ נִכְתָּב
 וְנִחְתָּם בְּטַבְעַת הַמֶּלֶךְ: ¹³ וְנִשְׁלַח סְפָרִים בְּיַד הָרָצִים אֶל־כָּל־¹³

ד' חס למעריב²⁰
 ל' וכל . כ' סטוק דאית
 בהון א"ב . יא בכתיב

מְדִינֹת הַמֶּלֶךְ יוֹדְעִים אֲשֶׁר כָּל־אִישׁ וְאִשָּׁה אֲשֶׁר יָבֹא־אֶל־הַמֶּלֶךְ¹

כב ב' 17 מנה בטע

אֶל־הַחֲצַר הַפְּנִימִית אֲשֶׁר לֹא־יִקְרָא אַחַת דָּתוֹ לְהַמִּית לְבַד מֵאֲשֶׁר¹⁸

כא¹⁸

1 . ב' חדר כת י וחד כת א¹⁹

יֹשִׁיט־לוֹ הַמֶּלֶךְ אֶת־שַׂרְבִיט הַזֶּהב וְתָהָב וְאֲנִי לֹא נִקְרָאתִי לְבֹא אֶל־

20ג' מל ב' 21 מנה מל
 בכתיב . ל' זקה קמ

הַמֶּלֶךְ זֶה שְׁלוֹשִׁים יוֹם: ¹² וַיִּגְדֹּה לְמַרְדֳּכָי אֶת דְּבַר־י אֶסְתֵּר: פ

¹³ וַיֹּאמֶר מַרְדֳּכָי לְהָשִׁיב אֶל־אֶסְתֵּר אֶל־תְּדַמִּי בְּנַפְשִׁי לְהַמְלִיט¹³

ל . ל

בֵּית־הַמֶּלֶךְ מִכָּל־הַיְהוּדִים: ¹⁴ כִּי אִם־הִחַרְשׁ תַּחֲרִישִׁי בְּעַת הַזֹּאת

ל

22ג' 1. מל 22ג' . ל' ורמטע

רְנַח וְהִצַּלָּה יַעֲמֹד לַיהוּדִים מִמָּקוֹם אַחֵר וְאַתָּה וּבֵית־אָבִיךָ תֵּאבְדוּ

1 . 2 מל וכל ת' ד ס ק
 דכות ב' מ' חס . ל' ל

וּמִי יוֹדֵעַ אִם־לָעַת כָּזֹאת הִנְעַתָּ לְמַלְכוּת: ¹⁵ וְתֹאמֶר אֶסְתֵּר לְהָשִׁיב

16

אֶל־מַרְדֳּכָי: ¹⁶ לֵךְ פְּנוּס אֶת־כָּל־הַיְהוּדִים הַנִּמְצָאִים בְּשׁוֹשָׁן וְצֹמֵזוּ

ב . ל' ומל

עָלַי וְאֵל־הַתְּשִׁחוּ וְאֵל־תְּשָׂחוּ שְׁלֹשֶׁת יָמִים לַיְלָה וְיוֹם גַּם־אֲנִי

24 . ל . ל

וְנִעַרְתִּי אֲצִוִּים בֶּן וּבָכֵן אָבֹא אֶל־הַמֶּלֶךְ אֲשֶׁר לֹא־כָדַת וּכְאֲשֶׁר

25 . ב

¹⁷ וַיַּעֲבֹר מַרְדֳּכָי וַיַּעַשׂ כְּכָל־אֲשֶׁר־צִוְּתָהּ עָלָיו

ל

אֶסְתֵּר: פ

поди, яви Себя нам во время скорби нашей и дай мне мужество. Царь богов и Владыка всякого начальства! даруй устам моим слово благоприятное пред этим львом и исполни сердце его ненавистью к преследующему нас, на погибель ему и единомышленникам его; нас же избавь рукою Твоею и помоги мне, одинокой и не имеющей помощника, кроме Тебя, Господи. Ты имеешь ведение всего и знаешь, что я ненавижу славу незаконных и гнушаюсь ложа необрезанных и всякого иноплеменика; Ты знаешь необходимость мою, что я гнушаюсь знака гордости моей, который бывает на голове моей во дни появления моего, гнушаюсь его, как одежды, оскверненной кровью, и не ношу его во дни уединения моего. И не вкушала раба Твоя от трапезы Амана и не дорожала пиром царским, и не пила вина идола жертвенного, и не веселилась раба Твоя со дня перемены *судьбы* моей донныне, кроме как о Тебе, Господи Боже Авраамов. Боже, имеющий силу над всеми! услышь голос безнадежных, и спаси нас от руки злоумышляющих, и избавь меня от страха моего.]

5 На третий день Есфирь [перестав молиться, сняла одежды сетования и] оделась по-царски, [и сделавшись великолепною, призывая всевидца Бога и Спасителя, взяла двух служанок, и на одну опиралась, как бы предавшись неге, а другая следовала за нею, поддерживая одеяние ее. Она была прекрасна во цвете красоты своей, и лице ее радостно, как бы исполненное любви, но сердце ее было стеснено от страха]. И стала она на внутреннем дворе царского дома, перед домом царя; царь же сидел *тогда* на царском престоле своем, в царском доме, прямо против входа в дом, [облеченный во все одеяние величия своего, весь в золоте и драгоценных камнях, и был весьма страшен]. Когда царь увидел царицу Есфирь, стоящую на дворе, она нашла милость в глазах его. [Обратив лице свое, пламенев-

шее славою, он взглянул с сильным гневом; и царица упала *духом* и изменилась в лице своем от ослабления и склонилась на голову служанки, которая сопровождала ее. И изменил Бог дух царя на кротость, и поспешно встал он с престола своего и принял ее в объятия свои, пока она не пришла в себя. Потом он утешил ее ласковыми словами, сказав ей: что тебе, Есфирь? Я — брат твой; ободрись, не умрешь, ибо наше владычество общее; подойди.] **2** И простер царь к Есфире золотой скипетр, который был в руке его, и подошла Есфирь и коснулась конца скипетра, [и положил *царь* скипетр на шею ее и поцеловал ее и сказал: говори мне. И сказала она: я видела в тебе, господин, как бы Ангела Божия, и смутилось сердце мое от страха пред славою твоею, ибо дивен ты, господин, и лице твое исполнено благодати. — Но во время беседы она упала от ослабления; и царь смутился, и все слуги его утешали ее]. **3** И сказал ей царь: что тебе, царица Есфирь, и какая просьба твоя? Даже до полуцарства будет дано тебе. **4** И сказала Есфирь: [ныне у меня день праздничный;] если царю благоугодно, пусть придет царь с Аманом сегодня на пир, который я приготовила ему. **5** И сказал царь: сходите скорее за Аманом, чтобы сделать по слову Есфири. И пришел царь с Аманом на пир, который приготовила Есфирь. **6** И сказал царь Есфире при питье вина: какое желание твое? оно будет удовлетворено; и какая просьба твоя? *хотя бы* до полуцарства, она будет исполнена. **7** И отвечала Есфирь, и сказала: *вот* мое желание и моя просьба: **8** если я нашла благоволение в очах царя, и если царю благоугодно удовлетворить желание мое и исполнить просьбу мою, то пусть царь с Аманом придет [еще завтра] на пир, который я приготовлю для них, и завтра я исполню слово царя. **9** И вышел Аман в тот день веселый и благодушный. Но когда увидел Аман Мардохея у ворот царских, и тот не встал и с ме-

5 וַיְהִי אִבְנֵי הַשְּׁלִישִׁי וַתִּלְבַּשׁ אֶסְתֵּר מַלְכוּת וַתַּעֲמֹד בַּחֲצַר
 בֵּית-הַמֶּלֶךְ הַפְּנִימִית נֹכַח בֵּית הַמֶּלֶךְ וְהַמֶּלֶךְ יוֹשֵׁב עַל-כִּסֵּא
 2 מַלְכוּתוֹ בְּבֵית הַמֶּלְכוּת נֹכַח פֶּתַח הַבַּיִת: 2 וַיְהִי כִּרְאוֹת הַמֶּלֶךְ
 אֶת-אֶסְתֵּר הַמַּלְכָּה עֹמֶדֶת בַּחֲצַר נִשְׂאָה חֵן בְּעֵינָיו וַיִּזְשַׁט הַמֶּלֶךְ
 לְאֶסְתֵּר אֶת-שַׂרְבִיט הַזֶּהָב אֲשֶׁר בְּיָדוֹ וַתִּקְרַב אֶסְתֵּר וַתִּנָּע בְּרֹאשׁ
 3 הַשַּׂרְבִיט: 3 וַיֹּאמֶר לָהּ הַמֶּלֶךְ מַה-לָּךְ אֶסְתֵּר הַמַּלְכָּה יי
 4 וּמַה-בְּקִשְׁתְּךָ עַד-חֲצֵי הַמַּלְכוּת וַיִּגְתֵּן לָךְ: 4 וַתֹּאמֶר אֶסְתֵּר אִם-ס
 עַל-הַמֶּלֶךְ טוֹב יָבוֹא הַמֶּלֶךְ וְהָמֵן הַיּוֹם אֶל-הַמִּשְׁתָּה אֲשֶׁר-עָשִׂיתִי
 5 לוֹ: 5 וַיֹּאמֶר הַמֶּלֶךְ מִהֲרִי אֶת-הָמֵן לַעֲשׂוֹת אֶת-דְּבַר אֶסְתֵּר וַיָּבֹא
 6 הַמֶּלֶךְ וְהָמֵן אֶל-הַמִּשְׁתָּה אֲשֶׁר-עָשְׂתָה אֶסְתֵּר: 6 וַיֹּאמֶר הַמֶּלֶךְ
 לְאֶסְתֵּר בְּמִשְׁתָּה הַיּוֹן מַה-שְּׂאֵלְתְךָ וַיִּגְתֵּן לָךְ וּמַה-בְּקִשְׁתְּךָ עַד-

חֲצֵי הַמַּלְכוּת וַתַּעֲשׂ: 7 וַתַּעַן אֶסְתֵּר וַתֹּאמֶר שְׂאֵלְתִי וּבְקִשְׁתִּי: 7
 8 אִם-מִצְאֵתִי חֵן בְּעֵינֵי הַמֶּלֶךְ וְאִם-עַל-הַמֶּלֶךְ טוֹב לָתֵת אֶת-
 שְׂאֵלְתִי וְלַעֲשׂוֹת אֶת-בְּקִשְׁתִּי יָבוֹא הַמֶּלֶךְ וְהָמֵן אֶל-הַמִּשְׁתָּה אֲשֶׁר
 אֶעֱשֶׂה לָהֶם וּמִתָּר אֶעֱשֶׂה כְּדִבְרֵי הַמֶּלֶךְ: י
 9 וַיֵּצֵא הָמֵן בַּיּוֹם הַהוּא שְׂמֵחַ וְטוֹב לֵב וּכְרְאוֹת הָמֵן אֶת-
 מִרְדֵּכַי בְּשַׁעַר הַמֶּלֶךְ וְלֹא-קָם וְלֹא-נָע מִמֶּנּוּ וַיִּמְלֵא הָמֵן עַל-מִרְדֵּכַי
 חֲצֵי הַסֵּפֶר
 בַּפְּסוּקִים
 הַזֶּה מִלְּפָנֵי יְהוָה
 מִלְּפָנֵי הַמֶּלֶךְ
 יי
 יא
 יב
 יג

ста не тронулся пред ним, тогда исполнился Аман гневом на Мардохея. **10** Однако же скрепился Аман. А когда пришел в дом свой, то послал позвать друзей своих и Зерешь, жену свою. **11** И рассказывал им Аман о великом богатстве своем и о множестве сыновей своих и обо всем том, как возвеличил его царь и как вознес его над князьями и слугами царскими. **12** И сказал Аман: да и царица Есфирь никого не позвала с царем на пир, который она приготовила, кроме меня; так и на завтра я зван к ней с царем. **13** Но всего этого не довольно для меня, доколе я вижу Мардохея Иудеянина сидящим у ворот царских. **14** И сказала ему Зерешь, жена его, и все друзья его: пусть приготовят дерево вышиною в пятьдесят локтей, и утром скажи царю, чтобы повесили Мардохея на нем, и тогда весело иди на пир с царем. И понравилось это слово Аману, и он приготовил дерево.

6 В ту ночь Господь отнял сон от царя, и он велел [слуге] принести памятную книгу дневных записей; и читали их пред царем, **2** и найдено записанным *там*, как донес Мардохей на Гавафу и Фарру, двух евнухов царских, оберегавших порог, которые замыслили наложить руку на царя Артаксеркса. **3** И сказал царь: какая дана почесть и отличие Мардохею за это? И сказали отроки царя, служившие при нем: ничего не сделано ему. **4** [Когда царь расспрашивал о благодеянии Мардохея, пришел на двор Аман,] и сказал царь: кто на дворе? Аман же пришел *тогда* на внешний двор царского дома поговорить с царем, чтобы повесили Мардохея на дереве, которое он приготовил для него. **5** И сказали отроки царю: вот, Аман стоит на дворе. И сказал царь: пусть войдет. **6** И вошел Аман. И сказал ему царь: что сделать бы тому человеку, которого царь хочет отличить почестью? Аман подумал в сердце своем: кому *другому* захочет царь оказать почесть, кроме меня? **7** И

сказал Аман царю: тому человеку, которого царь хочет отличить почестью, **8** пусть принесут одеяние царское, в которое одевается царь, и *приведут* коня, на котором ездит царь, возложат царский венец на голову его, **9** и пусть подадут одеяние и коня в руки одному из первых князей царских, — и облекут того человека, которого царь хочет отличить почестью, и выведут его на коне на городскую площадь, и провозгласят пред ним: так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почестью! **10** И сказал царь Аману: [хорошо ты сказал;] тотчас же возьми одеяние и коня, как ты сказал, и сделай это Мардохею Иудеянину, сидящему у царских ворот; ничего не опусти из всего, что ты говорил. **11** И взял Аман одеяние и коня и облек Мардохея, и вывел его на коне на городскую площадь и провозгласил пред ним: так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почестью! **12** И возвратился Мардохей к царским воротам.

חַמָּה: ¹⁰ וַיִּתְאַפֵּק הָמֶן וַיָּבֹא אֶל־בֵּיתוֹ וַיִּשְׁלַח וַיִּבְאֵ אֶת־אֶהֱבִי וְאֶת־
 זָרֵשׁ אֲשֶׁרָוּ: ¹¹ וַיִּסְפֹּר לָהֶם הָמֶן אֶת־כְּבוֹד עֲשָׂרוֹ וְרֹב בְּגָדָיו וְאֶת־
 כָּל־אֲשֶׁר גָּדְלוֹ הַמְּלָךְ וְאֶת־אֲשֶׁר נִשְׂאוֹ עַל־הַשָּׂרִים וְעַבְדֵי־הַמְּלָךְ:
¹² וַיֹּאמֶר הָמֶן אַף לֹא־הִבִּיאָהּ אֶסְתֵּר הַמְּלָכָה עִם־הַמְּלָךְ אֶל־
 הַמִּשְׁתֶּה אֲשֶׁר־עָשְׂתָה כִּי אִם־אוֹתִי וְגַם־לְמוֹתָר אֲנִי קָרוֹא־לָהּ עִם־
 הַמְּלָךְ: ¹³ וְכָל־זֶה אֵינְנוֹ שׂוֹה לִי בְּכָל־עֵת אֲשֶׁר אֲנִי רֹאֶה אֶת־
 מְרֻדְכָי הַיְּהוּדִי יוֹשֵׁב בְּשַׁעַר הַמְּלָךְ: ¹⁴ וַתֹּאמֶר לוֹ זָרֵשׁ אֲשֶׁרָוּ וְכָל־
 אֶהֱבִי וַעֲשׂוּ־עִין נְכוּהַ חַמְשִׁים אַמָּה וּבִבְקָר | אָמַר לְמֶלֶךְ וַיִּתְּלוּ אֶת־
 מְרֻדְכָי עָלָיו וּבָא־עִם־הַמְּלָךְ אֶל־הַמִּשְׁתֶּה שְׂמֵחַ וַיִּיטֵב הַדָּבָר לְפָנָיו
 הָמֶן וַיַּעַשׂ הָעֵץ: ¹⁵

¹⁰ כל סיס מל במ ב¹⁷
¹¹ on

ב. ל. ב.

יב בסע ר"ס. יג. יד.

הכ. כו. כז. כח. כט. לו. ל. מל ה' מנה
 בכתיב. ה. ל.

ו. ז. ח. ט.

חכ. חס בשטואל ובכתיב
 וחד מן ב"ה לשון ביאה

¹ 6 בְּלֵילָה הַהוּא אֶנְרְדָה שְׁנַתָּה הַמְּלָךְ וַיֹּאמֶר לְהֵבִיא אֶת־סֹפֶר
 הַזְכָּרֹנוֹת דְּבַרֵי הַיָּמִים וַיְהִיו נִקְרָאִים לְפָנָיו הַמְּלָךְ: ² וַיִּמָּצֵא כְתוּב
 אֲשֶׁר הֵגִיד מְרֻדְכָי עַל־בְּגִתָּנָא וְחָרֵשׁ שְׁנֵי סָרִיסֵי הַמְּלָךְ מִשְׁמָרֵי
 הַסֶּף אֲשֶׁר בִּקְשׂוּ לִשְׁלַח יָד בַּמְּלָךְ אַחֲשׁוּרוּשׁ: ³ וַיֹּאמֶר הַמְּלָךְ מַה־
 נַעֲשֶׂה יָקָר וְגִדּוּלָה לְמְרֻדְכָי עַל־זֶה וַיֹּאמְרוּ נַעֲרֵי הַמְּלָךְ מִשְׁרָתָיו
 לֹא־נַעֲשֶׂה עִמּוֹ דָּבָר: ⁴ וַיֹּאמֶר הַמְּלָךְ מִי בְּחָצֵר וְהָמֶן בָּא לְחַצְרֵי
 בֵּית־הַמְּלָךְ הַחִיצוֹנָה לֵאמֹר לְמֶלֶךְ לְחַלּוֹת אֶת־מְרֻדְכָי עַל־הָעֵץ
 אֲשֶׁר־הִקִּין לוֹ: ⁵ וַיֹּאמְרוּ נַעֲרֵי הַמְּלָךְ אֵלָיו הִנֵּה הָמֶן עֹמֵד בְּחָצֵר

ב'. ה. כשיניה

ג. ד. ה.

ו. ז. ח. ט.

י. יא. יב. יג. יד. טו. טז.

יז. יח. יט. כ. כא. כב. כג. כד. כה. כו. כז. כח. כט. לו. ל. מל ה' מנה
 בכתיב. ה. ל.

ו. ז. ח. ט.

י. יא. יב. יג. יד. טו. טז.

יז. יח. יט. כ. כא. כב. כג. כד. כה. כו. כז. כח. כט. לו. ל. מל ה' מנה
 בכתיב. ה. ל.

⁶ וַיֹּאמֶר הַמְּלָךְ יָבֹא: ⁶ וַיָּבֹא הָמֶן וַיֹּאמֶר לוֹ הַמְּלָךְ מַה־לַּעֲשׂוֹתָ
 בְּאִישׁ אֲשֶׁר הַמְּלָךְ חִפֵּץ בִּיקְרוֹ וַיֹּאמֶר הָמֶן בְּלָבוֹ לְמִי יִחְפֹּץ הַמְּלָךְ
 לַעֲשׂוֹת יָקָר יוֹתֵר מִמֶּנִּי: ⁷ וַיֹּאמֶר הָמֶן אֶל־הַמְּלָךְ אִישׁ אֲשֶׁר הַמְּלָךְ
 חִפֵּץ בִּיקְרוֹ: ⁸ וַיִּבְיֵאוּ לְבוּשׁ מַלְכוּת אֲשֶׁר לְבַשְׂבוּ הַמְּלָךְ וְסוּס
⁹ אֲשֶׁר רָכַב עָלָיו הַמְּלָךְ וַאֲשֶׁר נָתַן כְּתוֹר מַלְכוּת בְּרֵאשׁוֹ: ⁹ וַנִּתּוֹן
 הַלְּבוּשׁ וְהַסּוּס עַל־יַד־אִישׁ מִשְׁרֵי הַמְּלָךְ הַפְּרָתָמִים וְהַלְּבִישׁוּ
 אֶת־הָאִישׁ אֲשֶׁר הַמְּלָךְ חִפֵּץ בִּיקְרוֹ וְהַרְפִּיבֵהוּ עַל־הַסּוּס בְּרִחוּב
 הָעֵיר וּקְרָאוּ לְפָנָיו בְּכַה יַעֲשֶׂה לְאִישׁ אֲשֶׁר הַמְּלָךְ חִפֵּץ בִּיקְרוֹ:
¹⁰ וַיֹּאמֶר הַמְּלָךְ לְהָמֶן מַה־רַח אֶת־הַלְּבוּשׁ וְאֶת־הַסּוּס כַּאֲשֶׁר
 דִּבַּרְתָּ וַעֲשֶׂה־כֵן לְמְרֻדְכָי הַיְּהוּדִי הַיּוֹשֵׁב בְּשַׁעַר הַמְּלָךְ אֶל־תִּפְּל
¹¹ דָּבָר מְכַל אֲשֶׁר דִּבַּרְתָּ: ¹¹ וַיִּקַּח הָמֶן אֶת־הַלְּבוּשׁ וְאֶת־הַסּוּס וַיִּלְבֹּשׁ
 אֶת־מְרֻדְכָי וַיַּרְפִּיבֵהוּ בְּרִחוּב הָעֵיר וַיִּקְרָא לְפָנָיו בְּכַה יַעֲשֶׂה
¹² לְאִישׁ אֲשֶׁר הַמְּלָךְ חִפֵּץ בִּיקְרוֹ: ¹² וַיּוֹשֵׁב מְרֻדְכָי אֶל־שַׁעַר הַמְּלָךְ

כל סיס מל במ ב⁶ חכ

אמירה פלוני בלבו ו. ל.

ז מל בליש' . יז וכל
 תלים דכות ב מ יא

ס

כא. יד. יז. יח. יט. כ. כא. כב. כג. כד. כה. כו. כז. כח. כט. לו. ל. מל ה' מנה
 בכתיב. ה. ל.

י. יא. יב. יג. יד. טו. טז.

יז. יח. יט. כ. כא. כב. כג. כד. כה. כו. כז. כח. כט. לו. ל. מל ה' מנה
 בכתיב. ה. ל.

י. יא. יב. יג. יד. טו. טז.

יז. יח. יט. כ. כא. כב. כג. כד. כה. כו. כז. כח. כט. לו. ל. מל ה' מנה
 בכתיב. ה. ל.

י. יא. יב. יג. יד. טו. טז.

יז. יח. יט. כ. כא. כב. כג. כד. כה. כו. כז. כח. כט. לו. ל. מל ה' מנה
 בכתיב. ה. ל.

י. יא. יב. יג. יד. טו. טז.

יז. יח. יט. כ. כא. כב. כג. כד. כה. כו. כז. כח. כט. לו. ל. מל ה' מנה
 בכתיב. ה. ל.

Аман же поспешил в дом свой, печальный и закрыв голову. **13** И пересказал Аман Зерешу, жене своей, и всем друзьям своим все, что случилось с ним. И сказали ему мудрецы его и Зерешь, жена его: если из племени Иудеев Мардохей, из-за которого ты начал падать, то не пересилишь его, а наверно падешь пред ним, [ибо с ним Бог живой]. **14** Они еще разговаривали с ним, как пришли евнухи царя и стали торопить Амана идти на пир, который приготовила Есфирь.

7 И пришел царь с Аманом пировать у Есфири царицы. **2** И сказал царь Есфири также и в *этой* второй день во время пира: какое желание твое, царица Есфирь? оно будет удовлетворено; и какая просьба твоя? *хотя бы* до полуцарства, она будет исполнена. **3** И отвечала царица Есфирь и сказала: если я нашла благоволение в очах твоих, царь, и если царю благоугодно, то да будут дарованы мне жизнь моя, по желанию моему, и народ мой, по просьбе моей! **4** Ибо проданы мы, я и народ мой, на истребление, убиение и погибель. Если бы мы проданы были в рабы и рабыни, я молчала бы, хотя враг не вознаградил бы ущерба царя. **5** И отвечал царь Артаксеркс и сказал царице Есфири: кто это такой, и где тот, который отважился в сердце своем сделать так? **6** И сказала Есфирь: враг и неприятель — этот злобный Аман! И Аман затрепетал пред царем и царицею. **7** И царь встал во гневе своем с пира и *пошел* в сад при дворце; Аман же остался умолять о жизни своей царицу Есфирь, ибо видел, что определена ему злая участь от царя. **8** Когда царь возвратился из сада при дворце в дом пира, Аман был припавшим к ложу, на котором находилась Есфирь. И сказал царь: даже и насиловать царицу *хочет* в доме у меня! Слово вышло из уст царя, — и накрыли лице Аману. **9** И сказал Харбона, один из евнухов при царе: вот и дерево, которое приготовил Аман для Мардохея, говорившего доброе для ца-

ря, стоит у дома Амана, вышиною в пятьдесят локтей. И сказал царь: повесьте его на нем. **10** И повесили Амана на дереве, которое он приготовил для Мардохея. И гнев царя утих.

8 В тот день царь Артаксеркс отдал царице Есфири дом Амана, врага Иудеев; а Мардохей вошел пред лице царя, ибо Есфирь объявила, что он для нее. **2** И снял царь перстень свой, который он отнял у Амана, и отдал его Мардохею; Есфирь же поставила Мардохея смотрителем над домом Амана. **3** И продолжала Есфирь говорить пред царем и пала к ногам его, и плакала и умоляла его отвратить злобу Амана Вугеянина и замысел его, который он замыслил против Иудеев. **4** И простер царь к Есфири золотой скипетр; и поднялась Есфирь, и стала пред лицом царя, **5** и сказала: если царю благоугодно, и если я нашла благоволение пред лицом его, и справедливо дело сие пред лицом царя, и нравлюсь я очам

13 והָמֶן נִדְתָּף אֶל-בֵּיתוֹ אָבֵל וַחֲפּוּי רֹאשׁ: 13 וַיִּסְפֹּר הָמֶן לְזַרְשׁ
 אִשְׁתּוֹ וּלְכָל-אֲהָבָיו אֵת כָּל-אֲשֶׁר קָרָהוּ וַיֹּאמְרוּ לוֹ חֲכָמָיו וַזַּרְשׁ
 אִשְׁתּוֹ אִם מִזַּרְע הַיְהוּדִים מִרְדְּכָי אֲשֶׁר הִחְלֹוֹת לְנַפְל לְפָנָיו לֹא-
 חוֹכֵל לוֹ כִּי-נִפְּוֹל הַפְּוֹל לְפָנָיו:^א
 14 עוֹדִם מִדְּבָרִים עִמּוֹ וְסָרִיסִי הַמֶּלֶךְ הִגִּיעוּ וַיִּבְהֹלוּ לְהִבְיֹא
 7 אֶת-הָמֶן אֶל-הַמִּשְׁתָּה אֲשֶׁר-עָשְׂתָה אֶסְתֵּר: 7 וַיָּבֹא הַמֶּלֶךְ וְהָמֶן
 2 לְשִׁתּוֹת עִם-אֶסְתֵּר הַמַּלְכָּה: 2 וַיֹּאמֶר הַמֶּלֶךְ לְאֶסְתֵּר גַּם בַּיּוֹם
 הַשְּׁנִי בַּמִּשְׁתָּה הַזֶּה מָה-שָּׂאלְתָךְ אֶסְתֵּר הַמַּלְכָּה וְתַנְתֵּן לָךְ וּמָה-
 3 בִּקְשָׁתְךָ עַד-חֲצֵי הַמַּלְכוּת וְתַעֲשׂ: 3 וַתַּעַן אֶסְתֵּר הַמַּלְכָּה וַתֹּאמֶר
 אִם-מְצָאתִי תֵן בְּעֵינֶיךָ הַמֶּלֶךְ וְאִם-עַל-הַמֶּלֶךְ טוֹב תִּנָּתֶן-לִי נַפְשִׁי
 4 בְּשִׂאלָתִי וְעַמִּי בִּבְקִשְׁתִּי: 4 כִּי נִמְכַרְנוּ אֲנִי וְעַמִּי לְהַשְׁמִיד לְהַרְגוֹ

2. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000.

его, то пусть было бы написано, чтобы возвращены были письма по замыслу Амана, сына Амадафа, Вугеянина, писанные им об истреблении Иудеев во всех областях царя; **6** ибо, как я могу видеть бедствие, которое постигнет народ мой, и как я могу видеть погибель родных моих? **7** И сказал царь Артаксеркс царице Есфири и Мардохею Иудеянину: вот, я дом Амана отдал Есфири, и его самого повесили на дереве за то, что он налагал руку свою на Иудеев; **8** напишите и вы о Иудеях, что вам угодно, от имени царя и скрепите царским перстнем, ибо письма, написанного от имени царя и скрепленного перстнем царским, нельзя изменить.

9 И позваны были тогда царские писцы в третий месяц, то есть в месяц Сиван, в двадцать третий день его, и написано было все так, как приказал Мардохей, к Иудеям, и к сатрапам, и областеначальникам, и правителям областей от Индии до Ефиопии, ста двадцати семи областей, в каждую область письменами ее и к каждому народу на языке его, и к Иудеям письменами их и на языке их. **10** И написал он от имени царя Артаксеркса, и скрепил царским перстнем, и послал письма чрез гонцов на конях, на дромадерах и мулах царских, **11** о том, что царь позволяет Иудеям, находящимся во всяком городе, собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними, детей и жен, и имение их разграбить, **12** в один день по всем областям царя Артаксеркса, в тринадцатый день двенадцатого месяца, то есть месяца Адара. [Список с этого указа следующий: великий царь Артаксеркс начальствующим от Индии до Ефиопии над ста двадцатью семью областями и властителям, доброжелательствующим нам, радоваться. Многие, по чрезвычайной доброте благодетелей щедро награждаемые почестями, чрезмерно возгордились и не толь-

ко подданным нашим ищут причинить зло, но, не могши насытить гордость, покушаются строить козни самим благодетелям своим, не только теряют чувство человеческой признательности, но, кичась надменностью безумных, преступно думают избежать суда всё и всегда видящего Бога. Но часто и многие, будучи облечены властью, чтоб устроить дела доверивших им друзей, своим убеждением делают их виновниками *пролития* невинной крови и подвергают неисправимым бедствиям, хитросплетением коварной лжи обманывая непорочное благомыслие державных. *Это* можно видеть не столько из древних историй, как мы сказали, сколько из дел, преступно совершаемых пред вами злобою недостойно властвующих. Посему нужно озаботиться на последующее время, чтобы нам устроить царство безмятежным для всех людей в мире, не допуская изменений, но представляющиеся дела обсуждая с надлежащей предусмотрительностью. Так Аман Амадафов, Македонянин, поистине чуждый персидской крови и весьма далекий от нашей благодати, быв принят у нас гостем, удостоился благосклонности, которую мы имеем ко всякому народу, настолько, что был провозглашен нашим отцом и почитаем всеми, представляя второе лицо при царском престоле; но, не умерив гордости, замышлял лишить нас власти и души, а нашего спасителя и всегдашнего благодетеля Мардохея и непорочную общницу царства Есфирь, со всем народом их, домогался разнообразными коварными мерами погубить. Таким образом он думал сделать нас безлюдными, а державу Персидскую передать Македонянам. Мы же находим Иудеев, осужденных этим злодеем на истребление, не зловредными, а живущими по справедливейшим законам, сынами Вышнего, величайшего живаго Бога, даровавшего нам и предкам нашим царство в самом лучшем состоянии. Посему вы хоро-

מִצָּאֵתִי תָן לְפָנָיו וְכָשֶׁר הַדָּבָר לִפְנֵי הַמֶּלֶךְ וְשׂוֹבָה אֲנִי בְּעֵינָיו יִכְתֹּב
 לְהָשִׁיב אֶת־הַסְּפָרִים מִחֲשֻׁבֶת הַמֶּן בֶּן־הַמְּדֻתָּא הָאֲנִי^א אֲשֶׁר

- 6 כָּתַב לְאַבְדֹּתֶיךָ הַיְהוּדִים אֲשֶׁר בְּכָל־מְדִינֹתֶיךָ: ⁶ כִּי אֵיכָכָה וְ
 אוכל וְרֵאִיתִי בְּרָעָה אֲשֶׁר־יִמְצָא אֶת־עַמִּי וְאֵיכָכָה אוכל וְרֵאִיתִי^א יב. ב. א. יב.^א
- 7 בְּאֶבְרֹן מוֹלְדָתִי: ⁷ וַיֹּאמֶר הַמֶּלֶךְ אַחְשֹׁרֶשׁ לְאַסְתֹּר הַמַּלְכָּה
 וְלַמְּרֻדְכֵי הַיְהוּדִי הַזֶּה בֵּית־הַמֶּן נִתְּתִי לְאַסְתֹּר וְאִתּוֹ תָּלִו עַל־הָעֵץ
 עַל אֲשֶׁר־שָׁלַח יָדוֹ בַּיְהוּדִים: ⁸ וְאַתֶּם כָּתְבוּ עַל־הַיְהוּדִים כְּטוֹב
 בְּעֵינֵיכֶם בְּשֵׁם הַמֶּלֶךְ וְחַתְמוּ בְּטַבַּעַת הַמֶּלֶךְ כִּי־כָתַב אֲשֶׁר־נִכְתַּב
 בְּשֵׁם־הַמֶּלֶךְ וְנִחְתָּמוֹ׃ בְּטַבַּעַת הַמֶּלֶךְ אֵין לְהָשִׁיב: ⁹ וַיִּקְרְאוּ סְפָרֵי־
 הַמֶּלֶךְ בְּעֵת־הַהִיא בַּחֲדָשׁ הַשְּׁלִישִׁי הוּא־חֲדָשׁ סִינּוּי בְּשָׁלוֹשָׁה
 וְעֶשְׂרִים בּוֹ וַיִּכְתֹּב כָּכָל־אֲשֶׁר־צִוָּה מְרֻדְכֵי אֶל־הַיְהוּדִים וְאֶל־
 הָאַחְשֻׁרְפָּנִים וְהַפְּחוֹת וְשָׂרֵי הַמְּדִינֹת אֲשֶׁר מִחֲדוֹ וְעַד־כּוֹשׁ שֶׁבַע
 וְעֶשְׂרִים וּמֵאָה מְדִינָה מְדִינָה וּמְדִינָה כְּכַתְּבָהּ וְעַם וְעַם כָּל־שְׁנוֹ
 וְאֶל־הַיְהוּדִים כְּכַתְּבָם וְכָל־שׁוֹנָם: ¹⁰ וַיִּכְתֹּב בְּשֵׁם הַמֶּלֶךְ אַחְשֹׁרֶשׁ
 וַיְחַתֵּם בְּטַבַּעַת הַמֶּלֶךְ וַיִּשְׁלַח סְפָרִים בְּיַד הַרְצִים בְּסוּסִים רַכְבֵּי
 הָרֶכֶשׁ הָאַחְשֻׁרְנַיִם בְּנֵי הַרְמָכִים: ¹¹ אֲשֶׁר נָתַן הַמֶּלֶךְ לַיְהוּדִים וְ
 אֲשֶׁר בְּכָל־עִיר־וְעִיר לְהַקְהֵל וְלַעֲמֹד עַל־נַפְשָׁם לְהַשְׁמִיד וְלַהֲרֹג
 וְלֹאֲבֹד אֶת־כָּל־חַיִּל עִם וּמְדִינָה הַצָּרִים אֲתֶם טָף וְנָשִׁים וְשָׁלָלָם
 לְבוֹז: ¹² בַּיּוֹם אֶחָד בְּכָל־מְדִינֹתֶיךָ אַחְשֹׁרֶשׁ בְּשָׁלוֹשָׁה עָשָׂר

ל. ד. חס למערב. יד.
 ל. כא פסוק על על
 ומילה חדה ביניה
 ביהודים
 חר מן ו' כת
 תרז ו' בסוף

א. בסוף. ד. בכתיב

א. י.

ל. חס בסוף

ד. חס למערב

ב. י.

ב. י.

ו.

ב. י. א.

шо сделаете, не приводя в исполнение грамот, посланных Аманом Амадафовым; ибо он, совершивший это, при воротах Сузских повешен со всем домом, *по воле* владычествующего всем Бога, воздавшего ему скоро достойный суд. Список же с этого указа выставив на всяком месте открыто, оставьте Иудеев пользоваться своими законами и содействуйте им, чтобы восстававшим на них во время скорби они могли отмстить в тринадцатый день двенадцатого месяца Адара, в самый тот день. Ибо владычествующий над всем Бог, вместо гибели избранного рода, устроил им такую радость. И вы, в числе именитых праздников ваших, проводите сей знаменитый день со всем весельем, дабы и ныне и после памятно было спасение для нас и для благорасположенных к нам Персов и погубление строивших нам козни. Всякий город или область вообще, которая не исполнит сего, нещадно опустошится мечом и огнем и сделается не только необитаемою для людей, но и для зверей и птиц навсегда отвратительною.] **13** Список с сего указа отдать в каждую область, как закон, объявляемый для всех народов, чтоб Иудеи готовы были к тому дню мстить врагам своим. **14** Гонцы, поехавшие верхом на быстрых конях царских, погнались скоро и поспешно, с царским повелением. Объявлен был указ и в Сузах, престольном городе. **15** И Мардохей вышел от царя в царском одеянии яхонтового и белого цвета и в большом золотом венце, и в мантии виссонной и пурпуровой. И город Сузы возвеселился и возрадовался. **16** А у Иудеев было тогда освещение и радость, и веселье, и торжество. **17** И во всякой области и во всяком городе, во всяком месте, куда только доходило повеление царя и указ его, была радость у Иудеев и веселье, пиршество и праздничный день. И многие из народов страны сделались Иудеями, потому что напал на них страх пред Иудеями.

9 В двенадцатый месяц, то есть в месяц Адар, в тринадцатый день его, в который пришло время исполниться повелению царя и указу его, в тот день, когда надеялись неприятели Иудеев взять власть над ними, а вышло наоборот, что сами Иудеи взяли власть над врагами своими, — **2** собрались Иудеи в городах своих по всем областям царя Артаксеркса, чтобы наложить руку на зложелателей своих; и никто не мог устоять пред лицом их, потому что страх пред ними напал на все народы. **3** И все князья в областях и сатрапы, и областеначальники, и исполнители дел царских поддерживали Иудеев, потому что напал на них страх пред Мардохеем. **4** Ибо велик был Мардохей в доме у царя, и слава о нем ходила по всем областям, так как сей человек, Мардохей, поднимался выше и выше.

5 И избивали Иудеи всех врагов своих, побивая мечом, умерщвляя и истребляя, и поступали с неприятелями своими по своей воле. **6** В Сузах, городе престольном, умертвили Иудеи и погубили пятьсот человек; **7** и Паршандафу и Далфона и Асфафу, **8** и Порафу и Адалью и Аридафу, **9** и Пармашфу и Арисая и Аридая и Ваиезафу, — **10** десятерых сыновей Амана, сына Амадафа, врага Иудеев, умертвили они, а на грабеж не простерли руки своей. **11** В тот же день донесли царю о числе умерщвленных в Сузах, престольном городе. **12** И сказал царь царице Есфири: в Сузах, городе престольном, умертвили Иудеи и погубили пятьсот человек и десятерых сыновей Амана; что же сделали они в прочих областях царя? Какое желание твое? и оно будет удовлетворено. И какая еще просьба твоя? она будет исполнена. **13** И сказала Есфирь: если царю благоугодно, то пусть бы позволено было Иудеям, которые в Сузах, делать то же и завтра, что сегодня, и десятерых сыновей Амановых пусть бы повесили на дереве. **14** И приказал царь сделать так; и дан на это указ в

13 לְחֹדֶשׁ שְׁנַיִם-עָשָׂר הוּא-חֹדֶשׁ אֶדְרָר: 13 פִּתְשָׁנָן הַכְּתָב לְהַגְתֵּן דָּת
 בְּכָל-מְדִינָה וּמְדִינָה וְלֹאֵי לְכָל-הָעַמִּים וְלְהוֹיֹת הַיְהוּדָיִים עֵתוּדִים^א
 14 לְיוֹם הַזֶּה לְהַנְקֵם מֵאִיבֵיהֶם: 14 הָרָצִים רֹכְבֵי הָרֶכֶשׁ הָאֲחֻשְׁתָּרָנִים
 יֵצְאוּ מִבְּהָלִים וּדְחוּפִים בְּדַבַּר הַמֶּלֶךְ וְהָיָה נִתְּנָה בְּשׂוֹשֵׁן הַבִּירָה: ^א ל ומל . 1
 15 וּמְרָדְכִי יֵצֵא מִלְּפָנֵי הַמֶּלֶךְ בְּלְבוּשׁ מַלְכוּת תְּכֵלֶת וְחֹזֶר
 וְעֹטְרָת זָהָב וְדוּלָה וְתַכְרִיף בּוּץ וְאַרְגָּמָן וְהָעִיר שׂוֹשֵׁן צְהֵלָה ^ב ב ר"ס . 1
 16 לְיְהוּדָיִים הָיְתָה אוֹרְהָ וְשִׁמְתָה וְשָׁשׁוֹן וַיִּקָּר: 17 וּבְכָל-^א [ח] וְשִׁמְתָה: 16 ל ייהודים היתה אורה ושמתה וששון ויקר: 17 ובכל-

מְדִינָה וּמְדִינָה וּבְכָל-עִיר וְעִיר מְקוֹם אֲשֶׁר דִּבְרַת-הַמֶּלֶךְ וְדָתוֹ
 21 מִזֵּיעַ שִׁמְתָה וְשָׁשׁוֹן לְיְהוּדָיִים מִשְׁתָּה וְיוֹם טוֹב וְרַבִּים מִעַמֵי הָאָרֶץ.
 > מוֹעֲדוֹתֵיהֶם כִּי-נִפְלַח פְּחַד-הַיְהוּדָיִים עֲלֵיהֶם:

9 1 וּבְשָׁנִים עָשָׂר חֹדֶשׁ הוּא-חֹדֶשׁ אֶדְרָר בְּשָׁלוּשָׁה עָשָׂר יוֹם בּוֹ
 אֲשֶׁר הִנִּיעַ דְּבַר-הַמֶּלֶךְ וְדָתוֹ לְהַעֲשׂוֹת בְּיוֹם אֲשֶׁר שָׁבְרוּ אֲבֵי
 הַיְהוּדָיִים לְשָׁלוּשׁ בָּהֶם וְנִהְפְּחוּ הוּא אֲשֶׁר יִשְׁלֹטוּ הַיְהוּדָיִים הַמָּה
 בְּשָׁנָאֵיהֶם: 2 נִקְהָלוּ הַיְהוּדָיִים בְּעָרֵיהֶם בְּכָל-מְדִינֹת הַמֶּלֶךְ^א
 אֲחֻשְׁוֹרוּשׁ לְשַׁלַּח יָד בְּמִבְקָשׁוֹ רַעְתָּם וְאִישׁ לֹא-עָמַד לְפָנֵיהֶם כִּי-
 נִפְלַח פְּחַדָם עַל-כָּל-הָעַמִּים: 3 וְכָל-שְׁלֵי הַמְּדִינֹת וְהָאֲחֻשְׁתָּרָפְנִים
 וְהַפְּחֹת וְעֹשֵׂי הַמְּלָאכָה אֲשֶׁר לְמֶלֶךְ מִנְשָׂאִים אֶת-הַיְהוּדָיִים כִּי-
 נִפְלַח פְּחַד-מְרָדְכִי עֲלֵיהֶם: 4 כִּי-גָדוֹל מְרָדְכִי בְּבֵית הַמֶּלֶךְ וְשִׁמְעוֹ
 הוֹלֵךְ בְּכָל-הַמְּדִינֹת כִּי-הָאִישׁ מְרָדְכִי הוֹלֵךְ וְגָדוֹל: ^א 5 וַיִּכְּפוּ
 הַיְהוּדָיִים בְּכָל-אִיבֵיהֶם מִכַּת-חָרָב וְהָרָג וְאֲבָדָן וַיַּעֲשׂוּ בְּשָׁנָאֵיהֶם
 כְּרָצוֹנָם: 6 וּבְשׂוֹשֵׁן הַבִּירָה הָרְגוּ הַיְהוּדָיִים וְאָבְדוּ חֲמֹשׁ מֵאוֹת

- > אִישׁ: 7 וְאֵתוּ פִּרְשֵׁנְדָתָא וְאֵתוּ 7
- > . 1 ב . דִּלְפֹּן וְאֵתוּ אֲסַפְתָּא: 8 וְאֵתוּ 8
- > . 2 ב . פוֹרְתָא וְאֵתוּ אֲדִלְיָא וְאֵתוּ
- > . 3 ב . אַרְיֹתָא: 9 וְאֵתוּ פִּרְמֹשְׁתָּא וְאֵתוּ 9
- > . 4 ב . אַרְיֹסִי וְאֵתוּ אֲרִי

10 עֹשְׂרַת בְּנֵי הַמֶּן בֶּן-הַמְּדָתָא צָרַר הַיְהוּדָיִים
 הָרְגוּ וּבְבִזָּה לֹא שָׁלְחוּ אֶת-יָדָם:

11 בְּיוֹם הַהוּא בָּא מִסְפָּר הַהַרְוֵגִים בְּשׂוֹשֵׁן הַבִּירָה לְפָנֵי הַמֶּלֶךְ:
 12 וַיֹּאמֶר הַמֶּלֶךְ לְאֲסַתָּר הַמְּלִכָּה בְּשׂוֹשֵׁן הַבִּירָה הָרְגוּ
 הַיְהוּדָיִים וְאָבְדוּ חֲמֹשׁ מֵאוֹת אִישׁ וְאֵת עֹשְׂרַת בְּנֵי-הַמֶּן בְּשִׂאָר מְדִינֹת
 הַמֶּלֶךְ מִנָּה עָשׂוּ וּמִהָ-שְׂאֵלְתָהּ וַיִּגְתֵּן לָהּ וּמִהָ-בְקָשְׁתָּהּ עוֹד וְתַעֲשׂ:
 13 וְתֹאמַר אֲסַתָּר אִם-עַל-הַמֶּלֶךְ טוֹב יִגְתֵּן גַּם-מִחֹר לְיְהוּדָיִים אֲשֶׁר

13 בסים
 א. ב. כ. 15
 היותדים חד מן
 הרי
 כ. 16
 עתודים חד מן ב. חד
 חס וחד מל
 14 ב. 15
 15 ומל . 1
 ב ר"ס . 1
 ל . ב . 1
 ל . ב . 16
 ח מסוק ובכל ובכל 16

1 מילין דמיון בכתיב
 ול בליש . כל חס

1 . 1 כח י"ב
 1 . 2 מילין
 1 . 3 יא אות
 1 . 4 ד וכל נדרים דכות
 כ"ז מל ב מנה בסוף וכל
 משלי וקהלת דכות ב מ . א
 כ"ז מל ב מנה בסוף וכל
 משלי וקהלת דכות
 ב מ . א . ה

Сузах, и десятерых сыновей Амановых повесили.

15 И собрались Иудеи, которые в Сузах, также и в четырнадцатый день месяца Адара и умертвили в Сузах триста человек, а на грабеж не простерли руки своей. **16** И прочие Иудеи, находившиеся в царских областях, собрались, чтобы стать на защиту жизни своей и быть покойными от врагов своих, и умертвили из неприятелей своих семьдесят пять тысяч, а на грабеж не простерли руки своей. **17** *Это было* в тринадцатый день месяца Адара; а в четырнадцатый день сего же месяца они успокоились и сделали его днем пиршества и веселья. **18** Иудеи же, которые в Сузах, собирались в тринадцатый день его и в четырнадцатый день его, а в пятнадцатый день его успокоились и сделали его днем пиршества и веселья. **19** Поэтому Иудеи сельские, живущие в селениях открытых, проводят четырнадцатый день месяца Адара в веселье и пиршестве, как день праздничный, посылая подарки друг ко другу; [живущие же в митрополиях и пятнадцатый день Адара проводят в добром веселье, посылая подарки ближним].

20 И описал Мардохей эти происшествия и послал письма ко всем Иудеям, которые в областях царя Артаксеркса, к близким и к дальним, **21** *о том*, чтобы они установили ежегодно празднование у себя четырнадцатого дня месяца Адара и пятнадцатого дня его, **22** как таких дней, в которые Иудеи сделались покойны от врагов своих, и *как* такого месяца, в который превратилась у них печаль в радость, и сетование — в день праздничный, — чтобы сделали их днями пиршества и веселья, посылая подарки друг другу и подаяния бедным. **23** И приняли Иудеи то, что уже сами начали делать, и о чем Мардохей написал к ним, **24** как Аман, сын Амадафа, Вугеянин, враг всех Иудеев, думал погубить Иудеев и бросал пур, *жребий*, об истреблении и погуб-

лении их, **25** и как Есфирь дошла до царя, и как царь приказал новым письмом, чтобы злой замысл Амана, который он задумал на Иудеев, обратился на голову его, и чтобы повесили его и сыновей его на дереве. **26** Потому и назвали эти дни Пурим, от имени: пур [*жребий*, ибо на языке их жребии называются пурим]. Поэтому, согласно со всеми словами сего письма и с тем, что сами видели и до чего доходило у них, **27** постановили Иудеи и приняли на себя и на детей своих и на всех, присоединяющихся к ним, неотменно, чтобы праздновать эти два дня, по предписанному о них и в свое для них время, каждый год; **28** и чтобы дни эти были памятны и празднуемы во все роды в каждом племени, в каждой области и в каждом городе; и чтобы дни эти Пурим не отменялись у Иудеев, и память о них не исчезла у детей их.

29 Написала также царица Есфирь, дочь Абихаила, и Мардохей Иудеянин, со всею

בְּשׂוֹשׁוֹן לַעֲשׂוֹת כְּדַת הַיּוֹם וְאֵת עֲשֵׂרֵת בְּנֵי-הַמֶּן יִתְּלוּ עַל-הָעֵץ:

14 וַיֹּאמֶר הַמֶּלֶךְ לְהַעֲשׂוֹת כֵּן וּתְתַנֶּן דָּת בְּשׂוֹשׁוֹן וְאֵת עֲשֵׂרֵת בְּנֵי-הַמֶּן תִּלְוֶה: 15 וַיִּקְהָלוּ הַיְהוּדִים אֲשֶׁר-בְּשׂוֹשׁוֹן גַּם בַּיּוֹם אַרְבַּעַה עָשָׂר לְחֹדֶשׁ אֶדְר וַיִּהְרֹגוּ בְּשׂוֹשׁוֹן שְׁלֹשׁ מֵאוֹת אִישׁ וּבְבִזָּה לֹא שָׁלְחוּ

ב ומל. ל
ב בטע. היהודים חד מן
א כת תריו בסיפ

16 אֶת-יָדָם: 16 וְשָׂאָר הַיְהוּדִים אֲשֶׁר בְּמִדְיָנוֹת הַמֶּלֶךְ נִקְהָלוּ | 17

וְעָמְדוּ עַל-נַפְשָׁם וְנִזְחַל מֵאוֹיְבֵיהֶם וְהָרַג בְּשֵׁנָאִיהֶם חַמְשָׁה וְשִׁבְעִים ח

17 אֶלְיָהּ וּבְבִזָּה לֹא שָׁלְחוּ אֶת-יָדָם: 17 בַּיּוֹם-שֶׁלְשָׁה עָשָׂר לְחֹדֶשׁ אֶדְר וְנִזְחַל בְּאַרְבַּעַה עָשָׂר בּוֹ וְעָשָׂה אֹתוֹ יוֹם מְשֻׁתָּה וְשִׁמְחָה: 18

והיהודים חד מן ב בליש
ק וחד מן א כת
תריו בסיפ

18 אֲשֶׁר-בְּשׂוֹשׁוֹן נִקְהָלוּ בְּשִׁלְשָׁה עָשָׂר בּוֹ וּבְאַרְבַּעַה עָשָׂר בּוֹ וְנִזְחַל בְּחַמְשָׁה עָשָׂר בּוֹ וְעָשָׂה אֹתוֹ יוֹם מְשֻׁתָּה וְשִׁמְחָה: 19

הסרטים. 11
ק

19 אֶל-כֵּן הַיְהוּדִים הַפְּרוֹזִים הַיֹּשְׁבִים בְּעָרֵי הַפְּרוֹזוֹת עָשִׂים אֵת יוֹם אַרְבַּעַה עָשָׂר לְחֹדֶשׁ אֶדְר שִׁמְחָה וּמְשֻׁתָּה וַיּוֹם טוֹב וּמְשֻׁלֹּחַ מְנוֹת אִישׁ לְרֵעֵהוּ: 20

20 וַיִּכְתֹּב מְרֹדְכַי אֶת-הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וַיִּשְׁלַח סְפָרִים אֶל-כָּל-הַיְהוּדִים אֲשֶׁר בְּכָל-מִדְיָנוֹת הַמֶּלֶךְ אַחְשָׁרוֹשׁ הַקְּרוּבִים וְהַרְחֹקִים: 21

יא בכתיב. 12
א מל בליש. 13
ק

21 לְקַיִם עֲלֵיהֶם לְהַנִּיחַ עִשִׂים אֵת יוֹם אַרְבַּעַה עָשָׂר לְחֹדֶשׁ אֶדְר וְאֵת יוֹם-חַמְשָׁה עָשָׂר בּוֹ בְּכָל-שָׁנָה וְשָׁנָה: 22

22 בְּהֵם הַיְהוּדִים מֵאוֹיְבֵיהֶם וְהַחֹדֶשׁ אֲשֶׁר נִהְפָּךְ לָהֶם מִיָּגוֹן לְשִׁמְחָה וּמֵאֲבָל לַיּוֹם טוֹב לַעֲשׂוֹת אוֹתָם יְמֵי מְשֻׁתָּה וְשִׁמְחָה וּמְשֻׁלֹּחַ מְנוֹת אִישׁ לְרֵעֵהוּ וּמִתְּנוֹת לְאֲבִיוָנִים: 23

ל. ה מל בכתיב. 17
א חס. 18

23 וְהַחֹדֶשׁ אֲשֶׁר-נִזְחַחוּ בָּהֶם הַיְהוּדִים מֵאוֹיְבֵיהֶם וְהַחֹדֶשׁ אֲשֶׁר נִהְפָּךְ לָהֶם מִיָּגוֹן לְשִׁמְחָה וּמֵאֲבָל לַיּוֹם טוֹב לַעֲשׂוֹת אוֹתָם יְמֵי מְשֻׁתָּה וְשִׁמְחָה וּמְשֻׁלֹּחַ מְנוֹת אִישׁ לְרֵעֵהוּ וּמִתְּנוֹת לְאֲבִיוָנִים: 23 וְקִבְּלָה הַיְהוּדִים אֵת אֲשֶׁר-הִחֲלוּ לַעֲשׂוֹת וְאֵת אֲשֶׁר-כָּתַב מְרֹדְכַי אֲלֵיהֶם: 24

א ומל בסיפ. 25
א חס כל חס. 26

24 וְהַמֶּלֶךְ הָאֲנִי צִוְּרָה כָּל-הַיְהוּדִים חָשְׁבָה עַל-הַיְהוּדִים לְאַבְדָם וְהַפִּיל פּוֹר הוּא הַגּוֹרֵל לְהֵמָּס וְלְאַבְדָם: 25

25 וּבְבִאָהּ לִפְנֵי הַמֶּלֶךְ אָמַר עִם-הַסֶּפֶר יָשׁוּב מִחֲשַׁבְתּוֹ הָרָעָה אֲשֶׁר-חָשַׁב עַל-הַיְהוּדִים

ו וכל אורית רבות
ב בטע. 20
א חס. 21

עַל-רֵאשׁוֹ וְתִלְוֶה אֹתוֹ וְאֵת בְּנָיו עַל-הָעֵץ: 26 עַל-כֵּן קָרְאוּ לַיָּמִים

לְהֵאֱלֹהֵי פְּרוּרִים עַל-שֵׁם הַפּוֹר עַל-כֵּן עַל-כָּל-דְּבָרֵי הָאֲנָרְת הַזֹּאת וְקָרְאוּ עַל-כֹּכָה וְקָרְאוּ אֲלֵיהֶם: 27

27 קִיָּמוּ וְקִבְּלוּ הַיְהוּדִים עֲלֵיהֶם וְעַל-זֵרְעָם וְעַל כָּל-הַנְּלוּיִם עֲלֵיהֶם וְלֹא יַעֲבֹרֵה לְהַנִּיחַ עִשִׂים אֵת שְׁנֵי הַיָּמִים הָאֵלֶּה כְּכַתְּבָם וְכִזְמָנָם בְּכָל-שָׁנָה וְשָׁנָה: 28

28 וְהַיָּמִים הָאֵלֶּה נִזְכָּרִים וְנַעֲשִׂים בְּכָל-דְּוֹר וְדוֹר מִשְׁפָּחָה וּמִשְׁפָּחָה מְדִינָה וּמְדִינָה וְעִיר וְעִיר וַיִּמְי הַפְּרוּרִים הָאֵלֶּה לֹא יַעֲבֹרוּ מִתּוֹךְ הַיְהוּדִים וְזָכְרָם לֹא-יִסּוּף מִזֵּרְעָם: 29

29 וְתִכְתֹּב אֶסְתֵּר

א. ב. 22
א. ב. 23
א חס. 24
א חס. 25
א חס. 26

настойчивостью, чтобы исполняли это новое письмо о Пуриме; **30** и послали письма ко всем Иудеям в сто двадцать семь областей царства Артаксерксова со словами мира и правды, **31** чтобы они твердо наблюдали эти дни Пурим в свое время, какое установил о них Мардохей Иудеянин и царица Есфирь, и как они сами назначали их для себя и для детей своих в дни пощения и воплей. **32** Так повеление Есфири подтвердило это слово о Пуриме, и оно вписано в книгу.

10 Потом наложил царь Артаксеркс подать на землю и на острова морские. **2** Впрочем, все дела силы его и могущества его и обстоятельное показание о величии Мардохея, которым возвеличил его царь, записаны в книге дневных записей царей Мидийских и Персидских, **3** *равно как и то*, что Мардохей Иудеянин *был* вторым по царе Артаксерксе и великим у Иудеев и любимым у множества братьев своих, *ибо* искал добра народу своему и говорил во благо всего племени своего. [И сказал Мардохей: от Бога было это, ибо я вспомнил сон, который я видел о сих событиях; не осталось в нем ничего неисполнившимся. Малый источник сделался рекою, и был свет и солнце и множество воды: эта река есть Есфирь, которую взял себе в жену царь и сделал царицею. А два змея — это я и Аман; народы — это собравшиеся истребить имя Иудеев; а народ мой — это Израильтяне, воззвавшие к Богу и спасенные. И спас Господь народ Свой, и избавил нас Господь от всех сих зол, и совершил Бог знамения и чудеса великие, какие не бывали между язычниками. Так устроил Бог два жребия: один для народа Божия, а другой для всех язычников, и вышли эти два жребия в час и время и в день суда пред Богом и всеми язычниками. И вспомнил Господь о народе Своем и оправдал наследие Свое. И будут праздноваться эти дни месяца Адара, в четырнадцатый и пятнадцатый день этого месяца, с

торжеством и радостью и весельем пред Богом, в роды вечные, в народе Его Израиле. В четвертый год царствования Птолемея и Клеопатры Досифей, который, говорят, был священником и левитом, и Птолмей, сын его, принесли в Александрию это послание о Пуриме, которое, говорят, истолковал Лисимах, *сын* Птолемея, бывший в Иерусалиме.]

הַמֶּלֶכָה בַּת־אַבְיָתָר וְיִמְרְדָבָי הַיְהוּדִי אֶת־כָּל־תְּקֵף לְקַיֵּם אֵת
 אַגְרֹת־הַפְּוִרִים הַזֹּאת הַשְּׁנִייתִי: 30 וַיִּשְׁלַח סִפְרַיִם אֶל־כָּל־הַיְהוּדִים
 אֶל־שֶׁבַע וְעֶשְׂרִים וּמֵאָה מְדִינָה מְלֻכּוֹת־אֲחֻשׁוּרוֹשׁ דְּבַר־יְשׁוּעָה
 וְאַמֶּת: 31 לְקַיֵּם אֶת־יְמֵי הַפְּוִרִים הָאֵלֶּה בְּזִמְנֵיהֶם כַּאֲשֶׁר קָיָם עֲלֵיהֶם
 מְרַדְבָּי הַיְהוּדִי וְאַסְתֵּר הַמֶּלְכָּה וְכַאֲשֶׁר קִיְמוּ עַל־נַפְשָׁם וְעַל־
 זְרַעֲם דְּבַר־הַצְּמֹזוֹת וְזַעֲקָתָם: 32 וּמֵאֲמֵר אֶסְתֵּר קָיָם דְּבַר־הַפְּוִרִים
 הָאֵלֶּה וְנִכְתָּב בַּסֵּפֶר: פ

10 וַיִּשֶׁם הַמֶּלֶךְ אֲחֻשׁוּרֹשׁ מִסַּעֲדָה אֶת־הָאָרֶץ וְאֵיִי הַיָּם: 2 וְכָל־10
 מַעֲשֵׂה תִקְוָה וְנִבְרָתוֹ וְיַפְרֹשֶׁת נִדְרֹת מְרַדְבָּי אֲשֶׁר נִדְּלוּ הַמֶּלֶךְ
 הַלְוֵאִים כְּתוּבִים עַל־סֵפֶר דְּבַר־הַיָּמִים לְמַלְכֵי מְדִי וּפְרָס:
 3 כִּי מְרַדְבָּי הַיְהוּדִי מִשְׁנָה לְמַלְכָּה אֲחֻשׁוּרֹשׁ וְנִדְּלוּ לַיְהוּדִים וְרָצוּ
 לְרֹב אֲחֵיו דְרָשׁ טוֹב לְעַמּוֹ וְדָבָר שְׁלוֹם לְכָל־זְרַעוֹ:

סכום הפסוקים
 של ספר קטו
 וחציו ותען אסתר ותאמר
 וסדרים ה

Семинар 1

Рис. 1. Древо Иессево. Миниатюра из Псалтири королевы Мэри. Англия, между 1310–1320 гг. Британская библиотека. Royal 2 B VII f. 67v

Рис. 2. Деталь

Рис. 3. Деталь. Иессей

Рис. 4. Деталь. Давид и пророки

Рис. 5. Деталь. Соломон (?)

Рис. 6. Художник круга Хуана де ла Корта. Авигаль (Авигея) перед Давидом. Сер. XVII в. Холст, масло. 66x110 см. Собрание Банка Сантандер, Мадрид

Рис. 7. Симон де Вос. Авигаль приносит Давиду дары. 1641. Медь, масло. 65x86 см. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Рис. 8. Рембрандт. Вирсавия. 1654. Холст, масло. 142х142 см. Лувр, Париж

Рис. 9. Давид и Вирсавия. Миниатюра из часослова. Франция, ок.1500. Британская библиотека. King's 7 f. 54

Рис. 10. Давид и Вирсавия в постели. Миниатюра из Псалтири королевы Мэри. Англия, между 1310 и 1320. Британская библиотека, Royal 2 B VII f. 57

Семинар 2

Рис. 1. Дочь фараона находит младенца Моисея. Миниатюра из «Золотой Агады». Каталония, первая пол. XIV в. Британская библиотека, Additional 27210, f. 9.

Рис. 2. Дочь фараона находит младенца Моисея. Витраж Йоркского собора, Англия. XV в.

Рис. 3. Деталь. Дочь фараона

Рис. 4. Деталь. Младенец Моисей

Рис. 5. Младенец Моисей бросает корону фараона в огонь. Миниатюра из псалтири королевы Мэри. Англия, между 1310–1320 гг. Британская библиотека, Royal 2 B VII, f. 23v

Семинар 2

Рис. 1. Юдифь и её служанка убивают Олоферна. Рельеф палаццо подесты в Нарни (Италия). XIV в.

Рис. 2. Фасад палаццо подесты в Нарни

Рис. 3. Лукас Кранах Старший. Юдифь с головой Олоферна. Ок.1530. Масло, дерево. 89,5x61,9 см. Музей Метрополитен, Нью-Йорк

Рис. 4. Сандро Боттичелли. Возвращение Юдифи. Ок.1472. Масло, дерево. 31x24 см. Галерея Уффици, Флоренция

